This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

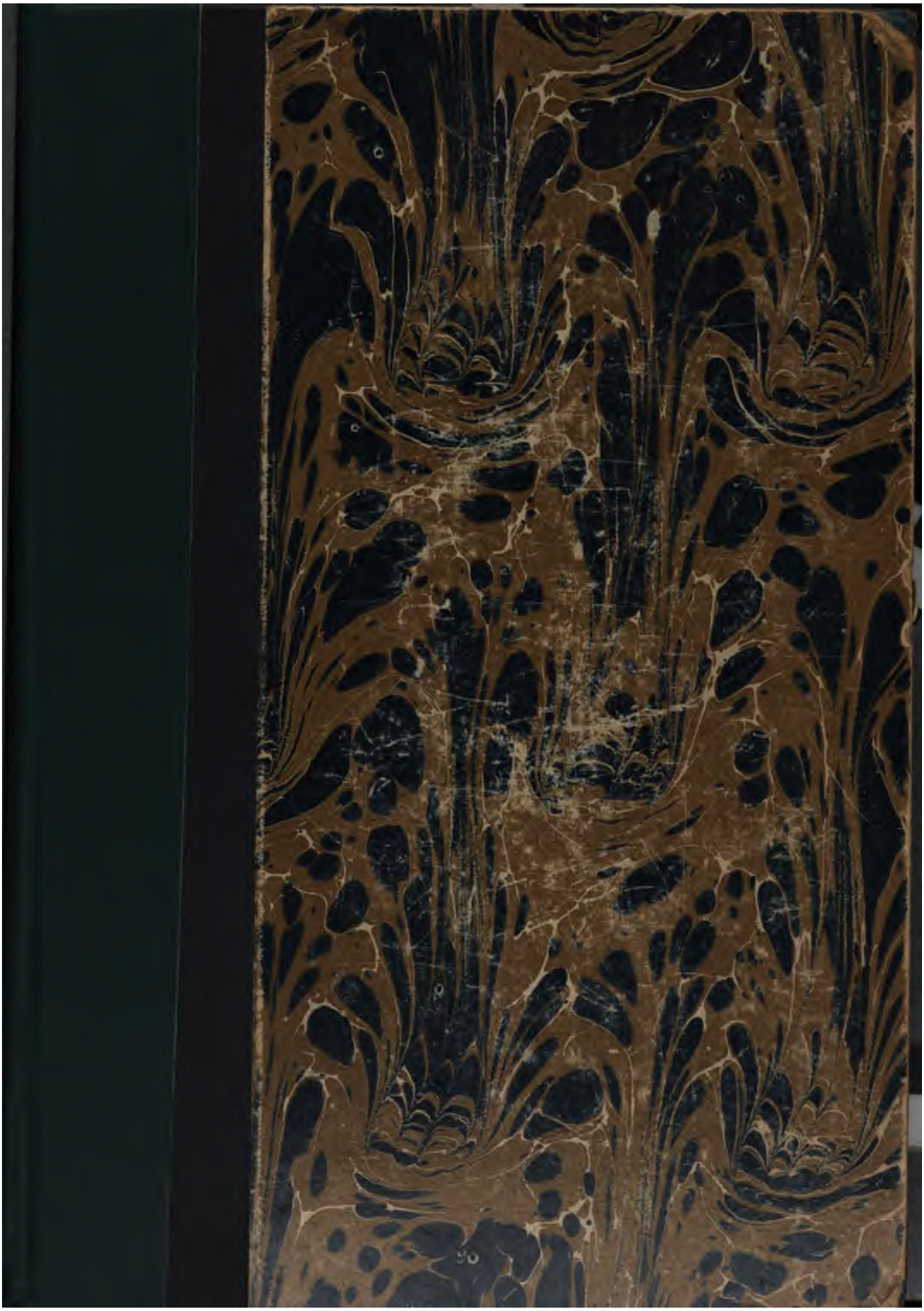
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

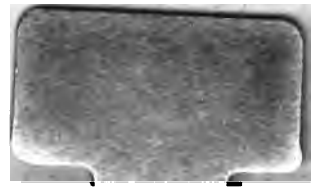
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

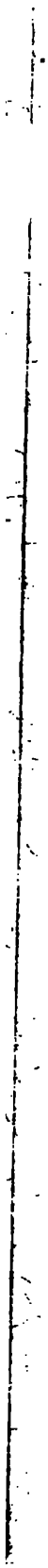
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES





2439

СОЧИНЕНІЯ

Графа Петра Ивановича

Капниста.

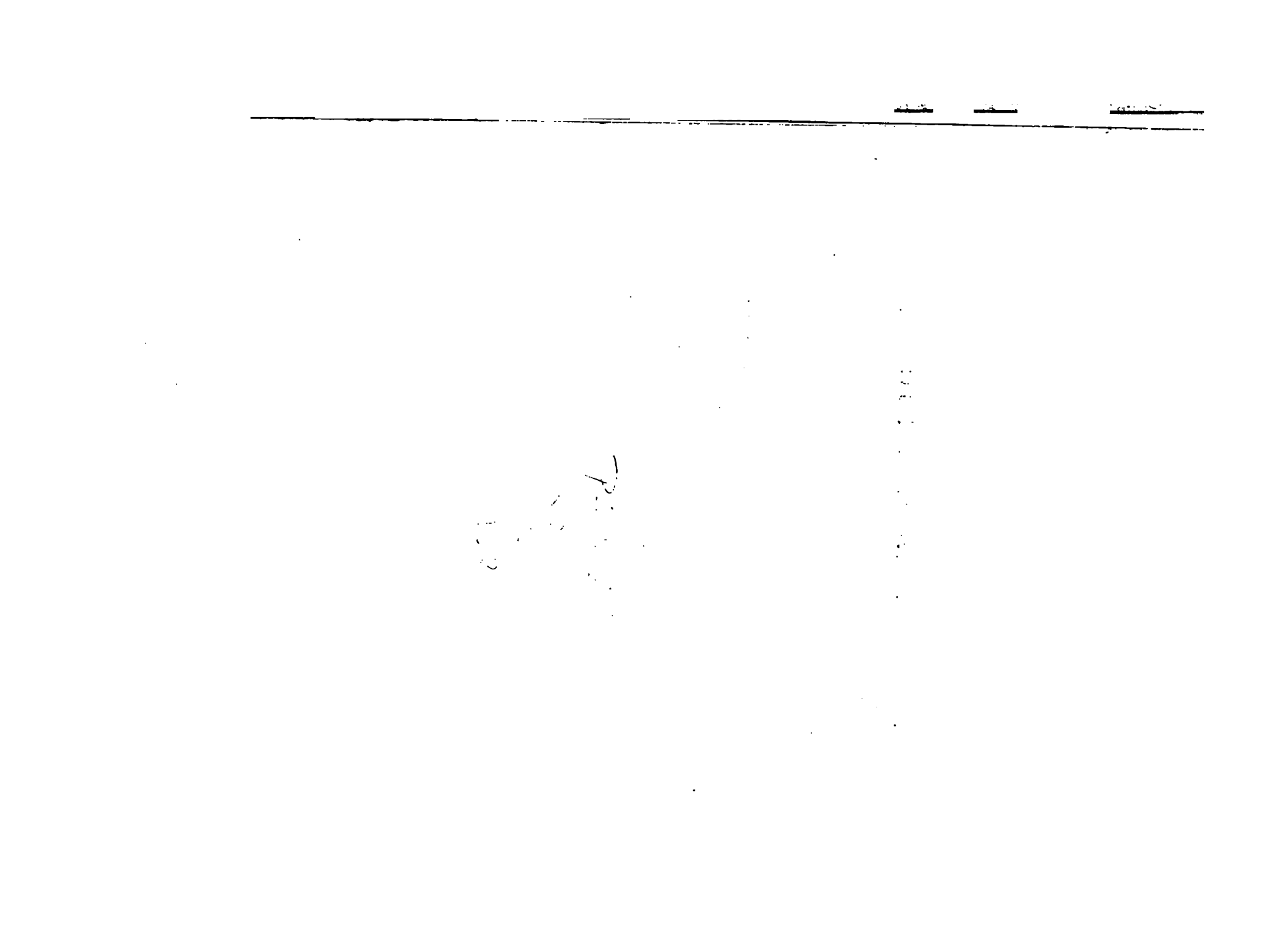
СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА П. И. КАПНИСТА.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, ПРИМѢЧАНІЯ, ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ОТЪ 1854—1864 Г., СТАТЬИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
1901.



ПРИМѢЧАНІЯ

къ трагедіи Сен-Марсъ

ХАРАКТЕРИСТИКИ и ЗАМѢТКИ.

ЛЮДОВИКЪ XIII.

Людовикъ XIII родился 27-го сентября 1601-го года отъ Маріи Медичи и Генриха IV. Въ дѣтствѣ онъ былъ окруженъ блестящимъ, но развратнымъ дворомъ; съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ непріязненно относиться къ своимъ незаконно-рожденнымъ братьямъ и сестрамъ; возненавидѣлъ распущенность нравовъ, сдѣлался меланхоличнымъ, подозрительнымъ, скрытнымъ, и безпощаднымъ въ своихъ сужденіяхъ о тѣхъ, кого считалъ своими врагами или врагами отца своего и государства. Генриха IV онъ боготворилъ; къ Маріи Медичи, предпочитавшей ему младшаго сына Гастона, онъ питалъ менѣе искреннее чувство. Убійство Генриха IV, Равальякомъ, на вѣки запечатлѣлось въ сердцѣ Людовика; онъ сталъ безпощадно карать все, что могло-бы ограничить его власть или угрожать ей. Храбрый на войнѣ,—въ дѣлахъ онъ былъ крайне нерѣшительнымъ. Подозрѣвая всѣхъ, онъ поддавался лишь тому,—кто казался ему связаннымъ съ нимъ, общими интересами.

„Ни блескъ, ни удобства не окружали его. Его приглашенія никому не льстили. Самъ онъ производилъ впечатлѣніе болѣзненности [1]), слабости и трусости. Начиная говорить, онъ заикался. Онъ обладалъ нѣкоторыми отрицательными добродѣтелями. Ничтоженъ и бѣденъ былъ охотничій замокъ, который онъ построилъ для себя *въ Версали*. Если онъ и оказывалъ предпочтеніе какой либо дамѣ, то отношенія его къ ней всегда оставались чистыми. Любилъ охоту, но и она никогда не мѣшала ему бывать у обѣдни или присутствовать въ совѣтѣ министровъ. Онъ былъ свободенъ отъ страстей. Только къ военному дѣлу чувствовалъ пристрастіе съ самой юности". (Курсъ Всеобщей Исторіи Вебера. т. III. стр. 314).

---

[1]) У Людовика XIII лицо было длинное, темнаго цвѣта, блѣдное, усы черные. Онъ носилъ сѣрую шляпу съ большимъ страусовымъ перомъ.

Въ дѣтствѣ Людовику XIII-му преподавали: музыку, рисованіе, танцованіе, дѣтскія игры: бить въ барабанъ, трубить въ рогъ; никогда не преподавали ему обязанностей человѣка и короля; „seulement il y eut, une chose qu'il sut tout de suite, c'est qu'il n'était pas le maître et qu'il voulait être, lui qui ne le fut jamais. (Moret.“) [1]).

Людовикъ XIII учился мало. Онъ не умѣлъ ни хорошо читать, ни правильно писать. Въ письмахъ его много орографическихъ ошибокъ, почеркъ неровный, приносящій вообще мало чести профессорамъ сына Генриха IV.) Marius Topin. Louis XIII et Richelieu).

Въ важныхъ случаяхъ другіе за него писали и онъ училъ наизусть, что̀ говорить, но и при этомъ конфузился и заикался... Онъ любилъ поучать своихъ приближенныхъ.—Марія Медичи во время регенства (съ Кончини) принимала всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ Людовика XIII ничтожество, слѣпое орудіе своего властолюбія.

Людовикъ не разъ пробовалъ избавиться отъ этой тиранніи: пробовалъ даже бѣжать, но это не удавалось. Наконецъ вмѣстѣ съ де́-Люинемъ и съ Витри онъ составилъ заговоръ противъ Кончини, маршала д'Анкра; это ему удалось.

Озлобленію Людовика слѣдуетъ приписать жестокое обращеніе съ семьей Кончини. Людовикъ съ дѣтства ожесточается и привыкаетъ принимать участіе въ интригахъ и заговорахъ. Де-Люинъ ссорилъ Людовика съ матерью (*Paul Phélypeaux de Pontchartrain Mémoires 1617*).

Базенъ, (Basin) въ своей „исторіи Людовика XIII, увѣряетъ, что даже послѣ убіенія маршала д'Анкра, король былъ такъ мало умственно развитъ, что онъ находилъ развлеченіе въ такихъ занятіяхъ какъ: разрисовывать картинки, бить въ барабанъ, трубить въ рогъ и пускать брызги воды изъ трубочки сдѣланной изъ пера.

Эти странныя привычки и позже его не покидали.

Людовикъ XIII, ставши королемъ плелъ шнурки, дѣлалъ кожанные чехлы, сѣти, самопалы, деньги, варенье; сажалъ

[1]) Только одно сейчасъ-же стало ему ясно, это то̀ что онъ не повелитель, хотя и желалъ имъ быть,—онъ которому никогда не удалось повелѣвать.

горохъ, за которымъ очень ухаживалъ и потомъ посылалъ продавать на рынокъ; умѣлъ и любилъ шпиговать говядину и исполнялъ это въ присутствіи всего Двора; любилъ бить въ барабанъ, трубить въ рогъ, охотиться съ соколами и кречетами; игралъ на мандолинѣ и разъ, принялся брить придворныхъ. (*Таллеманъ*).

Людовикъ XIII при своей несамостоятельности не могъ обойтись безъ чьего-либо руководства. Мѣсто д'Анкра занялъ де-Люинъ; онъ достигъ званій герцога и конетабля, но вскорѣ умеръ. ***Топенъ*** (**Marius Topin**) въ нѣсколькихъ словахъ описываетъ дѣятельность послѣдняго: „онъ наноситъ удары, или скорѣе онъ направляетъ руку, которая ихъ наноситъ ненавистному маршалу д'Анкру. Онъ призываетъ вновь нѣкоторыхъ министровъ Генриха IV, онъ сдерживаетъ Испанію, защищаетъ Италію, поддерживаетъ Пьемонтъ; возобновляетъ союзъ съ Англіей. Онъ энергично сопротивляется дворянству и обезсиливаетъ его передъ Монархіей. Преждевременная смерть похищаетъ его у Людовика XIII-го который его цѣнилъ и довѣрялся ему безграничнo“ [1]). Не трудно понять почему недовѣрчивый вообще король, такъ вѣрилъ де-Люину, а въ послѣдствіи—Ришелье. Врожденная ему вражда къ испанцамъ и къ ***дворянству*** находила могучую опору въ томъ и въ другомъ.

Духовникомъ короля былъ сперва отецъ Арнӯ—іезуитъ, а потомъ отецъ Сюффренъ тоже іезуитъ; они имѣли сильнѣйшее вліяніе на него такъ какъ онъ былъ суевѣрно набоженъ. Черезъ этихъ духовниковъ, между прочимъ, дѣйствовалъ Ришелье.

Тайна почему Людовикъ XIII такъ упорно держался Ришелье, заключается въ томъ: что послѣдняго всѣ ненавидѣли, что король считалъ его „своимъ человѣкомъ“ и думалъ: „Si je meurs,—cet homme est perdu“. (*Если бы я умеръ,—этотъ человѣкъ потерянъ*). Самое вѣрное объясненіе истинныхъ чувствъ Людовика XIII къ Ришелье, изложено въ слѣдующихъ словахъ Авенеля: „мы не можемъ не разъяснить читателю съ особеннымъ стараніемъ интимныя подробности, мало извѣстныя историкамъ, или

---

[1]) **М. Топенъ. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 43.**

на которыя они слишкомъ мало обратили вниманія, но тѣмъ не менѣе кажущіяся и намъ очень важными, чтобы возстановить вѣрный взглядъ, и опровергнуть неточныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Людовика XIII-го къ своему министру. Людовикъ XIII не чувствовалъ къ Ришелье никакой наклонности, по заслуги его онъ оцѣнялъ съ рѣдкою проницательностью, и въ концѣ концовъ онъ инстинктивно привязался къ нему, какъ привязываются ко всему тому, что поддерживаетъ нашу жизнь. (*Avenel: Papiers de Richelieu. t. IV p. 575*)

Слѣдовало-бы прибавить къ этому мнѣнію Авенеля, еще инстинктъ деспотизма въ Людовикѣ XIII, заставлявшій его такъ поступать.

Ла – Рошфуко, Г-жа де-Мотвиль, Кардиналъ де-Рецъ, Монглà, Бріѣнъ, Бейль (Bayle) Гриффэ, Сисмонди, Базенъ, Карнэ, Мишьлэ, Гизо́, Авенель, всѣ авторы мемуаровъ того времени, всѣ лучшіе французскіе историки, единодушно утверждаютъ что Людовикъ XIII *не любилъ* Ришелье.—„*Не изъ любви къ нему возвышалъ его король*; но вольному стушеванію короля передъ своимъ министромъ была другая причина,—необходимость въ которой находился Людовикъ XIII, поставить монархію внѣ всякихъ на нее поползновеній. Люинь, Кончини, Мазарини и Ришелье, при концѣ жизни были ненавидимы всѣми, тогда какъ надъ ихъ ненавистной памятью, возвышался все болѣе и болѣе неоспоримый и всѣми чтимый авторитетъ королевской власти. (*М. Тонен. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 45*).

Сознаніе, что кардиналъ врагъ дворянства и феодаловъ, а потому сильнѣйшая опора абсолютизма, заставляло Людовика дорожить имъ, часто навѣщать его, и писать ему, не разъ: «*Служите мнѣ такъ вѣрно, какъ служили до сего времени и я поддержу Васъ противъ всѣхъ вашихъ враговъ*». Онъ его называлъ „mon cousin“. (*М. Тонен Люд. XIII и Ришелье*).

Но, не смотря на всѣ эти увѣренія, Ришелье не переставалъ трепетать; онъ окружалъ короля шпіонами, духовниками, фаворитами, чтобъ не ускользало отъ него ни одно слово Людовика. Онъ часто думалъ, что ему грозитъ опала. Своей вѣрной проницательностью онъ долженъ былъ чувствовать,

что король можетъ круто и внезапно отнять у него свое довѣріе, *такъ какъ ничто не указывало, что довѣріе это будетъ вѣчное.* (*Авенель*). *Avenel. Lettres et papiers d'Etat de Richelieu. Introduction p. CI,*

Межъ ними не было ни благосклонности, ни дружбы, говоритъ Капфигъ: „это были просто два ума одинаково холодные, одинаково разсудительные, которые оказывали другъ другу помощь. (*Капфигъ: Ришелье Мазаринъ и Фронда*).

Къ тому-же, Людовикъ былъ очень скрытенъ. Его духовникъ, іезуитъ Коссенъ (le P. Cossin) такъ отзывался о немъ: „онъ не говоритъ всего, что думаетъ; онъ не знаетъ чего онъ хочетъ;—онъ не хочетъ всего того что можетъ".

Ришелье ввелъ Сен—Марса къ королю, какъ юношу красиваго, ловкаго и храбраго, чтобы доставить ему развлеченіе. Онъ такъ-же надѣялся: „что эта игрушка, которую онъ дастъ королю" (*„que ce joujou qu'il donnait au roi",— по словамъ Ла—Мейлерэ*), будетъ вѣрно передавать ему, кардиналу, всѣ слова, всѣ замыслы Людовика. Но Сен—Марсъ навлекъ на себя злобу Ришелье тѣмъ, что онъ рѣшительно отказался предавать Людовика [1]) и унижаться передъ кардиналомъ. Онъ не соглашался быть шпіономъ.

Людовикъ XIII глупо привязался къ Сен-Марсу [2]).

„La froideur de Cinq Mars, ses rebuffades, le simple oubli d'écrire dans ses absences fesait pleurer le roi" — Coujur: de Cinq Mars. Basserie [3]). Король сталъ высказывать Сен - Марсу жалобы на кардинала, а кардиналу писалъ, жалуясь на Сен-Марса. Пока Ришелье надѣялся привязать къ себѣ молодаго д'Эффіа онъ его мирилъ съ королемъ; но какъ только онъ замѣтилъ, что король готовъ отличить его и даже ввѣрилъ ему полкъ молодыхъ дворянъ, во время сраженія подъ Аррасомъ,—а съ другой стороны, когда увидѣлъ, какъ въ Сен-

---

[1]) *Mésières:* Préface de la Coujuration de Cinq Mars par Basserie.

[2]) La vèritè est que M-r le Grand estait las de la ridicule vie que le Roi menoit, et peut estre encore plus de ses caresses. (Tallemant. Historiettes. t I, p. 451).

[3]) Холодность Сен—Марса, его грубые отказы, его пренебреженіе къ перепискѣ съ королемъ, во время отсутствія, заставляли плакать короля (Бассери. Заговоръ Сен—Марса стр. 45).

Марсѣ развивалось тщеславіе подъ вліяніемъ его любви къ Маріи де Гонзаго, кардиналъ перепугался не на шутку. *„Le joujou du roi“*. — (Игрушка, данная имъ королю) могъ сдѣлаться его соперникомъ. Людовикъ XIII зналъ о ненависти Сен-Марса къ Ришелье и о ненависти Ришелье къ Сен-Марсу. Тѣмъ не менѣе онъ не сдерживался, пересказывалъ имъ оскорбительныя сужденія одного о другомъ, и однажды, негодуя на Ришелье, сказалъ Сен-Марсу: „что кардиналъ держитъ его въ невыносимой неволѣ и что онъ желалъ-бы, чтобы возникла во Франціи партія противъ Ришелье, какъ возникла партія противъ бывшаго правителя маршала д'Анкра“. *Сборникъ документовъ Авенеля* (*„Recueil d'Avenel“*).

Разсказываютъ также, будто Людовикъ XIII намекнулъ Абрагаму Фаберу, о своемъ желаніи, чтобы Ришелье былъ убитъ, Фаберъ отказался. *(Барръ)*.

Не смотря на то, что король нравственно способствовалъ возбудить въ Сен-Марсѣ мысль о заговорѣ противъ Ришелье онъ является безпощаднымъ, какъ только узнаетъ изъ устъ кардинала о трактатѣ съ Испаніей. Тутъ затронуты двѣ его страсти: ненависть къ Испаніи, и страхъ увидѣть вновь феодаловъ, возстающихъ противъ единства Франціи,—противъ его власти, противъ его абсолютизма. Во время казни Монморанси, Людовикъ (конечно не по собственному побужденію, а настроенный Ришелье) отвѣтилъ маршалу де Брезе, просившему его взглянуть въ окно и проникнуться участіемъ народа: „Si je voulais suivre les différentes inclinations d'un peuple, je n'agirais pas en roi“ [1]). (*De Poutis Mémoires*).

Такимъ-же неумолимымъ является онъ къ судьбѣ своего любимца Сен-Марса. Онъ его всецѣло приноситъ въ жертву своему эгоизму и страху, который вселяетъ кардиналъ въ его робкую душу. Но какъ только Сен-Марсъ казненъ на 23-мъ году своей блестящей, но тяжелой жизни,—какъ только смерть свергаетъ кардинала, съ піедестала, который онъ самъ себѣ воздвигъ изъ эшафотовъ,—Людовикъ во время болѣзни, передъ смертью, наступившей нѣсколько мѣсяцевъ послѣ—смерти кардинала, говоритъ князю де Кондэ,—со слезами, съ рыда-

[1]) *„Если бы я слѣдовалъ разнымъ колебаніямъ народа, я не поступалъ-бы какъ король“*

ніемъ, о томъ какъ онъ не могъ утѣшиться, что позволилъ казнить Монморанси,—что монархи не мало переносятъ страданій изъ-за невозможности добиться истины; что имъ выставляютъ подозрительными тѣхъ, кто имъ дорогъ и что ихъ принуждаютъ противъ воли къ слишкомъ строгимъ мѣрамъ. (*Ле-Лабуреръ: смот. Бассери, заговоръ Сэя-Марса стр. 304*).

Когда князь Кондэ посовѣтывалъ королю помиловать и призвать обратно всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы жаловаться на его несправедливость, король, по свидѣтельству Оливье д'Ормессона, отвѣтилъ князю: „я это сдѣлаю съ радостью; меня только силой заставляли дѣлать зло, и нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который-бы страдалъ пять или шесть лѣтъ какъ я, отъ насилія и тиранства кардинала". Послѣ этихъ словъ князья Вандомскіе, Витри, графъ де Бассомпьеръ, де Бельгардъ и д'Эстрэ' были помилованы и призваны ко двору. (*Дневникъ Оливье д'Ормессона*).

Нѣкоторые новѣйшіе историки, какъ напримѣръ, Топенъ (Topin) утверждаютъ, что король не жалѣлъ Сен-Марса, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни своего любимца, онъ сталъ его преслѣдовать, бранить и удалять. Это правда, но слѣдуетъ припомнить, какъ Ришелье всѣми силами старался обвинять свою жертву, чернить въ глазахъ короля, передавая ему, извращенныя слова Сен-Марса [1]). Притомъ самъ же Топенъ замѣчаетъ: „что Людовикъ XIII не переставалъ во всю свою жизнь жертвовать своими любимцами". *Il n'a cesse d'immoler ses préférences". (Topin. Louis et Richelieu. p. 108).*

Онъ также безмолвно и сухо отнесся къ удаленію въ монастырь M-elle de la Fayette, [2]) въ которую былъ влюбленъ,— какъ къ смерти Сен-Марса. Не долго до заключенія Сен-Марса въ тюрьму, онъ говорилъ ему: «*такую голову не снимаютъ съ плечъ, а цѣлуютъ*». (Avenel).

Однако, изучая характеръ короля, можно замѣтить, что

---

[1]) *Смот. письмо Ришелье къ де Ноайэ изъ Тароскона 4-го іюля 1642 г. отвѣтъ Шавиньи*

[2]) Онъ объяснялъ что такое любовь страстная и что значитъ любовь возвышенная, сравнивая M-elle de Hautefort и M-elle de la Fayette: для первой онъ сочинялъ танцы, гавоты, — для второй церковную музыку.

онъ часто, повидимому весьма епокойно и холодно, говорилъ о томъ, что принималъ въ сущности очень близко и горячо къ сердцу. Не рѣдко онъ дѣлалъ это, чтобы удобнѣе вывѣдать подробности и всѣ обстоятельства, интересовавшаго его дѣла. *(Топенъ. Люд. XIII и Ришелье стран. 268 и стр. 185).*

Можно полагать, что преобладающая черта въ характерѣ Людовика XIII, былъ узкій и страстный деспотизмъ,—ревниво оберегающій свою неограниченную власть, и этой чертой слѣдуетъ объяснить всѣ его личныя дѣйствія и уклончивыя измѣненія, на которыхъ основана трагедія.

АРМАНЪ ДЮ ПЛЕССИ, КАРДИНАЛЪ РИШЕЛЬЕ.

Арманъ дю Плесси, впослѣдствіи Герцогъ де Ришелье, родился въ 1585 году. Онъ не принадлежалъ къ высокому роду хотя и былъ дворяниномъ. Его не считали знатнымъ человѣкомъ, — *homme de qualité*;—отсюда во многомъ—ненависть Ришелье къ высшему дворянству [1]). Еще молодымъ, онъ съумѣлъ такъ ловко дѣйствовать, что Марія Медичи и ея любимецъ Кончини замѣтили его, и онъ былъ назначенъ въ 1615 году духовникомъ,—„*aumonier*“, королевы-матери, а въ 1616-мъ, онъ принималъ участіе въ министерствѣ Маршала д'Анкра въ званіи „*secrétaire d'Etat pour la guerre et l'intérieur*“ (статсъ-секретаря военныхъ и внутреннихъ дѣлъ). Послѣ убійства Маршала д'Анкра (1617 г.) Марія Медичи была сослана въ Блуа, а Ришелье, въ санѣ епископа люсонскаго, долженъ былъ оставить государственную службу и слѣдовать въ изгнаніе, за королевой матерью. Въ теченіи своего невольнаго досуга онъ занимался сочиненіемъ „*Наставленія Христіанамъ*“. Но уже въ Іюнѣ 1617 года,

[1]) Tallemant des Reaux. Historiettes. t. I p. 372.

Ришелье удаляется отъ королевы-матери, и узнавъ, что духовникъ короля, отецъ Арну, въ ссорѣ съ нѣкоторыми протестантами, онъ не теряя времени и случая пріобрѣсти такого вліятельнаго друга, пишетъ другое сочиненіе, въ которомъ заступается за духовника короля. Онъ не преминулъ посвятить эти строки Людовику XIII. Когда же Марія Медичи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дворянами, опять возстаетъ противъ Де-Люина, когда Франціи угрожаютъ вновь междоусобицы,—король, вѣроятно подъ вліяніемъ отца Арну, призываетъ ко двору епископа Люссонскаго, въ виду примиренія съ Маріей Медичи. Хотя Ришелье, у котораго роялистскій образъ мыслей былъ наслѣдственнымъ, устроилъ это примиреніе между матерью и сыномъ,—хотя и пріобрѣлъ себѣ этимъ *кардинальскую шляпу* и возвратился на государственную службу,—но безпорядки не прекращались.

Благодаря протекціи королевы-матери и благопріятному о немъ мнѣнію короля,—Ришелье, вступилъ въ государственный совѣтъ въ 1624 году.

Восемнадцать лѣтъ сряду онъ пользовался почти диктаторской властью, въ цѣломъ краѣ и при дворѣ, хотя король никогда не любилъ его, а королева и дворянство *постоянно* искали его низвергнуть и затѣевали противъ него безконечный рядъ заговоровъ и интригъ. Но не такъ-то легко было низвергнуть перваго министра. „Ришелье который не переставалъ бояться, чтобы его враги путемъ интриги не отняли бы у него благосклонности короля“ [1]) пользовался своими приближенными какъ шпіонами [2]); они передавали ему все, что дѣлалось, говорилось или писалось при дворѣ, духовники короля и королевы а также слуги Людовика XIII и Анны Австрійской, часто бывали наушниками кардинала. Извѣстно какъ его взбѣсило, что король, по желанію Сен-Марса, удалилъ своего камердинера Ла Шенэ [3]) бывшаго также шпіономъ приставленнымъ,

---

[1]) Marius Topin. Richelieu et Louis XIII. p. 149

[2]) Таковы были Леонъ Бутилье де Шавиньи незаконный сынъ кардинала, канцлеръ Сегье, Графъ де Рошфоръ, Г-нъ де Сент-У, де Ноайэ, отецъ Жозефъ, Ла Шенэ и пр. и пр.

[3]) Таллеманъ т. II стр. 97 и Бассери, заговоръ Сен-Марса отъ 33 стран. до 39.

чтобъ слѣдить за королемъ и за оберъ-шталмейстеромъ. Ловкій кардиналъ употреблялъ при случаѣ и женщинъ: мемуары XVII вѣка упоминаютъ о томъ, что неразъ оказывали Ришелье подобныя услуги извѣстныя красавицы — Марьонъ де Лормъ, и Нинона де Ланкло.

Заговоры не удавались, а заговорщиковъ казнили, не обращая вниманія на прежнія услуги, оказанныя ими Франціи. Чѣмъ знатнѣе и древнѣе былъ родъ возставшихъ дворянъ или феодаловъ,—тѣмъ безпощаднѣе, относился къ нимъ кардиналъ. „Ришелье хотѣлъ, чтобы монархія во внутренней своей жизни представлялась-бы какъ высшая администрація, слѣдящая за общимъ порядкомъ, т. е. за равнымъ исполненіемъ закона всѣми гражданами безъ различія рода или званія. Не изъ пристрастія или предубѣжденія желалъ этого Ришелье,--не имѣя,—писалъ онъ ни любви, ни ненависти не къ кому, — а только желая примѣнить ко всѣмъ мѣру строгаго правосудія. Тѣмъ не менѣе, съ первыхъ дней призванія его къ министерской дѣятельности, начинается его борьба съ дворянствомъ и продолжается до самой его смерти. Интриги, заговоры, возстанія то и дѣло грозили его жизни и его власти, а также авторитету короля и покою Франціи. Онъ сталъ безпощадными мѣрами укрощать эти мятежи. Ришелье часто повторялъ королю, что ничего нѣтъ хуже, какъ наказывать для примѣра людей низшаго сословія, которые, по его словамъ, есть растенія не бросающія тѣни вокругъ себя, но вельможъ, которыхъ можно отличать, когда они поступаютъ хорошо, слѣдуетъ подчинять строжайшей дисциплинѣ". Конечно, кардиналъ имѣлъ право наказывать виновныхъ, но слѣдуетъ жалѣть, что онъ слишкомъ сурово пользовался этимъ правомъ; что иногда, напоминая жестокость Людовика XI, онъ придавалъ правосудію видъ мести, что изъ плахи онъ дѣлалъ опору правосудія. (*Bazin. Histoire populaire de la France*).

Король жертвовалъ своими подданными кардиналу, не изъ чувства привязанности къ послѣднему, а изъ боязни:—рука занесенная на перваго министра, могла, — думалъ онъ, ограничить и его права! Вотъ собственныя его слова послѣ ареста герцога Вандомскаго (незаконнорожденнаго сына Генриха IV, и брата Людовика XIII) „je dois la protection á ceux qui me

servent avec affection et fidélité, comme fait monsieur le cardinal; *et si je n'ai soin de faire punir les entreprises qui se font contre sa personne, il sera difficile que je trouve des ministres pour prendre soin de mes affaires avec le courage et fidélité qu'il fait*" [1]). *Топенъ: Люд. XIII и Ришелье ст. 373.*

Послѣ извѣстной „Journée des Dupes,—дня обманутыхъ"—Ришелье казнитъ маршала де Марильяка; маршала де Бассомпьера заключаютъ на 12 лѣтъ въ Бастилію, а брата Марильяка удаляетъ изъ Франціи.

Въ 1631 году, Ришелье предлагаетъ королю выбрать одно изъ двухъ: или удалить королеву — мать, или же позволить ему, кардиналу, выйдти въ отставку. Король, нелюбившій Марію Медичи выбираетъ изгнаніе своей матери. И какое изгнаніе! „Она скиталась изъ одного мѣста въ другое. Ее *выгнали* изъ Англіи какъ католичку. Въ Голландіи и во Франціи, ей не было чѣмъ платить своимъ немногимъ служителямъ. Часто умоляла она короля о помилованіи, но видя, что ея сынъ остается непоколебимымъ, она унижалась до просьбы къ кардиналу,—облагодѣтельствованному когда то ею любимцу, времень регенства. Но теперь, у нея не было болѣе опаснаго какъ онъ врага, при дворѣ, и въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни, нищета ея поражала окружающихъ. Незадолго до ея смерти многіе, въ Кёльнѣ, видали какъ она показывала всѣмъ желающимъ, свои изорванныя одежды, свою пустую комнату безъ мебели; вдова Генриха IV, бывшая Французская Регентша, мать короля, имя котораго было извѣстно заграницей, женщина имѣвшая четырехъ дѣтей, каждый, изъ которыхъ занималъ престолъ въ Европѣ,—умерла покинутая всѣми, въ убогой гостинницѣ, въ пустой комнатѣ, не будучи увѣрена, что ея долги будутъ уплачены. (*Топенъ. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 392.*

Но этихъ жертвъ было еще мало для Ришелье. Въ 1626

---

[1]) „Я долженъ оказывать защиту и покровительство, тѣмъ, кто мнѣ служитъ преданно и вѣрно, какъ напримѣръ Ришелье. Вѣдь если бы я не сталъ карать за враждебные противъ него замыслы,—то мнѣ было бы трудно найти министра, который хотѣлъ бы заниматься моими дѣлами съ такой преданностью и съ такимъ мужествомъ, какъ онъ".

году онъ требуетъ казни графа де Шалэ, въ 1632 г. падаетъ на плахѣ голова Монморанси; въ 1641,—послѣ битвы у рѣки Марфэ, и побѣды графа де Суассона, которая чуть не стала роковой для величія кардинала,—графъ де Суассонъ пораженъ убійцей, подосланнымъ Ришелье. Наконецъ въ 1642 г. долгій рядъ казней заканчивается трагической смертью Сен-Марса и де-Ту.

Внѣшняя политика кардинала шла такъ-же удачно, какъ, и внутренняя. Онъ стремился разширить и округлить Францію (для чего добивался ослабленія) Габсбурговъ; почти что на смертномъ одрѣ, онъ съ гордостью писалъ, добившись своей цѣли: *„Il faut que l'Italie sente aussi bien que tous les autres états de la maison d'Autriche, que le chapelet d'Espagne est défilé“* [1]) (5 Novemre 1642. Gasette de France. Relation de la prise de la ville et du chateau de Verrue). До этого, онъ обезпечилъ *войной за Мантуанское наслѣдство*, вліяніе французовъ въ Италіи; въ 1626 году, по Монсонскому трактату, онъ возвратилъ Италіи—Вальтелину, на которую претендовали Испанцы съ цѣлью соединить герцогство Миланское и Тироль. На сѣверѣ Франціи онъ отбиваетъ владѣнія у протестантовъ, беретъ обратно островъ Рэ, и въ 1628 году беретъ крѣпость Ла-Рошель; (главный укрѣпленный пунктъ гугенотовъ). Это лишаетъ также безпокойныхъ вельможъ сильнѣйшей изъ ихъ крѣпостей [2]).

Но внутренная борьба съ протестантами не мѣшала Ришелье, быть въ лучшихъ отношеніяхъ съ протестантомъ, Густавомъ Адольфомъ, королемъ Шведскимъ. Они вмѣстѣ силились ослабить Австрію.

Наконецъ всѣ эти войны стали въ тяжесть несчастному французскому народу. Дрались вездѣ: на рѣкѣ Эско, на Рейнѣ,

---

[1]) Надобно дать почувствовать Италіи также какъ и остальнымъ владѣніямъ Австрійскаго дома что Испанскія четки разнизаны. (Газетъ де Франсъ 5 ноября 1642 г).

[2]) Присутствуя на театрѣ войны кардиналъ одѣвался въ одежду мірянъ и военныхъ людей „Камзолъ цвѣта увядающихъ листьевъ, панцырь сѣро-зеленоватой стали. Золотыя кружева повсюду, сабля, пистолеты, шляпа съ перьями“. (Memoires manuscrits de Pontis. Bibliothèque de l'Arsenal).

Альпахъ, въ Пиренеяхъ. Въ 1642-мъ году, Ришелье добивался устроить съ Испаніей, естественныя границы, удержать проходъ черезъ Альпы и побороть вліяніе Австріи на Италію, а особенно дать Рейнъ Франціи.

Король поѣхалъ черезъ Ліонъ и Нарбону съ цѣлью покорить Руссильонъ и окончить осаду Перпиньяна. *Partout ce n'était que larmes, prières, supplications. Le peuple des campagnes taillable et corvéable à merci criait famine, et haissait le Cardinal, qu'il accusait de tout ses maux* [1]).

Но кто-бы могъ успѣшно противится ему? Для того, ***чтобы поднять и усилить значеніе королевской власти***, Ришелье, во первыхъ, ослабилъ гугенотовъ, а во вторыхъ, сломилъ могущество дворянъ и независимаго должностного сословія; онъ окончательно пересталъ созывать *Etats-Généraux*, (общія собранія государственныхъ чиновъ). Нѣкоторые новѣйшіе историки считаютъ Ришелье предвѣстникомъ свободы французскаго *народа*. Казнями дворянъ онъ пріобрѣлъ себѣ въ ихъ глазахъ, какъ бы духовное родство съ извѣстными дѣятелями Террора. Даже Augustin Thierry, какъ будто облекаетъ его въ этотъ образъ: Но не *буржуазію*-ли скорѣй освободилъ и выдвинулъ Ришелье? [2])

„Nous, qui avons recueilli le fruit lointain de ses veilles et de son dèvouement patriotique, nous ne pouvons que nous incliner devant cet homme (le ministre—roi) *de révolution* par qui ont été préparées les voies de la Societé nouvelle". (*Aug Thierry. tiers-Etats* [3]).

Казнями и униженіемъ феодаловъ и дворянъ, кардиналъ думалъ достичь совершенно иной цѣли нежели равенства лю-

---

[1]) „Повсюду слышались рыданья, мольба, прошенія. Крестьяне, все сельское населеніе, которое произвольно облагалось оброками и повинностями, голодало и ненавидѣло кардинала—по мнѣнію народа,—виновника всѣхъ бѣдствій". *д'Авенель: Ришелье и Самодержавіе стр. 240,—246, II и Капфиг: Ришелье, Мазарини и Фронда.*

[2]) Смотр. Топенъ: Людовикъ XIII и Риш. стр. 405. „*La bourgeoisie substituée à la noblesse*".

[3]) Мы, которые пользуемся плодами его бдѣній и его преданности отечеству, не должны ли мы преклонятся передъ этимъ *человѣкомъ революціи*, передъ министромъ—королемъ, который подготовилъ путь новымъ уставамъ, новому обществу". (*Третіе сословіе Августина Тьери*).

дей, или свободы народа. „Avait *il, rêvé le bien du peuple*“? пишетъ *Moret*: [1]) “Le peuple était bétail et il n'avait jamais songé à s'en inquiéter. Avait il songé à celui de la nation?.. Oui, mais pour lui la nation disparaissait devant le roi. *Il avait pensé au roi,* voilà tout *mais surtout à lui même*“. Если бы кардиналъ былъ предвзятымъ врагомъ дворянства, и заступникомъ за народъ, онъ могъ бы, своимъ вліяніемъ на короля, способствовать созванію *Etats-Généraux,* что предавало абсолютизму видъ либеральнаго правленія. Въ 1614 г. когда въ послѣдній разъ были созваны *Etats-Généraux,*—Ришелье принималъ въ нихъ участіе, будучи выбранъ депутатомъ. Нужды народа, налоги, жалкое его положеніе представляли широкое поле дѣйствія; Etats-Généraux 1614 года предложили вопросъ объ уменьшеніи оброковъ, которые тяготѣли надъ мѣщанами и крестьянами. Но Арману дю-Плесси, епископу Люссонскому, и въ голову не приходило играть ту роль, которую впослѣдствіи же хотѣли приписать ему позднѣйшіе историки. Интересно также замѣтить, что именно Людовикъ XIII, переставъ созывать эти соборы послѣ 1614 года; а когда они собрались вновь, послѣ царствованій Людовика XIV и Людовика XV, они преобразились въ грозную „*Assemblée nationale* [2]) гдѣ революціонеры осуждали монархію, оставшуюся передъ ними *одинокой*, *безъ опоры дворянства*.

„Transformer la noblesse guerrierè en noblesse civile contenir l'esprit factieux, développer *l'esprit public,* discipliner sans détruire, réformer et non démolir, tel était le problème difficile que pouvait résoudre un ministre tout puissant“ [3]) пишетъ д'Авенель. Такой

---

[1]) Мечталъ-ли онъ о народномъ благѣ?—Народъ представлялся ему стадомъ, и онъ никогда не думалъ безпокоиться о немъ. Думалъ ли онъ о благѣ націи? Да,—но для него нація исчезала передъ властью короля. Онъ часто думалъ о королѣ, но болѣе всего думалъ о самомъ себѣ. *Морэ.*

[2]) Народное собраніе.

[3]) Преобразовать воинственное дворянство въ дворянство гражданское, сдержать воодушевленіе партій—развить общественный духъ, дисциплинировать не разрушая, вводить реформы не ломая прежняго строя—такова представлялась трудная задача, которую могъ бы рѣшить всемогущій министръ. (*Викомтъ д'Авенель: Ришелье и самодержавіе стр. 134. II часть*).

системой Ришелье могъ-бы вести Францію къ настоящей свободѣ... но онъ о ней не думалъ; изъ всѣхъ дурныхъ стремленій и безразсудствъ различныхъ партій во Франціи, изъ слабости Нѣмецкой Имперіи и изъ неспособности Испаніи, онъ съумѣлъ составить себѣ родъ капитала, который онъ употреблялъ для достиженія неограниченности королевскаго самодержавія. Онъ былъ абсолютистъ совершенно въ смыслѣ Макіавелли. „Онъ былъ одновременно, — великій политикъ, — и хитрецъ до глубины души“ (*Морэ*) „и какъ всегда случается съ людьми неискренними, — умъ его былъ смѣлый, а сердце робкое. Такъ какъ онъ поборолъ не мало затрудненій, чтобъ дойти до высшаго достоинства,—то ему было свойственно преувеличивать опасности, которыя грозили низвергнуть его. Однимъ взглядомъ онъ измѣрялъ путь ведущій къ цѣли,—другимъ, пропасть разверзнутую подъ его ногами“. (*Топенъ. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 75*).

Топенъ,—издатель многихъ писемъ Людовика XIII-го къ своему министру, — говоритъ еще о Ришелье, что въ немъ часто замѣчали минуты полнаго ослабѣванія воли и упадка духа. Такъ напримѣръ, послѣ бурнаго разговора съ королемъ и Маріей Медичи въ Луврѣ, онъ думалъ—что его постигнетъ опала, но узнавъ что Людовикъ XIII даетъ перевѣсъ его рѣчамъ «*Онъ перешелъ вдругъ отъ глубокой грусти къ порывамъ самой пылкой радости*» [1]) (*Людовикъ XIII и Ришелье М. Топена, стр. 77*).

Съ начала до конца его могущества, Ришелье мучится вѣчнымъ призракомъ опалы и насильственной смерти.

Въ 1642 году,—(годъ казни Сен-Марса),—кардиналъ хуже прежняго страдалъ отъ подобныхъ опасеній.

„До приговора Сен-Марса и даже послѣ его казни, кардиналъ изнемогалъ отъ постояннаго страха опалы. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ неминуемѣе казалась ему пагубная развязка, т. е. немилость короля. Это нравственное головокруженіе, постигшее его съ той поры, какъ онъ занималъ высшую должность,—это, порабощеніе разсудка одной посто-

[1]) „Ce ministre passa tout à coup d'une extrême tristesse à tous les transports de la joie la plus vive“.

янной мыслью, мало по малу точило его дни. Тотъ, кто держалъ въ своихъ мощныхъ рукахъ всѣ живыя силы націи,—потерялъ покой. Ночи его протекали безъ сна, въ вѣчной тревогѣ; ему казалось, что онъ каждую минуту долженъ защищать свою жизнь отъ какихъ-то мнимыхъ убійцъ [1]). Преданныя слуги сторожили у всѣхъ дверей его дворца. Когда онъ ѣздилъ къ королю, эти слуги провожали его до самыхъ королевскихъ хоромъ;—тѣмъ не менѣе онъ сталъ требовать, послѣ казни Сен-Марса, чтобъ король отослалъ пять офицеровъ своей охраны, (Тревиля, Тильядэ, Дез-Ессара и проч.), которыхъ Ришелье подозрѣвалъ въ заговорѣ противъ него. Людовикъ XIII, знавшій что эти подозрѣнія не вѣрны, противился требованію своего министра. Тогда Ришелье изъявляетъ желаніе удалиться въ свою губернію,—въ Гавръ. Король уступаетъ кардиналу и жертвуетъ ему своими офицерами. (*М. Топенъ. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 395*).

У великаго политическаго дѣятеля было въ характерѣ не мало мелочности. „Онъ не умѣлъ оставаться равнодушнымъ, даже къ самымъ легкимъ укорамъ своихъ враговъ. Подъ часъ, раны, нанесенныя его самолюбію, были для него такъ-же тяжелы, какъ, въ другихъ случаяхъ, важныя политическія неудачи". (*М. Топенъ. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 114*).

Говорятъ, что ненависть Ришелье къ даровитому и благородному молодому де-Ту происходила отъ того, что кардиналъ не могъ простить *отцу*, послѣдняго, нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ имъ въ его сочиненіи, и въ которыхъ президентъ де-Ту разоблачалъ пороки одного родственника великаго министра [2]).

Когда, во время процесса Сен-Марса, принцъ Кондэ пріѣхалъ навѣстить кардинала въ Валансъ, и передалъ ему, что онъ видалъ въЛіонѣ приверженца Ришелье, -Канцлера Сегьера, который, не смотря на все свое желаніе угодить Ришелье, не могъ найти достаточныхъ уликъ, и сомнѣвался въ

---

[1]) *М. Топенъ Людовикъ XIII и Ришелье, стр. 393 и 394.*

[2]) „Il ne put jamais demeurer insensible même aux piqûres les plus légères de ses ennemis et les blessures de l'amour—propre furent parfois non moins douloureuses à l'homme que les plus graves mécomptes au politique". (M. Topin. Louis XIII et Richelieu).

возможности приговорить де-Ту къ смерти,—кардиналъ озлобленно сказалъ принцу Кондэ: [1]) ***«пусть Г-нъ Канцлеръ говоритъ что ему угодно,—а надо чтобъ де-Ту умеръ»***. (*Бассери. Заговоръ Сен-Марса, стр. 186*).

Кардиналъ не былъ чуждъ и зависти. Извѣстно, что онъ стремился стать законодателемъ французской литературы; онъ основалъ Французскую Академію, писалъ для театра самыя посредственныя сочиненія, и „объявлялъ всѣмъ, что онъ любилъ заниматься *только* поэзіей".

Когда онъ работалъ надъ сочиненіемъ своихъ пьесъ, онъ не принималъ никого. Одно время онъ покровительствовалъ Корнелю, но вскорѣ, видя что ***«Сидъ»*** болѣе нравится публикѣ нежели ***«Мирама»*** или *„Grande pastorale"*,—онъ сталъ ему завидовать и съ презрѣніемъ говорить о геніи великаго писателя [2]). Не умомъ только, но и пышной обстановкой, старался кардиналъ превзойти дворъ и дворянство. Въ Парижѣ ему принадлежалъ Малый Люксембургъ; онъ выстроилъ себѣ, еще ***Пале-Рояль***, на которомъ красовалась крупная надпись: *Palais-Cardinal*. Сверхъ того, у него былъ еще *Hôtel Richelieu*, а за городомъ,—***здмокъ Рюэль***.—Рюэль было мѣсто отдыха на пути между Лувромъ и Сен-Жерменомъ, и Король могъ останавливаться здѣсь, когда охотился.

Одна серебряная утварь Ришелье,—по его же словамъ, стоила ***одинъ милліонъ, сто тысячъ сто ливровъ***.

Кардиналъ выбиралъ себѣ пажей только межъ сыновьями графовъ и маркизовъ. (***Викомтъ д'Авенель. Ришелье и самодержавіе. Т. II р. 10***).

Кардиналъ, слѣдившій за роскошью одежды у дворянъ, и желавшій упростить ее, самъ не пренебрегалъ богатыми одеждами [3]).

---

[1]) „Monsieur le Chancelier a beau dire il faut que m-r de Thou meure". Кардиналъ узнавъ вскорѣ послѣ своего выѣзда изъ Ліона что Сен-Марсъ и де-Ту казнены, сказалъ съ довольнымъ видомъ: „какъ и де-Ту? Канцлеръ Сегье снялъ съ меня тяжелое бремя". *Бассери. Заг. Сен-Марса стр. 250.*

[2]) *Таллеманъ*: *„Исторіетки"*, *т. 1 стр. 436 и 437 смот.* разговоръ кардинала съ Дэмарэ, и примѣчаніе на той же страницѣ.

[3]) *Бассери. Заговоръ Сен-Марса, стр. 16.* „Кардиналъ не иначе показывался народу какъ весь въ шелку и въ кружевахъ". Также смот.

Народъ негодовалъ, видя роскошъ кардинала—министра, сравнивая ее съ бѣдностью и угнетеніемъ, въ которую самъ былъ поверженъ наростающими ежегодно—налогами.

„Surcharger les peuples de gens de guerre, disait Richelieu, avant de prendre en main le gouvernement c'est aliéner entiérement les coeurs et perdre la force principale du prince, qui consiste en l'affection de ses sujets"—„N'empêche,—примѣчаетъ д'Авенель—„que chaque année sous son ministère, les peuples eurent à payer des impôts de guerre de plus en plus durs" [1]).

Дворянство негодовало, между прочимъ, на Ришелье за то, что онъ запрещалъ дуэли подъ угрозой смертной казни. Онъ обезглавилъ графовъ де-Шапелля и де-Буттевилля за нарушеніе этого закона. Уже Генрихъ IV понималъ зло поединковъ и объявилъ ихъ преступленіемъ въ оскорбленіи величества. Но хорошо понимая также духъ времени, онъ сдѣлалъ уступку тѣмъ что позволилъ оскорбленнымъ обращаться къ нему лично или къ коннетаблямъ и маршаламъ Франціи, которые могли разрѣшить драться.—Ришелье же издалъ указъ просто о казни за дуэль. „En ceci comme dans le reste, le grand cardinal reprit la pensée du grand roi, mais en y mettant du sang, ce que le Béarnais n'eut jamais fait". (Histoire populaire). [2])

Ришелье также навлекъ на себя ненависть дворянъ приказомъ разрушать старинные замки, укрѣпленія ихъ, и башни.

въ *Таллеманъ „Historiettes" т. I стр. 423.* „Кардиналъ принялъ Маріону въ первый разъ у себя, въ роскошной одеждѣ На немъ было сѣрое атласное платье съ золотыми и серебряными кружевами; онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и съ перьями на шляпѣ. Она приходила къ нему въ мужскомъ платьѣ.

[1]) „Обременять народъ излишними налогами, для содержанія военныхъ людей (войска) — значитъ, для монарха, лишить себя благосклонности своего народа и главной своей силы, которая состоитъ въ любви къ нему его подданныхъ"... *(Мемуары Ришелье т. I стр. 260).* Говорилъ Ришелье, недостигшій еще власти".—Но эти слова, замѣчаетъ Виконтъ д'Авенель не помѣшали Ришелье, *ставшему министромъ*, каждый годъ взымать съ народа все болѣе и болѣе тяжелые военные налоги".—*(Виконтъ д'Авенель. Ришелье и самодержавіе т. II стр. 203).*

[2]) Въ томъ какъ и во многомъ другомъ великій кардиналъ слѣдовалъ мысли великаго короля, но, не жалѣя проливать кровь, чтобъ установить законъ. Генрихъ IV такъ бы не поступилъ. *(Histoire Populaire).*

„Depuis longtemps,—говоритъ д'Авенель, ces châteaux forts ne servaient plus“ [1]).

Мѣра эта была излишняя; она только озлобляла дворянъ и лишила Францію старинныхъ и характерныхъ украшеній. Срыли почти всѣ крѣпости,—называемыя тогда „maisons fortes“, —а кромѣ того, много домовъ,—изъ за того только, что они были крѣпко построены; самое малое число собственниковъ получило деньги за разворенныя жилища; большинство тщетно требовало вознагражденія за ломку и разрушеніе собственности. (*Мемуары Ришелье. т. I с. 458*).

Послѣ казни Сен-Марса, Ришелье ссылаетъ его мать и брата въ ихъ имѣніе, въ Туренъ, а великолѣпный замокъ казненнаго вельможи, велитъ срыть до основанія. Этотъ замокъ построенный еще до Плантаженетовъ, украшенный фресками семьей Ла-Тремойль (La Trèmoille)—„n'eut pas été désavoué par Vauban lui-même“ — „былъ такъ красиво и хорошо выстроенъ, что самъ Вобанъ неотказался бы отъ него“. Note de l'abbé Chivert. *Замѣтка Шивера, аббата мѣстечка Сен-Марса.*

Ришелье, относившійся съ такой нетерпимостью ко всему, что казалось ему устарѣлымъ образомъ мыслей, самъ, уступалъ во многомъ, слабостямъ своего вѣка. Онъ твердо вѣрилъ въ предсказанія астролога Ла-Бросса и въ астрологію.

Не смотря на свой духовный чинъ онъ былъ почти что въ открытой связи съ M-elle де-Монморанси, съ своей племянницей Маріей де-Виньеро (впослѣдствіи Маркизой де-Комбалѣ, съ М-мъ де-Шонъ, съ М-мъ дю-Фаржи,—и современныя мемуары называютъ даже между любовницами кардинала Маріону де-Лормъ [2]) и Нинону де-Ланкло.

Ришелье, до конца жизни, благодаря своей тонкой проницательности, съумѣлъ сохранить довѣренность короля. Зная его подозрительный характеръ, онъ никогда не скрывалъ

---

[1]) Ужъ съ давнихъ поръ эти крѣпости никому не грозили. *Викомтъ д'Авенель. Ришелье и самодержавіе т. II с. 133 т. I с. 189 и 195.*

[2]) *Таллеманъ: „Historiettes“ т. I стр. 423.* Тотъ же авторъ утверждаетъ, что кардиналъ, любившій женщинъ, хотѣлъ завести *„политическую“* интригу съ королевой Анной Австрійской, а также съ принцессой Маріей де-Гонзаго. Но это ему не удалось *см. стр. 379 и 424 т. I.*

отъ него своихъ памѣреній, плановъ, политическихъ или общественныхъ задачъ;—но это не мѣшало ему такъ обставлять дѣла, въ такомъ свѣтѣ, ихъ показывать,—что онъ и заранѣе не сомнѣвался въ рѣшеніи Людовика XIII, смотрѣвшаго на событія глазами своего перваго министра.

Даже когда Ришелье находился далеко и когда ему была ввѣрена королемъ власть дѣйствовать по своему усмотрѣнію,—онъ не переставалъ извѣщать короля о всемъ, что касалось общихъ интересовъ Франціи. (*М. Топенъ. Людовикъ XIII и Ришелье стр. 109*).

Такимъ образомъ самолюбіе короля не страдало, а кардиналъ,—тѣмъ не менѣе, былъ силенъ.

Но какъ упомянуто выше, Ришелье, своимъ вѣчнымъ страхомъ опалы, самъ сокращалъ дни своей жизни. „Кардиналъ трепеща, чтобъ изъ рукъ его не вырвали бы бразды правленія, высшую власть,—самъ лишаетъ себя этой власти, той вѣчной тревогой, которая ускоряетъ конецъ его потухающей уже жизни". [1]) (*Топенъ Людов. XIII и Ришелье стр. 392*).

Ревностное желаніе приговорить къ смерти Сен-Марса и де-Ту [2]), его путешествіе въ Ліонъ по этому поводу, страхъ,

---

[1]) „Ce pouvoir suprême qu'il redoute tant de se voir arracher, c'est de ses propres mains qu'il va l'anéantir en hâtant encore la fin d'une vie qui s'échappe". Topin.

[2]) Вмѣсто того, чтобы его потребовать къ суду въ Парижскій парламентъ, какъ указывалъ законъ, Сен-Марса судила комиссія, составленная самимъ Ришелье изъ членовъ имъ подставленныхъ. Сен-Марсъ тщетно старался избѣгнуть ихъ приговора, но понявъ, что они ищутъ не правосудія а его смерти, онъ не защищался, не желая „торговаться своей жизнью". Въ его случаѣ, какъ въ случаѣ Монморанси, справедливость приговора затмевается произвольнымъ выборомъ судей, кардиналъ лишаетъ законъ всей нравственной силы, примѣняя его посредствомъ своихъ клевретовъ. (*Викомтъ д'Авенель. Ришелье и самодержавіе*), *томъ I. стр. 201.* Въ судебной процедурѣ, Ришелье, часто чуть не превосходитъ того, что бывало худшаго въ судебной процедурѣ Террора. Въ 1640 году одинъ изъ комиссаровъ, посланныхъ съ Сегье въ Руанъ, чтобы судить предводителей народнаго возстанія *Босоногихъ* (des Nu-pieds), возставшихъ противъ чрезмѣрныхъ, невыносимыхъ, налоговъ, и образовавшихъ нѣсколько шаекъ подъ названіемъ „полковъ страдальцевъ"—„armée de la Souffrance",—писалъ оттуда: „Правосудіе ознаменовалось „казнью пяти мятежниковъ приговоренныхъ къ смерти Канцлеромъ—„однимъ,—безъ судей или засѣдателей, и безъ другихъ формальностей.

чтобъ какъ нибудь его жертвы не были спасены милостью короля,—а послѣ ихъ смерти, новое дѣло объ удаленіи и если возможно о наказаніи смертью пяти подозрѣваемыхъ офицеровъ королевской стражи [1]), опасенія, чтобъ король не сталъ жалѣть объ участи своего любимца, на котораго и послѣ его казни клеветалъ Ришелье,—вотъ, что главнымъ образомъ окончательно потрясло его здоровье. Онъ умеръ 4-го декабря 1642 года, не переживъ и тремя мѣсяцами своихъ послѣднихъ жертвъ,—Сен-Марса и де-Ту.

Замѣтки автора для плана трагедіи.

Ришелье въ первой сценѣ начинаетъ понимать, что Сен-Марсъ совсѣмъ не та ничтожная игрушка, которую онъ полагалъ дать королю для забавы; что Сен-Марсъ не похожъ на де-Люиня, который думалъ больше о себѣ; что честолюбіе Сен-Марса—глубже потому что основано на любви къ Маріи де Гонзаго и на желаніи поддержать дворянство и соединивъ его съ народомъ, сдѣлать изъ него полезный элементъ для государства. Съ другой стороны, Ришелье сталъ понимать, что и обстоятельства времени не тѣ, что были еще недавно. Дворяне непомѣрными казнями и неудачными заговорами стали приходить къ убѣжденію, что безъ союза съ народомъ имъ будетъ плохо, что, соединясь съ народомъ, они

„Самъ-же онъ не видалъ и не выслушивалъ осужденныхъ, не писалъ „никакого протокола,—однимъ устнымъ рѣшеніемъ послалъ ихъ на казнь". *Парижская нац. библіотека колекція Дюпюи (Dupuis) фол: 548—550 7 января 1640 года).* Что можно сказать о томъ кто изъ попранія правосудія составлялъ себѣ принципъ? Противузаконность возведенная въ законъ, вотъ режимъ, который принятъ въ судахъ, со временъ кардинала. Благодаря этому режиму самые справедливые приговоры похожи на *юридическія убійства. Преслѣдованіе преступника именемъ суда болѣе походитъ на личную месть.* Утаивая подсудимаго отъ его естественныхъ судей, какъ это было сдѣлано въ процессѣ Монморанси,—или назначая судей, которыхъ можно подозрѣвать въ пристрастности, (какъ это было въ процессѣ Сен-Марса и де-Ту),—намъ кажется, что Ришелье не наказываетъ виновника, а побѣждаетъ несчастнаго противника. *(Виконтъ д'Авенель Ришелье и самодержавіе т. I стр, 197.*

[1]) Эти офицеры были Ла-Саль, Дэз-Эссаръ, Тильадэ, Тревиль и Бо-пюи.

могутъ принести истинную пользу монархіи; но что монархія, соединясь съ народомъ, черезъ чиновничій деспотическій либерализмъ Ришелье, должна рано или поздно погубить и себя и дворянство и завѣщать власть темнымъ массамъ. Отсюда трагическое положеніе Ришелье. Онъ рѣшается стравить женщинъ, Маріонъ де-Лормъ и Марію де Гонзаго, чтобы погубить Сен-Марса. Въ этомъ отношеніи должна выразиться плутовская сторона прежнихъ дипломатовъ. Ришелье стремится пугать и безъ того безхарактернаго короля,—опасностью оппозиціи дворянъ для его абсолютной власти и для цѣлости Франціи,—а съ другой стороны, запугивать его мученической кончиной его отца Генриха IV-го [1]) выставляя, что будто-бы въ этомъ дѣлѣ во всякомъ случаѣ виновенъ не народъ (который безсмысленно и беззавѣтно преданъ принципу монархіи) а интеллигентные классы, — духовенство, дворянство, Марія Медичи и проч. Онъ пугаетъ короля тѣмъ, что все вокругъ него въ постоянномъ противъ него заговорѣ, начиная съ его брата Гастона. Кардиналъ излагаетъ королю свою систему дѣйствій (см. прилаг. выписку изъ „Succinte narration des grandes actions du roi“ и приводитъ къ тому, что только онъ одинъ, Ришилье,—*сю* человѣкъ. Король отвѣчаетъ, чтобы Ришелье продолжалъ служить ему и Франціи по прежнему, и что онъ поддержитъ его и защититъ отъ всѣхъ враговъ.

Въ сценѣ Ришелье съ королемъ—не забыть начать съ ***подхода*** со стороны Ришелье въ томъ смыслѣ, что онъ старъ, боленъ, и желаетъ удалиться отъ дѣлъ. Когда король говоритъ ему о Сен Марсѣ, Ришелье начинаетъ самъ хвалить Сен-Марса, его умъ, храбрость, преданность, королю, хотя находитъ, что по молодости, пылкости и честолюбію онъ можетъ надѣлать королю и Франціи много бѣды, — доказательство чего—трактатъ съ Испаніей.—Тутъ эффектъ; ужасъ и борьба въ Людовикѣ. Ришелье этимъ пользуется и — гибель Сен-Марса и дворянства рѣшена.

---

[1]) Когда Людовикъ XIII выходилъ, Тревиль, начальникъ мушкатеровъ находился у дверецъ кареты со шпагой въ рукѣ, съ сѣрыми или черными мушкатерами сзади. Изъ этого видно, что впечатлѣніе произведенное на Людовика смертью Генриха IV-го никогда не изгладилось изъ его памяти.

Выписка изъ сочиненія Ришелье: *Succinte Narration des grandes actions du roi.*

(Для монолога Ришелье въ сценѣ съ Людовикомъ XIII).

„Lorsque Votre Majesté se résolut à me donner en même temps entrée en ses conseils et grande part en sa confiance, je puis dire en vérité que les huguenots partageaient l'Etat avec elle, que les grands se conduisaient comme s'ils n'eussent pas été ses sujets, et les plus puissants gouverneurs des provinces comme s'ils eussent été souverains en leurs charges ..

Je puis dire que le mauvais exemple *des uns* et *des autres* était si préjudiciable à ce royaume, que les compagnies les plus réglées se sentaient de leur dérèglement, et diminuaient en certains cas votre légitime autorité, autant qu'il leur était possible, pour porter la leur au de là des termes de la raison.

Je puis dire que chacun mesurait son mérite par son audace; qu'au lieu d'estimer les bienfaits qu'ils recevaient de Votre Majesté par leur propre prix, ils n'en faisaient cas qu'autant qu'ils étaient proportionnés aux dérèglements de leur fantaisie et que les plus entreprenants étaient estimés les plus sages, et se trouvaient souvent les plus heureux

Je puis dire encore que les alliances étrangères étaient méprisées; les intérêts particuliers préférés aux publics; en un mot la dignité de votre majesté royale tellement ravalée et si différente de ce qu'elle devait être par le défaut de ceux qui avaient lors la principale conduite de vos affaires qu'il était presque impossible de la reconnaître. On ne pouvait tolérer plus longtemps le procédé de ceux à qui Votre Majesté avait confié le timon de l'Etat, sans tout perdre; et d'autre part on ne pouvait aussi le changer tout d'un coup, sans violer les droits de la prudence qui ne permet pas qu'on passe d'une extrémité á l'autre sans milieu. Le mauvais état de vos affaires semblait vous contraindre á des résolutions précipitées sans élection de temps et de moyens; et cependant il fallait faire choix en tout les deux, pour tirer profit du changement que la nécessité exigeait de votre prudence.—Les meilleurs esprits, n'estimaient pas qu'on put passer, sans naufrage tous les écueils qui paraissaient en un temps si peu assuré; la cour était pleine de gens qui blâ-

maient la témérité de ceux qui voudraient l'entreprendre; et tous sachant que les princes sont faciles à imputer à ceux qui sont auprès d'eux les mauvais succés des choses qui leur ont été bien conseilleés, si peu de gens se promettaient un bon événement du changement qu 'on publiait que je voulais faire, que beaucoup tenaient ma chute assurée, avant même que Votre Majesté m'eut élevé.

Nonobstant toutes les difficuttés que je représentai á Votre Majesté connaissant ce que peuvent les rois lorsqu'ils usent bien de leur puissance,—j'osai vous promettre sans témérité à mon avis que vous trouveriez remède an désordre de votre Etat, et que dans peu de temps votre prudence, votre force et la bénédiction de Dieu donnerait une nouvelle face à ce royaume.—Je lui promis d'employer toute mon industrie et toute l'autorité qu'il lui plaisait de me donner, pour ruiner le parti huguenot, rabaisser l'orgueil des grands et relever son nom dans les nations étrangères, au point où il devait être.

Je lui représentai que pour parvenir à une si heureuse fin sa confiance m'était tout à fait nécessaire; et que, bien que par le passé tous ceux qui l'avaient servi n'eussent point estimé de meilleurs et de plus sûr moyen pour l'acquérir et pour la conserver que d'en éloigner la reine sa mère, je prendrais un chemin tout contraire, et n'omettrais aucune chose qui dépendît de moi pour maintenir Votre Majesté en une étroite union important a leur réputation et avantageuse au bien du royaume.

Ainsi que le succès qui a suivi les bonnes intentions qu'il a plu à Dieu de me donner pour le réglement de cet Etat justifiera aux siècles à venir la fermeté avec laquelle j'ai constamment poursuivi ce dessein, aussi Votre Majesté sera fidèle témoin que je n'ai rien oublié de ce que j'ai pu pour empêcher que l'artifice de beaucoup de mauvais esprits ne fût assez puissant pour diviser ce qui étant *un* par la nature devait aussi l'être par la grâce. Si après avoir heureusement résisté pendant plusieurs années à leurs divers efforts, leur malice a enfin prévalu, ce m'est une extrême consolation qu'on ait souvent ouï sortir de la bouche de votre Majesté que lorsque je pensais le plus à la grandeur de la Reine sa mére, elle travaillait à ma ruine".

XXVII

Переводъ выписки изъ сочиненія Ришелье: краткій разсказъ великихъ дѣлъ короля.

(Для монолога Ришелье въ сценѣ съ Людовикомъ XIII),

„Когда Ваше Величество рѣшилъ открыть мнѣ доступъ къ Его совѣту, и въ то-же время благоволилъ оказать мнѣ не малую довѣренность,—я по—истинѣ могу сказать, что гугеноты раздѣляли съ Нимъ Его владѣнія, что вельможи вели себя какъ будто они не были Его подданными, а губернаторы провинцій какъ будто они были властелинами, а не исполнителями государственныхъ должностей. .

Я могу прямо сказать, что дурной примѣръ тѣхъ и другихъ былъ такъ опасенъ для этого королевства, что въ самыхъ добропорядочныхъ кругахъ всетаки чувствовалось вліяніе этихъ безпорядковъ, такъ какъ даже благонамѣренныя общества въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по мѣрамъ силъ своихъ, умаляли Вашъ законный авторитетъ, чтобы противупоставить ему превыше благоразумныхъ предѣловъ, свой собственный образъ мыслей.

Я также могу сказать, что тогда, каждый изъ вашихъ подданныхъ цѣнилъ свое достоинство мѣрою своей дерзости, что вмѣсто того, чтобъ заслуживать и съ благодарностью принимать благодѣянія Вашего Величества,—они цѣнили эти благодѣянія на столько—на сколько они отвѣчали ихъ безграничнымъ фантазіямъ; самые неспокойные изъ нихъ считались самыми умными, и бывали часто самыми избалованными судьбой.

Я могу еще прибавить, что заключеніе союзовъ съ иностранными державами были пренебрегаемы, что всѣ болѣе думали о личныхъ нежели объ общихъ интересахъ; словомъ, достоинство Вашего Королевскаго Величества было такъ унижено, такъ не сходно съ тѣмъ каково оно должно быть,—по винѣ лицъ имѣвшихъ тогда главное веденіе дѣлъ въ своихъ рукахъ,—что оно стало даже неузнаваемо. Не теряя всего, было невозможно долѣе переносить образъ дѣйствій тѣхъ, кому Ваше Величество довѣрило корму Государства, а съ другой стороны, было невообразимымъ вдругъ измѣнить все не нару-

шивъ правъ благоразумія, не позволяющихъ переходить отъ одной крайности къ другой, безъ постепенности. Дурное положеніе Вашихъ дѣлъ, казалось заставляло Васъ принять необдуманныя рѣшенія, безъ разбора средствъ и времени,—между тѣмъ, напротивъ, надо было удачно выбрать и то и другое, чтобы воспользоваться перемѣной, которую необходимость требовала отъ Вашего благоразумія. Самые умные люди не предполагали возможности пройдти безъ крушенія мимо всѣхъ подводныхъ камней, которые показывались въ это перемѣнчивое время.

При дворѣ было не мало людей, которые порицали безразсудность того, кто желалъ провести эти преоброзованія; такъ какъ они знали, что Государи легко взыскиваютъ за неблагополучный успѣхъ дѣйствій съ тѣхъ, кто даетъ имъ совѣты,—то не предвидя ничего добраго изъ всѣхъ измѣненій, указанныхъ мною,—многіе были увѣрены въ моемъ паденіи, прежде даже чѣмъ Ваше Величество возвысило меня. Не смотря на всѣ затрудненія, которыя я излагалъ Вашему Величеству, зная насколько властны Короли, когда они умѣютъ хорошо располагать своимъ могуществомъ—я осмѣлился обѣщать Вамъ, и по моему мнѣнію,—безъ чрезмѣрной отваги, что Вы найдете средство противъ безпорядка въ вашихъ владѣніяхъ, и что вскорѣ ваше благоразуміе, Ваша сила и благодать Божья дадутъ новый образъ этому Государству.

Я обѣщалъ Вамъ примѣнить всѣ мои способности, и всю власть которую Вы благоволили дать мнѣ,—*чтобы разорить партію гугенотовъ*, *унизить тщеславіе и поднять* до желаемой высоты славу Вашего имени межъ иностранными народами. Я предъявилъ Вамъ, что для того, чтобы достигнуть такого благопріятнаго исхода, довѣріе Вашего Величества мнѣ было вполнѣ необходимо.

Я зналъ, что всѣ служившіе Вамъ прежде меня,—чтобы достигнуть и сохранить это довѣріе, считали наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ способомъ—удаленіе отъ Вашего благорасположенія Королевы—матери. Я-же избралъ совершенно противуположный путь, и не брезгалъ никакими средствами чтобы возстановить между Вашими Величествами искреннее согласіе,

чего требовала Ваша честь и что могло быть выгодно Государству [1]).

Я надѣюсь, что также какъ и успѣхъ въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ,—вдохновленныхъ мнѣ Господомъ для установленія порядка въ Государствѣ,— оправдывающій передъ будущими вѣками строгость, съ которой я безпрерывно шелъ къ этой цѣли,— такъ и Ваше Величество, будетъ вѣрнымъ свидѣтелемъ, что я ничего не забылъ сдѣлать, никакой мѣрой не пренебрегъ, чтобы помѣшать хитрости многихъ дурныхъ умовъ, желавшихъ разъединить то, что по природѣ и по Божьей милости, должно оставаться единымъ и нераздѣльнымъ. Если-же послѣ многихъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ я счастливо сопротивлялся различнымъ козняхъ, торжество осталось на сторонѣ моихъ противниковъ, я считаю не малымъ себѣ утѣшеніемъ, исходящее и не разъ многими слышанное изъ собственныхъ устъ Вашего Величества мнѣніе,—что въ то время какъ я болѣе всего помышлялъ о величіи Королевы—матери, она старалась подготовить мое паденіе".

ВЫПИСКИ ДЛЯ ТРАГЕДІИ ЗАГОВОРЪ СЕН-МАРСА.

Vicomte d'Avenel: Richelieu et la Monarchie absolue (Виконтъ д'Авенель. Ришелье и самодержавіе).

Расходы и долги Дворянства.

Доходы уменьшаются — расходы увеличиваются. Ришелье въ 1614 г. говорилъ:

„Дворяне на столько бѣдны деньгами—насколько богачи бѣдны честью и отвагой; безденежье мѣшаетъ дворянамъ получить дворцовыя и судебныя должности, такъ какъ этой чести

[1]) Въ этомъ изъясненіи Ришелье очень удаляется отъ дѣйствительности и отъ роли, которую онъ сыгралъ между сыномъ и матерью.

достигаютъ теперь только посредствомъ денегъ, которыхъ у нихъ нѣтъ [1]).

Множество семей принадлежащихъ старинному дворянству, были разорены расходами и опустошеніями во время сорокалѣтней, междоусобной войны. Ихъ имущество перешло въ руки заимодавцевъ.

Во время *тридцатилѣтней войны*, дворяне, чтобы достойно себя поддержать въ арміи, до того раззорились, что одни изъ нихъ подверглись судебному наказанію, а у другихъ конфисковали имѣнія.

Уже при Ришелье начинаютъ громко говорить о бѣдности дворянства, изобрѣтаютъ средства, чтобы воспитывать ихъ сыновей. Не рѣдко упоминается о нуждающихся дворянахъ, которымъ король жалуетъ немного денегъ *„изъ милосердія какъ милостыню“*.

Тѣ изъ дворянъ, которые занимали высшія должности обязаны были (*чтобъ не уронить своей чести*) дѣлать огромныя издержки. Полковникъ, капитанъ, нравственно были вынуждены платить изъ своего кармана своимъ солдатамъ, если этого не дѣлало исправно правительство. Губернаторъ на свой счетъ чинилъ ввѣренныя ему крѣпости.

Маркизъ Брезе продалъ свою серебряную посуду, чтобъ поддерживать Калэ.

Графъ де-Гиркуръ не имѣлъ за душой ничего кромѣ своей шпаги.

Маршалу Габріану подарили карточную фабрику, чтобы было чѣмъ жить.

Герцогъ де-Вилларъ промоталъ въ арміи капиталъ въ 600,000 *экю* и имѣніе въ 60,000 ливровъ.

Дворянство, съ одной стороны, добивалось права заниматься торговлей, съ другой—боялось, чтобы это не считалось предосудительнымъ; — и не смотря на то, что возможность къ этому представлялась, — никто изъ дворянъ не рѣшался ею пользоваться.

Всякій способъ тратить деньги считался благороднымъ и

---

[1]) Томъ II стр. 1.

всякій способъ пріобрѣтать ихъ считался мѣщанскимъ унизительнымъ.

Шабо — (впослѣдствіи мужъ M-elle de-Rohan), проживалъ на хлѣбахъ у г. Гула, секретаря Гастона Орлеанскаго и бралъ взаймы у Таллемана для баловъ, бѣлья и платья.

Чего же было еще ожидать, если изъ за политическихъ компликацій,—мать короля умерла въ Кельнѣ въ нищетѣ и правительство Франціи, не стыдясь, продавало ея мебель и драгоцѣнные камни, чтобы уплатить ея долги.

Домашній обиходъ дворянъ.

Роскошь была занесена въ высшее дворянство изъ Италіи и Испаніи. Сынъ грубаго воина, лигиста или гугенота предпочиталъ внѣшній блескъ — внутренней утонченности. Тотъ, кто считался блестящимъ и щедрымъ, долженъ былъ имѣть, картины, брилліанты, лошадей, собакъ, птицъ, любовницъ; долженъ былъ играть, кутить, великолѣпно убирать свой домъ и понятно—быстро разорялся. Домъ дворянина былъ вродѣ дворца. Отъ главнаго управителя, до послѣдняго лакея,—все грабило и воровало.

Администрацію составляли большое количество персонала.

По духу тогдашняго времени, дворянинъ долженъ былъ обязательно быть *блестящъ и щедръ*. Кромѣ многочисленной прислуги (лакеевъ до 30-ти чел. и проч.) принцы, герцоги, вообще—знать, имѣла еще и военную свиту. У Ришелье было болѣе сорока, однихъ офицеровъ, и кромѣ того много пажей, изъ лучшихъ семействъ. У всей знати тоже были пажи.

У нихъ имѣлись также свои домашніе поэты или „*homme de lettres* [1]). У герцога Лонгевиля — *Шапелень*, — у герцога Монморанси,—*Меретъ*, у герцога де-Гиза—*Корнель*; онъ же получалъ пенсію и отъ Ришелье. Маркизу д'Юкселю такой же писатель обязанъ былъ сочинять любовныя письма. Подобные „hommes de lettres“ сочиняли балеты, увеселенія и пр. и назывались: „*intendant des plaisirs nocturnes*“ [2]).

Смотря по обстоятельствамъ свита дворянъ бывала болѣе или менѣе многочисленна и блестяща.

Двое бѣдныхъ дворянъ, проживавшихъ въ гостинницѣ,—и тѣ условились быть попеременно одинъ у другого въ услу-

[1]) Литераторы.

[2]) „Управляющій ночными развлеченіями“.

женіи. За обѣдами у знатныхъ особъ подавалось до ста блюдъ и обѣды обходились до 10,000 франковъ.

Комнаты роскошно убранныя освѣщались восковыми свѣчами.

Одежда и драгоцѣнныя украшенія.

Людовикъ XIII не любилъ роскоши, ни въ одеждѣ ни въ бѣльѣ. *Анна Австрійская* тоже не имѣла склонности къ роскоши туалета.

Были указы правительства противъ роскошной одежды. Сен-Марсъ имѣлъ 300 (триста) паръ сапогъ. Украшеніе лентами платья, шляпы, шпаги и пр. было въ большомъ ходу. Кружева—тоже.

Перчатокъ изводилось множество и ихъ носили на платьѣ такъ же какъ носовые платки. Римскія перчатки были элегантны; англійскія прочны. Зѐколи былъ портнымъ королевы. Другимъ знаменитымъ портнымъ былъ Томасъ. Знаменитымъ парикмахеромъ былъ Ла-Примъ.

Богатыя женщины носили обыкновенно по три платья, — одно сверхъ другого: „la modeste, la friponne, и la secrète“.

На улицѣ дамы носили маски,—это былъ знакъ высшей аристократіи.

Золото и драгоцѣнные камни украшали въ большомъ количествѣ и мужчинъ и женщинъ.

Насколько военный въ своемъ костюмѣ былъ великолѣпенъ, на столько статскій былъ простъ. [1])

Служившіе въ вѣдомствѣ юстиціи и финансовъ сохранили черный костюмъ, остатокъ среднихъ вѣковъ.

Охота.

Охота;—для нея три особыхъ высшихъ сановника и большіе расходы денегъ.

Танцы, увеселенія и игры.

Танцы; въ нихъ участвуютъ *наравнѣ всѣ* слои общества —отъ короля и королевы до простыхъ дворянъ. Такъ н. *Шабо* сдѣлалъ всю свою карьеру черезъ танцы. Танцовали—сарабанду, *la figurée, la panadelle, la bourrée,* и пр. Особенно же въ ходу были безконечные и на каждый случай сочиняемые *балеты*. Они предшественники *кадриля*. Танцмейстеры (baladins) пользовались огромнымъ вѣсомъ въ обществѣ. *Жакъ—Кордье дк.-Боккань*—танцмейстеръ короля; Антуанъ-Баллонъ—танцмейстеръ королевы.

---

[1]) *Де-Ту долженъ быть таковъ...* (примѣчаніе автора).

Музыка и драматическое искуство—почти не существовали. Театръ едва только еще начинался.

Игра. *Игра* была крайне въ ходу. Борьба изъ за денегъ въ раззорявшемся обществѣ доходила до крайнихъ предѣловъ. Играли *въ примъ, въ триктракъ, въ кинола и въ кости*. Случалось въ игрѣ и шулерство.

Вѣжливость и салоны. При Людовикѣ XIII главными мѣстами увеселенія были: „*Place—Royale* [1]) *и l'île de St. Louis* [2])—какъ теперь Bois de Boulogne и Boulevards.

На Place—Royale, однажды вечеромъ, *de-Ty*, выходя отъ княгини де-Гюэмене, узналъ отъ Сен-Марса о заговорѣ, который привелъ ихъ къ эшафоту.

Пріемная. Спальня свѣтской женщины была тѣмъ, что теперь салонъ. Передняя—antichambre, — была то-же, что теперь зала. „Faire antichambre“ [3]) не считалось обиднымъ.

Манеры. *Реверансы*—безъ конца и смотря по чину и по положенію. Шляпъ мужчины не снимали и въ комнатахъ. Цаловались и обнимались безпрестанно, и мужчины съ женщинами и оба пола между собою. Сперва былъ салонъ де-Басомпіера, тамъ не здравствовались входя и не прощались уходя.

Салоны. Потомъ—салонъ *Герцогини де-Роганъ* à la Place — Roylae. Сен-Марсъ предпочиталъ этотъ салонъ двору.

Салоны: графини де-Суассонъ—Hôtel de-Créquis; *Княгини Кондэ*—Hotel Ventadour. Салонъ Маркизы Рамбульэ.

La Préciosité. La préciosité — правильно изображается, какъ „un engouement éphémère, *dont nul des grands auteurs du siècle n'a été atteint* [4])“. Потому то Hôtel Rambouillet пользуется незаслуженной славой. Знаменитые писатели той эпохи, мало принимавшіе или вовсе не принимавшіе участія въ Hôtel Rambouillet были; *Корнель*, *Де-Картъ*, *Паскаль*, *Малербъ*, *Вуатюръ*, *Бальзакъ*, *Раканъ*, *Скарронъ*. и проч.

Не знаменитые писатели, но имѣвшіе тогда въ Hôtel Rambouillet громкую извѣстность, — суть *Шарль-де-Сен-Морь*,

---

[1]) Королевская площадь.

[2]) Островъ Свят.-Людовика.

[3]) Ждать въ передней.

[4]) Вычурность была временнымъ увлеченіемъ, но котораго избѣжали всѣ великіе писатели XVII столѣтія.

Маркизъ де-Монастье, женившійся впослѣдствіи на знаменитой Жюли де-Скюдери; *Антуанъ Годд*—епископъ Грасскій,—прозванный *„pain de Julie;“ Исаакъ Арно де Корбевиль*—впослѣдствіи маршалъ *Валентинъ Кораръ* — первый безсмѣнный секретарь Академіи. Жанъ Шапеленъ — авторъ поэмы — *La Pucelle.*

Рестораны. Въ Вожирарѣ—ресторанъ „du Petit Maure“ извѣстный своимъ горошкомъ и клубникой. *Въ Сен-Клу*—ресторанъ *Г-жи Ла дю Піе* знаменитый индейками съ трюфелями. Погребъ *дю Тируаръ*—извѣстный мускатнымъ виномъ.

Общіе выводы. Нравы, понятія и языкъ. На границѣ стараго и новаго общества, гдѣ входящій *любезный* гость не рѣдко встрѣчается *съ необтесаннымъ и рѣзкимъ* выходящимъ гостемъ,—*грубость* еще лежитъ въ основаніи нравовъ, тогда какъ красивыя манеры уже служатъ внѣшнимъ украшеніемъ общества. Этимъ, свѣтскій человѣкъ, временъ Людовика XIII, отличается отъ свѣтскаго человѣка временъ Людовика XIV; послѣдній — глубоко учтивъ, добръ, гуманенъ и любитель удовольствій; а первый имѣетъ только внѣшность этихъ качествъ. Но эта внѣшность еще преувеличена и претенціозна; это только *наружность любезности*, которая 30 лѣтъ спустя, уже стала предметомъ насмѣшки.

Женщина обязана была „казаться болѣзненной, быть блѣдной, падать въ обморокъ“; мужчина обязанъ былъ всегда казаться „готовымъ на всякую учтивость“,—щедрымъ на подарки и главное, — „таять отъ любви“. А между тѣмъ, онъ въ тоже время, чуть не прыгалъ на одной ногѣ, размахивалъ шпагой, разстегивалъ пуговицы верхняго платья, кусалъ концы своихъ перчатокъ и постоянно ворчалъ: „смерть моя!“ Интересоваться новостями Двора и войны опредѣлять съ успѣхомъ, — что̀ есть любовь или дружба; ставить *галантный* вопросъ для увеселенія общества; умѣть цитировать разную сладенькую прозу, и стихи; пустить въ ходъ мадригалъ на наслажденіе или стансы на невѣрность, — вотъ въ чемъ заключалась задача блистательнаго разговора въ обществѣ. Тутъ не нужно много изобрѣтательности — но тѣмъ не менѣе,—нужна сноровка.

L'air galant [1]) не требуетъ много ума или знанія, это нѣ-

[1]) Исканно-любезный и молодцаватый видъ.

что столь особенное и такъ трудно пріобрѣтаемое, когда его не имѣешь отъ природы что не знаешь какъ себѣ его придать. Это: *„je ne sais quoi galant,“* о чемъ Мольеръ сказалъ;— „Et jusqu'à:“ —„je vous hais“ tout s'y dit tendrement“. Это: правила вѣжливости, которыя Марія Медичи привезла изъ Италіи. *Galant* [1]) était l'adjectif universel. Оно выражало все: не только человѣка, но книгу, платье, прогулку, карету, проповѣдь, битву;—все могло быть *galant.*

Особенный характеръ нравовъ встрѣчается также и въ слогѣ и въ разговорѣ. Напыщенность и легковѣрность, крайняя деликатность около крайней грубости; строгая церемонность въ внѣшнихъ формулахъ съ чрезмѣрной свободой пера.

„Monsieur и Madame“ употребляется въ разговорѣ какъ единственное обращеніе къ лицамъ высоко-поставленнымъ, къ подчиненнымъ и къ равнымъ; но съ различіями, смотря по тому, къ кому обращаются, т. е. ставятся въ главѣ письма или въ строку и проч. Мужъ и жена пишутъ другъ другу просто Monsieur, Madame. Сынъ — отцу, и обратно, — просто: Monsieur. Одинъ господинъ подписался въ письмѣ къ сыну; Votre trés humble et trés obéissant père“. т. е. „Вашъ смиреннѣйшій и послушнѣйшій отецъ“. При Людовикѣ XIII *высочество*—употреблялось *только* въ отношеніи къ Герцогу Орлеанскому.

Многое въ отношеніяхъ къ домашнимъ своимъ, въ эту эпоху, у дворянина напоминаетъ римскій патронатъ и клієнтуру: прислуга пажи, поэты, художники, музыканты и проч. Вообще,—*domestique*—означало скорѣе: *домашній,* чѣмъ *laquais*—лакей.—Etre à quelqu' un“ [2])—считалось выраженіемъ обыкновеннымъ и не обиднымъ.

Между слугами и господами, не смотря на различіе ихъ положенія, связь была сильная.

При Людовикѣ XIII Дворянство стало оставлять свои старые замки и перебираться, на житье въ города и особенно въ столицу. Этому много способствовалъ Ришелье, преслѣдуя духъ феодализма.

---

[1]) Galant—изысканно любезный, служило терминомъ для всего.

[2]) Принадлежатъ кому нибудь.

Тогда же начинается роскошное убранство комнатъ. Роскошь костюмовъ и вообще одежды, не смотря на все противодѣйствіе Правительства, короля и даже королевы, росла при Людовикѣ XIII еще болѣе чѣмъ прежде.

Роскошь явилась во Францію изъ Испаніи и Италіи, такъ какъ и нравы и обращеніе.

Les belles manières étaient un mélange de respect féodal et de familiarité italienne, avec un grain de cérémonial emprunté aux usages de l'Espagne [1]).

Дворянство только храбро воевало; участія въ дѣлахъ общественныхъ оно не принимало; заниматься частными или экономическими дѣлами не хотѣло и не любило; торговлю презирало. По этому, когда не было войны, дворянство бросалось къ увеселеніямъ, къ охотѣ, къ танцамъ, къ игрѣ.

— Въ то время, какъ высшіе классы, такимъ образомъ, утопали въ раскоши, буржуазія была почти въ бѣдности, а народъ—въ нищетѣ.

Причины упадка Дворянства.

Упадокъ дворянства не должно приписывать *только* Ришелье. Если дворянство пало, то не вслѣдствіе того или другого частнаго событія, того или другого отдѣльнаго лица, — но оно просто стало неспособно управлять. Изъ двухъ главныхъ причинъ, которыя рѣшили паденіе дворянства: *перемѣна нравовъ*, и *дѣйствія Правительства*,—первая причина гораздо важнѣе и могущественнѣе чѣмъ вторая и ея одной было бы вполнѣ достаточно, чтобы погубить феодализмъ".

Сперва дворянство сосредоточивало въ себѣ *двѣ главныя силы* управлявшія всѣмъ: *Право сильнаго и деньги*. Новое общество стало управляться: *деньгами* (богатствомъ) и *наукой*; (литературой) дворянство не имѣло ни того, ни другого и въ этомъ тайна его паденія. Физическая сила у него остается,— но не ведетъ никчему;— богатство дѣлаетъ все,—но оно отъ дворянства ускользаетъ. „*Cedant arma togae.*

[1]) Хорошія манеры того временн, были смѣсью феодальнаго почтенія, Итальянской фамиліарности съ легкой приправкой церемонности заимствованной у Испанцевъ.

„Французскій маршалъ кажется въ наши дни очень доблестнымъ,— но банкиръ имѣетъ гораздо болѣе власти. Потерявъ власть, которая была ему необходима, дворянство сохранило себѣ блескъ славы и только... Время шло, а аристократія оставалась все той же,—храброй и бездѣльной". Царство животной силы есть варварство и оно гораздо ниже царства разума; однако бываютъ достойные похвалы мечи и достойные порицанія умы.

Невѣжда не всегда зло, а ученый не всегда добро; можно злоупотреблять разумомъ также точно какъ и силой. Но благое употребленіе силы есть почти всегда—исключеніе и произволъ, — а не право и не общее правило. Частная сила поблѣднѣла и исчезла передъ общей ***публичной силой***. Рѣшительный ударъ режиму частной силы нанесъ *Сервантесъ* въ своемъ Дон-Кихотѣ.

Просвѣщеніе.

Дворянство было вполнѣ невѣжественно, за весьма немногими исключеніями. *Конетабль Монморанси* былъ человѣкъ возвышенной души, но до того необразованъ, что едва могъ подписать свое имя.—*Виллеруа* — тоже. *Герцогъ де Рогань*— хорошій генералъ,—приписывалъ *Пандекту*—Цицерону. *Самъ Король*, въ этомъ отношеніи, былъ не лучше дворянства. Принцесса Елисавета, сестра Людовика XIII-го, жена Испанскаго короля, была безграмотна.

Одинъ дворянинъ гордо сказалъ *Теофилу*: „Я чиню перо мое—моимъ мечемъ".—„Не удивительно",—отвѣчалъ ему Теофиль,—„что вы такъ скверно пишете".

Невѣжествомъ дворянство превозносилось и хвасталось. Le maréchal *de Châtillon* avait *l'honneur* d'être appelé brutal". [1]) Учености стыдились. Маршалъ *Бирон*ъ, объяснивъ Генриху IV-му греческій стихъ, въ присутствіи гражданскихъ чиновниковъ, (которые не съумѣли этого сдѣлать), убѣжалъ *со стыда*. Писатели третировались свысока, какъ „*писаки*".

Тѣмъ не менѣе, при Людовикѣ XIII, многіе знатные дворяне начинаютъ любить и собирать произведенія современныхъ имъ поэтовъ и писателей.

Ришелье основалъ Французскую Академію, но дворяне и

---

[1]) Маршалъ де Шатильонъ „имѣлъ честь" быть названъ грубымъ.

знатные долго считали униженіемъ принимать въ ней участіе. Самъ Ришелье былъ *только покровителемъ* академиковъ, *а не собратомъ ихъ.*

Преобладаніе богатства. До XVII-го вѣка, деньги не могли такъ удовлетворять вкусамъ и желаніямъ, (за немногими исключеніями), какъ начиная съ XVII-го вѣка. *Вкусы измѣнились* — въ этомъ все дѣло. *Человѣкъ сильный* имѣлъ больше значенія чѣмъ *человѣкъ богатый*—(какой нибудь жидъ, банкиръ, купецъ и проч). Все измѣнилось съ того момента какъ законъ и общественное мнѣніе стали покровительствовать людямъ богатымъ, денежнымъ, наравнѣ со всѣми другими. *Дворянство-же къ своему несчастію, какъ разъ въ это время, начинаетъ утрачивать богатство.*—Вотъ что должно выставить рельефно въ трагедіи, какъ ошибку Правительства *противъ себя самою*: оно лишаетъ себя-же лучшей опоры.

Деньги, оскудѣніе и нравы дворянства. Современный писатель Бальзакъ пишетъ: „къ сожалѣнію слишкомъ вѣрно, что корыстолюбіе и деньги, которыя прежде составляли интересъ банкировъ Генуи и Амстердама и вращались на размѣнныхъ площадяхъ,—теперь стали божествомъ Двора, средствомъ и цѣлью придворныхъ. Слишкомъ вѣрно, что деньгамъ жертвуютъ мыслями, словами, и поступками, что имъ жертвуютъ умомъ, мужествомъ, добродѣтелью, порокомъ, всѣмъ хорошимъ и дурнымъ".

Продажная любовь такъ вошла въ нравы, что отъ герцогини до субретки, продаютъ любовь за деньги. Сама знать не презираетъ такую любовь. Одинъ принцъ Лотарингскій, влюбленный въ Куртизанку, содержанку финансиста, не брезгаетъ стать ея любовникомъ.

Бюджетъ и казнокрадство. Бюджетъ при Людовикѣ XIII увеличился въ огромныхъ размѣрахъ противъ прежняго и всѣ казначеи, сборщики и откупщики податей и налоговъ крали и обогащались немилосердно насчетъ всѣхъ слоевъ населенія.—Откупщики налоговъ были и банкирами, и заимодавцами, и арендаторами Правительства. Честныхъ, а не рѣдко и знающихъ, по этой части людей, не было возможности найдти.

Хранитель печати маркизъ *Шатонефъ*, *Віевиль*, *Бюлльонъ*, *маркизъ де Галлардонъ*, и множество другихъ,—были страшные взяточники. Губернаторы провинцій брали тоже взятки.

Пюжэ страшно обогатился, содержалъ самыхъ красивыхъ женщинъ Парижа и сибаритничалъ безъ границъ. Такой же былъ казначей *Бульэ*-де-Бомарше. (стр. 101 и 102. ч. II).

Герцогъ Орлеанскій постоянно возится съ ними и получаетъ отъ нихъ деньги. — Откупщикъ и взяточникъ *Монторонъ былъ въ великой модѣ;* льстецы зовутъ его великимъ человѣкомъ, пишутъ ему: „Nobilissimus, clarissimus — que vir", и проч., и все, — до булочекъ и сухариковъ, называютъ *à la Montoron*.

Les mèsalliances.

Браки богатыхъ купцовъ и разныхъ *parvenu* [1]) съ вельможами—и обратно входятъ въ нравы. Графъ де Гаркуръ женится на мѣщанкѣ Catherine le Tellier. Внучка казначея Barentin выходитъ за герцога Монморанси-Лаваль, и—множество подобныхъ браковъ.—Буало сказалъ:

„Гордый дворянинъ стѣсняемый бѣдностью
Смиренно ищетъ союза съ человѣкомъ низшаго званія,
Торгуя своимъ драгоцѣннымъ именемъ".

Дошло до того, что самый знатный вельможа не годенъ никому и что онъ зависитъ въ тысячи вещахъ отъ самого послѣдняго холопа„. (Сен-Симонъ—Мемуары).

Все потеряно, говоритъ Монтескіе, когда выгодное ремесло откупщиковъ доходитъ, благодаря ихъ богатству до того, что дѣлается почетнымъ ремесломъ.

Мѣры Правительства способствовавшія къ упадку дворянства: Безмѣрная раздача дворянскаго достоинства.

Съ Лудовика XIII-го каждый богатый становится дворяниномъ (благороднымъ) также какъ въ средніе вѣка - каждый храбрый становится рыцаремъ. Даже вмѣсто термина *anoblir* къ богатымъ мѣщанамъ, возводя ихъ въ дворянство, употребляютъ терминъ: *„réhabiliter"*.

При восшествіи на престолъ Лудовика XIV надѣлали *за деньги* много дворянъ; въ теченіи же царства своего, этотъ государь не рѣдко прибѣгалъ къ этому средству, чтобы поправлять дѣла оскудѣвшей казны: онъ продавалъ по дешевымъ цѣнамъ патенты на дворянское достоинство [1]).

Что могло быть смѣшнѣе и унизительнѣе? — *François*

---

[1]) Выскочка.

[1]) За 6000 ливровъ. Если же покупщиковъ не хватало, то онъ *силой* заставлялъ богатыхъ мѣщанъ покупать это достоинство.

Rachin въ его „Description de l'Europe“ въ 1643 г. насчитываетъ во Франціи пятьдесятъ правильныхъ (*т. е. дѣйствительныхъ*) маркизовъ, 44 графа и 11 виконтовъ.

Сюда не входитъ большое число титулованныхъ-же (и также *дѣйствительныхъ*) въ силу ихъ древности — т. е. qui sont *de maison ancienne* (которые принадлежатъ старинному роду).

Дворянское достоинство можетъ быть даруемо *единственно за особенно важную заслугу оказанную Государству*.

Вмѣсто того, Правительство надѣлало безъ всякой надобности, или *изъ за денегъ*, безчисленное количество дворянъ.

Титулы и знаки отличія сами по себѣ ничего не значутъ, но если монархія отличаетъ ими истинныя заслуги и распоряжается ими мудро,—тогда это получаетъ серіозный смыслъ, выгодный для самой монархіи. Французское Правительство, начиная съ Лудовика XIII, этого не поняло.

Аристократія *служебная* (статская, *гражданская*, чиновная), достигнувъ высокаго положенія и власти въ государствѣ, вмѣсто того, чтобы для своихъ-же цѣлей и выгодъ, соединиться съ древней, родовой *(военной)* аристократіей,—стала во враждебное къ ней отношеніе и обѣ эти аристократіи пали сперва передъ монархіей—а потомъ передъ демократіей.

Чиновники (высшіе и низшіе) въ Парижѣ и въ провинціи, и *само Правительство*, одушевлены самымъ враждебнымъ направленіемъ по отношенію къ аристократіи (т. е. къ дворянству) которая, однако есть привелегированное сословіе, въ Государствѣ. Аристократія съ своей стороны, глубоко презираетъ и ненавидитъ всевозможныхъ чиновниковъ. Народъ примкнулъ къ чиновникамъ и сталъ въ непріязненное положеніе къ аристократіи.

Устраненіе со стороны дворянства отъ обязанностей гражданской службы.

Дворянство желало и стремилось къ тому, чтобы имѣть *политическія права* и оно не разъ заявляло объ этомъ; но когда Правительство было готово это дѣлать, *то дворянство, по недостатку въ немъ серіознаго образованія*, (знанія дѣла), по *раззорѣнію* и распутной жизни и по лѣности, не могло и не хотѣло воспользоваться этимъ, (и въ этомъ его роковая ошибка). Съ другой стороны, — Правительство (и въ этомъ *его* роковая ошибка) не хотѣло благоразумно реформировать

дворянство; на каждомъ шагу пренебрегало имъ, притѣсняло его, разрушало его и главное: — въ силу *феодальнаго* соперничества,—смотрѣло всегда на него съ опасеніемъ и считало *демократическіе* элементы, болѣе чѣмъ дворянство, *своимъ естественнымъ союзникомъ*. Въ этомъ—*главная причина* паденія и дворянства и монархіи во Франціи и торжества — сперва демократіи, а потомъ—революціи и коммуны.

Въ 1627 г. представителя дворянъ (въ Etats Fédéraux) говорятъ Людовику XIII между прочимъ: „Дворянство находится въ болѣе чѣмъ когда либо жалкомъ положеніи и намъ почти невозможно безъ слезъ быть представителями удручающей его *бѣдности бездѣйствія*,—которое его развращаетъ, и притѣсненій, которыя уже довели его почти до отчаянія".

„Какая разница съ Англійской аристократіей гдѣ человѣкъ, носящій благородное имя, или извѣстный великой дѣятельностью, находится всегда во главѣ всѣхъ полезныхъ эволюцій всѣхъ вопросовъ касающихся будущаго страны. Узко связанное своимъ индивидуализмомъ, — Французское дворянство должно было погибнуть и истощиться отъ своей безплодной надменности". *Монталамберъ, Политич. Будущность Англіи. стр. 620.*

До *Людовика* XIII министры большею частью принадлежали къ высшимъ слоямъ, — но они были почти ничто, а аристократія все. Съ Людовика XIV, напротивъ,—министры большею частью—изъ плебеевъ, и они—все,—а аристократія ничто.

Въ виду цѣлой массы причинъ способствовавшихъ къ упадку дворянства,—Правительству слѣдовало *преобразовать* дворянство,—а *пренебрегать имъ* было *не политично* и *опасно*. Можно спорить о полезности наслѣдственнаго дворянства, но каждый согласится, что пока оно законно существуетъ въ государствѣ, пока ему присвоены извѣстныя преимущества,—большая ошибка со стороны Правительства расточать легко и дѣлать для всѣхъ крайне доступнымъ дворянское достоинство. Этимъ король унижалъ дворянское достоинство и дѣлая это изъ небрежности, или по разсчету,—онъ наносилъ тѣмъ самымъ *ущербъ самому принципу Монархіи*

ЗАМѢТКИ О СОБРАНІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ—ЧИНОВЪ.

(Etats Généraux)

Государственные чины „Etats Généraux“ собрались въ Парижѣ 14-го октября 1614 г. въ послѣдній разъ передъ знаменитымъ собраніемъ 1789 г. во время Революціи.

Въ парламентѣ государственныхъ чиновъ 1614 г. ораторъ и президентъ *средняго сословія*—(du tiers-état) *Miron* (Миронъ) ознаменовалъ себя широкими и радикальными требованіями.

Весьма естественно, что весь народъ могъ сильно негодовать на то, что Людовикъ XIII и его пріемники перестали послѣ этого созывать государственные чины.

Въ послѣднемъ (до революціи 1789 г.) собраніе 1614 года *три* главныхъ вопроса были предметомъ раздора между сословіями. 1-е *отмѣна продажности должностей*,—пріобрѣтенныхъ преимущественно богатыми; 2-е *отмѣна пенсій*,—которыя почти удвоились со времени смерти Генриха IX-го и всѣ назначались дворянству, и 3-е *уменьшеніе оброковъ, тяготѣвшихъ на мѣщанахъ и крестьянахъ*. Съ самаго начала обнаружилась сильная вражда межъ среднимъ сословіемъ и дворянствомъ. Обѣ палаты стали походить на два непріятельскихъ стана, караулющихъ свое знамя. Ничего не было оставлено случайности въ отношеніяхъ членовъ межъ собой. Одежда, мѣсто, занимаемое каждымъ изъ нихъ, самыя незначительныя рѣчи, самыя простыя отношенія учтивости, — все было разсмотрено, оспорено и установлено палатами. (*Амедей Тьери. Исторія сред. сословія*).

Духовенство, (пишетъ тотъ же самый историкъ)—примкнуло къ дворянству, такъ какъ среднее сословіе требовало также отмѣны продажи духовныхъ мѣстъ.

Саваронъ, депутатъ Клермонскій, между прочимъ сказалъ въ своей рѣчи: „Дворянство съ давнихъ лѣтъ увѣрено, что ученіе и наука ослабляютъ храбрость; да въ прочемъ, оно мало задумывается надъ тѣмъ, чего достигаютъ трудомъ. Оно предпочитаетъ достигать того, что зависитъ отъ царской милости и что стоитъ только благодарности". — „Дворянство само собой ушло отъ чести,—оно служитъ царю за деньги", (*Августинъ Тьери*).

Когда ораторъ средняго сословія назвалъ дворянъ: ***старшей братьей***, — президентъ дворянъ отвергъ это стремленіе къ братству сказавъ, что между ними разница — лакея, — (слуги), и господина.

Въ протоколѣ средняго сословія, въ статьѣ, подъ заглавіемъ *„De la sûreté des Rois"* вписано пространное ходатайство, что такъ какъ власть короля отъ Бога, то чтобы дворянство и духовенство не имѣло бы ни малѣйшаго участія въ этой власти. (Тутъ, конечно, своего рода ***подходецъ***) и чтобы теорія Божественности, и неприкосновенности королевской власти строго преподавалась бы воспитывающемуся и учащемуся юношеству. ***Миронъ***, ораторъ средняго сословія, заявилъ, что будто-бы дворянство и духовенство соединились для своихъ собственныхъ интересовъ, и что королевская власть можетъ опереться лишь на среднее сословіе: королевство прошло свой послѣдній путь межъ народа. („Ultima per vulgus vestigia fixi").

— „O noblesse, o clergé, les ainés de la France!
Puisque l'honneur des rois si mal vous soutenez,
Puisque le tiers—état en ce point vous devance,
Il faut que vos cadets deviennent vos ainés" [1]).

Въ заключеніе-же, Тіери очень ехидно наивно и многозначительно говоритъ: „такимъ образомъ закончилось собра-

---

[1]) „О дворянство, о духовенство, старшіе сыны Франціи,
„Если вы такъ дурно поддерживаете честь королей,
„Если среднее сословіе васъ превосходитъ въ служеніи монарху,
„Слѣдуетъ чтобы младшіе заняли мѣсто старшихъ".
Histoire du Tiers—Etat. p. 147 (Thiéry. Histoire).

ніе Государственныхъ чиновъ, когда содѣйствіе чиновъ Государству являлось невозможностью, и когда послѣднее изъ этихъ сословій (т. е. среднее), сдѣлавшееся впослѣдствіе самымъ властнымъ,—нуждалось еще въ королевскомъ покровительствѣ и опорѣ *чтобъ исполнить свое великое предназначеніе*. Если эти чины и встрѣтились вновь, въ 1789 году, рядомъ,—то не на долго. Ихъ созывали на *собраніе Государственныхъ чиновъ*, — оказалось, что имъ пришлось засѣдать *въ Національномъ Собраніи*. Съ той минуты, имъ осталось лишь увѣрится, что они окончили свое существованіе, что болѣе нѣтъ *старой Франціи*. Ночь 4-го августа закончила ихъ длинную исторію".

„Все это подтверждаетъ мысль другаго французскаго писателя *Капфига, который иногда очень проницателенъ въ своихъ сужденіяхъ объ историческихъ событіяхъ и личностяхъ*» (*Смот. Топена. Louis XIII et Richelieu стр. 18*).

Дворянство по его мнѣнію не было опасно для королевской власти,--даже феодолизмъ не привелъ бы монархію къ тому—къ чему привелъ ее Ришелье, ненавистью своей къ дворянамъ.

„Чѣмъ болѣе я изучалъ этотъ характеръ, чѣмъ болѣе я вникалъ въ его величіе, въ его недостатки, въ послѣдствія его системы, тѣмъ болѣе я приходилъ къ скорбному заключенію, что Ришелье съ своимъ властнымъ единствомъ, съ своей ненавистью къ дворянскимъ преданіямъ,—былъ предвѣстникомъ французской революціи. Ришелье не достаточно изучаемъ какъ революціонеръ. Онъ создалъ монархизмъ ни въ чемъ не находящій преградъ и съ безграничной властью. Непредусмотрительные короли Франціи были этимъ довольны. Но эти преграды опрокинутыя Ришелье представляли изъ себя охрану для самой монархіи. Феодалы хотя и тревожили королевскую власть, но не грозили ей никогда. Бывали возстанія не бывало революцій. Современный королевству феодализмъ былъ однимъ изъ условій его существованія. Уничтоживъ сопротивленіе традиціонныхъ дворянскихъ земельныхъ собственниковъ, Ришелье поражалъ престолъ который онъ желалъ поддержать". (*Капфигъ. Ришелье Мазарини и Фронда т. I стр. 3*).

„Время же показало на дѣлѣ—какъ опасно абсолютизму“ *Заискивать* низшія сословія. Положеніе ролей было слѣдующее:

1. *Абсолютизмъ*; чрезмѣрно ревнивый къ своей власти, унизилъ дворянство и превратилъ его, черезъ дѣятельность Ришелье—*бюрократа*,—*изъ dépositaire du pouvoir royal* [1]) въ придворныхъ лакеевъ, или въ политическое ничтожество, и вздумалъ опереться на массы, кокетничая съ ними, и вѣруя, что онѣ искренно и неизмѣнно будутъ благоговѣть предъ Божественностью власти. Высшія сословія угнетали народъ, а у абсолютизма былъ свой *разсчетъ* допускать это угнетеніе.

2. *Дворянство и духовенство*, по *инстинкту самосохраненія*, болѣе стояли за абсолютизмъ, чѣмъ самъ абсолютизмъ, и ввиду этого, совершенно подчинялись ему и заискивали его, предчувствуя, что масса задавитъ и абсолютизмъ и ихъ самихъ.

3. *Масса* подличала передъ королемъ, чтобы забрать силу, разъединить его съ дворянствомъ и духовенствомъ, а потомъ, —чтобы изолированный и близорукій абсолютизмъ уничтожить, что̀ и было исполнено съ успѣхомъ.

Все это должно быть ясной и прочной подкладкой трагедіи, и должно быть главнымъ образомъ выражено: королемъ (абсолютизмъ), Ришелье (бюрократія) Сен-Марсомъ (дворянство) Гастономъ и его сторонниками (заискиваніе толпы) и де-Ту (отвлеченіе, философія, теорія порядка вещей): (*de l'état des choses*).

Сен-Марсъ.

Чтобы писать о Генрихѣ Куафье-Рюзэ д'Эффіа *Маркизъ де Сен-Марсъ*, не только не слѣдовало искать эфектовъ и сильныхъ впечатлѣній, а напротивъ, слѣдовало умѣрить слиш-

[1]) „Хранителя королевскаго могущества“.

комъ грубую дѣйствительность. Если бы подлинно списать „*Сен-Марса*“ съ біографіи героя, — то трагедія не дѣйствовала бы на зрителя, какъ произведеніе искуства, — а какъ страшноее впечатлѣніе, вынесенное присутствовавшимъ на казнѣ.

Интересно замѣтить, что рѣдко встрѣчаются личности, жизнь которыхъ, на дѣлѣ такъ подходитъ къ трагедіи. Извѣстно, напримѣръ, что для характера своего *Донъ-Карлоса*, Шиллеръ долженъ былъ усилить симпатичныя и трагическія черты, чтобы создать изъ него героя. Такимъ образомъ поступилъ онъ и съ Валленштейномъ,—а Гете,—со своимъ Гэтцомъ фонъ-Берлихенгеномъ.

На противъ, Сен-Марсъ, не идеализированъ въ этой трагедіи. Вообще, привыкли судить о немъ по нѣсколькимъ словамъ, знакомыхъ намъ, но довольно поверхностныхъ историковъ. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о Генрихѣ д'Эффіа, надо было прибѣгнуть къ труду, подобному біографіи Сен-Марса, составленной Бассери. Этотъ авторъ сличаетъ все сказанное о Сен-Марсѣ, не только въ исторіи и мемуарахъ, но приводитъ и историческіе современные Сен-Марсу отзывы, произнесенные врагами его,—какъ напримѣръ извѣстные слова Ришелье звучащіе подобно надгробной надписи въ устахъ соперника: „На судѣ, въ тюрьмѣ, во время пытки, идя на смертную казнь, Сен-Марсъ, „пишетъ Ришелье“, не измѣнялся ни въ лицѣ ни въ рѣчахъ своихъ; въ немъ замѣчалась все та-же кротость сдержанность и твердость [1]). (*Дневникъ Ришелье Journal de M-r le Cardinal duc de Richelieu qu'il a fait durant le grand'orage de la court en l'an 1642, tiré de ses mémoires qu'il* a *écrits de sa main*).

Сен-Марсъ родился въ Парижѣ, въ 1620-мъ году. Онъ происходилъ отъ старинаго дворянскаго рода, извѣстнаго съ 1387 года. Многіе изъ предковъ его доблестно погибли на войнѣ [2]). Отецъ его, Антоній Куафье-Рюзэ д'Эффіа, прозван-

---

[1]) „Monsieur de Cinq-Mars, - dit Richelieu lui-même,“—„ne changea jamais de visage, ni de parole: toujours les mêmes douceur, modération et assurance“. (Journal de Richelieu cité par Basserie. page 253).

[2]) Антоній Куафье,—въ Піемонтѣ; Жильбертъ съ сыномъ, были уби-

ный, „добрый Маршалъ, [1]) былъ сначало начальникомъ артиллеріи, [2]) потомъ губернаторомъ Оверни. Онъ женился на богатой Маріи де-Фурси, дочери казначея французскаго королевства [3]). Самому-же Антонію д'Эффіа принадлежали въ Туренѣ и въ Оверни большія земли [4]). (Бассери. Заговоръ Сен-Марса).

Ришелье очень любилъ отца Сен-Марса. Онъ былъ ему нуженъ для разныхъ переговоровъ и дѣлъ, какъ напр: переговоръ о заключеніи брака Принцессы Генріеты съ Англійскимъ королемъ Карломъ I-мъ. Антонія д'Эффіа назначали посланникомъ, то въ Англію, то во Фландрію, то въ Германію. Онъ также отличался какъ главный управляющій королевскаго финансоваго вѣдомства [5]). Ришелье поручилъ ему совершенно разстроенную казну, изъ за скудости которой, нельзя было продолжать военныхъ дѣйствій. Путемъ конверсій, изобрѣтенныхъ имъ самимъ, д'Эффіа успѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ водворить порядокъ, заплатить долги и собрать достаточно денегъ, чтобъ покрыть всѣ расходы разорительной войны [6]). Вскорѣ отецъ Сен-Марса снова воюетъ въ Піемонтѣ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ Маршаломъ де Монморанси побѣждаетъ Испанцевъ, около Вельяны. За храброе нападеніе на непріятеля, которое изумило и привело въ восторгъ всю армію, его сдѣлали маршаломъ. Онъ также былъ назначенъ главнокомандующимъ арміи воевавшей въ Германіи; но отъ переутомленія онъ вскорѣ умеръ въ Лютзельштейнѣ. Послѣ смерти отца, Генрихъ д'Эффіа сталъ носить титулъ Маркиза де Сен-Марса, по имени Сен-Марса, —прекраснаго и старин-

---

ты въ Монконтурѣ. Дѣдъ Сен-Марса участвовалъ въ Лигѣ и умеръ, какъ отецъ Сен-Марса, отъ переутомленія во время войны.

[1]) Le bon maréchal.

[2]) Grand maître d'artillerie.

[3]) Trésorier de France.

[4]) Кромѣ того, дядя его Мартынъ Рюзэ-Больe оставилъ ему въ наслѣдство прекрасный замокъ Шильи около Парижа и помѣстье Лонжюмо—(Longjumeau).

[5]) *Surintendant des Finances.*

[6]) Бассери: Заговоръ Сен-Марса стр. 5 а также „Memoire de Richelieu *„sur l'Estat auquel M-r d'Effiat a trouvé les finances“* въ *Сборникѣ Авенэля.*

наго зàмка, доставшагося ему въ наслѣдство [1]). Молодой Генрихъ д'Эффіа поражалъ своей гуманностью къ людямъ низшихъ сословій, своей щедростью и милымъ обхожденіемъ съ ними. Такіе чувства рѣдкое явленіе въ XVII-мъ вѣкѣ.

Мишель де-Мароль, аббатъ Виллуэна, говоритъ въ своихъ мемуармхъ, что двѣнадцати-лѣтній Сен-Марсъ былъ необыкновенно граціозенъ и милъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ и поступкахъ. Кардиналъ Ришелье, очарованный его наружностью и любезностью, намѣтилъ его съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, чтобы со временемъ приблизить къ королю. Выборъ палъ на него, на младшаго, — но у его старшаго брата Мартына д'Эффіà (впослѣдствіи спедшаго съ ума и скончавшагося три года послѣ казни Сен-Марса)—не было ни того ума, ни той красоты какъ у его молодаго брата Генриха. Сестру Сен-Марса, Шарлотту, впослѣдствіи игумению Сен-Сернана, отдали противъ воли въ монастырь.

Іоаннъ д'Эффіа, также не имѣлъ никакого влеченія къ духовному званію, но по волѣ матери сдѣлался аббатомъ; онъ былъ влюбленъ въ Нину де-Ланкло и позже принималъ участіе въ возстаніяхъ названныхъ „*Фрондой*“ [2]).

„*Марія д'Эффіà* другая Сестра Сен-Марса будучи только девяти лѣтъ, была помолвлена съ Гаспаромъ д'Аллегръ, графомъ де-Бовуаромъ. Послѣ этого ранняго брака, Маршалъ д'Эффіà увезъ съ собою, въ Англію, мужа своей дочери. Вскорѣ, Кардиналъ Ришелье посовѣтовалъ родителямъ Маріи расторгнуть бракъ, какъ не состоявшійся, по юности лѣтъ невѣсты, и выдать ее вновь за престарѣлаго Маршала Ла-Мейлерэ друга и родственника Ришелье. Не обращая вниманія на то, что дѣвушка привязалась къ первому мужу и утверждала даже, что она была *вполнѣ* его женой, ее развели и силой выдали замужъ за Ла-Мейльерэ [3]). Этотъ Ла-Мейльрэ, какъ приближенный къ Кардиналу, имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу семьи д'Эффіà.

Ришелье часто видался съ матерью Сен-Марса; посѣщалъ ее, не только въ Парижѣ, но и въ зàмкѣ Шильи. Онъ дѣ-

---

[1]) Ему принадлежалъ еще зàмокъ Шильи и другія помѣстья.

[2]) Бассери. Заг: Сен-Марса. 317—319.

[3]) Бассери, то-же 317.

лалъ изъ нея все, что хотѣлъ; существуетъ легенда объ успѣшной любви кардинала къ вдовѣ маршала д'Эффіа. Ни опровергать, ни подтверждать этого факта нельзя, по недостатку документовъ. Мать Сен-Марса была скупа, строга и тщеславна. Ла-Мейльерэ посовѣтовалъ ей, послѣ смерти маршала, сдѣлать изъ сына своего орудіе благосостоянія и славы. Молодаго человѣка стали воспитывать въ такомъ духѣ. У Генриха Сен-Марса характеръ былъ очень нѣжный, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—живой и вспыльчивый. Просьба, добрая улыбка, дружескій совѣтъ укрощали его гнѣвъ. Но мать, не понимая его, была съ нимъ высокомѣрна, холодна, что давало поводъ къ разладу;—а позже, сухость семейной жизни, вселила въ сердце Сен-Марса жажду быть любимымъ, и непомѣрную преданность предмету своей безграничной привязанности. (*Бассери. Заговоръ Сен-Марса стр. 10*).

Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ *въ Академію Бенжамина*, чтобъ окончить свои занятія и приготовиться къ военной карьерѣ. Онъ прошелъ тамъ курсъ военнаго искуства, географію, математику, черченіе плановъ, фортификацію, и пр. [1]) Самъ Ришелье составилъ уставъ этого заведенія, изъ котораго молодежь выходила съ высокимъ образованіемъ, съ твердыми и благородными принципами. Сен-Марсъ учился хорошо, онъ отличался догадливостью и былъ очень способенъ. Яснымъ, красивымъ почеркомъ писалъ онъ безъ ошибокъ, что рѣдко встрѣчалось въ то время, когда самъ король, и его сестра Елисавета, королева Испанская, были почти безграмотны. (*Vicomte d'Avenel. Richelieu et la Monarchie absolue tome II p. 90*).

О его лицѣ, можно судить по портретамъ существующимъ до нынѣ. На всѣхъ его портретахъ онъ представленъ съ выраженіемъ тихой грусти. Въ его чертахъ не замѣтно силы спокойствія, отличающаго лицо маршала, его отца. Но его высокій ростъ, гибкій станъ, прекрасныя, правильныя черты, большіе глаза, съ ласкающимъ взоромъ, придавали ему невыразимую прелесть. Всѣ его современники говорятъ объ

---

[1]) Duc d'Aumale. Histoire des Princes de Condé.

этой красотѣ, которая очаровала короля, а затѣмъ всѣхъ придворныхъ [1]).

*Ланглад*ъ въ своихъ мемуарахъ о Герцогѣ Бульонскомъ намъ оставилъ слѣдующее описаніе Сен-Марса: „Онъ былъ храбръ, умъ его возвышенъ, смѣлъ, способенъ на великія дѣла и на искусное и прилежное веденіе ихъ".

Не давъ Генриху Сен-Марсу окончить своихъ занятій, ссылаясь на болѣзнь директора академіи, Ришелье проситъ Людовика XIII назначить его начальникомъ роты, которую король прибавилъ къ своей охранѣ въ 1635 г. Умыселъ кардинала состоялъ въ томъ, чтобы скорѣе сформировать изъ Сен-Марса, подъ своимъ надзоромъ, совершеннаго царедворца *„un parfait Courtisan"*, который, нравясь королю и достигнувъ его довѣрія—передавалъ-бы все своему псевдоблагодѣтелю—кардиналу. Ришелье думалъ, что молодой, поверхностный любимецъ, не можетъ быть столь опаснымъ,—сколь опасна была дружба короля къ женщинамъ, ненавидившимъ его—кардинала. Таковы были Готфоръ и Ла-Файетъ. Кромѣ того ему льстило мнѣніе окружавшихъ его лицъ, что онъ не забываетъ заслугъ своихъ покойныхъ друзей. Возвышеніе Сен-Марса приписывали любви и памяти Ришелье къ отцу Генриха,—маршалу д'Эффіа. Министръ любилъ казаться великодушнымъ и подъ этой маской соблюдать свои интересы.

„Ришелье, не мало воспользовавшійся способностями маршала д'Эффіа, задумалъ приблизить Сен-Марса ко двору, чтобы имѣть при королѣ вѣрнаго друга, помогающаго ему проникнуть въ мысли, въ чувства и въ намѣренія монарха. Но Ришелье, вообще удачно угадывавшій людей, въ этотъ разъ ошибся. Онъ думалъ, что Сен-Марсъ исключительно преданъ удовольствіямъ и почестямъ. Онъ не подозрѣвалъ, сколько въ немъ было честной гордости, не смотря на его

---

[1]) Портреты Сен-Марса сохранились до нынѣ. Самый извѣстный принадлежитъ княгинѣ де-Саганъ, и нарисованъ извѣстнымъ живописцемъ Ленеиъ, (Lenain) копія съ этого портрета въ картинной галереи Версальскаго дворца. Другой портретъ, писанный Симономъ Вуэ (Simon Vouet) принадлежитъ графу Энару де-Монтенару, (наслѣднику послѣдняго Маркиза д'Эффіа и сохраняется въ его замкѣ „Шезель" въ Туренѣ.

наружную любезность, и какая твердость скрывалась подъ его мягкостью характера“ [1]).

Ришелье испрашиваетъ у короля для Сен-Марса, должность управляющаго королевской одѣвальницы [2]), которая должна была давать Сен-Марсу частый случай видиться съ Людовикомъ XIII и съ нимъ. Но восемнадцатилѣтній Сен-Марсъ, всѣхъ удивилъ тѣмъ, что медлилъ принять царскую милость. „Молодой д'Эффіа никакъ не рѣшался принять предлагаемое ему мѣсто, [3]) не смотря на блестящую будущность, какую сулило такое удачное начало. Гордый, высокомѣрный съ начальствомъ, независимый, свободно высказывавшій свои воззрѣнія, — въ немъ не было ничего похожаго на придворнаго, „Онъ не умѣлъ лстить“. (*Бассери*)—„Чтенію охотничихъ сборниковъ, столь интересовавшихъ короля, онъ предпочиталъ очаровательные стихи Тасса и Аріоста [4]).

Цѣлый годъ и даже болѣе Сен-Марсъ не рѣшался покинуть своей свободной жизни. Таллеманъ говоритъ: „Болѣе полутора года онъ отговаривался отъ этихъ предложеній [5]). Но кардиналъ и мать Сен-Марса заставили его сдѣлать этотъ роковой шагъ,—войти въ водоворотъ интригъ и тщеславія.

Король, сначала, не любилъ Сен-Марса. Онъ его бранилъ за то, что будучи управляющимъ королевской одѣвальницы, Сен-Марсъ заказывалъ ему слишкомъ много новыхъ одеждъ, бѣлья, и пр. Ришелье же это было въ руку такъ какъ онъ зналъ, что непріятно поражалъ народъ, показываясь на улицахъ въ лучшихъ нарядахъ чѣмъ король. („*Le Cardinal ne se montrait jamais*[6]) *en public que dans des flots de soie et de dentelle*“. Для того, чтобы имѣть самому возможность продолжать свое щегольство, онъ желалъ видѣть и короля нарядnымъ.

---

[1]) *А Мезіеръ изъ французской академіи: Предисловіе къ „Заговору Сен-Марса“.*

[2]) Grand maître de la garde robe.

[3]) Таллеманъ.

[4]) *Бассери. Заг: Сен-Марса. стр. 13 и 14.*

[5]) Jl fut plus d'un an et demi à s'en défendre. Tallemant. Historiettes. т. I стр. 441. см: въ Трилогіи. част. II актъ I-ый сцена II-ая.

[6]) Кардиналъ не иначе показывался народу какъ весь въ шелку и кружевахъ. (Бассери: Заг: Сен-Марса стр. 16.

Положеніе Сен-Марса между королемъ и кардиналомъ было весьма затруднительное. Съ матерью своей, онъ тоже не ладилъ. Она не могла простить ему его связи съ извѣстной Марьонъ де Лормъ, и придавала его страсти къ ней слишкомъ серьезное значеніе. Боясь, чтобъ онъ не женился на куртизанкѣ, она обратилась къ Парижскому Парламенту и достала запрещеніе на подобный позорный бракъ, о которомъ впрочемъ Сен-Марсъ и не думалъ. Однако онъ не перенесъ оскорбленія и обиды, и пересталъ жить въ домѣ матери. Онъ поселился съ другомъ, — умнымъ и благороднымъ молодымъ гугенотомъ Маркизомъ де Рювиньи [1]).

Dis moi qui tu hantes,—je te dirai qui tu es. [2]) гласитъ франц. цузская пословица. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ друзья Сен-Марса,—благороднѣйшіе, и умнѣйшіе люди. Онъ не сходится, не смотря на свою юность и увлеченія, ни съ фальшивыми и подобострастными кардиналистами - шпіонами,—ни съ головорѣзами, окружавшими Гастона Орлеанскаго; рыцарскій де-Рювиньи,—набожный и возвышенный душой де-Ту,—Фонтраль, оригинальный и умный, — Шаваньякъ, преданный Сен-Марсу въ его заточеніи, какъ и во время его величія, — вотъ его друзья.

Увлеченіе Сен-Марса къ Маріонѣ понятно; прелесть этой связи не состояла только въ обоятельности красавицы, но вся обстановка, все общество, подъ названіемъ дю-Марэ, (du Marais) [3]) было очень изящно, интересно для человѣка молодаго, у котораго умъ не могъ удовлетвориться скучными развлеченіями короля,—по цѣлымъ днямъ трубить въ рогъ, или учить собакъ и соколовъ.

У Маріоны собирались поэты, философы, самыя красивыя женщины Парижа, вѣтреные *родіонды*, храбрые полководцы, не отличавшіеся хорошей репутаціей, вродѣ графа де Гаркура, извѣстнаго не только взятіемъ Турина, но и грабежомъ у статуи Генриха IV на Pont-Neuf, гдѣ вмѣстѣ съ Гастономъ

---

[1]) Смотр. Таллеманъ томъ III. стр. 91.

[2]) Скажи мнѣ кого ты часто посѣщаешь,—и я скажу тебѣ кто ты.

[3]) *Марэ—(болото,) старинное названіе теперешняго квартала Тампля въ Парижѣ.*

Орлеанскимъ, онъ, ввидѣ шутки, срывалъ плащи съ прохожихъ. (*Таллеманъ, и записки кард. Реца*).

По запискамъ того-же кардинала Реца, Маріонъ де-Лормъ была нѣсколько разъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Ришелье, у котораго она вмѣстѣ съ Нинономъ де-Ланкло служила тайной полиціей.—„C'était une belle personne d'une grande mine et qui faisait tout de bonne grace (легкомысленная). Она не имѣла много ума, но хорошо пѣла, играла на теорбѣ, (мандолинѣ), любила роскошь, мотовство, была сладострастна“ [1]). „Guillet disait que c'était le plus beau corps qu'on put voir“.— („Гилье говорилъ, что не видывали на свѣтѣ, женщины лучше сложенной“).

Въ трагедіи можно допустить, что она любитъ Сен-Марса и питаетъ надежду выйдти за него замужъ, тѣмъ болѣе, что въ ея *запискахъ* упоминается о пастухѣ—колдунѣ, предсказавшемъ при ея крещеніи, что она выйдетъ замужъ за знатнаго вельможу. (*Собственная замѣтка автора*).

Первый любовникъ Маріоны былъ молодой адвокатъ—поэтъ Ване-Дебарро. Эта связь развила въ Маріонѣ вкусъ къ литературѣ. Комедія Ракана, *„La fille à marier“* была представлена у ней, въ ея домѣ, Rue de Tournelles. Въ то время любили домашніе спектакли, миѳологическія аллегоріи и декламировали экспромпты и стихи въ честь хозяйки праздника или присутствовавшихъ красавицъ. У Маріоны бывали пышные балы, что видно изъ *ея записокъ* (*стр. 491*).

Оркестръ состоялъ изъ трехъ скрипокъ, флейты и контрабаса. (*Записки Мар. стр. 493*). Ужины состояли изъ множества блюдъ самыхъ изысканныхъ. Вины Жюрансонъ, Монлюсакъ, Божанси, Анжуйское, Шампанское и Шамбертенъ были въ употребленіи. (*Зап. Мар. стр. 491*).

Родогонды,—тогдашніе „львы“ являлись въ пикарныхъ, иногда даже, въ эксцентричныхъ костюмахъ. Родогонды были вообще люди развратные, они бросали своихъ женъ и свои, собственно-скандальныя, похожденія прикрывали тѣмъ предлогомъ, что будто-бы они вездѣ разыскиваютъ и преслѣдуютъ

1) Это была красавица величественной наружности, которая все дѣлала охотно. Таллеманъ: Historiettes t. IV, p. 62.

гугенотовъ. Къ Маріонѣ, являлись на ея праздники, и такіе оригиналы какъ графъ Ла-Рошепо, устроившій при жизни свои похороны, во время которыхъ взорвало всѣ свѣчи, начиненныя порохомъ, или какъ Аббатъ Карружъ, соображавшій сколько нужно лимоновъ, чтобы превратить прудъ въ лимонадъ. Графъ Гранпре пилъ изъ заряженнаго пистолета за здоровье своей любовницы, Маркизъ де-Виллардо, крестный отецъ Маріоны, старый обжора, не отходилъ отъ стола.

Но тутъ собирались также и докторъ Теофрастъ Ренодо [1]) основатель, издатель и редакторъ *Gasette de France*, въ которой принимали дѣятельное участіе Ришелье и самъ король [2]), поэты,—какъ Маркизъ де-Раканъ, „Bergerie“, (идилліи) котораго были въ большомъ ходу, Вуатюръ,—безобразный и неряшливый Шапеленъ, — Маллербъ, философы Ла-Рошфуко и Декартъ. Братъ Мадлены Скюдери, воображавшій себя замѣчательнымъ писателемъ былъ представителемъ Hôtel de Rambouillet.

Кромѣ Маріоны, Сен-Марсъ часто посѣщалъ герцогиню де-Роганъ. Придворные, бывшіе болѣе всѣхъ на виду, основали кругъ, называемый въ Парижѣ „Господами дю-Марэ“. Члены этого круга бывали каждый вечеръ у герцогини де-Роганъ, домъ которой, былъ на Королевской площади. Сен-Марсъ принадлежалъ къ этому обществу и предпочиталъ двору собранія у герцогини. (*Vicomte d'Avenel. Rich: et la Mon: page 57 t. II*).

Сен-Марсъ являлся на эти праздники, одѣтый по послѣдней модѣ. Онъ, одно время, носилъ небольшую бородку, (Henry IV), какъ всѣ вельможи того времени. На немъ были сапоги со шпорами и широкими отворотами; панталоны изъ гранатоваго бархата. Кафтанъ изъ такой же матеріи, и съ висячими рукавами, сжималъ его станъ, какъ женскій корсетъ; онъ открывался и выказывалъ тонкую рубашку, обшитую фландрскими кружевами. Накрахмаленный воротникъ, слегка подымаясь сзади, соединялся на его груди, а края

[1]) Первый,—издатель газеты во Франціи. Ему недавно поставили памятникъ въ Парижѣ.

[2]) Смот. примѣчаніе № 4-ый на 201-й страницѣ, книга Топена: Людовикъ XIII и Ришелье.

шляпы были пристегнуты кверху двумя очень дорогими изумрудами. (*Записки Мар. де-Лорм*ъ).

Съ тѣхъ поръ, какъ Сен-Марсъ былъ назначенъ grand maitre'омъ,—скучать, по цѣлымъ днямъ съ королемъ, въ Сен-Жерменѣ, входило въ его обязанность. Когда онъ не исполнялъ съ веселымъ лицомъ своей службы, когда не поддавался всѣмъ фантазіямъ Людовика, то ему приходилось выслушивать безконечные упреки, и наставленія. Но кромѣ этого король посылалъ его съ письмами къ Ришелье, въ которыхъ съ своей обычной мелочностью, онъ жаловался на каждое слово, на каждый взглядъ Сен-Марса. Не мало упрековъ, униженій и оскорбленій пришлось претерпѣть бѣдному юношѣ у кардинала, въ Рюэлѣ или въ Палэ-Рояль. (Назыв. тогда Палэ-Кардиналь). (*Бассери*).

Ришелье хотѣлъ сперва, чтобы король полюбилъ „игрушку данную ему кардиналомъ“ (по выраженію Ла-Мейльерэ). Но вскорѣ, возроставшая все болѣе и болѣе любовь Людовика къ Сен-Марсу,—любовь доходившая до ревности, до упрековъ, до слезъ, — стала тревожить кардинала (*Таллеманъ томъ I стр. 442*).

„Не смотря на всѣ упреки въ неблагодарности, на всѣ напоминанія о томъ, кому онъ обязанъ былъ своей удачной службой и почестями, Сен-Марсъ не могъ себя заставить предавать и обманывать довѣренность государя, требованія котораго выводили его изъ себя,—но къ которому, не смотря на это, онъ былъ твердо намѣренъ оставаться честнымъ другомъ и вѣрнымъ слугой“. (*Alf. Mésières de l'Acad fran. Préface.*)

„Душа Сен-Марса была *прямая* и любящая“.

Кардиналъ вызывалъ его въ Рюэль и съ неслыханной жестокостью бранилъ его. Мать его, г-жа д'Эффіа и маршалъ Ла-Мейльерэ также доводили его до отчаянія. Каждый день бѣдный молодой человѣкъ выносилъ безконечныя семейныя сцены. Измученный, нервный, онъ терялъ голову, отвѣчалъ не обдумано, хотѣлъ все бросить и убѣжать въ Туренъ. Жестокая рана жгла его душу. Разъ, кардиналъ грубо высказалъ ему въ лицо, что если онъ его приблизилъ къ королю, то исключительно для того, чтобы Сен-Марсъ увѣдомлялъ кардинала, о каждомъ словѣ Людовика XIII. Молодой д'Эффіа

энергично отказалъ кардиналу играть роль шпіона. Тогда Ришелье сталъ грозить ему, унижая его и говоря, что самъ по себѣ онъ не можетъ имѣть никакого положенія, и что если посмѣетъ противиться ему, то онъ велитъ прогнать его отъ короля. Но видя, что Сен-Маръ непоколебимъ, обѣщанія смѣнили угрозы [1]. „Кардиналъ, то и дѣло, будилъ въ немъ тщеславіе, показывая ему въ будущемъ почести и царскую милость, но вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ему понять, что онъ можетъ достичь всего этого, только путемъ угожденія ему Ришелье". (*Фонтраль*).

Наконецъ старый министръ хотѣлъ было соблазнить Сен-Марса примѣромъ господина де Сент-У (de Saint-Août), и приставилъ послѣдняго къ Сен-Мару, который, сначала, почти что привязался къ Сент-У, но, какъ только замѣтилъ, что новый его знакомый подслушиваетъ у двери короля и наушничаетъ кардиналу,—съ отвращеніемъ удалился отъ него.

Ришелье долженъ былъ отказаться отъ намѣренія сдѣлать изъ него шпіона [2])

Сен-Мару особенно доставалось за то, что послѣ скучнаго, долгаго дня, проведеннаго въ Сен-Жерменѣ, наединѣ съ меланхоличнымъ и больнымъ Людовикомъ [3]), онъ, ночью, украдкой, послѣ того какъ король ложился спать,—скакалъ во всю прыть изъ Сен-Жермена въ Парижъ, являлся на собранія, то къ Маріонѣ, то къ герцогинѣ де-Роганъ или въ другіе дома, гдѣ онъ разцвѣталъ душой, смѣялся, шутилъ, блисталъ красотой и умомъ, самъ увлекался и увлекалъ не мало женскихъ сердецъ. Не одна Маріонъ нравилась Сен-Мару; онъ былъ очарованъ красотой куртизанки, но душа его искала другой, болѣе романтичной и рыцарской привязанности. Взглядъ его часто останавливался на чарующей фрейлинѣ королевы Анны Австрійской, на бѣдной, но пре-

---

[1]) *Бассери.* Заговоръ Сен-Марса стр. 28, и Таллеманъ „Historiettes" t. I p. 442. (Note 2).

[2]) Бассери заговоръ Сен-Марса стр. 29.

[3]) „Toujours maladif et tristement agité par mille craintes de conjuration et de mort". Король все хворалъ, былъ грустенъ, и неспокоенъ. Онъ боялся заговоровъ и насильственной смерти (Capefigue Rich: Maz. et la Fronde).

красной дѣвицѣ де-Шемеро [1]). Ришелье воспротивился этой любви. Всякая связьмежду дворами короля и королевы была ему ненавистна. Сперва онъ удалилъ отъ короля фрейлину королевы, Марію де-Готфоръ; потомъ, неудачно замѣнивъ Готфоръ Сен-Марсомъ, влюбившимся въ Шемеро,—онъ не захотѣлъ допустить этого новаго сближенія съ дворомъ королевы. Хитрый кардиналъ вспомнилъ о скупости г-жи д'Эффіа. Шемеро была не богата,—и благодаря новымъ сценамъ, угрозамъ и слезамъ матери,—граціозный образъ дѣвицы де-Шемеро остался въ душѣ Сен-Марса лишь мечтой несбыточнаго счастья, а ее Ришелье удалилъ изъ Парижа, сославъ съ опальной Готфоръ въ Пуату. Сен-Марсъ былъ въ отчаяніи. Ему казалось, что все рушилось передъ нимъ. Въ то самое время, когда смотрѣли на него, какъ на самаго счастливаго человѣка во Франціи, онъ мучился тоской, онъ жаждалъ свободы и жизнь при дворѣ ему постыла [2]).

Зоркій глазъ Ришелье слѣдилъ за нимъ, какъ хищный коршунъ слѣдитъ за полетомъ птички. Горе тому, на кого устремлялся этотъ проницательный, безжалостный взоръ!

Король, часто раздраженный высокомѣріемъ, требовательностью, расходами своего перваго министра жаловался наединѣ Сен-Марсу, какъ капризный и слабый ребенокъ на суроваго учителя, – высказывалъ желаніе освободиться отъ него [3]), но не смотря на это король ни за что не удалилъ бы Ришелье. Сен-Марсъ и все дворянство не понимали этой двойственности

---

[1]) Впослѣдствіи г-жа де-Ла-Базиньеръ. Она была другомъ, любимицы короля, г-жи де-Готфоръ. Ла-Рошфуко оставилъ описаніе ума и красоты фрейлины де-Шемеро. Письма, написанныя къ ней Сен-Марсомъ, были причиной непріятностей и горечи между ней и Принцессой Маріей, послѣ смерти Шталмейстера (Grand Ecuyer). Смот. также въ Таллеманѣ, („Historiettes“) главу подъ заглавіемъ „M-mes de la Bazinière“.

[2]) Préface à la Conjuration de Cinq - Mars par Basserie, d'Alf. Mézières: „Au moment où on le considère comme le personnage le plus favorisé du royaume, il est dévoré de chagrin, impatient de recouvrer la liberté, profondément las de la vie qu'il mène“.

[3]) Смот. сборникъ Авенэля, также Таллемана „Historiettes“ II 101, Бассери. Заг. Сен-Марса, стр. 91 и 92. Мемуары Анны де-Гонзаго принцессы Палатинской: (послѣднее письмо Сен-Марса къ Маріи де-Гонзаго) стр. 17. 18.

въ характерѣ Людовика XIII. Семнадцатый вѣкъ представляетъ мало людей съ слабой волей. Современникамъ короля, было, труднѣе нежели потомству, постичь его колебанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его твердое намѣреніе не удалять министра кардинала. Дворянство негодовало. Не только вѣковые феодальные замки превращались въ развалины и въ пепелъ по приказанію Ришелье, но падали самыя благородныя головы Франціи, въ угоду вѣчнымъ подозрѣніямъ кардинала. Народъ былъ въ нищетѣ отъ разорительныхъ войнъ,—населеніе провинціи содержало на свой счетъ,—т. е. квартировало и кормило, многочисленные отряды. (*Авенель Ришелье и самодержавіе*).

Готовилось новое возмущеніе; Людовикъ де-Бурбонъ—графъ Суассонскій, былъ во главѣ заговора; онъ питалъ надежду что Сен-Марсъ, недовольный кардиналомъ, станетъ его правой рукой у короля, чтобы свергнуть министра и впослѣдствіи примирить возставшихъ феодаловъ съ королевскимъ дворомъ. Въ виду всего этого, графъ де-Суассонъ предлагаетъ Сен-Марсу жениться на его племянницѣ, красавицѣ, дочери герцога де-Лонгевиля. Но Сен-Марсъ уже любилъ *Марію де Гонзаго принцессу Неверскую и герцогиню Мантуанскую;* его мать, — Маркиза д'Еффіа, не сходившаяся до тѣхъ поръ въ общихъ взглядахъ съ Сен-Марсомъ, какъ бы горькой насмѣшкой судьбы, сошлась съ нимъ, въ томъ, что̀ явно повело его къ погибели. Ни Маріонъ, ни безприданница Шемеро не могли быть столь опасными для ея сына насколько опасна была *Марія де-Гонзаго*. Но эта привязанность Сен-Марса льстила тщеславію его матери. (*Бассери*).

Молодая герцогиня Мантуанская проживала тогда, при дворѣ Анны Австрійской. „Cette jenne fille excitait alors les sentiments aventureux de toute une cour brillante et chevalresque [1]). (*Capefigue*).

Участь этой принцессы — дочери герцога Неверскаго и

---

[1]) Эта молодая принцесса занимала собой всю придворную молодежь, которая мечтала о блескѣ и о рыцарскихъ похожденіяхъ ради ея руки. Послѣ смерти Сен-Марса, и до заключенія брака герцогини Мантуанской съ королемъ польскимъ Владиславомъ, она успѣла влюбить въ себя де-Жевра и герцога Енгьенскаго, впослѣдствіи, великаго Кондэ.

m-elle de Clèves, — была довольно горькая. Въ дѣтствѣ, ее воспитывала тетка,—герцогиня де-Лонгевиль, такъ какъ мать ея рано умерла. Марія была хороша собой; Гастонъ Орлеанскій хотѣлъ жениться на ней, когда ей минуло шестнадцать лѣтъ. Но одинъ изъ Гизовъ, вліявшій на королеву-мать, воспрепятствовалъ этому. Марію, съ ея теткой заточили даже на шестнадцать дней въ Винсенскую тюрьму. (*Hist. de Condé Duc d'Aumale*).

Послѣ смерти ея отца, Марія жила то въ Неверѣ то въ Парижѣ. Ея средства были ограничены, младшія сестры Маріи,— *Анна* [1]) и Бенедикта, находились просто въ нищетѣ; но наслѣдница короны Мантуанской мало заботилась о нихъ. „Нѣжность",—замѣчаетъ Бассери, — „не была ея главной добродѣтелью".

— „Смотря на портреты Маріи де Гонзаго-Клевъ, Принцессы Мантуанской и Неверской, трудно понять чѣмъ она такъ плѣняла своихъ поклонниковъ. Ея осанка—величественная [2]) лицо—правильное, взглядъ—повелительный, почти что слишкомъ твердый. Въ ней замѣтны воля, храбрость, сила, но въ ней нѣтъ этой чарующей женственности и граціи, придающей какъ бы семейное сходство всѣмъ женщинамъ XVII вѣка, на ихъ портретахъ. Она происходила отъ жестокаго, необузданнаго рода,—съ обѣихъ сторонъ,—отъ отца и матери. Ея предки—полу-дикіе искатели приключеній, или утонченные итальянскіе тираны. Отецъ ея умеръ. Его племянникъ, старшій въ родѣ, старается отнять Мантую у Испанцевъ. Во Франціи,—Марія властвуетъ въ Неверѣ и почитается какъ государыня. Она одна царствуетъ: сестрамъ-же своимъ она представляетъ только монастырь, и удерживаетъ ихъ тамъ противъ воли, съ непоколебимой строгостью.[3])

---

[1]) Въ замужествѣ Принцесса Палатинская. Она извѣстна своимъ умомъ, красотой и мемуарами. (Ихъ иногда приписываютъ Сенаку-де Мейлану но это едва ли вѣрно). Она была во время Фронды другомъ Мазарини, но также другомъ Принца де-Кондэ. Анна Австрійская сдѣлала ее „gouvernante des enfants de France" — т. е. воспитательницей своихъ дѣтей.

[2]) Хотя Марія была не высокаго роста.

[3]) Бенедикта умерла въ монастырѣ. Анна убѣжала съ княземъ де Гизъ, впослѣдствіи покинувшимъ ее.

(*Герцогъ Омальскій Истор. Принцевъ де Кондэ т. V стр. 21*)

Тщеславная, властолюбивая Марія не терпѣла Ришелье, и никогда не простила ему своего заточенія въ Винсенѣ. Когда ее полюбилъ Сен-Марсъ, ей было около тридцати лѣтъ; она была восемью годами старше его, но въ полномъ разцвѣтѣ красоты. Сен-Марсъ влюбился въ нее до умопомраченія и не могъ скрыть своихъ чувствъ. Но мать его, ободрявшая эту страсть, совѣтовала ему высказаться принцессѣ. Марія не оттолкнула Сен-Марса. „Она отвѣтила ему, что она удивлена проявленіемъ его чувствъ къ ней, такъ какъ онъ ей не равный;—*но, что если онъ станетъ Герцогомъ и Пэромъ*, [1]) —то она подумаетъ какъ поступить.[2]) „Вскорѣ Марія въ свою очередь полюбила Сен-Марса,—не такъ какъ онъ ее любилъ, конечно, но достаточно чтобы свести его съ ума". (*Бассери. Заговъ. Сен-Марса. стр. 55*).

Онъ такъ понравился ей, что она сама себя увѣряла въ возможности того о чемъ онъ ей говорилъ, о чемъ мечталъ для уравновѣшенія ихъ взаимнаго общественнаго положенія". (*Мемуары Монгла*).

Таллеманъ разсказываетъ, что Сенъ-Марсъ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ ней ночью. Не могло быть, чтобъ они не жили въ довольно близкихъ отношеніяхъ, судя по ихъ намѣренію вступить въ бракъ,—но ничего дурнаго не сказывали о нихъ. „(*Таллеманъ* Historiettes)".

„Моя сестра Марія",—пишетъ въ своихъ мемуарахъ Анна де Гонзаго [3]) была красивѣе меня, хотя я была хороша и пріятна, но въ ней было больше блеска. Она умѣла обратить на себя вниманіе мужчинъ и сдѣлалась извѣстной, благодаря своему искуству нравиться. Блестящій шталмейстеръ двора, которому будущее сулило величіе, такъ какъ въ первомъ цвѣтѣ своей молодости онъ ужъ былъ любимцемъ короля,—да кромѣ того блестяще одаренъ всѣми качествами отъ природы, — Сен-Марсъ, — влюбился въ нее. Конечно тщеславіе тоже побуждало его искать ея руки: жениться на-

[1]) *Duc et Pair.*

[2]) Мемуары Монгла.

[3]) Принцесса Палатинская. Стр. 17. Мемуары.

принцессѣ принадлежащей владѣтельному дому, и породниться со всѣми царствующими князьями въ Европѣ, не могло не льстить Сен-Марсу. Онъ понималъ, что ему надо было доблестью возвысить себя до нея. Сен-Марсъ могъ надѣяться на судьбу не менѣе блестящую, чѣмъ была судьба де-Люина. Онъ просилъ короля сдѣлать его *Герцогомъ и Пэромъ*, а шпага конетабля казалось, должна была ему принадлежать, въ случаѣ если король не разлюбитъ его. Моя сестра, увлеченная Сен-Марсомъ, который приходился ей по вкусу, плѣненная тѣмъ, что онъ былъ въ случаѣ,—и благосклонностью къ нему короля, съ радостью согласилась бы отдать ему свою руку, ей было необходимо повѣрить мнѣ свою тайну, и вскорѣ мы обѣ пользовались довѣріемъ оберъ-шталмейстера [1]) и узнали какіе были его умыслы. Впослѣдствіи *Г-нъ де-Ту не былъ виновнѣе насъ.* Въ другихъ обстоятельствахъ, Сен-Марсъ могъ бы прослыть невыносимо тщеславнымъ, но тщеславіе, ничто иное, какъ неумѣстная увѣренность въ себя, а чего не могъ ожидать отъ своей счастливой звѣзды молодой человѣкъ, котораго въ двадцать лѣтъ назначили оберъ-шталмейстеромъ, любимцемъ короля? *Все согласовалось, чтобы вскружить ему голову.* [2]) Его пробужденіе было похоже на вставаніе („lever“) и на выходъ короля или кардинала. Двѣсти вельможъ *сопровождали его къ королю*; *онъ превосходилъ всѣхъ придворныхъ великолѣпіемъ* своихъ одеждъ, благородствомъ и прелестью своего лица, пріятностью своего обхожденія. Женщины, первыя, бросались ему на шею; министры слушали его, а онъ относился къ нимъ шутя. Сначала, кардиналъ былъ благосклоненъ къ нему; впослѣдствіи онъ сталъ бояться его, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ставитъ въ расчетъ его высокое положеніе. Было-ли возможно въ такія молодыя лѣта, подвергаться подобнымъ обольщеніямъ судьбы, и всетаки блюсти всегда и во всемъ мѣру и благоразуміе? По Сен-Марсу, какъ онъ ни былъ польщенъ всѣмъ окружавшимъ его блескомъ, претила цѣна, которой онъ покупалъ все это. Людвикъ XIII, самый скучный на свѣтѣ человѣкъ,—въ одно и тоже время,

[1]) Du grand Ecuyer. Сен-Марса часто называли: „Monsieur le grand.“

[2]) „Tout conspirait à l'enivrer.“

самый довѣрчивый и самый подозрительный, внушалъ ему отвращеніе. Часы, которые онъ долженъ былъ проводить съ монархомъ казались ему вѣками и его нетерпѣніе, часто обнаруживалось. Онъ повѣрялъ намъ также, что кардиналъ былъ ему противенъ и что онъ его не терпѣлъ. Онъ смѣшно передразнивалъ его *въ его любовныхъ свиданіяхъ съ Маріоной*. Мы же уговаривали его переносить томленіе скуки съ королемъ и оберегаться кардинала. Онъ обѣщался насъ слушать, но живость его характера мѣшала ему гнуться по волѣ короля. Съ другой стороны, льстившія ему лица убѣждали его, что онъ всесиленъ и можетъ все, что хочетъ; наконецъ враги кардинала пользовались его злобой къ Ришелье, чтобъ окончательно ихъ разсорить. Однако, Сен-Марсъ потерялъ хладнокровіе только, когда кардиналъ воспрепятствовалъ произвести его въ герцоги и пэры, что липало его большой почести и мѣшало бракосочетанію съ моей сестрой. Какъ было горько тщеславному человѣку, привыкшему къ удачѣ, чувствовать, что счастье его судьбы подчинялось произволу перваго министра. *Съ этой минуты онъ сталъ вести переговоры съ недовольными* [1]) У него составилась своя партія. Кардиналъ трепеталъ за свою власть, за свою жизнь. Кто знаетъ, что могло бы статься, если-бы оберъ-шталмейстеръ принудилъ себя поскучать нѣсколько часовъ долѣе съ королемъ?“ . . . —(*Мемуары Анны де Гонзаго. Стр. 16*). Но, „Сен-Марсъ приписывалъ своему несчастному року блестящее положеніе, заставлявшее его томиться покоемъ, противнымъ его наклонностямъ и мѣшавшимъ ему заслужить *громкое имя на полѣ брани, такъ какъ онъ питалъ страсть къ военному призванію*. [2])

Онъ умолялъ Людовика позволить ему участвовать въ осадѣ Арраса. Людовикъ, любившій самъ военное дѣло, понялъ это желаніе и позволилъ Сен-Марсу отлучиться, несмотря на то, что разлука—со своимъ любимцемъ не мало огорчала его. Кардиналъ же, какъ только узналъ объ этомъ рѣшеніи, сталъ припятствовать;—но было поздно, Сен-Марса ужъ назначили

[1]) Въ трагедіи все это психическое состояніе выяснено въ сценѣ; „Conversation espagnole.“

[2]) Викторій Сири.

начальникомъ жандармовъ и „chevaux legers de la garde du roi;"—неслыханная честь для неопытнаго юноши. 2-го Августа 1640 г. отрядъ Сен-Марса показался около Арраса, провожая подвозъ генерала Дю-Галльэ. Бой былъ въ самомъ разгарѣ. Подъ маршаломъ де-Шатильономъ пали двѣ лошади прострѣленныя пулями. Войска ожидали съ нетерпѣніемъ подмоги; отрядъ Сен-Марса привѣтствовали съ восторгомъ. Но Шатильонъ былъ очень осмотрителенъ и позволилъ Сен-Марсу дѣйствовать только тогда, когда непріятель занялъ бастіонъ Рантцау.

Кавалерія, подъ предводительствомъ Сен-Марса, понеслась на непріятеля; Испанцы были выбиты изъ траншей, и прогнаны далеко за ихъ лагерь. Лошадь Сен-Марса была убита подъ нимъ и упала съ сѣдокомъ. Сейчасъ-же оправившись, Сен-Марсъ повлекъ за собой, — впередъ, — пѣхоту. Но Шатильонъ далъ ему приказаніе остановиться, чтобы щадить людей и избавить солдатъ и себя самого отъ вѣрной гибели [1]) (*Recueil des gazettes.* 1640) Шатильонъ писалъ въ этотъ вечеръ графу де Шаро: „г-нъ оберъ шталмейстеръ хотѣлъ броситься къ крѣпости и взять ее штурмомъ, во главѣ своихъ храбрыхъ добровольцевъ. Непріятелъ только что отнялъ эту крѣпость у насъ; было бы невозможно прогнать непріятеля. Половину добровольцевъ, онъ окружилъ бы, другіе должны были бы отступить въ безпорядкѣ. Но этому я, на сколько могъ, дѣйствовалъ мольбами и авторитетомъ, чтобы г-нъ шталмейстеръ возратился-бы въ наши ряды.[2]) *Сборникъ Обери*). ***Письмо маршала де Шатильона графу де Шаро, 2-го Августа 1640 года.***

Взволнованный поздравленіями маршала де Шатильона и его лестнымъ отзывомъ, еще возбужденный отъ боя, поврежденный паденіемъ съ лошади, Сен-Марсъ въ этотъ вечеръ былъ очень блѣденъ. Къ тому-же, онъ только что оправился отъ болѣзни. (*Memoires de l'abbé Arnault*). Недоброжелатели его, которыхъ было много, воспользовались этимъ, чтобы разгла-

---

[1]) Сборникъ газетъ.

[2]) Въ своемъ рапортѣ, Маршалъ де Шатильонъ пишетъ самые лестные отзывы о храбрости. Сен-Марса.

сить, что „*Сен-Марсъ лучше выглядитъ на балѣ, нежели на войнѣ.*“

Этотъ незаслуженный слухъ донесся и до кардинала, который пересказалъ все это королю, прибавивъ „что Сен-Марсъ былъ очень радъ приказанію Шатильона отступить, и не подвергать себя опасности; что онъ не переставалъ трусить послѣ паденія съ лошади, и что онъ не такой отважный на дѣлѣ, какъ на словахъ.“ (*Таллеманъ*) клевета кардинала не понравилась королю, но онъ самъ былъ недоволенъ Сен-Марсомъ за то, что послѣдній во время разлуки не писалъ ему два раза въ день, какъ этого желалъ Людовикъ: „une fois le bon sire se mit à pleurer parce qu'il tarda trop à lui faire savoir de ses nouvelles.[1])“

Король отомстилъ Сен-Марсу, холоднымъ пріемомъ въ Аміенѣ, и позволилъ Ришелье разглашать недостойныя сплетни. Кардиналъ далъ приказаніе, чтобы больше не писали въ газетахъ въ томъ похвальномъ духѣ, въ которомъ было напечатано первое описаніе боя подъ Аррасомъ.[2]) (*Бассери.*)

„Оберъ-шталмейстеръ, говорилось въ газетахъ, такъ хорошо себя показалъ во время штурма, что тѣ, которые видѣли какъ онъ безстрашно нападалъ на непріятеля, могутъ заключить, въ какой мѣрѣ онъ унаслѣдовалъ военныя качества своего отца,—извѣстнаго маршала, котораго трепетали германскія войска, даже, когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ. (*Recueil des gazettes de 1640*)“. Исполняя желаніе Ришелье *gazette de France* промолчала о Сен-Марсѣ, а газета „*Меркюръ де Франсъ*“, чтобъ угодить министру ошибочно назвала Герцога Энгіенскаго[2]), начальникомъ отряда Сен-Марса.

---

[1]) Разъ добрый монархъ расплакался, потому что Сен—Марсъ медлилъ извѣстить его о себѣ: Таллеманъ. Historiettes „т. I стр. 442.

[2]) Не заслуженныя похвалы Герцогу Энгіенскому въ ущербъ Сен-Марса, пережили свой вѣкъ: въ „Исторіи Князей де Конде“, написанной ихъ потомкомъ Герцогомъ Омальскимъ, поражаетъ пристрастность, съ которой Герцогъ Омальскій относится къ Сен-Марсу,—врагу кардинала и черезъ это, ненавистному Герцогу Энгіенскому, игравшему столь унизительную роль для герцога и дворянина,—роль раболѣпнаго слуги кардинала. (Онъ уронилъ свое дворянство до заключенія противнаго ему брака съ 12 ти лѣтней некрасивой и ограниченной племянницей Ришелье. До конца своей жизни „великій Конде“ тяготился этой связью стыдился

Король пересказалъ своему любимцу, какіе слухи распространяетъ о немъ кардиналъ. (*Бассери*: *заговоръ Сен-Марса*. и (*Витторіо Сири*) Осмѣянный въ глазахъ Маріи де Гонзаго, Сен—Марсъ былъ опять глубоко огорченъ и сталъ ненавидѣть Ришелье еще болѣе. Таллеманъ, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ, что отзывъ кардинала, „такъ обидѣлъ молодого шталмейстера что эта рана никогда не зажила въ его сердцѣ".

Онъ почувствовалъ, что не перенесетъ хладнокровно униженій и обидъ. Онъ не на шутку перессорился съ королемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо короля къ Ришелье, начинающееся такъ: *„Je suis bien marry de vous importuner sur les mauvaises humeurs de Mr le grand,* и пр" (Recueil d' Avenel)[1]).

Въ тотъ же самый день Сен-Марсъ писалъ къ статсъ секретарю де Ноайэ (*de Noyers*) а также и къ Ришелье, прося объ отставкѣ. (Recueil d'Aubéry.)

Какъ ни было желательно кардиналу уволить шталмейстера отъ службы,—онъ счелъ это невозможнымъ. Не смотря на мелкія ссоры Людовикъ XIII еще любилъ Сен-Марса.

Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать разрыву съ королемъ что было-бы спасеніемъ для молодого человѣка, кардиналъ рѣшилъ погубить его; какъ тонкій дипломатъ онъ понялъ что,

---

происхожденія своей жены, искалъ развода. Его полная зависимость отъ Ришелье была единственной причиной этого брака). Далѣе Герцогъ Омальскій клеймитъ независимаго, благороднаго Сен-Марса именемъ измѣнника. При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что Сен-Марсъ не заключалъ трактата,—а Герцогъ Орлеанскій, и что онъ не успѣлъ и поднять оружія противъ кардинала, завѣдома отъ брата короля,—какъ его уже казнили;—тогда какъ великій Кондэ во главѣ испанскихъ войскъ сражался противъ Франціи, противъ малолѣтняго Людовика XIV. Кто-же изъ двухъ болѣе похожъ на измѣнника? Пристрастіе къ своимъ потомкамъ заставляетъ также Герцога Омальскаго именовать трактатъ Гастона Орлеанскаго, съ Испаніей „трактатомъ Фонтраля". Можно сказать смѣло, что ни Сен-Марсъ, ни великій Кондэ не были измѣнниками, а потомками вольныхъ феодаловъ, не считавшихъ позорнымъ возставать противъ ненавистныхъ имъ порядковъ. Но заговоръ Сен-Марса несомнѣнно симпатичнѣе, какъ возстаніе за свободныя права дворянства,—нежели вспышка великаго Кондэ противъ женщины-королевы и короля-ребенка.

[1]) Мнѣ очень досадно безпокоить васъ насчетъ капризовъ Оберъ-Шталмейстера... Людовикъ XIII и Ришелье стр. 35 письмо 216.

доведенный до крайности бранью, скукой, униженіями,—Сен-Марсъ рѣшится на какое нибудь отчаянное дѣло. „Тогда,—думалъ Ришелье, не трудно будетъ отдѣлаться отъ него“... (*Смотр. Бассери*). Старый министръ зналъ, что неровный характеръ Людовика XIII и его привязанность къ Сен-Марсу такъ-же безотрадна, строга и скучна какъ душа монарха;—онъ подавалъ ему несбыточныя надежды, а потомъ отталкивалъ его. Съ другой стороны, Ришелье вѣдалъ, что тщеславная Марія де Гонзаго, поставила условіемъ брака своего съ Сен-Марсомъ, его возвышеніе въ герцогское и перское достоинство. (Duc et Pair).

Противодѣйствуя влюбленному юношѣ можно было ожидать неосторожныхъ рѣшеній съ его стороны. [1])

Вскорѣ Ришелье увѣрился, что его соображенія вѣрны. Герцогиня Мантуанская уломала, дотолѣ гордаго Сен-Марса, явиться къ кардиналу и просить его не сопротивляться его бракосочитанію съ ней. Ришелье принялъ Сен-Марса очень дурно.

Съ ѣдкими насмѣшками онъ объявилъ ему,—что трудно повѣрить, что принцесса Марія ужъ такъ забыла свой княжескій родъ и что хочетъ низойти до такого скромнаго супружества (pour s'abaisser à si petit compagnon). „Маркизъ де Сурдисъ сдѣлалъ большую честь вашему старшему брату выдавъ за него свою дочь,—прибавилъ Ришелье, чтобы взбѣсить несчастнаго юношу,—„а вы бредите о царской невѣстѣ! Принцесса Марія не вамъ чета!“ Сен-Марсъ отвѣтилъ, что сама его мать, во всемъ сходившаяся въ мнѣніяхъ съ кардиналомъ, одобряла его намѣренія. „Если это правда, отвѣтилъ грубо Ришелье, то ваша мать съумасшедшая, а если герцогиня Мантуанская думаетъ о подобномъ бракѣ,—то и она съ ума сошла пуще вашей матери.“ Дневникъ Ришелье. [2])

---

[1]) Старый министръ не ошибся въ своемъ расчетѣ; въ тайныхъ допросахъ, сдѣланныхъ во время процесса, (и сохранившихся до сихъ поръ), находится признаніе Сен-Марса въ томъ, что онъ ненавидѣлъ кардинала изъ за шести причинъ, одна изъ которыхъ,—препятствіе его производству въ Герцогское и Пэрское достоинство. (*Interrogatoire secret. Extrait des régistres*).

[2]) Journal de Richelieu.

Кардиналъ продолжалъ издѣваться надъ Сен-Марсомъ нѣсколько минутъ. Тотъ, ошеломленный, не отвѣтилъ ничего, но обидныя слова запечатлѣлись въ его сердцѣ. Этотъ порывъ гнѣва и отчаянія былъ первымъ шагомъ къ погибели. Герцогиня Мантуанская старалась утѣшить его; она рѣшила мстить Ришелье за свое заточеніе въ Винсенѣ и за новую обиду нанесенную ея жениху. „Elle cabala avec lui pour débusquer le cardinal, en résolution d'épouser Cinq-Mars, si elle le voyait premier ministre.“ [1]).

„Герцогиня Мантуанская подстрекала своего друга, чтобъ онъ боролся съ противникомъ до смерти. Эта прелестная и опасная женщина умѣла болѣе ненавидѣть нежели любить.“ (*Бассери, заг. Сен-Марса, стр. 58*).

Все это было какъ нельзя болѣе въ руку Ришелье; но несмотря на свой внѣшній спокойный видъ, министръ Людовика былъ озабоченъ. Онъ ни за что не хотѣлъ допустить брака герцогини Мантуанской съ Сен-Марсомъ, что упрочилобы еще болѣе его положеніе при дворѣ; (*Мемуары Шаванья, на стр. 29*) а также сознавалъ, что изъ простаго любимца, которому онъ покровительствовалъ, Сен-Марсъ выросъ настолько, что угрожалъ ему. „La France se partage entre Richelieu et lui.“ [2]) (*Alfred Mésières*). „Ришелье подсылаетъ шпіоновъ, которые днемъ и ночью слѣдятъ за Сен-Марсомъ.“ (*Бассери*).

Въ это самое время, когда все терзало сердце Сен-Марса, когда самые близкіе люди, шептали ему о тщеславіи или возмущеніи противъ кардинала,—заговоръ графа де Суассона принималъ обширные размѣры.

Къ самому Сен-Марсу, герцогъ Бульонскій и графъ де Суассонъ присылали извѣстнаго Александра де-Кампіона, чтобы вести тайные переговоры. (*Бассери: заговоръ Сен-Марса*).

Въ XVII вѣкѣ, Франція была только что объединена подъ державой единаго короля. Хотя король былъ властенъ во

---

[1]) Она намѣревалась путемъ интригъ прогнать кардинала съ выгоднаго мѣста и обѣщала выйти за-мужъ за Сен-Марса, въ случаѣ если-бъ его сдѣлали первымъ министромъ, (Таллеманъ, Historiettes. т. III. „Польская Королева.“)

[2]) Франція раздѣлилась между нимъ и Ришелье.

многомъ,—но *феодалы* и *Парижскій Парламентъ* (въ началѣ царствованія Людовика)—дѣйствительно и нравственно ограничевали абсолютизмъ.

Разныя провинціи Франціи были населены различными рассами: Бретонецъ еще незабывалъ своего корнуальскаго нарѣчія, житель Лангедока сохранялъ образъ мыслей древняго латинскаго населенія, Провансалъ, Бургундецъ рѣзко отличались между собой. Всѣ съ трудомъ покорялись единому правительству: „Toutes ces races se groupaient dans l'obéissance à l'autorité royale [1]) mais chacune avait son régime à part ses gouverneurs, son système d' impôt, ses priviléges de cités. *Les pays d' Etat* surtout étaient dans une catégorie particulière. On appelait *pays d' Etat* l'organisation provinciale dans sa plus vaste étendue; *la commune* en formait la base, *le parlement*—le pouvoir judiciaire. Le vote de l'impôt, la perception des tailles tout cela dépendait d'une assemblée élue dans la province par les trois ordres: noblesse, clergé et tiers; *tout se faisait par dons* à l'autorité royale; le gouverneur était l'homme du roi, *mais il devait aussi son bon vouloir aux Etats,* et sa protection à toute la province. *De là cette grande facilité à tous les gouverneurs de s'affranchir de l'autorité du roi*; quand donc il était aimé de sa province il pouvait aisément tenter une révolte parmi le peuple et *arborer son étendard particulier en face du drapeau de la royauté.* (Capefigue Richelieu, Mazarin et la Fronde, t. II p. 11).

---

[1]) Всѣ эти различныя племена соединяло равное подчиненіе волѣ короля, но каждое изъ нихъ имѣло свой особый уставъ, своего губернатора, свою систему податей, свои городскія привилегіи. Къ особенной категоріи принадлежали тѣ земли, которыя считались штатами. Штатами назывались области, гдѣ организація провинціи была самая широкая. Основа этой организаціи: община. Судебную власть замѣнялъ мѣстный Парламентъ. Собраніе, выбираемое въ самой провинціи тремя чинами; дворянствомъ, духовенствомъ и среднимъ сословіемъ,—большинствомъ голосовъ рѣшало введеніе податей и оброковъ. Всѣ налоги были добровольнымъ подаяніемъ королевству. Губернаторъ считался человѣкомъ служащимъ королю, но онъ обязывался быть также покровителемъ Штатовъ. Изъ этого выходило, что каждый губернаторъ могъ легко освободить себя отъ королевской власти. Ему ничего не стоило устроить возстаніи въ народѣ, если только онъ былъ любимъ своими, и онъ могъ поднять свое частное знамя, противъ знамени королевства. (Капфигъ. Ришелье, Мазарини и Фронда, т. II стр. 11).

Такими губернаторами были Гизы въ Провансѣ; герцогъ д'Эпернонъ въ Гіеннѣ; не за долго до того казненный Монморанси въ Лангедокѣ. То они затѣевали возстанія, то, какъ Французскіе гугеноты *Ла-Рошели*, заключали заговоры съ иностранцами [1]) прося помощи противъ верховной власти,— то устраивали противъ короля-же Лигу князей мира. Всѣ они были далеки отъ мысли, что они возстаютъ противъ родной Франціи, что они тѣмъ подрываютъ ея политическія условія, ея силу и жизнь. „Tels temps, tels moeurs;“ каждый потомокъ длиннѣйшаго ряда феодальныхъ властелиновъ считалъ себя въ правѣ вступать въ союзъ или въ войну съ кѣмъ хочетъ, управляя своимъ наслѣдствомъ. *О государственныхъ измѣнахъ, по мнѣнію ихъ, не было и рѣчи.*

Таковъ былъ духъ времени. Вотъ на какомъ основаніи нельзя судить о герцогѣ Бульонскомъ и о Сен-Марсѣ какъ о государственныхъ измѣнникахъ за ихъ участіе въ трактатѣ съ Испаніей. Самъ братъ короля подписалъ этотъ трактатъ, что въ глазахъ современниковъ и французовъ „отнимало у этого трактата всю гнусность сдѣлки съ чужестранцемъ“ [2]).

Вотъ почему въ мемуарахъ XVII вѣка,—герцога Роганскаго, графа Суассонскаго, герцога Бульонскаго, Сен-Марса, именуютъ благородными возстанцами. Въ новѣйшихъ же исторіяхъ XIX столѣтія, хотя факты остаются вѣрно описанными, но смыслъ ихъ часто искаженъ. Забывая о духѣ того ремени, судятъ о нихъ съ точки зрѣнія нашего вѣка, не принимая въ расчетъ, что нашъ государственный строй стоитъ на другихъ политическихъ основахъ. Въ мемуарахъ XVII вѣка мы находимъ гораздо болѣе симпатіи къ Сен-Марсу, нежели къ кардиналу; послѣдняго зовутъ тираномъ за то, что онъ закрѣпостилъ дворянство, лишилъ всѣхъ правъ, совѣсти и свободы Парижскій Парламентъ, довелъ до голода и до раззоренія французскій народъ, заставляя его въ провинціяхъ безплатно доставлять провіантъ и содерживать на свой счетъ войска по цѣлымъ годамъ. (*смот. д'Авенеля Richelieu et la Monar absolue*).

---

[1]) Съ Англичанами приславшими имъ во время осады до 30 кораблей на помощь Герцогу Роганскому, не называемому все-же измѣнникомъ.

[2]) „Lui enlevait tout l'odieux d'un arrangement avec l'etranger.“

А историки новѣйшихъ временъ, напротивъ, клеймятъ возставшаго противъ Ришелье, Сен-Марса,—именемъ государственнаго преступника и возносятъ Ришелье. Какъ ненавистникъ высшихъ сословій, подготовившій во Франціи перевѣсъ буржуазіи надъ дворянствомъ, онъ имъ конечно симпатичнѣе, не говоря уже о дѣйствительно громадной заслугѣ въ дѣлѣ объединенія государства.

Сен-Марсъ вошелъ въ сношенія съ волновавшимися Гизами, съ герцогомъ Бульонскимъ и съ графомъ де Суассономъ; но онъ не дѣйствовалъ одинъ, ему помогалъ ***Маркизъ де Фонтраль***, заклятый врагъ кардинала. Ненависть Фонтраля къ Ришелье происходила оттого, что разъ, въ Рюэлѣ, кардиналъ грубо оскорбилъ его. Маркизъ былъ горбатъ; Ришелье доложили о пріѣздѣ посланника. Онъ вышелъ ему на встрѣчу и увидѣлъ бесѣдующаго съ Рювиньи Фонтраля: „уйдите, маркизъ“, сказалъ кардиналъ, — „пожалуйста непоказывайтесь! Посланникъ, который сейчасъ войдетъ сюда, не любитъ чудовищъ „(n'aime pas les monstres.)“ ***Таллеманъ*** [1]).

Послѣ этого, оскорбленія, горбатый маркизъ былъ готовъ на все, чтобы отомстить Ришелье.

Вызванный Сен-Марсомъ изъ провинціи, Фонтраль, проѣхалъ черезъ Блуа въ Парижъ.

Въ Блуа онъ видѣлся съ герцогомъ Гастономъ Орлеанскимъ, который поручилъ ему передать Сен-Марсу, „что онъ весь къ его услугамъ, что ***обѣщаетъ ему помогать во всемъ*** если Сен-Марсъ согласится быть его сторонникомъ.“ (***Бассери.***)

Шестаго Іюля 1641 г. графъ де Суассонъ, съ возставшими князьями, побѣдилъ, около Седана, маршала де Шатильона, командовавшаго правительственными войсками.

Эта побѣда угрожала Ришелье. Онъ совершенно упалъ духомъ и казалось такъ мучился, что всѣ могли это замѣтить. Неосторожный Сен-Марсъ, съ обычной своей добротой, сталъ жалѣть старика.

Забывъ, что Ришелье его заклятый врагъ, онъ сталъ утѣшать его: „Я могу остановить графа де Суассона, если онъ подойдетъ съ войскомъ къ Парижу“,вырвалось у Сен-Марса.

---

[1]) Historiettes. t. I page 443.

Кардиналъ бросился ему на шею и разцѣловалъ его;—но уныніе и страхъ кардинала оказались разигранными для присутствовавшихъ. Въ то самое время, когда Ришелье благодарилъ Сен-Марса за участіе, и чуть не называлъ своимъ спасителемъ,—графъ де Суассонъ погибалъ отъ руки убійцы, подосланнаго кардиналомъ. (Мемуары Шаваньяка стр. 31)[1].

Необдуманное восклицаніе Сен-Марса врѣзалось въ память Ришелье. Онъ понялъ, что у Сен-Марса сношенія съ волнующимися феодалами. Сен-Марсъ также, одумавшись, замѣтилъ свою ошибку, и сказалъ это Фонтралю, который сталъ ему совѣтовать подослать убійцъ къ кардиналу, что̀ по его мнѣнію было бы гораздо существеннѣе нежели затѣвать заговоры. Вѣдь способомъ убійства, де-Люинъ отдѣлался отъ маршала д'Анкра, а самъ Ришелье отъ графа де Суассона.

Но убійство претило высокой душѣ Сен-Марса. Онъ былъ недаромъ лучшимъ другомъ идеалиста *де-Ту*. О ***Франциск*ѣ-*Август*ѣ *де-Ту*** не только его современники,—но и враги отзывались съ уваженіемъ.

Еще дѣтьми, Сен-Марсъ и де-Ту играли вмѣстѣ въ роскошныхъ садахъ, окружавшихъ замокъ Шильи. Они жили по сосѣдству и часто видались. Впослѣдствіи, когда юноши сблизились тѣсной дружбой, де-Ту, „*âme tourmentée, esprit d'élite, coeurbrûlant*[2]) (*Бассери*) сталъ мечтать о нравственномъ развитьѣ Сен-Марса. Зная, что его со временемъ приблизятъ къ королю, онъ старался подготовить Генриха д'Эффіа, пробудить въ немъ гражданское мужество, любовь къ народу, и понятіе о высокихъ обязанностяхъ дворянина.

Въ молодости, де-Ту совершалъ длинныя путешествія, что̀ наводило его на размышленіе о различныхъ формахъ правленія. Онъ стоялъ за конституцію. Вообще, де-Ту не похожъ на людей своего вѣка: серьезный, сострадательный „онъ

[1]) **Въ парижской Библіотекѣ есть любопытный автографъ, показывающій какую цѣну кардиналъ платилъ за подобныя похожденія: „Записка Г-на де *Ноайэ маршалу де Шатильону послѣ Седанской битвы*: „Король рѣшилъ дать мѣсто губернатора и пожизненную пенсію жандарму, убившему генерала враждебной арміи. Прошу Г-на маршала прислать жандарма въ Ремсъ къ королю по пріѣзду туда Его Величества. Написано въ Перонѣ 9 Іюля 1641 г. *„Де Ноайэ“*.**

[2]) **Неспокойная душа, избранный умъ и пылкое сердце.**

былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и лучшихъ представителей человѣчества, которые рады пожертвовать жизнью, чтобы приготовить на землѣ царство правды,—царство Христа. „(*Бассири заговъ: Сен-Марса.* Также смотр. письма Переска, *lettres de Peresc aux frères Dupuiz: Его молодость прошла въ самыхъ серьезныхъ занятіяхъ*, девятьнадцати лѣтъ, онъ уже былъ *Совѣтникомъ* въ Парижскомъ Парламентѣ; вскорѣ его сдѣлали „*maître de requêtes*“ (докладчикомъ). Ришелье отослалъ его на театръ войны, поручивъ ему должность интенданта. Онъ вернулся въ 1638 году съ изувѣченной рукой. Де-Ту предпочиталъ военную дѣятельность—судейской. Но Ришелье не давалъ ему ходу, ни въ той, ни въ другой. Онъ его подозрѣвалъ и боялся его родства съ герцогами Бульонскимъ и д'Эперноиъ, —вѣчно страшившими его феодалами.

Де-Ту былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ королевой Анной. Разъ, удаленная отъ двора *герцогиня де Шеврезъ*, [1]) просила королеву выкупить заложенныя ею бриллианты. Королева, которой Людовикъ XIII давалъ мало денегъ, не могла исполнить желанія своей подруги. Она созналась де-Ту въ своемъ безденежіи, и послѣдній все устроилъ. Онъ былъ богатъ, высоко чтилъ честь Анны Австрійской, и былъ счастливъ помочь ей своими средствами. Королева не забыла заслуги де-Ту и часто его приглашала. Но Ришелье, узнавъ о сношеніяхъ де-Ту съ герцогиней де Шеврезъ, и объ одолженіи королевѣ, вызвалъ молодого совѣтника въ Рюэль, выбранилъ его, запретилъ ему часто бывать у королевы и испортилъ его карьеру, противясь его назначенію въ государственные совѣтники.

Де-Ту еще болѣе ненавидѣлъ кардинала за его обиды королевѣ, чѣмъ за его несправедливость къ себѣ самому. „Les résultats de la politique de Richelieu [2]) ont été si grandioses si

[1]) Говорятъ, что герцогиня де Шеврезъ знала о заговорѣ и способствовала аресту герцога Бульонскаго и извѣщенію Ришелье о существованіи, трактата. (Таллеманъ).

[2]) Ришелье, своей политикой, дошелъ до такихъ великихъ и важныхъ для Франціи результатовъ, что мы не можемъ не чувствовать передъ нимъ удивленія, хотя и смѣшаннаго съ ужасомъ. Благодаря этому удивленію, мы забываемъ его жестокости, его безжалостную месть, циническое пренебреженіе законностью въ его дѣйствіяхъ. Но современники

importants pour la France qu'une admiration à laquelle se mêle encore une sorte de terreur nous saisit devant lui et nous oublions ses duretés, ses impitoyables vengeances et son mépris cynique de tout principe. Mais ses contemporains ne pouvaient le juger ainsi et Monsieur de Thou comme beaucoup d'autres, considérait comme néfaste la conduite du cardinal". (*Basserie: „La Conjuration de Cinq-Mars page 66"*). „De Thou se mit en tête de le perdre persuadé que selon le monde il ne pouvait rien entreprendre de plus glorieux et que selon Dieu il ne pouvait rien faire de plus juste". (*Le Vassor*) [1]).

Можно было упрекать де-Ту только въ одномъ: его пылкое воображеніе было иногда причиной нерѣшительности; Сен-Марсъ, шутя, называлъ его „*Ваше безпокойство*" [2]). Votre inquiétude.

Многое могло безпокоить де-Ту какъ гражданина. Онъ видѣлъ вокругъ себя нищету, безвыходное положеніе сельскаго населенія, страдавшаго отъ голода, отъ войны, отъ разоренія. Офицеры Фабера не могли противудѣйствовать мужикамъ, которые въ припадкахъ ожесточенія и голода вырывали мертвыхъ изъ могилъ и питались ихъ тѣлами! Король узнавъ такія подробности горько плакалъ, (*Бассери: загов. Сен-Марса стр. 67*) и прятался отъ народа въ Сен-Жерменѣ. Толпа на улицахъ болѣе не привѣтствовала его криками „Vive le Roi!" (*Таллеманъ*). Послѣ смерти графа де-Суассона, герцогъ Бульонскій счелъ нужнымъ примириться съ королемъ. Онъ пріѣхалъ въ Мезьеръ, гдѣ находился Людовикъ XIII. Благодаря ходатайству Сен-Марса [3]), съ герцогомъ обошлись не

Ришелье не могли судить о немъ какъ мы. Де-Ту думалъ какъ многіе другіе, что дѣяніе кардинала поведутъ къ роковому исходу. (*Бассери. Заг. Сен-Марса, стр. 66.*

[1]) Де-Ту думалъ, что потерять кардинала въ глазахъ короля и удалить его отъ Людовика XIII,—было бы самымъ славнымъ дѣломъ на свѣтѣ и самымъ праведнымъ передъ Богомъ. (*Ле-Вассоръ*).

[2]) Де-Ту былъ не очень молодъ. Волоса его имѣли рыжеватый оттѣнокъ. Онъ былъ раненъ на войнѣ, осколкомъ, который сломалъ ему руку. Таллеманъ говоритъ „*qu'il avait toujours vécu en cavalier*".

[3]) Сен-Марсъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ у короля, чтобы заступаться передъ нимъ за опальныхъ. Кардиналъ никогда не простилъ ему, что онъ имѣлъ мужество, единственный изъ всѣхъ придворныхъ, стать за ненавистнаго ему, и оклеветаннаго передъ королемъ

слишкомъ строго; Ришелье, также, отнесся къ нему благосклонно, опасаясь, чтобы въ противномъ случаѣ, крѣпость герцога, его Седанъ, не передалась бы Испанцамъ.

Въ Мезьерѣ опять произошли непріятности между Сен-Марсомъ и кординаломъ. Послѣдній съумѣлъ ловко удалить Сен-Марса изъ *тайнаго совѣта короля* [1]) въ которомъ, тамъ Людовикъ, велѣлъ Сен-Марсу присутствовать. Кромѣ того, Ришелье выбранилъ Сен-Марса: „le traîtant avec autant d'aigreur et d'empire que s'il eut été le moindre de ses valets“ [1]). (*Мемуары Фонтраля*). Видя какъ Сен-Марсъ рыдаетъ и въ какое онъ пришелъ бѣшенство, Фонтраль снова предложилъ ему убить кардинала. Но Сен-Марсъ все таки не согласился [2]), онъ не хотѣлъ мстить за себя, убивать старика,—онъ желалъ, опалы министра, врага народа и дворянства. Отказъ Сен-Марса, охладилъ къ нему Фонтраля, жаждавшаго мести, и Александра де-Кампіона тайнаго агента лиги князей мира. (*Таллеманъ*).

Король переѣхалъ въ Аміенъ. Здѣсь Сен-Марсъ часто видѣлся съ герцогомъ Гастономъ Орлеанскимъ. Разъ, вмѣстѣ съ Фонтралемъ, они разговаривали въ саду *де-Шона* [3]).— Какъ бы мы были всѣ счастливы если бы умеръ кардиналъ!“ — воскликнулъ вдругъ герцогъ Гастонъ. Сен-Марсъ замолкъ, а Фонтраль отвѣтилъ: „Если Ваше Высочество дастъ приказаніе его убить,—найдутся люди, которые на Вашихъ же глазахъ покончатъ съ нимъ“ (*Фонтраль Мемуары*).

кардинала де-Бордо, *(смотр. письма Аржо)*. Въ другой разъ, когда Людовикъ XIII, прогнѣвавшись на канцлера Сегье (приверженца Ришелье и врага Сен-Марса), хотѣлъ лишить его канцлерскаго достоинства, Сен-Марсъ умолилъ за него короля,—что не помѣшало Сегье во время процесса изобрѣсть обманъ, чтобъ угодить кардиналу и приговорить Сен-Марса къ смерти. *(Смот. Таллемана, Бассери, тайные допросы въ документахъ процесса)*.

[1]) Смот. Документы процесса Сен-Марса. (Interrogatoire secret.) „Сен-Марсъ признался, что онъ ненавидилъ кардинала за то, что послѣдній нашелъ страннымъ, что король велѣлъ присутствовать Сен-Марсу въ своемъ совѣтѣ, и удалилъ его изъ совѣта“.

[2]) „Обращаясь съ нимъ съ такой горечью и дерзостью какъ съ послѣднимъ своимъ лакеемъ“. *Мемуары Фонтраля*.

[3]) Де-Шонъ, былъ младшій братъ де-Люина.

Сен-Марсъ былъ очень недоволенъ этими словами, *„онъ не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ, чтобъ произошло убійство“*. (*Бассери. Загов. Сен-Марса стр. 73*).

Въ Нэлѣ, герцогъ Бульонскій, встрѣтивъ Сен-Марса, увѣрялъ его, что онъ—его сторонникъ и что будетъ дѣйствовать за одно съ нимъ противъ кардинала.

Король вернулся въ Сен-Жерменъ на всю зиму. Онъ былъ очень боленъ. Доктора и Сен-Марсъ отговаривали его ѣхать въ южную Францію на театръ войны. Ришелье настаивалъ на противномъ. Слабый Людовикъ подчинился и въ этомъ своему министру. Видя, съ какимъ нежеланіемъ Людовикъ исполняетъ волю Ришелье, Сен-Марсъ сталъ обходительнѣе чѣмъ прежде; онъ пересталъ отвѣчать королю обычныя колкости. Вскорѣ Людовикъ, забывъ недавнія ссоры, опять такъ привязался къ своему любимцу, что кардиналъ сталъ безпокоиться. Сен-Марсъ употреблялъ свое вліяніе на короля, чтобы внушить ему, какъ вреденъ Франціи первый министръ; онъ указывалъ, что одинъ Ришелье препятствуетъ столь желаемому, голоднымъ народомъ, заключенію мира, послѣ безконечныхъ и разорительныхъ войнъ. Людовикъ милостиво выслушивалъ Сен-Марса. Онъ даже говаривалъ, „что прежде любилъ Ришелье, но что теперь, недурно было-бы, чтобы во Франціи возникла партія враждебная Ришелье, какъ было во дни маршала д'Анкра“. (*Recueil d'Avenel* [1]).

Но когда Сен-Марсъ осмѣливался совѣтовать королю отослать Ришелье, Людовикъ XIII отвѣчалъ: *„Tout beau! n'allez pas si vite“*. (Не забѣгайте впередъ“). ***Мемуары Фонтраля.***

„Вы только убійствомъ отдѣлаетесь отъ кардинала“, повторялъ Сен-Марсу Фонтраль. Сен-Марсъ, былъ удрученъ подобными совѣтами и сталъ думать *о заговорѣ*, какъ о единственномъ средствѣ, не проливая крови удалить кардинала—виновника всѣхъ бѣдъ дворянства и народа. Герцогъ Бульонскій пріѣхалъ въ Сен-Жерменъ посѣтить Сен-Марса. Здѣсь находился и Фонтраль; онъ впослѣдствіи, *въ*

---

[1]) Сборникъ Авенэля.

своихъ Мемуарахъ, разсказалъ, какъ произошло все дѣло „*трактата съ Испаніей*“; онъ былъ очевидцемъ:

„Сенъ-Маръ повелъ герцога Бульонскаго въ углубленіе „комнаты, гдѣ стояла его кровать; онъ долго говорилъ, изла„гая ему, что въ случаѣ смерти короля, (король былъ очень „боленъ,—) кардиналъ предполагаетъ стать регентомъ, въ „ущербъ королевы и герцога Гастона“. „Въ случаѣ неудачи „заговора“, говорилъ „Сенъ-Маръ, всѣ мы, сторонники коро„левы Анны, начиная съ герцога Гастона,—надѣемся найти „пріютъ *въ Седанѣ*“. „Это очевидно не понравилось герцогу „Бульонскому. Онъ отвѣтилъ, что разсчитывать на его Седанъ „нельзя, такъ какъ эта крѣпость не можетъ противустоять „общему дѣйствію войскъ Габріяна, Гиша, и Гаркура. „Не„обходимо, „прибавилъ герцогъ Бульонскій—„*заключить трак„татъ съ Испаніей*. Одна Испанія можетъ помочь намъ вой„скомъ, и въ случаѣ плохаго исхода дѣла пріютитъ насъ“.

И такъ, мысль о заключеніи трактата съ чужимъ государствомъ принадлежитъ не Сенъ-Марсу, а всецѣло феодальному владѣльцу, властелину Седана, который считалъ себя въ правѣ такъ дѣйствовать. Не рѣшившійся еще не на что; Сенъ-Маръ, передалъ о всемъ герцогу Орлеанскому. Братъ короля *одобрилъ заключеніе трактата съ Испаніей* [1]) *въ виду борьбы не съ Франціей*,—*а съ тираномъ-кардиналомъ* (*смотри Трактатъ*). Было рѣшено, что хитроумный Фонтраль отвезетъ документъ въ Мадридъ, и передастъ его первому министру, герцогу Оливаресу,—врагу Ришелье. *Трактатъ былъ заключенъ во имя одного герцога Орлеанскаго.*

Королева Анна Австрійская, узнавшая о заговорѣ, но еще не знавшая о трактатѣ, просила де-Ту передать отъ ея имени герцогу Бульонскому,—„что она проситъ его, въ случаѣ смерти короля,—оказать ей пріютъ въ Седанѣ, вмѣстѣ съ ея малолѣтними дѣтьми,—дофиномъ и герцогомъ Анжуйскимъ; что она надѣется, что герцогъ не откажется отъ предложеннаго ему начальства надъ войсками находящимися въ Италіи,

---

[1]) **Спрашивается послѣ этого, было-ли справедливо казнить Сенъ-Марса и де-Ту, тогда какъ герцога Бульонскаго настоявшаго на заключеніи договора съ Испаніей и герцога Орлеанскаго простили.**

дабы она могла разсчитывать на его силы въ случаѣ борьбы съ Ришелье за регенство, и наконецъ,—что она проситъ его быть ея сторонникомъ" *(Père Griffet)*.

Во всемъ этомъ, Анна Австрійская играла двойственную роль. Думая, что послѣ смерти короля, Ришелье отберетъ у нея дѣтей и не зная, что̀ предпринять, она, съ одной стороны, опиралась на заговорщиковъ,—а съ другой, все-же на кардинала. *(Бассери. Заговоръ Сен-Марса стр. 81—82)*.

Королева не любила Сен-Марса, за то, что онъ невольно замѣстилъ своимъ приближеніемъ къ королю ея любимицу фрейлину Марію де-Готфоръ; но все-таки она не пренебрегала имъ такъ какъ онъ оказывалъ ей услуги; онъ часто ее мирилъ съ королемъ.

Въ то самое время, когда Анна Австрійская поручала де-Ту передать ея пожеланіе герцогу Бульонскому,—когда она писала Ла-Рошфукò, прося его, „изъ дружбы къ ней", стать въ хорошія отношенія къ Сен-Марсу,—она совсѣмъ иначе выражалась о немъ въ запискѣ къ Ришелье: „онъ вамъ неблагодаренъ", писала она, „я его не люблю, и если съ нимъ приключится что̀ недоброе, никто о немъ не станетъ жалѣть" [1].

Свиданіе герцоговъ Орлеанскаго и Бульонскаго состоялось ночью, въ Отель де-Венизъ [2]. Они обсуждали статьи трактата. Еще въ Сен-Жерменѣ, будучи у Сен-Марса, герцогъ Бульонскій набросалъ первую черновую. Когда оба герцога встрѣтились вторично у де-Мэма, они оба переписали трактатъ, говоря: *„что не впервые имъ приходится заниматься подобными дѣлами"*. *(Процессъ Сен-Марса, документы)*.

Неожиданно для всѣхъ, Людовикъ XIII оправился отъ болѣзни. Онъ выѣхалъ изъ Парижа, направляясь въ Шампань. Первую ночь весь дворъ провелъ *въ замкѣ Шильи у Сен-Марса*, „гдѣ великолѣпно былъ имъ принятъ. Послѣ того, „какъ король отправился въ опочивальню, Сен-Марсъ вмѣстѣ „со своимъ другомъ Шаваньякомъ, пошелъ въ апартаменты „герцога Гастона. Шаваньякъ остался на стражѣ у двери, „которую имъ отворилъ самъ герцогъ Орлеанскій. Сен-Марсъ

---

[1] (Письмо отца Карэ Recueil d'Avenel).

[2] Въ Парижѣ.

„и Гастонъ зашили трактатъ въ камзолъ [1]) Фонтраля, и въ „ту-же ночь отправили маркиза въ Мадридъ“ (*стр. 32 Мемуары Шаваньяка*).

Ришелье уже давно подозрѣвалъ Сен-Марса. Его шпіонъ, графъ де-Рошфоръ, донесъ ему, что онъ видѣлъ какъ, „разъ, ночью, въ Парижѣ, Сен Марсъ входилъ въ Люксенбургскій дворецъ къ герцогу Орлеанскому, тайнымъ ходомъ, отъ котораго у Сен-Марса былъ ключь“. *(Мемуары Рошфора)*. Въ другой разъ маршалъ де-Брезэ, передалъ Ришелье, что онъ слыхалъ, какъ *король* вмѣстѣ съ Сен-Марсомъ „disaient le diable du cardinal (говорили чертъ знаетъ что о кардиналѣ) [2]). Кардиналъ поклялся тогда же передъ Рошфоромъ, „что неблагодарный Сен-Марсъ погибнетъ“. (*Мемуары Рошфора*).

Но у Ришелье *не было никакихъ письменныхъ доказательствъ;* подозрѣвая новый заговоръ, онъ всѣми силами сталъ добиваться, разузнать подробнѣе отъ своихъ шпіоновъ всѣ дѣйствія и намѣренія Сен-Марса. Ему вскорѣ донесли что какой-то гонецъ посланъ въ Мадридъ.

Видя, что Сен-Марсъ сталъ еще сильнѣе при дворѣ, Ришелье совершенно перемѣнилъ съ нимъ обращеніе. Онъ сдѣлался любезнымъ, даже заискивалъ его, а Людовика XIII-го просилъ отослать Сен-Марса губернаторомъ, въ Турэнъ. Но Сен-Марсъ отклонилъ эту честь [3]). Онъ не могъ отлучиться отъ короля; его вліяніе было такъ сильно, что Людовикъ самымъ недружелюбнымъ образомъ принималъ Ришелье. Гассіонъ былъ этому свидѣтель и видалъ какъ Ришелье перепугался. Сен-Марса же весь дворъ боготворилъ. „Его сердечныя качества покоряли всѣ сердца“. *(Père Griffet)*.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Сен-Марсъ былъ на высшей ступени величія;—а самъ онъ, какъ бы предчувствуя свой близкій и страшный конецъ такъ иногда грустилъ, что не умѣлъ и не могъ скрыть своего отчаянія. (*Таллеманъ*).

---

[1]) Pourpoint.

[2]) Таллеманъ. „Historiettes“ t. II, p. 443.

[3]) *Ле-Вассоръ.*—„Сен-Марсъ зная, что графъ де-Гаркуръ страдаетъ отъ безденежья попросилъ короля назначить графа губернаторомъ Турени вмѣсто него“. *(Таллеманъ)*.

Послѣ побѣды *въ Кемпенѣ* (надъ Испанцами) герцогъ Бульонскій и Сен-Марсъ поняли, что на помощь испанскаго войска противъ кардинала нельзя расчитывать, что война затягивается. Сен-Марсъ сталъ добиваться заключенія мира, и доказывалъ снова королю, что продолжительныя войны и разореніе народа и государства—вина Ришелье. Людовикъ поручилъ Сен-Марсу, и де-Ту написать отъ его имени въ Испанію, (безъ вѣдома Ришелье), чтобъ такимъ образомъ провѣрить какъ ведутся переговоры о мирѣ.—***Король далъ два письменныхъ приказанія Сен-Марсу и де-Ту, поручая имъ писать въ Римъ и въ Мадридъ, чтобы добиться заключенія мира***". (*Отецъ Грифэ*).

Офицеры королевской гвардіи (охрана короля) Тревилль, Тильадѣ, Ла-Салль, дэз'Эссаръ, стали снова предлагать Сен-Марсу убить Ришелье. Разъ Людовикъ горько жаловался Сен-Марсу на кардинала. „Я у него въ рабствѣ" говорилъ онъ. „Удалите его" отвѣтилъ Сен-Марсъ; король думалъ, что Ришелье довольно силенъ, чтобы противустоять ему самому.—„Если такъ, сказалъ Сен-Марсъ, велите его убить". Король, застѣнчивый и робкій,—удивился: „Васъ отлучатъ отъ церкви, вѣдь Ришелье—кардиналъ", говорилъ онъ въ раздумьѣ. Тревилль, слушавшій разговоръ, сказалъ громко Людовику: „разрѣшите мнѣ убить кардинала, Ваше Величество, а ужъ я ручаюсь, что въ Римѣ меня примутъ хорошо, и все простятъ". (*Мем. Монгла*). *Итакъ Людовикъ зналъ о намѣреніи приближенныхъ,—или удалить отъ него Ришелье, или убить его.* (Этотъ разсказъ *Монгла* подтверждается требованіемъ Ришелье, послѣ казни Сен-Марса, предать смерти или изгнанію Тревилля съ четырьмя выше-названными офицерами. Извѣстно также, что король долго отстаивалъ ихъ жизнь и свободу. (Не отъ того-ли, что самъ выслушивалъ ихъ рѣчи и не противился ихъ намѣренію?)

Шаваньякъ въ своихъ мемуарахъ, удивляется, что Сен-Марсъ не воспользовался молчаніемъ короля, чтобы убить Ришелье. Онъ пишетъ, какъ бы съ укоромъ. „Сен-Марсъ поступилъ какъ хорошій христіанинъ, но не какъ тонкій политикъ"[1]).

---

[1]) **Мемуары Шаваньяка, стр. 33.**

Король провелъ шесть дней въ Ліонѣ и присутствовалъ на смотру войскъ. Ришелье-же поѣхалъ въ Нарбону, гдѣ заболѣлъ. Самъ онъ и всѣ приближенные къ нему думали, что онъ умретъ. Существуетъ духовное завѣщаніе написанное имъ въ Нарбонѣ.

Людовикъ XIII съ Сен-Марсомъ отправились въ лагерь, осаждать Перпиньянъ.

Поведеніе Людовика XIII-го позволяло Сен-Марсу дѣйствовать какъ ему хотѣлось; король слушалъ его одного а всѣмъ, кто былъ на сторонѣ кардинала оказывалъ холодность и отвращеніе. (*Виктоpіо Сири. „Меркюрь“*).

Нѣсколько дней король не посылалъ навѣдываться въ Нарбону о здоровьѣ Ришелье (*От. Гриффэ*). „Кардиналъ мучился нравственно еще болѣе нежели физически. Онъ былъ боленъ, но главная его болѣзнь была—*король*, который могъ ежеминутно ускользнуть изъ подъ его вліянія. Больной Ришелье вѣроятно вспомнилъ не разъ въ Нарбонѣ такіе прецеденты, какъ смерть Кончини. И вотъ, тутъ-то,—тайна его жестокости, во время процесса Сен-Марса; онъ мститъ за страхъ испытанный имъ въ эти тяжелые дни. Сен-Марсъ, въ лагерѣ во время осады, былъ друженъ съ маршаломъ Шомбергомъ и совершенно разсорился съ своимъ родственникомъ маршаломъ Ла-Мейльерэ, вѣчно докучающимъ ему. Войско—души не чаяло въ Сен-Марсѣ, который былъ очень щедръ, и оказывалъ помощь голоднымъ солдатамъ [1]). Привѣрженцы его стали называться *„роялистами“*, а друзья кардинала, *„кардиналистами“*. (*Бассери. Заг. Сен-Марса. 103*).

Вскорѣ, Фонтраль пріѣхалъ въ лагерь, въ Перпиньянъ; онъ возвращался изъ Испаніи съ трактатомъ, подписаннымъ герцогомъ Оливаресомъ, въ которомъ герцогъ Оливаресъ обѣщалъ поддержать возстанцевъ. Какимъ-то чудомъ, шпіоны кардинала не узнали, что Фонтраль былъ въ Мадридѣ.

Сен-Марсъ и Фонтраль отправили Монмора къ Гастону Орлеанскому съ подлинникомъ трактата [2]).

---

[1]) Онъ послалъ триста „пистолей“ (золотыхъ) г-ну Кампису, полковнику полка д'Эффіа,—для бѣдныхъ офицеровъ и солдатъ.

[2]) Ришелье получилъ отъ Гастона Орлеанскаго только копію подлинника посланнаго съ Монморомъ. Подлинный документъ не попалъ въ

LXXXI

Но какъ былъ удивленъ Сен-Марсъ, узнавъ отъ вызваннаго имъ въ лагерь де-Ту,—что королева Анна предупреждала де-Ту, о томъ, что многіе знаютъ о заключеніи трактата съ Испаніей. Сама-же королева узнала о трактатѣ отъ герцога Гастона. (*Мемуары Фонтраля*).

Сен-Марсъ также получилъ письмо отъ Маріи де-Гонзаго часто писавшей ему изъ Парижа. „Ваше дѣло", говорила она въ этомъ письмѣ, „такъ-же извѣстно всѣмъ въ Парижѣ, какъ то,—что Сена протекаетъ подъ мостомъ—*Pont-neuf*".

Въ отвѣтъ, Сен-Марсъ, послалъ ей слѣдующее письмо, которое Анна де-Гонзаго, принцесса Палатинская,—приводитъ въ своихъ мемуарахъ, какъ послѣднее, полученное ея сестрой Маріей, отъ Сен-Марса:

„Не безпокойтесь, милая моя принцесса, король и армія стоятъ за меня. Мой врагъ начинаетъ уступать мнѣ и уныніе его приверженцевъ велико. Я пробылъ вчера два часа у изголовья кровати короля;—вы были-бы мной довольны,—я же былъ еще довольнѣе его привѣтливымъ обращеніемъ. Увѣряю васъ, что я хорошо провелъ время съ нимъ; онъ называлъ меня *своимъ дорогимъ другомъ* [1]), онъ вздыхалъ, восклицалъ, что онъ очень несчастливъ, что его мучаютъ, что есть *нѣкто* желающій затмить его.

— „Ахъ, Ваше Величество"—сказалъ я ему, со слезами на глазахъ,—„какъ я соболѣзную Вамъ, но и удивляюсь: вѣдь Вы самодержецъ; если Вы соблаговолите послушаться моего совѣта,—то завтра Васъ никто ужъ не будетъ безпокоить".—„Дорогой другъ", отвѣтилъ мнѣ король,—„не надо ничего дѣлать опромѣтчиво".—Я не умѣю разсчитывать когда дѣло идетъ о благополучіи моего короля и господина!"—отвѣтилъ я, „у Вашего Величества есть вѣрные слуги, позвольте мнѣ сговориться съ ними".

Король обернулся ко мнѣ и растроганнымъ голосомъ ска-

руки кардиналу, хотя онъ его требовалъ. Неизвѣстно, что сдѣлалъ герцогъ Орлеанскій съ этимъ документомъ.

[1]) Король называлъ Сен-Марса „cher amy"; — смотрите Таллемана „Historiettes, I, стр. 442 въ примѣчаньѣ, а также письмо Винелья къ Гюмьеру, привед. далѣе.

залъ: „Прощайте, дѣлайте все къ лучшему,—но не дѣлайте неосторожностей".

Послѣ этого, посудите, моя милая принцесса, не уполномоченъ-ли я, предпринять все задуманное, тѣмъ болѣе, что меня вдохновляетъ высокая цѣль. Сохраните вашу благосклонность къ самому страстному вашему слугѣ, Сен-Марсу".

Къ несчастью, за пятнадцать дней до своего ареста, Сен-Марсъ поссорился съ королемъ; вотъ какъ это случилось: въ разговорѣ о войнѣ, онъ противурѣчилъ маршалу Ла-Мейльерэ. Король, услышавъ слова Сен-Марса, сказалъ ему:— „Вамъ-ли, ничего еще не видѣвшему, противурѣчить человѣку, который такъ давно знакомъ съ военнымъ дѣломъ"?— „Ваше величество", отвѣтилъ Сен-Марсъ, „когда у человѣка есть смыслъ и свѣтлый разсудокъ въ головѣ, то онъ можетъ понимать то, чего не видѣлъ" [1]).

Король, который именно былъ лишенъ смысла и разсудка, не простилъ Сен-Марсу этого вѣрнаго и мѣткаго замѣчанія. Съ этого дня онъ совсѣмъ перемѣнился къ своему любимцу. Сен-Марсъ, не умѣвшій льстить и кривить душой, „пренебрегъ совѣтами Рювиньи, предупреждавшаго его, что было-бы осторожнѣе помириться съ Людовикомъ XIII". („*Таллеманъ*". *Historiettes*. I, 451).

Въ то самое время Гастонъ Орлеанскій жилъ безпечно, ожидая смерти Ришелье, вовсе не думая о судьбѣ тѣхъ людей, которыхъ скомпрометировалъ, упоминая о нихъ въ трактатѣ съ Испаніей. Король сталъ опять переписываться съ Ришелье; но переѣхалъ съ Сен-Марсомъ изъ Перпиньянскаго лагеря въ Нарбону, только послѣ отъѣзда кардинала. Ришелье такъ боялся опалы, что письма короля не успокоивали его. Онъ былъ въ несказанномъ унынiи и грусти, вѣроятно, зная, что Людовикъ XIII не разъ говорилъ, то Сенъ-Марсу [2]), то Тревиллю [3]), то Фаберу [4]) „избавить его отъ *кардинала, и что ему извѣстно существованіе заговора противъ Ришелье.*

---

[1]) „Quand on a du sens et de la lumière on sçait les choses sans les avoir veûes". (Таллеманъ, „Historiettes", I, 451).

[2]) Мемуары Шаваньяка стр. 33.

[3]) Таллеманъ. Historiettes I, 460.

[4]) Тотъ же, стр. 449, I.

LXXXIII

Около 4-го іюня 1642 г., внезапно ***Копія*** трактата съ Испаніей, очутилась у Ришелье. Онъ только что покинулъ Нарбону и готовился перебираться черезъ рѣку Рону. Во время пути, онъ видался только съ маршаломъ Ла-Мейльерэ, пріѣхавшимъ невзначай въ Безье.

Когда кардиналъ увидѣлъ передъ собой копію трактата, заключеннаго герцогомъ Гастономъ Орлеанскимъ и гдѣ глухо упоминалось о двухъ вельможахъ, — онъ пришелъ въ неописанную радость. „Онъ велѣлъ, чтобы всѣ посторонніе ушли, оставивъ при себѣ однаго только перваго секретаря Шарпантье. „Пойдите, скажите, чтобъ принесли мнѣ бульону“, — сказалъ ему кардиналъ — „я совсѣмъ смущенъ этимъ событіемъ“. — Шарпантье принесъ бульонъ, послѣ чего заперли двери на замокъ. Тогда кардиналъ, поднявъ руки къ небу, сказалъ: „О Боже, ты вѣроятно печешься объ этомъ государствѣ и о мнѣ! Прочтите это“, прибавилъ онъ, обращаясь къ Шарпантье, „и перепишите нѣсколько разъ этотъ документъ“ [1]).

Онъ поспѣшно посылаетъ за Шавиньи съ приказаніемъ немедленно пріѣхать къ нему въ Тарасконъ, такъ какъ находитъ осторожнымъ въ виду всѣхъ этихъ событій переправиться черезъ Рону, подальше отъ короля. „Кардиналъ отправилъ Шавиньи къ Людовику XIII съ копіей трактата и научилъ его, что̀ сказать. „Король станетъ говорить вамъ, что это все неправда,—но вы уговорите его всетаки схватить Сен-Марса; представьте королю, что если этотъ фактъ окажется невѣрнымъ,—ему будетъ легко освободить его“. (Таллеманъ. Historiettes I, 453).

Ришелье понялъ при чтеніи трактата, что документъ гораздо болѣе уличаетъ герцога Орлеанскаго и Фонтраля, нежели герцога Бульонскаго свободнаго владѣльца княжества (principauté) Седанскаго, а еще менѣе Сен-Марса. Ни Сен-Марсъ, ни герцогъ Бульонскій ***не подписывали трактата.*** О нихъ было глухо упомянуто въ немъ, какъ о двухъ вельможахъ, сторонникахъ Гастона. Только въ ***тайномъ повелѣніи*** (contre-lettre), ***также не подписанномъ ими***, и которое гер-

[1]) **Таллеманъ, со словъ очевидца,—Шарпантье.**

цогъ Орлеанскій впослѣдствіи самъ отдалъ Ришелье, названы они по имени [1]).

Кардиналъ хотѣлъ во что бы то нистало, чтобъ Сен-Марсъ и де-Ту погибли. Но какъ было осудить на смерть неподписавшаго трактатъ Сен-Марса, и вовсе неповиннаго де-Ту, оставя въ живыхъ главнаго виновника,— Гастона Орлеанскаго, желавшаго ужъ во второй разъ возстать противъ французскаго правительства? [2]).

Ришелье хорошо понималъ, что Людовикъ XIII не допуститъ, чтобы братъ его погибъ на плахѣ. Герцога Бульонскаго, феодальнаго владѣльца *свободнаго* города Седана, имѣвшаго возможность передаться Испаніи, точно также какъ и Франціи, — тоже было не легко приговорить. Ришелье чуялъ добычу, но боялся за свое благополучіе въ случаѣ гнѣва короля. Надо было соорудить громадную и тонкую интригу, собрать для процесса подкупленныхъ судей, не допустить, чтобы Сен-Марса судилъ Парижскій парламентъ, сохранявшій еще нѣкоторыя феодальныя традиціи права и свободы; надо было очернить Сен-Марса передъ королемъ, современниками [3]) и потомствомъ. Послѣднее не хуже перваго удалось Ришелье, — но если прочитать трактатъ съ понятіемъ о преданіяхъ и обычаяхъ тѣхъ временъ—то убѣдишься во первыхъ, въ заключеніи трактата однимъ Гастономъ, а во вторыхъ, въ побочной роли въ немъ Сен-Марса, оставшагося въ зависимости и на службѣ у брата Французскаго короля. Изъ первой статьи трактата съ Испаніей, видно, что герцогъ Орлеанскій заключалъ этотъ трактатъ какъ мѣру для благосостоянія изнуреннаго и обѣднѣлаго отъ военныхъ налоговъ, голоднаго народа. Герцогъ Орлеанскій не шелъ противъ власти короля [4]) — а

---

[1]) Смотрите переводъ по́длиннаго документа при концѣ замѣтки о Сен-Марсѣ.

[2]) Въ 1632 г., Гастонъ Орлеанскій поднялъ всю провинцію Лангедока противъ Франціи, былъ побитъ арміей Шомберга, убѣжалъ, а Монморанси, взятый въ плѣнъ, погибъ на плахѣ.

[3]) Съ современниками, это не вполнѣ удалось Ришелье; въ мемуарахъ XVII столѣтія личность Сен-Марса выступаетъ совсѣмъ иной нежели у позднѣйшихъ историковъ, не сохранившихъ характера той эпохи.

[4]) Объ этомъ сказано въ трактатѣ.

противъ власти и политики кардинала [1]), а также, вѣроятно, что въ виду регентства онъ хотѣлъ расположить къ себѣ народъ, настаивая на перемирьѣ.

Ришелье самъ все это понялъ лучше, нежели его позднѣйшіе историки; — онъ боялся попасться въ капканъ, который онъ готовилъ Сен-Марсу. Кардиналъ узналъ, что Сен-Марсъ со своими сторонниками хотѣлъ окружить Нарбону, во время осады Перпиньяна и взять его въ плѣнъ. Таллеманъ подтверждаетъ, что такой планъ существовалъ: „Маршалъ де-Ла-Мотъ, подъ предлогомъ помѣшать испанцамъ подкрѣпленію осажденныхъ въ Перпиньянѣ,—(онъ самъ нарочно распустилъ слухъ объ этомъ намѣреніи непріятеля), - двинулся впередъ и дошелъ до разстоянія тридцати лье отъ Перпиньяна. Онъ послалъ извѣстить Ришелье, что обѣщаетъ его защитить, и если понадобится, освободить его, будь это у самыхъ дверей квартиры короля. Ришелье отвѣтилъ ему, чтобъ онъ обождалъ. Сен-Марсъ угадалъ умыселъ маршала и предупредилъ о немъ короля [2]).

На этой версіи основана въ трагедіи, сцена въ Перпиньянскомъ лагерѣ. Всюду слѣдовавшій за Ришелье племянникъ его—великій Кондэ, — (тогда еще именовавшійся герцогомъ Энгіенскимъ), писалъ своему отцу, 4-го іюня 1642 года, изъ города Агда:

„Кардиналъ уѣхалъ пять или шесть дней тому назадъ изъ Нарбоны и въ два дня пріѣхалъ въ Безье, куда явился навѣстить его Ла-Мейльерэ. Послѣ этого кардиналъ распустилъ слухъ, что отправляется въ Пезена, вмѣсто чего, онъ вдругъ поѣхалъ въ Агдъ, и завтра онъ переправится черезъ Рону въ Сен-Прива, чтобы на противуположномъ берегу ожидать г-на Шавиньи, *отправившагося переговорить съ королемъ... о дѣлѣ г-на оберъ-шталмейстера*, (Сен-Марса). *Никто не знаетъ что будетъ*... Кардиналъ велѣлъ мнѣ написать всѣмъ офицерамъ вашихъ и моихъ полковъ, чтобъ они слушались только маршала Ла-Мейльерэ. Кардиналъ опасается,

---

[1]) Что указано въ намѣреніи разрыва съ Шведами-протестантами союзниками выбранными самимъ Ришелье. Смот. трактатъ.

[2]) Таллеманъ I стр. 449.

чтобы король, уговоренный оберъ-шталмейстеромъ, *не предпринялъ чего нибудь* послѣ отъѣзда изъ Нарбоны Шавиньи. Кардиналъ спѣшитъ въ Парижъ, потому что боится, *какъ бы Сен-Марсъ не привезъ туда короля*, прежде чѣмъ онъ самъ туда прибудетъ.

Мнѣ-же кардиналъ велѣлъ быть съ нимъ, и тайно уговаривать моихъ друзей стоять за него, но предупреждалъ меня не дѣйствовать открыто. Эспенанъ [1]) предложилъ намъ свою крѣпость. Про Шомберга мы не знаемъ, онъ кажется лавируетъ..." [2])

Ришелье, вмѣсто Парижа, направился въ Тарасконъ и въ Ліонъ, когда увѣрился, что герцогъ Орлеанскій, страшно напуганный Шавиньи, предаетъ герцога Бульонскаго и Сен-Марса и выдастъ письменное свидѣтельство Ришелье, что документъ, попавшійся въ его руки, есть вѣрная копія съ подлинника трактата съ Испаніей.

Пока Ришелье съ безпокойствомъ обдумывалъ какъ ему поступить,—посланный имъ Шавиньи пріѣхалъ въ Нарбону къ королю. Явившись къ Людовику XIII съ копіей трактата,—„онъ попросилъ короля удалить на минуту Сен-Марса, бывшаго при немъ. Сен-Марсъ, *„имѣвшій болѣе ума нежели разсудка* [3]) оставилъ Людовика XIII наединѣ съ де-Ноайэ и съ Шавиньи. Они втроемъ, прошли въ другую комнату. Но когда Шавиньи прямо объявилъ Людовику объ уголовномъ обвиненіи, т. е. о заключеніи герцогомъ Гастономъ трактата съ Испаніей, въ которомъ былъ замѣшанъ и Сен-Марсъ,—король страшно разсердился, и, какъ предвидѣлъ кардиналъ,—сказалъ,—что это все выдумки Ришелье, чтобъ погубить Сен-Марса. Шавиньи холодно отвѣтилъ: „не такъ-то будетъ легко Вашему Величеству опровергнуть подобные факты, если испанцы займутъ Шампань". Всетаки ему съ де-Ноайэ, было трудно уломать Людовика" [4]).

[1]) Эспенанъ, врагъ Фонтраля и кардиналистъ.

[2]) Герцогъ Энгіенскій проситъ отца сжечь это письмо, понимая какъ оно предосудительно для Ришелье. Это письмо напечатано въ III томѣ исторіи принцевъ де-Конде, герцога Омальскаго. (Документы, стр. 658).

[3]) „Qui avait plus d'esprit que de cervelle" по словамъ Таллемана. (Historiettes, I, p. 449 примѣчаніе).

[4]) Таллеманъ: Historiettes I, стр. 453—454.

Сен-Марсъ, оставя короля съ Шавиньи и съ де-Ноайэ, вышелъ и встрѣтилъ Фонтраля. Узнавъ въ чемъ дѣло,—съ кѣмъ совѣщается король,—хитрый Фонтраль понялъ, что грозитъ бѣда. Онъ посовѣтовалъ Сен-Марсу удалиться, искать убѣжища у герцога Бульонскаго;—самъ Фонтраль рѣшился бѣжать [1]), и въ тотъ же день отправился въ Англію переодѣтый монахомъ-капуциномъ.

Сен-Марсу мысль о бѣгствѣ не нравилась; онъ былъ плохимъ заговорщикомъ; характеръ его, прямой и отважный, не позволялъ ему забывать о своемъ дворянскомъ достоинствѣ, какъ это дѣлали многіе выше его поставленныя лица. Онъ также вѣрилъ королю, эта вѣра его погубила. Только черезъ нѣсколько дней Шавиньи и де-Ноайэ вырвали у короля приказъ арестовать Сен-Марса.

12 іюня министры увѣдомили Ришелье, „что всѣ распоряженія короля сдѣланы согласно съ желаніями кардинала“ „Conformément aux sentiments de Son Eminence“. (Recueil d'Avenel).

14 іюня, 1642 г. Сен-Марсъ ужиналъ у Бомона,—губернатора Сен-Жермена, а оттуда отправился въ „Аршевешэ“ [2]) города Нарбоны, гдѣ находились квартиры его и короля. (Мемуары Шаваньяка, 35).

Въ слѣдующемъ письмѣ Винейля къ Гюмьеру, сохранилась достовѣрная версія объ арестѣ Сен-Марса. Это самый точный и самый подробный документъ, объясняющій и объединяющій расходящіяся межъ собой преданія объ этомъ фактѣ.

„Я думаю, что вы только туманно узнали, то, что про„изошло 14-го сего мѣсяца въ городѣ Нарбонѣ и хотя случай, „вызывающій столько сожалѣній достоинъ скорѣе молчанія, „чѣмъ подробнаго изслѣдованія,—но я предполагаю, что для „вашего огорченія единственнымъ утѣшеніемъ будетъ узнать „точный разсказъ объ этомъ спорномъ дѣлѣ. Я-же хочу со„общить вамъ, то немногое, что мнѣ извѣстно.

„12-го король два раза тайно совѣщался съ г-ми Ша„виньи и де-Ноайэ, отъ часу до четырехъ. Послѣ этого вре„мени, до своего ужина, онъ казался безпокойнымъ и молча

---

[1]) Тотъ-же, Historiettes I, стр. 454.

[2]) Во дворецъ архіерея.

„ходилъ по своей комнатѣ. Послѣ ужина къ королю вошелъ „оберъ шталмейстеръ, Сен-Марсъ, который въ этотъ день „игралъ въ шары и смотрѣлъ какъ объѣзжали лошадь, пода„ренную ему графомъ де-Шарò, (тѣмъ самымъ, которому „было поручено арестовать его).

„Король послѣ пяти или шести дневнаго охлажденія къ „Сен-Марсу, удвоилъ свои ласки. Онъ назвалъ его *своимъ „дорогимъ другомъ*“ [1]), чего не дѣлалъ уже нѣсколько дней. „Они разговаривали съ необычайной откровенностью и съ осо„бенными изліяніями благосклонности со стороны короля, пока „Его Величество не легъ въ постель и не сказалъ Сен-Марсу, „задернувшему занавѣсь его кровати, чтобы онъ пошелъ от„дохнуть, такъ какъ, усталъ отъ игры въ шары. Едва онъ „успѣлъ выйти, какъ король посылаетъ за графомъ де-Шарò „и велитъ ему забрать всѣ ключи дворца и прійдти разбудить „его въ 3 часа утра. Такъ и было сдѣлано: тогда рано утромъ, „король приказалъ арестовать Сен-Марса. Однако послѣдній, „извѣщенный о тайныхъ послѣобѣденныхъ совѣщаніяхъ [2]), за„мѣтя охлажденіе короля, а потомъ его удвоенныя ласки, „предупрежденный нѣкоторыми совѣтами своего конюха, — „тайно вышелъ изъ дворца и верхомъ, попытался выѣхать изъ „города. Но онъ нашелъ ворота запертыми. Онъ поѣхалъ на„задъ въ городъ, въ квартиру конюха, который поручилъ его „своей хозяйкѣ [3]), какъ своего друга дворянина, возвратив„шагося больнымъ изъ похода, и попросилъ ее послать чистое „бѣлье въ его кровать. Затѣмъ, конюха, поспѣшившаго во „дворецъ съ порученіемъ забрать шкатулку съ бумагами,— „арестовали. Графъ де-Шарò, не найдя Сен-Марса въ его по„мѣщеніи, забилъ тревогу въ замкѣ, ища его повсюду,

---

[1]) Смотрѣть послѣднее письмо Сен-Марса къ Маріи де-Гонзаго, напечатанное въ Мемуарахъ Анны де-Гонзаго, и переведенное съ французскаго въ этихъ замѣткахъ.

[2]) Съ Шавиньи и де Ноайэ. Смотр.: также въ мемуарахъ Шаваньяка, стр. 34, какъ Фонтраль во время этого совѣщанія предупреждалъ Сен-Марса бѣжать.

[3]) Это выясняетъ слова отца Гриффэ „онъ нашелъ убѣжище у Сударя („Sieur“) *Сіужа*“. Оказывается, что Сен-Марсъ поѣхалъ къ своему конюху *Сіужа*, преданному ему, и старавшемуся впослѣдствіи, *два* раза, освободить Сен Марса изъ тюрьмы.

„пока король не уѣхалъ, (въ Пятницу 15-го іюня въ шесть „часовъ утра), въ Безье, увѣренный, что Сен-Маръ „убѣжалъ „изъ города. Уѣзжая, Его Величество приказалъ начальни„камъ и главнымъ чинамъ Нарбоны сдѣлать обыскъ во всемъ „городѣ и въ случаѣ поимки Сен-Марса, держать его подъ „арестомъ, до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Начальники „тотчасъ офиціально объявили, что подъ страхомъ повѣшанія „запрещаютъ кому бы то ни было скрывать г-на оберъ-шталь„мейстера у себя. Владѣлецъ дома, гдѣ былъ спрятанъ Сен„Маръ, возвратившись изъ деревни, спросилъ свою жену кто „у нихъ проживаетъ; она ему отвѣтила, что на чердакѣ, на„ходится какой-то больной дворянинъ. Поднявшись туда, „хозяинъ узналъ Сен-Марса. Онъ тотчасъ объявилъ это го„рожанамъ, тѣ схватили Сен-Марса и немедленно послали „нарочнаго извѣстить короля, который прислалъ капитана „своей охраны съ ротой солдатъ, чтобы провести Сен-Марса „подъ конвоемъ въ крѣпость Монпелье. Когда капитанъ объ„явилъ свое порученіе, Сен-Маръ спросилъ его, самъ ли „король далъ ему приказъ арестовать его? Капитанъ удосто„вѣрилъ, что приказъ отъ самого короля,—и попросилъ Сен„Марса отдать ему свою шпагу, на что тотъ согласился. „Тогда онъ всталъ съ сѣнника, на которомъ лежалъ одѣтый „и остановился около стѣны, предавшись мысли о перемѣнчи„вости судьбы и о своемъ безвыходномъ положеніи; глаза его „наполнились слезами. Потомъ онъ отвѣтилъ капитану, что „разъ *король* приказываетъ,—онъ повинуется“ [1]).

Графъ де-Шаро, тогда-же ночью, отправившись на квартиру Сен-Марса и не найдя его, остановилъ де-Ту, Шаваньяка [2]), д'Озонвиля и всю прислугу Сен-Марса. Онъ забралъ также его письма и бумаги.

Капитанъ охраны отвелъ сперва Сен-Марса во дворецъ Аршевешэ, подъ конвоемъ своихъ солдатъ. По пути, друзья Сен-Марса, Шаваньякъ [3]), Вилларъ и Шапогэ, бросились ему

---

[1]) Письмо Винейля къ Гюмьеру, напечатан.: въ VIII томѣ историческихъ и литературныхъ замѣтокъ.

[2]) Шаваньяка—отца.

[3]) Шаваньякъ сынъ, авторъ мемуаровъ, описавшій самъ эту сцену.

на встрѣчу. Но одинъ Шаваньякъ пробился къ нему не смотря на стражу и говорилъ съ нимъ.

Въ ночь съ 17-го на 18-ое іюня, въ Парижѣ узнали объ арестѣ Сен-Марса. Принцесса де-Гонзаго пришла въ ужасъ; она рыдала, но также трепетала при мысли, что у Сен-Марса „страшная масса“ ея писемъ [1]). Она боялась, чтобъ не арестовали ее и сейчасъ же отправилась къ племянницѣ и любовницѣ кардинала, къ Маріи де-Виньерò, герцогинѣ д'Эгильонъ. Марія де-Гонзаго умоляла ее умилостивить кардинала. Впослѣдствіи г-жа д'Эгильонъ отдала Маріи де-Гонзаго, тѣ ея письма, которыхъ не успѣлъ сжечь Сен Марсъ.—Другъ Сен-Марса, маркизъ де-Рювиньи, горячо защищалъ честь его отъ нападокъ кардиналистовъ. Мать Сен-Марса писала своему прежнему другу кардиналу, — умоляя его спасти ея сына,— на что онъ сухо отвѣтилъ ей, что жизнь Сен-Марса не въ его рукахъ... Тогда аббатъ Іоаннъ д'Эффіà поѣхалъ умолять короля о помилованіи брата, но подъ вліяніемъ Ришелье, Людовикъ XIII велѣлъ предупредить его на дорогѣ, что не приметъ его. А все таки, Людовикъ XIII грустилъ и сомнѣвался. Его состояніе можно объяснить тѣмъ, что зная, на сколько онъ самъ способствовалъ враждѣ Сен-Марса къ кардиналу,— сколько компрометирующихъ его бумагъ можно было найти у Сен-Марса,—онъ трусилъ; боялся, чтобъ Ришелье не оставилъ его, или, хуже того,—какъ онъ говорилъ Сен-Марсу,— чтобъ Ришелье не возсталъ противъ него. Людовикъ сжегъ и у себя много писемъ и бумагъ, касающихся этого дѣла. (Кардиналъ писалъ 27-го іюня: *„Il faut représenter au roy qu'il est très important de ne dire pas qu'il ait bruslé tous les papiers“* [2]).

Де-Ноайэ писалъ Ришелье изъ Марсельяна: „я не знаю, что дѣлать съ королемъ. Придется попросить, Мортемара“,— (приверженца Ришелье)—„поговорить съ нимъ; странныя мысли

---

[1]) **Таллеманъ.** Historiettes.

[2]) **„Очень важно внушить королю, не говорить о томъ что онъ сжегъ всѣ бумаги“.**

„Instruction après l'arrest de M. le Grand à M-rs de Chavigny et des-Noyers, estant près du Roy, pour savoir, entre autres choses de S. Majesté, si son Eminence agira comme elle a fait ci-devant, ainsi qu'elle le jugera à propos“. Recueil d'Avenel.

его преслѣдуютъ. Онъ мнѣ сказалъ вчера: (говоря о Сен-Марсѣ) да не ошиблись-ли въ имени?" („Il me dit hier qu'il avait doubté si l'on n'aurait pas mis un nom pour l'autre)". *Recueil d'Avenel.*

Далѣе у Авенеля находятся слѣдующія слова: „Сперва король намѣревался его спасти, и даже высказалъ это намѣреніе: *„герцогъ Бульонскій испортилъ Сен-Марса, и онъ одинъ достоинъ смерти".*

Первый взглядъ короля и его личныя сужденія были почти всегда вѣрными, но при одномъ повелительномъ словѣ Ришелье,—все путалось у него въ головѣ, онъ робѣлъ,—слушался министра и повторялъ его слова [1]).

„Сен-Марса отправили въ Монпельэ, гдѣ онъ пережилъ въ тюрьмѣ всѣ муки заточенія" [2]). Войдя въ тюрьму онъ воскликнулъ: Ah! faut il mourir à vingt ans!

(„Ахъ! надо ли умирать въ 20-ть лѣтъ?) [3]) Ришелье узнавъ, что Сен-Марсъ, говорилъ во время прогулки въ тюремномъ дворѣ, *„что онъ признается въ дурныхъ намѣреніяхъ противъ Ришелье, — но что эти намѣренія раздѣлялъ самъ король"* —запретилъ, чтобы выпускали Сен-Марса,—боясь распространенія подобныхъ рѣчей [4]); Авенель въ своемъ сборникѣ напечаталъ интересное письмо (4-го іюля 1642 г.) въ которомъ говорится намекомъ объ опасеніяхъ кардинала. Очень трудно успокоить кардинала, который, вѣдая *„что король былъ согласенъ"*, боится находиться *тамъ*, гдѣ могло-бы вновь приключиться *то*, что должно было произойти,—и въ присутствіи *тѣхъ* кто долженъ былъ все это исполнить, (т. е. Тревилль и офицеры охраны короля, хотѣвшіе убить Ришелье и говорившіе о томъ передъ Людовикомъ). Мортемаръ, о которомъ писалъ де-Ноайэ, наконецъ пріѣхалъ ко двору и сталъ

---

[1]) Смот. письмо Ришелье *изъ Тараскона*, іюня 1642, гдѣ онъ подробно объясняетъ, какъ и что король долженъ сказать аббату Ла Ривьеру. (De Tarascon ce dernier Juin 1642) и „Memoire" „г-омъ Шавиньи и де-Ноайэ", гдѣ кардиналъ диктуетъ королю условія съ герцогомъ Орлеанскимъ за его подпись подъ копіей трактата и за письменную исповѣдь, требуемыя отъ него кардиналомъ. *Сборникъ Авенеля.*

[2]) Мемуары мадамъ де-Мотвиль.

[3]) Письмо Де-Ноайэ къ кардиналу, 30 іюня 1642 г.

[4]) Бассери. Заговоръ Сен-Марса, стр. 143.

доносить Людовику XIII, неосторожныя шутки Сен-Марса, давно забытыя всѣми, но гдѣ-то подобранныя его врагами. Онъ искажалъ смыслъ словъ Сен-Марса, и каждый день, повторяя королю обидныя насмѣшки, приписываемыя опальному любимцу, возстановлялъ противъ него Людовика [1]).

Ришелье, готовился путемъ клеветы, вырвать приговоръ Сен-Марса у короля. Мало-по-малу, внимая всѣмъ этимъ пустымъ и ядовитымъ толкамъ, Людовикъ сталъ ненавидѣть Сен-Марса, вернулся подъ вліяніе Ришелье, и старался загладить свою недавнюю необходительность съ нимъ.—Въ виду сближенія съ кардиналомъ, король начинаетъ самъ осуждать Сен-Марса. „Невиданный еще примѣръ французскаго монарха, ставшаго на судѣ, обвинителемъ своего подданнаго“ [2]).

Тогда какъ враги Сен-Марса работали, чтобъ погубить его, друзья молодаго человѣка, всѣми силами хотѣли его спасти,—но два раза это не удалось имъ.

Сперва *Сіужа* и *Прюнь*, офицеры полка д'Эффіа устроили заговоръ, чтобъ освободить Сен-Марса [3]),—но эта попытка окончилась тѣмъ, что несчастнаго Генриха д'Эффіа засадили въ комнату, гдѣ было темно и душно, и ему не позволили говорить ни съ кѣмъ [4]). Такъ онъ провелъ два мѣсяца. Вскорѣ, онъ заболѣлъ, „но и въ своемъ несчастьѣ онъ хранилъ гордое терпѣніе, онъ выносилъ всѣ муки, не проронивъ ни одной жалобы“ [5]).

Участь Сен-Марса была такъ ужасна, что во второй разъ, посторонній молодой офицеръ Ла-Бонодьеръ, сжалился надъ нимъ, и хотя онъ зналъ чѣмъ угрожаетъ ему подобное дѣло,—помогъ узнику выйдти на крышу башни; Сен-Марсу слѣдовало спуститься внизъ по веревкѣ, но онъ былъ такъ слабъ,

[1]) Смотр. переписку Ришелье съ Шавиньи и де-Ноайэ, во время пребыванія его въ Тарасконѣ, о послѣднихъ дняхъ въ Нарбонѣ съ королемъ. Сбор. *Авенеля*.

[2]) *Бассери. Заговоръ Сен-Марса, стр. 145-я.*

[3]) Заговоръ былъ открытъ. Двухъ солдатъ повѣсили, а Прюнъ потерялъ свой чинъ и свободу.

[4]) *Витторіо Сири.*

[5]) Mais dans sa misère, il conservait sa superbe endurance: pas une plainte ne sortait de ses lèvres. *Бассери. Заговоръ Сен-Марса стр. 148.*

и измученъ, что не могъ довольно скоро и ловко исполнить это трудное предпріятіе. Стража его схватила,—а Ла-Бонодьеръ былъ заточенъ на нѣсколько лѣтъ. (*Бассери*).

Ришелье думалъ, что де-Ту извѣстны малѣйшія подробности этого дѣла и поэтому онъ велѣлъ привести его въ Тарасконъ, чтобъ имѣть его близь себя для допросовъ, и чтобы тюремщикъ Кромби доносилъ его слова. Но де-Ту былъ еще осмотрительнѣе Сен-Марса и не проговаривался. Шавиньи, допрошавшій его, не получилъ отъ него никакого отвѣта. Тулонскій архіерей, шуринъ де-Ту, пріѣхалъ въ Тарасконъ, чтобъ просить о его помилованіи и увѣрялъ де-Ноайэ, (бывшаго въ совѣтѣ кардинала)—что де-Ту никогда-бы не содѣйствовалъ заговору противъ государства. Де-Ноайэ отвѣтилъ, „что будущее все разъяснитъ, но что такъ какъ онъ другъ Сен-Марса—то на него падаютъ подозрѣнія". Дѣло въ томъ, что де-Ноайэ былъ настроенъ противъ Сен-Марса и де-Ту, услышавъ, что сторонники Сен-Марса въ арміи, просили назначить де-Ту на мѣсто военнаго статсъ-секретаря, занимаемое самимъ де-Ноайэ". *Бассери. Заговоръ Сен-Марса, стр. 170, 171.*

„Кардиналъ, узнавъ, неизвѣстно какимъ образомъ, что король позволилъ Сен-Марсу и де-Ту писать въ Мадридъ и въ Римъ, чтобъ разспросить тайно отъ него подвигаются-ли переговоры о мирѣ съ Испаніей,—опять перепугался. 7-го іюня 1642 г. онъ велѣлъ привесть де-Ту изъ тюрьмы, принялъ его въ своей комнатѣ" [1]) и долго уговаривалъ его, съ свойственной ему хитростью открыть ему какой былъ замыселъ у короля и гдѣ находятся подписанныя королемъ полномочія и бланки, выданныя Сен-Марсу и де-Ту въ виду переписки ихъ съ Испаніей. Этотъ разговоръ кардинала съ де-Ту записанъ въ *дневникѣ Ришелье*: [2]).

---

[1]) Бассери. Заг. Сен-Марса 171 стр.

[2]) Journal de Richelieu: Interrogatoire et réponse de-M-r de Thou à Monseigneur le Cardinal-Duc qui l'envoya quérir en la prison du chasteau de Tarascon. Journal de-M-r le cardinal de-Richelieu, qu'il a fait durant le grand orage de la cour en l'anneé 1642, et tiré des Mémoires qu'il a escrits de sa main. M. DCL. XVIII.

Кардиналъ. „Прошу извиненія что побезпокоилъ васъ, давъ вамъ трудъ явиться сюда".

Де-Ту. „Принимаю ваше столь лестное извиненіе".

(*Кардиналъ велѣлъ приблизить къ своей постели стулъ для де-Ту*).

Кардиналъ. „Прошу васъ разсказать мнѣ какъ все произошло съ начала?"

Де-Ту. „Никто лучше вашего Высокопреосвященства не можетъ вѣдать о томъ".

Кардиналъ. „У меня нѣтъ сношеній съ Испаніей, чтобъ узнать то, что вы знаете".

Де-Ту. „Можете-ли вы не знать то, что было приказано королемъ?"

Кардиналъ. „Писали-ли вы въ Римъ и въ Испанію?"

Де-Ту. „Да, по повеленію Его Величества".

Кардиналъ. „Развѣ вы въ чинѣ статсъ-секретаря, чтобъ такъ дѣйствовать".

Де-Ту. „Нѣтъ, Ваше Высокопреосвященство, (Votre Eminence) — но король приказалъ, — я не могъ не повиноваться".

Кардиналъ. „Имѣете ли вы какое нибудь полномочіе для этого?"

Де-Ту. „Слово короля и письменное повелѣніе".

Кардиналъ. „Если такъ, почему-же г-нъ де-Сенъ-Марсъ ничего объ этомъ не сказалъ?"

Де-Ту. „Онъ былъ неправъ молчать объ этомъ, потому что получилъ повелѣніе также какъ и я".

Кардиналъ. „Гдѣ это письменное полномочіе?"

Де-Ту. „Въ хорошихъ рукахъ. Его предъявятъ, когда прійдетъ пора".

„Но этого-то именно надо избѣжать... Кардиналъ не хочетъ показать виду, что знаетъ о томъ, что король давалъ повелѣніе дѣйствовать противъ него. Онъ выписываетъ изъ Парижа комиссаровъ, чтобы помочь де-Шазэ обвинять величественнаго, твердаго, важнаго и честнаго де-Ту, добродѣтель котораго, грозила его судьямъ". (*Alfred de-Vigny. „Cinq-Mars". Историческіе документы, стр. 463*).

(На этомъ историческомъ свиданіи Ришелье съ де-Ту,

поэтъ основалъ сцену между Ришелье и обоими обвиненными) [1]).

22-го іюля начались допросы. Сен-Марсъ, вѣрный слову данному герцогамъ Орлеанскому и Бульонскому, отвергъ все и не проговорился ни о комъ изъ своихъ сообщниковъ. Тогда Ришелье, надѣясь узнать что нибудь путемъ доноса, приказалъ тюремщику Сетону передавать каждое слово Сен-Марса. (*Смот. сборникъ Авенеля*).

Если бы Гастонъ Орлеанскій поступилъ также честно какъ Сен-Марсъ и де-Ту, то никто-бы не погибъ. У Ришелье была только *копія* трактата; стоило Гастону не подписывать ее, какъ достовѣрный документъ, и всѣ были бы спасены. „Никто не зналъ, какимъ образомъ и какимъ путемъ эта копія попала въ руки кардинала и до сихъ поръ это остается загадкой; но всѣ подозрѣнія падаютъ на королеву Анну". (*Таллеманъ. Historiettes стр. 455, 456, I*).

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ подозрѣній, всѣ историки замѣчаютъ: „получивъ трактатъ, Ришелье пересталъ угрожать, что отниметъ у нея дофина". (*Histoire de Fabert, P. Barre*).

Но, чтобъ добиться подписи Гастона и полнаго съ его стороны признанія, кардиналъ сталъ пугать его, велѣлъ передать ему, что весь заговоръ извѣстенъ, что копія трактата у него, и что самъ Гастонъ можетъ легко погибнуть.

Герцогъ Орлеанскій, потерявъ голову отъ страха, написалъ Ришелье самое постыдное письмо, взваливая всю вину на Сен-Марса, а королю подослалъ Аббата Ла-Ривьера, чтобы разузнать велика-ли лично для герцога Орлеанскаго, опасность? (*Бассери. Заг. Сен-Марса*). Гастонъ умолялъ также Мазарини помочь ему и выручить у Ришелье.

Ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Монфренъ, гдѣ былъ Людовикъ XIII. Объ этомъ Аббатѣ Ла-Ривьеръ говорили, что онъ былъ извѣстнѣйшій, богатѣйшій и лучше всѣхъ вознагражденный предатель изъ цѣлаго королевства, и что продавая такъ часто своего господина, онъ лучше всѣхъ зналъ его цѣну. (*Recueil d'Avenel*).

---

[1]) Трагедія Сен-Марсъ. Дѣйствіе V.

Мазарини не былъ расположенъ къ Сен-Марсу. (Сборникъ Авенэля)·

„Ришелье тотчасъ написалъ Шавиньи, (бывшему съ королемъ),—*какъ* король долженъ дѣйствовать съ Ла-Ривьеромъ [1]). Онъ совѣтовалъ королю требовать отъ Гастона *исповѣди* и *выдачи подлинника трактата*. Исповѣдь должна была заключаться въ обвиненіи Сен-Марса и де-Ту. Если же Гастонъ не согласится на эти унизительныя условія, ему слѣдуетъ грозить чуть ли не смертью. Въ случаѣ же его согласія, — кардиналъ назначилъ ему пенсію въ сорокъ тысячь ливровъ и обѣщалъ позволить ему удалиться въ Венецію.

Шавиньи сказалъ, получивъ письмо Ришелье: „La peur est un excellent orateur pour déterminer le duc d'Orléans à faire ce qu'on exige de lui [2]). (*Avenel cité par Basserie: Conjuration de Cinq-Mars pag: 160——165.*

Больной и хилый кардиналъ, забылъ о своихъ недугахъ, чтобъ разставлять ловушки, и губить своихъ враговъ. Онъ писалъ Шавиньи: „Jaj de l'impatience de savoir [3]) ce qu'aura fait Monsieur (герцогъ Орлеанскій) et s'il donnera une bonne déclaration, ce que je désirerais grandement, car s'il fournissait le traicté général faict en Espagne et l'association particulière faite entre luy et M. M. de Bouillon et Cinq-Mars—„le grand le procès serait aysé à faire. Sans ces pièces on aura une claire connaissance du crime mais il sera difficile de le justifier en un procès". (Сборникъ Авенэля).

Въ этихъ словахъ нравственный приговоръ продавшаго

---

[1]) Письмо Ришелье къ Шавиньи изъ Тараскона „*послѣдняго числа іюня*" 1642 г.

[2]) „Страхъ краснорѣчивый ораторъ, чтобъ убѣдить герцога Гастона Орлеанскаго, сдѣлать то, что требуютъ отъ него".

[3]) „Я жду съ нетерпѣніемъ увѣдомленія о томъ, что дѣлаетъ герцогъ Орлеанскій и добьемся-ли отъ него такой исповѣди, какой я весьма желаю. Если-бы онъ намъ доставилъ подлинникъ трактата, (*общій* трактатъ) заключенный въ Испаніи и личный договоръ межъ ними, (герцогомъ Орлеанскимъ, герцогомъ Бульонскимъ и Сен-Марсомъ), то было бы легко вести процессъ. Безъ этихъ документовъ будутъ имѣть ясное понятіе о преступленіи,—но будетъ трудно законно доказать улики въ судѣ".—Личнаго договора заговорщики не заключали. Герцогъ Орлеанскій замѣнилъ его выдачей *тайнаго повельнія*,—*contre lettre*. См. далѣе: Трактатъ съ Испаніей.

всѣхъ Гастона, и самаго Ришелье, искавшаго *во что бы то ни стало* смерти Сен-Марса.

Заблаговременно заручась письмомъ, въ которомъ Ришелье обѣщалъ ему помилованіе и деньги, — 29 августа, Герцогъ Орлеанскій принесъ повинную; въ гор. Вильфраншѣ. Свою письменную исповѣдь, Герцогъ Орлеанскій подписалъ, въ присутствіи Сегье и судей Лобардемона, Марка [1]), Шазэ и Мироменил. Въ этой исповѣди Герцогъ Орлеанскій скомпрометировалъ Сен-Марса и Герцога Бульонскаго. Потомъ онъ подписалъ копію трактата съ Испаніей, признавъ ее совершенно вѣрно списанной съ подлинника, и также подписалъ копію тайнаго повелѣнія гдѣ впервые названы по имени Сен-Марсъ и Герцогъ Бульонскій, *не подписавшіе ни трактата ни этого тайнаго повелѣнія.*

Не извѣстно почему Гастонъ Орлеанскій не выдалъ подлинника трактата, который былъ въ его рукахъ, и почему кардиналъ, требовавшій отдачи этого документа до свиданія Герцога Орлеанскаго съ судьями, 29 августа 1642 г.,—вдругъ не сталъ болѣе требовать подлинника и удовлетворился подписью Гастона въ концѣ копіи трактата, съ его письменнымъ удостовѣреніемъ, что копія вѣрна. Былъ ли трактатъ сожженъ Гастономъ, былъ ли онъ потерянъ, — не знаютъ. Это странное обстоятельство можетъ возбудить разныя предположенія, но во всѣхъ этихъ событіяхъ много неизъяснимаго, тайнаго; и это неудивительно, такъ какъ впослѣдствіи, послѣ смерти Сен-Марса, кардиналъ сжегъ все, что могло бы послужить опроверженіемъ взведенныхъ на него преступленій, а король сжегъ всѣ бумаги, компрометирующія его и свидѣтельствующія о его содѣйствіи въ намѣреніи Сен-Марса низвергнуть кардинала.

Все же, не смотря на признаніе Герцога Орлеанскаго, Ришелье былъ въ затруднительномъ положеніи, потому что, Сен-Марсъ и де-Ту, хотя — и заключенные въ разныя тюрьмы, какъ бы сговорившись,— ничего не открывали на допросахъ. Это молчаніе подтверждало подозрѣніе короля, думавшаго, что

[1]) Автора письма къ де-Бріенну, о героической смерти де Ту и Сен-Марса. Думаютъ что онъ авторъ реляціи,—„Relation“, напечатанной, съ его письмомъ въ MDCLXV году.

Сен-Маресъ не такъ виновенъ, какъ остальные, т. е. какъ герцоги Орлеанскій и Бульонскій. Де-Ту былъ заключенъ въ Тарасконѣ и его тюремщикъ Кромби очень дурно относился къ нему. Сен-Маресъ былъ заключенъ сперва въ Монпелье, потомъ въ Монѣ. Наконецъ, Ришелье придумалъ слѣдующее: онъ писалъ Сегье: „Надо еще сократить всѣ случаи, представляющіеся заключеннымъ, вести бесѣду или видѣться съ кѣмъ бы то ни было; такимъ образомъ, можно будетъ увѣрить одного, что другой уже признался во всемъ. Эта мѣра должна повести къ полному признанію со стороны подсудимыхъ,—а публика всему повѣритъ". (*Recueil d'Avenel*). Это письмо весьма вдохновило впослѣдствіи Сегье и Лобардемона, которые только обманомъ добились признанія Сен-Марса, этимъ обманомъ погубили его.

Герцога Бульонскаго арестовали и привезли въ Ліонъ, гдѣ онъ малодушно признался во всемъ и всю свою вину свалилъ на Сен-Марса [1]). Мазаринъ обѣщалъ ему помилованіе, — жизнь, — если онъ отдастъ свое Седанское княжество Людовику XIII.

Одинъ де-Ту, все еще оставался совершенно необвиненнымъ; да и что можно было найти противъ этого безукоризненно-честнаго человѣка? Сколько разъ предостерегалъ онъ Сен-Марса не давать согласія на заключеніе роковаго трактата! Его вина состояла только въ томъ, что изъ дружбы къ Сен-Марсу, онъ иногда помогалъ ему въ свиданіяхъ съ герцогомъ Бульонскимъ но не участвовалъ въ нихъ. Не онъ одинъ вѣдалъ о трактатѣ: Шомбергъ и обѣ принцессы де-Гонзаго знали о немъ, а ихъ и не думали судить.

3-го сентября, Ришелье пріѣхалъ въ Ліонъ и привезъ съ собой де-Ту. На другой день привезли сюда Сен-Марса изъ Монпелье. „Его везли въ открытой каретѣ; когда ему пришлось выйдти изъ экипажа и пересѣсть на лошадь, чтобы взобраться на гору Pierre-Encise, онъ грустно сказалъ: „Вотъ моя послѣдняя прогулка!" На пути, маленькій мальчикъ, изъ бывшей прислуги Сен-Марса, бросился къ нему навстрѣчу и передалъ ему записку отъ герцогини Мантуанской; но записку

---

[1]) *Бассери*. Заговоръ Сен-Марса, стр. 185.

тотчасъ отобрали. Въ комнатѣ куда помѣстили Сен-Марса, спалъ тюремщикъ Сетонъ и четыре солдата. Окнами она выходила на внутренній дворъ крѣпости. Ночью стукъ и шумъ при перемѣнѣ стражы не давалъ покоя узнику. Жара была страшная,—тюрьма—низкая и удушливая. Сен-Марсъ чувствовалъ себя нравственно и физически измученнымъ“ [1]). Но, твердая воля не покидала его. „Его имя пробуждаетъ въ насъ послѣ двухъ столѣтій, только нѣжное воспоминаніе; — любуешься имъ и жалѣешь о немъ“ [2]).

Одному іезуиту Мальвалету было позволено навѣщать Сен-Марса. Онъ утѣшалъ молодаго узника, который просилъ, чтобъ священнику позволили приходить два раза въ день. Ришелье велѣлъ Малвалету доносить каждое слово Сен-Марса, но онъ не исполнялъ приказанія; онъ сталъ приготовлять своего духовнаго сына къ смерти.

Заклятый врагъ Сен-Марса канцлеръ Сегье [3]) (нарочно назначенный въ его судья кардиналомъ, пришелъ въ тюрьму, и забросалъ Сен-Марса самыми любезными словами: „Я вамъ докажу, теперь, — говорилъ Сегье, что не забылъ вашихъ услугъ; довѣрьтесь мнѣ“. Но Сен-Марсъ не повѣрилъ и отвѣтилъ: „Я вижу по тому, какъ обращаются со мной, что хотятъ лишить меня жизни. Я, буду принесенъ въ жертву страстямъ моихъ враговъ и безхарактерности короля“. (*Бассери. Заг. Сен-Марса, стр. 207*).

Кардиналъ и Сегье очень боялись, чтобъ Сен-Марсъ не обратился къ Парижскому Парламенту, гдѣ судья были неподкупны; народъ, страстно любившій Сен-Марса, могъ бы, въ Парижѣ, освободить его [4]). Надо замѣтить, что Сен-Марсъ былъ можетъ быть единственнымъ „*королевскимъ любимцемъ*“, котораго когда-либо во Франціи, народъ *страстно* любилъ [5]): „Онъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ, чтобъ дѣ-

---

[1]) *Бассери.* Заговоръ Сен-Марсъ, стр. 203, 205.

[2]) *Базенъ*, (Bazin Histoire populaire).

[3]) Не смотря на то, что былъ обязанъ ему сохраненіемъ канцлерскаго достоинства. См. выше стр. .

[4]) *Таллеманъ.*

[5]) См. *Таллеманъ.* „Historiettes“, Бассери и отецъ Гриффэ.

лать добро и вмѣсто того, чтобъ обогащаться разорялся на подаянія". (*Бассери*).

Монгла говоритъ о немъ: „Онъ былъ сердечный".

Надо было спѣшить съ процессомъ, и на другой-же день. „*доброжелатель*" Сен-Марса, канцлеръ Сегье, его мучилъ семь часовъ допросами, передъ двѣнадцатью судьями, стараясь уловить его на словѣ.

Сен-Марсъ: „спокойно, властно, разумно противился судьямъ, поражая ихъ. Если сравнить поведеніе этого двадцатидвухлѣтняго человѣка съ поведеніемъ герцоговъ Орлеанскаго и Бульонскаго, право жалѣешь, что онъ выдержалъ такую нравственную борьбу изъ вѣрности къ нимъ" (*Бассери. Зав. Сен-Марса, стр. 208*).

Но каково было удивленіе Сен-Марса, — какъ онъ негодовалъ, когда на очной ставкѣ, 6-го сентября, съ герцогомъ Бульонскимъ, онъ узналъ, что послѣдній, вмѣстѣ съ Гастономъ Орлеанскимъ, выдалъ его головой. Онъ сейчасъ вспомнилъ о де-Ту и немного прійдя въ себя приложилъ все свое стараніе, чтобы спасти своего друга.

„Онъ нашелся и сказалъ, что документъ ему показанный— копія трактата, а не подлинникъ; не видя оригинала, онъ объявилъ, что можно предполагать, что это недостовѣрный документъ, и что все дѣло — ложный доносъ, а о повинной исповѣди Гастона Орлеанскаго онъ прибавилъ: „Она фальшива по всѣмъ пунктамъ" [1]). На это заявленіе историки обратили слишкомъ мало вниманія [2]).

„Но герцогъ Бульонскій, думая только о томъ, какъ бы „спасти свою голову, не щадилъ Сен-Марса и де-Ту; тогда „горячій и благородный юноша, воскликнулъ: „Не могу по„стичь, какъ дворянинъ, послѣ столькихъ клятвъ, можетъ „предавать своихъ друзей! Я бы лучше рѣшился умереть въ „мукахъ! Послѣ такой измѣны, стоитъ-ли мнѣ еще защищать „свою жизнь!" [3]).

---

[1]) „Qu'elle est fausse dans tous ses points".

[2]) Документы процесса.

[3]) Изъ тѣхъ же источниковъ. См. также стр. 213, Заговоръ Сен-Марса: — Бассери; — этотъ авторъ приводитъ множество документовъ процесса.

„Съ де-Ту, дѣло не подвигалось. Молодой совѣтникъ думалъ о чести королевы Анны и о Сен-Марсѣ. Онъ ловко, и умно отвѣчалъ, то допрашавшему его Ришелье, — то Сегье. Сен-Марсъ-же, повидимому, рѣшился умереть, не выдавъ своего друга. Силой нельзя было узнать отъ него ничего; — надо было хитростью и ловкостью, вырвать у него обвиненіе де-Ту; и вотъ, кардиналъ вновь подсылаетъ Сегье къ Сен-Марсу. Канцлеръ увѣряетъ его, что можетъ его спасти. Играя какъ хищный звѣрь со своею жертвой, онъ будитъ надежду въ душѣ уже отрѣшившейся отъ жизни. „Повѣрьте мнѣ“, — говорилъ Сегье, — „король васъ слишкомъ любитъ, чтобы дать вамъ погибнуть. Вы такъ молоды. Если король милуетъ герцоговъ Орлеанскаго и Бульонскаго почему бы онъ не помиловалъ васъ? Отъ васъ требуютъ только исповѣди, которая не можетъ служить обвиненіемъ вашего друга де-Ту, ***потому что, все что вы мнѣ довѣрите не будетъ служить уликой противъ васъ въ процессѣ***“. (*Отецъ Гриффэ*).

Эта рѣчь потрясла Сен-Марса. Она какъ свѣтъ озарила его, надежда снова зародилась въ измученномъ отреченномъ отъ жизни молодомъ существѣ. Но онъ выдержалъ и въ этотъ разъ, не смотря на всѣ обѣщанія Сегье. „Недавно Сен-Марсъ, разговаривая съ старикомъ тюремщикомъ Сетономъ говорилъ ему: „Я не скажу ничего и если надо будетъ умереть, я умру честнымъ человѣкомъ и никто не погибнетъ черезъ меня“ [1]). Онъ ни слова не вымолвилъ о де-Ту.

„Остается только пытать Сен-Марса?“ говорилъ въ недоумѣніи Сегье, послѣ новой своей неудачи. Но Ришелье не согласился. Сен-Марсъ былъ боленъ и такъ слабъ, что могъ умереть во время пытки, не разоблачивъ де-Ту и не признавшись ни въ чемъ. Да и король, еслибъ узналъ о пыткѣ, могъ-бы почувствовать снова приливъ нѣжности и жалости къ своему прежнему любимцу [2]). Надо было пытать Сен-Марса,— но пытать нравственно. Пришла очередь подослать судью Лобардемона, человѣка, о которомъ можно было сказать, что онъ безъ чести и безъ совѣсти. Такой судья могъ исполнить

---

[1]) *Таллеманъ*. „Historiettes“.

[2]) *Бассери*. Загов. Сен-Марса, стр. 224—225

порученіе данное ему кардиналомъ: т.-е. увѣрять по одиночкѣ каждаго узника, что онъ преданъ своими сообщниками. Путемъ такого обмана, Лобардемонъ вырвалъ у Сен-Марса признаніе, что де Ту зналъ о трактатѣ. Вотъ какъ это случилось: Лобардемонъ отправился въ тюрьму и объявилъ Сен-Марсу, что ему остается только молить о помилованіи: „Кавалеръ де-Ту открылъ все, что зналъ, о заговорѣ и о трактатѣ и выдалъ васъ", прибавилъ Лобардемонъ, „съ вашей стороны было-бы неразумно теперь упираться въ молчаніи. Не признаваясь,— вы играете своей головой. А кромѣ того, васъ будутъ пытать, чтобы вы назвали тѣхъ, кто уже признался! Признайтесь-же и вы во всемъ, какъ герцоги Орлеанскій и Бульонскій и какъ де-Ту,—*а я вамъ даю честное слово честнаго человѣка и судьи, что васъ помилуютъ и что съ вами ничего дурнаго не случится*" (*Отецъ Гриффэ. Исторія Людовика XIII*).

Сен-Марсъ личный свидѣтель измѣны герцога Бульонскаго, о которомъ до тѣхъ поръ былъ самаго высокаго мнѣнія,— повѣрилъ въ измѣну де-Ту. На него напала глубокая грусть и раздумье. Послѣ многихъ горькихъ разочарованій, вѣра въ честь и въ дружбу людей оставила его. Взвѣсивъ свое положеніе, думая, что Лобардемону нѣтъ выгоды обманывать его, разъ онъ *честнымъ словомъ какъ судья*, ручается, что все обѣщанное имъ вѣрно,—Сен-Марсъ сдѣлалъ показанія, объяснилъ съ какой цѣлью способствовалъ заключенію трактата и почему ненавидѣлъ кардинала [1]); о де-Ту, онъ сказалъ только, что трактатъ былъ ему извѣстенъ, но, что онъ не принималъ никакого участія въ немъ и въ заговорѣ.

„Итакъ, только преступнымъ путемъ обмана, добились признанія отъ несчастнаго Сен-Марса, котораго мучили допросами цѣлыхъ три мѣсяца. Онъ боролся до конца, чтобы остаться вѣрнымъ данному слову, и чтобы спасти соучастниковъ. Нравственная пытка, вынесенная Сен-Марсомъ въ послѣдніе дни его жизни, невыразима". (*Бассери. Зав. Сен-Марса, стр. 227*).

Окончивъ процедуру, Лобардемонъ, вовсе не заботился о данномъ Сен-Марсу честномъ словѣ и объявилъ „Что шта-

[1]) Но опять повторилъ, что онъ желалъ чтобы король удалилъ кардинала, а что объ убійствѣ Ришелье онъ не думалъ (*документы процесса*).

мейстеръ двора Е. В. Людовика XIII, уличенъ въ оскорбленіи величества, что онъ достоинъ смерти, и что передъ казней онъ будетъ подверженъ пыткѣ, чтобы открыть имена своихъ соучастниковъ“ [1]). (Наканунѣ дня, когда должны были его судить, судьба Сен-Марса была ужъ рѣшена, и сдѣланы распоряженія о мѣстѣ его казни [2]).)

Признаніе Сен-Марса, что де-Ту зналъ о заговорѣ не было достаточно, чтобы на такомъ легкомъ основаніи приговорить де-Ту къ смерти, но Лобардемонъ отыскалъ для Ришелье старинный французскій законъ, изданный Людовикомъ XI [3]) въ 1477 г. Этотъ законъ гласилъ слѣдующее: „*Тѣ, которые знаютъ о заговорѣ и не открываютъ онаю королю или судьямъ, будутъ подвержены такому-же наказанію какъ и заговорщики*“. Этого закона ни разу не приводили въ исполненіе въ Парижскомъ парламентѣ. Ришелье показалъ его Сегье и укорилъ его въ недогадливости. Сегье, не зная какъ извиниться, отвѣтилъ, что Парижскій парламентъ, гдѣ онъ воспитывался, никогда не пользовался этимъ закономъ.

Такимъ образомъ ничего не препятствовало смерти де-Ту. Ришелье вздохнулъ спокойно. Онъ поспѣшилъ уничтожить и скрыть много тайныхъ документовъ и писемъ; а впослѣдствіи, обманщику Лобардемону было поручено составить записку о ходѣ дѣла. Эта бумага существуетъ и донынѣ. „Правдоподобнѣе всего, что этотъ рапортъ былъ составленъ кардиналомъ... Въ немъ просвѣчиваетъ вездѣ геній и слогъ кардинала“ (*Отецъ Гриффэ*).

„*Tout le dessous du procès*“ [4]), останется для насъ навсегда неразъясненнымъ и неизвѣстнымъ [5]).

Кардиналъ боялся разоблаченій и съ безпокойствомъ сказалъ о Сен-Марсѣ: „Le perfide dira beaucoup de choses à taire“ [6]).

---

[1]) Процессъ Сен-Марса. Документы.

[2]) *Бассери*. Заг. Сен-Марса, стр. 228.

[3]) Людовикъ XI извѣстный изверг,—Іоаннъ Грозный Франціи,—издалъ этотъ законъ подъ названіемъ „loi Quis quis“. *См. Бассери. Заг. Сен-Марса, стр. 221.*

[4]) *„Вся подкладка процесса“.*

[5]) *Бассери*. Заг. Сен-Марса, стр. 228.

[6]) „Вѣроломный скажетъ многое о чемъ слѣдуетъ молчать“. Сборникъ Авенеля, письмо 4-го іюля 1642 г.

Онъ заботился выгородить себя и во мнѣніи потомства [1]).

Двѣнадцатаго сентября 1642 г. послѣ того, какъ судьи прочли обвиненіе и приговоръ,—они послали за Сен-Марсомъ. Его привезли изъ тюрьмы Pierre Encise въ судъ. Войдя, онъ спросилъ: „Гдѣ мы?“ онъ казался довольнымъ, когда ему сказали, что онъ въ судѣ. Вѣроятно Сен-Марсъ вѣрилъ въ честное слово Лобардемона, что его съ де-Ту помилуютъ.

Онъ сталъ говорить ясно, внятно и спокойно, отвѣчая на всѣ вопросы судей и не скрывая правды. Но когда ему прочитали нѣсколько бумагъ, изъ которыхъ самъ Ришелье велѣлъ вычеркнуть все, что было въ пользу обвиненныхъ,—Сен-Марсъ началъ сомнѣваться въ обѣщаніяхъ Лобардемона и, перебивая канцлера Сегье, сказалъ:

„Я хорошо понимаю теперь, чего вамъ надо; ну что-же! чтобъ окончить скорѣе это дѣло,—я лучше самъ разскажу о всемъ, какъ оно было,—чѣмъ слушать ваше толкованіе. Но вы не сдержали даннаго слова, и я не обязанъ теперь ни въ чемъ передъ вами“ (*мемуары Дю-Пюи*).

„Послали за де-Ту. Сен-Марса удалили въ другую комнату. Стали допрашивать де-Ту; онъ по прежнему все отвергалъ. Тогда Сегье, велѣлъ позвать его съ Сен-Марсомъ на очную ставку. Какъ только Сен-Марсъ взошелъ, судья спросили де-Ту, не имѣетъ-ли онъ чего нибудь противъ Сен-Марса? „Ничего, и никакихъ упрековъ сдѣлать ему не имѣю“, отвѣтилъ де-Ту—„Онъ честный человѣкъ, который говоритъ только правду“. Тогда ему прочитали признаніе Сен-Марса. Не вѣря своимъ ушамъ, де-Ту, въ волненіи обратился къ своему другу. „Возможно ли“, воскликнулъ онъ, что вы это сказали, Сен-Марсъ?..“

Сен-Марсъ только теперь понялъ весь обманъ Лобардемона. Онъ отвѣтилъ, страшно встревоженный: „Погодите, я

---

[1]) См. что говоритъ о всемъ этомъ въ Исторіи Людовика XIII Отецъ Гриффэ.

Послѣ смерти де-Ту, во время регенства Анны Австрійской, родственникъ де-Ту,—Дю-Пюи (Dupuis), стараясь возстановить честное имя жертвы Ришелье, собиралъ всѣ документы процесса,—но пришелъ къ заключенію, что все, способствующее къ оправданію Сен-Марса и де-Ту было уничтожено,—а что всѣ обвинительные и даже ложные документы кардиналъ сохранилъ въ своихъ бумагахъ. Дю-Пюи оставилъ мемуары.

могу все вамъ объяснить!“ Де-Ту понялъ по выраженію Сен-Марса, что произошло что-то таинственное и роковое для нихъ. Онъ сталъ разсказывать судьямъ весь ходъ дѣла, все еще стараясь оправдывать Сен-Марса. Несчастный Сен-Марсъ, понявъ въ какую онъ попалъ ловушку настаивалъ на невинности де-Ту, на томъ, что де-Ту отговаривалъ его отъ участія въ трактатѣ,—что онъ хотѣлъ даже удалиться въ Римъ, для того чтобы не имѣть ничего общаго съ заговорщиками. Но было поздно... [1]) (*Relation*) Сегье спросилъ де-Ту, „не былъ-ли онъ увѣдомленъ Сен-Марсомъ о заговорѣ?“ Малодой совѣтникъ произнесъ прекрасную рѣчь, въ отвѣтъ на этотъ

---

[1]) Дѣдъ де-Ту, президентъ Христофоръ де-Ту, возвратившись къ себѣ послѣ того какъ приговорилъ къ смерти де-Ла-Моля и Кокона (de la Mole et Coconas), „за то, что зная намѣреніе герцога Анжуйскаго и короля Наварскаго они о немъ не донесли,“—сказалъ женѣ своей: „я высказалъ мнѣніе, чтобы приговорить этихъ двухъ молодыхъ людей къ смерти, и меня теперь мучитъ совѣсть! Молю, чтобы наказаніе Божіе постигло меня а не дѣтей моихъ.“ Францискъ-Августъ де Ту былъ словно предназначенъ, чтобы искупить этотъ грѣхъ своего дѣда. (*Изъ дневника Оливье д'Ормессона*). Слѣдующіе стихи отца де-Ту, (извѣстнаго историка,) въ его „Одѣ къ Правдѣ“, кажутся пророчествомъ о характерѣ и смерти его сына:

„Блестящая благосклонность принцевъ не составляетъ цѣли его желаній; онъ доволенъ своей долей; радость его—въ исполненіи долга; съ подлымъ заискиваніемъ онъ не продаетъ свое краснорѣчіе въ угоду тщеславія. Происходя отъ благородныхъ предковъ онъ не раболѣпствуетъ передъ властелинами, и не теряетъ своей драгоцѣнной свободы; онъ презираетъ насмѣшки подкупленныхъ царедворцевъ.

„*Pour ses amis*, pour sa patrie
Toujours prêt á perdre le jour“.

(т. е. за друзей своихъ и за родину всегда готовый умереть). „Его душу устрашаетъ сильнѣе низкое дѣло, чѣмъ самое худшее несчастіе.

Une mort infaillible.
„Est á ses yeux bien moins terrible
„Que ce qui peut blesser l'honneur“.

Даже неизбѣжная смерть, въ глазахъ его менѣе ужасна чѣмъ оскорбленіе чести“.

(Extrait des mémoires de Jaques A de-Thou conseiller d'Etat et président à mortier. Premiére édition traduite du latin en français à Rotterdam chez Reiniers Leers. M Д C C XI)

вопросъ, она рисуетъ весь характеръ де-Ту, и указываетъ на одинъ странный фактъ.

„Господа я могъ-бы отрицать, что я зналъ о заговорѣ а „вамъ было-бы невозможно убѣдить меня въ противномъ, даже „упираясь на признаніе вырванное вами у маркиза де Сен-„Марса. По закону, показаніе подсудимаго не имѣетъ силы „и нельзя приговорить къ смерти человѣка, не имѣя, по мень-„шей мѣрѣ, двухъ вѣскихъ свидѣтелей противъ него. Уликъ „противъ меня вы не найдете, такъ какъ я никогда не пи-„салъ и не говорилъ о заговорѣ никому: по этому, моя жизнь „и моя смерть, мой приговоръ и мое оправданіе, — могутъ „только выйдти изъ моихъ устъ.

„Несмотря на это господа, я вамъ скажу, что я зналъ о „заговорѣ. Я въ этомъ признаюсь по двумъ причинамъ: въ „эти три мѣсяца заточенія я взвѣсилъ жизнь и смерть, и при-„шелъ къ заключенію, что какой-бы счастливой жизнью я „теперь ни пользовался,—она все-таки казалась бы мнѣ скуч-„ной и грустной. Смерть мнѣ принесетъ лучшее благо. *Я на „ту смерть смотрю, какъ на самое вѣрное доказательство „моего предопредѣленія.* Я приготовился умереть; можетъ „быть въ другой разъ я не буду въ силахъ такъ пріять „смерть, какъ нынѣ. По этому, я не хочу терять возможности „спасти свою душу.

„Хотя мое преступленіе карается смертью,—оно не велико „и не коварно; и вотъ, я признаюсь, что я зналъ о заго-„ворѣ и старался отвлечь отъ него маркиза де Сен-Марса,— „но онъ вѣрилъ, что я его единственный и вѣрный другъ и „я не захотѣлъ измѣнить ему; и поэтому, я достоинъ смерти „и самъ себя на нее присуждаю, по статьѣ закона Quisquis!“ [1]) Въ послѣднихъ словахъ де-Ту звучала иронія вызванная несправедливостью судей.

---

[1]) Messieurs, j'aurais pu nier absolument que jel'aie jamais sue, (la conspiration)—mais vousne pouvez me convaincre de faux que par la confession de M.r de Cinq-Mars. Je n'en ai jamais ni écrit ni parlé à personne au monde. Or un accusé (Cinq-Mars) ne peut validement en accuser un autre. On ne condamne à mort que sur la déposition de deux témoins irréprochables. Ma vie et ma mort, ma condamnation et mon absolution sont dans ma bouche. Cependant Messieurs j'avoue

Ришелье велѣлъ не разглашать этой прекрасной рѣчи. — Сегье зналъ, что между тринадцатью судьями, которые должны были приговорить подсудимыхъ, одни только Миромениль и де-Сотерò,—судья—не подкупной честности и что они — противъ смертной казни. По этому, Сегье посадилъ ихъ послѣдними въ засѣданіи, чтобы рѣчь ихъ прошла, мало замѣченной, (что не помѣшало Ришелье справиться о нихъ и если бы не смерть кардинала, отважность Миромениля и де-Сотеро оказалась бы роковой для нихъ). Все-таки, не смотря на всѣ препятствія, Миромениль, чуть не убѣдилъ судей, не подписывать хоть приговора де-Ту. Но Сегье, всталъ, забросалъ собраніе громкими словами и требовалъ смерти Сен-Марса и де-Ту. Послѣ этого,—Лобардемонъ и Сен-Жерменъ вышли въ другую комнату, гдѣ обѣ жертвы кардинала, ожидали своей участи; судьи прочитали имъ смертный приговоръ. Сен-Марсъ и де-Ту сохраняли при чтеніи присутствіе духа, хотя для невиннаго де-Ту и для обманутаго Лобардемономъ Сен-Марса, всѣ эти произшествія были совершенной неожиданностью. Сен-Марса, которому Лобардемонъ обѣщалъ свободу, приговорили не только къ казнѣ, — но и къ пыткѣ. Ни одно слово, ни одинъ упрекъ не сорвался съ ихъ устъ. Они оба стали на колѣни, обнажили голову; Сен-Марсъ, съ невыразимой грустью, посмотрѣлъ на своего друга, котораго въ былые дни своего величія прозывалъ шутя: „*Ваше безпокойство*“,—и, какъ бы горько упрекая себя въ его смерти,—произнесъ: „Amy, amy.

---

que j'ai su la couspiration. Je le confesse pour deux raisons: Durant trois mois de prison, j'ai si bien envisagé la mort et la vie que j'ai clairement connu que de quelque vie que je puisse jouir elle ne serait que triste et ennuyeuse. La mort m'est beaucoup plus avantageuse. Je la regarde comme la marque la plus certaine de ma prédestination Je me suis préparé à mourir et je ne me trouverai jamais en pareille disposition. Je ne veux donc pas perdre cette occasion de mon salut. Quoique mon crime soit punissable de mort. il n'est ni noir ni énorme. Je le confesse Messieurs, j'ai su la conspiration et j'ai fait tout mon possible pour en détourner M-r de Cinq-Mars. *Jl m'a cru son amy* unique et fidèle *et je ne l'ai pas voulu trahir.* C'est pourquoi je mérite la mort, (прибавилъ онъ какъ бы съ иронiей смотря на судей, которымъ обманъ ничего не стоилъ), et je me condamne moi-même par la loi Quisquis.“—Le Vassor.)

vous allez être hors d'inquiétudes!" (*Relation*). („Другъ, другъ— вы скоро будете тамъ, гдѣ нѣтъ безпокойства").

О себѣ самомъ онъ забылъ и думать.

„Де-Ту простерся и поцѣловалъ землю въ знакъ смиренія и покорности волѣ Божіей. Сен-Марсъ находился въ углубленіи комнаты; онъ сталъ на одно колѣно, держа въ рукѣ шляпу и молодцовато подбоченясь [1]); и такъ они выслушали приговоръ съ удивительной стойкостью". *(Relation)*.

Вставъ, Сен-Марсъ изъявилъ судьямъ свое негодованіе о томъ, что въ приговорѣ говорятъ о пыткѣ, такъ какъ по закону не полагается, пытать дворянина: „Я съ радостью и отъ всего сердца пріемлю смерть, но къ чему-же пытка?" сказалъ онъ" [2]).

„Судьи, зная, что больной Сен-Марсъ не вынесетъ пытки и навѣрное умретъ, хотѣли только, по приказанію Ришелье, его ***представить*** къ допросу, а не пытать его. Но чтобы унизить его до послѣдней минуты, чтобы нравственно заставить его перейти черезъ пытку, было строго запрещено кардиналомъ выводить Сен-Марса изъ заблужденія; не смотря на кроткія и задушевныя его слова, никто изъ присутствующихъ не сжалился надъ нимъ и не успокоилъ его". (***Бассери. Зап. Сен-Марса***). Отецъ Мальвалетъ духовникъ Сен-Марса, осмѣлился шепнуть ему, что вѣроятно, не приведутъ въ исполненіе грозныхъ словъ приговора [3]). Всѣми обманутый Сен-Марсъ не повѣрилъ Мальвалету. Онъ съ рѣшимостью пошелъ за Лобардемономъ въ застѣнокъ; но что должно было происходить въ душѣ его?... Все было готово для дыбы [4]).

„Въ темной комнатѣ, гдѣ мерцали три свѣчи, — въ виду „приготовленныхъ орудій пытки,—стали снова вопрошать Сен-„Марса", не было ли у него замысла убить кардинала, и осо-„бенно не было-ли у него другихъ соучастниковъ, кромѣ де-

---

[1]) Tenant son chapeau de la main gauche appuyée sur le côté d'une façon toute cavalière. Et ainsi tout deux entendirent leurs arrêts avec une constance et une résolution admirable.

[2]) „Je prends la mort à gré et de grand coeur, et après cela, Messieurs, la question n'est pas nécessaire".

[3]) Дневникъ Ришелье.

[4]) Дыба,—старинное орудіе пытки.

„Ту?“—Ришелье хотѣлъ вырвать изъ устъ Сен-Марса имена „Тревилля, и четырехъ офицеровъ царской охраны, чтобы пре„дать ихъ смерти. Но Сен-Марсъ, послѣ роковой ошибки съ „де-Ту, былъ непоколебимъ“. Я вамъ сказалъ, что у меня „никогда не было замысла убить кардинала,—я только старался, „чтобы король удалилъ его“, твердо отвѣтилъ Сен-Марсъ. „Больше мнѣ вамъ нечего сказать; всѣ муки земныя не за„ставятъ меня промолвить инаго слова“. Онъ сѣлъ, и сталъ „самъ растегивать свой камзолъ, приготовляясь къ пыткѣ“. (*Таллеманъ*).

Его привязали къ скамьѣ,—на которой истязали и стали опять допрашивать, думая, что въ смертельной тоскѣ, овладѣвшей его душой, онъ что-нибудь откроетъ. Но Сен-Марсъ стоялъ на своемъ и не промолвилъ ни одного слова, (*См. Исторію о. Гриффэ и Протоколъ допроса*).

Тогда его отвязали, и Лобардемонъ отвелъ его въ комнату, гдѣ его ждалъ де-Ту.

Сен-Марсъ пробылъ около часа въ застѣнкѣ; если-бы на одну минуту, онъ потерялъ присутствіе духа, погибли-бы съ нимъ и съ де-Ту,—Тревилль и офицеры царской охраны, которыхъ Ришелье подозрѣвалъ. Де-Ту увидя Сен-Марса, со слезами бросился ему на шею. Лобардемонъ тоже хотѣлъ что-то сказать ему; но Сен-Марсъ отвѣтилъ, показывая на де-Ту; *„вы мнѣ солгали; передъ Богомъ, вы отвѣтите за это“* [1]). Упрекать его за себя, за угрозу пытки, онъ и не думалъ.

Солдаты и тюремщикъ Сетонъ плакали, смотря на молодыхъ людей, но де-Ту сказалъ имъ: „не плачьте,—мы счастливы такъ умереть!“ Сен-Марсъ и де-Ту долго говорили вмѣстѣ. Вѣроятно первый объяснялъ второму обманъ Лобардемона. Окончивъ разговоръ они пошли исповѣдываться. Послѣ исповѣди, Сен-Марсъ, съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа толковалъ съ исповѣдникомъ о суетѣ суетъ земной жизви и о людской неблагодарности. „Какъ странно“, говорилъ онъ, „я всегда старался обязывать моихъ друзей, да и многихъ постороннихъ, во время моего возвышенія,—а въ горѣ, никто

---

[1]) Дневникъ Ришелье (Journal de Richelieu).

изъ нихъ не вспомнилъ о мнѣ!“ Мальвалетъ отвѣтилъ на это двустишіемъ Овидія:

„Donec eris felix multos numerabis amicos
„Tempora si fuerint nubila solus eris“ [1]).

Сен-Марсъ попросилъ повторить стихи и заучилъ ихъ наизусть. Какая энергія у этого молодаго человѣка, мысль котораго можетъ останавливатся на такихъ подробностяхъ, послѣ пытки и въ ожиданіи казни. (*Бассери. Заговоръ Сен-Марса, стр. 266*).

Потомъ Сен-Марсъ написалъ матери своей прекрасное письмо; изъ него можно видѣть, какія понятія о чести въ денежныхъ дѣлахъ были развиты въ немъ. Онъ проситъ, чтобы оставшимся послѣ него имуществомъ были-бы заплочены его долги. „Все, что зависитъ отъ богатства, такъ ничтожно, что я надѣюсь, вы не откажете моей послѣдней мольбѣ, съ которой обращаюсь къ вамъ для покоя моей души. Повѣрьте мнѣ въ этомъ болѣе нежели вашему чувству, въ случаѣ вамъ было бы непріятно исполнить мое желаніе: но вѣдь каждый шагъ приближаетъ меня теперь къ смерти и я, поэтому, лучше кого-либо, могу судить о бренности всего земнаго. Прощайте и простите, если я не довольно чтилъ васъ во время жизни моей. Умирая, я остаюсь, моя милая и многоуважаемая мать, вашъ смиренный, уважающій и обязанный вамъ сынъ, Генрихъ д'Эффіа [2])

Де-Ту тоже писалъ неизвѣстной дамѣ; окончивъ письмо онъ занялся сочиненіемъ латинской надписи для фронтона церкви, которую просилъ воздвигнуть на деньги, завѣщанныя имъ (*Dupuy*). Впослѣдствіи, Ришелье отдалъ всю эту сумму тюремщику Кромби, о которомъ де-Ту сказалъ, что предпочитаетъ смерть заточенію, и мученіямъ, которымъ Кромби подвергалъ его [3]). Потомъ оба обвиненныхъ исповѣдывались. Было пять часовъ пополудни, когда настала пора вести Сен-

[1]) **Пока ты былъ счастливъ, — ты насчитывалъ многихъ друзей, времена омрачились, и ты — одинъ.**

[2]) **Парижская національная библіотека**—Manuscrit n. 9327.

[3]) *Бассери*, стр. 273.

Марса и де-Ту на мѣсто казни [1]), „палачъ долженъ былъ слѣдовать пѣшкомъ за каретой. Ліонскій палачъ былъ боленъ. Его замѣстили, незнающимъ дѣла человѣкомъ, изъ самой послѣдней черни, нанятымъ за сто червонцевъ (*écus*). Ужъ разъ такой выборъ стоилъ страшныхъ мукъ несчастному графу де-Шалэ, а въ этотъ разъ было суждено де-Ту пострадать отъ неопытности такого случайнаго палача". (*Бассери. Заг. Сен-Марса, стр. 250*).

Нѣкоторымъ друзьямъ Сен-Марса и де-Ту позволили говорить съ ними въ послѣдній разъ [2]). Всѣ плакали, провожая молодыхъ людей, которыхъ усадили въ закрытую карету. Де-Ту былъ одѣтъ просто, весь въ черномъ, съ короткимъ испанскимъ плащемъ на плечахъ. Платье его было изъ испанскаго сукна. Одежда Сен-Марса была нарядиѣе, изъ голландскаго коричневаго сукна покрытаго золотыми кружевами въ два пальца ширины. Его плащъ [3]), ярко красный, былъ украшенъ большими серебряными пуговицами „*à queue*". Зеленые шелковые, короткіе панталоны, перевязанные бѣлой лентой у колѣнъ, черная шляпа съ большими полями и съ краснымъ большимъ страусовымъ перомъ. Остальная одежда была чернаго цвѣта.

Генрихъ д'Эффіа приближался къ смерти безстрашно, и покорно [4]).

„Въ эти жестокія минуты можно оцѣнить его душевныя силы. Свергнутый съ высоты своихъ надеждъ, измученный усталостью и волненьемъ процесса, воля его ни на мигъ не слабѣетъ. Если де-Ту, своей мученической покорностью судьбѣ, вызываетъ глубокое состраданіе,—то Сен-Марсъ, умирая съ

---

[1]) *Бассери.* Заг. Сен-Марса, стр. 277.

[2]) *Dupuy*: Memoires.

[3]) Relation imprimée a la Suite de la lettre de M-r de Marca conseiller d'Etat à M-r de Brienne, laquelle fait mention de tout ce qui s'est passé à l'instruction du procès de M-rs de Cinq-Mars et de-Thou MDCLXV.

[4]) „Оберъ-шталмейстеръ остался твердымъ, и борьба, которую онъ переносилъ въ душѣ не выказалась наружу". Онъ сказалъ плачущей стражѣ: „Друзья мои къ чему слезы? Будьте увѣрены, что смерть никогда не страшила меня". *Таллеманъ.*

твердой простотой древняго героя, вызываетъ восторгъ". (*Бассери. Заг. Сен-Марса*).

На вопросъ отца Мальвалэта, сопровождавшаго ихъ вмѣстѣ съ отцемъ Манбреномъ, „не боится-ли Сен-Марсъ умереть?"— онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не страшусь смерти. Можетъ быть нехорошо для моей души, что я такъ мало боюсь умереть? О, какъ добръ и милостивъ Господь", повторилъ онъ нѣсколько разъ. „Но какъ приметъ онъ меня въ царство свое? Я обижалъ Его моими согрѣшеніями? Могу-ли я быть достойнымъ Его, моей смертью? Вѣдь я не добровольно иду на казнь, какъ мученики, чтобъ заслужить смертью царство небесное?"— Священникъ успокоивалъ его тѣмъ, что смерть его, будучи позорной, онъ могъ, смиреніемъ своимъ и твердостью, загладить свои грѣхи. Тогда Сен-Марсъ сталъ нѣсколько разъ умолять Бога искупить грѣхи его, позорной по смиренной его смертью (*Бассери. „La Conspiration de Cinq Mars" p. 281.* См. также дневникъ Ришелье).

Рѣшили, что Сен-Марсъ первый взойдетъ на плаху. „Вы хотите открыть мнѣ путь славы", говорилъ де-Ту. „Ахъ!" отвѣтилъ Сен-Марсъ, „не я-ли открылъ вамъ путь бездны! Но бросимся-же безстрашно въ объятья смерти, чтобы возродиться въ вѣчной жизни!" (*Дневникъ Ришелье*).

Отецъ Мальвалетъ, любившій Сен-Марса, горько плакалъ. Сен-Марсъ успокаивалъ его. Отецъ Манбренъ тоже рыдалъ. На улицахъ всѣ, кто видѣлъ Сен-Марса и де-Ту, ѣхавшихъ на казнь, плакали и кричали отъ ужаса. „La désolation était si grande qu'il ne s'en est jamais vu de semblabe sur le visage des hommes pour un sujet pareil" [1]) (*Relation*).

Когда де-Ту увидѣлъ плаху онъ воскликнулъ: „Отсюда мы начнемъ путь нашъ въ царство небесное" [2]). Молодые люди обнялись, простились, и Сен-Марсъ съ высокимъ и яснымъ челомъ вышелъ изъ кареты.

Затрубили три раза; прочитали еще разъ Сен-Марсу приговоръ. Карету закрыли совсѣмъ, чтобы де-Ту не видалъ казни.

---

[1]) Отчаяніе толпы было таково, что никто не видалъ подобнаго.

[2]) Journal de Richelieu.

CXIII

Поклонившись всѣмъ стоявшимъ вблизи, Сен-Марсъ ловко, почти что весело, взошелъ по лѣстницѣ на эшафотъ, окруженный солдатами. Какой-то солдатъ хотѣлъ сорвать у него плащъ, а другой шляпу. Сен-Марсъ отдалъ свой богатый плащъ духовнику, чтобъ онъ передалъ его бѣднымъ. Шляпу-же снова надѣлъ на голову. Взойдя на плаху онъ раскланялся народу на всѣ четыре стороны, подбоченясь лѣвой рукой, также граціозно и спокойно какъ въ былое время во дворцѣ короля [1]).

Онъ посмотрѣлъ на эту толпу, хлынувшую на площадь *де Тэррд*, чтобъ видѣть казнь, и лицо его осталось яснымъ. Потомъ „онъ бросился на шею отцу Мальвалету“ [2]), поднялъ глаза къ небу, и съ улыбкой на лицѣ, долго простоялъ, какъ въ экстазѣ. Прійдя въ себя, онъ приложился къ распятію, горячо лобзалъ ноги Христа, попросилъ благословенія у священника, подошелъ къ плахѣ, и, какъ-бы примѣняясь къ ней, вытянулъ на доскѣ шею. Онъ опять, безъ волненія, привсталъ, снялъ самъ свою верхнюю одежду, обнаживъ шею, отдалъ отцу Мальвалету маленькій ящикъ, украшенный брилліантами, въ которомъ носилъ на себѣ портретъ любимой женщины. Онъ попросилъ продать брилліанты и отдать деньги бѣднымъ, а портретъ сжечь вмѣстѣ съ прядью своихъ волосъ, которую онъ тутъ-же отрѣзалъ [3]). Снявъ изъ кудрей брилліантовое украшеніе, называемое *„relève moustache“* (*см. д'Авенеля. Richelieu et la monarchie absolue, t. II, p. 41*), онъ отдалъ его палачу. Послѣ этого онъ попросилъ Мальвалета обрѣзать ему остальные волосы и пока его стригли, поднялъ глаза

---

[1]) Дневникъ Ришелье.

[2]) Отсюда все описаніе казней Сен-Марса и де-Ту, по документамъ процесса, собраннымъ Бассери въ „Заговорѣ Сен-Марса“, отъ страницы 284 до стр. 307.

[3]) *Ле-Вассоръ*. Въ XVII вѣкѣ, волосы играли большую роль; влюбленные имѣли всегда съ собой ящикъ съ локономъ предмета своей мечты,— даже во время похода. Когда арестовали Сен-Марса, во время осады Перпиньяна, у него былъ съ собой такой завѣтный ящикъ. Кардиналъ писалъ Шавиньи и де Ноайэ: „Надо достать у г-на де Шуази ящикъ съ волосами и съ письмами, найденный у Сен-Марса“. Сборникъ Авенеля.

къ небу и произнесъ: „Господи, что такое этотъ міръ?“ [1]). Онъ попросилъ весь народъ молиться за него, поцѣловалъ опять крестъ съ неимовѣрной любовью, послѣ чего, узнавъ въ толпѣ одного изъ приближенныхъ своего врага—*Ла Мейльерэ*—людей, онъ поручилъ ему поклониться маршалу и передать, что проситъ его молитвъ. Ставъ опять молиться, онъ прочелъ „Отче нашъ, Богородицу, Въ руки Твои предаю духъ мой“. Окончивъ, онъ повернулся къ палачу и сказалъ совсѣмъ спокойно: „Чего-же ты ждешь?“ Онъ не захотѣлъ, чтобъ ему завязали глаза, крѣпко обнялъ плаху, вытянулъ шею, попросилъ духовника держать все время передъ нимъ распятіе, а народъ—молиться за него; „*Ergo moriendum*“ [2]), произнесъ онъ твердымъ голосомъ; „Господи помилуй!“... Закрывъ глаза онъ тихо, безбоязненно сталъ ждать удара. Неумѣлый палачъ медлилъ и такъ неловко нанесъ ударъ, что Сен-Марсъ приподнялся на колѣняхъ, воскликнувъ: „А!“ и кровь задушила его. Палачъ подошелъ къ нему съ другой стороны и спиливъ мечемъ половину артеріи обрѣзалъ кожу шеи и отдѣлилъ голову отъ тѣла.

Народъ поднялъ страшный крикъ и негодовалъ на палача; говорятъ, что въ него бросали камнями.

Голова Сен-Марса упала съ эшафота и долго трепетала. Глаза были открыты—и какъ будто еще живые. Тѣло осталось въ томъ-же положеніи, и окоченѣлыя руки [3]) такъ крѣпко обхватили плаху, что трудно было ихъ отнять отъ нея (*Таллеманъ. Historiettes*). Кисти-же рукъ оставались скрещенными, какъ во время молитвы, что доказываетъ спокойствіе духа Сен-Марса въ самую послѣднюю минуту жизни (*Relation*).

---

[1]) „Оберъ-шталмейстеръ выказалъ большую твердость и ровность духа, идя на смерть съ рѣшимостью, съ великолѣпнымъ хладнокровіемъ, съ терпѣніемъ и съ чисто-христіанскимъ благоговѣніемъ“ (m-r le Grand a aussi témoigné une fermeté toujours égale et fort résolue à la mort, avec une froideur admirable, une constance et une dévotion chrétienne *(Письмо статсъ-секретаря Маркà къ г-ну де-Бріенну)*.

„Это невѣроятно и чудесно,—но Сен-Марсъ не выказалъ ни на минуту, ни страха, ни волненія, ни смущенія духа, идя на смерть“. *Релація напечатанная съ письмомъ Мàрка къ Бріенну*.

[2]) Умремъ-же! Какъ и молитвы, Сен-Марсъ произнесъ эти слова на латинскомъ языкѣ.

[3]) Bras—верхняя часть руки.

Что долженъ былъ испытывать въ это время несчастный де-Ту, слыша вопль и стенаніе толпы? Но онъ вышелъ изъ кареты спокойный, взошелъ легкимъ шагомъ на эшафотъ, сбросилъ свой плащъ, поцѣловалъ палача и сказалъ ему: „благодарю, братъ мой, ты мнѣ дашь сегодня вѣчное блаженство,—ты меня отправишь въ рай".

Онъ поклонился народу, сбросилъ свою шляпу, которая упала на ноги трупа Сен-Марса. Отецъ Манбренъ, духовникъ де-Ту, такъ плакалъ, что не могъ произнести ни одного слова; онъ попросилъ отца Мальвалета взойти на эшафотъ вмѣсто него. Де-Ту, выслушалъ на колѣняхъ разрѣшеніе своихъ грѣховъ, снялъ верхнюю одежду и произнесъ внятно весь 215-й псаломъ (*см. Relation*).

„Онъ его читалъ по-французски громкимъ и твердымъ голосомъ, съ невыразимой вѣрой озарявшей его лицо и съ такой свѣтлой радостью о Христѣ, что о ней не могутъ имѣть понятія не видавшіе его" (*Де Вассоръ*).

Но когда несчастный вдругъ увидѣлъ обезглавленный трупъ Сен-Марса, лежавшій около него, едва прикрытый краснымъ плащемъ, онъ измѣнился въ лицѣ отъ ужаса. Но сдержавъ себя, онъ сталъ опять молиться, лобзалъ крестъ съ любовью и радостью, а потомъ спросилъ: „Не завяжутъ-ли мнѣ глаза?" Мальвалетъ ему отвѣтилъ, что это зависитъ отъ него. Кто-то изъ толпы бросилъ ему свой платокъ. Де-Ту ласково поблагодарилъ [1]) и сказалъ священнику: „Я сознаюсь, что я трусъ; я очень боюсь смерти. Когда я думаю о ней всѣ волосы мои становятся дыбомъ и я дрожу: если вы замѣчаете, что я спокоенъ, то не приписывайте это моей силѣ воли: Господь меня поддерживаетъ и творитъ въ душѣ моей это чудо. Эта вещь меня безпокоитъ!"—прибавилъ онъ указывая на трупъ Сен-Марса.

Палачъ долго возился, завязывая глаза де-Ту. Онъ самъ долженъ былъ поднять кончикъ платка чтобы дышать: увидя въ эту минуту, что вся плаха сырая и залита кровью Сен-Марса онъ ее поцѣловалъ, и протянулъ шею спрашивая—хорошо-ли будетъ такъ? Палачъ, забывшій развязать рубашку

[1]) Le Vassor.

де-Ту, сталъ ее развязывать: „что вамъ надо?“ Спросилъ де-Ту, и самъ сталъ это дѣлать. Онъ обнажилъ свои плечи, и произнесъ: „Въ руки Твои предаю духъ мой,“ и плечи и руки де-Ту слегка задражали въ ожиданіи удара. Палачъ ударилъ слишкомъ высоко и только ранилъ де-Ту, который упалъ навзничъ, стеная. Руки и ноги судорожно двигались.

Народъ страшно вскрикнулъ; ругательства и угрозы такъ и посыпались на палача. Отъ испуга онъ самъ потерялся, сталъ-было подымать де-Ту, чтобы снова нанести ему ударъ сзади. Народъ такъ буйствовалъ, что палачъ, чтобъ скорѣй окончить свое дѣло оставилъ де-Ту лежащимъ и нанесъ ему на горло три или четыре удара. Такимъ образомъ онъ отрубилъ ему голову [1]). Если бы не стража народъ разорвалъ бы палача. Говорятъ, что вскорѣ послѣ казни его тайно убили. Всѣ жители Ліона причастились Святыхъ Тайнъ за упокой Сен-Марса и де-Ту, на другой день послѣ ихъ смерти“.[2]) Всѣ оплакивали ихъ судьбу и роптали на Ришелье. Предвидя негодованіе толпы кардиналъ выѣхалъ изъ Ліона за нѣсколько часовъ до казни.

Тѣло де-Ту было отдано его сестрѣ, а тѣло Сен-Марса взялъ посторонній, Г-нъ дю Гэ, и похоронилъ его въ монастырѣ де-Фейліанъ, (des Feuillants) въ Ліонѣ. Никто не заботился объ одинокой могилѣ. Мать и братъ Сен-Марса были сосланы въ Туренъ, въ провинцію.

Во время французской революціи, сто тридцать два года послѣ этихъ происшествій, — монастырь былъ разрушенъ и ничто не указываетъ нынѣ, гдѣ покоится прахъ Генриха д'Эффіа [3]). Почти что за полтора вѣка до революціи, характерная и симпатичная личность Сен-Марса, какъ бы воплотила духъ изящнаго, вѣтреннаго, но щедраго, великодушнаго и вѣрующаго дворянства XVII вѣка. Въ нынѣшней Франціи почти не осталось подобныхъ характеровъ. То что называ-

---

[1]) Въ той же самой „Relation“, разсказываютъ, что „де-Ту получилъ двѣнадцать ударовъ.“ Топоръ, которымъ отрубили голову Сен-Марсу и де-Ту сохраняется до сихъ поръ у маркиза де Вольсера въ его помѣстіи. (Изера.)

[2]) Relation

[3]) Бассери. заг. Сен-Марса стр. 299.

лось *„esprit gentilhomme,* [1]) исчезло. Сен-Марсъ шелъ на смерть безбоязненно, съ непоколебимымъ спокойствіемъ, безъ единаго укора подкупнымъ судьямъ, обманувшимъ его. Онъ даетъ подарки палачу, проситъ передать поклонъ своему заклятому врагу Ла-Мейльерэ, взойдя уже на эшафотъ. Такъ умирали дворяне во время Террора съ учтивостью съ величіемъ, великодушіемъ и вѣрой. Такая смерть рисуетъ духъ исчезнувшихъ дворянскихъ поколѣній.

Ришелье первый далъ примѣръ осуждать къ смерти безъ надлежащаго суда. Онъ первый занесъ топоръ на все то, что лучше его клевретовъ—царедворцевъ окружало и охраняло царское величіе. Подавъ Террору примѣръ какъ рубить дворянскія головы, какъ прижимать народъ, и какъ выдвигать безличную и хищную буржуазію,—онъ положилъ начало новому, современному строю Франціи. Но должна ли Франція быть ему за это благодарной?... Это еще вопросъ.

Статьи трактата

заключеннаго между Графомъ Герцогомъ Оливаресомъ, за короля Испанскаго, и господиномъ де-Фонтралемъ за и во имя Герцога Орлеанскаго 13-го марта 1642 года въ Мадридѣ (*о которомъ Герцогъ упоминаетъ въ своемъ показаніи 7-го іюля того-же года*). *Томъ первый. Мемуары Фонтраля.*

Господинъ де Фонтраль,—посланный Герцогомъ Орлеанскимъ къ королю Испанскому, съ письмами Его Высочества къ Его Католическому Величеству и къ Герцогу де-Сенъ Люкару (Оливаресу),—помѣченными: Парижъ, 20-го января,—предложилъ, въ силу даннаго ему полномочія, слѣдующее: Его Высочество, желая, для общаго и частнаго блага Франціи, освобожденія дворянства и народа сего королевства отъ притѣсненій, ими

[1]) Традиція порядочности.

притерпѣваемыхъ по поводу кровавой войны, — готовъ прекратить оную и возстановить общій и благоразумный миръ между Императоромъ и двумя государствами, на пользу всему христіанству. Если король Испанскій согласенъ ему помочь со своей стороны, герцогъ не прочь взяться за оружье чтобъ ускорить развязку. Объявивъ всѣ частныя подробности своего порученія, изложивъ предложенія и вопросы предъявляемые Его Высочествомъ герцогомъ Орлеанскимъ и другими вельможами его партіи,—Фонтраль, во имя Его Высочества, заключилъ, съ графомъ герцогомъ Оливаресомъ, представителемъ Его Католическаго Величества, договоръ, статьи котораго слѣдующія:

1) Такъ какъ главная цѣль этого трактата — заключить справедливый миръ между Испаніей и Франціей, для общей ихъ пользы и для блага всего христіанства,—объявляется единодушно, что этимъ актомъ не намѣрены затѣять ничего противъ французскаго [1]) короля, или въ ущербъ его владѣній, ни противъ правъ и преимуществъ французской королевы нынѣ царствующей, прилагая, напротивъ, всѣ старанія чтобы сохранить ей все ей принадлежащее.

2) Его Католическое Величество обязывается поставить 12000 человѣкъ пѣхоты и 3000 коней изъ запаса старыхъ полковъ,—все сполна будетъ прислано изъ Германіи, или изъ Имперіи или отъ Его Католическаго Величества. Если, по какому нибудь непредвидѣнному случаю, окажется что въ этомъ числѣ не достаетъ двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, недолжно думать, что слово не сдержано, такъ какъ недостатокъ въ людяхъ будетъ въ наискорѣйшемъ времени пополненъ.

3) Рѣшено, что какъ только герцогъ Орлеанскій передвинется въ крѣпость, гдѣ по его словамъ, онъ будетъ въ состояніи набирать войско, — Его Католическое Величество пошлетъ ему наличныхъ четыреста тысячъ *экю*, (золотыхъ) которыя будутъ уплачены по усмотрѣнію герцога на вербовку и на другія затраты для общей пользы.

---

[1]) Roi tres Chrétien — титулъ французскаго короля какъ: Majest Catholique — титулъ испанскаго короля.

4) Его Католическое Величество дастъ артеллерію и всѣ военные снаряды, присущіе арміи, и всѣ припасы съѣстные для войскъ, до ихъ прибытія во Францію, гдѣ Его Высочество будетъ содержать свое войско, а Его Католическое Величество—свое, какъ подробно будетъ изложено ниже.

5) Крѣпости, которыя возьметъ во Франціи армія Его Католическаго Величества, или армія Его Высочества, будутъ переданы въ руки Его Высочества и его сторонниковъ.

6) Будетъ дано Герцогу Орлеанскому 12000 экю (золотыхъ) ежемѣсячной пенсіи, кромѣ той суммы, которую Его Католическое Величество даетъ во Фландріи его супругѣ,—герцогинѣ Орлеанской.

7) Рѣшено, что вся армія со всѣми ея полками будетъ всецѣло повиноваться герцогу Орлеанскому; однако, такъ какъ упомянутая армія составлена на средства Его Католическаго Величества, офицеры арміи должны присягнуть Его Высочеству, что будутъ вѣчно служить цѣлямъ сего трактата, а въ случаѣ отсутствія Его Высочества, если въ трактатѣ участвуетъ кто-либо изъ принцевъ крови Франціи, таковому перейдетъ командованіе, какъ это было рѣшено и прежде, въ трактатѣ заключенномъ съ герцогомъ Суассонскимъ. И въ случаѣ, если эрцгерцогъ Леопольдъ, или кто другой, сынъ, братъ или родственникъ Его Католическаго Величества, будетъ назначенъ губернаторомъ во Фландріи, намѣстникомъ Его Католическаго Величества, и, за одно, генералиссимусомъ его армій,—такъ какъ Его Величество крайне заинтересованъ въ этой странѣ,—рѣшено что герцогъ Орлеанскій и его сторонники, какого-бы званія и чина они ни были, обязываются принять сіе во вниманіе: вести постоянную переписку съ упомянутымъ эрцгерцогомъ, или другимъ указаннымъ лицомъ, и увѣдомлять его обо всемъ, получая вмѣстѣ указы и отъ Его Величества Императора, а также и отъ Его Католическаго Величества по всему, что касается войны, нуждъ арміи и ея успѣховъ.

8) Такъ какъ у Его Высочества герцога Орлеанскаго, есть двѣ особы, которыя могутъ быть назначены генералъ-маіорами (**mareschaux de camp**) въ этой арміи, и о которыхъ г. де-Фонтраль объявитъ по заключенію договора,—Его Католическое

Величество берется выхлопотать у императора патенты этихъ чинов для нихъ.

9) Рѣшено, что Его католическое Величество дастъ 80000 дукатонъ ежемѣсячной пенсіи упомянутымъ вельможамъ.

10) Также выдадутъ черезъ три мѣсяца сто тысячъ ливровъ на снаряженіе и снабженіе запасами той крѣпости, которую Его Высочество избралъ своимъ убѣжищемъ во Франціи [1]). И если тотъ кто предложилъ крѣпость не удовлетворится этими условіями, ему выдадутъ упомянутую сумму наличными деньгами, и болѣе пяти сотъ мѣръ пороху и двадцать пять тысячъ ливровъ ежемѣсячно на содержаніе гарнизона.

11) Рѣшено, что ни та, ни другая сторона не станутъ входить въ соглашеніе съ французскимъ королевствомъ, развѣ только съ общаго рѣшенія, и что возвратятъ Франціи всѣ покоренныя въ ней крѣпости и провинціи, безъ всякихъ препирательствъ, но съ условіемъ, и тогда, когда Франція возвратитъ крѣпости, которыя она покорила въ какой-бы то ни было странѣ, даже тѣ, которыя она купила, и тѣ, которыя заняты войсками присягнувшими Франціи. Упомянутый герцогъ Орлеанскій и его сторонники объявляютъ себя отнынѣ противниками Шведовъ и другихъ всѣхъ враговъ Императора и Его Католическаго Величества, или тѣхъ, кто оказываетъ ихъ врагамъ поддержку и помощь. И чтобы уничтожить ихъ, Его Высочество и его сторонники употребятъ всѣ свои усилья.

12) Рѣшено, что армія фландрская, и та, которой долженъ командовать герцогъ Орлеанскій, какъ условлено, будутъ дѣйствовать сообща, для единой цѣли, и постоянно между собой сноситься.

13) Приложатъ стараніе, чтобы войска были готовы, какъ можно скорѣе, не позже конца мая. О чемъ Его Католическое Величество велитъ написать губернатору Люксембурга, чтобы онъ объявилъ подателю письма отъ герцога Орлеанскаго или отъ одного изъ двухъ вельможъ, — срокъ, когда все будетъ готово. Письмо-же это герцогъ Орлеанскій пошлетъ какъ можно скорѣе, чтобы выиграть время, если дѣло не терпитъ; если же

---

[1]) Седанъ.

оно еще не настало, посланный вернется въ упомянутую крѣпость.

14) Его Католическое Величество заплатитъ войску Его Высочества мѣсяцъ послѣ того, какъ оно будетъ находиться на службѣ, и впослѣдствіи, каждый мѣсяцъ,—100000 ливровъ, для его продовольствія и другихъ военныхъ нуждъ. И также Его Высочество соизволитъ объявить число людей, которые будутъ находиться въ крѣпости, и его полкахъ, такъ какъ отнынѣ рѣшено распредѣлить поровну квартиры и провіантъ между двумя арміями.

15) Добываемыя изъ французскаго королевства деньги, будутъ въ распоряженіи Его Высочества и распредѣлены поровну между двумя арміями, какъ сказано въ предыдущей статьѣ. Объявлено, что нельзя налагать никакой другой подати, какъ развѣ по приказанію Его Высочества.

16) Въ случаѣ если герцогъ Орлеанскій будетъ вынужденъ выйдти изъ Франціи и войти въ Франшъ Конте, или какое-либо другое мѣсто, Его Католическое Величество даетъ приказаніе, чтобъ Его Высочество и оба вельможи были-бы приняты во всѣхъ его владѣніяхъ, и доставлены въ ихъ мѣсто убѣжища.

17) Такъ какъ герцогъ Орлеанскій желаетъ имѣть уполномочіе отъ Его Католическаго Величества, чтобы заключать миръ или нейтралитетъ съ городами и провинціями Франціи, которые этого захотятъ,—Его Величество назначаетъ къ Его Высочеству уполномоченнаго посла. Его Величество на это согласно.

18) Если, избави Богъ, герцога Орлеанскаго не станетъ, Его Католическое Величество обязывается сохранить тотъ же окладъ для двухъ вельможъ, или для одного изъ нихъ, если партія поддержится, и если они останутся на службѣ Его Католическаго Величества.

19) Герцогъ Орлеанскій удостовѣряетъ,—и за него—г. де-Фонтраль, что какъ только онъ откроетъ свои дѣйствія, онъ заставитъ вручить себѣ для своей безопасности одну изъ лучшихъ крѣпостей Франціи, о которой объявитъ послѣ заключенія сего трактата; и въ случаѣ, если эта крѣпость окажется не удовлетворительной, сей трактатъ уничтожится; г. де-Фонтраль

объявить также кто оба вельможи для коихъ испрашивается пенсія, на которую Его Величество согласенъ.

20) Наконецъ, рѣшено: что содержаніе этихъ статей будетъ одобрено и подписано Его Католическимъ Величествомъ и герцогомъ Орлеанскимъ, какъ подобаетъ въ заключеніи такихъ трактатовъ. Графъ герцогъ (Оливаресъ) это обѣщаетъ отъ имени Его Величества, а упомянутый г. де-Фонтраль отъ имени Его Высочества,—обязываясь обоюдно исполнить все это, такъ какъ они со своей стороны, это отнынѣ одобряютъ, удостовѣряютъ и подписываютъ. Въ Мадридѣ 13-го марта, 1642 года. *Подписано*: Донъ Гаспаръ де-Гузманъ, и вымышленное имя Клермонъ, вмѣсто: Фонтраль.

Мы Гастонъ, сынъ Франціи, единственный братъ короля, герцогъ Орлеанскій, удостовѣряемъ что выше изложенные статьи, — вѣрная копія съ оригинала трактата, который заключилъ Фонтраль отъ нашего имени съ графомъ-герцогомъ де-Сен-Люкаромъ. Во свидѣтельство чего, мы подписали сіе собственноручно, и скрѣпили подписью нашего секретаря. 26 августа 1642 года, въ Вилль Франшъ. *Подписано*: Гастонъ, а ниже: Гулà.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Contre-lettre.

Согласно подписанному сегодня мной трактату, я обязанъ объявить Его Католическому Величеству имена двухъ особъ, о которыхъ Его Высочество упоминаетъ въ трактатѣ, и названіе крѣпости, которую онъ избралъ, какъ мѣсто убѣжища. Отъ имени Его Высочества я объявляю и утверждаю графу-герцогу, чтобы онъ передалъ Его Католическому Величеству, что обѣ эти особы суть: герцогъ Бульонскій и г. де-Сен-Марсъ, шталмейстеръ короля; а. безопасное мѣсто, въ которомъ увѣренъ Его Высочество — Седанъ, врученный ему упомянутымъ герцогомъ Бульонскимъ. О чемъ я и подписалъ эту бумагу въ Мадридѣ 13 марта 1642. *Подписано* вымышленнымъ именемъ: Клермонъ.

КОРОЛЕВА АННА АВСТРІЙСКАЯ И ПРИНЦЕССА МАРІЯ ДЕ-ГОНЗАГО ГЕРЦОГИНЯ НЕВЕРСКАЯ И МАНТУАНСКАЯ.

Старшая дочь Филиппа III-го короля Испаніи, родилась въ 1602 г. Въ 1615 г. когда Анна была помолвлена за Людовика XIII-го ей было всего 13 лѣтъ. Бракосочетаніе Людовика XIII и Анны произошло въ Бордо. На 17-мъ году Анну описываютъ такъ: черные глаза, возвышенный лобъ, лицо кругловатое, носъ нѣсколько толстый и круглый, ротъ выразительный, верхняя губа нѣсколько выдающаяся впередъ, какъ обыкновенно у Габсбурговъ, славные каштановые волосы, убранные дорогимъ жемчугомъ. Она носила богатые колье, браслеты, шелковые платья; ея корсажъ часто былъ убранъ брилліантами, въ рукахъ испанскій вѣеръ; на маленькихъ ножкахъ туфли.

„Прекрасная королева, съ большими, выразительными глазами, съ роскошными прядями темныхъ волосъ, умѣвшая очаровательно изъявлять свое благоволеніе и блиставшая женственною граціей, тонкостью пріемовъ и высокой нравственностью среди образованныхъ, веселыхъ обществъ, которыя любила она собирать вокругъ себя,—была надеждою дворянства; отъ ея щедрой руки ожидало оно возврата утраченной силы“... (*Исторія Вебера. Т. III. Вып. VII-й, стр. 321*).

„Людовикъ XIII, оставался долго холоденъ и застѣнчивъ съ Анной Австрійской. Онъ даже стѣснялся съ ней. Совершенно вѣрно то, что онъ никогда ее не любилъ. Всю свою жизнь, онъ имѣлъ къ королевѣ недружелюбное чувство, которому было виной ея испанское происхожденіе:—все испанское, съ самаго дѣтства, казалось ненавистнымъ королю. Анна Австрійская была очень хороша, и хотя увлекалась Бюкингамомъ, это увлеченіе не повело за собой ошибокъ и поведеніе королевы, за все время жизни короля, оставалось безукоризненнымъ“ [1]).

„Она была въ высшей степени кокеткой“, говоритъ кар-

[1]) *Топенъ.* Людовикъ XIII и Ришелье.

диналъ де-Ретцъ. Мадамъ де-Мотвиль пишетъ: „Королева находила, что блестящій разговоръ, который, не исключая изысканной любезности, — далекъ отъ слишкомъ близкихъ сношеній, не предосудителенъ".

Въ королеву Анну были влюблены Бюкингамъ, Монморанси [1]), Бельгардъ и другіе. Всѣ друзья королевы подвергались нападкамъ со стороны кардинала. Гофмейстерина ея, герцогиня де-Шеврезъ, была также скоро сослана Ришелье, что̀ не мало содѣйствовало непріязненности королевы къ кардиналу, одно время влюбленнаго въ нее.

„Странно, что Ришелье, пролившій кровь Монморанси, захотѣлъ понравиться Аннѣ Австрійской. Въ 1632 г. онъ сталъ ухаживать за ней и представляться влюбленнымъ. Какой деспотическій духъ у этого человѣка, — стремительность котораго къ достиженію цѣли не позволяла даже, чтобы время загладило душевныя раны. Не успѣла пасть голова Монморанси, какъ Ришелье вынуждаетъ королеву улыбаться, и принимать его приглашенія на праздники". (*Мишелэ. Ришелье и Фронда, стр. 121, 124*).

„Разъ, кардиналъ подослалъ къ Аннѣ Австрійской первую камеръ-юнгферу, г-жу дю-Фаржи, съ предложеніемъ, чтобъ онъ, кардиналъ,—замѣстилъ около королевы ея супруга,—короля. Прося ея согласія, кардиналъ ссылался на то, что у Анны не было еще дѣтей,—что король, хилый и болѣзненный, не могъ долго прожить, а что послѣ его смерти ее отошлютъ въ Испанію, тогда какъ еслибъ у нея родился сынъ отъ него,—кардинала,—она осталась бы во главѣ правленія вмѣстѣ съ нимъ. Въ случаѣ смерти Людовика XIII, — ея интересы стали бы близки кардиналу, какъ отцу ея ребенка. Но королева отбросила это предложеніе. Всетаки она побоялась окончательно оттолкнуть Ришелье. Онъ не переставалъ изподтишка за ней ухаживать" [2]).

Но увѣрившись, что его старанія не поведутъ ни къ чему, кардиналъ сталъ сильно притѣснять Анну Австрійскую [3]) и даже грозить, что отниметъ у нея родившагося наконецъ до-

[1]) *Таллеманъ*: *Historiettes*. II, стр. 307.

[2]) *Таллеманъ*. Т. I, стр. 378, 379.

[3]) Тамъ же. Примѣчаніе, стр. 379. I.

фина. Въ виду этого, Ришелье вселялъ въ Людовика XIII мысль, что королева предана Испаніи и что въ частыхъ свиданіяхъ съ Испанскимъ посланникомъ она передаетъ ему тайны государства. Одно время, благодаря вліянію Ришелье на короля, Анна Австрійская была въ совершенной опалѣ. Разными путями она старалась достигнуть положенія, должнаго ея высокому сану, поощряла заговоръ Гастона Орлеанскаго и Сен-Марса, хотѣла искать убѣжища въ Седанѣ, въ случаѣ у нея отнимутъ ея дѣтей,—а наконецъ нашла, что лучшій для нея исходъ, стать съ кардиналомъ въ хорошія отношенія, оказать ему услугу. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что никто иной какъ королева, передалъ Ришелье копію трактата съ Испаніей. Интересно, между прочимъ, свидѣтельство Фабера, столь приближеннаго къ кардиналу и къ Шавиньи. П. Барръ говоритъ въ своей *Исторіи Фабера* о мемуарахъ г-на де-Термъ, въ которыхъ сказано, что Фаберъ зналъ о дѣлѣ съ трактатомъ. „Въ 1659 году Фаберъ сказалъ мнѣ: „Я хотѣлъ-бы назвать Вамъ лицо, которое передало трактатъ Сен-Марса кардиналу Ришелье. Но это невозможно, пока двѣ особы живы". Вскорѣ послѣ этого, умеръ герцогъ Орлеанскій. Фаберъ сказалъ мнѣ въ другомъ разговорѣ: „Еще осталась одна особа въ живыхъ; послѣ ея смерти мнѣ будетъ возможно сказать вамъ, кто выдалъ трактатъ". Я думаю, что особа, о которой намекалъ Фаберъ,—королева Анна Австрійская".

Таллеманъ повторяетъ ту-же молву.

Послѣ казни Сен-Марса и де-Ту, королева, бывшая почти сообщницей заговора, отправилась повѣстить кардинала въ Рюэль [1]).

Королева была суевѣрна, легкомысленна, любила лесть, комплименты; она бредила о похожденіяхъ, хотя и невинныхъ. Замѣтя это, Ришелье представилъ ей кардинала Мазарини, ловкаго, красиваго итальянца, и сказалъ ей: *„Ваше Величество, Вы полюбите его, у него сходство съ Бюкингамомъ"*. „Неизвѣстно,—пишетъ Таллеманъ,—повліяли-ли эти слова на нее, но думаютъ, что Мазарини давно нравился ей. Ришелье

---

[1]) *Таллеманъ*. „Historiettes". Т. II, стр. 105. Примѣчаніе.

[2]) Тамъ же. „Historiettes", т. I, стр. 462.

это замѣтилъ, а сходство красиваго итальянскаго прелата съ Бюкингамомъ дало ему поводъ надѣяться, что онъ не ошибся" [1]).

Послѣ смерти Людовика XIII, Анна, отдалась всѣмъ умомъ и всей душой Мазарини, умѣвшему ловко льстить ей и потихоньку забирать въ руки бразды правленія. Королева любила замѣчать, что она производитъ впечатлѣніе на мужчинъ. „Будьте только задумчивы, когда вы съ нею, смотрите постоянно на ея прекрасныя руки",—говорила кардиналу де-Ретцу герцогиня де-Шеврезъ, и я не теряю надежды, что вы ей понравитесь" [2]). Мазарини понялъ, что Анна, которой было тогда за сорокъ лѣтъ, довольно наивна и ограничена. Сангвиническая, гордая и вспыльчивая, она, однако, была характера слабаго. Слуги ея говорили о ней, что она добродушная („*toute bonne*").

Анна была еще свѣжа,—„какъ лиліи и розы" по словамъ г-жи де-Мотвиль. Кожа ея дѣйствительно, отличалась бѣлизной, оттого-ли, что она была полная, или вслѣдствіи испанской лѣни, заставлявшей ее вставать поздно. Она ходила къ двумъ обѣднямъ, обѣдала, при чемъ много ѣла, а послѣ полудни, ѣздила навѣщать монашенокъ. Мазарини было довольно трудно справиться съ безпокойствомъ, которое овладѣвало королевой, при мысли о ея отношеніяхъ съ нимъ. Такому ея настроенію, не мало способствовали влюбленный въ королеву кардиналъ де-Ретцъ и извѣстный своей святой жизнью Винсенъ де-Поль,—члены ея „*Совѣта совѣсти*", (*Conseil de conscience*) [3]). „Разсказъ о томъ, какъ Мазарини преуспѣвалъ въ сердцѣ королевы,—и есть правдивая исторія трехъ первыхъ мѣсяцевъ регентства" [4]).—„Говорятъ, что королева соединилась тайнымъ бракомъ съ Мазарини" [5]). Въ своемъ письмѣ отъ 13-го августа 1650 г., Мазарини пишетъ: „скажите герцогу Орлеанскому, что королева никогда не удалитъ меня, даже если бы, изъ за этого, у нея осталась всего одна провинція

---

[1]) *Таллеманъ*. „Historiettes" I, стр. 463.

[2]) Мемуары кардинала де-Ретца III, стр. 233.

[3]) См : статьи Кузена о такъ называемыхъ „*Carnets de Mazarin*".

[4]) V. Cousin: Madame de Longueville, p. 217.

[5]) Correspondance de M-me la Duchesse d'Orleans. p. 287. ed: Charpentier.

и что всякое предпріятіе противъ меня, равняется предпріятію противъ нея“ [1]).

Кардиналъ де-Ретцъ оставилъ слѣдующее оригинальное описаніе королевы Анны:

„Королева имѣла достаточно ума, чтобы не казаться глупой тѣмъ, кто мало ее зналъ. Въ ея характерѣ, было болѣе ѣдкости нежели надменности, — болѣе надменности, нежели великодушія, болѣе выдержки нежели глубины, болѣе безучастнаго отношенія къ деньгамъ, нежели щедрости, болѣе корыстолюбія, нежели безкорыстія, болѣе привязанности, нежели страсти, болѣе жестокосердія, нежели гордости, болѣе намѣренія быть богомольной, нежели богомолія, болѣе упорства, нежели твердости, и болѣе бездарности, нежели всего того, о чемъ я упомянулъ“ [2]).—Въ молодости своей, во время жизни Людовика XIII, Анна Австрійская любила праздники, балеты, карузели. Обыкновенно она жила въ Луврѣ, а король въ Сен-Жерменѣ, куда королева пріѣзжала къ обѣду и оставалась послѣ обѣда, въ своей галлереѣ для такъ называемой „испанской бесѣды“—(Conversation espagnole.

Сен-Жерменъ (St-Germain) самое живописное и прелестное мѣсто изъ окрестностей Парижа. Это было королевское жилище и мѣсто свиданія (rendez-vous) всѣхъ вельможъ того времени, которые уѣзжали изъ Парижа, находя для себя слишкомъ тѣснымъ *Королевскую площадь* (Place Royale). Людовикъ XIII, скучавшій въ Сен-Жерменѣ, какъ и вездѣ, не покидалъ этой резиденціи. На звукъ рога, въ который трубилъ самъ король, со всѣхъ сторонъ прискакивали мушкатеры и собирались у рѣшетки замка. Король дѣлалъ имъ смотръ, во главѣ своихъ охотниковъ. Слѣдовала охота, которую король страстно любилъ, охотился до полудня и возвращался въ замокъ, черезъ большой дворъ, гдѣ уже въ каретахъ—четверней съѣзжались всѣ вельможи.

Замокъ Сен-Жерменъ былъ прекрасной архитектуры. Въ апартаменты вела галерея, по бокамъ которой, на холмахъ росли сады, спускавшіеся къ Сенѣ; плат-форма была устроена

---

[1]) Memoires de Mathieu Molé. t. IV, p. 404.

[2]) Memoires du cardinal de Retz. I, 253.

Фіатенелли съ гротами, въ которыхъ происходили любовныя свиданія. Тутъ были великолѣпныя виноградныя лозы, фонтаны и пр.

Послѣ обѣда, обыкновенно, король приходилъ въ эти галереи, гдѣ у королевы Анны, окруженной своими фрейлинами и дамами, бывала такъ называемая *„Conversation—espagnole“* (испанская бесѣда). Эта бесѣда состояла изъ декламаціи стиховъ, граціозныхъ разсказовъ о происшедшемъ за послѣдніе дни въ Парижѣ, въ пѣніи съ музыкой мандолинъ и гитаръ. Тутъ исполняли, иногда, сочиненія Людовика XIII,—его извѣстный гавотъ, и пр.

Любимицами королевы Анны были тогда M-me де-Шеврезъ, герцогиня де-Гюэменэ, M-elle де-Готфоръ, Марія де-Гонзаго. Королева Анна желала брака герцогини Мантуанской съ польскимъ королемъ Владиславомъ VII. Въ 1638 г. около Мартига власти остановили генуэзскій корабль, который причалилъ къ берегу. На этомъ кораблѣ находился князь Казиміръ, братъ короля Владислава VII [1]). Ришелье велѣлъ засадить Казиміра въ тюрьму, въ замокъ Систеронъ. Кардиналъ думалъ, что князь явился соглядатаемъ Испаніи, съ которой Франція вела войну. Казиміръ служилъ въ полкахъ императора Австрійскаго, и все это давало поводъ подозрѣвать его.

Князь посылалъ дважды, грамоты кардиналу, свидѣтельствуя въ нихъ, что онъ не врагъ Франціи, и прося отпустить его на волю. (*Арх. иностр. дѣлъ. Польша. Т. III фом. 448 et 460. Письма князя изъ Салоны*).

„Король Польскій также требовалъ освобожденія своего брата. Вмѣсто того, чтобы освободить Казиміра, Ришелье засадилъ его въ Винсенскую крѣпость и усилилъ надзоръ. Владиславъ VII посылалъ въ Парижъ посольство за посольствомъ, но все это не вело ни къ чему. Наконецъ разсерженный Владиславъ сталъ грозить Франціи, что заключитъ противъ нея союзъ съ императоромъ и съ испанцами. Тогда только Ришелье освободилъ Казиміра. Это было въ 1640 г. Людовикъ XIII предложилъ ему поселиться въ домѣ маршала Шом-

---

[1]) Впослѣдствіи сдѣлавшійся вторымъ супругомъ Маріи де-Гонзаго подъ именемъ короля Іоанна-Казиміра польскаго.

берга,—друга Сен-Марса. Восьмого февраля 1640 г., король принялъ князя въ Сен-Жерменѣ, оказалъ ему почести, велѣлъ придворнымъ увеселять Казиміра и не жалѣть денегъ для устройства охотъ и празднествъ. Всѣ старались, чтобы польскій князь позабылъ о своемъ двухъ-годовомъ заточеніи. 20-го февраля Казиміръ уѣхалъ, а Ришелье послалъ посла въ Польшу, чтобы все уладить съ Владиславомъ. *Авогуръ* (такъ звали посла) вернулся въ іюнѣ, въ Парижъ; онъ извѣстилъ Ришелье объ успѣхѣ порученной ему миссіи. Владиславъ, не только не хотѣлъ сближаться съ испанцами, но желалъ заключить союзъ съ Франціей" [1]). Онъ слыхалъ молву о французскихъ придворныхъ красавицахъ. Частыя посольства, перебывавшія въ Парижѣ, но болѣе всего, князь Казиміръ, младшій братъ короля, влюбившійся въ Марію де-Гонзаго, сдѣлалъ имя ея извѣстнымъ въ далекой Польшѣ. Престарѣлый Владиславъ, овдовѣвъ, сталъ думать о ней. Сдѣлаться польской королевой, льстило тщеславію принцессы Мантуанской. Хотя она искренно горевала о Сен-Марсѣ, во время его процесса и послѣ казни, ея кокетство, живой пылкій нравъ, часто увлекали ее, почти противъ ея воли. Она чуть не влюбилась во врага Сен-Марса, въ принца де-Кондэ, хотя онъ былъ уже давно женатъ и имѣлъ сына. Злые языки того времени, стали даже распространять молву, что *Марія д'Аркьенъ* [2]), дѣвочка, любимая Маріей де-Гонзаго и впослѣдствіи увезенная ею въ Польшу, какъ будто дочь принцессы и великаго Кондэ. Марія де-Гонзаго также вскружила голову маркизу де-Жевру, вообразившему себѣ, что она станетъ его женой, если его произведутъ въ маршалы (*Maréchal de France*). Когда Марія обезнадежила его, онъ сталъ искать смерти и былъ убитъ, героически аттакуя Тіонвиль [3]).

Въ мемуарахъ-же принцессы Анны де-Гонзаго, находится

---

[1]) Marius Topin. Richelieu et Louis XIII.

[2]) Marie Kasimire d'Arquien, дочь, воспитавшей королеву Луизу, маркизы de La Grange - d'Arquien. Эта молодая дѣвушка, красавица, впослѣдствіи вышла замужъ за короля Іоанна Собѣсскаго, извѣстнаго полководца. См. Герцога Омальскаго, Исторія принцевъ де-Кондэ, томъ V, стр. 28 (примѣчаніе).

[3]) Герцогъ Омальскій. Исторія принцевъ де-Кондэ. т. IV, стр. 173.

странный эпизодъ; авторъ этихъ мемуаровъ утверждаетъ, что Марія де-Гонзаго внезапно страстно влюбилась въ одного молодого итальянца, изъ благороднаго, но не высокаго рода. „Тщеславіе не входило въ эту страсть; она пожертвовала-бы ей всѣми коронами, которыми колдуны наполняли ея фантазію. Такъ какъ ей было невозможно видѣть этого итальянца наединѣ, необходимость заставила ее сблизиться со мной. Желаніе нравиться всѣмъ, ужъ не такъ сильно говорило въ ней, съ тѣхъ поръ, какъ ея сердце нашло предметъ настоящей привязанности и потому я ей не казалась такой непріятной, какъ прежде. Возлюбленный моей сестры, былъ въ родствѣ съ придворной дамой, бывшей всегда при насъ; мы имѣли тысячу разъ возможность встрѣчаться съ нимъ; чтобы его родственница не могла ничего замѣтить, онъ, повидимому, былъ также внимателенъ ко мнѣ какъ и къ сестрѣ моей. Я не знаю, до чего довела-бы принцессу Марію эта интрига; не могло быть и рѣчи о бракѣ съ человѣкомъ, стоявшимъ гораздо ниже ея, хотя и принадлежавшимъ хорошему дому. Но неравенство ихъ обоюднаго положенія не пугало ее и она даже, какъ будто, находила прелесть, жертвуя чувству своими самыми высокими выгодами. Она искала въ исторіи примѣръ брака принцессъ съ простыми дворянами. Разъ я нашла ее читавшую съ величайшимъ вниманіемъ книгу, которую она показала мнѣ, говоря съ торжествующимъ взглядомъ: „прочтите сестра моя!“ — Это была страница изъ какой-то исторіи, гдѣ разсказывалось о томъ, какъ Екатерина французская, (оставшаяся вдовой по смерти англійскаго короля), соединила свою судьбу съ простымъ Валлійскимъ рыцаремъ Остенъ-Тайдаромъ. Принцесса Марія назвала мнѣ также дочь короля Филиппа Высокаго (le long), вышедшую замужъ за простого дворянина. Мы проводили время читая, днемъ и ночью, романы; сестра моя писала страстныя письма, которыя могли-бы быть умѣстны даже въ романѣ „Сирюсъ“ (Cyrus). Но, о горе! Итальянецъ долженъ былъ вернуться на родину; это привело сестру мою въ отчаяніе. Я думаю, что если-бы ея возлюбленный былъ смѣлѣе, то онъ могъ-бы уговорить ее и похитить“ [1]).

---

[1]) **Мемуары Анны де-Гонзаго, принцессы Палатинской, стр. 17.**

Въ то время, въ Парижѣ, начиналась фронда. Хотя Марія де-Гонзаго, всегда высказывалась за королеву-регентшу, ея литературныя собранія, ея салонъ, сдѣлавшійся однимъ изъ первыхъ, служилъ сборищемъ членовъ возстанія, и бывшихъ друзей Сен-Марса,—его сообщниковъ въ заговорѣ противъ Ришелье, какъ напримѣръ графъ д'Обижу [1]). Все это безпокоило Мазарини и онъ нашелъ очень удобнымъ выдать принцессу за Владислава, чтобъ удалить ее въ Польшу. Въ 1646 г. пріѣхало новое блестящее польское посольство въ Парижъ; болѣе восьмисотъ магнатовъ въ своихъ богатыхъ полуазіатскихъ одеждахъ, поразили французовъ [2]). Вскорѣ узнали, что тщеславная принцесса Марія согласилась на бракъ съ доблестнымъ, умнымъ, но престарѣлымъ королемъ. Королева Анна дала ей въ приданое шестьсотъ ливровъ, какъ-бы дочери французскаго короля (*fille de France*) [3]); свадьбу торжественно праздновали въ Парижѣ, гдѣ принцесса обвѣнчалась „по уполномочію“ (*par procuration*) въ часовнѣ Пале Рояля. Она очень заботилась о томъ, чтобы вѣнчальный обрядъ былъ-бы вполнѣ правильный и нерасторжимый [4]), но она сама казалась такой невеселой, что даже сложилась объ этомъ пѣсня [5]). Въ 1646 г. Марія короновалась въ Краковѣ, и стала царствовать подъ именемъ *королевы Луизы*. Владиславъ не понравился ей, онъ былъ твердаго характера и не поддавался ей, а любилъ вести простой образъ жизни. Чтобы развлечь скуку своего царство-

---

[1]) Герцогъ Омальскій. Исторія принцевъ де-Кондэ. V, стр. 27, 28.

[2]) *Сальванди*. Исторія Польши, стр. 124.

[3]) См. письмо принцессы Маріи де-Гонзаго къ Брежи, напечат. въ примѣчаніяхъ V тома (стр. 412). Исторіи принцевъ де-Кондэ, герцога Омальскаго.

[4]) „Я только тогда увѣрена, что сбудутся событія,—когда эти событія уже сбылись“,—пишетъ Марія де-Гонзаго г-ну де-Брежи, передъ свадьбой своей съ Владиславомъ. Смерть Сен-Марса оставила въ душѣ ея горькій слѣдъ; бѣдность заставляетъ ее преклоняться передъ Мазарини, замѣстившимъ Ришелье, но въ самыхъ ея просьбахъ къ всесильному министру таится озлобленность, недовѣрчивость къ своей судьбѣ, запуганность. См. письма ея, отъ 26 августа, отъ 10 сентября и отъ 14 декабря, напечатанныя въ томѣ V, стр. 412, 414, 416, Исторіи принцевъ де-Кондэ. Герц. Омальскаго.

[5]) Мемуары кардинала де-Ретца, т. I, стр. 104, примѣчаніе.

ванія, болѣе похожаго на изгнаніе въ далекій, дикій край,— Марія де-Гонзаго окружила себя французскими придворными, статсъ-дамами, священниками и монахинями. Это сразу сдѣлало ее не популярной среди поляковъ, хотя она содѣйствовала нравственному развитію польской знати. Французскіе іезуиты, пріѣхавшіе въ Варшаву по приглашенію королевы, стали распространять разныя науки, математику, астрономію, физику. Сама королева очень интересовалась астрологіей, вѣрила предсказаніямъ, гаданію по звѣздамъ, возможности составлять золотой металлъ. Денежной поддержкой, она способствовала изданію *„Astrologia Gallica“*, давшему толчекъ наукѣ о звѣздахъ. Собранные этой королевой документы, объ алхиміи (Grand-Oeuvre), существуютъ до сихъ поръ въ музеѣ Кондэ. Въ 1648 г. король Владиславъ умеръ, какъ разъ во время нападенія Богдана Хмельницкаго съ казаками на Польшу. Положеніе страны стало критическое. Блестящіе магнаты, обученные войнѣ французскими инженерами, не умѣли противустоять казакамъ. Они страшно мучили плѣнниковъ, что болѣе всего возмущало противъ нихъ Запорожцевъ. Чтобъ отомстить,— Богданъ жегъ костелы, католическіе монастыри, убивалъ и истязалъ польскихъ магнатовъ, но жалѣлъ крестьянское населеніе, которому приходилось много терпѣть отъ богатыхъ польскихъ пановъ. Королева, бывшая при-смерти больна, не теряла силы духа и велѣла провозгласить, что она не покинетъ Варшавы (которой угрожалъ Богданъ), пока сеймъ не выберетъ пріемника Владиславу. Оба брата умершаго короля,— упомянутый выше принцъ Казиміръ, только что сложившій съ себя санъ кардинала,—и епископъ Бреславльскій, стали на ряду другихъ кандидатовъ на престолъ. Оба они также искали руки королевы Луизы. Наконецъ, когда избрали Іоанна-Казиміра на царство, онъ сдѣлался одновременно королемъ польскимъ и мужемъ своей невѣстки. Онъ давно страстно любилъ ее, хотя ей было за сорокъ лѣтъ. Послѣ второго брака, королева сдѣлалась матерью, въ первый разъ, но не на долго. Ея сынъ умеръ. Тщеславіе и энергія ея все росли, несмотря на невзгоды. Второй мужъ ея не имѣлъ воли. Она почувствовала, что власть теперь въ ея рукахъ и стала во главѣ правленія, о чемъ мечтала давно. Празднества по случаю брака

Іоанна-Казиміра, окончились военными дѣйствіями, вынужденными успѣхами Хмельницкаго. Королева Луиза, не желая покинуть своего мужа, поѣхала съ нимъ внизъ по Вислѣ, по направленію къ таборамъ Запорожцевъ. Всѣ польскіе магнаты въ богатѣйшихъ, блистающихъ самоцвѣтами и брилліантами одеждахъ слѣдовали за королемъ и королевой въ позолоченныхъ лодкахъ. Королева и ея придворныя дамы были въ французскихъ парчевыхъ платьяхъ. Всѣ эти богатые наряды и блестящее дорогое оружіе поражало почти нищихъ поселянъ, сбѣжавшихся на берегъ рѣки, смотрѣть на удивительное зрѣлище. Красавецъ Мазепа, будучи юнымъ пажемъ королевы, слѣдовалъ за ней на бой съ казаками [1]).

Іоаннъ-Казиміръ сталъ вскорѣ просить Хмельницкаго заключить миръ. Богданъ великодушно согласился и тѣмъ спасъ Польшу. Но неосторожность поляковъ и вѣроломство короля вызвали новыя вспышки со стороны казаковъ. Польша воевала съ ними, съ Россіей и съ шведскимъ королемъ Карломъ-Густавомъ, завладѣвшимъ наконецъ Варшавой. 17-го октября Іоаннъ-Казиміръ и королева Луиза, потерявъ престолъ, поруганные самими поляками, бѣжали въ Силезію. Но шведскій король сталъ слишкомъ притѣснять завоеванный край, слишкомъ глумиться надъ римско-католической вѣрой. Поляки, почти выдавшіе ему Польшу, чтобъ удалить ненавистную имъ королевскую чету, стали жалѣть о слабомъ Іоаннѣ-Казимірѣ и снова призывать его. Іезуиты не мало способствовали этому настроенію. Духовенство насколько могло, дѣйствовало противъ протестанта Карла-Густава.

Королева Луиза, преданная католицизму, получившая отъ папы Инокентія X орденъ золотой розы, въ знакъ отличія за ея набожность,—но не менѣе преданная астрологіи, употребила монаховъ и астрологовъ, чтобъ упросить короля попытаться снова возвратить себѣ потерянное королевство. Благодаря мужеству Чарнисскаго и энергіи королевы Луизы, не покидавшей войскъ, король завоевалъ обратно часть Польши, и вошелъ въ столицу, сдавшуюся ему на условіяхъ; но какъ

---

[1]) A. Salvandy (de l'académie francaise). Histoire de la Pólogne. p. 145.

только онъ очутился въ Варшавѣ, онъ пренебрегъ условіями. Взбѣшенный этимъ вѣроломствомъ, Карлъ-Густавъ призвалъ Фридриха Бранденбургскаго и принца Трансильванскаго, обѣщая имъ раздѣлить съ ними Польшу, если они помогутъ ему мстить за обиду. Три дня Іоаннъ-Казиміръ противустоялъ имъ въ Варшавѣ. Королева Луиза, окруженная своими дамами, сидѣла на самомъ верху редута, на барабанѣ и смотрѣла на бой. Растянутый надъ головой ея татарскій кафтанъ предохранялъ ее отъ палящаго солнца. Она слѣдила за дѣйствіями войска, и разъ, такъ удачно указала куда направить пушечные выстрѣлы, что бомбы опустошили ряды шведскихъ эскадроновъ [1]).

Она такъ привыкла къ жизни въ лагерѣ, что какъ старый полководецъ обѣдала между солдатами около своей пушки, на полѣ брани. [2])

Не смотря на энергію королевы и на храбрость поляковъ, Польша была бы потеряна, если бы Мазарини, желавшій поддержать бывшую французскую принцессу, не умолилъ бы русскаго царя Алексѣя Михайловича ограничить завоеванія Шведскаго короля. Война межъ Россіей и Швеціей вдругъ вспыхнула изъ за намѣренія Алексѣя Михайловича завоевать портъ на Балтійскомъ морѣ. Польша была опять спасена. Послѣ этого—дружба между польскимъ и французскимъ дворомъ стала еще тѣснѣе. Анна австрійская произвела въ гоф-мейстерины молодой жены Людовика XIV, сестру королевы Луизы, принцессу Палатинскую. Польская королева мечтала о томъ, чтобы ввести въ польское правительство престолонаслѣдственную систему. Такимъ путемъ, она думала предупредить грозившій тогда уже раздѣлъ Польши, виной которому служили анархія въ самомъ правленіи, скандалы въ сеймѣ, зависть, и роковое „veto“. Людовикъ XIV увѣдомилъ Іоанна-Казимира о желаніи нѣкоторыхъ государствъ покончить съ Польшей и слабый польскій король, горевалъ и предупреждалъ сеймъ о грозящей катастрофѣ.[3]) Но энергичная коро-

---

[1]) N. A. de Salvandy. Histoire de la Pologne. p. 175.

[2]) Duc d'Aumale Histoire des Princes de Condé VII стр. 156.

[3]) Рюльеръ, (Rulhiere) пишетъ, что самъ видалъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Парижѣ, документы касающіеся раздѣла Польши

лева не довольствовалась словами. Въ умѣ ея зародился цѣлый выдержанный планъ: призвать въ Польшу великаго Кондэ, сдѣлать его опорой Польши противъ многочисленныхъ ея враговъ, болѣе всего противъ турокъ, дать ему возможность оказать помощь Рѣчи-Посполитой и воспользоваться этимъ, чтобы провозгласить его, или сына его Генриха-Юлія де-Кондэ наслѣдникомъ престола. Послѣдній только что женился на Аннѣ Баварской, старшей дочери принцессы Палатинской, сестры королевы. [1])

Но нуженъ-ли былъ полякамъ великій Кондэ или сынъ его, когда между ними, отличался уже геній какъ Іоаннъ Собѣсскій? Поляки заподозрѣли королеву въ тщеславныхъ происках. Іоаннъ Замойскій и князь Любомирскій сдѣлались непримиримыми ея врагами. Сынъ послѣдняго, не побоялся высказаться противъ нея въ сеймѣ, 1664 года, въ присутствіи самаго короля:

„Королева виновата во всемъ,"—сказалъ онъ. ***Ея священное Величество*** нарушила всѣ права Польши. Она хочетъ отдѣлить Литву отъ Польши, и оставить великое княжество Польское, въ наслѣдство французскому принцу царскаго рода, сдѣлавъ его пріемникомъ Ягелоновъ. Чтобы французскія лиліи зацвѣли въ снѣгахъ Сарматіи, она готова на всякое посягательство. Она измѣнила наши монеты, подкупивъ наши законы и совѣсть; она хотѣла предать татарамъ нашихъ всадниковъ. Ужъ вотъ давно какъ она предала судьбу нашей родины комитету какихъ-то неизвѣстныхъ Парижанъ, лакеевъ, капелановъ, монашенокъ, статсъ дамъ, надъ которыми властвуетъ французскій посланникъ. Но она не довольствуется угнетеніемъ Рѣчи-Посполитой; она оскорбляетъ наши привычки, нравы, законы. Многіе слыхали, какъ она говорила, что за сто тысячъ флориновъ ей будетъ легко подкупить всю Польшу. Если мой отецъ великій маршалъ сталъ предметомъ ея озлобленія,—не потому-ли это, что онъ не хочетъ допускать продолженія такаго веденія дѣлъ, и возстаетъ противъ несправедливаго выбора наслѣд-

---

пограничными ей Государствами. Людовикъ XIV помѣшалъ тогда исполненію этого враждебнаго Польшѣ намѣренія.

[1]) Смот. первую и вторую главу VII тома исторіи принцевъ де-Кондэ, Герцога Омальскаго.

ника;—не потому-ли, что онъ отказался *„причесать на французскій ладъ старыя сенаторскія головы, желѣзными гребнями“* — по выраженію Ея священнаго величества? Всѣ эти посягательства, ссылки и изгнанія, чуть ли не убійства,— плохіе задатки для будущаго царствованія ея племянниковъ“ [1]).

Въ нѣкоторыхъ своихъ доводахъ, Любомирскій былъ совершенно правъ. Напримѣръ „комитетъ какихъ то незвѣстныхъ Парижанъ,“ положительно существовалъ, и его члены работали нетолько въ Варшавѣ, но и въ Парижѣ, чтобъ убѣдить Людовика XIV, поддержать кандидатуру Кондэ, и даже въ самомъ Шантильи,—резиденціи мнимыхъ наслѣдниковъ Польскаго престола [2]), г-жа де-Шуази, поощрявшая когда-то тайную переписку Маріи де-Гонзаго съ Сен-Марсомъ, и передававшая письма принцессы молодому оберъ шталмейстеру, была снова намѣчена пристарѣлой Польской королевой, чтобы служить вѣрнымъ орудіемъ переписки съ Кондэ о польскомъ престолонаслѣдіи. Изъ покровительства, оказываемаго польской королевой графу д'Обижу, графинѣ де-Шуази,—можно заключить, что память о Сен-Марсѣ жила въ душѣ супруги Іоанна-Казимира. Но объ этомъ предположеніи существуетъ болѣе ясное доказательство,—послѣднія слова королевы передъ ея смертью.

Вражда королевы Луизы съ Любомирскимъ дошла до крайностей, бывшихъ причиной междоусобной войны. Больная отъ горя и гнѣва королева стала во главѣ. Любомирскій одержалъ побѣду; если бы не геній Іоанна Собѣскаго, отстоявшаго Варшаву, и заставившаго короля принять условья мира, предлагаемаго Любомирскимъ, королевская власть снова погибла-бы. Одно изъ требованій великаго маршала заключалось въ томъ, чтобы королева отказалась отъ мечты сдѣлать однаго изъ принцевъ де-Кондэ наслѣдникомъ польскаго престола.

Но вдругъ Любомирскій умеръ отъ удара. Королевѣ Луизѣ показалось, что теперь она будетъ торжествовать. Она заста-

---

[1]) Изъ документа защиты Любомирскаго.

[2]) Въ Парижѣ, повѣреннымъ королевы Луизы была одна Г-жа дез-Эссаръ. Г-жа Шуази была приставлена въ качествѣ статсъ дамы къ племянницѣ королевы, къ Аннѣ Баварской вышедшей за мужъ за сына Великаго Кондэ. смот: Герцога Омальскаго. Исторія Пр. де-Кондэ VII, стран. 160 и 179.

вила своего слабаго мужа, снова, предложить въ сеймѣ, назначить Кондэ наслѣдникомъ Польскаго престола; но вся Польша единогласно возстала противъ этого. Магнаты, шляхта, народъ, всѣ вознегодовали. Ни Іоанна-Казимира, ни королеву не любили. Царствованіе ихъ было несчастно для Польши; еще недавно, ради заключенія мира, король долженъ былъ уступить Россіи всю Бѣлорусь и Украйну, лежащую по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Татары то и дѣло опустошали Польшу. Турки готовили свое нашествіе. Народъ невыносимо страдалъ подъ гнетомъ магнатовъ и постоянно возставалъ. Всѣ эти несчастья приписывались грѣховному браку королевы Луизы съ своимъ шуринымъ, бывшимъ кардиналомъ. На предложеніе Іоанна-Казимира,—назначить однаго изъ Кондэ наслѣдникомъ короны, въ сеймѣ раздались крики: „не хотимъ мы подражать Ришелье и Мазарини, основавшимъ деспотизмъ во Франціи!“ — „Это странное послѣдствіе правленія, основаннаго угрюмымъ геніемъ Ришелье, еще не было замѣчено никѣмъ,“ — пишетъ историкъ Польши, Сальванди. Введеніе деспотизма въ образъ французскаго правленія, помѣшало родственнику Людовика XIII-го взойти на польскій престолъ, и тѣмъ способствовало паденію Польши отъ анархіи. Западъ лишился удобнаго мѣста для своей дѣятельности, и ограды противъ разширенія Россіи. [1])

— Королева была сильно потрясена негодованіемъ страны; послѣ двадцати-лѣтняго царствованія, она видала лишь ненависть вокругъ себя. 9-го мая, 1667 года вечеромъ, она гуляла въ своихъ садахъ на берегу Вислы, и вела оживленный разговоръ съ канцлеромъ Пасомъ, доказывая ему, что необходимо, для благополучія Польши, избрать Кондэ, наслѣдникомъ Іоанна-Казимира. Она такъ разгорячилась, что упала въ обморокъ. Когда ее привели въ себя, она вдругъ произнесла: „*Ergo moriendum*“! (Умремъ же!) и черезъ нѣсколько часовъ скончалась. Двадцать пять лѣтъ послѣ казни Сен-Марса, его любимая Марія де-Гонзаго скончалась въ далекой Польшѣ, съ его послѣдними словами на устахъ [2]).

---

[1]) Salvandy. Histoire de la Pologne стр· 219.

[2]) Salvandy. Histoire de la Pologne. стр. 220.

Ни юныя страсти, ни долгое бурное царствованіе, ни тщеславіе, ни старость, не могли изгладить въ замкнутомъ и гордомъ сердцѣ ея, завѣтный и окровавленный образъ ея первой любви. Послѣднія, горкія испытанія, супружеская невѣрность Іоанна Казимира слабаго и лекомысленнаго,—ненависть магнатовъ, непопулярность въ народѣ развѣнчали ея надежды, смирили ея надменность. И ярче встало передъ умирающей королевой видѣніе молодаго, блестящаго любимца Людовика XIII, оставленнаго всѣми и сложившаго голову на плахѣ со словами: „Господи, что такое этотъ міръ?.. Умремъ же!“

МАЗАРИНИ.

Кардиналъ Мазарини былъ практически-умный, ловкій и честолюбивый дипломатъ, который повидимому одинъ, послѣ смерти Ришелье обладалъ путеводной нитью въ лабиринтѣ обще-европейскихъ дѣлъ.

Въ твердости характера и непреклонности воли онъ далеко уступалъ Ришелье и походитъ на него только хитростью и духомъ происковъ, лицемѣріемъ и искуснымъ притворствомъ. Мазарини пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ королевы, которая до того была къ нему привязана, что поговаривали о тайномъ бракѣ между ними. (*Mémoires du Cardinal de Retz. t. I p. X*)

Еще въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ красивый мужчина съ темно-кудрявыми волосами, съ высокимъ и широкимъ лбомъ, внимательный къ своей наружности и съ тѣмъ кроткимъ выраженіемъ лица, которое свойственно образованнымъ Итальянцамъ; при этомъ вкрадчивый, и своимъ собственнымъ спокойствіемъ успокоивающій другихъ. (*Исторія Вебера, т. III-й выпускъ VII-й*).

„Mazarin fut fidèle à sa maxime: de ne jamais désespérer de la raison et de s'efforcer toujours de gagner ou d'adoucir ses ennemis

au lieu de les persécuter à outrance comme faisait Richelieu“ [1]). (*Capefigue. Richelieu Mazarin et la Fronde*).

Когда 4-го декабря 1643 г. Мазарини съ пышностью явился въ Сорбонну праздновать годовщину смерти Ришелье, — онъ поднялся уже *менѣе чѣмъ въ годъ времени*, на ту степень могущества, какой Ришелье не достигъ въ теченіи всей своей долгой и трудной карьеры; и для этого Мазарини не пролилъ ни одной капли крови, — не воздвигалъ эшафота и при томъ обладалъ сердцемъ королевы болѣе чѣмъ Ришелье когда-либо— сердцемъ короля (*V. Cousin. Journal des Savauts 1856 г.*).

Кардиналъ Рецъ (величайшій врагъ Мазарини), разсказываетъ въ своихъ *мемуарахъ*, что Мазарини былъ низкаго происхожденія. По окончанію ученія, онъ сталъ шулеромъ и за это былъ битъ. Служилъ не долго пѣхотнымъ капитаномъ и имѣлъ репутацію плута. Онъ понравился Шавиньи за свои Итальянскія непристойныя новеллы, а отъ Шавиньи попалъ къ Ришелье, который сдѣлалъ его кардиналомъ и у котораго это ему не мѣшало лакействовать. Онъ издѣвался надъ религіей. Все обѣщалъ и ничего не исполнялъ. Былъ ни добръ, ни жестокъ, ибо самъ не помнилъ ни добра, ни обидъ. Былъ уменъ, вкрадчивъ и ловокъ. (*Mémoires du Cardinal de Retz. t. I p. 125, 126*).

ГАСТОНЪ ОРЛЕАНСКІЙ.

Родился въ 1608 г. Въ 1622 г. Марія Медичи составила заговоръ съ цѣлью свергнуть Людовика XIII-го, посадить на престолъ Гастона, который набралъ наемныхъ 2,000 солдатъ въ Италіи, Германіи и Англіи. Предполагалось убить Ришелье. Къ нимъ присталъ герцогъ Монморанси, который и былъ казненъ въ Тулузѣ; а Марія Медичи и Гастонъ бѣжали въ Брю-

[1]) Мазарини былъ вѣренъ своему принципу: никогда не отчаяваться въ силѣ убѣжденія и прилагать все стараніе къ умиротворенію своихъ враговъ и къ соглашенію съ врагами;—вмѣсто того чтобы ихъ преслѣдовать до крайности, какъ это дѣлалъ Ришелье.

сель. Гастонъ продѣловалъ такія штуки не разъ. Онъ былъ фатъ, подлъ, грубъ до послѣдней степени [1]). До рожденія Людовика XIV-го существовалъ планъ, принятый Маріей Медичи, Анной и Гастономъ, (въ видахъ низверженія Ришелье), который состоялъ въ томъ, что послѣ смерти короля бездѣтнымъ, Гастонъ будетъ его наслѣдникомъ и женится на Аннѣ. Когда-же родился, (къ горю и бѣшенству Гастона), Людовикъ XIV-й, котораго Гастонъ, въ своемъ пріятельскомъ кругу, выдавалъ за незаконно-рожденнаго, — тогда онъ сталъ добиваться регенства и для этого сходился и дѣлалъ заговоры съ дворянами противъ Ришелье. Въ минуту-же трусости онъ выдалъ Ришелье копію трактата съ Испаніей. Такъ какъ, до того, подлинникъ документа былъ имъ сожженъ, можно даже предполагать, что выданная имъ *копія* трактата была написана, по усмотрѣнію Ришелье, чтобъ уличить Сен-Марса. Къ этому предположенію даютъ поводъ,—во-первыхъ, слова Сен-Марса на судѣ, (см. выше характеристику Сен-Марса), и слѣдующее мнѣніе Шаваньяка: „Я никакъ не могъ распознать, несмотря на всѣ старанія,—не выдумка-ли друзей кардинала—этотъ трактатъ съ Испаніей, и не нарочно-ли они ему дали такую огласку, чтобы оправдать поведеніе Ришелье? Вѣроятно-ли, чтобы Сен-Марсъ заключалъ договоръ съ Испанцами, въ то время, когда все улыбалось ему и когда онъ былъ совершенно доволенъ благосклонностью, выказываемой ему королемъ [2])?

Гастонъ Орлеанскій былъ такой трусъ, что отъ него можно было всего ожидать. Онъ могъ прибавить въ копіи того, чего не было въ подлинникѣ трактата, чтобъ угодить кардиналу.

---

[1]) *Таллеманъ*. „Historiettes", т, III.

[2]) Мемуары Шаваньяка, стр. 30, 31. Къ этому надо замѣтить, что все донесеніе, сдѣланное *Ла-Врильеръ* кардиналу, о томъ, что говорилъ Сен-Марсъ во время своего заточенія въ Монпелье, было сожжено Ришелье. Въ обвиненіи-же Сен-Марса, кардиналъ велѣлъ написать, что *онъ, Сен-Марсъ*, подбивалъ герцога Орлеанскаго во всемъ. Но Сен-Марсъ никогда не имѣлъ вліянія на брата короля, бывшаго гораздо старше обер-шталмейстера. Сен-Марсу было двадцать два года, а Гастону тридцать четыре. Они и прежде ни въ чемъ не сходились мнѣніемъ или нравомъ.

Послѣ казни преданныхъ Гастономъ де-Ту и Сен-Марса, его самаго не изгнали изъ Франціи, какъ предполагалось; онъ такъ обрадовался и такъ безсовѣстно это изъявилъ, что даже дочь его, M-elle де-Монпансье, знавшая, что онъ самъ заключилъ трактатъ, а не Сен-Марсъ, — осуждала и стыдила его.

Гастонъ любилъ затѣвать заговоры, но страшился опасности и выдавалъ всѣхъ. „Онъ мечталъ о всемъ“, — пишетъ кардиналъ де-Ретцъ, „но воли у него не было ни на что. Онъ получилъ титулъ герцога Орлеанскаго и двѣсти тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода за то, что выдалъ графа де-Шалэ, (котораго Ришелье велѣлъ казнить) герцоговъ д'Эпернонъ и де-Лонгевиля, а также герцогиню де-Шеврезъ. За сообщеніе копіи трактата съ Испаніей, Ришелье обѣщалъ дать ему сорокъ тысячъ ливровъ ежегодной пенсіи. „Не говорите мнѣ о вѣрноподданности моего брата“, говорилъ Людовикъ XIII; всѣ знаютъ, что онъ никогда вѣрнымъ мнѣ не былъ“.

Рано овдовѣвъ, Гастонъ хотѣлъ жениться на Маріи де-Гонзаго, когда ей было всего шестнадцать лѣтъ [1]). Но Марія Медичи помѣшала этому браку. Тогда, онъ тайно женился на Маргаритѣ Лоренской (1632 г.).

Гастонъ Орлеанскій былъ красивъ, но въ немъ не было никакой порядочности. „Этотъ человѣкъ, который рѣшался на продѣлки, точно какой нибудь молоденькій пажъ, былъ глупо спѣсивъ. Онъ не позволялъ, чтобы передъ нимъ накрывали голову даже тѣ, — кто сидѣлъ съ нимъ въ его каретѣ, или во все время путешествія. Король надъ этимъ смѣялся. Онъ былъ такъ нетерпѣливъ, что не могъ стоять на мѣстѣ, когда его одѣвали. Онъ всегда въ шляпѣ, какъ фатъ, всегда посвистываетъ, и держитъ руки въ карманахъ“ [2]).

Даже къ старости, Гастонъ не перемѣнилъ своего нрава. „Недавно нашли документъ“, пишетъ герцогъ Омальскій, „который немедленно сталъ новымъ приговоромъ герцогу Орлеанскому. Это письмо Ле-Телье къ Мазарини, въ которомъ Ле-Телье анализируетъ изустное показаніе герцога Орлеанскаго.

---

[1]) См. Исторію Принцевъ де-Кондэ герцога Омальскаго, письмо Маріи де-Медичи Гастону Орлеанскому, о желаньѣ его жениться на Маріи де-Гонзаго, т. V, стр. 411.

[2]) *Таллеманъ*. „Historiettes“, т. II, стр. 120, 121.

Во время своей вторичной ссылки въ Блуа, послѣ того, какъ молодой Людовикъ XIV вернулся въ Парижъ (въ самый разгаръ фронды), герцогъ Гастонъ былъ принужденъ подпасть подъ судебное слѣдствіе, напоминающее ему образъ дѣйствій съ нимъ Ришелье. Тогда онъ опять принесъ исповѣдь, подобную прежнимъ,—въ которой желая спасти свою голову и снова пользоваться милостью короля, онъ накоплялъ доносы и ***обманы***. Гастонъ объявилъ, что во всемъ былъ виноватъ одинъ **великій** Кондэ, что онъ его подбилъ возставать и участвовать во всѣхъ стычкахъ фронды [1]). Эта исповѣдь настоящая копія съ той исповѣди,—принесенной передъ судьями въ Вильфраншѣ, которой Гастонъ погубилъ Сен-Марса,—во всякомъ случаѣ болѣе невиннаго нежели былъ Кондэ послѣ поднятія оружія противъ Франціи и собственноручной ***подписи трактата***, во время фронды.

Извѣстно также, что Гастонъ получалъ взятки отъ откупщиковъ; это были Монморъ, Шуази де-Канъ. Онъ окружался негодяями и вралями, каковы были графъ де-Гаркуръ, Соважъ.

ГЕРЦОГЪ БУЛЬОНСКІЙ.

„Въ тѣ времена во Франціи существовала еще одна категорія удѣловъ (fiefs) и полу-подданныхъ, полу-независимыхъ личностей, исчезнувшая теперь; только въ Германіи существуетъ она доселѣ. Таковъ былъ герцогъ Седанскій, именовавшійся ***иностраннымъ государемъ*** (Souverain étranger). Онъ былъ владѣтельнымъ принцемъ въ Седанѣ, но также считался французскимъ подданнымъ, такъ какъ отецъ его Генрихъ де-Ла-Туръ былъ командующимъ полкомъ Ста-Швейцарцевъ (Cent-Suisses) и маршаломъ. Французское правительство давало ему суммы (сто сорокъ четыре ливра) для содержанія его собственной арміи въ Седанѣ, но это ничуть не умаляло его

[1]) Исторія принцевъ де-Кондэ. VII, стр. 227, 228. Это письмо хранится въ Шантильи, въ архивѣ Кондэ.

власти. У себя, онъ издавалъ указы „вѣчные и неизмѣнные“, также какъ во Франціи,—король; формула была одна и та-же: „*милостью Божіей и Его всемогуществомъ...*“—подписывалъ же онъ—„*такова наша добрая воля*“. У него былъ губернаторъ его штата, верховный совѣтъ, и цѣлая администрація. Разъ, когда просили у Генриха IV, оказать милость жителю Седанской территоріи, король обратился къ отцу герцога Бульонскаго и сказалъ ему: „Mon cousin, это зависитъ отъ васъ, вѣдь это ужъ не Франція“. Этотъ властелинъ женился на Шарлотѣ де-Ла-Маркъ, наслѣдницѣ Седанскаго княжества, умершей бездѣтной. Онъ заключилъ вторичный бракъ съ дочерью принца Оранжскаго, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Фредерика-Мориса Бульонскаго, (заключившаго трактатъ съ Испаніей вмѣстѣ съ Гастономъ Орлеанскимъ) и извѣстнаго полководца Тюрена. Княжество Седанское должно было-бы вернуться въ семью Ла-Марковъ, но Генрихъ IV, противъ всякаго правосудія, отдалъ Седанъ маршалу Бульонскому, старшій сынъ котораго, Фредерикъ-Морисъ вскорѣ унаслѣдовалъ его. Даже послѣ битвы при рѣкѣ Марфэ (гдѣ былъ убитъ графъ Суассонскій), даже послѣ заговора,—заточенный въ Ліонѣ, этотъ властелинъ могъ вести переговоры съ королемъ, какъ съ равнымъ, и ему должны были дать за уступку Седана герцогство д'Албрэ, и графство Оверньское. Тогда только, по его-же словамъ, онъ „вынудилъ себя покориться и перенести униженіе,—считать себя просто подданнымъ французскаго короля, какъ всякій простой смертный, родившійся въ центральной Франціи“ [1]).

Но не смотря на громкія слова,—на дѣлѣ, этотъ послѣдній герцогъ Бульонскій былъ робокъ. Онъ даже не гнушался лжи, и также какъ и Гастонъ Орлеанскій, самымъ подлымъ образомъ выдалъ Сен-Марса. Мазарини, заставилъ его отдать Седанъ Людовику XIII, напугавъ его возможностью смертной казни.

---

[1]) **Виконтъ д'Авенель. Ришелье и Самодержавіе. II, 345.**

ЛЮДОВИКЪ Д'АСТАРАКЪ МАРКИЗЪ ДЕ-ФОНТРАЛЬ.

Горбатый, умный но желчный. Сторонникъ герцога Орлеанскаго,—помогавшій ему во всевозможныхъ заговорахъ. Интриганъ. Онъ оставилъ интересные мемуары, подъ заглавіемъ: „*Relation des choses particulières de la cour pendant la faveur de Monsieur de Cinq-Mars*". Нельзя вѣрить всѣмъ разсказамъ Фонтраля о Сен-Марсѣ. Онъ сердился на оберъ-шталмейстера за то, что послѣдній не захотѣлъ убить Ришелье при первомъ удобномъ случаѣ. Вотъ слова Фонтраля, сказанныя Сен-Марсу, передъ бѣгствомъ его въ Англію, когда кардиналъ подослалъ Шавиньи съ копіей трактата къ Людовику XIII въ Нарбонну: „Маркизъ, вы самый красивый и самый хорошо сложенный человѣкъ на свѣтѣ. Если-бы вы взошли на эшафотъ,—всѣ-бы васъ жалѣли. Я-же некрасивъ и горбатъ; надо мной всѣ-бы стали издѣваться; и впрямь горбатое тѣло безъ головы сдѣлалось-бы посмѣшищемъ. Я очень чувствителенъ къ насмѣшкамъ,—позвольте-же мнѣ удалиться"[1]).

Въ мемуарахъ Фонтраля напечатанъ трактатъ съ Испаніей, но будучи преданъ Гастону, Фонтраль, можетъ быть, напечаталъ его не по хорошо извѣстному ему подлиннику, а по копіи, переданной герцогомъ Орлеанскимъ—Ришелье. Фонтраль возвратился вмѣстѣ съ Монтрезоромъ изъ Англіи, послѣ смерти Людовика XIII, и сталъ опять однимъ изъ самыхъ энергичныхъ заговорщиковъ во время фронды. Кардиналъ де-Ретцъ пишетъ, что, какъ только онъ вернулся изъ Англіи, королева Анна не захотѣла принять его ко двору.

АББАТЪ ДЕ-ГОНДИ.

Впослѣдствіи извѣстный *кардиналъ де-Ретцъ*, родился въ 1614 году, былъ сыномъ морского генерала; напрасно старался, чтобы вслѣдствіи разныхъ скандаловъ его избавили отъ

[1]) Мемуары Шаваньяка, стр. 34.

ненавистнаго ему духовнаго званія. Не разъ имѣлъ дуэли. Хотѣлъ убить Ришелье, котораго въ старости сталъ превозносить въ своихъ мемуарахъ. Таллеманъ, лично знавшій его, говоритъ о немъ: „Это маленькій, черненькій и близорукій человѣчекъ, нехорошо сложенный, некрасивый и косолапый во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Онъ не умѣетъ даже застегивать своего платья, а когда онъ потерялъ свою шпору на охотѣ, то никакъ не могъ приладить ее къ сапогу. Г-нъ де Меркеръ долженъ былъ помочь ему. Но лицо его было не глупое, въ немъ замѣчалось достоинство, гордость. Онъ говорилъ, что ему хотѣлось бы быть военнымъ, доказать свою храбрость на дѣлѣ, одѣваться въ богатыя одежды; но я думаю, что онъ оказался бы невозможнымъ кавалеристомъ и танцоромъ. Онъ также былъ страшно разсѣянъ. Ему клали на тарелку голову необщипанной куропатки. Онъ не замѣчалъ, клалъ ее въ ротъ; перья торчали изо рта во всѣ стороны!

Онъ былъ влюбчивъ, голова его полна похожденій съ женщинами. Въ дуэляхъ онъ всегда оставался побѣдителемъ. Страшно живой, онъ также принималъ участіе въ заговорѣ графа де-Суассона, а г-нъ де-Ту сказалъ ему, (во время заговора Сен-Марса, когда аббатъ передалъ ему какой-то пакетъ бумагъ): „Признаться аббатъ, вы должны не мало имѣть ко мнѣ довѣрія, чтобъ передавать мнѣ такія бумаги. Вы молодецъ!“ Самъ аббатъ разсказалъ это. Онъ написалъ исторію заговора гр. де-Фіеска; сюжетъ подходилъ его нраву [1]). Во время фронды, онъ сдѣлался ***соперникомъ Мазарини и въ политикѣ*** и въ происках сердечнаго расположенія королевы Анны, сдѣлавшейся регентшей. Онъ гордился своимъ духовнымъ высокимъ саномъ и велъ важные для Франціи переговоры съ Ватиканомъ, — даже назначалъ и поддерживалъ выборъ Римскихъ папъ. Онъ авторъ извѣстныхъ мемуаровъ.

---

[1]) ***Таллеманъ***, т. V, стр. 181.

ШАВИНЬИ.

(Леонъ Бутильс, графъ де-Шавиньи) статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, впослѣдствіи министръ,—довѣреннѣйшее лицо у Ришелье. Думаютъ, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ кардинала. Ришелье обращался съ нимъ, какъ со своимъ воспитанникомъ, а Шавиньи исполнялъ для него самыя унизительныя назначенія, бывалъ шпіономъ, подписывалъ въ своихъ письмахъ къ Ришелье „Votre créature“ [1]); унижаться ему ничего не стоило. „Онъ былъ преданный, когда находилъ въ этомъ свою выгоду. Привычкой всей его жизни, было заручаться лицами принадлежащими къ разнымъ партіямъ. Онъ умеръ отъ желчи и горя, послѣ того, какъ великій Кондэ, выбранилъ его самыми дурными словами за то, что будучи какъ будто сторонникомъ послѣдняго, Шавиньи велъ тайную переписку съ врагомъ его Мазарини, во время фронды [2]). Шавиньи типъ выскочки и дипломата.

СЕГЬЕ (ПЕТРЪ).

Род. въ 1588 г. Былъ произведенъ кардиналомъ въ канцлеры. До этого засѣдалъ въ Парижскомъ Парламентѣ. По временамъ противился кардиналу а чаще содѣйствовалъ ему. Онъ поощрялъ науку, принималъ участіе въ академіи.

„Онъ былъ не насытенъ до похвалъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ большой мошенникъ. А ужъ въ подлости его и въ скупости никто не можетъ сомнѣваться, прочитавъ что я пишу далѣе. Никто такъ не заботился о внѣшностяхъ какъ онъ. Его карета вся измалевана гербами. Онъ не сдѣлалъ-бы ни шагу безъ полицейскаго чиновника и безъ стражи, но вмѣстѣ съ

---

[1]) „Вашъ рабъ“. См. въ историческихъ замѣткахъ къ роману „Сен-Марсъ“, А. де-Виньи: напечатанное цѣликомъ письмо Шавиньи къ Ришелье, стр. 456.

[2]) Герцогъ Омальскій. Исторія Пр. де-Кондэ. VIII, 251.

тѣмъ, онъ остается всегда покорнѣйшимъ слугой министра. Его называли „королемъ ябедниковъ“; его черная неблагодарность и безчестіе во время процесса Сен-Марса извѣстны. Нѣкто де-Ванъ разъ крупно поговорилъ съ канцлеромъ: „хорошій вы судья! Желалъ бы я знать, какъ вы сведете ваши счеты съ Богомъ“, – и тутъ де-Ванъ началъ пересчитывать ему всѣ его безсовѣстныя кражи и взятки. „Всѣ кому вы причиняете зло, должны были бы молить короля о правосудіи!“ заключилъ де-Ванъ. Канцлеръ погрозилъ, что велитъ выбросить его изъ окна. „Кто? Вы!“—отвѣтилъ де-Ванъ,—„да если вы подумаете это сдѣлать,—я васъ заколю кинжаломъ“.—Несмотря на происшедшее, Сегье продолжалъ первый раскланиваться при встрѣчѣ съ де-Ваномъ“.

Сегье былъ очень грязенъ, тошно было смотрѣть какъ онъ ѣстъ и употребляетъ ножи замѣсто зубочистокъ. Когда Ришелье поднялъ его на смѣхъ, онъ купилъ себѣ золотую зубочистку (cure-dent) и хвасталъ ей даже передъ кардиналомъ, держа ее въ зубахъ. Руки его всегда черныя, неумытыя“ [1]).

МАРШАЛЪ АБРАГАМЪ ФАБЕРЪ.

Родомъ изъ плебеевъ; его отецъ былъ простой солдатъ. Фаберъ обладалъ большими способностями и знаніемъ. Онъ изобрѣлъ траншеи для осады городовъ, и отличался особенно при взятіи Ла-Рошели и при Перпиньянѣ. Ришелье приблизилъ его къ себѣ, какъ талантливаго воина и какъ не принадлежащаго къ дворянству человѣка. Фаберъ былъ прямого, но грубаго характера. Послѣ казни Сен-Марса, городъ Седанъ былъ отнятъ у герцога Бульонскаго, и губернаторомъ Седана сдѣлали Фабера. Онъ эту должность сохранилъ до смерти.

---

[1]) *Таллеманъ*. Historiettes, III, 58—69, и Виконтъ д'Авенель: Ришелье и самодержавіе II, 196—197, въ примѣчаніи.

ОТЕЦЪ АРНО.

(Іезуитъ). Духовникъ короля и королевы, хотя собственно у короля былъ свой особый духовникъ,—отецъ Сирмонъ Арно дѣйствовалъ, какъ орудіе Ришелье на Людовика XIII и на Анну Австрійскую.

МАДАМЪ де-ЛОЖЪ.

(De Loges). „Она была первая женщина, которая писала благоразумныя письма; такъ какъ разговоръ ея былъ веселый, а умъ ея живой, характеръ сговорчивый,—она надѣлала много шуму при дворѣ. Герцогъ Орлеанскій, въ молодости, часто ходилъ къ ней; онъ имѣлъ привычку жаловаться ей на всѣхъ; за это его прозвали „коноплянкой г-жи де-Ложъ“, —*la linotte de Madame de Loges*. Когда назначили для нея свиту, онъ ей ассигновалъ четыре тысячи ливровъ пенсіи, говоря, что ея мужъ, камергеръ де-Ложъ не могъ содержать своего дома съ двумя тысячами ливровъ, получаемыхъ отъ короля. Но это была неправда, и она потеряла надежную сумму, стремясь пріобрѣсть ненадежное. Кардиналъ Ришелье, почуявъ интригу съ герцогомъ Орлеанскимъ, велѣлъ отнять у де-Ложа его двѣ тысячи ливровъ. Понявъ, что скоро прогонятъ и ее самую, она предпочла удалиться въ Лимузенъ. Ея мужъ тамъ родился и тамъ жила ея замужняя дочь. Говорили что мадамъ де Ложъ заводила интриги съ Вуатюромъ, съ гот-Фонтеномъ, съ Борстелемъ. Она была рано выдана замужъ, была богатая невѣста. Отецъ ея служилъ секретаремъ у Людовика XIII [1])“.

---

[1]) *Таллеманъ*. Historiettes III, стр. 49–51.

СЕН-МАРСЪ.

ТРАГЕДІЯ

1882 г. — 1886 г.

Дѣйствующія лица въ прологѣ:

Генрихъ д'Эффіа, Маркизъ де-Сен-Марсъ—блестящій молодой любимецъ, временщикъ и оберъ-шталмейстеръ Короля Людовика XIII-го.

Кавалеръ Францискъ де-Ту—другъ Сен-Марса, государственный совѣтникъ.

Маркизъ де Фонтраль—состоящій при герцогѣ Гастонѣ Орлеанскомъ,—пользующійся полнымъ его довѣріемъ.

Графъ Монтрезоръ—состоящій при герцогѣ Гастонѣ Орлеанскомъ.

Аббатъ Гонди—впослѣдствіи знаменитый кардиналъ де-Рецъ.

Шавиньи—пріемышъ и секретарь кардинала Ришелье.

Де-Лонѐ—офицеръ стражи кардинала Ришелье.

Локмаріа, ему за 40 лѣтъ.
Кагюзакъ—за 25 лѣтъ.
Де Муи—лѣтъ 20-ти.
Лондиньи—18-ти лѣтъ.
} Офицеры краснаго мушкатерскаго полка.

Графъ де-Людъ—богатый землевладѣлецъ.

Кузнецъ Дидье.

Хлѣбникъ Дюмигронъ.

Оборвышъ Сантерръ.

Отрядъ красныхъ мушкатеровъ.

Приверженцы и стража герцога Гастона Орлеанскаго.

Стража кардинала Ришелье.

Дворяне.

Народъ: мужчины, женщины, старые, молодые и подростки, мѣщане и нищіе.

Дѣйствіе происходитъ въ 1642 году.

ПРОЛОГЪ.

Явленіе 1-е.

Лунная ночь. Набережная Лувра, противъ дворца и оконъ помѣщенія, занимаемаго герцогомъ Гастономъ Орлеанскимъ.— *Аббатъ Гондѝ* и офицеры краснаго мушкатерскаго полка: *Кагюзакъ, Локмаріа, де Муи и Лондиньи.*

Аб. Гондѝ.

Ну, господа! ужъ если въ этотъ разъ
Съ меня еще не снимутъ эту ряску
Противную и не избавлюсь я
Отъ званія духовнаго,—тогда
Останется мнѣ развѣ застрѣлиться!...

Кагюзакъ.

Или жениться?..

Аб. Гондѝ.

Нѣтъ, любезный другъ,—
Слуга покорный. Лучше пуля въ лобъ
Чѣмъ бракъ законный!...

Лондиньи.

Сказано не дурно:
Попробуй только нашъ аббатъ жениться,—
Всѣ женщины живьемъ его съѣдятъ...

Кагюзакъ.

Вотъ такъ аббатъ! ..

Локмарiа.

Вотъ такъ святой отецъ!...

Всѣ *(кромѣ де-Муи)*.

Хорошъ!... Хорошъ!...

Де-Муи.

Друзья! Совсѣмъ не то,
Совсѣмъ не то... Аббатъ простить не хочетъ
Родителямъ почтеннѣйшимъ своимъ
Того, что онъ попалъ въ аббаты....

Аб. Гонди.

Правда!
Вотъ это правда! И чего ужъ я
Не дѣлалъ только, чтобъ меня скорѣе
Изъ званiя духовнаго изгнали!...

Локмарiа.

Изгонятъ-ли, иль нѣтъ,—какъ знать!... А вотъ,
Забавно будетъ, если нашъ аббатъ
Когда нибудь проскочитъ въ кардиналы!...

Де Муи

И станетъ важно насъ благословлять...

Лондиньи

И вдругъ начнетъ, не хуже Ришелье,
Душить дворянъ...

Аб. Гонди.

Мой милый Лондиньи!
Не для того сюда васъ пригласили,

Чтобы отъ васъ мнѣ слушать оскорбленья.
Кто̀ говоритъ, что я душу дворянъ,
Того я самъ, не придушить, конечно,
Но шпагой честно просверлить готовъ!...

Лондиньѝ.

Я принимаю вызовъ. *(Хватается за шпагу).*

Локмаріа.

Что вы! что вы!
Опомнитесь!... Ужели, господа,
Мы здѣсь затѣмъ, чтобъ межъ собою драться?...
Поймите-же, милѣйшій нашъ аббатъ,
Что оскорблять никто васъ и не думалъ:
Вѣдь вы еще не кардиналъ... а лучше
Скажите, какъ вамъ удалось набрать
Для демонстраціи, сегодня нашей
Сторонниковъ надежныхъ изъ народа?

Аб. Гондѝ.

Да мнѣ помогъ пріятель—графъ де Людъ;
Онъ вѣдь богачъ и, какъ землевладѣлецъ,
Въ народѣ онъ отмѣнно популяренъ.
Онъ самъ сюда своихъ всѣхъ приведетъ...
Да, господа, затѣяли мы дѣло
Не глупое... Пускай-ка самъ народъ,—
Простой народъ, съ дворянами совмѣстно,
Подыметъ вопли противъ кардинала,
Да герцога Гастона призоветъ
Стать во главѣ движенія,—тогда
Посмотримъ мы,—какъ нашъ прелатъ премудрый
Запляшетъ ловко сарабанду!...

Кагюзакъ.

Что-жъ?
Ему не привыкать!... Вѣдь знаетъ свѣтъ,
Какъ кардиналъ, шутомъ переодѣвшись,
Предъ королевой Анной проплясалъ
Съ кривляньями смѣшными сарабанду,—
Грѣховныхъ цѣлей ради...

Де-Муи.

А теперь
Вотъ этотъ самый шутъ такія шутки
Надъ нами шутитъ, что пришелъ конецъ
И нашему достоинству и чести!...
Давно-ли было время, что дворянъ
Никто судить не могъ кромѣ сословья
Самихъ дворянъ?...

Локмарія.

Теперь другое время.
Кто ползаетъ предъ Ришелье смиренно
Того никто не смѣетъ пальцемъ тронуть;
За-то, - какой-бы ни былъ дворянинъ,
Будь графъ, иль герцогъ,—если только онъ,
Какъ подлый рабъ, не хочетъ пресмыкаться,—
Бастилія грозитъ ему, иль плаха...

Аб. Гонди.

Да кто-жъ не знаетъ, напримѣръ, друзья,
Продѣлки съ маршаломъ Де-Бассомпьеромъ?
Бывало, съ Генрихомъ четвертымъ онъ
Дѣлилъ труды и время какъ сподвижникъ,—
Его король покойный отличалъ
За умъ, за храбрость и за благородство;—
Но маршалъ, видно, не нашелъ удобнымъ,

Предъ Ришелье покорно спину гнуть.
И вотъ, еще недавно, онъ гостилъ
У матери Сен-Марса, у вдовы
Маркиза д'Эффіа, въ Турени, въ замкѣ...
Какъ вдругъ, туда-жъ пріѣхалъ, въ видѣ гостя,
Извѣстный всѣмъ мерзавецъ Де-Лонѐ,—
Шпіонъ и рабъ покорный кардинала;—
И что-жъ, друзья?... Представьте,—въ ту-же ночь
Де-Бассомпьеръ былъ схваченъ, арестованъ
И отвезенъ въ Бастилію, гдѣ онъ
Теперь сидитъ—безъ всякаго суда...
Вотъ какъ у насъ съ презрѣньемъ попираютъ
Заслуги, честь, права гостепріимства...
А надо знать еще, что вѣдь вдова
Маркиза д'Еффіа въ великой дружбѣ
Со всемогущимъ нашимъ кардиналомъ!..

Всѣ.

Какой позоръ!... Какая низость!... Гадость!...

Локмарія.

Да развѣ это все, чѣмъ Ришелье
Презрѣніе и власть намъ заявляетъ?
Для насъ, дворянъ, уже теперь предъ тропомъ
Ни безпристрастія, ни правды нѣтъ;—
Насъ можетъ каждый смѣло оскорблять,
А намъ самимъ, подъ страхомъ смертной казни,
Воспрещены дуэли!...

Лондиньи.

Говорятъ,
Что кардиналъ задумалъ уничтожить
Роскошную дворянскую одежду
И этимъ насъ къ мѣщанамъ приравнять.

Локмарiа.

Да что̀ одежда!... Съ этимъ помириться
Куда ни шло!... А вотъ что поважнѣе
И посущественнѣй для Ришелье:
Онъ вышелъ въ люди самъ изъ мелкоты;
Старинныхъ дней великiя преданья
Его душѣ завистливой противны:
Они ему въ ничтожествѣ укоръ;—
И вотъ, теперь, въ припадкѣ деспотизма,
Ссылаяся на прошлыя возстанья
И безпорядки,—онъ уже успѣлъ
Отъ короля добиться приказанья,
Чтобъ укрѣпленья нашихъ старыхъ за̀мковъ
Вездѣ срывать и разрушать...

Де Муѝ.

И что-жъ?
Мы это все съ покорностью позорной
Должны терпѣть?

Всѣ.

Нѣтъ! Этому не быть!...
Пора, пора остановить деспота!...

Аб. Гондѝ.

Ну что-жъ?... Когда рѣшимости у насъ
Достанетъ,—то не дальше какъ сегодня-жъ
Мы кое-что устроимъ...

Кагюзакъ.

Да когда-жъ
Сюда придутъ головорѣзы ваши?

Аб. Гондѝ.

Я вамъ сказалъ, что скоро графъ Де-Людъ
Ихъ приведетъ... А, между тѣмъ, смотрите,...

Вы видите?... Что̀ это тамъ за люди?
Сюда идутъ?...

Лондиньѝ.

И что-то ихъ не мало!...

Аб. Гондѝ *(громко)*.

Кто тамъ идетъ?

Голоса изъ за сцены.

Да здравствуетъ король!...
Да здравствуетъ Сен-Марсъ!...

Аб. Гондѝ.

А!... Это наши!...
И узнаю̀ я графа Монтрезора,
Съ нимъ герцога Гастона молодцы...

Явленіе 2-е.

(Графъ Монтрезоръ и съ нимъ десятка два дворянъ и офицеровъ изъ приверженцевъ Гастона).

Аб. Гондѝ.

Добро пожаловать друзья!... Ну, что,
Скажите, графъ,—успѣшно-ли дѣлишки
У насъ идутъ?...

Графъ Монтрезоръ.

Да ничего, идутъ...
Сказать по правдѣ, —герцогъ Орлеанскій
Виляетъ словно вьюнъ... Я съ нимъ у нашей
Красавицы Нинoны—де-Ланкло̀
Бесѣдовалъ сегодня на обѣдѣ...
Ну ужъ обѣдъ Нинона задала!
Богатство, умъ и красота, и знатность,—

Все было тутъ!... А поваръ превзошелъ
И все и всѣхъ!... Весьма большую новость
Намъ герцогиня де-Шеврезъ сказала.
Извѣстно всѣмъ, что, года два назадъ,
Любимая статсъ-дама королевы,
Наслѣдница короны Мантуанской,
Прелестная принцесса де Гонзаго, —
По проискамъ ехиднымъ Ришелье
Была удалена. Все это время
Она жила у матери Сен-Марса,
Въ Шомонѣ замкѣ... Всѣ воображали,
Что ко Двору ужъ ей возврата нѣтъ
Безъ разрѣшенья Ришелье; какъ вдругъ,—
Теперь король, по просьбѣ королевы,
Самъ разрѣшилъ принцессѣ возвратиться
И, говорятъ,—она сегодня, въ ночь,
Пріѣдетъ...

Аб. Гонди.

Въ этомъ, мой любезный графъ,
Я узнаю вліяніе Сен-Марса;
Онъ съ каждымъ днемъ становится сильнѣй
И онъ влюбленъ въ принцессу де Гонзаго...

Лондиньи.

Сен-Марсъ влюбленъ?... Но какъ же?... Всѣмъ извѣстно,
Что онъ живетъ съ Марьонъ Делормъ?...

Графъ Монтрезоръ.

Такъ что-жъ?

Ахъ, юноша наивный!... Или вы
Желаете супружескую вѣрность
Намъ воспѣвать?...

Всѣ.

Ха-ха-ха-ха!... Каковъ
Младенецъ нашъ!...

Аб. Гондѝ.

Видали-ль вы Сен-Марса?

Графъ Монтрезоръ.

Какъ не видать... Онъ тамъ же былъ... и всѣ
Замѣтили, что сильно онъ взволнованъ.
Всего вѣрнѣй, конечно, что виной
Тому пріѣздъ принцессы де Гонзаго...
Оно-же и понятно... Впрочемъ, онъ
Какъ и всегда, со всѣми былъ любезенъ
И очень милъ съ Ниноной;... но потомъ,
Въ удобную минуту, отошелъ
Онъ съ герцогомъ Гастономъ Орлеанскимъ
Немного въ сторóну отъ пировавшихъ
И ловко,—взглядомъ,—подозвалъ меня...
Тутъ онъ сказалъ, что выждавъ часъ урочный,—
Когда король уйдетъ въ опочивальню,—
Онъ къ намъ, не медля, явится сюда
Съ солдатами,—какъ бы имѣя цѣлью
Народное волненье усмирять...

Всѣ.

Прекрасно!... Ловко... молодецъ Сен-Марсъ!...

Графъ Монтрезоръ.

Ну что-жъ аббатъ?... Я думаю,—теперь
Почтенной вашей рясѣ не прійдется
Особу вашу долго украшать?
Неправда-ли?...

Нѣсколько голосовъ.

Кто тамъ?... Кардиналисты
Сюда идутъ! Идутъ кардиналисты!...

Локмарія.

Такъ... Это онъ... онъ самый... Шавиньи!...
Совѣтникъ и пріемышъ кардинала...

Де-Муи.

И съ нимъ отрядъ изъ кардинальской стражи...

Аб. Гонди.

Конечно,—это Шавиньи идетъ
Въ Рюэль, на совѣщанье къ кардиналу.

Явленіе 3-е.

(*Тѣ-же.* Входятъ *Шавиньи, де Лонѐ* и кардинальская стража. Нѣкоторые съ факелами).

Одинъ изъ стражи.

Что это здѣсь за сходка?... Прочь съ дороги!...

Другой изъ стражи.

Ступайте прочь!... Дорогу Шавиньи!...

Де-Лонѐ.

Ну, что-же вы?... Иль надо повторять?...

Лондиньи.

Ахъ вы кутейники и лизоблюды
Поповскіе!.. Проваливайте къ чорту!...

Одинъ изъ стражи.

Ого!... Да это, кажется, никакъ—
Дворянчики бунтуютъ!... Бейте ихъ!...

Графъ Монтрезоръ.

Эй, Шавиньи!... Да растолкуйте-жъ вашимъ
Кардиналистамъ подлымъ, чтобъ они
Своей дорогой шли!...

Шавиньи.

Кардиналистамъ
Вездѣ своя дорога... И не имъ
Себя стѣснять передъ бунтовщиками!...

Де-Лонѐ.

Да здравствуетъ великій кардиналъ!...

Аб. Гонди.

А!... Если такъ? .. Да здравствуетъ Король!...
Бей эту сволочь...

Де-Муи.

Бей левитовъ!...

Всѣ сторонники Аббата Гонди.

Бей
Кардиналистовъ мерзкихъ!...

Кардиналисты.

Бей дворянъ!...
Да здравствуетъ нашъ герцогъ кардиналъ!...

Крики съ обѣихъ сторонъ.

Да здравствуетъ король!...

(Нѣсколько выстрѣловъ, стукъ шпагъ, свалка).

Шавиньи.

Другъ де-Лонѐ!
Старайтесь брать бунтовщиковъ живыми!...

Аб. Гондѝ.

Какъ?... де-Лонѐ?... *(нападаетъ на де-Лонѐ).*
А! господинъ тюремщикъ!...
Бастиліи почтеннѣйшій ключарь!...
Вы маршала де-Бассомпьера ловко
Упрятали туда! Такъ вотъ—теперь
За прелести Бастиліи не худо-бъ
Съ дворянами вамъ честно расквитаться!...

Де-Лонѐ.

О, выскочка!... Вѣдь самъ-же онъ аббатъ, —
А за дворянъ туда-же!... Защищайтесь!...

(*Аб. Гондѝ и де-Лонѐ дерутся. Всѣ пріостанавливаютъ драку и смотрятъ на нихъ. Возгласы съ обѣихъ сторонъ:* „*Смѣлый аббатъ!*“ „*Не бойтесь де-Лонѐ!*“ „*Ай да ударъ!*“... „*Гондѝ нашъ милый!*“... „*Браво!*“... *де-Лонѐ падаетъ*).

Сторонники аббата Гондѝ *(апплодируя)*.
Ага!... Готовъ!...

Графъ Монтрезоръ.

Ну, дорогой аббатъ!...
Теперь, не только ряску,—но, пожалуй,
И голову вамъ снимутъ съ плечь долой!...

Аб. Гондѝ *(съ увлеченіемъ)*.

А я кричу—долой кардиналистовъ!...
Долой рабовъ презрѣнныхъ деспотизма!...
Да здравствуетъ дворянство и Король!...

Локмарiа.

Впередъ!... Проклятье слугамъ кардинала!...

(*Новая стычка. Шавиньи и кардиналисты бѣгутъ и тащатъ съ собой убитаго де-Лонѐ*)

Сторонники аббата Гонди.

Ура! ура!... Да здравствуетъ король,
И герцогъ Орлеанскій, и Сен-Марсъ!...

Крики за сценой (да здравствуетъ король!... Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!... Да здравствуетъ Сен-Марсъ!...).

Аб. Гонди.

Ну, господа,—вотъ вамъ и графъ де-Людъ
Ведетъ съ собой меньшую нашу братью!...

(*Вскакиваетъ на стоящую въ сторонѣ скамью, апплодируетъ и кричитъ*):

Сюда, сюда, голубчики мои!...

Явленіе 4-е.

(*Врывается толпа.* Впереди *графъ де-Людъ и нѣсколько дворянъ. За ними старики, люди среднихъ лѣтъ, юноши и женщины разнаго возраста,—большею частью мѣщане и нищіе. Нѣкоторые одѣты порядочно, имѣютъ въ рукахъ пики, алебарды, или шпаги; бо́льшая-же часть, — въ лохмотьяхъ, съ топорами и съ разнымъ дрекольемъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ имѣютъ въ рукахъ разную металлическую утварь, которою производятъ шумъ. У нѣкоторыхъ—зажженные факелы*).

Толпа.

Да здравствуетъ, да здравствуетъ король!...
Ура! Сен-Марсъ и герцогъ Орлеанскій!...

Аб. Гонди.

Какъ хорошо, любезный графъ де-Людъ,
Что къ намъ, сюда, вы не явились раньше;
У насъ была порядочная свалка
Съ кардиналистами...

Графъ де Людъ.

А мнѣ такъ жаль,
Что ихъ помять и намъ не привелось...
Вотъ, господа, — всѣ эти бѣдняки,
Отъ имени своихъ собратій многихъ,
Примкнули къ намъ и съ нами за-одно,
Готовятся возстать на кардинала
И умолять, чтобъ герцогъ Орлеанскій,—
Братъ короля, рѣшился заявить
Его Величеству о горькой долѣ
И темнаго народа, и дворянъ!...
Не такъ-ли братцы?...

Многіе изъ толпы.

Такъ... Вѣстимо такъ!...
Намъ нѣтъ житья!... Терпѣнія не стало!...

Аб. Гонди.

Такъ слушайте-жъ, голубчики мои!...
Мы съ вами здѣсь немного побуянимъ,
Пока графъ Монтрезоръ и графъ де-Людъ,
Тѣмъ временемъ, отъ насъ—отъ всѣхъ пойдутъ
Съ прошеньемъ вашимъ къ герцогу Гастону!...
Согласны-ли?

Толпа.

Вотъ это любо, любо!...

Аб. Гонди.

А если такъ?... Кричи!... Валяй въ набатъ!...
Виватъ Король и герцогъ Орлеанскій!...
Долой, долой и къ чорту кардинала!

Толпа.

Да здравствуетъ, да здравствуетъ король!...
Да здравствуетъ нашъ герцогъ Орлеанскій!
Го-го!... Га-га!... Погибель кардиналу!...

(Кричатъ и бьютъ въ металлическую посуду. Окна дворца герцога Орлеанскаго и сосѣднихъ домовъ освѣщаются и нѣкоторыя отворяются; изъ нихъ высматриваютъ проснувшіеся обитатели, одни со страхомъ, другіе съ любопытствомъ. Изъ большихъ дверей дворца выходитъ съ факелами стража герцога Орлеанскаго и во дворецъ входятъ графъ Монтрезоръ и графъ де-Людъ. Шумъ продолжается. Минуты двѣ спустя, графъ де-Людъ и графъ Монтрезоръ выходятъ изъ дворца вмѣстѣ съ Маркизомъ Фонтралемъ).

Аб. Гондй.

Стой!... Тише, тише братцы;... слушай!... Вотъ
Маркизъ Фонтраль отъ герцога Гастона!...

Маркизъ Фонтраль.

Его высочество меня прислалъ
Сказать, что онъ сердечно сожалѣетъ,
Что вслѣдствіе внезапнаго недуга,
Не можетъ васъ онъ лично видѣть самъ.
Съ большимъ вниманьемъ графа Монтрезора
Онъ выслушалъ; вполнѣ согласенъ съ вами
И обо всемъ готовъ онъ передать
Его Величеству..

Аб. Гондй.

Небось и тутъ
Виляетъ ловко герцогъ Орлеанскій!...

Народъ.

Ура!... Ура!... да здравствуетъ Гастонъ!...

Да здравствуетъ нашъ герцогъ Орлеанскій!...
Долой клевретовъ подлыхъ кардинала!...
Смерть кардиналу!... Къ чорту Ришелье!...

(Продолжаются шумъ и крики. Въ это время раздаются звуки военной музыки,—играютъ маршъ).

Явленіе 5-е.

(Сен-Марсъ и де-Ту верхомъ. За ними отрядъ королевской гвардіи съ музыкой; придворная прислуга съ факелами. Толпа кричитъ: „да здравствуетъ, да здравствуетъ Сен-Марсъ!...“ Сен-Марсъ и де-Ту встаютъ съ лошадей которыхъ уводятъ. Послѣ нѣсколькихъ знаковъ Сен-Марса, музыка перестаетъ играть, шумъ прекращается; народъ толпится къ Сен-Марсу, чтобы его видѣть и слышать; дворяне группируются съ другой стороны).

Сен-Марсъ.

Друзья мои!... Примите мой привѣтъ!...
Послушайте,—прошу васъ, прекратите
Волненья ваши... Разойдитесь мирно...
Всѣ эти ваши крики, вопли, шумъ
И безпорядки—вамъ же повредятъ...
Я обѣщаю вамъ, что будутъ мѣры
Всѣ приняты, чтобъ ясно, справедливо
Дать дѣлу ходъ...

Голоса изъ толпы.

Нѣтъ!... Этого нельзя!...
Тому не быть!... Нѣтъ!... Мы не разойдемся!...
Терпѣнья нѣтъ!...

Вся толпа.

Да здравствуетъ король!...
Долой, долой злодѣя кардинала
Долой его!...

Сен-Марсъ *(громко)*.

Послушайте, друзья!
Добромъ прошу,—еще разъ говорю,—
Оставьте шумъ и мирно разойдитесь!...

Голосъ изъ толпы.

Да какъ-же быть?... Мы разойдемся мирно,—
А насъ и послѣ будутъ обдирать?...

Другой голосъ.

Да брать въ солдаты?..

Третій голосъ.

Да таскать по тюрьмамъ?...

Толпа.

Нѣтъ, нѣтъ,—долой злодѣя—кардинала!...

Аб. Гонди *(къ окружающимъ)*.

Что?... Каково?...

Сен-Марсъ *(громко)*.

Охъ, не хотѣлъ-бы я,
Васъ усмиряя, прибѣгать къ насилью!...
Вѣдь будетъ плохо!... *(къ де-Ту)*. Что намъ съ ними дѣлать
Мой другъ, де-Ту?

Де-Ту.

Не лучше-ль ихъ спросить
По одиночкѣ?... Это охладитъ
Горячій взрывъ слѣпого раздраженья...

Сен-Марсъ.

Да, это правда... *(Къ народу,—почти кричитъ)*.
Слушайте-жъ меня!
Я не могу за разъ со всѣми вами

Вести переговоры!... Выбирайте-жъ
Кого хотите изъ среди себя,—
Не то,— клянусь! минуты не пройдетъ,—
И зададутъ вамъ всѣмъ такую трепку
Мои солдаты!...

Толпа.

Ну, вотъ это дѣло!...
Кузнецъ Дидье!... Ты запѣвало нашъ!...
Ступай впередъ!... *(Кузнецъ Дидье выходитъ).*

Голоса изъ толпы.

И хлѣбникъ Дюмигронъ
Ступай впередъ! Онъ нашъ мудрецъ извѣстный!...

(Хлѣбникъ Дюмигронъ выходитъ впередъ).

Голоса изъ толпы.

Въ придачу къ нимъ оборвыша Сантерра
Не худо бы!... онъ зубы на дворянъ
Точить умѣетъ: такъ за нашу братью
Онъ постоитъ!... *(Оборвышъ Сантерръ выходитъ впередъ)*

Сен-Марсъ.

Ну, начинай, кузнецъ!
Что подняло васъ противъ кардинала?

Кузнецъ Дидье.

Какъ что?... О, чтобъ онъ лопнулъ,—окаянный!...
Себѣ дворецъ онъ строитъ за дворцомъ
И въ нихъ живетъ какъ богачу прилично...
Извѣстно всѣмъ,—онъ тратитъ милліоны...
Сторонники его съ нимъ жрутъ да пьютъ;
Онъ окруженъ пажами, пышной стражей;
За пиромъ—пиръ, за праздникомъ тамъ праздникъ,

Туда валитъ грѣховный весь народъ,
Ну словомъ,—тамъ безпутство и содомъ!...
А съ насъ,—что день—то новые поборы,
Налоги за налогомъ...

Изъ толпы.

Правда!... Правда!...
Намъ нѣтъ житья...

Другіе голоса.

Молчите!... Не мѣшай!

Сен-Марсъ.

Ну что-жъ, друзья,—за васъ у короля
Готовы мы просить, чтобы налоги
Поуменьшили... Да и кардиналъ
Конечно,—не откажетъ...

Изъ толпы.

Охъ спасибо,
Голубчикъ нашъ!... Храни тебя Господь!...

Сен-Марсъ *(Дюмигрону)*.

Ну ты,—мудрецъ и хлѣбникъ,—ты что скажешь?

Дюмигронъ.

Оно, тово, извѣстно,—господа
На то и есть, чтобъ быть имъ господами...
Коли ты графъ,—такъ графъ... коль баринъ,—баринъ...
А если попъ,—такъ попъ... а мы—простой народъ,—
Мы темный людъ...

Изъ толпы.

Ну, нашъ мудрецъ извѣстный!...
Что ротъ раскроетъ,—меледу плететъ ..

Другой голосъ.

Многоглаголивый пророкъ!...

Дюмигронъ.

Ну... да...
Такъ вотъ оно... Какъ тамъ ни разглагольствуй,—
А всетаки,—война—плохое дѣло!...
И деньги съ насъ дерутъ, да и въ солдаты
Почти что всѣхъ насъ безъ пощады тянутъ!...
А тутъ еще бѣда!...—и кардиналъ,—
Чѣмъ Богу-то за грѣшныхъ насъ молиться,—
А онъ,—какъ есть,—самъ рвется въ генералы...
Вотъ, хоть тогда, какъ брали Ла-Рошель!...
Верхомъ!... Съ мечемъ!... Прилично-ли ему?...
Вѣдь онъ у насъ—строитель таинъ Божьихъ,—
А не солдатъ... А мы,—простой народъ,—
За все, про все, какъ знаешь—отдувайся!...
Ступай себѣ,—неволей-волей,—бить
Сегодня Нѣмца... Завтра—Итальянца...
Потомъ—Испанца...

Голосъ изъ толпы.

Складно говоритъ
Нашъ здравосудъ, нашъ дядя Дюмигронъ...

Толпа.

Да складно, складно...

Сен-Марсъ.

Складно, да не ладно!...
Ну что,—скажите, братцы,—кто изъ васъ,
Какъ подлый трусъ, согласенъ допустить,
Чтобъ нашу Францію,—отчизну нашу
Поработилъ, иль даже оскорбилъ

Какой-нибудь Испанецъ, или Нѣмецъ?
Чтобъ въ нашъ Парижъ забрался лютый врагъ
Уже-ль допуститъ кто?...

Толпа.

Никто, никто!...
За Францію мы умереть готовы!...

Сен-Марсъ.

Вотъ то-то же!... Такъ лучше будемъ Бога
Молить, чтобъ намъ отдѣлаться скорѣй
Отъ всяческихъ враговъ... И кардиналъ
Тогда не будетъ рваться въ генералы.

Голоса изъ толпы.

Вотъ это правда, правда!...

Сен-Марсъ.

Ну-ка, ты,—
Сантерръ—оборвышъ,—говори скорѣй!...
Кто-съ чѣмъ, — а онъ пришелъ сюда съ метелкой...

(Народъ смѣется).

Сантерръ.

Что первое попалося подъ руку,—
То и схватилъ.. Довольно и того,
Чтобъ пригрозить кому-либо...

Сен-Марсъ.

Кому-же?

Сантерръ.

Да какъ, кому?... Ужъ если правду молвить,—
Не вмѣру много развелось дворянъ;
Они себѣ живутъ да веселятся,
Да насъ—людей бездомныхъ обдираютъ!...

Куда нашъ братъ ни повернись,—вездѣ
Наткнешься такъ иль сякъ на дворянина...
Тамъ мостовщину заплати, а тамъ, —
Прохода нѣтъ,—оплачивай заставы...
Коли здоровъ,—работай на господъ, —
А будь и боленъ—все-таки поборы
Съ тебя дерутъ,—хоть лопни,—подавай!...
И многое другое!... наша жизнь—
Не жизнь, а мука, горе, да лишенья!...

Голоса изъ толпы.

Такъ!... Вѣрно!... Вѣрно!...

Сен-Марсъ.

Да оно, пожалуй,
Почти что такъ,—да только—не совсѣмъ.
Вотъ видите-ль, друзья мои, дворяне
Еще недавно были полновластны
И, обижая бѣдный нашъ народъ,
На душу приняли грѣховъ не мало!...
Но, сами разсудите,—то-ли время
Теперь, что было прежде? Развѣ мы
Дѣлами правимъ? Сосчитайте,—сколько
Головъ дворянскихъ свалено на плаху?...
Гдѣ Марильякъ? Гдѣ нашъ Монморанси?
А сколько насъ въ Бастиліи сидитъ!
Что-жъ? Оттого вамъ легче-ль? Говорите!...

Голоса изъ толпы.

Конечно, что не легче! Что-жъ намъ дѣлать?...

Сен-Марсъ.

Что дѣлать?... Да!... Вотъ въ томъ-то и вопросъ!...

Послушайте-жъ, друзья мои, дворянство
Идетъ къ упадку: съ каждымъ днемъ оно
Слабѣетъ!... Правда,—на своемъ вѣку
Оно-таки маленько покутило.....
Но кто-же врагъ себѣ?... А дай-ка волю
Всему народу?... Что онъ натворитъ?...
Умнѣе-ль онъ дворянъ распорядится?...
И будетъ ли счастливѣй?... Но теперь
Не та пора, чтобъ съ нами вамъ считаться
За прошлое... Что было,—то прошло!...
А вѣрьте мнѣ,—гораздо лучше будетъ,
Когда мы всѣ теперь соединимся
И подадимъ другъ другу руку... Да!...
Тогда дворяне будутъ передъ властью
Стоять душой и грудью за народъ,—
А насъ—дворянъ народъ поддержитъ грудью!...
Не правъ-ли я, голубчики мои?...
Когда у насъ единодушье будетъ
Тогда—не страшенъ намъ и кардиналъ...
Да и никто для насъ не будетъ страшенъ!...
Мы—будемъ сила!...

Сантерръ.

Такъ-то такъ!... Да вотъ,—
Хотѣлъ-бы я, чтобъ намъ растолковали,—
Какое можетъ быть единодушье
У насъ съ дворянами?... Да и къ чему
Оно могло-бъ насъ привести,—когда
Надъ нами сила?...

Сен-Марсъ.

О, слѣпорожденный!...
О, темнота!... Ну, слушай, вынь-же палку
Живѣе изъ метлы твоей!...

Сентерръ.

Зачѣмъ?

Голоса изъ народа.

Да ну-же, вынь,—и не мудри!...

Сантерръ (*вынимая палку*).

Ну, — вынулъ...

Сен-Марсъ.

Теперь возьми метлу твою,—какъ есть,—
Сломай ее скорѣе на двѣ части...

Сантерръ (*пробуетъ ломать*).

Да что-же я,—дуракъ дался вамъ, что-ль?
Какой-же чортъ сломаетъ этотъ вѣникъ!...

Сен-Марсъ.

Пріятели,—попробуй!... Можетъ быть,
Кому-нибудь изъ васъ сломать удастся!...

(*Нѣкоторые бросаются, схватываютъ метлу и пробуютъ ломать*).

Голоса изъ толпы.

Да, какъ-не-такъ!.... Сломаешь!... Чорта съ два!...
Хе-хе... (*смѣхъ въ народѣ*).

Сен-Марсъ.

Ну, что?... Не сладили?... Ну, живо!...
Развязывай проклятую метлу! (*Развязываютъ*).
Бери себѣ по прутику,—кто хочешь...

(*разбираютъ прутики*).

Ломай теперь, ребята!... (*ломаютъ*) Что-жъ!... Небось,
Еще понять не можете,—что значитъ
Единодушіе?...

Толпа.

Ай любо!... Любо!...
Ха-ха-ха-ха!... Да здравствуетъ Сен-Марсъ!...
Да здравствуетъ французское дворянство!...
Ура!... Ура!...

Старуха изъ толпы *(подходитъ къ Сен-Марсу)*.

Спасибо, мой соколикъ,
Что глупыхъ насъ ты учишь... Не оставь
Ты нищую, меня... Мнѣ съ голодухи
Почти что смерть приходитъ...

Сен-Марсъ *(даетъ ей монету)*.

На,—возьми,—
И Богъ тебя спаси!...

Старуха.

Ахъ, мой отецъ!...
Ахъ благодѣтель!... Далъ мнѣ золотого!...
Ужъ если такъ,—позволь, чтобъ я тебѣ
На счастіе, на ручкѣ погадала...

Сен-Марсъ.

Что это за старуха?

Голоса изъ толпы.

Какже, какже!...
Тереза—тетка!... Кто ее изъ насъ
Не знаетъ!... Вѣдь она у насъ гадалка...

Одинъ изъ толпы.

Она сегодня ворожитъ,—а завтра

Того и жди,—какъ вѣдьму,—на костеръ
Ее пихнемъ,—коли попы прикажутъ... *(Въ народѣ смѣхъ).*

Старуха.

Ну дай же ручку...

(Сен-Марсъ снимаетъ перчатку и протягиваетъ ей руку).

Старуха *(разсматривая руку).*

Охъ, какой большой!...
Смотри, смотри, ростетъ все выше, выше...
И любитъ-то красавица какая!...
Что солнышко! Ну, счастіе тебѣ!...
Смотри же,—чтобъ она тебя любила!...
Не-то,—когда она разлюбитъ,—знай,—
Ты станешь ниже цѣлой головою ..

Сен-Марсъ *(выдергиваетъ руку).*

Когда она разлюбитъ?... *(въ сторону)* О, тогда
Ни почестей, ни славы мнѣ не надо!... *(къ народу).*
Ну, слушайте-жъ, друзья мои,—теперь
Ступайте мирно по домамъ. Возьмите
Вотъ это отъ меня на память... *(бросаетъ имъ кошелекъ).*
Только,
Чуръ не буянить и не забывать,
Что мы—друзья французскаго народа!...

Толпа.

Ура!... Ура!... Да здравствуетъ Сен-Марсъ!...
Да здравствуетъ французское дворянство!...

(Народъ расходится въ разныя стороны. Остаются солдаты и придворная прислуга съ факелами).

Сен-Марсъ (*обращаясь къ окружающимъ*).

Ну что,—друзья?...

Графъ Монтрезоръ.

Все это хорошо,—
Да только, кстати-ли, что въ наше дѣло
Вмѣшали мы простой народъ?

Аббатъ Гонди.

Такъ что-же?...
Бѣды тутъ нѣтъ. Пусть знаетъ кардиналъ:
Vox populi—vox Dei,—гласъ народа,—
Гласъ Божій!... А народъ стоитъ за насъ!...

Сен-Марсъ.

Теперь пора спѣшить мнѣ въ Сен-Жерменъ,
Не-то,—какъ разъ,—отсутствіе мое
Ночное станетъ королю извѣстно...
Вотъ скука-то!... Служить какъ-бы собака
На привязи!... Ни дня, ни ночи нѣтъ
Свободы съ вами мнѣ повеселиться...
Прощайте-же... (*раскланивается со всѣми*) А впрочемъ, я надѣюсь,
На дняхъ васъ видѣть у Марьонъ Делормъ,
На праздникѣ...

Всѣ (*кромѣ де-Ту*).

Прощайте, до-свиданья (*жмутъ руку Сен-Марсу и расходятся*).

Сен-Марсъ.

Когда она разлюбитъ?... О, де-Ту,—
Мой другъ!... Уже-ль она меня разлюбитъ?...

Марія!... Нѣтъ!... Не можетъ это быть!...
А впрочемъ... Что-же?... Сердце человѣка
Измѣнчиво. Притомъ же больше года
Какъ мы разстались съ ней... Пусть будетъ то
Что суждено!... Теперь, пока, я счастливъ,
При мысли, что Марія де-Гонзаго
Ужъ здѣсь... Мой другъ,—конечно, ты сейчасъ
Отправишься къ прелестнѣйшей графинѣ,
Къ божественной твоей де-Тремонтезъ?...
Не откажи, мой милый, попроси,
Чтобы она вручила эти строки
Мои Маріи де-Гонзаго, прежде,
Чѣмъ завтра самъ ее увижу я... (*вручаетъ де-Ту письмо*).
Здѣсь набросалъ я въ риѳмахъ слова два,
Мою любовь ей высказать желая,—
И пусть скорѣй любви моей слова
Помчатся къ ней,—меня предупреждая!...

Занавѣсъ.

Конецъ пролога.

Дѣйствіе I-е.

Дѣйствующія лица.

Людовикъ XIII-й король Франціи, сынъ Короля Генриха IV-го.

Герцогъ Гастонъ Орлеанскій младшій братъ Короля Людовика XIII-го.

Генрихъ-д'Эффіа-Маркизъ де Сен-Марсъ—Оберъ-Шталмейстеръ.

Герцогъ Бульонскій—феодальный обладатель крѣпости Седана.

Маркизъ де-Фонтраль
Графъ Монтрезоръ
Графъ де-Гаркуръ
} Сторонники герцога Гастона Орлеанскаго.

Графъ де-Рошфоръ.

Кавалеръ Францискъ де-Ту. Государственный Совѣтникъ.

Королева Анна (по прозванію «Австрійская») — жена Людовика XIII-го.

Герцогиня де Шеврёзъ—Оберъ-Гофмейстерина королевы Анны.

Принцесса Марія де-Гонзаго дочь Карла де-Гонзаго, герцога Неверскаго, впослѣдствіи Герцога Мантуанскаго, — статсъ-дама Королевы Анны.

Графиня Инеза-де-Тремонтезъ—Статсъ-Дама Королевы Анны, — пріѣхавшая съ ней изъ Испаніи.

Придворныя дамы

Дворяне—сторонники Горцога Гастона Орлеанскаго.

Свита Короля Людовика XIII-го.

Свита Герцога Бульонскаго

Придворный

Курьеръ изъ города Кельна.

Дѣйствіе I-е.

Сцена 1-я.

Аллея въ паркѣ Сен-Жермена.

Явленіе 1-е.

(*Королева Анна*, въ сопровожденіи герцогини *де-Шеврезъ* принцессы Маріи де-Гонзаго и графини Инезы де-Тремонтезъ).

Королева Анна.

Нѣтъ, признаюсь, я не могла бъ подумать
Никакъ, что герцогиня де-Шеврезъ,—
Безстрашная и ловкая всегда
Въ борьбѣ опасной съ грознымъ кардиналомъ,—
Такъ малодушно можетъ испугаться,
Какъ въ эту ночь... Когда раздался шумъ
И выстрѣлы, и вопли, и набатъ,
Когда толпа мятежной черни стала
На площади, у Лувра, волноваться,
Пока Сен-Марсъ ее не усмирилъ,—
Бѣдняжка герцогиня, трепеща,
Едва дыша ко мнѣ вбѣжала...

Герцогиня де-Шервезъ.

Ваше
Величество! Судьба даритъ различно
Достоинства и недостатки намъ.

Вы нынче ночью были героиней.
Съ величьемъ королевы, съ хладнокровьемъ,
Угодно было вамъ къ себѣ призвать
Дежурнаго по службѣ офицера
И поручить ему особы вашей
Охрану. Правда,—вы съумѣли всѣхъ
Вокругъ себя одушевить и я
Предъ вами преклоняюсь съ удивленьемъ...
Зато,—осмѣлюсь я другіе дни
Припомнить...

Королева Анна.

О, напрасно!... Не трудитесь
То вспоминать чего забыть нельзя....
Я думаю, что злоба Ришелье
Преслѣдовать меня не перестанетъ,
Пока могила насъ не разлучитъ...
Не мало я терплю... Но для меня
Одна отрада въ жизни: это дружба
Такихъ друзей, какъ вы,—мои друзья,—
Сочувствіе французскаго дворянства
И состраданье добраго народа.
Все это дастъ мнѣ силы продолжать
Мою борьбу съ коварнымъ кардиналомъ
Не правда-ли?

Герцогиня де-Шервезъ

Повѣрьте,—наша жизнь
Вся Вашему Величеству вполнѣ
Принадлежитъ...

Королева Анна.

Благодарю сердечно:
И такъ, друзья, не будемъ омрачать

Прекрасный день .. Скажите мнѣ, графиня
Де-Тремонтезъ,—откуда вы берете
Умѣнье быть всегда такой прелестной?
Смотрите,—что это за прелесть!...

Графиня де-Тремонтезъ.

Ваше
Величество всегда ко мнѣ добры.
Въ присутствіи такого совершенства
Какъ Вы, я не могу не отражать
Лучей свѣтила... *(Дѣлаетъ реверансъ).*

Королева Анна.

Femme par excellence!...
Такъ, кажется, де-Ту ее зоветъ...

(Графиня цалуетъ руку королевы)

Мнѣ стыдно было-бъ на судьбу роптать,
Когда она мнѣ возвращаетъ друга,
Мою Марію де-Гонзаго...

(Марія де-Гонзаго цѣлуетъ руку королевы).

Да,
Я счастлива—опять быть вмѣстѣ съ вами
И радостно мнѣ думать, что король
Такъ поспѣшилъ мою исполнить просьбу...
А впрочемъ, правда,—я должна сознаться,—
У короля помогъ мнѣ и Сен-Марсъ...
О, какъ она,—смотрите,—покраснѣла!...

Марія де-Гонзаго (*съ теплымъ чувствомъ и съ достоинствомъ*).

Два года слишкомъ я въ Шомонѣ – замкѣ
У матери Сен-Марса провела;

Ея семейства доброе участье
Тоску изгнанья моего смягчило.
Тамъ я всегда была окружена
Вниманіемъ любезнымъ... А Сен-Марсъ,—
(Онъ навѣщалъ тогда больную мать),—
Ко мнѣ отнесся съ трогательной дружбой...
Вы знаете,—что онъ меня моложе...
И потому, быть можетъ, на него
Имѣла я понятное вліянье...
Мы были съ нимъ почти-что неразлучны...
Въ виду красотъ и тишины природы
Для сердца нашего всегда внятнѣй
Сочувственный другого сердца голосъ...
Мы сблизились—въ прогулкахъ отдаленныхъ,
Въ глуши лѣсовъ, въ безмолвіи полей,
Въ тревогахъ шумныхъ и живыхъ охоты,
По вечерамъ,—при лунномъ свѣтѣ,—въ лодкѣ
Подъ сводомъ мирнымъ ночи многозвѣздной...
Не рѣдко, также, вмѣстѣ мы читали,—
И какъ друзья, привыкли мы дѣлить
Завѣтный строй и думъ, и впечатлѣній.
Тогда, не разъ, съ живымъ негодованьемъ,
Съ тоской передавала я ему
Все то, чему судьба меня подвергла;—
Какъ мной былъ занятъ герцогъ Орлеанскій.
Какъ онъ мечталъ искать моей руки,
Какъ этимъ онъ встревожилъ кардинала
И какъ меня жестокій Ришелье
Отъ Вашего Величества, обидно,
Въ изгнаніе, въ деревню удалилъ...
Весь трепеща мнѣ юноша внималъ;
Онъ блѣденъ былъ, глаза его сверкали
Какъ молнія и въ нихъ блестѣли слезы...

А между тѣмъ, вся Франція въ тѣ дни
Была еще подъ тяжкимъ впечатлѣньемъ
Безжалостной и безпощадной казни
Монморанси...

(*Королева вздрагиваетъ, отворачивается и закрываетъ лицо*).

Сен-Марсъ его любилъ...
И вотъ, внимая жалобамъ моимъ,—
Сначала онъ безмолвствовалъ угрюмо,
Но, наконецъ, мнѣ, съ горечью, сказалъ:
—«Кто-жъ виноватъ, что жалкое дворянство
Вмѣсто того, чтобъ разомъ, дружно встать
И истребить тирана-кардинала,
И быть опорой мощной королю,—
Интригами себя-же ослабляетъ?
Кто-жъ виноватъ, что Ришелье и васъ,—
Наслѣдницу короны Мантуанской,—
Имѣетъ власть обидно оскорблять?...»
И вотъ, затѣмъ, всесильный Ришелье
Потребовалъ, внезапно, чтобъ Сен-Марсъ
Явился ко двору... Сен-Марсъ на это
Негодовалъ и рѣзко отказалъ.
Онъ говорилъ, что послѣ гнусной казни
Такихъ людей, какъ былъ Монморанси,—
И низко, и позорно для дворянства
Служить и спину гнуть предъ кардиналомъ,
Иль при дворѣ блестящимъ быть рабомъ...
Онъ говорилъ, что съ нами разлучаться
Ему ужасно тяжело... Потомъ,
Казалось,—просьбы матери успѣли
Его поколебать... Онъ много думалъ...
Свершалась въ немъ великая борьба...

И предложенье онъ принять рѣшился...
И даже,—словно, вдругъ повеселѣлъ...
—«Меня зоветъ судьба!...» онъ говорилъ,—
«Пусть будетъ то, что рѣшено судьбою!...
Какъ знать,—быть можетъ, много суждено
Мнѣ совершить и какъ бы кардиналу
Жалѣть о томъ серьезно не пришлось,
Что онъ меня призвалъ!...» Потомъ ко мнѣ
Онъ обратился и сказалъ: «А съ вами
Увидимся мы скоро... Я погибну,
Или погибнетъ неизбѣжно тотъ,
Кто вашего цѣнить не хочетъ счастья!. .»
Теперь, когда я здѣсь, когда опять
Я къ Вашему Величеству такъ близко,—
Я не могу не вспоминать съ довѣрьемъ
Слова Сен-Марса...

Королева Анна.

Да, все это правда...
Но, вѣрьте мнѣ, мой другъ, что кардиналъ
Не дремлетъ и свои имѣетъ виды...
Вы знаете-ль, что онъ готовитъ вамъ?...
О выгодахъ заботясь государства,
За польскаго онъ хочетъ короля
Васъ выдать за-мужъ?...

Марія де Гонзаго (*горячо*).

Какъ?... меня?... меня!...
За короля?... За Владислава?... За-мужъ?...
Нѣтъ, никогда!... Безъ моего согласья
Нельзя-жь моей рукой располагать?...
Не правда-ли?

Королева Анна.

Дай Богъ, чтобъ не ошиблись
Вы въ этомъ мнѣньѣ... и, при томъ, кого
Не соблазнитъ корона королевы!...
А впрочемъ, это все не рѣшено
И, можетъ быть,—одно предположенье...
Но мнѣ пора... О неотложномъ дѣлѣ
Мнѣ надо съ кардиналомъ Мазарини
Поговорить... Марія, до свиданья *(къ Маріи де-Гонзаго)*
Вы будете сегодня, у меня
Въ Испанской галлерѣе... Я и васъ, *(къ Гр. де-Тремонтезъ)*
Графиня, жду... Пойдемте, герцогиня.

(*Уходитъ съ герцогиней де-Шеврезъ*).

Явленіе 2-е.

Марія де-Гонзаго и графиня де-Тремонтезъ.

Марія де-Гонзаго.

Ахъ, милый другъ, скажите ради Бога,
Уже-ль меня серьезно кардиналъ
Намѣренъ сдѣлать Польской королевой?

Гр. де Тремонтезъ.

Да, — говорятъ...

Марія де-Гонзаго.

Но, это невозможно?
Но это вѣдь ужасно?...

Гр. де-Тремонтезъ.

Почему?...

Марія де-Гонзаго.

Скажите мнѣ,—что сдѣлали-бы вы,

Когда-бъ вы сердце отдали другому
И вдругъ судьба такое искушенье
Послала вамъ?

Гр. де-Тремонтезъ.

Что—сдѣлала-бы я?
Во первыхъ,—я тогда ни въ чемъ на свѣтѣ
Не признавала-бъ искушенья... Жизнь
Намъ—женщинамъ, не можетъ выше дать
Блаженства, какъ любить и быть любимой.

Марія де-Гонзаго.

Вы правы... О, какъ счастливъ долженъ быть
Де-Ту,—предметъ любви такого сердца
Какъ ваше!

Гр де-Тремонтезъ.

Да? Но чѣмъ-же меньше счастливъ
Сен-Марсъ,—когда вы любите его?

Марія де-Гонзаго.

Да, я люблю Сен-Марса и любовь
Моя къ нему не можетъ измѣниться,—
Что-бъ ни случилось... О, когда-бъ скорѣй
Его увидѣть!...

Гр. де-Тремонтезъ.

Мнѣ вручилъ де-Ту
Письмо Сен-Марса къ вамъ...

Марія де Гонзаго.

Письмо?... Сен-Марса?...
Жестокая!... Зачѣмъ-же медлить?... Дайте!...

(*Графиня де-Тремонтезъ вручаетъ ей письмо*).

Марія де-Гонзаго (*распечатавъ*).

Что вижу я!... Стихи!... О, мой поэтъ!...

(*Читаетъ громко*).

«Я жду тебя!... Я жду!... Уже-ль судьбою
«Мнѣ суждено тебя увидѣть вновь!
«Тебѣ сказать, что я дышу тобою,
«Что мнѣ, какъ жизнь, нужна твоя любовь.—
«Что жажду я къ ногамъ твоимъ склониться
«Блаженство пить любви у этихъ ногъ,—
«Тебѣ одной такъ вѣрить, такъ молиться,
«Чтобъ ревностью смутился даже Богъ!»...

О,—это онъ—съ его любовью страстной!...
Съ его всегдашней пылкостью...

Гр. де-Тремонтезъ.

Принцесса!
Сен-Марсъ сюда идетъ,—мнѣ неудобно
Здѣсь оставаться съ вами...

(*уходитъ*).

Явленіе 3-е.

Марія де-Гонзаго и Сен-Марсъ.

Сен-Марсъ (*быстро входя*).

Наконецъ
Я вижу васъ опять, Марія!...

Марія де-Гонзаго (*дѣлая быстрое движеніе впередъ*).

Генрихъ!...

(*Нѣмая сцена. Сен-Марсъ схватываетъ обѣ руки Маріи и страстно цѣлуетъ ихъ. Минута молчанія*).

Сен-Марсъ.

О, сколько, сколько тягостныхъ минутъ
Надеждъ, сомнѣній и тревоги тайной!
Тоски нѣмой, но жгучей ожиданья!...

(*Снова цплуетъ ея руки*).

Марія де-Гонзаго.

Мой другъ,— нашъ долгъ теперь благодарить
Того Кто намъ послалъ опять свиданье!...

Сен-Марсъ.

О, насъ ничто, ничто, ужъ не разлучитъ!...
Пускай судьба какія хочетъ козни
Готовитъ намъ!... Сильна моя любовь!...
Я не боюсь судьбы!...

Марія де-Гонзаго.

О, ради Бога, —
Не искушайте воли Провидѣнья!...

Сен-Марсъ.

Скажите мнѣ,—вы любите меня
Какъ прежде?... Говорите...

Марія де-Гонзаго.

Другъ мой милый, —
Что за вопросъ?...

Сен-Марсъ.

Такъ знайте-жъ,—я люблю,
Люблю васъ такъ безумно, безконечно,
Такъ беззавѣтно—пламенно люблю,
Что ни людей полу-слѣпая воля,

Ни цѣлый міръ ихъ жалкихъ ухищреній
Ни даже, думаю,—сама судьба
Моей любви поколебать не можетъ!...
Она,—любовь,—любовь моя одна
Даетъ мнѣ силы страшныя титана, —
Переносить—что я переношу...
Послушайте, - совсѣмъ не такъ завидна,
Какъ думаютъ,—теперь моя судьба!...
Король во мнѣ души не слышитъ,—правда, —
И съ каждымъ днемъ я становлюсь сильнѣй,
И, можетъ быть, не далеко то время,
Когда сильнѣй меня никто не будетъ!...
Но знаете-ль, мой другъ, какой цѣной
Пріобрѣтать могущество я долженъ?...
И день, и ночь, безъ отдыха, безсмѣнно,
Какъ жалкій шутъ, какъ рабъ и какъ игрушка,—
Настойчиво я долженъ развлекать
Властителя зѣвающую скуку, —
Больной души безвольную тоску...
Въ немъ деспота врожденныя стремленья
Съ безсильною и узкою душой
Слились въ одно... Повелѣвать онъ хочетъ, —
А дѣйствовать боится, не умѣетъ.
Досада, ревность къ власти, злость и лѣнь
И тупость робкая его терзаютъ!...
При томъ же мать,—Марія Медичи
Умышленно, преступно не хотѣла,—
Какъ слѣдуетъ,—его подготовлять
Къ наукѣ царствовать... Его отца
Ужасная кончина отъ кинжала
Убійцы,—да притомъ и цѣлый рядъ
Убійствъ его предшественниковъ—вѣчно
Его пугаютъ и питаютъ въ немъ

Всѣ ужасы больного подозрѣнья...
И вотъ, все бремя власти и заботъ
Правленія вручилъ онъ кардиналу,—
А самъ боится даже забавляться
Какъ человѣкъ съ характеромъ;—себя
Преобразилъ въ философа—аскета,
Съ женой почти не видится и всѣхъ
Прелестныхъ женщинъ при дворѣ привелъ
Въ недоумѣнье... Но зато,—со мною
Себя совсѣмъ не хочетъ онъ стѣснять.
То долженъ я выслушивать съ терпѣньемъ,
Часами цѣлыми, его снотворныхъ
Полу-рѣчей, полу-проповѣдей
Унылые, сухіе монологи;
То цѣлый день вертѣться на охотѣ,
Или собакъ, да разныхъ птицъ учить, —
То въ рогъ трубить, то вдругъ, какъ поваръ стряпать,
То, наконецъ, въ искуствѣ брадобрѣя
Съ нимъ состязаться, устремляясь брить
Придворныхъ разныхъ *)... Правда,—этимъ я
Ему, что—день,—то все необходимѣй,
Пріятнѣе,—но въ этой кабалѣ
Душа мельчаетъ, изнываетъ сердце...
И если-бы не страстная любовь,
И еслибъ не надежда—вскорѣ съ вами
Мою судьбу и жизнь соединить,—
И еслибъ не стремленье доказать,
Что я достоинъ васъ,—что вы спокойно
И смѣло можете на эту руку
Съ довѣрьемъ опереться,—о, тогда, —
Клянусь вамъ,—у меня не стало-бъ силы
Вести такую жизнь!...

*) Смтр. Примѣч. Характеристику Людовика XIII.

Марія де-Гонзаго.

Но, что-жъ хотите
Вы предпринять?

Сен-Марсъ.

Ахъ, еслибы я могъ
Повиноваться моему влеченью
И не внимать тому что долгъ велитъ
Мнѣ дѣлать!... Есть на этомъ свѣтѣ
Въ лѣсахъ, въ горахъ, на берегу рѣки,
Мнѣ дорогой и незабвенный замокъ
Шомонъ!... Туда, туда-бъ я полетѣлъ!
Тамъ въ первый разъ рѣшился я сказать,
Что я люблю васъ и отъ васъ услышалъ,
Что я любимъ!...

Марія де-Гонзаго.

Тамъ, милый другъ мой, тамъ,
Свою любовь—святому поручая
Благословенію небесъ,—мы съ вами
Не разъ бесѣду долгую вели
О вашемъ—васъ достойномъ назначеньѣ!...
Послушайте-жъ—я старше васъ, Сен-Марсъ,
И я люблю васъ, вѣрьте мнѣ, не меньше
Чѣмъ вы меня;—но я-бы не простила
Себѣ, когда-бъ я смѣло не сказала,
Что и любовь не исключаетъ долга,
Лежащаго теперь на васъ... взгляните
Вокругъ себя глазами гражданина!...
Смотрите,—что во Франціи творится?
И вѣрьте мнѣ,—что васъ призвалъ Господь
На дѣло чести,—на такое дѣло,

Которое Исторія, въ вѣкахъ,
Какъ славное запишетъ!... На престолѣ
Сидитъ угрюмо робкая бездарность;
Народъ въ невѣжествѣ и въ нищетѣ,
И помнитъ гнетъ послѣднихъ феодаловъ...
Одно еще могло-бъ теперь спасти
И короля, и нашъ народъ,—усилье
Единодушное дворянъ французскихъ
Стать между королемъ ихъ и народомъ,
И ихъ въ одно великое сплотить!...
И тутъ-то демонъ гордости и злобы
Честолюбивый деспотъ — кардиналъ,
Дворянства цвѣтъ и силу истребляя, —
Къ погибели, къ шатанію ведетъ
Всю нашу Францію! (*горячо:*) Кровь Марильяка
И кровь Монморанси—объ отомщеньѣ
Взываетъ къ вамъ!...

Сен-Марсъ.

И я останусь вѣренъ, —
Не измѣню той клятвѣ, чтъ въ Шомонѣ
Я далъ предъ вами въ незабвенный день!...

Марія де-Гонзаго.

Но въ томъ, о чемъ теперь мы говоримъ
Есть сторона еще другая. Вамъ
Извѣстно-ли о томъ, что̀ королева
Сейчасъ мнѣ сообщила? Кардиналъ
Вліянья вашего на короля
Конечно опасаясь,—негодуетъ,
Что вами я сюда возвращена
И въ мудрости своей лукавой онъ
Измыслилъ, чтобы, — въ видахъ торжества
Политики французской на Востокѣ,—

За короля Поляковъ Владислава
Меня отдать въ замужество...

Сен-Марсъ.

Объ этомъ
Сегодня я узналъ... Но, опасаться
Не вижу основанья... Милый другъ,
Ужели я,--я жалкимъ честолюбцемъ
Способенъ быть?... Нѣтъ,—почести и блескъ,
И власть,—когда они меня ведутъ
Къ пустому только одному тщеславью, —
Безъ пользы для страны, для короля
И для народа,—никогда не могутъ
Меня плѣнить!... Но, еслибъ для того,
Чтобъ пріобрѣсть мнѣ дорогое право
Быть вашимъ мужемъ, чтобъ назвать женой
Наслѣдницу короны Мантуанской
Мнѣ нужно было возвышаться, — о!
Тогда готовъ я всѣ мои усилья
Употребить!... Вѣдь герцогъ де-Люинъ
Вначалѣ былъ нисколько не сильнѣе
Меня. Сперва онъ такъ-же птицъ ловилъ,
Ихъ обучалъ, да ѣздилъ на охоту,
Да слушалъ такъ же словоизверженья
Вѣнчаннаго оратора... И я
Могу, какъ онъ, быть королемъ возвышенъ,
Быть маршаломъ и, даже, коннетаблемъ
И герцогомъ... Извѣстно, что король,—
По лѣности и робости своей, —
Всегда и былъ, и будетъ подъ вліяніемъ
Того, кто дѣлитъ неотступно съ нимъ
Тоску и скуку жизни монотонной...
Такъ значитъ—мнѣ къ величію дорога

Открыта—и по ней меня любовь
Пусть поведетъ какъ свѣтлый ангелъ—спутникъ!...
Не правда-ль—быть женою коннетабля
И герцога во Франціи—для васъ
Не унизительнѣй, конечно, будетъ
Чѣмъ гдѣ-то, въ Польшѣ, королевой быть?

Марія де-Гонзаго.

Ахъ, милый другъ, за вами я повсюду
Пойду и буду счастлива...

Сен-Марсъ (*съ увлеченіемъ*).

И такъ,
Впередъ! Съ надеждой сладкой и съ любовью! ..
Я вижу необъятный впереди
Призывъ судьбы!... И снова я воскликну,
Какъ нѣкогда,—«судьба меня зоветъ!»
Остановить я призванъ кардинала!
И я паду—иль подвигъ совершу!...
Когда въ душѣ кипитъ негодованье
На деспота-тирана и тоска,—
И день и ночь—жестокая тоска, —
Меня терзая не даетъ покоя, —
Когда я вижу только раболѣпство
И униженье всѣхъ предъ Ришелье,—
Предъ этимъ честолюбцемъ безсердечнымъ, —
Когда я слышу непрестанно голосъ
Замученныхъ на эшафотѣ жертвъ,
Къ отмщенію взывающихъ,—когда
Я убѣжденъ, что Франціи величье
Съ паденіемъ дворянства пропадетъ,
И свергнется безповоротно въ бездну
Могущество монарховъ — королей, —

Наслѣдье вѣковое Шарлеманя,
Людовика Святого, Жанны д'Аркъ
И Генриха Четвертаго,—когда
Меня любовь на подвигъ окрыляетъ
И ободряетъ вашъ небесный взглядъ,—
И впереди—блаженство обѣщаетъ,—
Тогда, клянусь,—тогда пусть цѣлый адъ
Меня на бой смертельный вызываетъ,—
Не дрогну я, не отступлю назадъ!...

(*Занавѣсъ*).

Сцена II-я.

Галлерея Королевы во дворцѣ въ Сен-Жерменѣ. Рядъ высокихъ арокъ выходитъ на террасу, съ которой открывается великолѣпный видъ на паркъ съ клумбами деревьевъ, съ цвѣтниками и фонтанами.

Явленіе 1-е.

Королева Анна сидитъ на роскошной софѣ, близъ нея *герцогъ Гастонъ Орлеанскій*,—за кресломъ котораго—*маркизъ де-Фонтралъ*, *графъ Монтрезоръ*, *графъ де-Гаркуръ*; *графъ де-Рошфоръ* и другіе дворяне—сторонники герцога Орлеанскаго. По другую сторону Королевы—*герцогиня де Шеврезъ*, принцесса *Марія де-Гонзаго*, *графиня де-Тремонтезъ* и другія придворныя дамы. Противъ нихъ помѣщаются—*герцогъ Бульонскій со свитой*, *Сен-Марсъ*, *де-Ту* и разные придворные.

Королева Анна.

Итакъ,—вы намъ сказали, герцогиня,—
Что *мой* больной,*)—что нашъ поэтъ Скарронъ
Неунываетъ, и недугъ ужасный
Съ терпѣньемъ твердымъ переноситъ?..

*) Поэтъ Скарронъ назывался *больнымъ Королевы*, потому что она изъ своихъ собственныхъ суммъ давала ему пенсію.

Герцогиня де-Шеврезъ.

Ваше
Величество,—высокое участье
И пенсія, которую Скаррону
Пожаловали милостиво вы,—
Способны бодрость свѣтлую вдохнуть
И не въ такой живучій организмъ
Какъ у Скаррона...

Гастонъ Орлеанскій.

Именно живучій!
Мнѣ кажется, что если бы судьба
Со мною такъ жестоко обошлась
И тяжкими цѣпями ревматизмовъ
Съ параличемъ сковала ноги мнѣ,
И полумертвымъ въ кресло засадила,—
То, признаюсь, мнѣ не пришли-бъ на умъ
Ни мадригалы, ни сатиры...

Графъ де-Гаркуръ.

Да,
Не дешево за шалость поплатился
Поэтъ Скарронъ!.. Мы съ графомъ де-Рошфоромъ,
Да и съ Его Высочествомъ, *(указываетъ на Гастона)*
втроемъ,
Не мало похожденій учиняли,—
А все сходило какъ-то...

Гастонъ Орлеанскій.

Ха-ха-ха!
Въ послѣдній разъ забавно даже вышло!
Въ глухую ночь и въ слякоть мы засѣли
На томъ мосту, гдѣ конный монументъ

Покойнаго родителя стоитъ,
И кто ни шелъ,—мы на того бросались,
Срывали плащъ и гнали прочь,—въ толчки..
Крикъ, брань и ужасъ,—смѣхъ и горе!..
Вотъ мы плащей набрали ужъ не мало.
Вдругъ, вижу я,—изрядная толпа
Идетъ на насъ прохожихъ раздраженныхъ;
Въ минуту я сообразилъ, что—плохо!..
И, бросивши двухъ графовъ въ темнотѣ,—
Скорѣе самъ на мѣднаго коня,
На монументъ я поспѣшилъ взобраться.
Сижу верхомъ и слышу—какъ друзьямъ
Сперва бока порядочно намяли,
Потомъ въ постыдное прогнали бѣгство
И вотъ, когда бойцы всѣ разошлись
И стало тихо, съ монумента слѣзъ я,
Забралъ плащи лежавшіе въ грязи
И такъ пришелъ домой благополучно...

Сен-Марсъ (тихо,—къ де-Ту).

Вотъ подвиги достойные дворянства!..
Съ такими господами далеко
Уйдешь и будешь въ мнѣніи народа
Хорошъ!.. А онъ по смерти короля,
Надѣется еще попасть въ регенты...

Графиня де-Тремонтезъ.

Во всемъ, что герцогъ дѣлаетъ,—всегда
Находчивость бываетъ и отвага!..

Герцогъ Орлеанскій.

О, да,—прелестная графиня, правда
И я желалъ бы болѣе всего

Вамъ, лично, съ глазу-на-глазъ, доказать
Сперва—находчивость, потомъ—отвагу...

Графиня де-Тремонтезъ.

Ахъ это любопытно!...

Королева Анна.

Перестаньте,
Гастонъ болтать все вздоръ...

Марія де-Гонзаго.

Кто скажетъ мнѣ,
Какая шалость привела Скаррона
Къ столь страшному недугу?

Маркизъ де-Фонтраль

Вотъ и видно
Что вы, принцесса, были очень долго
Въ уединеньѣ,—чтобы не сказать
Въ изгнаніи,—когда вамъ неизвѣстно
То, что давно Парижъ весь знаетъ...

Марія де-Гонзаго.

Да,
Благодаря заботамъ кардинала,
Все болѣе мы видимъ, съ каждымъ днемъ,
Затворниковъ смиренныхъ—поневолѣ...

Графъ Монтрезоръ.

Бастилья процвѣтаетъ!..

Герцогъ Бульонскій.

Господа!
Рѣчь впереди о славномъ кардиналѣ;—

Всему чередъ и время... А теперь—
Рѣчь о Скарронѣ...

Королева Анна *(тихо — къ герцогинѣ де-Шевризъ)*.

Герцогъ очень кстати
Препятствуетъ злословить Ришелье,—
Въ собраніи такомъ разнообразномъ
Оно для насъ не безопасно...

Герцогиня де-Шевризъ *(тихо)*.

Правда.
(*Громко*) Скаррону—другъ, не графъ ли де-Рошфоръ;
Желаніе принцессы де-Гонзаго
Исполнитъ онъ?..

Графъ де-Рошфоръ.

Разсказъ весьма не сложный.
Скарронъ,—пока здоровъ былъ и красивъ,—
Разгульно жилъ.—На масляной однажды,
Съ друзьями выпивъ, въ деревушкѣ скромной,
Задумалъ онъ крестьянскій темный людъ
Перепугать... И вотъ,—головорѣзы
Раздѣлись голыми и липкимъ медомъ
Намазавшись, и въ перьяхъ и въ пуху
Потомъ усердно вывалявшись,—съ крикомъ
По улицамъ пустились бѣгать... Дѣло жъ
Зимою было... Вотъ народъ, сперва
Отъ страха чуть не обезумѣлъ,—ихъ
Принявъ серьозно за чертей; но вскорѣ,
Схвативъ дреколья, бѣшенно гоняться
За ними началъ и кого поймалъ,—

Избилъ жестоко... Видя,— что бѣда,—
Пріятели мои—давай Богъ ноги!..
Пустились—кто-куда... Поэтъ Скарронъ
Бѣжалъ, бѣжалъ и вдругъ—предъ нимъ рѣка!..
Не долго думая,—онъ, мигомъ—въ рѣку
И сгоряча ее онъ переплылъ;
Вода-жъ была холодная,—какъ ледъ ..
И тутъ-то, мой бѣднякъ, схватилъ простуду
Ужасную: весь страшно онъ распухъ,
Въ параличѣ до самаго желудка,
Въ мученьяхъ ревматизма и—безъ ногъ,—
Не можетъ ни стоять онъ, ни лежать,
И день и ночь сидитъ онъ только въ креслѣ...

Герцогъ Орлеанскій.

Вотъ видите,—мой милый графъ Гаркуръ,
Какъ Бахусу опасно предаваться!...
Того и жди,—что станешь, какъ Скарронъ,
Разслабленнымъ по поясъ... Мы же съ вами—
Поклонники прелестныхъ дамъ...

Герцогиня де-Шеврезъ.

На это
Я Вашему Высочеству скажу,
Что Бахусъ видно, съ маленькимъ Амуромъ
Живутъ въ ладу... Вы знаете-ль,—Скарронъ
На дняхъ жениться долженъ?...

Всѣ.

Какъ!.. Жениться?..
Не можетъ быть!.. Нѣтъ,—герцогиня шутитъ!..

Герцогиня де-Шеврезъ.

Нѣтъ не шучу...

Герцогъ Орлеанскій.

Да какъ-же это? Какъ?...

Герцогиня де-Шеврезъ.

Объ этомъ вамъ судить предоставляю.

Графиня де-Тремонтезъ.

Полуживой!.. Кто-жъ за него пойдетъ?

Герцогиня де-Шеврезъ.

Дѣвица д'Обинье...

Герцогъ Орлеанскій.

Дѣвица?.. Странно!..

Каковъ Скарронъ!..

Графиня де-Тремонтезъ.

Она старуха вѣрно?

Герцогиня де-Шеврезъ.

Нѣтъ очень молодая...

Графиня де-Тремонтезъ.

Ну тогда

Дурна какъ смертный грѣхъ?

Герцогиня де-Шеврезъ.

Она прелестна...

Марія де-Гонзаго.

Ну такъ глупа?

Герцогиня де-Шеврезъ.

Умна, и даже очень.
При томъ же,—образована вполнѣ...

Королева Анна.

Но это, право очень любопытно!
Вы знаете дѣвицу д'Обинье?

Герцогиня де-Шеврезъ.

Я у Скаррона видѣла ее.
Она бѣдна; но и Скарронъ, вѣдь, бѣденъ...

Графъ Монтрезоръ.

Вотъ феноменъ!..

Герцогиня де-Шеврезъ.

Да, феноменъ и перлъ
Достойный быть высокимъ украшеньемъ
Короны королевской...

Герцогъ Орлеанскій.

Ну теперь
Скарронъ писать сатиры перестанетъ,
А запоетъ любовные сонеты...

Герцогиня де-Шеврезъ.

Ничуть,—онъ также желченъ, также золъ.—
И доказать легко намъ это можетъ
Его сонетъ послѣдній на Парижъ...

Королева Анна.

Ахъ, милая, нельзя-ль его прочесть!

Герцогиня де-Шеврезъ.

О, я могу сказать его на память...

Сонетъ на Парижъ *).

Какая смѣсь пестрѣющихъ домовъ
И лабиринтъ повсюду улицъ грязныхъ,—
Мостовъ, церквей и тюремъ и дворцовъ,
И лавокъ множество разнообразныхъ.

Шумитъ толпа всѣхъ званій всѣхъ цвѣтовъ,—
Людей трудомъ подавленныхъ и праздныхъ,
Погибшихъ грацій, женщинъ безобразныхъ
Преступниковъ безчисленныхъ сортовъ...

Не мало здѣсь безъ гроша бродитъ франтовъ.
Не мало дѣла для полиціантовъ,
Не мало крючкодѣевъ и писакъ...

Пажи, лакеи, всяческіе воры,
Шумъ, гамъ, каретъ трескучія рессоры,—
Хорошъ Парижъ?.. Не правда-ли что такъ?..

*) *Подлинный сонетъ на Парижъ, Скаррона:*

Un amas confus de maisons,
Des crottes dans toutes les rues,
Ponts, églises, palais, prisons,
Boutiques bien ou mal pourvues;

Force gens noirs, blancs, roux, grisons,
Des prudes, des filles perdues,
Des meurtres et des trahisons
Des gens de plume aux mains crochues;

Maint poudré qui n'a pas d'argent,
Maint homme qui craint le sergent,
Maint fanfaron qui toujours tremble;

Pages, laquais, voleurs de nuit,
Carosses, chevaux et grand bruit,—
Voilà Paris!.. que vous en semble?..:

Королева Анна.

Сонетъ хорошъ, но право, господа,
Мнѣ кажется,—въ немъ злости слишкомъ много.

Герцогъ Орлеанскій.

«Пажи, лакеи, всяческіе воры!»...
Какъ будто—въ этомъ только и Парижъ!

Графъ де-Гаркуръ.

Ну нѣтъ!.. Скарронъ упомянулъ вѣдь также
Погибшихъ грацій?..

Герцогъ Орлеанскій.

Правда,—но зачѣмъ
Припуталъ онъ и «женщинъ безобразныхъ»?..

Королева Анна.

Ахъ, герцогъ, съ вами просто невозможно
О чемъ нибудь серьезно говорить!..

Марія де-Гонзаго.

Мнѣ кажется, что слушая стихи
Скаррона, видишь какъ то поневолѣ
Больного, раздраженнаго поэта...

Графиня де-Тремонтезъ.

Да и зачѣмъ изображать въ стихахъ
Всѣ эти дрязги жизни повседневной?
И неужели въ самомъ дѣлѣ наша
Столица такъ ничтожна и грязна?..

Сен-Марсъ.

Скарронъ,—поэтъ-сатирикъ;—для него
Больнѣй всего все пошлое и вмѣстѣ

Страданіе и безобразье въ жизни.
Другимъ поэтамъ, — напримѣръ,—такимъ
Какъ Вуатюръ, Малербъ и Шапелленъ
Оставилъ онъ на долю идеалы
Всѣхъ прелестей любви и красоты...
Парижъ Скаррона, къ сожалѣнью,—вѣренъ.
Поэтъ въ стихахъ воспроизводитъ то,
Что съ каждымъ днемъ намъ жизнь изображаетъ.
Давно ли,—при покойномъ королѣ,—
Когда Парижъ во многомъ непригляднѣй
И неудобнѣй былъ,—въ немъ жизнь текла
Блестящѣе и величавѣй какъ-то?
Король любилъ, чтобъ, вмѣстѣ съ нимъ,—дворянство,
Великое величьемъ съ нимъ однимъ,
И сильное съ нимъ однородной силой,—
Являло-бы французскому народу—
Во блескѣ шумныхъ празднествъ и забавъ
И въ красотѣ процессій величавыхъ
Весь цвѣтъ и силу самого народа...
Король привѣтливъ былъ ко всѣмъ равно
И былъ вполнѣ онъ — *первый между равныхъ*...
Теперь не то,—теперь величье, роскошь,
Для насъ слилися въ имени одномъ,—
То имя всѣмъ знакомо—*Ришелье!*...

(*Общее движеніе*).

Все-жъ остальное съ каждымъ днемъ мельчаетъ...
Парижъ шумитъ по прежнему,—но въ немъ
Мѣщанство сѣрое преобладаетъ...
И эта жизнь Скаррону для сатиры
Даетъ легко обильный матерьялъ...
Что впереди?—покажетъ только время.

Де-Ту.

Нѣтъ,—время не покажетъ ничего
Хорошаго,—пока мы будемъ сами
Бездѣйствовать!..

Герцогъ Орлеанскій.

Легко по этой рѣчи
Узнать того, кого маркизъ Сен-Марсъ
Прозвалъ, такъ мѣтко, —*Ваше безпокойство**).

Де-Ту.

Есть случаи—когда конечно лучше
Быть слишкомъ безпокойнымъ, чѣмъ безпечнымъ
Не въ мѣру...

Герцогъ Орлеанскій.

Право?

Королева Анна.

Господа,—прошу
Не забывать, что мы въ бесѣдахъ нашихъ
Политики касаться не хотимъ,—
Но лишь однимъ искуствамъ, или шуткамъ
Досугъ нашъ посвящаемъ...

Герцогиня де-Шеврезъ.

Говорятъ,
Его Величество Король, недавно,
Тому дня два,—не больше,—сочинилъ
Гавотъ...**)

---

*) (*Votre inquiétude*). Смотр. примѣчаніе. Характеристика Сен-Марса.

**) Смотр. примѣч. Характеристику Людовика XIII.

Голоса.

Гавотъ!.. Гавотъ!.. Ахъ, это очень
И очень интересно!..

Графиня де-Тремонтезъ.

Кто слыхалъ
Его романсы, или танцы,—тотъ
Признаетъ въ нихъ всегда, конечно, много
И граціи и чувства...

Голоса.

Но нельзя-ли
Гавотъ услышать новый!.. Да, мы всѣ,
Всѣ, всѣ мы просимъ это наслажденье
Намъ подарить...

Королева Анна. (*обращаясь къ нѣкоторымъ придворнымъ дамамъ*).

Что-жъ, если этимъ дамамъ
Угодно будетъ намъ гавотъ сыграть...

(Нѣкоторыя изъ дамъ берутъ мандолины и играютъ первый и второй куплетъ изъ гавота Людовика XIII-го).

Всѣ (*апплодируя*).

О, браво, браво, превосходно, прелесть!...
Какъ мелодично!.. Мило!.. И каденсъ
Для танца такъ удобенъ!... Браво!..

Королева Анна.

Благодарю отъ автора... И такъ,
Поэзія и музыка довольно

Насъ развлекли сегодня... А за тѣмъ,
Быть можетъ, кто нибудь изъ васъ желаетъ
Прогулкой въ паркѣ насладиться?.. Время
Прелестное вполнѣ..

Явленіе 2-е.

Нѣкоторые кавалеры и дамы встаютъ, дѣлаютъ реверансъ королевѣ и попарно уходятъ на террасу и въ паркъ. Остаются: *Королева, герцогиня де-Шеврезъ, Принцесса Марія де-Гонзаго и графиня де-Тремонтезъ; герцоги Орлеанскій и Бульонскій* маркизъ *де Фонтраль* графъ *Монтрезоръ, Сен-Марсъ и де-Ту.*

Королева Анна.

Теперь мы можемъ
О нашемъ дѣлѣ смѣло говорить.
Въ какомъ оно, скажите, положеньи?

Маркизъ де Фонтраль.

Оно въ ходу и зрѣетъ съ каждымъ днемъ;
И было-бъ безразсудно и опасно
Откладывать... Къ прискорбію, здоровье
Его Величества слабѣетъ такъ,
Что онъ, хотя, по видимому, бодръ,—
Но день иль два хорошихъ,— за собою
Влекутъ весьма тяжелыхъ много дней...
Съ другой же стороны,— и кардиналъ
Теперь недугомъ пораженъ тяжелымъ...
Но кажется, съ самою смертью хочетъ
Онъ также самовластно поступать,
Какъ и съ людьми... И, думая навѣрно
Прожить на свѣтѣ дольше короля,

Онъ, говорятъ, почти привелъ къ концу
Вопросъ Регентства .. Можно безъ ошибки
Предвидѣть, что назначенъ будетъ онъ
До совершеннолѣтія дофина
Регентомъ...

Герцогъ Орлеанскій.

Нѣтъ,—не можетъ это быть!
Есть болѣе имѣющіе права
На власть регента...

Герцогиня де-Шеврезъ.

Кардиналъ давно
На мѣсто слова: *право*—ставитъ смѣло
Другое слово: *сила!*..

Королева Анна.

Если такъ,
То для меня тогда одна надежда, —
Что въ случаѣ кончины короля,
Съ дофиномъ я и съ сыномъ младшимъ вмѣстѣ
Парижъ немедленно оставимъ... Герцогъ
Бульонскій у себя въ Седанѣ, вѣрно
Насъ пріютитъ любезно?..

Герцогъ Бульонскій.

Мой Седанъ
Всегда къ услугамъ вашимъ...

Графъ Монтрезоръ.

Но быть можетъ,
Другой все дѣло приметъ оборотъ.

Королева Анна.

Какой же это?

Графъ Монтрезоръ.

Можетъ быть король,
Опекой вѣчной, наконецъ наскучивъ,—
Хоть при концѣ, своимъ послѣднимъ актомъ
Отъ власти кардинала отстранитъ.

Королева Анна.

Не думаю... Король къ нему привыкъ...
А вмѣстѣ съ тѣмъ,—и графъ де-Суассонъ
Возстаніемъ послѣднимъ все испортилъ...
Министръ увѣрилъ короля, что если-бъ
Графъ Суассонъ, послѣ своей побѣды,
Не былъ убитъ загадочной рукой,*)—
То все дворянство было-бы готово,
Какъ прежде, въ дни упорныхъ феодаловъ,
Возстать и въ основаньѣ потрясти
Монархіи сложившееся зданье.
Теперь король подъ этимъ впечатлѣньемъ...
Еще вчера сказалъ онъ за обѣдомъ,—
И не безъ умысла конечно: «Ришелье
«Мнѣ поневолѣ всей душою преданъ:
«Онъ знаетъ слишкомъ твердо, что въ тотъ день
«Когда меня не станетъ—и его
«Могущество исчезнетъ»...**) И при этомъ
Король весьма значительно взглянулъ
На герцога Гастона.

---

*) Извѣстно, что *графъ де-Суассонъ* возставшій противъ Ришелье разбилъ кардиналистовъ и паденіе Ришелье было-бы неминуемымъ, но въ самый часъ побѣды графъ былъ убитъ однимъ жандармомъ, который выстрѣлилъ въ графа де-Суассона въ упоръ, сзади.—Есть факты доказывающіе, что жандармъ этотъ былъ подкупленъ кардиналомъ Ришелье.

**) Собственныя слова Людовика XIII-го.

Герцогъ Орлеанскій (*съ испугомъ*).

Это правда!..
И потому — не лучше-ль намъ оставить
Нашъ замыселъ, — что-бъ не нажить бѣды?

Маркизъ де Фонтраль.

И предоставить кардиналу послѣ
Регентомъ стать?

Герцогъ Бульонскій.

И допустить его
Потомъ дворянство вовсе обезсилить?

Герцогиня де-Шеврезъ.

И королеву власти кардинала
Позорно выдать?.. И ея права
Разрушить?..

Графиня де-Тремонтезъ (*обращаясь къ де-Ту*).

Но вѣдь это невозможно?
Не правда-ли?

Де-Ту (*встаетъ*).

Да это невозможно!..
Опасности скрывать мы не должны:
Бороться трудно съ хитрымъ кардиналомъ!
Злой геній Франціи ему не разъ
Служилъ, — на гибель Франціи несчастной —
И словно помогалъ ему какой-то
Таинственною силой, раскрывая
И разрушая быстро заговоры
Противъ него направленные. Такъ
Графъ де-Шалле и Марильякъ, и герцогъ

Монморанси погибли... Наконецъ,—
Графъ Суассонъ ужъ одержалъ побѣду,
Торжествовалъ и—гибель кардинала
Казалась неизбѣжною,—какъ вдругъ,—
Въ тотъ самый мигъ, когда кардиналисты
Ужъ разбѣжались,—раздается выстрѣлъ—
И поражаетъ графа Суассона...
Но, если счастье служитъ кардиналу,
Иль, видя все,—его лукавый умъ
Ему пути къ успѣху облегчаетъ,—
Должны-ли мы, по этому, рабами
Предъ нимъ склониться и къ его ногамъ
Достоинство и честь дворянства бросить?

Голоса.

Нѣтъ!.. Никогда!..

Де-Ту.

А если мы дворяне,—
То вправѣ-ль мы забыть святой девизъ:
Noblesse oblige?.. И выдать королеву
Какъ женщину—насмѣшкамъ кардинала,—
Какъ королеву—вѣчнымъ униженьямъ
И можетъ быть, изгнанью?..

Герцогъ Бульонскій.

Никогда!
Пока хоть капля крови въ нашихъ жилахъ
Еще течетъ,—покамѣсть сердце бьется
И въ головѣ хоть искра есть ума,—
Мы чувствовать и знать не перестанемъ,
Что въ величавомъ строѣ государства,
Въ монархіи—мы первая ступень!..

Графъ Монтрезоръ.

И каждый тотъ, кто святотатно ногу
На ту ступень хотѣлъ бы занести,—
Есть врагъ монархіи!..

Герцогъ Бульонскій.

И потому,
Король въ весьма прискорбномъ заблужденьѣ,
Когда онъ думаетъ, что Ришелье,—
Стремясь къ уничиженію дворянства
Предъ властію министра,—можетъ стать
Столпомъ монархіи!..

Маркизъ де Фонтраль.

Все это такъ,—но что-же
Намъ дѣлать, чтобы этотъ столпъ свалить?

Де-Ту.

Единодушье, твердость и отвага,—
Вотъ нашъ девизъ—и если только съ нимъ
Удобный случай намъ судьба пошлетъ,—
То, - вѣрю я,—что мы счастливѣй будемъ,
Чѣмъ бѣдные предшественники наши...
Желанный случай этотъ—передъ нами.
Теперь у насъ съ Испаніей - война
И Перпиньянъ ужъ цѣлый годъ въ осадѣ.
Король, на дняхъ, отправится туда;
А Ришелье—болѣзнью удрученный,—
За королемъ не поспѣвая, долженъ
Для отдыха замедлить на пути,—
Въ Нарбоннѣ. Съ нимъ не много будетъ стражи
И мѣстное повсюду населенье

Его давно ужъ ненавидитъ: онъ
Налогами, войной и страхомъ казней
Для всѣхъ равно невыносимъ... И такъ,
Мы безъ труда могли бы кардинала
Въ Нарбоннѣ захватить...

Герцогъ Бульонскій.

Да это правда.

Маркизъ де Фонтраль.

А разъ,—что онъ намъ попадется въ руки,—
Расправа будетъ коротка...

Герцогъ Бульонскій.

Отлично
Придумано!.. И старая лисица
Теперь сама поймается въ капканъ!..

Маркизъ де-Фонтраль.

Туда ей и дорога!..

Графъ Монтрезоръ.

Да,—но только
Придумать-то легко.—но какъ исполнить?..

Герцогъ Орлеанскій

Мы знаемъ, что бороться съ Ришелье
Опасное, рискованное дѣло.
Бастилія, изгнанье, эшафотъ—
Вотъ что грозитъ,—на случай неудачи.
И потому,—вашъ планъ насчетъ Нарбонны
Весьма хорошъ и я къ нему пристать
Готовъ, не только съ тѣмъ, чтобъ отступленье
Могли себѣ мы твердо обезпечить...

Королева Анна.

Но какъ-же это сдѣлать?

Герцогъ Орлеанскій.

У меня
На это средство вѣрное, — я съ братомъ
Ея Величества — Испанскимъ королемъ
Филиппомъ — въ дружбѣ искренней... А герцогъ
Оливаресъ — министръ его всевластный
Всегда готовъ тамъ помощь оказать, —
Гдѣ кардиналу Ришелье опасность
Грозитъ... И такъ, — маркиза де-Фонтраля
Я попрошу отправиться скорѣй
Въ Испанію, чтобъ отъ меня въ сношенье
Войти, — чрезъ герцога Оливареса, —
Съ Его Величествомъ. Я убѣжденъ, —
Испанія намъ войско дастъ и денегъ.
И если мы, къ несчастью, не успѣемъ
Арестовать въ Нарбоннѣ Ришелье, —
То къ герцогу Бульонскому — въ Седанъ,
Съ Ея Величествомъ, съ дофиномъ, всѣ мы
Укроемся; тамъ герцога войска,
Войска Испанскія и гугеноты
Дадутъ возможность намъ вступить въ борьбу
Открытую, — на гибель кардиналу,
Не опасаяся попасть на плаху,
Или въ тюрьму, или въ изгнанье...

Королева Анна.

Такъ.
Но хорошо-ль съ Испаніей въ сношенья
Входить, когда мы съ ней въ войнѣ?..

Де-Ту (*горячо*).

Позоръ
Вступать въ союзъ подобный съ иностранцемъ!..
Вся Франція осудитъ насъ тогда!..

Монтрезоръ.

Мы справимся и сами, безъ Испанцевъ.

Герцогъ Бульонскій.

А если не удастся?...

Маркизъ де Фонтраль.

Господа,
Его Высочество намъ заявилъ,
Что на трактатъ съ Испаніей онъ смотритъ
Какъ на уловку только, какъ на мѣру
Особую, на случай неудачи;
А этого почти не можетъ быть.
И такъ, хотя трактатъ мы заключимъ,
Но въ немъ, на дѣлѣ, мы не встрѣтимъ нужды.
А потому, не будетъ и послѣдствій,
Которыхъ вы боитесь...

Герцогъ Орлеанскій.

Да, я такъ
И думаю: А безъ трактата—къ дѣлу
Не приступлю...

Королева Анна.

Но, мнѣ бы не хотѣлось
Связать свое съ трактатомъ этимъ имя.

Маркизъ де-Фонтраль.

Тамъ будетъ герцога Гастона имя;—
Его скрѣплю я только какъ посредникъ.

Де-Ту.

Что-жъ до меня,—то знайте,—я впередъ
Отъ этого трактата отрекаюсь!..
А между тѣмъ,—другой у насъ вопросъ,
Вопросъ, который мы должны не медля
Здѣсь разрѣшить .. Чтобъ предпріятье наше
Могло прійдти къ успѣшному концу,—
Я думаю для насъ необходимо
Избрать вождя. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ
Намъ нуженъ вождь. Безъ кормчаго корабль
Игралищемъ стихій капризныхъ будетъ.
Для насъ же нужно, чтобы человѣкъ.
Отвагою и опытомъ богатый,
Насъ къ нашей цѣли смѣло направлялъ
И въ то-же время могъ имѣть вліянье
На короля...

Королева Анна. (*Обводя всѣхъ взглядомъ*).

Кто-жъ будетъ этотъ вождь?

Герцогъ Орлеанскій. (*Поспѣшно съ испугомъ*).

Не я!.. Во всякомъ случаѣ—не я!..
Я не могу... Увольте ради Бога!..
Братъ короля не долженъ въ заговорѣ
Первенствовать... Вотъ, развѣ, набирать
Сторонниковъ,—совсѣмъ иное дѣло!..

Герцогъ Бульонскій.

Я былъ бы счастливъ, еслибъ въ нашемъ дѣлѣ
Могъ во главѣ стоять, какъ вождь,—но я—
Седана феодальный обладатель,—

И потому,—въ понятіи народа
Я—нѣчто пришлое, какъ бы чужое...
И, сверхъ того, мнѣ трудно къ королю
Въ желаемомъ быть положеньѣ...

Маркизъ де Фонтраль.

Я,
Глубоко ненавидя Ришелье,
Готовъ служить перомъ, переговоры
Вести, или работать въ кабинетѣ;
Въ собраньяхъ нашихъ дѣло направлять,—
Но, внѣ собранья, я не предводитель...

Де-Ту.

И жизнь, и голову мою охотно
Я къ Вашего Величества стопамъ
Готовъ сложить,- да вѣдаетъ весь міръ
Что грудью мы стоимъ за королеву!..
Что въ насъ дворянахъ доблесть нашихъ предковъ,—
Духъ рыцарства и чести не изсякъ...
Но какъ юристъ, какъ дѣятель гражданскій—
Я здѣсь не вождь и къ королю не близокъ.

Королева Анна.

Сердечно васъ, де-Ту, благодарю;
Я твердо вашей преданности вѣрю...
Но, между тѣмъ, ужели не найдется
У насъ того, кто-бъ могъ руководить
Столь важнымъ дѣломъ?

(*Смотритъ пристально на Сен-Марса*).

Марія де-Гонзаго.

Боже! Неужели
Я въ немъ ошиблась!..

Королева Анна.

Кто жъ рѣшится свергнуть
Врага Французскаго дворянства?

Сен-Марсъ (*вставая*).

Я!..

(*Общее одобрительное движеніе*).

— Рѣшился я!.. И если я паду,—
Со мной падетъ Французское дворянство!..
Во время споровъ я молчалъ,—но слушалъ
Внимательно;— откладывать нельзя:
Продажность, страхъ, насилія и казни,
Вездѣ развратъ съ доносами въ связи,—
Вотъ въ чемъ вся тайна власти кардинала,—
Вся сила зла!.. И если это зло
Мы сокрушить не можемъ,—то дворянству
Уже не быть наперсникомъ монарха,
Связующимъ въ монархіи звеномъ...
Нѣтъ,—робкое, презрѣнное,—оно,—
Раздавленное властью,—передъ тропомъ
Согнется, какъ лакей раззолоченный
И ту́-же власть коварно развратитъ
Отравой лести, лжи и униженья...
Народъ-же въ немъ увидитъ не вождя,
А мелкаго, бездушнаго тирана,—
Раба надъ жалкими рабами!.. Хуже!..
Отступника сословья своего!..
И такъ,—дворянству нашему конецъ,
Или конецъ—деспо́ту кардиналу!..
Его должны мы задержать въ Нарбоннѣ;
За это я берусь... И если мы

Успѣемъ это сдѣлать,—то конечно,
Не опозоримъ мы себя убійствомъ
Больного кардинала – старика..
А между тѣмъ, я убѣжденъ настолько
Въ необходимости его паденья,
Что еслибъ даже для того пришлось
Войти въ трактатъ съ Испаніей,—признаться,—
Какъ это мнѣ ни трудно и ни больно,—
Но я рѣшусь!.. Пускай потомства судъ
Меня казнитъ!.. Вѣдь если неудача
Намъ суждена,—не миновать мнѣ плахи!
А если намъ судьба пошлетъ успѣхъ,
Тогда трактатъ съ Испаніей никто
Въ вину намъ не поставитъ,—точно такъ-же
Какъ не винятъ и графа Суассона
За то-же самое... Нѣтъ,—мы теперь
Должны идти на все, чтобъ право жизни
Французскому дворянству сохранить!..
Я вѣрю,—только въ этомъ для отчизны
Спокойствія и счастія залогъ!..

(*Слышенъ звукъ охотничьяго рога. Королева и дамы дѣлаютъ вопросительный жестъ*).

Графъ Монтрезоръ (*выглядывая на террасу*).

Его Величество король идетъ
Сюда и упражняется въ искуствѣ
Трубить...

(*Раздается звукъ рога еще ближе. Потомъ слышенъ за сценой громкій голосъ короля, который кричитъ*:

Король.

Сен-Марсъ! Гдѣ онъ? Куда онъ скрылся?..»

Явленіе 3-е.

(*Тѣ-же и король Людовикъ XIII-й со свитой*).

Король: (*Входитъ, останавливается и на реверансы королевы и дамъ, и на поклонъ мужчинъ—наклоняетъ голову. Передаетъ охотничій рогъ одному изъ свиты*).

Привѣтъ нашъ всѣмъ. (*Обводитъ всѣхъ взглядомъ*)
Mesdames,—прошу садиться...
Сен-Марсъ,—мы васъ не видѣли съ утра.
День такъ хорошъ: пора-бы на охоту...

Сен-Марсъ.

Я къ Вашего Величества услугамъ,—
Но полагалъ...

Король.

Что полагали вы?

Сен-Марсъ.

Вчера вы долго были на охотѣ,—
Не лучше-ль вамъ сегодня отдохнуть?..

Король.

Благодаримъ за доброе участье,—
Но мы въ лѣсу, въ разнообразномъ шумѣ
Звѣриной травли отдыхъ и отраду
Находимъ... Забываемъ мы тогда
Безцвѣтный, скучный жребій короля:

Его удѣлъ—тоска уединенья...
И даже, (*пристально смотритъ на Сен-Марса*)
Чувство дружбы снизойти
Къ нему не хочетъ часто, (*смущается и заикается*)
Чтобы, чтобы...

Сен-Марсъ.

Чтобы травить лисицъ?.. Или оленя
Преслѣдовать?.. Или учить собакъ?

Король.

Вамъ вѣчно, всюду шутки... О, Сен-Марсъ,
Какъ мало вы любезны! (*Обращаясь къ другимъ*)
Господа,
Кому угодно, съ нами,—на охоту?
Мы очень будемъ рады... (*Всѣ кланяются*)
(*Къ герцогу Орлеанскому*) Прошлой ночью
У Вашего Высочества дворца
Толпа народа съ крикомъ добивалась,
Чтобъ видѣть васъ?.. Что это значитъ?..

Герцогъ Орлеанскій (*съ испугомъ*).

Я
Не виноватъ,—повѣрьте, Государь,—
Народъ озлобленъ властью кардинала...

Король (*оживленно*).

Какой народъ?.. Какая власть?.. У насъ,
Во Франціи,—нѣтъ власти—кромѣ нашей
И Ришелье—ея слуга,—не больше...
Притомъ,—способный, преданный слуга...
Здоровье наше плохо, а дофинъ
Почти младенецъ; потому способныхъ

И преданныхъ намъ слугъ—какъ Ришелье—
Мы цѣнимъ... Да... Ну, что-же?.. вашъ народъ?..
Угомонился?.. Сговорился съ вами?..

Герцогъ Орлеанскій.

Народное волненье успокоилъ
Сен-Марсъ...

Король (*перебивая его*).

Сен-Марсъ?.. А!.. Это хорошо!..
(*обращаясь къ Сен-Марсу*)
Король и Франція отъ васъ, конечно,
Заслугъ великихъ вправѣ ожидать...
Конечно... Да... (*шутя*) Но, между тѣмъ, для насъ
Теперь понятно, что всю ночь не спавши,
Нашъ другъ усталъ и ѣхать на охоту
Не хочетъ онъ...

Сен-Марсъ (*развязно*).

Ну, что-жъ?... Тогда пусть ѣдетъ
Вашъ кардиналъ!... Онъ всѣхъ лисицъ легко
Перехитритъ...

Король (*шутя*).

Повѣса! Перестаньте
Надоѣдать намъ вѣчнымъ кардиналомъ!...
(*Серіозно*) Придетъ пора,—когда его заслуги,
Его труды,—оцѣнятъ и поймутъ...
Да, если-бъ графъ де-Суассонъ возстаньемъ
Не помѣшалъ,—то было бы другое!...

Сен-Марсъ.

О, многое желательно другое!...
И можетъ быть, была-бъ облегчена

Судьба такой изгнанницы несчастной
Какъ Генриха великаго вдова...

(*Король вздрагиваетъ и нахмуривается*).

Маркизъ де-Фонтраль (*въ сторону насмѣшливо*).

Ну, это прямо въ руку кардиналу!. .

Королева Анна.

Ахъ, бѣдная,—она не мало въ Кельнѣ
Лишеній терпитъ... Государь, осмѣлюсь
Предъ вами я колѣни преклонить,
Васъ умоляя королеву-мать
Помиловать.... (*Хочетъ стать на колѣни*).

Король (*бросаясь къ ней*).

О Боже!... Встаньте, встаньте!...
Благодарю сердечно васъ... Сегодня-жъ
Я Ришелье скажу, что это дѣло —
Есть тяжкій грѣхъ его соображеній...
И мы другой, пріятнѣйшій пріютъ
Для королевы съищемъ...

Герцогъ Бульонскій

Мой Седанъ
Я предложить усерднѣйши осмѣлюсь
Къ Ея Величества услугамъ...

Король (*горячо*).

Вашъ Седанъ?
Гмъ,—вашъ Седанъ!... и графу Суассону
Не менѣе любезно предложили
Вы свой Седанъ... Защиту онъ у васъ

Надежную нашелъ... О, феодаловъ
Не даромъ ненавидитъ кардиналъ ..
Нѣтъ,—онъ во многомъ правъ.. Благодаримъ.
Для нашей матери у насъ найдется
Довольно мѣста здѣсь... Я очень счастливъ
Свиданьемъ буду съ ней,—ея страданья
Сыновней я любовью облегчу...
И кардиналу,—какъ врагу,—прощу...

(*Общее движеніе*).

Сен-Марсъ.

И бѣдный врагъ потомъ всесильнымъ другомъ
Окажется...

Король.

Довольно... Есть у насъ
Другой предметъ. Сегодня къ намъ посланникъ
Отъ Польскаго прибудетъ короля,—
Отъ Владислава. Кажется,—король

(*Смотря пристально на Марію де-Гонзаго.*

Въ прелестномъ нашемъ цвѣтникѣ намѣренъ
Пріобрѣсти прелестнѣйшій цвѣтокъ.
Для Франціи, по мнѣнью Ришелье,
Такой союзъ желателенъ. Мы также
Согласны съ этимъ и хотимъ, на славу,
Посланника охотой угостить
Блистательной,—чтобъ и въ далекой Польшѣ
Пошла о ней молва!... Нашъ другъ Сен-Марсъ
Съумѣетъ намъ устроить этотъ праздникъ?...

Сен-Марсъ (*въ ужасѣ*).

Да?... Праздникъ?... Праздникъ!... Да!...

(*Марія де-Гонзаго падаетъ безъ чувствъ*).

Графиня де-Тремонтезъ.

Принцессѣ дурно!...

(*Королева и дамы суетятся вокругъ Маріи*).

Король.

Что съ ней?

Королева.

Бѣдняжка! (*дамамъ*) Помогите ей!...

Голоса.

Она глаза открыла...

Королева.

Милый другъ,

Что съ вами?...

Марія де-Гонзаго.

Гдѣ я?... Ничего... Здѣсь жарко...
Ужасный сонъ!...

Сен Марсъ (*въ сторону*).

Скорѣе я погибну
Чѣмъ это дѣло допущу!...

Придворный (*придворный входитъ и громко говоритъ*).

Курьеръ
Къ Его Величеству изъ Кельна.

Король (*въ испугѣ*).

Какъ?...
Изъ Кельна?... Пусть войдетъ сюда скорѣй...

(*Входитъ курьеръ и подаетъ конвертъ королю. Пока король распечатываетъ и читаетъ, Сен-Марсъ подходитъ къ Герцогу Орлеанскому и говоритъ такъ, что окружающіе слышатъ*).

Сен-Марсъ.

Я на трактатъ съ Испаніей согласенъ!...

Королева.

Король дрожитъ!... Король въ слезахъ!...

Король (*плачетъ*).

Несчастье!...
Великое несчастье насъ постигло!...
О горе!... Наша королева—мать
Скончалась въ Кельнѣ!...

Королева.

Боже!... Умереть
Въ чужой странѣ и въ нищетѣ!... Ужасно!...

Король (*ломая руки*).

Ужасно!... Да!.. И Богъ намъ не проститъ
Столь тяжкій грѣхъ!... Да!... Не проститъ во вѣки!...
(*Молчаніе*).

Герцогъ Бульонскій.

И это смерть Маріи Медичи,—
Блистательной когда-то королевы!...
Печальный признакъ времени!... И намъ
Урокъ краснорѣчивый...

Графъ Монтрезоръ (*Смотритъ на террасу и громко говоритъ*)

Кардинала
Сюда несутъ въ носилкахъ!...

(*Общее движеніе*).

Король (*въ сильномъ испугѣ*).

Кардиналъ!...
Что дѣлать намъ!... Покойной королевы
Онъ былъ врагомъ... И онъ одинъ причина
Изгнанія ея и смерти!... Нѣтъ!...
Намъ видъ его въ такой ужасный мигъ
Невыносимъ!... Что дѣлать?... О, Сен-Марсъ!...
Какъ быть! Скорѣй!... Нѣтъ!... Если кардинала
Сюда внесутъ,... тогда...

Сен-Марсъ (*спокойно и громко*).

Маркизъ Фонтраль!
Вы, кажется, любитель кардинала!...
Его Величество вамъ поручаетъ
Остановить носилки Ришелье
И объявить ему, что Государь
Его отнынѣ видѣть не желаетъ!...

(Маркизъ де-Фонтраль кланяется и выходитъ. Общее движеніе. Занавѣсъ).

Дѣйствіе II-е.

Дѣйствующія лица.

Кардиналъ Ришелье—министръ-временщикъ короля Людовика XIII.
Кардиналъ Мазарини.
Шавиньи—статсъ-секретарь и любимецъ Ришелье.
Сегьѐ—канцлеръ.
Лафема̀—главный судья.
Генералъ Фабѐръ—(впослѣдствіи маршалъ) начальникъ стражи и войска кардинала Ришелье.
Отецъ Арно—духовникъ королевы.
Аббатъ де-Ла-Ривьеръ—духовникъ герцога Гастона Орлеанскаго.
Полковникъ Мандершерна—Шведскій посладникъ.
Графъ Стефанъ Замойскій—чрезвычайный посолъ Польскаго короля.
Пажъ.
Маріонъ Делормъ,—знаменитая куртизанка.
Сен-Марсъ.
Графъ де-Гаркуръ.
Графъ д'Эмери—королевскій казначей.
Графъ Гранпре.
Маркизъ де-Шатильонъ.
Маркизъ де-Рювиньи.
Маркизъ де-Скюдери,—королевскій гвардейскій офицеръ.
Маркизъ де-Виларсо—крестный отецъ Маріонъ Делормъ.
Тревилль, **Лондиньи**, **Локмаріа**, **Де-Муи**, **Кагюзакъ** } мушкатеры короля.
Докторъ Теофрастъ Ренодо—(основатель и издатель единственной въ то̀ время газеты: „Gazette de France“).

Мадамъ де-Ложъ—любовница герцога Гастона Орлеанскаго.
Нинонъ де-Ланкло—знаменитая куртизанка.
Аббатъ де-Карружъ.
Дамы и кавалеры—гости на балѣ у Маріонъ Делормъ.
Лица балета въ послѣдней картинѣ дѣйствія.

Дѣйствіе II-е.

Сцена 1-я.

Явленіе 1-е.

Пріемная зала—кабинетъ у кардинала Ришелье въ его Palais Cardinal, (впослѣдствіи Palais Royal). Длинная, высокая, со сводами, комната; готическія окна съ разноцвѣтными стеклами вверху. У оконъ, вдоль стѣны, *средней* противъ зрителей, длинный, покрытый пестрымъ ковромъ, столъ. По стѣнамъ—полки съ книгами и фоліантами. *На лѣво*,—большая готическая дверь, рядомъ съ которой, къ авансценѣ, каминъ и въ немъ горитъ огонь *На право*,—къ авансценѣ, *кардиналъ Ришелье* лежитъ въ большомъ, широкомъ, — съ приспособленіями для чтенія и письма,—креслѣ. У ногъ его сидитъ въ креслѣ *кардиналъ Мазарини*. У изголовья Ришелье стоитъ статсъ-секретарь *Шавиньи;* а противъ нихъ стоятъ: духовникъ королевы *отецъ Арно*, *канцлеръ Сегье*, главный судья Лафема и генералъ Фабѣръ.

Ришелье.

«И объявить ему, что Государь
Его отнынѣ видѣть не желаетъ!...»
Такъ, по словамъ маркиза де-Фонтраля,
Сен-Марсъ велѣлъ рѣшенье короля
Мнѣ передать?

Шавиньи.

Такъ точно, Ваша свѣтлость.

Ришелье.

Вельлз Сен-Марсъ!... *Рѣшенье* короля!...
Вѣдь если бы могло найдтись *рѣшенье*
У короля,—тогда бы и *рѣшимость*
Явилась въ немъ?...

Кардиналъ Мазарини.

Рѣшимость не всегда
Желательна...

Ришелье.

Вы правы, кардиналъ.
Такъ,—не всегда желательна рѣшимость...
Есть случаи, когда чужая слабость
Намъ лучшей точкою опоры служитъ.
Вы правы... Да... И именно—теперь
Для насъ надежда развѣ только въ этомъ.

Кардиналъ Мазарини.

Для Франціи, для короля, для насъ,—
Надежда въ вашей мудрости...

Ришелье.

Напрасно.
Я боленъ, старъ, усталъ... Осьмнадцать лѣтъ,
Среди заботъ, опасностей, крамолы,—
Я надъ моимъ призваніемъ трудился.
Я шелъ впередъ безъ отдыха, затѣмъ,
Чтобъ короля враговъ искоренить
И Франціи величіе упрочить...
Я шелъ упорно... и могло казаться,
Что я несокрушимо всемогущъ.

Но вамъ, друзья, которые давно
Свидѣтели трудовъ моихъ,— извѣстно
Вполнѣ, что въ эти восемнадцать лѣтъ,
Ни днемъ, ни ночью не было минуты
Въ которую я могъ бы твердо вѣрить,
Что власть изъ рукъ моихъ не ускользнетъ.

Шавиньи.

Однако-же,—она не ускользнула.
Дастъ Богъ,—еще работать долго съ вами
Намъ суждено...

Ришелье.

Мой добрый Шавиньи!
Ты преданъ мнѣ, ты мнѣ всегда былъ близокъ
И потому такъ говоришь теперь.
Твои слова тебѣ диктуетъ сердце...
Но *время* есть—и время... То что было,—
И то, что видимъ мы теперь,—различно...
Мнѣ не забыть, я помню хорошо,
Когда въ Люссонѣ, въ бѣдномъ городишкѣ,
Епископомъ, безъ всякаго значенья,—
Гонимый кознями моихъ враговъ
За милости покойной королевы
Маріи Медичи,—влачилъ я бремя
Ничтожества, лишеній и труда.
Но я тогда былъ молодъ. Предо мною
Широкой нивой разстилалась жизнь
И пахаря и сѣятеля громко
Звала... И вотъ, теперь, когда ту ниву
Воздѣлалъ я, какъ труженикъ, когда
Ее, не разъ, съ опасностью для жизни,

Я кровью мнѣ враждебной напоилъ,—
Когда созрѣла нива и подходитъ
Желанной жатвы время,—у меня
Хотятъ отнять мой трудъ; власть короля
Низвесть съ ея законной высоты
И зданье Франціи, едва сплоченной
Въ основѣ потрясти... Меня-жъ, конечно,
Изгнанье ждетъ опять,... или, вѣрнѣе,—
Въ угоду мщенью,—смерть на эшафотѣ...

Шавиньи.

Не въ первый разъ надъ вашей головой
Сголпились тучи. Но судьба—на стражѣ
Такихъ какъ вы избранниксвъ—не дремлетъ...
Кто васъ спасалъ, когда графъ де-Шаллѐ,
Потомъ—двуличный герцогъ Орлеанскій
И вмѣстѣ съ нимъ герой Монморансѝ,
И многіе васъ погубить хотѣли?
Кто васъ спасалъ тогда?.. Да и теперь,—
Чуть не вчера вамъ графъ де-Суассонъ
Нанесъ такой ударъ, что гибель ваша
Уже была почти рѣшеннымъ дѣломъ,—
Но, къ счастью, графъ, въ минуту торжества
Убитъ, рукой для васъ благопріятной.
Уже-ль судьба васъ столько разъ хранила
Чтобы теперь Сен-Марсу васъ предать?

Канцлеръ Сегьѐ.

И что такое вашъ Сен-Марсъ?.. Задорный,
Не глупый мальчикъ!.. Правда,—короля
Онъ забавлять умѣетъ... Но, скажите
Кому уже король не поддавался?...

Витри, ничтожный, легкій де-Люинь [1]).
И мало-ли!...

Ришелье.

Все такъ!.. Но повторяю,—
Что время есть,—и время... де-Люинь
Былъ эгоистъ и честолюбецъ узкій:
Онъ думалъ только о себѣ... Никто
Къ нему привязанъ не былъ... И Сен-Марса
Съ нимъ сравнивать, конечно, невозможно...
Сен-Марсъ блестящъ, уменъ, краснорѣчивъ,—
И потому, что онъ пылаетъ страстью
Къ Маріи де-Гонзаго,—для него
Теперь необходимо возвышенье
У короля... Съ другой-же стороны,
Къ нему примкнули всѣ,—кто ненавидитъ
Меня,—ревнуя къ власти и желая
Власть захватить... Но, главное,—дворянство!...
Въ борьбѣ упорной съ давнихъ лѣтъ,—въ борьбѣ
На жизнь и смерть, утрачивая силу
Старинную предъ королемъ,—дворянство
Теперь въ своихъ усиліяхъ послѣднихъ
Къ сближенію съ народомъ устремилось,
Чтобъ на меня его поднять... Признаться—
Мнѣ этотъ планъ не нравится... Въ Сен-Марсѣ
Они нашли хорошаго вождя...
И вотъ, на дняхъ,—вы знаете,—у Лувра
Съ дворянами,—мятежная толпа
Напала на моихъ солдатъ. Въ той схваткѣ
Мой де-Лоннѐ случайно былъ убитъ
Самъ Шавиньи едва ушелъ; а чернь

[1]) Прежніе фавориты Людовика XIII-го.

Противъ меня проклятьями гремѣла...
Нѣтъ, съ де-Люинемъ сравнивать нельзя
Сен-Марса,—съ нимъ бороться не легко:
Его любви восторженное пламя,—
Въ союзѣ съ чувствомъ самосохраненья
Униженныхъ правительствомъ дворянъ...

Отецъ Арно.

Въ борьбѣ помощникъ вамъ Господь! Онъ видитъ,
Что вы для блага Франціи борьбу
Ведете!... Вѣра въ промыслъ Провидѣнья
Да будетъ лучшей вамъ поддержкой!...

Ришелье *(подумавъ, говоритъ серіозно):*

Вѣра
Необходима намъ... Мы ничего
Навѣрное, вполнѣ не знаемъ... Зналъ-ли—
Что̀ дѣлалъ я тогда, когда Сен-Марса,
Изъ дружбы къ матери его, я самъ-же
Къ себѣ призвалъ и сблизилъ съ королемъ?...
Мы ничего не знаемъ... Наша мудрость,
Разсчеты наши—жалки... Полководецъ,
Или иной искусный дипломатъ
Мечтаетъ силой, кознями, талантомъ,
Своихъ добиться цѣлей; между тѣмъ,—
Одна побѣда, смерть, болѣзнь, случайность,—
И—вышло все на-оборотъ... Да, правда,—
Мы ничего не знаемъ... Сколько лѣтъ
Я измышлялъ, соображалъ, трудился,
Стремился силу короля упрочить,
Разъединяя съ нимъ дворянства силу!...
Для этого не мало тяжкихъ жертвъ

Принесено... Зачѣмъ?... Чтобы теперь
Вельлз Сен-Марсъ *рѣшенье* короля
Мнѣ передать... И я паду быть можетъ!...
Мои враги, и королевской власти
Враги, и—значитъ—Франціи враги
Восторжествуютъ! И мое паденье,
Паденіе всего, что я построилъ
Они кичливо встрѣтятъ злобнымъ смѣхомъ...
Кто это зналъ!... Да,—вѣра намъ нужна!...
Но если я на плахѣ не погибну,—
Уже-ли буду я жалѣть о власти
Утраченной?... И что-жъ это за власть,
Когда—мы ничего не знаемъ?... Нѣтъ!...
Утѣшимся!... На свѣтѣ есть призванье
Завиднѣй чѣмъ призваніе министра,
Или героя даже... Человѣкъ
Подобенъ въ немъ Творцу и самъ—творецъ!...
Призваніе—художника, поэта!...
Гдѣ подвиги героя—Александра?
Гдѣ Цезаря дѣла?... А Энеида
Виргилія, Горація стихи,
Твореніе Софокла, Эврипида
Живутъ и власть всегда, равно надъ всѣми
Имѣютъ... Да!... И если я паду,—
Во мнѣ поэтъ переживетъ министра!...
И это—власть!... Трагедіи такія
Какъ, напримѣръ, *Европа*, какъ *Мирамз*
Передадутъ мое потомству имя
Прочнѣе,—чѣмъ дѣянія мои!...

ЛАФЕМА.

О, да,—творенья ваши—не чета
Какимъ нибудь трагедіямъ Корнеля,

Имѣющимъ теперь успѣхъ минутный,—
Какъ все что̀ не глубо̀ко...

Генералъ Фаберъ.

Но звѣзда
Еще не закатилась ваша.

Ришелье.

Правда.
Я помню,—славный астрологъ Ла-Броссъ,—
(Онъ Генриха четвертаго не разъ
Остерегалъ,—и въ самый день убійства
Покойному повѣдалъ королю,
Что въ звѣздахъ онъ прочелъ ему опасность
И умолялъ его—не выходить,)—
И такъ, Ла-Броссъ мнѣ предсказалъ, что я
На высотѣ могущества и славы
Умру...

(Входитъ пажъ).

Пажъ.

Аббатъ де-Ла-Ривьеръ желаетъ
Явиться къ Вашей Свѣтлости.

Ришелье.

Просить.

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Аббатъ де-Ла-Ривьеръ.

ЛА-РИВЬЕРЪ.

Я доложить имѣю, Ваша Свѣтлость,
Вѣсть важную...

РИШЕЛЬЕ.

Здѣсь—всѣ мои друзья,—
Приглашены ко мнѣ на совѣщанье:
Вы можете все смѣло говорить.

ЛА-РИВЬЕРЪ.

Вчера, въ жару бесѣды задушевной,
Духовный сынъ мой—герцогъ Орлеанскій
Увлекся и великую открылъ
Мнѣ тайну...

РИШЕЛЬЕ.

Именно?...

ЛА-РИВЬЕРЪ.

Есть заговоръ...

РИШЕЛЬЕ.

Дворяне?...

ЛА-РИВЬЕРЪ.

Такъ...

РИШЕЛЬЕ.

Сен-Марсъ и самъ Гастонъ?...

ЛА-РИВЬЕРЪ.

Такъ.

Ришелье.

Развѣ это тайна?...

Ла-Ривьеръ.

Вмѣстѣ съ ними
Де-Ту и герцогиня де-Шеврёзъ,
Бульонскій герцогъ, де-Фонтраль, и даже
Ея Величество...

Лафема.

Да весь Парижъ
Давно про эту тайну знаетъ!..

Шавиньи.

Чѣмъ-же
Проговорился герцогъ Орлеанскій?

Ла-Ривьеръ.

Чтобъ дѣйствовать открытой силой—средствъ
Не видя—заговорщики рѣшились
Войдти въ трактатъ съ Испаніей.

Ришелье *(привстаетъ въ креслѣ)*.

Какъ?... Что?...
Съ Испаніей?... Трактатъ?...

Сегье *(къ окружающимъ)*.

Вотъ это ловко!...
Кто не узнаетъ герцога Гастона!...
Вѣдь мы теперь съ Испаніей въ войнѣ?
А онъ,—трактатъ!...

Лафема.

Да, мудрено!...

Ришелье.

Постойте..
(къ Ла-Ривьеру) Но, въ чемъ-же сущность, смыслъ
трактата?...

Ла-Ривьеръ.

Въ томъ,
Чтобъ отнятыя крѣпости вернуть
Испаніи за помощь войскомъ.

Ришелье *(привставая еще больше).*

Полно!
Вамъ такъ ли герцогъ высказалъ?... Быть можетъ,
Не такъ вы поняли?...

Ла-Ривьеръ.

Все понялъ вѣрно.
На дняхъ Фонтраля герцогъ посылаетъ
Въ Мадритъ...

Ришелье.

Фонтраля?... Герцогъ?... А Сен-Марсъ?...
Сен-Марсъ участвуетъ въ трактатѣ этомъ?...

Ла-Ривьеръ.

Участвуетъ...

Ришелье *(внѣ себя).*

Да?... Да?... *(Вскакиваетъ съ кресла; быстро подходитъ къ авансценѣ; всѣ вокругъ изумлены.)*
О, звѣзды! звѣзды!
Глаголъ небесъ!... Ты правъ, Ла-Броссъ, ты правъ!...
Не долженъ я унынью предаваться:
Моя звѣзда еще на высотѣ. .

Въ трактатѣ *онъ* участвуетъ?... Прекрасно!...
Но времени терять нельзя... Друзья,
Понятно-ль вамъ теперь судьбы рѣшенье?...

Всѣ.

Мы поняли!...

Ришелье.

Любезный кардиналъ,
И вы, мой другъ, отецъ Арно̀,—вы оба
Въ довѣріи большомъ у королевы.
Старайтесь-же подѣйствовать сперва
На *королеву*. Объявите ей,
Что мнѣ уже извѣстно все и если
Не выдадутъ трактатъ мнѣ,—то регенства
Ей не видать... Подѣйствуйте затѣмъ
Вы на нее не какъ на королеву,
А какъ на мать... Скажите, что дофина
И маленькаго герцога Филиппа
Въ мою опеку отберутъ и послѣ
Регентомъ буду я... *(Мазарини и Арно кланяются)*
Благодарю
Васъ, добрый Ла-Ривьеръ;—сегодня вы
Услугу мнѣ такую оказали,
Что помнить буду я всегда. Теперь-же
Съ сынкомъ духовнымъ вашимъ продолжать
Бесѣды ваши постарайтесь... Адомъ
И раемъ дѣйствуйте,—смотря—что̀ нужно...
Но, главное,—пусть герцогъ вашъ поймете,
Что если мнѣ трактата онъ не выдастъ,
То голова его въ моихъ рукахъ.
А вмѣстѣ съ тѣмъ,—доходы тѣ, что я
Ему доставилъ,—могутъ обратиться
Ко мнѣ назадъ...

Ла-Ривьеръ.

Исполню, Ваша Свѣтлость.

Ришелье.

За этимъ очередь дворянства. Если
Придется намъ въ открытую борьбу
Вступить,—тогда на васъ надѣюсь твердо,
Фабѐръ?

Фабѐръ.

Хоть самъ я дворянинъ,
Но дѣдъ мой былъ солдатъ. Я не изъ знати,
Стремленьями дворянъ не увлекаюсь.
Король и Франція,—вотъ мой девизъ!
Народа сынъ—люблю народъ французскій,
Который былъ всегда предъ королемъ
На высотѣ призванья!... Къ сожалѣнью,—
Нельзя сказать того-же о дворянствѣ...
И я не братъ дворянамъ... Для меня
Любимое желанье—бить Австрійцевъ,
Австрійцевъ бить и Францію всемірной
Монархіей содѣлать!...

Ришелье.

А теперь,
Къ Сен-Марсу обратимся.—Лафема!
Вы, милый мой, уже давно пріятель
Съ Марьонъ Делормъ. Вы знаете,—что днями
Я жизни угасающей моей
Готовъ платить, чтобъ нѣсколько минутъ
Сейчасъ съ Марьонъ поговорить? Хотѣлъ-бы
Я *нѣчто* о Маріи де-Гонзаго
Ей сообщить...

Лафема.

Лечу за ней!... *(уходитъ)*.

Ришелье.

Сегьѣ!
Какъ думаете вы,—легко Сен-Марсу,
Съ дворянами своими устоять
Противъ меня,—когда со мною вмѣстѣ—
(указываетъ на Мазарини, Арно и Ла-Ривьера)
Три *праведныхъ* отца и двѣ прелестныхъ,
Влюбленныхъ и *ревнивыхъ* женщинъ?... А?...
(Кашляетъ).
Но я усталъ... Мнѣ дурно... Помогите
Мнѣ лечь... *(Сегье и Шавиньи берутъ его подъ-руки, ведутъ и укладываютъ въ кресло)*.

Ришелье.

Благодарю... *(минута молчанія)* Мнѣ лучше... Надо
Немедленно кого нибудь послать
Въ Испанію...

Шавиньи.

Графъ де-Рошфоръ поѣдетъ...

Ришелье.

Такъ... Онъ за герцогомъ и за Сен-Марсомъ
Не разъ слѣдилъ... Когда-бъ такихъ дворянъ
Какъ этотъ да Фабѣръ побольше было,
То могъ-бы я не слишкомъ хлопотать.
Какую кличку дали имъ дворяне?...
Кардиналисты кажется?... Не дурно!
Велите звать пословъ.

Пажъ.

Посланникъ Шведскій
Полковникъ Мандершерна.

Явленіе 3-е.

(*входитъ полковникъ Мандершерна.*)

Ришелье.

Очень радъ,
Полковникъ, видѣть васъ. На дняхъ въ Стокгольмъ
Вы ѣдете?

Мандершерна.

Такъ точно, Ваша Свѣтлость.

Ришелье.

Я васъ прошу привѣтъ мой передать
Достойнѣйшему моему собрату
Министру Оксеншернѣ. Въ немъ, конечно,
Покойный вашъ король Густавъ Адольфъ
Наслѣдство лучшее, въ залогъ величья,
Оставилъ дочери своей. Скажите
Почтенному министру, что настала
Для Франціи возможность наконецъ
Въ борьбу открытую вступить съ врагомъ
Намъ общимъ,—съ Австріей. До этихъ поръ,
Въ союзъ вступая, иль давая деньги,
Мы помогали тайно тѣмъ, кто могъ
Бороться съ Австріей успѣшно... Страннымъ
Быть можетъ кажется инымъ, что мы,—
Католики,—стоимъ за протестантовъ
Въ Германіи,—тогда какъ у себя

Уже давно сурово Гугенотовъ
Преслѣдуемъ...

Мандершерна.

Мы знаемъ, Ваша Свѣтлость,
Что Франція и Швеція равно
Врага имѣютъ въ Австріи и обѣ
Равно стремятся Австрію лишить
Значенія и силы.

Ришелье.

Это правда.
Отъ насъ уже послѣдовалъ приказъ,
Чтобъ маршалъ Габріанъ съ французскимъ войскомъ
Немедля шелъ на помощь къ Торстенсону,—
Герою вашему. Густавъ-Адольфъ
Какъ-бы воскресъ въ немъ,—на бѣду Австрійцамъ.
Болѣзненный и слабый Торстенсонъ
Великъ военнымъ геніемъ и силой
Душевной бодрости.

Мандершерна.

Теперь, когда
И Франція идетъ открыто съ нами,—
Надѣемся, что скоро, наконецъ,
Окончится война—и протестанство
Достойное признаніе получитъ.

Ришелье.

И такъ,—счастливый путь вамъ. *(Мандершерна кланяется и уходитъ).*

Оксеншерна

Въ наукѣ властвовать искусенъ... Но
Напрасно онъ дворянству слишкомъ много

Даетъ вліянія. Прямая власть
Возможна только тамъ,—гдѣ лишь *одинъ*,—
Гдѣ эта власть не терпитъ раздѣленья;—
Или-же тамъ,—гдѣ цѣлая толпа
Бунтуетъ... Но къ такому самовластью
Не приведи насъ Боже!...

Явленіе 4-е.

(*Входитъ пажъ*).

Пажъ.

Чрезвычайный
Посолъ изъ Польши,—графъ Стефанъ Замойскій.

(Входитъ графъ Замойскій).

Графъ Замойскій.

Его Величество, мой Государь,
Король яснѣйшій Польскій, Владиславъ
Шлетъ Вашей Свѣтлости привѣтъ.

Ришелье *(наклоняя голову)*.

Усердно
Благодарю.

Графъ Замойскій.

Черезъ посредство ваше
Король желалъ-бы прочно закрѣпить
Союзъ межъ Франціей и Польшей.

Ришелье.

Я
Уже давно съ великимъ огорченьемъ
Слѣжу за Польшей. Тамъ протестантизмъ
Опасные размѣры принимаетъ ...

Въ ущербъ святымъ намѣстникамъ Петра
И вопреки политикѣ французской
Германія и Швеція теперь
Преобладаютъ въ Польшѣ.

Графъ Замойскій.

Ваша Свѣтлость
Для насъ оплотъ надежный.

Ришелье.

Мнѣ извѣстна
Цѣль вашего пріѣзда. Очень радъ,
Что вашъ король мой выборъ одобряетъ.
Марія де-Гонзаго намъ поможетъ
Примѣрнымъ благочестіемъ своимъ
И къ Франціи любовью безграничной...
Ручательствомъ да будетъ этотъ бракъ
Сближенья между Франціей и Польшей
Во славу вѣры пресвятой.

Графъ Замойскій.

Осмѣлюсь
Вниманье, Ваша Свѣтлость, обратить
На слухъ о благосклонности принцессы
Къ Сен-Марсу... Онъ теперь у короля
Въ великой милости.

Ришелье.

Все въ Божьей волѣ!
Прійдется, можетъ быть, повременить,—
Но я имѣю основанье думать,
Что все устроится какъ мы желаемъ.

Графъ Замойскій.

Всевышній Промыслъ да осуществитъ
Желанье Вашей Свѣтлости.

Ришелье *(наклоняя голову)*.

Надѣюсь,
Мы съ вами будемъ видѣться еще
Пока вы здѣсь останетесь...

(Графъ Замойскій низко кланяется и уходитъ).

Явленіе 5-е.

Пажъ.

Дѣвица
Делормъ.

Ришелье *(къ Шавиньи)*.

Поговорить мнѣ надо съ нею
Наединѣ... *(Шавиньи и пажъ уходятъ. Входитъ Маріонъ Делормъ)*.
А!... Птичка!... Прилетѣла!...
Забыла стараго, больного друга!...
Нехорошо!...

Маріонъ *(Садясь въ кресло)*.

Оставьте этотъ тонъ.
Я не пришла-бъ, когда-бы Лафема
Меня не вызвалъ именемъ Сен-Марса.

Ришелье.

Такъ значитъ—слухи вѣрны? Говорятъ,—
Вы скоро будете его женою?...

Маріонъ.

Его женою!... Кто-же лучше васъ
Судить способенъ,—можетъ-ли Марьонъ,
Которая шпіонкой, куртизанкой
Была у васъ, - маркизой де-Сен-Марсъ
Назваться!...

Ришелье.

Все бывало...

Маріонъ.

Нѣтъ! О, нѣтъ!...
Къ чему мечтанья. . Это невозможно!...
А еслибъ чудо и свершилось,—все-же—
Мнѣ не загладить прошлаго ничѣмъ!...
Оно на мнѣ—пятномъ неизгладимымъ...
Зачѣмъ мечтать о томъ что невозможно!...
Скажите лучше, для чего меня
Позвали вы?...

Ришелье.

Повѣрьте мнѣ Марьонъ,
Изъ дружбы къ вамъ, изъ добраго участья...

Маріонъ.

Неправда... Нѣтъ... И если-бы не слухи
Ужасные, которыхъ смыслъ должна
Я уяснить—во-что-бы то ни стало,—
Я не пришла-бы къ вамъ...

Ришелье.

Марьонъ!... Марьонъ!...

Маріонъ.

Послушайте,—мы слишкомъ хорошо
Другъ друга знаемъ. Для чего лукавить?
Вы не спроста меня позвали... Что-же?
Какую службу жалкая Марьонъ
Вамъ сослужить за золото должна?...
Но, знайте,—я въ васъ больше не нуждаюсь.

Ришелье.

Съ какого это времени?

Маріонъ (*вставая*).

Съ тѣхъ поръ
Какъ долгій мракъ моей презрѣнной жизни
Вдругъ озаренъ божественнымъ лучемъ!
Съ тѣхъ поръ какъ вопль поруганнаго сердца
Коснулся слуха моего!... Съ тѣхъ поръ
Какъ чистой, страстной и святой любовью
Я,—грѣшница,—пылаю въ первый разъ!...

Ришелье.

Къ Сен-Марсу?

Маріонъ.

Да.

Ришелье.

И онъ васъ любитъ тоже?

Маріонъ.

Онъ любитъ-ли?... Я думала... Теперь,
Теперь во мнѣ сомнѣнье зародилось,
Какъ страшная отрава... Жажду я
Понять... Есть признаки...

Ришелье.

По старой дружбѣ,
Я могъ-бы разъяснить вамъ и помочь.

Маріонъ (*пылко*).

Прочь старой язвы смрадная проказа!...
Я просто вамъ зачѣмъ нибудь нужна!

Ришелье.

А если намъ одно и то-же нужно?...

Маріонъ *(въ сторону)*.

Ужели онъ о заговорѣ знаетъ?...
(*къ Ришелье*). Что общаго, скажите, можетъ быть
Теперь межъ нами?

Ришелье.

Оба мы стремимся
Предметомъ страсти нашей обладать.
Не такъ-ли другъ мой?... Но, приступимъ къ дѣлу.
Вы знаете—опасная у васъ
Соперница!...

Маріонъ.

Марія де-Гонзаго?...
Она?...

Ришелье.

Она.

Маріонъ (*падая въ кресло*).

О Боже!... Я погибла!... (*Плачетъ. Послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ:*)
Все кончено!... Такъ вотъ зачѣмъ меня
Онъ эти дни какъ будто избѣгаетъ...
И смотритъ, словно, робко... Да, теперь
Понятно все... О, подлая судьба!...
Безуміе!... И я могла мечтать,
Что онъ меня любовью чистой любитъ!...
Нѣтъ! Надо мной—проклятье роковое!
Проклятье справедливое!... Смотрите:
Вся жизнь моя была—одинъ развратъ!
Шпіонство!... Низость!... Солнце благодати

Мнѣ засіяло вдругъ въ его очахъ
И озарило мнѣ любовь и небо.
Но этотъ свѣтъ не могъ не освѣтить,
Во мнѣ всю гадость прошлой жизни!... Онъ
Не для меня... И вотъ,—когда предъ нимъ
Теперь созданье чистое явилось,—
Прелестная Марія де-Гонзаго,—
Свѣжа, свѣтла какъ утро золотое,
Благоухая вѣрою святой!...
Какое-жъ тутъ возможно колебанье
Межъ этимъ ангеломъ и... куртизанкой!...
О!... я... несчастная!... О!... (*плачетъ*).

Ришелье.

Успокойтесь:
Съ разсудкомъ не справляется любовь
И часто адъ предпочитаетъ небу.

Маріонъ.

О, если-бы мнѣ только сохранить
Его любовь!...

Ришелье.

И это вамъ возможно.
Вы можете Сен-Марсу оказать
Великую услугу—и Марію
Затмить въ его глазахъ.

Маріонъ.

Я не желаю
Зла никому... Мнѣ только-бъ сохранить
Его любовь!...

Ришелье.

Такъ слушайте-жъ меня.
Сомнѣнья нѣтъ—вамъ хорошо извѣстно,
Что заговоръ противъ меня составленъ,
Что во главѣ Сен-Марсъ, что рѣшено
Войдти въ трактатъ съ Испаніей...

Маріонъ.

О Боже!...
Онъ знаетъ все!...

Ришелье.

Достаньте мнѣ трактатъ,—
Тогда Сен-Марсъ, ручаюсь,—будетъ вашъ.

Маріонъ *(пылко)*.

А!... Вотъ она—ловушка!... Вотъ гдѣ хитрость
Проворной кошки!... И пріемъ не новъ!...
Въ моей груди—ревнивая любовь, —
Единый перлъ—въ потокѣ мутной жизни!...
И этотъ перлъ я загрязнить должна
Предательства позоромъ?... Никогда! ..

Ришелье.

Предательства здѣсь нѣтъ, когда я знаю
Все и безъ васъ... Но нуженъ мнѣ трактатъ,
Чтобъ заговоръ разрушить.

Маріонъ.

И Сен-Марса
Моей рукой взвести на эшафотъ?
На казнь?... Туда, гдѣ ваша кровожадность
Уже такъ много погубила жертвъ?
Графъ де-Шалле, Монморанси, Сен-Прель?...

Недостаетъ еще Сен Марса?... Такъ-ли?..
Чтобъ *мною* вамъ былъ выданъ *мой* Сен-Марсъ?...

Ришелье.

Онъ будетъ *вашъ* когда вы согласитесь...
Вы смотрите съ сомнѣніемъ?...

Маріонъ.

Не вѣрю...
И лучше мнѣ скорѣй уйдти! *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).*

Ришелье *(въ сторону).*

Ну, видно,—
Безъ хитрости не обойдтись... *(къ Маріонъ)* Постойте,—
Я пощадить его даю вамъ слово... *(Маріонъ оборачивается къ нему).*
И этого еще вамъ недовольно?... *(Маріонъ останавливается).*
Ну, слушайте-жъ... Мы можемъ такъ устроить...
Но, только прежде обѣщайте мнѣ,
Что никому объ этомъ вы ни слова
Не скажете...

Маріонъ.

Клянусь вамъ!...

Ришелье.

Никому!...
Ни слова!... Да?... Смотрите-же!... И такъ,—
Когда Сен-Марсъ, де-Ту и тамъ—другіе
Очутятся,—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—
Въ моихъ рукахъ,—я пощажу ихъ... Но,—
Для нашихъ цѣлей—намъ необходимо
Произвести сильнѣе впечатлѣнье

На молодежь,—на этихъ всѣхъ дворянъ, —
Чтобы отбить у нихъ охоту,— снова
Въ подобные пускаться заговоры...
И потому, пусть это дѣло даже
Дошло-бы до приготовленій къ казни...
Преступниковъ на площадь поведутъ
Торжественно... Продѣлаютъ всѣ эти
Формальности... Но въ самую минуту,
Когда палачъ ужъ занесетъ топоръ,—
Объявятъ имъ помилованье жизни.

Маріонъ.

О, если-бы возможно было это!..

Ришелье.

Но почему-же невозможно,—если,
Конечно, вы достанете трактатъ?...
Сен-Марсъ объятъ заманчивой мечтой
Назвать женой принцессу де-Гонзаго,—
И этимъ высшихъ почестей достичь.
Но заговоръ разрушенъ—и тогда
Уже не будетъ пищи честолюбью
И только къ вамъ останется любовь...

Маріонъ.

Ко мнѣ!... Ко мнѣ!... И броситъ онъ Марію
Для той, которая не смѣетъ даже
Маріей называться,—потому
Что именемъ ласкательнымъ Марьоны,
Меня развратъ нахально заклеймилъ...
Любовь ко мнѣ!... Въ лучахъ преображенья
Воскресла-бъ я вселюбящей душой,

Какъ грѣшница другая,—Магдалина,
Которую помиловалъ Господь!...
Любовь ко мнѣ!... Къ несчастной!... О, блаженство!...
Съ нимъ об-руку прошла-бъ я жизни путь!...
Съ его душой слилась-бы я на-вѣки,
И отъ судьбы прошедшей, ледяной
Въ его объятьяхъ отогрѣла бъ душу!... *(задумывается, потомъ говоритъ къ Ришелье).*
А если вамъ не выдадутъ трактатъ?

Ришелье.

Тогда Марія де-Гонзаго будетъ
Женой Сен-Марса,—или онъ падетъ
На эшафотѣ.

Маріонъ.

Боже всемогущій!
Ты, говорятъ, безмѣрно милосердъ!
Ты, говорятъ, погибели не хочешь
Единаго изъ насъ,—Твоихъ рабовъ!
О, вразуми меня!... Что дѣлать мнѣ?...
Какъ поступить?... Ты видишь,—я готова
Загладить грѣхъ моей безумной жизни!...
Да буду я орудіемъ спасенья
Того, къ кому я чистою любовью
Пылаю въ первый разъ... Охъ, тяжело!...
Какъ поступить?... Святѣйшій кардиналъ!...
Великій мужъ!... Презрѣнная Марьонъ,—
Быть можетъ, вновь презрѣнную услугу,
Послѣднюю—окажетъ вашимъ цѣлямъ...
Но, въ этотъ разъ,—не вѣдая сама... (*Идетъ тихо, опустивъ голову, облокачивается о дверь и рыдаетъ*).

Ришелье (*въ сторону*).

Теперь силки разставлены вездѣ
И только ждать добычи остается.—

Сцена 2-я.

(Вдали слышенъ шумъ бала и звуки бальной музыки. Играютъ гавотъ Людовика XIII-го. Салонъ. Обои цвѣта золотой кожи (mort-doré) съ серебряными багетами. Венеціанскія зеркала и люстры. Тяжелыя портьеры и драпри. Серебряные большіе шандалы со множествомъ свѣчей. Вездѣ букеты цвѣтовъ. Мебель богатая, дубовая, рѣзная, обтянутая бархатомъ. Коверъ. Во время танцевъ въ залѣ, гости группами входятъ, и проходятъ въ салонъ).

Явленіе 1-е.

Въ салонъ входятъ: *графъ д'Эмери* (королевскій казначей—пожилой, некрасивый толстякъ; онъ пьянъ); *графъ Гранпрѣ* (франтъ среднихъ лѣтъ—тоже пьянъ); *маркизъ де-Шатильонъ*; *аббатъ де-Карружъ; маркизъ де-Рювиньи; маркизъ де-Вилларсо*, (старикъ, тоже выпилъ) *маркизъ де-Скюдери* (королевскій гвардейскій офицеръ). Мушкетеры *Тревилль*, *Лондиньи*, *Кагюзакъ*, *Локмаріа* и *де-Муи*. *Графъ де-Гаркуръ* подъ руку съ *М-ме де Ложъ*, любовницей герцога Гастона Орлеанскаго; дамы и другіе гости (между ними *Нинонъ де-Lenclos*.

Графъ д'Эмери.

Что! Каково Бургонское вино?
Что скажете, милѣйшій графъ Гранпрѣ?...

Графъ Гранпрѣ.

И не одно Бургонское,—но также
И Жюрансонъ, и Монлюсакъ!...

Маркизъ де-Шатильонъ (*дѣлая реверансъ*).

Кому же
Судить вѣрнѣй о винахъ, какъ не графу
Гранпрѐ?... (*дѣлая реверансъ дамамъ*) Вы слышали,—
mesdames,
Что графъ Гранпрѐ,—изъ дула пистолета,
Который былъ заряженъ и съ куркомъ
Взведеннымъ,—пилъ здоровье нашей милой
Марьонъ де-Лормъ недавно?

Всѣ (*съ реверансомъ къ графу Гранпрѐ*).

Браво!... Браво!...
Да здравствуетъ любезная хозяйка!...

Маркизъ де-Виллярсо.

Да здравствуетъ, друзья, царица бала
И крестница моя Марьонъ! а съ нею,—
Хорошій аппетитъ, фазаны, спаржа,
Розбифъ, рагу, пѣтушьи гребешки,
Горошекъ и клубника отъ *Пти-Мòра*,
Индѣйки съ трюфлями отъ *Ла-дю-Рье*!... [1])

Графъ де Гаркуръ

Ну, ну, пошелъ перечислять всю кухню,—
Маркизъ де-Виллярсо,—обжора старый!..

Маркизъ де-Виллярсо.

Да, балъ и ужинъ—просто праздникъ фей!...
Намъ дали болѣе, чѣмъ тридцать блюдъ!...

---

[1]) Пти-Моръ и Ла-дю-Рье—извѣстные въ то время рестораны.

Графъ д'Эмери.

Маркизъ де-Шатильонъ,—скажите правду,
Кто больше пьянъ,—я, или графъ Гранпрѣ?

Маркизъ де-Шатильонъ.

Тотъ меньше пьянъ, кто прежде поцѣлуетъ
Мадамъ де-Ложъ прелестнѣйшую ручку.

М-мъ де-Ложъ.

Маркизъ всегда любезенъ... Но, зачѣмъ
Моя рука предметомъ спора будетъ?
Я двѣ руки имѣю и могу
Друзьямъ охотно обѣ предоставить.

Маркизъ де-Шатильонъ.

Одну Гранпрѣ,—другую д'Эмери,

Графъ Гранпрѣ.

Я не люблю дѣленія.

Графъ д'Эмери.

А я,
Какъ королевскій казначей, конечно,
Не знаю вычитанья...

Графъ де-Гарбуръ.

Господа,
Держу пари за графа д'Эмери.

Нѣкоторые изъ гостей.

И я! и я!...

Маркизъ де-Вилярсо.

А я держу за графа
Гранпрѣ; кто проиграетъ,—долженъ тонкій,
Съ попойкой ужинъ завтра намъ задать.

Нѣкоторые изъ гостей.

Идетъ, идетъ!... Мы тоже за Гранпрѐ!...

Графъ де-Гаркуръ.

Ну! разъ, два, три!... Прикладывайтесь къ ручкѣ!...
(*Графъ д'Эмери и графъ Гранпрѐ, шатаясь, устремляются къ М-ме де-Ложъ,—сталкиваются и шатаясь расходятся. Въ это время, мушкетеръ Лондиньи пробирается изъ за графа де-Гаркура, цѣлуетъ протянутую руку М-ме де-Ложъ и смотритъ побѣдоносно на д'Эмери и на Гранпрѐ. Всѣ смѣются.*

Всѣ.

Ха, ха, ха, ха!... Вотъ это ловко! мило!

Маркизъ де-Виллярсо.

Всѣхъ помирилъ счастливецъ Лондиньи!...
Что скажетъ намъ на это милый нашъ
Поэтъ, маркизъ де-Скюдерѝ? Экспромпты
Ему даются?...

Маркизъ де-Скюдерѝ.

Почему жъ!... Извольте!... (*минуту подумавъ*).

Безстыдную тотъ скажетъ ложь,
Кто назоветъ Мадамъ де-Ложъ
Сегодня женщиной *безъ правилъ*.
Всю ариѳметику Амуръ ей предоставилъ!
Его Высочество Гастонъ
Давно проходитъ съ ней *сложенье;*
Она сама рѣшилась на *дѣленье*,—
Для примиренья двухъ сторонъ;—
А съ третьей,—вышло *умноженье*...

Всѣ.

Ай-да маркизъ!... Прекрасно!... Браво! Браво!..

Аббатъ де-Карружъ.

Позвольте мнѣ за это васъ обнять!... (*обнимаетъ Скюдери*).

Маркизъ де-Виллардо.

Маркизъ,—и мнѣ позвольте васъ обнять!...
(*Тоже обнимаетъ маркиза де-Скюдери*).

Графъ де-Гаркуръ.

«Его Высочество Гастонъ
Давно проходитъ съ ней сложенье!»
Ха, ха, ха, ха!... Сложенье!... Безподобно!...
Сегодня-жъ я объ этомъ передамъ
Его Высочеству;—онъ будетъ просто
Въ восторгѣ!... (*Также обнимаетъ марк. де-Скюдери*).

Нѣкоторые изъ гостей (*Обнимая марк. де-Скюдери, или устремляясь обнять его*).

Поздравляемъ!... Поздравляемъ!...

(*Марк. де-Скюдери послѣ двухъ, трехъ объятій, дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія и бросается въ сторону*).

Маркизъ де-Скюдери.

Ну, - эдакъ я экспромпту самъ не радъ!...

Графъ де-Гаркуръ.

Но, господа, гавотъ, гавотъ играютъ!
Кому угодно?—Приглашайте дамъ!
(*Мужчины приглашаютъ дамъ и попарно уходятъ*).

М-мъ де Ложъ.

Мнѣ танцовать, признаться, нѣтъ охоты.

Не лучше-ль, графъ, сразиться намъ теперь
Въ трикъ-тракъ, иль въ кости?...

Графъ де-Гаркуръ.

Счастья попытать
На этомъ полѣ,—я не откажусь.
Въ другомъ-же случаѣ,— сражаясь съ вами,—
Навѣрное,— я былъ бы побѣжденъ.

(*Уходитъ вмѣстѣ съ М-мъ де Ложъ. Остаются мушкетеры: Тревилль, Лондиньи, Кагюзакъ, Локмаріа, де-Муи*).

Кагюзакъ.

Ну милый другъ, ты отличился ловко!
Вѣдь дернуло-жъ тебя поцаловать
Прелестнѣйшую ручку!...

Лондиньи.

А тебѣ
Завидно?... Впрочемъ,— это вздоръ!... Но вотъ что
Не вздоръ, друзья:— вамъ ясно-ли,— съ какимъ
Презрѣніемъ, съ какимъ высокомѣріемъ
Вся эта знать, всѣ герцоги и графы
Глядятъ на насъ,— простыхъ дворянъ?

Де-Муи.

Да, правда.
Не разъ и я замѣтилъ это. Вотъ,
Теперь, когда поцаловалъ ты ручку
Мадамъ де-Ложъ и, такъ сказать, у всѣхъ
Былъ на виду,—всѣ эти господа,—
Графъ де-Гаркуръ, маркизъ де-Шатильонъ,
Всѣ скорчили такія рожи, словно
Для нихъ для всѣхъ и гадко, и обидно,

Что мушкетеръ простой попалъ межъ нихъ,
Не будучи ни графомъ, ни маркизомъ!...

Кагюзакъ.

Да!... Да!...

Лондиньи.

Чтобъ чортъ побралъ всю эту грязь
Раззолоченную!... У нихъ у всѣхъ
Одна забота,—важничать!... А сами
Лакействуютъ предъ герцогомъ Гастономъ,
Иль рабски ползаютъ предъ Ришелье!...

Де Муи.

Вотъ хоть-бы этотъ де-Гаркуръ?... Давно
Онъ проигрался въ пухъ и промотался
На женщинъ такъ, что за душой всего
Имѣетъ шпагу, да костюмъ свой бальный!

Тревилль.

А маршалы Брезѐ, Ла-Мейлерэ̀,
А герцогъ де-Вилларъ и столько
Другихъ? Какіе всѣ они дворяне?
Въ войнѣ, въ пирахъ, въ развратѣ раззорились,—
И еслибъ имъ, изъ милости, король
Не выдавалъ подачекъ, или мѣстъ
Доходныхъ,—имъ пришлось-бы плохо!

Кагюзакъ.

Да вѣдь на всѣхъ и мѣстъ не напасешь!

Локмаріа.

А тутъ еще Правительство, за деньги,
Всю сволочь и весь сбродъ, откупщиковъ,

Ростовщиковъ и казнокрадовъ разныхъ
Въ дворянское достоинство возводитъ...

Тревилль.

Я старше васъ и опытнѣй. Повѣрьте,
Что эти всѣ надутые фигляры,
Несносные,—не спорю я о томъ,—
Во всякомъ случаѣ не такъ опасны
Для насъ,—дворянъ, какъ Ришелье деспотъ.
Съ нимъ нужно прежде наши счеты кончить,
А тѣ отъ насъ и послѣ не уйдутъ.
Дворянству мѣсто на ступеняхъ трона!
Не то,—одинъ союзникъ намъ,—народъ,
Нашъ младшій братъ!...

Де-Муи.

Съ народомъ очень важно
Для насъ сойдтись!...

Тревилль.

И для того Сен-Марса
Мы выбрали вождемъ единогласно.
И мы-ль ему измѣнимъ?...

Лондиньи.

Никогда!

Локмарiа.

Послушайте, ужъ балъ идетъ къ концу;
Чтобъ времени напрасно не терять,—
Бургонскаго бутылочку, другую
Потянемте...

Всѣ.

Вотъ это дѣло, дѣло!... (*всѣ уходятъ*).

— — — —

Явленіе 2-е.

(Врывается толпа гостей,—дамъ и мужчинъ. Въ томъ числѣ *графъ де-Гаркуръ*, *графъ Гранпре*, *Маркизъ де-Шатильонъ*, *аббатъ де-Карруржъ*. Тащутъ подъ руки доктора *Теофраста Ренодо* — издателя «Gazette de France». У него въ рукахъ листокъ газеты).

Всѣ.

Подайте на расправу!... На расправу!...
Издателя «Gazette de France»!... Держите!...

(*Входитъ Маріонъ де-Лормъ подъ руку съ маркизомъ де-Рювиньи; она все время разсѣянна, взволнована, но старается при гостяхъ подавить свое волненіе*).

Рювиньи.

Что это?... Теофраста Ренодо?...
Издателя «Gazette de France!»

Ренодо.

Позвольте!...
Что жъ тутъ такого, господа?... Въ газетѣ
О новостяхъ могу я разглашать...
Я основалъ «Gazette de France» не съ тѣмъ,
Чтобъ оскорблять кого нибудь; но просто,—
Чтобъ новости разсказывать и всѣхъ
Въ часы досуга забавлять пріятно.

Аббатъ де-Карружъ.

Притомъ, извѣстно,—что въ газетѣ этой
Участвуютъ вліятельныя лица...
Самъ кардиналъ...

Маркизъ де-Шатильонъ.

Да и не онъ одинъ!
И выше кардинала!...

Рювиньи.

И Его
Величество не брезгаетъ...

Маріонъ *(указывая на табуретъ).*

Однако,
Читайте-жъ намъ, нашъ милый Теофрастъ.

Ренодо (*надѣваетъ очки, взлѣзаетъ на табуретъ и читаетъ:*)

„Великая новость!... Мы прежде утверждали, что старшая сестра Грацій, знаменитая красавица Турнельской улицы"... *(Маріонъ съ улыбкой дѣлаетъ реверансъ).*

Голоса.

Вотъ, вотъ она!... Какъ? Старшая сестра
Прелестныхъ Грацій?... Браво!... Это мило!...

Маріонъ.

Позвольте, господа, пусть продолжаетъ.

Ренодо.

„Знаменитая красавица Турнельской улицы, пораженная самымъ безжалостнымъ образомъ стрѣлою бога любви прямо въ сердце..."

Голоса.

Ого!... Стрѣлою бога!...

Другіе голоса.

Не мѣшайте!

Ренодо.

„Намѣревалась оставить Парижъ, чтобъ отправиться въ страну *Нѣжныхъ Чувствъ...*"

Голоса.

Ахъ!... Нѣжныхъ Чувствъ!... Ахъ!... Нѣжныхъ чувствъ!... Прекрасно!...

Ренодо.

Позвольте-жъ господа!... *(читаетъ:)*

„Ничуть не бывало. Красавица, не дальше какъ вчера, гордо выступала по Королевской площади. Тридцать, или сорокъ золотыхъ мотыльковъ порхали вокругъ ея прелестей!“

Голоса.

Ха, ха, ха, ха!... Забавно!... Мотыльковъ!...

Ренодо.

„По всему замѣтно, что стрѣла бога любви—безсильна противъ сердца нашей знаменитой Турнельской Аспазіи. И такъ, она не покинетъ Парижъ...“

Всѣ (*апплодируя*).

Да здравствуетъ Аспазія! Она
Останется!... Насъ не покинетъ!... Браво!...

Маркизъ де Вилларсо.

Когда мою красавицу крестили,—
Я помню, что пришелъ одинъ пастухъ,
Старикъ, и онъ ей гороскопъ составилъ,
И предсказалъ, что милая Марьонъ
Женою знатнаго вельможи будетъ.

Маріонъ (*съ невольной горечью*).

Какъ видите,—насмѣшка злая?...
(*Переходя въ равнодушно-легкій тонъ*). Что-жъ?
Читайте дальше, - добрый Реподо...

Ренодо (*Читаетъ*).

„Тише, тише, осторожнѣе! Чтобы не подслушалъ кардиналъ!... Но, успокойтесь. Въ настоящее время кардиналу не до нашей красавицы: онъ исключительно занятъ надзоромъ за новымъ обширнымъ покушеніемъ подорвать его всемогущество, и вѣтеръ дуетъ изъ самыхъ высшихъ сферъ“[1]).

(*Слѣзаетъ съ табурета и снимаетъ очки*).

[1]) Чтеніе Ренодо есть подлинный текстъ одного изъ нумеровъ его газеты, сохранившійся въ мемуарахъ Маріонъ Делормъ.

Голоса.

Ого!.. Вотъ какъ!... Изъ самыхъ высшихъ сферъ!...

Аббатъ де-Карружъ.

Откуда-жъ это?...

Графъ Гранпре.

Вздоръ!... Пустое!... Сказки!...
Не въ первый разъ!...

Рювиньи.

И не въ послѣдній разъ!...
Сострилъ-же кто-то такъ про кардинала:

О, Франція! Ты переносишь все!
И, скоро, ты-же потеряешь все!
И если Богъ самъ не поддержитъ все, -
То красный чортъ заграбитъ это все!...

Голоса.

Ха, ха, ха, ха! Вотъ это правда, правда!...

(*Расходятся мало-по-малу группами. Графъ д'Эмери входитъ, онъ пьянъ. Приближается къ Нинонъ де-Ланкло, которая тоже входитъ съ другой стороны подъ руку съ однимъ изъ гостей*)

Графъ д'Эмери (*къ Нинонъ*).

Что легче перушка?

Нинонъ.

Что легче?... Пыль?...

Графъ д'Эмери.

А что, скажите, легче пыли?

Нинонъ.

Вѣтеръ.

Графъ д'Эмери.

А вѣтра легче что?

НИНОНЪ.

Что легче вѣтра?...

Ужъ я не знаю...

ГРАФЪ Д'ЭМЕРИ.

Да? А я—такъ знаю.

НИНОНЪ.

Ну, что-же?

ГРАФЪ Д'ЭМЕРИ.

Женщина.

НИНОНЪ.

Ахъ, какъ любезно!
Но если женщинъ легкихъ знаемъ мы,—
То и мужчинъ (*указывая на д'Эмери*) куда—тяжело-
вѣстныхъ
Мы видимъ!

ГРАФЪ Д'ЭМЕРИ.

Это ужъ не въ бровь, а въ глазъ!...[1]). (*уходятъ*).

(*Всѣ гости вышли изъ салона*).

Явленіе 3-е.

(*Входятъ Сен-Марсъ и Марьонъ глубоко взволнованные*).

СЕН-МАРСЪ.

И ты, мой другъ, меня прощаешь?...

МАРІОНЪ.

Я
Тебя прощать, иль обвинять не вправѣ...

---

[1]) Подлинный анекдотъ случившійся съ Нинонъ де-Ланкло.

Что жъ?... Если ты принцессу де-Гонзаго
Мнѣ предпочелъ,—то для чего скрывать?...
(*Упорно глядитъ на Сен-Марса. Сен-Марсъ смущенно опускаетъ голову и молчитъ*).

Маріонъ (*съ внезапнымъ гнѣвомъ и отчаяніемъ*).

Я знать хочу!... Хочу понять!... Зачѣмъ
Должна страдать я,—жалкое творенье!...
Кого судьба низвергла въ грязь?... А эта—
Святая праведница будетъ жить?
И наслаждаться въ тишинѣ?... Не зная,—
Что значитъ адъ. . и—ревности змѣя?...
Я знать хочу!... Что жъ, развѣ не могу—я
Васъ погубить обоихъ?

Сен-Марсъ.

Можетъ быть...

Маріонъ (*смягчаясь и съ огнемъ*).

А ты? ты вѣришь-ли, что я способна
Такъ поступить?... Ты?..

Сен-Марсъ.

Выслушай меня.
Тебѣ давно нашъ заговоръ извѣстенъ.
Теперь,—въ твоихъ рукахъ судьба успѣха,—
Всей Франціи судьба... и наконецъ—
Моя судьба... Рѣшай и поступи
Такъ, какъ тебѣ подскажетъ сердце, совѣсть...
Иди скорѣй и выдай кардиналу
Меня и всѣхъ сообщниковъ моихъ...
Пусть Франція,—подъ гидрой самовластья,
Иль въ ужасахъ анархіи падетъ!...

Рѣшай сама... Но еслибы спросили:
Что для меня важнѣе? Что дороже? —
Моя любовь къ Маріи де-Гонзаго?
Или любовь къ отчизнѣ?... Вотъ вопросъ!...
Вопросъ мучительный!... И на него,
Мнѣ кажется, что никому на свѣтѣ,
Ни самому себѣ, ни даже Богу
Я не имѣлъ бы мужества отвѣтить...
Но предъ тобой, Марьонъ, я не хочу
Скрывать... и говорю, — я самъ не знаю!...
Не знаю... Да!... Иди же къ кардиналу.

Маріонъ.

Ты думаешь,— Марія де-Гонзаго
Такъ полюбить, когда-нибудь способна,
Какъ я тебя любила и—люблю?...
Ты думаешь, что можетъ? Вспомни только,—
Она—вся въ небѣ... Ей не оцѣнить,
Ей не понять,—что значитъ,—послѣ грязи,
Послѣ разврата, послѣ преступленій
Попасть въ объятья истинной любви!...
Любви,—которая преображаетъ
Холодный трупъ бездушный въ перлъ созданья!...
Она—святая слишкомъ для тебя!...
И ты увѣренъ-ли, что для нее,—
Какъ для меня,—ты все, и все на свѣтѣ?...
Что ни на что она не промѣняетъ
Любви къ тебѣ?... Что въ сердцѣ у нея
Одна струна—всѣ струны заглушаетъ,—
Немолчная!... которая звучитъ
И день, и ночь мучительно и сладко,
Гармоніей мятежной, безконечной!...
Нѣтъ!... Сжалься надо мною!... Генрихъ!... Генрихъ!...

Скажи,—ужели допускаешь ты
И вѣришь, что Марія де Гонзаго
Такъ полюбить, когда-нибудь способна,
Какъ я тебя любила и люблю?...

Сен-Марсъ.

Мой бѣдный другъ, тебѣ скажу я прямо,
Я никогда въ тебя не брошу камня...
(*Цѣлуетъ ея руку. Нѣмая сцена*).

Маріонъ (*рыдая бросается къ нему*).

О, Генрихъ! О, мой другъ! (*Сен-Марсъ уходитъ*) Все кончено!...
Но знай,—тебя отъ гибели спасу я!...
Не для себя увы!... Но я спасу!...
Но *я* спасу!... хоть не *моя рука*
Тебѣ уже постылая,—спасетъ
Тебя... И пусть Марія де-Гонзаго
Невинная, святая,—пусть она
Моей любви слѣпымъ орудьемъ будетъ!... (*съ гнѣвомъ*).
Пусть ангелъ станетъ дьявола слугой!
Пусть дьяволъ- -ангела, своей любовью,
Въ твоихъ глазахъ, затмитъ и превзойдетъ...
А мнѣ?... одно... смерть, смерть—мое спасенье!...
Но я не въ правѣ погубить себя
Пока надъ нимъ теперъ! . (*задумывается*).

Явленіе 4-е.

Мадамъ де-Ложъ (входитъ быстро)

М-мъ де Ложъ.

Нѣтъ, вздоръ!... Пустое!...
Не пропадать-же мнѣ!...

Проиграны семнадцать тысячъ ливровъ!
Графъ де-Гаркуръ былъ счастливъ!... Можетъ быть,
И сплутовалъ!... Отъ раззореной знати
Чего не станется!... Но уплатить
Необходимо,—а не то—скандалъ!...

Маріонъ.

Что съ вами, другъ мой?

М-мъ де-Ложъ.

Ахъ, Марьонъ! Марьонъ!
Ужасно!... Страшно вымолвить!... Сейчасъ
Я проиграла графу де-Гаркуру
Семнадцать тысячъ ливровъ... Какъ мнѣ быть?
Я не имѣю столько денегъ!... Если
Не уплачу... Скандалъ!... Честь, честь моя!...
Вліяніе на герцога Гастона
И положенье въ свѣтѣ!... Все погибло!...

Маріонъ.

Да, это правда, правда. Но Гастонъ?
Вѣдь онъ помочь вамъ могъ бы?...

М-мъ де-Ложъ.

Кто?... Гастонъ?...
Ха, ха, ха, ха! Гастонъ помочь мнѣ можетъ?...
Да кто-жъ не знаетъ что Гастонъ всегда
Въ долгахъ, безъ денегъ?... Всѣ ростовщики,
Откупщики ему передавали
Давно, не мало ужъ взаймы. Они
Увѣрены, что еслибы король
Скончался,—то Гастонъ тогда регентомъ
Назначенъ будетъ... Да и я сама,—

Съ чего-же съ нимъ связалась-бы!... Теперь
Онъ только тѣмъ еще и существуетъ
Что Ришелье, изъ милости, ему
Даетъ...

Маріонъ.

Да это такъ...

М-мъ де-Ложъ.

Но, что жъ мнѣ дѣлать?... (*плачетъ*).

Маріонъ.

Но развѣ вамъ помочь никто не можетъ?

М-мъ де-Ложъ.

Да кто-же?... Кто?... Кто мнѣ теперь поможетъ?...
Я не могу скандала пережить!...

Маріонъ (*подумавъ*).

Постойте... Погодите... Мнѣ васъ жаль...
Быть можетъ, у меня найдется средство
Чтобъ вамъ помочь...

М-мъ де-Ложъ.

О, добрый геній мой!...

Маріонъ.

Вотъ видите,—и вы, и я,—изъ тѣхъ,
Кого судьба, въ блестящія лохмотья
Принарядивъ,—и намъ самимъ не давъ
Опомниться, насъ бросила съ презрѣньемъ
Въ бездонный омутъ грязи и разврата...
Пока не тонемъ въ немъ,—все хорошо...
Но если насъ несчастіе постигнетъ,

Тогда никто, никто къ намъ съ состраданьемъ,
На помощь не придетъ... И потому,
Должны мы сами помогать другъ другу...
И я теперь хочу спасти васъ...

М-мъ де-Ложъ.

Боже!
Чѣмъ я могу, и какъ благодарить?

Маріонъ.

Объ этомъ не тревожтесь. Я сказала,
Что мы должны другъ другу помогать?
Семнадцать тысячъ—сумма не пустая!
И если я достану вамъ ее,
То и отъ васъ потребую услуги.

М-мъ де-Ложъ.

Ахъ! говорите!... Все что вамъ угодно,—
Я, съ радостью, исполню!...

Маріонъ.

Дѣло въ томъ,
Что долженъ быть у герцога Гастона
Теперь въ рукахъ—съ Испаніей трактатъ;
Вы у Гастона, другъ мой, всюду вхожи.
Достаньте-жъ мнѣ скорѣе тотъ трактатъ,—
А я,—вамъ дамъ семнадцать тысячъ ливровъ.

М-мъ де-Ложъ.

Достать трактатъ? Бездѣлица такая
И честь мою, и счастіе спасетъ?...

О, дайте мнѣ, мой ангелъ, васъ обнять!
Не далѣе какъ завтра жъ утромъ будетъ
Трактатъ у васъ въ рукахъ...

Маріонъ.

Я вѣрю вамъ
И потому,— сейчасъ семнадцать тысячъ
Могу вручить вамъ. А теперь, мой другъ,
Забудьте вашъ испугъ и веселитесь...

Явленіе 5-е.

(*Раздается музыка. Группы входятъ и выходятъ*).

Графъ де-Гаркуръ.

Балетъ, балетъ играютъ, господа!
Пропляшемте балетъ и—по домамъ!...

Голоса.

Балетъ! Балетъ!...

Графъ де-Гаркуръ.

Прелестный! .. Пастораль!...

М-мъ де-Ложъ.

Кто сочинилъ?

Графъ де-Гаркуръ.

Танцмейстеръ короля,—
Жакъ де-Боканъ. Угодно вамъ со мною?

М-мъ де-Ложъ.

Плясать! Охотно!... Но сражаться въ кости
Не стану съ вами больше никогда!. .

Всѣ.

Балетъ!.. Балетъ!... Да здравствуетъ хозяйка!...
Да здравствуетъ Аспазія-Марьонъ!...

(*Гости,—мужчины и дамы становятся по-парно. При звукахъ балетной музыки поднимается средній занавѣсъ. Въ залъ, залитой свѣтомъ танцуютъ балетъ. По сторонамъ столы, за которыми гости пьютъ и играютъ въ карты*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе III-е.

Сцена I-я.

(Комната графини Инезы де-Тремонтезъ въ Луврѣ. Убранство во вкусѣ послѣднихъ годовъ Людовика XIII-го. На столѣ, покрытомъ ковромъ, горятъ въ канделябрахъ свѣчи. *Графиня де-Тремонтезъ* сидитъ на диванѣ. Возлѣ нея, въ креслѣ, сидитъ *де-Ту*. *Сен-Марсъ* ходитъ большими шагами по комнатѣ).

Сен-Марсъ.

Довольно!... Жребій брошенъ!... Отступить
Я не могу!... А еслибъ даже могъ,—
Я не хочу!...

Де-Ту.

Вы правы. Случай снова
Не встрѣтится, быть можетъ... Но другіе—
Какъ думаютъ объ этомъ?

Сен-Марсъ.

Кромѣ васъ,
Да герцога Бульонскаго,—смущенье
Одолѣваетъ всѣхъ. Они грозятъ,—
Но видимо трепещутъ сами.

Де-Ту.

Развѣ
Возможно намъ разсчитывать на стойкость
Дворянства нашего?

Сен-Марсъ.

Къ несчастью,—нѣтъ,—
Хоть это и понятно. Ришелье
Осьмнадцать лѣтъ работаетъ не даромъ:
Топоръ и подкупы достигли цѣли.
Найдутся, можетъ быть, межъ нами люди
Достойные, но большинство—въ упадкѣ
И образецъ ихъ—герцогъ Орлеанскій!...
Вездѣ—распутство, трусость, рабство, лѣнь!...

Де-Ту.

Да, къ сожалѣнью, это слишкомъ вѣрно.
Но если нѣтъ въ средѣ такихъ дворянъ
Залога прочнаго,—какое-жъ зданье
Построить можемъ мы изъ нихъ,—скажите?

Сен-Марсъ.

Какое зданье?... Ахъ, мой другъ, они
Въ упадкѣ,—но дворянство существуетъ!
Унижены,—но воля короля
У насъ еще для всѣхъ равно священна:
Въ немъ видятъ всѣ помазанника Бога,
Властителя!... Пока есть время,—онъ,
Какъ высшій зодчій,—могъ-бы поддержать
Тотъ главный столбъ, безъ коего все зданье
Монархіи развалится и рухнетъ...
И могъ бы онъ, изъ этого-жъ дворянства
Создать оплотъ надежный королю
Противъ анархіи,—а для народа,—
Защиту противъ бѣдствій произвола,
Противу честолюбца Ришелье
И всѣхъ ему подобныхъ... Только въ этомъ,—

И только въ этомъ лишь одномъ еще
Для нашего отечества спасенье.

Де-Ту.

Я то-же думаю,—хоть признаюсь,
Въ такомъ значеніи дворянства вижу
Я только путь единственно-возможный,
Чтобы достичь другого идеала,
Высокаго, святого и къ нему
Когда прійдутъ въ сознаньѣ трезвомъ люди,—
Тогда давно на свѣтѣ насъ не будетъ...
То идеалъ свободы и любви
У алтаря изящнаго искуства!
То царство солнца правды и ума
Въ святыхъ лучахъ возвышеннаго чувства!...
Но, это—такъ далеко... А теперь,—
Что-жъ вамъ даетъ увѣренность?...

Сен-Марсъ.

Любовь
Къ отчизнѣ и къ Маріи де-Гонзаго!...

Инеза.

Прекрасно!... да, маркизъ, не измѣняйте
Своей любви къ Маріи и къ отчизнѣ,—
Тогда вашъ путь, конечно, будетъ вѣренъ!...

Де-Ту.

Такъ для чего жъ тогда съ врагомъ отчизны,
Съ Испаніей вы входите въ союзъ?

Сен-Марсъ.

Но герцоги Бульонскій, Орлеанскій,

Безъ этого трактата не возстанутъ.
А между тѣмъ,—Марію де-Гонзаго
Насильно выдадутъ за Владислава?
Кому-жъ ее мы въ жертву обречемъ?...

Инеза

Ахъ, я вполнѣ васъ сердцемъ понимаю
И не виню...

Де-Ту.

И я не обвиню,—
Хоть вижу я въ трактатѣ этомъ дѣло
Прискорбное и сильно опасаюсь,
Что кардиналъ найдетъ въ немъ для себя
Оружіе. чтобъ васъ же погубить.

Сен-Марсъ.

Кто-жъ можетъ въ тайны Божія проникнуть!
Кто жъ вправѣ пасть постыдно передъ зломъ?...
Землетрясенья, голодъ и чуму
Всевышній Промыслъ допускаетъ? Мы-же
Должны бороться съ ними? Можетъ быть,—
Для насъ же это нужно... Ришелье—
Одно изъ золъ подобныхъ... Наше дѣло—
Его скорѣе раздавить,—не то,—
Онъ самъ раздавитъ всѣхъ и все!... И я
Опасности нисколько не скрываю:
Намъ предстоитъ ужасная борьба,—
Но отступить,—не мыслимо!...

Де-Ту.

Конечно,
Вполнѣ не мыслимо!... Но только, въ чемъ-же
Для насъ залогъ успѣха?

Сен-Марсъ.

Въ королѣ!...
Я, какъ игрокъ отчаянный,—на эту
Послѣднюю еще надѣюсь ставку.
И если въ немъ рѣшимости достанетъ
Дня на два, на три,—то—побѣда наша!...

Де-Ту.

Но времени терять не должно...

Сен-Марсъ.

Завтра
Свиданіе съ принцессой де-Гонзаго
Да будетъ мнѣ напутствіемъ,—и я,
Любовью и надеждой окрыленный,
Немедленно отправлюсь къ королю...
Не можетъ быть! О, нѣтъ, не вѣрю я,
Чтобы онъ самъ вполнѣ не убѣдился,
Что мы не столько за свое стоимъ,—
Какъ за его и за отчизны дѣло!...
Я докажу,—ему я докажу,
Что Ришелье, какъ демонъ злой, межъ нимъ
И Франціей преградой роковою
Стоитъ!...

Де-Ту.

Все такъ... Но если въ королѣ
Мы не найдемъ рѣшимости?

Сен-Марсъ.

Тогда!...
Тогда!... Но нѣтъ!... Не будемъ малодушно,
Безвременно унынью предаваться:
Оно съ величьемъ духа несовмѣстно.

Де-Ту.

Однако, надо все сообразить.

Сен-Марсъ.

О, если въ немъ рѣшимости не будетъ,—
Тогда свершится дѣло роковое,
Ужасное!... Безповоротно въ бездну
Отечество къ погибели своей
Направится!...

Де-Ту.

А вы?...

Сен-Марсъ.

Паду на плахѣ!...

Инеза (*въ ужасѣ*).

Какъ?... Что?... На плахѣ?... Вы?... Одни?...

Сен-Марсъ.

Одинъ-ли я?... (*смотритъ на де-Ту*) О, Боже Всемогущій!...
Что вы сказали!... Нѣтъ!... Одинъ-ли я!...
Я долженъ быть одинъ!... Да!... Для меня
Нѣтъ выбора и нѣтъ другой дороги!...
Или за подвигъ сладкая награда,—
Жизнь и любовь съ Маріей,—или смерть
На эшафотѣ, гибель!... Но ему?...
И вамъ?... (*Инеза блѣдная молчитъ*).

Де-Ту.

Друзья, прошу васъ,—не тревожтесь...

Сен-Марсъ (*беретъ его за руку*).

Послушайте, мой другъ,— пока есть время...
Подумайте. . Вы были не согласны
Съ трактатомъ... Вы его не одобряли...
Васъ ненавидитъ кардиналъ... Успѣхъ
Сомнителенъ... На случай неудачи...
Вы не одни... Что будетъ съ нею?...

Де-Ту.

Генрихъ!..
Мнѣ съ вашей дружбой и съ ея любовью
Отрадна жизнь...

Сен-Марсъ.

И такъ,— пока есть время...

Де-Ту.

Но благо общее—дороже жизни!...
Надъ нами Богъ!... Его святая воля!...
И потому, молю васъ, не склоняйте
Меня къ тому, за что ни вы, ни это
Любимое такъ страстно существо
Меня не могутъ уважать... Довольно...

Сен-Марсъ (*крѣпко обнимая де-Ту*).

Отъ короля я поспѣшаю въ лагерь
У Перпиньяна... Тамъ увижу васъ... (*Еще разъ обнимаетъ де-Ту. Цалуетъ руку Инезы и быстро уходитъ. Инеза смотритъ пристально на де-Ту, бросается къ нему и схватываетъ его руки*).

Инеза.

Мой другъ!... Мой другъ!...

Де-Ту.

Что, милое дитя?...

Инеза.

Въ успѣхъ ты вѣришь?

Де-Ту.

Все случиться можетъ...

Инеза.

И... можешь ты... погибнуть?...

Де-Ту.

Да... могу... (*Инеза въ слезахъ, закрываетъ лицо руками*).

И если пасть мнѣ суждено за благо
И за свободу,—я готовъ... Одно
Мнѣ было бы невыразимо горько
Утратить съ этой жизнью... Да... Одно...
Ты знаешь—что...

Инеза (*смотритъ на него пристально. Потомъ говоритъ торжественно,—сначала тихо и постепенно приходя въ экстазъ*).

Объ этомъ не тревожься...
Почти ребенкомъ я была, когда
Родители, изъ бѣдности, меня
За графа выдали де-Тремонтеза.
Его я не любила; онъ-же вскорѣ
Меня покинулъ... Счастье и любовь
Я на землѣ нашла съ однимъ тобою.
И эта—первая моя любовь,—
Повѣрь,—она-же будетъ и послѣдней...

Иди-жъ!... Иди,—куда тебя зоветъ
Твой долгъ, твое призванье человѣка
И гражданина!... Я судьбѣ покорна—
Вѣрна тебѣ при жизни,—знай,—и смерти
Твоей Инеза также не измѣнитъ!...
Нѣтъ!... Пережить тебя ей невозможно!...
И если ты взойдешь на эшафотъ,—
Она въ объятьяхъ вѣчности тебя
Своей любви объятіями встрѣтитъ!...

(*Де-Ту падаетъ на колѣни; она его обнимаетъ*).

Сцена 2-я.

Кабинетъ герцога Гастона Орлеанскаго въ Луврѣ. Въ числѣ разной мебели на правой сторонѣ стоитъ письменный столъ (бюро) съ полками и съ ящиками, чтобы прятать бумаги подъ замкомъ).

Явленіе 1-е.

Герцогъ *Гастонъ Орлеанскій*, *де-Гаркуръ*, *Монтрезоръ* и духовникъ герцога, — аббатъ *де-Ла-Ривьеръ* (*Разговоръ идетъ оживленно*).

Гастонъ.

Такъ кардиналъ все знаетъ?

Ла-Ривьеръ.

Знаетъ все.

Гастонъ.

Но кто-жъ предатель?

Ла-Ривьеръ.

Божій перстъ, конечно,
Спасаетъ Францію и кардинала...

Гастонъ.

Гмъ... Божій перстъ!... А вы, графъ де-Гаркуръ,
Что скажете?...

Графъ де-Гаркуръ.

Я думаю, — перстъ Божій
Тутъ не-при-чемъ... Но, чья-нибудь рука
Червонцами прелата соблазнилась...

Ла-Ривьеръ

Оно вѣрнѣй, пожалуй... Къ кардиналу
Входя, недавно, у дверей я встрѣтилъ
Марьонъ Делормъ...

Гастонъ.

Ну, такъ и есть!... Чего-же
Еще искать?... Но, дѣло дрянь, однако!...
А?... Что?...

Графъ де-Гаркуръ.

Не хорошо!...

Гастонъ.

И кардиналъ
Желаетъ непремѣнно, чтобъ трактатъ
Я выдалъ?...

Ла-Ривьеръ.

Да, желаетъ непремѣнно.

Графъ Монтрезоръ.

Какъ?... Чтобъ трактатъ...

Гастонъ.

Не то, -мои доходы
Немедленно изсякнутъ?... Такъ-ли?

Ла-Ривьеръ.

Да,
Не мудрено что будетъ такъ...

Гастонъ.

Доходы
Вещь важная!... И если мой отецъ
Покойный высказалъ, что за Парижъ
Религію перемѣнить возможно,—
То,—чортъ возьми!—Конечно за мильоны
Трактатъ нашъ выдать и самъ Богъ велѣлъ!...

Графъ Монтрезоръ.

Какой позоръ!... Уже-ли вы рѣшитесь
Сообщниковъ безжалостно предать?

Гастонъ.

Да вѣдь они, какъ видите, и такъ
Ужъ преданы, не мною...

Графъ де-Гаркуръ.

Дѣло плохо!...

Ла-Ривьеръ.

И не однимъ еще доходамъ вашимъ
Опасность угрожаетъ. Кардиналъ
Шутить не любитъ... Онъ, какъ-разъ, измѣну
Отечеству усмотритъ въ этомъ дѣлѣ.
Тогда.—благодарите Бога,—если
Изгнанье только васъ постигнетъ...

Гастонъ.

Какъ?...
Изгнаніе?... Опять?... Слуга покорный!...
Изгнаніе я помню хорошо!...
Брюсселя мнѣ не позабыть!... Всѣхъ бѣдъ—
Не перечесть!... Лишенья!... Чуть не голодъ....
Нѣтъ!... Снова я на это не пойду!...

Ла-Ривьеръ.

Не лучше-ли, во всемъ, чистосердечно,
Раскаянье смиренно принести?

Гастонъ.

Да, хорошо, но, вѣдь—въ который разъ
Мнѣ повторять умильно «*mea culpa*»
Приходится предъ кардиналомъ?...

Ла-Ривьеръ.

Гордымъ
Противится Господь!...

Гастонъ (*про себя*).

Конечно...

Графъ Монтрезоръ.

Ваше
Высочество изволите напрасно
Тревожиться. Коль скоро королева
Участье въ нашихъ цѣляхъ принимаетъ.

Гастонъ.

Ну, этимъ кардинала не уймешь!...

Графъ Монтрезоръ.

И самъ Его Величество король
Все знаетъ.

Гастонъ.

Такъ. И еслибъ это все
Намъ удалось?... Тогда,—другое дѣло.
Но разъ,—что этотъ умыселъ открытъ
И кардиналъ у власти?... Все пропало!

Графъ де-Гаркуръ.

Не лучше-ли бѣду предупредить?

Гастонъ.

Не правда-ли?

Графъ де-Гаркуръ.

И выдачей трактата
Упрочить снисхожденье кардинала.

Ла-Ривьеръ.

Пока еще есть время...

Гастонъ.

Мой отецъ,
Я этотъ документъ несчастный вамъ
Вручу и съ нимъ—себя вамъ поручаю ..

(*Идетъ къ письменному столу; отпираетъ ключемъ ящикъ и роется въ бумагахъ*).

Ла-Ривьеръ.

Дерзайте стать на путь спасенья!...

Графъ Монтрезоръ.

Ваше
Высочество!... Подумайте!... Сен-Марсъ...

И герцогъ Буллiонскiй! и Фонтраль!...
Они погибли!...

Гастонъ (*продолжая рыться въ бумагахъ*).

Поздно думать... Я
Самъ подписалъ... Но гдѣ-же?... Гдѣ-же онъ?...
Не можетъ быть!... Изчезъ?... Не можетъ быть!...
Вчера его я положилъ сюда!...
Ключъ у меня!.. Кто взялъ?.. Кто взялъ?.. Проклятье!...

Ла-Ривьеръ.

Предательство!

Графъ де Гаркуръ.

Быть можетъ,— вы его
Кому нибудь передали?...

Гастонъ.

Кому-же?...
Съ Фонтралемъ вмѣстѣ мы его прочли
И положилъ его я въ этотъ ящикъ?...
Ключъ у меня?... Тогда была здѣсь только
Одна де-Ложъ?...

Явленiе 2-е.

Тѣ-же и маркизъ де-Фонтраль.

Гастонъ.

Ахъ, Боже мой!... Маркизъ!...
Трактатъ исчезъ!... Вообразите!...

Маркизъ де-Фонтраль.

Нѣтъ?...
Не можетъ быть!...

Графъ де-Гаркуръ.

Исчезъ!

Маркизъ де-Фонтраль.

Однако, это
Не хорошо!... И еслибъ я не видѣлъ,
Что всѣ встревожены,—я-бъ не повѣрилъ...

Гастонъ.

И не тому повѣрите!... Бѣда!...
Нашъ заговоръ извѣстенъ кардиналу;
Онъ требуетъ, чтобъ выдали трактатъ,—
Когда хотимъ, чтобъ всѣ мы не погибли.
А, между тѣмъ,—трактатъ исчезъ!...

Графъ де-Гаркуръ.

И вотъ,—
Уже аббатъ де-Ла Ривьеръ готовъ
Вручить трактатъ, съ раскаяніемъ нашимъ,
Сегодня-жъ кардиналу...

Ла-Ривьеръ.

А трактатъ
Исчезъ!...

Гастонъ.

Скажите,—что намъ предпринять?

Маркизъ де-Фонтраль.

Что предпринять?... Гмъ... Если кардиналу
Извѣстно все?... Да и трактатъ исчезъ?...
То дѣлать надо что-нибудь изъ двухъ:
Нанесть ударъ сейчасъ же,—если можно...

Графъ Монтрезоръ.

И даже слѣдуетъ!...

Графъ де-Гаркуръ.

Ну,... Я не знаю!...

Гастонъ.

А иначе?

Маркизъ де-Фонтраль.

А иначе,—Сен-Марсу,
И Вашему Высочеству, и мнѣ,
Минуты не теряя...

Гастонъ.

Что?...

Маркизъ де-Фонтраль.

Бѣжать.

Гастонъ.

Ну нѣтъ!... Опять скитаться!... И доходы
Навѣрное утратить!... Невозможно!...

Маркизъ де-Фонтраль.

Какъ Вашему Высочеству угодно!
Но дѣло тутъ совсѣмъ до головы
Доходитъ... Кардиналъ меня не терпитъ...
Да и Сен-Марсу трудно сдобровать!...
Мнѣ надобно спѣшить... Не то,—погибну!...

Гастонъ.

Все такъ, маркизъ!... Но, какъ-же быть теперь
Съ моимъ регенствомъ?

Маркизъ де-Фонтраль.

Что-же?... Подождемте
Удобныхъ обстоятельствъ!... А пока
Я Вашему Высочеству желаю
Счастливо оставаться (*кланяется*). Всѣмъ друзьямъ
Привѣтъ...

(*Обнимается съ графами де-Гаркуромъ, и Монтрезоромъ; кланяется аббату де-Ла-Ривьеру и поспѣшно уходитъ*).

Гастонъ.

Теперь когда трактатъ пропалъ,—
Скорѣе самъ я, лично къ кардиналу
Явлюсь съ повинной. Можетъ быть,—успѣю
Еще себя и всѣхъ друзей спасти...
Да, господа,—тутъ и вопросъ регенства
Опасности подвергнулся большой!...

Графъ Монтрезоръ.

Погибло все!... Но нѣтъ!... Ужели Ваше
Высочество рѣшились кардиналу
Дворянство наше выдать головой?...

Гастонъ (*въ бѣшенствѣ*).

Отстанете-ль вы наконецъ съ дворянствомъ?
Скажите сами,—что-жъ,—оно теперь
Меня поддержитъ противъ кардинала?...
И гдѣ оно,—дворянство ваше?... Правда,—
Когда о власти разговоръ идетъ,
Тогда кричатъ, что мы ее должны
Дѣлить съ дворянствомъ!... Нѣтъ,—для насъ поддержка
Не въ немъ... А въ томъ, кто понимаетъ меньше,—
Но можетъ намъ свою поддержку дать

Необозримой численностью... Да!...
Хоть говорятъ,—народъ—барановъ стадо,—
Но это стадо можно смѣло стричь!
При случаѣ жъ и кардиналъ, конечно,
Сообразитъ, что если заручился
Я этими баранами,—тогда
И говорить со мною осторожно
Приходится... Хотя-бы—о регенствѣ,—
Или о чемъ другомъ!... А потому,—
Намъ хлопотать не о дворянахъ нужно!...
Для насъ нужнѣй—народъ... да... кардиналъ! ..

(*Быстро поворачивается и уходитъ. Всѣ въ нѣмомъ изумленіи*).

Графъ Монтрезоръ.

Возможно-ли!... Вотъ до чего дошло!...
Какой позоръ!... Какое ослѣпленье!...
Какое въ нихъ презрѣніе къ народу
И узкая любовь къ самимъ себѣ!...

Сцена III-я.

Одна изъ комнатъ королевы Анны въ Луврѣ. У стола, покрытаго красивымъ ковромъ,—два большихъ кресла, на которыхъ сидятъ *королева Анна* и *кардиналъ Мазарини*.

Мазарини.

Онъ такъ сказалъ: «скажите королевѣ,
Что мнѣ ужъ все извѣстно».

Анна.

Все извѣстно!...

Мазарини

Да все,—потомъ онъ къ этому прибавилъ:
«И если мнѣ не выдадутъ трактатъ,—
То лучше ей не думать о регенствѣ».

Анна.

Такъ знаетъ онъ и о трактатѣ?

Мазарини.

Да.

Анна.

Вотъ это дурно... Общее стремленье
Избавиться отъ гнета Ришелье,—
Давно, для всѣхъ не новость... Заговоры
Одинъ другимъ смѣняются... О нашемъ
Намѣреньѣ въ Парижѣ ходятъ толки
И праздное тревожатъ любопытство...
И самъ король ужъ слышалъ... Но трактатъ!...
Съ Испаніей!... Совсѣмъ другое дѣло!...
И если онъ извѣстенъ кардиналу,—
Тогда намъ всѣмъ бѣда грозитъ большая...

Мазарини.

Желательно опасность отстранить.

Анна.

Не даромъ мысль несчастная объ этомъ
Трактатѣ мнѣ была такъ непріятна
И такъ страшна... Но герцогъ Орлеанскій
Всегда испортитъ все... Онъ настоялъ
Чтобы войдти съ Испаніей въ трактатъ...
Да и Сен-Марсъ не отклонилъ. .

Мазарини.

Ахъ, Ваше
Величество, позвольте мнѣ сказать
Вамъ искренно, отъ сердца,—для чего,
Зачѣмъ себя тревожить вамъ напрасно?
Не лучше-ль вамъ совсѣмъ не принимать
Участія въ намѣреньяхъ опасныхъ?...
Взгляните, - васъ поставила судьба
Такъ высоко, такъ въ сторонѣ отъ этихъ
Всѣхъ замысловъ...

Анна.

О, добрый кардиналъ,
Когда бы это было такъ!...

Мазарини.

Повѣрьте...

Анна.

Но я вѣдь мать... дофинъ еще ребенокъ...
Король здоровьемъ очень плохъ... Кому-же
Моихъ дѣтей и Франціи судьбу
Съ надеждой твердой было-бы возможно
Вручить?... Ужель Гастону?

Мазарини.

Никогда.
Тѣмъ болѣе, что еслибы трактата
Не выдали,— то Ришелье грозитъ
Самъ сдѣлаться регентомъ и дофина
Взять подъ свою опеку...

Анна.

Для чего-же
Себя еще надеждами ласкать?
Зачѣмъ еще за призраками гнаться?...
Вы видите, что цѣлямъ Ришелье,
Его ума неотразимой силѣ
Меня судьба на жертву обрекла!
Да и не я одна такимъ проклятьемъ
Постигнута... Вся Франція уже
Предъ этимъ злобнымъ геніемъ склонилась
И каждый день, и каждый часъ приноситъ
Намъ этого владычества признанье,—
Его трудовъ прискорбные плоды...
Въ его рукахъ Бастилія и плаха.
Всѣ, —у кого еще задатки были
Старинной доблести и сила воли,—
Умолкли всѣ раздавленные имъ...
Король его могучимъ обаяньемъ
Какъ молніи разливомъ очарованъ
И ослѣпленъ. Однимъ его стремленьямъ,
Однимъ его совѣтамъ внемлетъ онъ.
Я-жъ въ королѣ должна невольно видѣть
Властителя слѣпаго, а не мужа,
Не друга,—въ комъ желанную опору
Могла-бъ имѣть... Теперь и сынъ, мой сынъ,—
Въ комъ вся судьба, всѣ чаянья отчизны,—
Мое дитя... Ужели будетъ онъ
Отъ матери оторванъ и въ орудье
Слѣпое предназначенъ Ришелье?
Ахъ! Гдѣ-же мнѣ, мнѣ женщинѣ несчастной,
Неопытной, безсильной, одинокой
Противустать, вступить въ борьбу съ судьбой!...

Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, мой добрый Мазарини,
Мнѣ съ Ришелье посредникъ только смерть.
Пока онъ живъ,—нѣтъ жизни, нѣтъ свободы,
Нѣтъ мнѣ успѣха,—онъ не перестанетъ
Такъ гнать меня, какъ трепетную лань
Преслѣдуетъ охотникъ.. (*Плачетъ*).

Мазарини.

Успокойтесь.
Оставьте страхъ и не тревожтесь, Ваше
Величество,—отчаяніе—грѣхъ...
Не рѣдко,—тамъ, гдѣ мы погибель видимъ,—
Спасенія находимъ якорь... Все
Подчинено закону силъ и мѣры...
Не даромъ намъ свѣтильникъ разумъ данъ:
При помощи его безсильный смертный
Находитъ способъ, чтобы перенесть,
Перетерпѣть и отразить удары
Судьбы—его грозящіе сломать...
Уныніе—бѣда!...

Анна.

Да что-жъ мнѣ дѣлать?

Мазарини.

Когда гремя бушуетъ океанъ,
Воздвигнутый глаголомъ грознымъ бури,—
Когда средь волнъ—могучая волна,
Сверкая силой и бѣлѣя пѣной,
Какъ звѣрь реветъ и къ берегу стремится,
Все поглотить, разрушить угрожая,—
Что дѣлаетъ тогда на берегу
Разумный путникъ,—видя эту силу?...
Стремится-ль онъ стихію побороть?

Бросается-ль съ угрозами онъ въ море?
Не думаю... Что-жъ предпринять ему?
Блѣднѣть?... Дрожать?... На мѣстѣ оставаться?
Не думаю... Онъ знаетъ хорошо,
Что подчинилъ закону силъ и мѣры
Архитектонъ великій все на свѣтѣ;—
Всему предѣлъ—его-же не преидешь...
И океанъ—неодолимый силой,—
Съ смиреньемъ агнца внемлетъ Божій гласъ:
«До-сель дойдешь,—не перейдешь, и здѣсь
Черта—предѣлъ волнамъ твоимъ надменнымъ»[1])...
Что-жъ дѣлаетъ безсильный человѣкъ?
Два три шага назадъ онъ отступаетъ
И ничего не дѣлаетъ... Онъ ждетъ,
Пока волна, свою исполнивъ долю,
Покорная ее несущей силѣ,
Какъ влажная, летящая гора,
У берега въ изгибахъ разольется,
Запѣнится, и, въ брызгахъ разлетаясь,
Съ шипѣніемъ и стонами замретъ
И, словно, въ глубь песка берегового,—
Какъ-бы въ свое послѣднее жилище,—
Въ могильный мракъ уляжется она...
Вотъ что и вамъ спасительнымъ примѣромъ
Да будетъ, королева...

Анна.

Въ чемъ-же мнѣ
Спасеніе?

Мазарини.

Терпѣніе и время.
Терпѣніе и время. Кардиналъ

[1]) Книга Іова, гл. XXXVIII ст. 11-й.

Вамъ врагъ. Его и ваши цѣли
Расходятся. Но Ришелье не вѣченъ...
Онъ дряхлъ, онъ слабъ и жизненная сила
Въ немъ каждый мигъ примѣтно угасаетъ...
Едва-ли онъ надежнѣй короля...
Пора другимъ за дѣло взяться,—тѣмъ,
Которые въ ихъ трудъ войдутъ бодрѣе...
Вы-жъ молоды,—и если вѣроятья
Обязаны мы принимать въ разсчетъ
И съ тѣмъ, что здѣсь доступно намъ - справляться,—
Тогда зачѣмъ вамъ отвергать надежду?
Зачѣмъ себя заранѣе смущать?
Насиловать и торопить безумно
То, что само стоитъ ужъ у дверей!...
Еще-ли вамъ не внятно, не понятно—
Терпѣніе и время?...

Анна.

Божій голосъ
Меня зоветъ и въ бѣдную меня
Вселяетъ свѣтъ, раскаянье и бодрость!...
Но этого, любезный кардиналъ,
Еще такъ мало... Свѣтлую картину
Вы въ будущемъ изобразили мнѣ...
И если мнѣ указано судьбою
На высотѣ святаго назначенья
Стоять и быть отвѣтственной за благо
Отечества,—за поведенье сына,—
Когда его высокая чреда
Наступитъ,—за умѣнье охранить
До той поры отъ разныхъ посягательствъ
И отъ невзгодъ—достоинство и честь
Короны... Нѣтъ, для этого такъ мало

Готова я... Ни опытность, ни твердость,
Ни знаніе всѣхъ нуждъ и всѣхъ пружинъ
Правленія—моей всей прошлой жизнью
Мнѣ не даны... Моя рука привыкла
Перебирать съ молитвой чотки, или
Нарядами себя-же украшать
И ей тяжелъ и непривыченъ скипетръ...
Безсильная—стою я одиноко...
Совѣтъ, любовь, поддержка мнѣ нужны...
Я ихъ ищу, зову,—кто отзовется?...
Гдѣ ихъ найду?...

Мазарини.

Господь васъ умудритъ!...

Анна *(хватая его руку)*.

Господь и вы,—какъ мой хранитель ангелъ!...
Въ васъ вижу я наставника и друга!...
И чудный свѣтъ вы указали мнѣ!...
О, дайте-жъ мнѣ и разума, и силы
Чтобъ я могла симъ свѣтомъ озариться
И съ вами об-руку идти впередъ,—
На новый путь меня благословите... *(Опускается передъ нимъ на колѣни)*.

Мазарини *(встаетъ, подымаетъ глаза и руки вверхъ и говоритъ торжественно)*.

Се азъ, Твой рабъ, о Господи!... Да будетъ
Твоя святая воля!... Всемогущій
Благослови, Господь, и укрѣпи
Намѣренья рабы твоей смиренной!... *(Подымаетъ королеву и говоритъ)*.

Насколько есть во мнѣ ума и силы,—
Я вамъ служить готовъ.

Анна.

Даю обѣтъ
Внимать покорно вашимъ указаньямъ
И въ благодарномъ сердцѣ и въ душѣ
Запечатлѣть довѣрье къ вамъ и видѣть
Въ васъ для меня единственнаго друга... *(Цѣлуетъ его руку).*

Мазарини.

И такъ,—обсудимъ наше положенье,
И сдѣлаемъ,—что можемъ,—для того,
Чтобъ вамъ вѣрнѣе пристани достичь,
Гдѣ-бъ вы могли спокойно, безъ боязни,
Осуществлять тѣ скромные совѣты,
Которые желательно вамъ будетъ
Отъ моего усердья принимать.

Анна.

Я слушаю васъ...

Мазарини.

Герцогъ Орлеанскій
Уже открылъ аббату Ла Ривьеру,—
Какъ своему духовному отцу,—
И заговоръ Сен-Марса и трактатъ...
И такъ, теперь намъ слѣдуетъ стараться
Трактатъ достать и выдать кардиналу...
Повѣрьте мнѣ, для васъ благоразумнѣй,—
Опасности себя не подвергать,—
Пока еще есть время,—отстраниться,

И, оказавъ услугу кардиналу,
Грядущему довѣриться спокойно...

Анна.

Что сдѣлать я еще должна?

Мазарини.

Склонить,
Уговорить принцессу де-Гонзаго,
Согласье дать на бракъ свой съ Владиславомъ,
Чтобы спасти Сен-Марса отъ бѣды.
Мнѣ хорошо извѣстно, что принцесса
Увлечена сочувствіемъ къ Сен-Марсу...
И, можетъ быть, мнѣ скажутъ,—не легко
Теперь ее заставить отказаться
Отъ золотыхъ и сладкихъ сновъ любви...
Все такъ... Но я надежды не теряю.
Ея не первой молодости возрастъ
И въ ней уже не первая любовь...
Я наблюдалъ внимательно принцессу,—
За ней слѣдилъ... Она честолюбива,
Пылка, умна,—но твердости въ ней нѣтъ.-
При томъ—кого не ослѣпитъ корона!
И если ей спасеніе Сен-Марса
Изобразить какъ подвигъ отреченья,
Какъ жертву Богу,—думаю, что въ ней
Такая мысль одержитъ верхъ надъ сердцемъ,
Хоть, можетъ быть и не сейчасъ.. И такъ,
Я съ вами самъ отправлюсь къ ней сегодня,—
Да приглашу съ собой еще аббатовъ
Арно и Ла-Ривьера и тогда,—
Съ ихъ помощью,—мы это все устроимъ...

Да ниспошлетъ вамъ миръ и тишину
Всевышній Богъ...

Анна.

Безъ страха, безъ сомнѣнья
Смотрю я въ даль и ясно для меня,
Что конченъ путь мой трудный одинокій...
Мой добрый другъ... Съ покорностью слѣпой
Послѣдую всѣмъ вашимъ указаньямъ...
Благодарю... (*Беретъ обѣими руками его руку и крѣпко жметъ*).

Мазарини (*уходя, говоритъ про себя:*)

Терпѣніе и время!...

Сцена IV.

Комната принцессы Маріи де-Гонзаго въ Луврѣ. Направо—готическое окно. Рядомъ съ нимъ дверь съ альковомъ въ будуаръ. Далѣе, въ углу, образная съ большимъ образомъ Богоматери и съ небольшимъ налоемъ (prie-Dieu) для молитвы. Въ углубленіи диванъ и кресла эпохи Людовика XIII-го. На лѣво—входная дверь.

Явленіе 1-е.

Марія де-Гонзаго и *Сен-Марсъ.*

Марія.

Да осѣнитъ благословенье неба
Вашъ трудный подвигъ, милый другъ, и нашу
Любовь!... Идите къ королю скорѣй,

И Францію спасите! Горячо
Сегодня я молилась объ успѣхѣ.
Я вѣрю твердо,—васъ избралъ Господь
Свершить великую отчизнѣ службу...
Идите-жъ, милый мой герой, и знайте,—
Что вы теперь уносите съ собою
Судьбу не только Франціи одной,
Но и судьбу Маріи вашей...

Сен-Марсъ.

Здѣсь,—
Въ святилищѣ, – гдѣ чистоты душевной
И красоты я вижу идеалъ;
Предъ этою святой иконой Дѣвы
Маріи,—я, на подвигъ отправляясь,
Вручаю ей теперь мою любовь,
Все счастіе мое... мою Марію!...
О, если я свершу мое призванье,—
Тогда пусть всѣ узнаютъ, что Сен-Марсъ
На подвигъ шелъ не честолюбцемъ жалкимъ,
Не для себя,—но избранный любовью
Маріи де-Гонзаго!... Если жъ мнѣ
Судьба пошлетъ погибель,—Боже правый!
Да не погибнетъ Франція со мной!...
И да горитъ въ прекрасномъ сердцѣ вашемъ
Святой огонь и память о страдальцѣ!...

Марія.

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!... Вручимъ свою судьбу,
Съ надеждой свѣтлой волѣ Провидѣнья!
И будемъ ждать успѣха.

Сен-Марсъ.

Все готово.
Бульонскій герцогъ ужъ въ Седанѣ. Наши
Войска и силы храбрыхъ Гугенотовъ
Ждутъ моего прибытья въ Перпиньянъ;
Туда я ѣду съ королемъ, туда-же
Направится къ паденью своему
Блиставшая такъ долго въ нашемъ небѣ,
Звѣзда побѣдъ и счастья кардинала,—
Туда прибудетъ онъ на этихъ дняхъ...

Марія.

И вотъ,—на небѣ Франціи счастливой
Взойдетъ звѣзда героя моего!
Не правда-ли?... Онъ будетъ коннетаблемъ
И герцогомъ?... И, какъ тяжелый сонъ,
Препятствія для нашего союза
Разсѣятся. .

Сен-Марсъ.

О, что за мука ждать
Въ невѣденьѣ—возможнаго блаженства!...

Марія.

Оно прійдетъ!...

Сен-Марсъ.

Но надобно спѣшить.

Марія.

Тѣмъ болѣе что всѣмъ уже въ Парижѣ
Вашъ замыселъ такъ хорошо извѣстенъ,
Какъ то, что наша Сена протекаетъ
Подъ Новымъ мостомъ... [1])

[1]) Ея подлинныя слова.

Сен-Марсъ.

Да!... И вотъ, пришла
Та страшная минута роковая,
Въ которую передъ лицомъ судьбы
Я вынужденъ невольно преклониться,—
Чтобъ съ вами вмѣстѣ выйти изъ борьбы,
Или на вѣки съ вами разлучиться!...
О, какъ боялся я минуты этой!...
Какъ звалъ ее нетерпѣливо!... Дайте,
Въ послѣдній разъ, на счастье, вашу руку!...

Марія.

Она со мною вмѣстѣ будетъ ваша!...

(*Сен-Марсъ цѣлуетъ ея руку и идетъ къ двери. Потомъ останавливается, смотритъ на Марію, быстро подходитъ къ ней и становится передъ ней на колѣни*).

Марія (*подаетъ ему обѣ руки*).

Да сохранитъ васъ милосердый Богъ!...

(*Сен-Марсъ цалуетъ обѣ ея руки; потомъ встаетъ и быстро уходитъ. Марія закрываетъ лицо руками и стоитъ минуту неподвижно. Потомъ становится на колѣни передъ образомъ Богоматери*).

Марія.

Молю тебя,—о Дѣва пресвятая!
Молю тебя,—Царица неба! Будь
Заступницей у Божьяго Престола
За жизнь того, кто жизни мнѣ дороже,—
И за борьбы исходъ благополучный!... (*Встаетъ и задумывается; входитъ фрейлина Маріи*).

Фрейлина.

Въ пріемной дама и желаетъ видѣть
Принцессу...

МАРІЯ.

Кто она?

ФРЕЙЛИНА.

Она себя
Не назвала и маску не снимаетъ.

МАРІЯ.

Не хочетъ маску снять?...

ФРЕЙЛИНА.

Она сказала.
Что спѣшное и важное къ вамъ дѣло
Она имѣетъ

МАРІЯ.

Пусть войдетъ.

Явленіе 2-е.

Марія де-Гонзаго и *Марьонъ Делормъ* (*входитъ въ маскѣ*).[1])

МАРІЯ.

Чѣмъ вамъ
Могу служить и съ кѣмъ я говорю?... (*Марьонъ Делормъ снимаетъ маску,—Марія въ изумленіи отступаетъ шага три*).
Что вижу я?... Не можетъ быть!... Дѣвица
Делормъ?...Здѣсь... Въ Луврѣ?...Во дворцѣ?..Зачѣмъ?...

МАРІОНЪ ДЕЛОРМЪ.

Да... Дружба съ герцогиней де-Шеврезъ
Даетъ возможность мнѣ сюда проникнуть...

[1]) На улицѣ дамы тогда носили маски.

Марія.

Я слышала, что герцогиня съ вами
Дружна... Но,—что-жъ вамъ отъ меня угодно?

Маріонъ Делормъ (*значительно и медленно*).

Я вамъ сказать должна что жизнь того,
Кто, *говорятъ*, вамъ дорогъ, жизнь того
Въ опасности...

Марія (*съ испугомъ*).

Того, кто мнѣ такъ дорогъ?...
Въ опасности!... Маркиза де-Сен-Марса?...
Скорѣе говорите!...

Маріонъ Делормъ.

Кардиналъ
Все знаетъ. Заговоръ ему открытъ.

Марія (*въ ужасѣ*).

Открытъ?... Не можетъ быть!... Такъ скоро?.. Кѣмъ-же?..

Марія Делормъ.

Не все-ль равно?... Презрѣнный этотъ міръ
Мильонами кипитъ животныхъ глупыхъ
И слабыхъ... Ихъ зовутъ людьми. Межъ ними
Всегда такіе тигры и гіенны
Какъ Ришелье легко найдутъ добычу...

Марія (*послѣ небольшаго молчанія про-себя*).

Онъ не погибнетъ... Нѣтъ!... Онъ не падетъ!...
Король Сен-Марса слишкомъ сильно любитъ,

Чтобы легко высокаго значенья
Его лишить и злобѣ Ришелье
Пожертвовать любимцемъ!... Нѣтъ... Сен-Марсъ
Могущество не потеряетъ...

Маріонъ Делормъ.

Видно,—
Могущество и этотъ блескъ Сен-Марса
Вамъ дороги?... И очень?...

Марія (*съ увлеченьемъ*).

Какъ условье,
Чтобы могла соединить свою
Судьбу принцесса де-Гонзаго съ тѣмъ,
Кого всѣмъ сердцемъ болѣе всего
И больше всѣхъ она на свѣтѣ любитъ!

Маріонъ Делормъ (*ревниво и со злостью*).

Быть можетъ,—любитъ болѣе всего,—
Но *больше всѣхъ*!... Другимъ не надо было бъ
Для счастья полнаго условій этихъ!...
(*Спокойно*). Но—къ дѣлу... Всѣмъ извѣстно, что король
Съ досадой терпитъ силу кардинала
И отъ него избавиться желалъ-бы;
Но Ришелье, въ концѣ-концовъ, его
Въ очарованіи невольномъ держитъ,
Какъ птичку слабую змѣя-удавъ
Своимъ могучимъ взоромъ василиска...
И вотъ, король, покорно, отъ него-же
Ждетъ милостей и всякой благодати ..
А кардиналу,—какъ сказала я,—
Вполнѣ,—не только заговоръ извѣстенъ,—

Но знаетъ онъ и то, (*значительно*) что заключенъ
Трактатъ съ Испаніей...

Марія (*въ сильномъ испугѣ*).

О, Боже!... Боже!...
Вы ужасомъ мнѣ душу ледените!...
Вы сердце мнѣ на части рвете!... Какъ?
Трактакъ уже извѣстенъ кардиналу?...
О, если такъ,—спасенья больше нѣтъ!...
Погибъ Сен-Марсъ!... Погибло все!... Что дѣлать!...
(*немного подумавъ*) Но нѣтъ!... Сен-Марсъ теперь у короля!
Король къ нему довѣріе имѣетъ!
Сен-Марсъ все скажетъ, убѣдить его
И адское надъ нимъ очарованіе
Прелата онъ разрушитъ...

Маріонъ Делормъ.

Ришелье
Далъ слово жизнь Сен-Марса пощадить,
За выдачу немедленно трактата.

Марія.

Но какъ-же быть?...

Маріонъ Делормъ (*придавая значеніе каждому слову*).

Вотъ этотъ документъ.
Въ немъ вся судьба Сен-Марса и вручаю
Его вамъ я. (*Подаетъ документъ*).

Марія.

Вы?... Мнѣ?... О, ангелъ Божій!...

Но... Почему-же вы его даете
Мнѣ?... Почему?...

Маріонъ Делормъ (*въ большомъ смущеніи*).

Вамъ?... Почему?... Какъ это
Сказать яснѣе? Пусть спасеньемъ жизни
Сен-Марсъ обязанъ будетъ той рукѣ,
Которую онъ обладать стремится
Такъ страстно... Да... и существу тому,
Которому теперь онъ отдалъ сердце... (*она очень взволнована*).

Марія.

Вы - идеалъ небесной доброты!...
Но — отчего вамъ это все извѣстно?...
Какъ вы достали этотъ документъ?...

Маріонъ Делормъ.

Зачѣмъ вамъ знать не все-ль равно для васъ,
Какъ въ руки онъ мои попалъ?

Марія.

О, правда!
Лишь только-бы скорѣе намъ спасти
Столь дорогую жизнь! (*Подумавъ*) Но вы такое
Къ судьбѣ Сен-Марса теплое участье
Явили!...

Маріонъ Делормъ (*въ смущеніи и нетерпѣливо*).

Я? Простите мнѣ, принцесса,
Что, можетъ быть, я слишкомъ смѣло, прямо
Явилась къ вамъ...

Марія.

Напротивъ!... Я не знаю,
Чѣмъ доказать могу я благодарность!... (*Маріонъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе*).
Какъ дивенъ Божій промыселъ!... Дѣвица
Делормъ спасаетъ жизнь Сен-Марсу!...

Маріонъ Делормъ (*запальчиво и гордо*).

Что-же!...
Вы видите принцесса?... Да... Марьонъ ..
Марьонъ Делормъ!... Не для себя... для *васъ*...
Спасаетъ жизнь маркизу де-Сен-Марсу!...
И благодарности *ни чьей* не ждетъ!...
Мнѣ *благодарности* ни чьей не надо!...
А Божій промыслъ?... Вамъ, конечно, ближе
Знать Божій промыслъ!... Вы изумлены?...
Вамъ это странно?... Непонятно?.. Такъ-ли?...
Что *грѣшница такая* можетъ...

Марія (*съ изумленьемъ и испугомъ*).

Что съ ней?...
Какъ объяснить?... И доброта, и гнѣвъ?...
И вмѣстѣ горе... (*Подумавъ*) Говорятъ... Постойте!...
Я слышала... Вы... любите его?...

Маріонъ Делормъ (*со злостью*)

А развѣ я любить *его* не смѣю?...
А развѣ голосъ сердца не для всѣхъ
Одинъ и тотъ-же?... Для царей и нищихъ?...
Для грѣшницъ и... для *праведницъ*... какъ вы?..

Марія.

Вы любите его!... Мнѣ это—ясно!...
Мнѣ ясно это!... Да!.. Но... онъ?... Сен-Марсъ?...
О, страшное сомнѣніе!... Она
Такъ хороша!... И... такъ великодушна!...
Скажите мнѣ!... Не мучьте!... Не скрывайте!...

Маріонъ Делормъ (*блѣдная и въ ужасѣ*).

Онъ любитъ-ли?... Онъ любитъ ли?... Не бойтесь!...
Не опасайтесь!... Ха, ха, ха!... Марьонъ...
Марьонъ, конечно, не добьется чести,
Чтобы могла когда-нибудь назваться
Соперницей принцессы де-Гонзаго!...

Марія.

О, Боже мой!... Я поняла!... Онъ прежде
Ее любилъ!...

Маріонъ Делормъ (*внѣ себя*).

Да что вамъ до того?...
Зачѣмъ вамъ это!... Боже!... Развѣ мало,
Что васъ и *только* васъ теперь онъ любитъ?...
Что сами вы пылаете любовью
Къ нему?... Что вамъ его спасаютъ?... Нѣтъ!...
И этого вамъ не довольно!... Надо
Еще терзать растерзанное сердце!...
Презрѣніе презрѣнной показать!...
Такъ вотъ оно—смиреніе... и... *святость!*..
Ну, что-же! Пусть скорѣй меня, отсюда,—
Развратницу,—прогонятъ со стыдомъ!...
Какъ?... Я?... Марьонъ!... Которую онъ бросилъ?...
Которую онъ разлюбилъ?... И я?...

Осмѣлилась спасать *его* отъ смерти!...
Маркиза—де-Сен-Марса!... Жениха
Наслѣдницы короны Мантуанской!...
Иль,—будущей, какъ слышно, королевы,
Далекой Польши!... Ха, ха, ха!... Ужасно!...
Ужасно!... Да!... О, Боже!... Что за мука!...

(*рыдаетъ*).

Марія.

Несчастная!... Бѣдняжка!... Да проститъ
Тебѣ Господь твою несправедливость!...
О нѣтъ!... Повѣрь!... Не падшее творенье
Въ тебѣ я вижу; но—сестру мою,—
Столь близкую мнѣ по любви и горю!...
Несчастную сестру!... И преклоняюсь
Передъ разбитымъ, но великодушнымъ
И чистымъ сердцемъ!... (*Маріонъ смотритъ на нее съ удивленіемъ и ужасомъ, страшно вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ*).

Боже мой!... Что съ ней?...
Что съ ней?... Но вотъ... она въ себя приходитъ.

Маріонъ Делормъ (*приходитъ въ себя*).

Гдѣ я? (*смотритъ на Марію*) Кто ты?...

Марія.

Твоя сестра... Твой другъ...
Не правда-ли? Вѣдь мы съ тобою вмѣстѣ
Спасемъ Сен-Марса?. . Да?... Мари!...

МАРІОНЪ ДЕЛОРМЪ *(встаетъ. Потомъ дѣлаетъ быстрое движеніе къ Маріи).*

Простите!...
Простите,—недостойную,—меня!... *(Бросаются другъ другу въ объятья и обѣ плачутъ).*

МАРІЯ.

Повѣрь, повѣрь мой бѣдный другъ Мари!!
Я не вполнѣ любила-бы Сен-Марса,
Когда-бъ могла не признавать въ другихъ
Любовь къ нему такую...

МАРІОНЪ ДЕЛОРМЪ.

Что-же дѣлать!...
Я видно низко пала!... И не мнѣ
Понять любовь столь чистую, святую!...

МАРІЯ.

Но время дорого... Скажи, скорѣе,—
Что я должна съ трактатомъ этимъ дѣлать?

МАРІОНЪ ДЕЛОРМЪ.

Немедленно, минуты не теряя,
Спѣшить его доставить Ришелье.

МАРІЯ.

И онъ Сен-Марса не погубитъ?

МАРІОНЪ ДЕЛОРМЪ.

Онъ
Мнѣ слово далъ,—что ежели трактатъ
Ему достану я,—то жизнь Сен-Марса
Опасности подвергнута не будетъ.

Марія.

И думаешь,—что слово сдержитъ онъ?

Маріонъ Делормъ.

Я думаю, что сдержитъ.

Марія.

И Сен Марсъ
Высокаго значенья не утратитъ
У короля?...

Маріонъ Делормъ.

Но развѣ,—безъ того
Не можетъ онъ назваться вашимъ мужемъ?...

Фрейлина *(быстро входя)*.

Ея Величество сюда идти
Изволитъ съ кардиналомъ Мазарини.

Марія.

Чтобъ это значило?... Мнѣ что-то страшно...

Маріонъ Делормъ.

Принцесса, я уйду... Мнѣ неудобно
Здѣсь долѣе остаться...

Марія.

Вамъ, мой другъ,
Обязана я болѣе чѣмъ жизнью. *(Маріонъ уходитъ. Марія провожаетъ ее до выхода).*

Явленіе 3-е.

Входятъ *королева Анна* съ одной изъ *придворныхъ дамъ*, *кардиналъ Мазарини*, аббатъ *де-Ла-Ривьеръ* и отецъ *Арно·*

Королева.

Я прихожу къ вамъ, милая принцесса,
Съ почтеннымъ кардиналомъ Мазарини
И съ этими достойными отцами,—
Въ надеждѣ, что они помогутъ мнѣ...
Вы знаете какъ горячо люблю
Я васъ,—и вотъ,—теперь,—когда Господь
Вамъ видимо готовитъ испытанье,—
Я не могу къ вамъ не прійдти на помощь,
Какъ мать—къ любимой дочери своей...

Марія.

Въ моей душѣ тоска и страхъ... Но Ваше
Величество всегда во мнѣ найдете
Признательность, довѣрье и любовь
Покорной дочери...

Королева.

Такой отвѣтъ
Отраденъ сердцу моему, какъ въ бурю
Пловцу—огонь отраденъ маяка ..
Дитя мое, вы... любите Сен-Марса?...

Марія.

О, королева!...

Королева.

И Сен-Марсъ васъ любитъ...
Узнайте-же,—великая опасность

Ему грозитъ, мой другъ, и только ваша
Любовь къ нему и преданность могли-бы
Его спасти...

Марія.

О, ежели спасенье —
Въ моей любви и преданности только,—
Тогда ему опасность не страшна... *(Подаетъ королевѣ свертокъ бумаги).*
Но, можетъ быть, мое участье будетъ
Достаточно—коль скоро Ришелье
Получитъ это?...

Королева.

Что это такое?... *(Беретъ свертокъ, разсматриваетъ и показываетъ кардиналу Мазарини).*
Какой-то актъ?... Взгляните, кардиналъ.

Кардиналъ Мазарини.

Что вижу я!... Нѣтъ!... Очевидно, Ваше
Величество, Господь вамъ помогаетъ!...
Трактатъ!..

Аббатъ де-Ла-Ривьеръ *(посмотрѣвъ документъ).*

Трактатъ съ Испаніей!... Тотъ самый!
Тотъ - что исчезъ у герцога Гастона!...
Какимъ онъ чудомъ здѣсь?...

Отецъ Арно.

Непостижимо!...

Кардиналъ Мазарини *(королевѣ, — которая значительно и вопросительно смотритъ на него).*

Для Вашего Величества теперь
Тревожиться нѣтъ болѣе причины...
Но, вы еще могли-бы кардиналу
Пріятное содѣйствіе явить,
Уговоривъ принцессу...

Королева *(тихо).*

Понимаю.
(Къ Маріи де-Гонзаго) Мой добрый другъ, вы много облегчили
Намъ трудный путь къ великодушной цѣли.
Не знаемъ мы, — какъ этотъ документъ
У васъ явился, — только, несомнѣнно, —
Онъ очень важенъ: это первый шагъ...
О, вѣрю я, — вы любите Сен-Марса
И ангеломъ спасителемъ его
Вы будете!...

Марія *(съ изумленіемъ).*

О, да... Но, что-жъ я сдѣлать
Еще могу?...

Королева.

Послушайте меня.
Когда Сен-Марсъ сталъ во главѣ движенья,
Когда себя онъ въ жертву обрекалъ, —
Къ чему онъ шелъ? Что имъ руководило?
Паденіе французскаго дворянства?
Стремленіе поднять его для блага
Монархіи? Отечество спасти

Отъ страшныхъ золъ сословнаго разлада?
Конечно,—онъ такъ думать могъ,—но что
Его къ тому влекло неодолимо?
Въ чемъ почерпалъ онъ силы для борьбы?
Къ чему душой со страстью онъ стремился?
Гдѣ видѣлъ онъ награду за успѣхъ?
Тамъ, впереди, какъ райское видѣнье,
Его манилъ блаженства идеалъ,
Возможность высшихъ почестей достигнуть
И по ступенямъ счастія дойдти
До уровня принцессы де-Гонзаго
И съ ней любовь союзомъ увѣнчать...
Не правда-ли?... Возможно-ль въ томъ сомнѣнье?
И вотъ, теперь, судьба противъ него
И противъ насъ рѣшаетъ... Кардиналу
Извѣстно все, и, главное,—трактатъ
Съ Испаніей,—съ которой мы въ войнѣ...
Ужели кто способенъ полагать
Что Ришелье бездѣйствуетъ и дремлетъ?
Что онъ сѣтей коварно не разставилъ?...
Едва-ли это мыслимо... Король,
Конечно, любитъ искренно Сен-Марса,—
Но любитъ онъ его какъ человѣкъ,—
А какъ король,—онъ вѣрно не рѣшится
Пожертвовать для новыхъ цѣлей тѣмъ,—
Кто̀, можетъ быть, ему не такъ пріятенъ,
Но на кого все бремя управленья
Онъ возложилъ давно и кто несетъ
Такое бремя смѣло и искусно...
Нѣтъ, нѣтъ, король не выдастъ Ришелье
Къ нему онъ такъ привыкъ!... И убѣжденъ,
Что кардиналъ ему тѣмъ больше преданъ,
Чѣмъ больше всѣ не терпятъ кардинала...

Подумайте объ этомъ... Ришелье
Жизнь сохранить Сен-Марсу согласится
И не подвергнетъ участи такой
Какъ де-Шалѐ, Монморанси, Сен-Преля
И многихъ; но тогда необходимо,
Чтобы Сен-Марсъ отрекся отъ борьбы;
А къ этому его склонить,—зависитъ
Отъ васъ однихъ принцесса...

Марія *(со страхомъ)*.

Отъ меня?...

Королева.

Да, другъ мой, да; отъ васъ; и какъ ни горько,
Какъ ни ужасно трудно мнѣ сказать,—
Но я должна сказать: Сен-Марсъ тогда,
Тогда—лишь только отъ борьбы напрасной
Откажется, когда пойметъ вполнѣ,
Что никогда принцесса де-Гонзаго
Его женой не будетъ...

Марія.

Боже мой!
Какъ страшенъ смыслъ такихъ рѣчей!...

Королева.

Что-жъ дѣлать,—
Дитя мое!...

Марія.

И я должна сама
Разбить всѣ лучшія надежды наши?

Королева.

Но какъ-же быть!... Другаго средства нѣтъ...

Марія *(въ отчаяніи со слезами)*.

Какъ?... Чтобы я?... Забыть обѣты?... клятвы?...
Забыть молитвы жаркія о немъ?...
Забыть что я сама-жъ благословенье
Ему дала на подвигъ роковой?...
Что я его прельщала громкой славой
И, впереди, ему, въ лучахъ надежды,
Являла жизнь и счастіе со мной?...
И вдругъ, забывъ все лучшее, святое,
Ему теперь я душу отравлю
Отравою измѣны?... Боже правый!...
Нѣтъ!... Никогда!... Нѣтъ!... Это невозможно!...

Королева.

Подумайте, дитя мое,—какую
Отвѣтственность берете на себя
Вы предъ людьми, предъ Франціей, предъ Богомъ!...
Подумайте... Мятежъ, междуусобье,
Какъ лютый звѣрь, въ свирѣпомъ изступленьѣ
Отечество готовы растерзать.
Потоби крови, вопли женъ, дѣтей,
Насилія,—всѣ бѣдствія отчизны,
Все, все падетъ проклятьемъ на Сен Марса!...
Но этимъ вы спасете ли его?...
Минуютъ-ли его позоръ и плаха?...

Марія.

И такъ,—конецъ!... Всему, всему конецъ!...
Разбиты всѣ мечты любви и счастья!...
Ихъ дивный свѣтъ—замѣнитъ тьма ночная!...
Вся жизнь, вся жизнь заглохла навсегда!...
И будетъ мой удѣлъ—нѣмая келья,
Да темная могила... *(горько плачетъ)*.

Кардиналъ Мазарини *(торжественно и вкрадчиво).*

Нѣтъ, принцесса.
Господь намъ посылаетъ испытанья —
И это — путь избранниковъ Его...
Благодарить должны мы Сердцевѣдца, —
А не роптать. Такъ было искони,
Отъ первыхъ дней. Смотрите, — Авраамъ
Готовъ предать закланью сына. Іовъ —
Для насъ примѣръ терпѣнья Іегоай
Приноситъ въ жертву дочь.... И самъ Господь, —
Чѣмъ искупилъ грѣхопаденье наше?
Молитвою о чашѣ, и Голгоѳой!...
Вездѣ вѣнецъ мученья, или подвигъ
За благо ближнихъ, за спасенье ихъ...
И вы, теперь, въ унынье не впадайте, —
Но съ твердостью, молите Бога Силъ
Да силы вамъ пошлетъ на испытанье
И *подвигъ* изберите... Онъ — предъ вами...
Смотрите: тамъ, далеко, на окрайнѣ
Въ концѣ Европы, въ Польшѣ полудикой
Теперь идетъ великая борьба.
Еретики стремятся протестанты
Основы нашей вѣры подорвать, —
Надъ нами торжествуютъ и колеблютъ
Святой престолъ намѣстниковъ Петра,
Уже соблазнъ, какъ язва, проникаетъ,
Уже не мало душъ увлечено
На вѣчную погибель... И еще-ли
Не ясно, не понятно вамъ, принцесса,
Высокое призваніе и подвигъ?...
Мужайтесь-же!... Васъ самъ Господь избралъ!...

О, пусть—корона польская для васъ
Вѣнцемъ терновымъ мученицы будетъ!
Престолъ и санъ высокій королевы
Да будутъ вамъ апостольской ареной!...
Васъ укрѣпитъ святая благодать,
И охранитъ васъ Дѣва Пресвятая!...
Дерзайте же!... Во славу христіанства,—
Спасите братій гибнущихъ!... А здѣсь,—
Спасите насъ отъ золъ междуусобья!
Избавьте королеву отъ бѣды!
И отстраните поднятый топоръ
Надъ головой Сен-Марса!... Да, онъ молодъ
И духомъ онъ высокъ!... Пройдутъ года
И, можетъ быть, онъ не одну услугу
Родной странѣ окажетъ!... А кому
Обязаны всѣ этимъ будутъ?... Вамъ.
Да,—вамъ, принцесса, если только вы
Теперь свое пожертвуете сердце
За благо ближнихъ и за жизнь того,
Кто сердцу вашему всего дороже...

Отецъ Арно.

Христосъ сказалъ: въ томъ высшая любовь,
Кто за друзей свою положитъ душу!...

Аббатъ де-Ла Ривьеръ.

Онъ на крестѣ молился за враговъ.

Марія (*въ изнеможеніи*).

О, Господи! Мое Ты видишь сердце
И скорбь мою!... (*къ королевѣ*) Скажите мнѣ, какъ мать,—
Ужели нѣтъ надежды, или средства—
Мученій этихъ чашу отвести?

Королева (*беретъ ее за руки*).

Ищите, другъ мой, силъ и утѣшенья
Въ покорности святой Господней волѣ...

Марія.

Въ покорности!... Увы!... Все, все погибло!..
Въ покорности!... Простите... королева...
Мнѣ дурно... дурно... (*Дама королевы подхватываетъ Марію, ведетъ и кладетъ ее на диванъ*).

Королева.

Бѣдное дитя!
Зачто она страдаетъ такъ ужасно!... (*Вбѣгаетъ фрейлина Маріи и вмѣстѣ съ дамой королевы суетится около нея, стараясь привесть ее въ чувство*).

Королева.

Что съ ней?

Придворная дама:

Она безъ чувствъ. (*Далѣе сцена идетъ вполголоса и быстро*).

Королева.

Я на себя
Беру устроить все. Сама Сен-Марсу
Я напишу... Ручаюсь, что принцесса,
Хоть не сейчасъ,—но польскую корону
Принять рѣшится... А теперь, скорѣй,
Трактатъ вручите Ришелье... Скажите,
Что это *я* трактатъ ему прислала,—
Лишь только-бы оставилъ онъ при мнѣ
Моихъ дѣтей,—не притѣснялъ меня

И не мѣшалъ бы моему регенству...
А вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ, умоляю,—
Все сдѣлайте, любезный кардиналъ,
Чтобъ жизнь спасти Сен-Марсу...

Кардиналъ Мазарини.

Будьте, Ваше
Величество, спокойны; не тревожтесь,
Все будетъ, все, такъ какъ угодно вамъ.

Королева.

Благодарю. (*Кланяется кардиналу и уходитъ*).

Кардиналъ Мазарини.

Теперь мы поспѣшимъ
Съ трактатомъ этимъ къ кардиналу...

Отецъ Арно.

Такъ,—
Но надлежитъ ли вамъ себя заботить
Спасеніемъ Сен-Марса?

Кардиналъ Мазарини.

Почему-же?

Отецъ Арно.

Уже давно недугъ неизлѣчимый
Грозитъ кончиной близкой кардиналу.
И если Ришелье сойдетъ въ могилу,—
Тогда,—къ кому въ наслѣдство перейдетъ
И власть его, и на дѣла вліянье? ..
Сен-Марсъ уменъ, рѣшителенъ и молодъ,
И въ милости большой у короля...
Подумайте,—желательно-ли это?...

Аббатъ де-Ла-Ривьеръ.

Да, это такъ.

Кардиналъ Мазарини (*съ усмѣшкой*).

Я понимаю васъ.
Мы ближняго должны любить,—но только,
Не слѣдуетъ насиловать судьбу?...

(*Занавѣсъ*).

Дѣйствіе IV-е.

Сцена 1-я.

Кабинетъ короля Людовика XIII-го. Убранство во вкусѣ того времени. По срединѣ, къ авансценѣ, большой столъ, покрытый ковромъ. На немъ свертки бумаги, чернильница и всѣ принадлежности для письма; охотничій рогъ, ошейники для собакъ, Библія и проч. На стѣнахъ, тамъ и сямъ, — оленьи рога, шкуры разныхъ звѣрей, оружіе. Передъ столомъ, у авансцены, два большія кресла одно противъ другаго. Въ углубленіи, — между двухъ большихъ оконъ, — диванъ. На право, — дверь. На лѣво — дверь и ближе къ авансценѣ, — отоманка.

Явленіе 1-е.

Король Людовикъ XIII-й въ костюмѣ цвѣта верблюжьей шерсти, полу-лежитъ на отоманкѣ. Въ рукахъ у него мандолина, на которой, при поднятіи занавѣса,—онъ беретъ два-три минорныхъ аккорда и потомъ кладетъ мандолину около себя. Передъ нимъ стоитъ *Сен-Марсъ*.

Король.

Да, да, готовъ я согласиться съ вами,
Мой юный другъ,— желательно давно,
Дать новое, другое направленье
Теченью дѣлъ... Изгнанія и казни...
Все это было нужно... Кардиналъ
Былъ правъ, — значенье королевской власти
Для всѣхъ должно быть свято... Но теперь

Достаточно напряжены пружины —
И надобно стараться успокоить
Усталое отъ страха населенье...
И тяжкіе налоги облегчить ..
Все это такъ... я понялъ... убѣдился,—
Монархія не-въ-правѣ и не можетъ
Пренебрегать дворянствомъ... А-не-то...
Какъ вы сказали это?...

Сен-Марсъ.

А не-то—
Она сама противъ себя играетъ.

Король.

Сама противъ себя... да, да,... конечно...
Благодарю васъ, другъ мой... такъ... сама
Противъ себя играетъ... Мы займемся
Всѣмъ этимъ скоро... А теперь,—хочу
Я вамъ сказать, какъ другу, откровенно,—
Какъ я люблю васъ... Въ этомъ сомнѣваться
Конечно вы не можете...

Сен-Марсъ *(въ сторону)*.

Опять
Внушеніе и проповѣдь начнется

Король.

И такъ, мой другъ, не сомнѣвайтесь, вѣрьте
Моей любви къ вамъ... Маршалъ д'Эффіа,—
Покойный вашъ родитель, много пользы
Принесъ... Я не забуду это... Жаль,
Что рано умеръ онъ и васъ оставилъ
Почти ребенкомъ... Кто-же можетъ лучше

Меня понять, -- что значитъ потерять
Отца,—почти въ младенческіе годы?
Великаго и добраго отца!...
Каковъ былъ мой отецъ!... Да,—это грустно!...
Да,— это грустно!... (*Закрываетъ лицо руками*).
Но для васъ рѣшился
Я замѣнить отца и это свято
Исполню я... Вы сердца моего
Дитя и я готовъ за вашу душу
Отвѣтить... (*Сен-Марсъ дѣлаетъ нетерпѣливое движенье*). Вы не вѣрите!... Такъ дайте-жъ
Вонъ ту тетрадь мнѣ. (*Сен-Марсъ беретъ со стола тетрадь и подаетъ королю, который ее перелистываетъ*).
Слушайте-жъ,—какъ я
Слѣжу за вами,—шагъ-за-шагомъ... Вотъ... (*Читаетъ:*)
«*Среда*. Сен-Марсъ сегодня рано утромъ,
Послѣ ночной пирушки у Делормъ,—
Вернулся пьянъ... Онъ—на пути къ разврату...»
Не правъ-ли я?... Старайтесь-же, мой другъ,
Не допускать нечистыхъ впечатлѣній...
Я опытнѣй чѣмъ вы... По дружбѣ только
Рѣшаюсь вамъ сказать,—съ меня берите
Примѣръ... Когда я праздно увлекался
Веселой де-Готфоръ, что дѣлалъ я?...
Я только лишь гавоты сочинялъ...
За-то, когда дѣвица Лафайетъ
Меня плѣнила кроткимъ благочестьемъ,
Тогда, хотя гавотовъ и романсовъ
Не бросилъ я,—но все-же сталъ серьезнѣй
И музыкой церковной занялся...
Вотъ видите,—какъ много значитъ вкусъ
Возвышенный?... Теперь, посмотримъ дальше.

(*Читаетъ:*) «Четвергъ. Сен-Марсъ, сегодня въ нетерпѣньѣ
Ударилъ сокола по головѣ
И дьявола при этомъ помянулъ...» (*Закрываетъ тетрадь и передаетъ Сен-Марсу. Король между тѣмъ, беретъ и вертитъ въ рукахъ собачій ошейникъ*).
Вотъ какъ слѣжу я... Будьте-же, мой другъ,
Благочестивымъ, добрымъ человѣкомъ...
Вы молоды, но въ васъ талантовъ много...
Со временемъ,—и скоро, можетъ быть,
Вы громкаго достигните значенья
И почестей высокихъ... Но, пока,
Храните чистоту души. Старайтесь
Трудами и наукой просвѣтить
Свой умъ. Бѣгите вредныхъ наслажденій.
Не увлекайтесь жалкимъ честолюбьемъ ..
А главное,—не путайтесь въ дѣла:
Не отдавайтесь этому потоку
Опасному неопытнымъ пловцамъ;—
Погибнете въ водоворотѣ этомъ;—
Повѣрьте мнѣ погубите и душу
И жизнь свою... (*Во время этого монолога Сен-Марсъ нѣсколько разъ, то выражаетъ нетерпѣнье, то зѣваетъ; при концѣ-же—злится*).

Сен-Марсъ (*нетерпѣливо*).

Начто мнѣ эта жизнь!...
Начто души спасенье!...

Король.

Что-вы!... Что-вы!...
Безумный!...

Сен-Марсъ.

Нѣтъ, прошу васъ, Государь,
Дозвольте мнѣ,—вернуться къ жизни частной,
Оставить Дворъ...

Король.

Сен-Марсъ!... Что это значитъ?...

Сен-Марсъ.

Я не ребенокъ! .. Стыдно и позорно
Мнѣ вамъ служить забавой,—на равнѣ
Съ собаками да птицами,—въ то время,
Когда я вижу,—что̀ теперь творится
Вокругъ меня...

Король.

Вы, кажется, хотите
Мнѣ говорить опять о кардиналѣ?...

Сен-Марсъ (*горячо*).

Да, Государь, я долженъ говорить. .
И если я,—кого названьемъ друга
Почтили вы,—молчать предъ вами буду,—
Кто-жъ правду скажетъ вамъ?...

Король.

Благодарю...
Я слушаю васъ, другъ мой...

Сен-Марсъ (*съ увлеченьемъ*).

Государь!
Вы нашъ монархъ, владыка, повелитель!
Мы видимъ въ васъ помазанника Бога!
Въ васъ наше благо, наша сила, все

Что нужно намъ, чтобъ Франція была
Страной вполнѣ счастливой... Между тѣмъ,—
Повсюду страхъ, повсюду недовольство
Уныніе и даже—озлобленье...

Король.

О, это такъ прискорбно!

Сен-Марсъ (*продолжаетъ оживленно*).

Посмотрѝте:
Народъ въ грязи и въ нищетѣ и онъ-же
Налогами безмѣрно удрученъ...
Еще на дняхъ онъ буйствовалъ у Лувра
И проклиналъ, бѣснуясь, кардинала,—
И еслибъ я не усмирилъ мятежный
Порывъ толпы,—какъ знать,—что̀ быть могло бы!...

Король.

Да, да, они не терпятъ кардинала...

Сен-Марсъ.

А среднія сословья?... Ришелье,
Конечно опасаясь слышать правду
И жалобы,—ужъ двадцать восемь лѣтъ
Ихъ созывать въ Собранія не хочетъ.
А между тѣмъ,—отчаянье ростетъ...
Что-жъ будетъ, ежели когда нибудь
Они опять въ Собраніяхъ сойдутся
И все, что въ нихъ годами накопилось
Свои оковы дерзко разорветъ
И съ дикой злобой встанетъ передъ властью?...

Подумайте,—кому тогда и чѣмъ
Грозитъ такая сила?...

Король *(въ смущеніи)*.

Кардиналъ
Имъ также ненавистенъ...

Сен-Марсъ.

А дворянство?
Злосчастное Французское дворянство!...

Король *(строго)*.

Я не могу и не хочу щадить
Мятежныхъ феодаловъ!...

Сен-Марсъ (*горячо*).

Феодаловъ?...
Но гдѣ-же они? Какіе феодалы?
Какъ горькій плодъ старинныхъ неурядицъ —
Они уже раздавлены... Дворянство
Съ феодализмомъ смѣшивать – безумно!...
Противъ кого, скажите, возставали
Монморанси, Шалле и Суассонъ?
Всѣ тѣ, которымъ головы на плахѣ
Отрублены и тѣ, что такъ жестоко
Въ Бастиліи теперь заточены?...
Ужели имъ названье феодаловъ
Возможно дать?... Противъ кого они
Съ отчаяньемъ и злобой возставали?...
Противъ-ли васъ,—скажите, Государь?
Противъ основъ-ли власти королевской?...
Нѣтъ!... Никогда!... Но противъ Ришелье;
Противъ того деспота-честолюбца

И палача, —который дерзко всталъ,
Какъ страшная преграда роковая,
Чтобъ отдѣлить дворянъ отъ Государя!
Чтобъ Францію и васъ разъединить!...
О, гдѣ тотъ лжецъ, тотъ гнусный клеветникъ,
Который вамъ покорное дворянство,
Вамъ вѣрное и преданное вамъ
Назвалъ толпой мятежныхъ феодаловъ?...
Да будетъ проклятъ онъ изъ рода-въ-родъ!...
Вотъ кто вашъ врагъ!... Вотъ кто прямой губитель
Монархіи!... Мы съ молокомъ всосали
Отъ нашего рожденія любовь
И преданность къ монархамъ!... Милліоны
Сердецъ и душъ глубоко, беззавѣтно
Въ васъ видятъ повелителя,—а онъ,—
Онъ,—облако рожденное изъ грязи,—
Стремится прелесть царственнаго солнца
Собой затмить!...

Король.

Да, кардиналъ дворянамъ
Не можетъ быть пріятенъ...

Сен-Марсъ.

Всѣмъ сословьямъ
Невыносимъ онъ... Всѣмъ...

Король.

Да, Ришелье
Сказалъ: значенье королевской власти
Для всѣхъ должно быть свято...

Сен-Марсъ.

Для кого-жъ

Оно не свято?... Для него, быть можетъ,
Для одного?... Онъ видимо стремится
Всегда, вездѣ унизить эту власть
И замѣнить ее собой...

Король.

Но развѣ
Онъ безполезенъ? ..

Сен-Марсъ.

Нѣтъ,—не безполезенъ,—
Но вреденъ онъ... Онъ самъ не понимаетъ,
Что будучи презрѣннымъ топоромъ
Въ рукахъ монарха и вліяньемъ страха
Монархію мечтая утвердить,—
Онъ этимъ самымъ въ корнѣ подрываетъ
Врожденное во всѣхъ благоговѣнье
И теплую къ монархіи любовь...
Нельзя на мѣсто Бога и святыни
Сухую власть закона, или страха
Слѣпую силу ставить...

Король (*подумавъ*).

Можетъ быть...
Вы, другъ мой, въ этомъ правы... Но, тогда...
Что-жъ дѣлать?...

Сен-Марсъ.

Бросьте, Государь, отбросьте
Непужный вамъ, губительный, презрѣнный
Топоръ—и мечь возьмите благородный!...
Возьмите мечь!...

Король.

Но, кто̀-же онъ?...

Сен-Марсъ.

Дворянство!...
Дворянство... Да... Пусть этотъ цвѣтъ народа,—
А не толпа строптивыхъ феодаловъ,
И не толпа чиновниковъ наемныхъ
Васъ окружитъ,—вооружите ихъ
Довѣрьемъ вашимъ, Государь,—пусть въ этой
Средѣ всегда себѣ находитъ мѣсто
Все лучшее, святое изъ народа:
Талантъ, наука, благородный трудъ
И каждый подвигъ доблестный!... Ручьями
Воды живой и благотворной пусть
Вливается народной жизни сила
Въ среду дворянства... Вѣрьте, Государь,
Что въ этомъ лишь одномъ и только въ этомъ
Самодержавье прочную опору
Себѣ найдетъ!...

Король (*колеблясь*).

Но... какъ-же кардиналъ?...
Онъ оказалъ отечеству такъ много
Услугъ?...

Сен-Марсъ.

Онъ старъ и боленъ... Есть другіе...
Способные...

Король (*смотритъ на него подозрительно*).

Но,... Кто̀-же?...

Сен-Марсъ (*подумавъ мгновеніе*).

Мазарини?...

Король.

Да,... Мазарини... Мазарини.., Да...
А Ришелье?... (*Съ испытующимъ взоромъ*) Я слышалъ...
заговоръ
Противъ него опасный существуетъ
И... даже вы... стоите во главѣ? ..

Сен-Марсъ (*рѣшительно*).

Такъ, Государь... И вотъ... (*становится на одно колѣно*) Я врагъ прелата!...
Я преданъ *вамъ!*... Я дворянинъ!... Велите
Меня казнить!...

Король.

Ахъ!... Встаньте, другъ мой, встаньте!...
Нѣтъ!... Голову такую не рубить,
Но цѣловать я долженъ!... (*Обнимаетъ его*) О, Сен-Марсъ,
Сен-Марсъ! мой другъ!... Какъ труденъ, безотраденъ
Мой жребій!... Да!... Всѣ, всѣ вокругъ меня
Лишь о себѣ заботятся!... Но вы
Мнѣ преданный и вѣрный другъ!... И съ вами
Мы будемъ Франціи одной служить!...
Не правда-ли?... (*На ближней башнѣ бьетъ пять часовъ. Король смущается и смотритъ на часы стоящіе у стѣны*).

Сен-Марсъ (*съ увлеченьемъ*).

И сердцемъ и душою
Я преданъ вамъ!...

Король (*торопясь и растерянно*).

Но... поздно... пять часовъ...
И въ Перпиньянъ вамъ надо собираться...
Надѣюсь... *тамъ*... мы *все* уладимъ, *все*...
Благодарю... Во многомъ раздѣляю
Я ваши мысли... Да хранитъ Господь
Васъ, милый другъ... (*Обнимаетъ его*).

Сен-Марсъ (*съ энтузіазмомъ*).

Любовь, благословенье,
И благодарность Франціи счастливой
Передадутъ потомству ваше имя!... (*Уходитъ*).

Король (*облокотясь на столъ, задумывается*).

Быть можетъ, онъ и правъ... Но нужны тутъ
Терпѣніе и твердость...

(*Отворяется дверь,—противоположная той, въ которую вышелъ Сен-Марсъ. Входитъ кардиналъ Ришелье и останавливается. У него въ рукахъ свертокъ. Король встаетъ. Минуту они смотрятъ другъ на друга молча*).

Явленіе 2-е.

Король и кардиналъ *Ришелье*.

Король (*Онъ видимо испугался*).

Mon cousin...
Надѣюсь, вы не ждали?... Это часъ,
Который я... по вашему желанью...
Назначилъ вамъ?... Я радъ васъ видѣть...

(*Ришелье тихо и съ трудомъ идетъ къ королю, который устремляется къ нему, беретъ его подъ руку, подводитъ*

его къ креслу, жестомъ приглашаетъ сѣсть, и самъ садится въ кресло противъ него. Ришелье кладетъ свертокъ бумаги на столъ. Нѣсколько времени они молча смотрятъ другъ на друга. Король держитъ въ своей рукѣ руку кардинала).

Ришелье (*изнеможеннымъ голосомъ*).

Ваше
Величество, - вы видите, что я
Уже совсѣмъ болѣзнью обезсиленъ...
Что сочтены мои часы... Но прежде,
Чѣмъ мнѣ предстать передъ Судьей Всевышнимъ,
Обязанъ я передъ земнымъ владыкой
Отдать отчетъ въ моихъ дѣлахъ...

Король.

О, нѣтъ...
Зачѣмъ?... Зачѣмъ? .. Повѣрьте, Ваша Свѣтлость,
Господь еще васъ сохранитъ,... для блага,
Для славы нашей Франціи...

Ришелье (*въ изнеможеніи*).

Нѣтъ силъ
Трудиться больше... Восемнадцать лѣтъ
Трудовъ, заботъ, опасностей, болѣзней...
Нѣтъ,... не могу... Я на краю могилы...
Позвольте мнѣ просить васъ, Государь,
Меня уволить...

Король (*съ худо скрываемой готовностью*).

Да... Но... Кто-же могъ-бы
Васъ замѣнить?... Вѣдь это не легко?...

Ришелье.

Ахъ, Государь, - найдутся... Ихъ такъ много.
Желающихъ... Найдутся... А теперь,—
Я васъ прошу дозволить, Государь.
Въ послѣдній разъ излить предъ вами душу...

Король.

Я дорожу всегда бесѣдой съ вами...

Ришелье (*сначала говоритъ тихо, въ изнеможеніи, потомъ воодушевляется*).

Осьмнадцать лѣтъ тому назадъ,— когда
Рѣшились вы дать мѣсто мнѣ въ Совѣтѣ
И вашего довѣрья удостоить,—
Чѣмъ были вы?... Чѣмъ Франція была?...
Могучее значенье гугенотовъ —
Значенье вашей власти подрывало;
Остатки безпокойныхъ феодаловъ, —
Верховники вели себя не такъ,
Какъ подданнымъ вести себя прилично
Предъ королемъ. Правители провинцій
Имѣли видъ отдѣльныхъ государей, —
Вамъ, Государь, какъ-бы, неподчиненныхъ...
И въ то же время, — внѣшніе союзы
Въ принебреженьѣ были полномъ .. Всѣ
Своимъ служили только личнымъ цѣлямъ,—
А цѣли общей,—Франціи, — никто...
Хорошее устройство дѣлъ казалось
Не мыслимымъ... Но, не упалъ я духомъ
И Вашему Величеству рѣшился
Дать слово,—всѣ способности мои,

Всю власть мою употребить на то,—
Чтобы вездѣ возвысить ваше имя
И предъ лицомъ народовъ, государствъ,
На высоту васъ должную поставить...
Я обѣщалъ,—лѣкарство изыскать,
Чтобъ организмъ разслабленный отчизны
Уврачевать... И вотъ,—осьмнадцать лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ... И что теперь мы видимъ?...
Гдѣ прежніе недуги?... Гугеноты
Покорены; строптивые вельможи
Усмирены,—и Франціи король
Въ глазахъ Европы всей уже не прежній
Случайный метеоръ какой-то,—нѣтъ,—
Но гордое, могучее свѣтило,
Но солнце всѣмъ дарующее жизнь,
Тепло и свѣтъ... Италія склонилась
Предъ Франціей,—Испанія дрожитъ
Предъ вашей силой; Англія стремится
Упрочить дружбу съ вами,—и въ союзѣ
Со Швеціей,—побѣдоносно, мы
Съ Германіей воюемъ... Наконецъ,
Мы Габсбурговъ надменныхъ усмирили
И Австрія съ унынiемъ глядитъ,
Какъ чотки Карла пятого—что прежде
Такъ много чудныхъ связывали зеренъ,—
Какъ чотки тѣ уже разорвались
И зерна ихъ разсыпались во прахѣ...
Вотъ что теперь мы видимъ, государь...
Вотъ что я могъ создать съ довѣрьемъ вашимъ,
Которымъ я не злоупотребилъ...

(*Ришелье останавливается утомленный отъ увлеченія и закашливается. Король видимо пораженъ и тронутъ. Онъ покраснѣлъ и вытираетъ слезы, которыя у него на гла-*

захъ. Потомъ обѣими руками схватываетъ и жметъ руку Ришелье).

Король (*взволнованнымъ голосомъ*).

И я, и Франція высоко цѣнимъ
Великаго министра въ васъ...

Ришелье (*вдругъ оживляется и говоритъ громко, съ негодованіемъ, почти кричитъ*).

И вотъ,
Когда цѣной трудовъ, ночей безсонныхъ,
Опасностей, страданій безъ числа,
Намъ удалось создать величье ваше
И цѣлость Франціи... И вотъ, теперь,—
Какъ надлежитъ смотрѣть на тѣхъ, кто хочетъ
Величье ваше помрачить и цѣлость,
И силу Франціи разрушить?...

Король (*смотритъ на него пристально*).

Кто-же
Дерзнулъ бы это? Развѣ только врагъ
Отъявленный и Франціи, и мой?...
Но, вѣдь,—ихъ нѣтъ?...

Ришелье (*послѣ небольшаго молчанія*).

А если-бы нашелся?...

Король (*быстро вставая*).

Тогда у насъ найдется эшафотъ!...

Ришелье.

Васъ, Государь, не даромъ *справедливымъ*
Прозвалъ народъ...

Король (*робко и вкрадчиво*).

Я слышалъ,... Говорятъ,...
Что будто,... снова,... *противъ васъ*... дворяне
Составили какой-то заговоръ?...
Но мы... мы не допустимъ ..

Ришелье.

Нѣтъ не противъ
Меня тотъ заговоръ,—но противъ васъ
И Франціи (*подаетъ ему свертокъ*). Прочтите, Государь...

Король (*съ гнѣвомъ*).

Противъ меня?... Но, что это? (*Развертываетъ свертокъ*).

Ришелье (*многозначительно*).

Трактатъ
Съ Испаніей...

Король.

Съ Испаніей?... Трактатъ?...
Съ Испаніей!... Съ моимъ врагомъ заклятымъ!...
Но кто-же?... Кто?...

Ришелье.

Прочтите, Государь...

Король.

Противъ меня!... (*смотритъ въ бумагу*) Ага!... Гастона имя!...

Опять измѣна!... (*Просматриваетъ далѣе бумагу*)
Какъ!... За помощь войскомъ
Отдать часть завоеванныхъ земель?...
И это братъ мой!

Ришелье.

Герцогъ Орлеанскій
Повинную раскаянья принесъ
И выдалъ самъ сообщниковъ...

Король.

Но кто-же
Сообщники?... Не эти-ль два вельможи,
О коихъ глухо сказано въ трактатѣ?...
За помощь войскомъ Францію ослабить!...
Кто-бъ ни были,—ихъ слѣдуетъ казнить!...
Но кто-же?... Кто они?... Скажите...

Ришелье (*съ разстановкой*).

Герцогъ
Бульонскій... и... Сен-Марсъ...

Король (*вздрогнувъ, смотритъ въ ужасѣ на Ришелье*).

Какъ?... Что?... Сен-Марсъ?...
Не можетъ быть!... Сен-Марсъ?.. Сен-Марсъ... Не вѣрю...
Но подлинный-ли это документъ?...

Ришелье.

Да, подлинный... И вотъ,—взгляните сами,—
Въ концѣ параграфъ,—герцогъ Орлеанскій
Самъ ихъ назвалъ...

Король (*дрожа, смотритъ въ бумагу*).

Такъ вотъ они... дворяне!...
Проклятіе!... (*Роняетъ бумагу изъ рукъ*). Сен-Марсъ!..
О, горе, горе!..

(*Падаетъ въ кресло и закрываетъ лицо руками. Молчаніе*).

Король (*не открывая лица*).

Что-жъ дѣлать намъ?... Что дѣлать?... Говорите...

Ришелье (*уклончиво*).

Какъ Вашему Величеству угодно...
Что до меня,... я васъ уже просилъ.
Меня уволить...

Король (*открывая лицо*).

Что?... Уволить?.. Нѣтъ...
Нѣтъ... не теперь...

Ришелье.

Я окруженъ врагами...
Они меня убьютъ... Я боленъ... слабъ...,
Меня дворяне гонятъ,... а Сен-Марсъ
Такъ популяренъ... Гдѣ найду защиту?..

Король (*вставая съ нетерпѣніемъ,—рѣшительно*).

Служите мнѣ такъ вѣрно какъ всегда,—
И *я* для васъ отъ *всѣхъ* враговъ защита!...
Но говорите,—что-же дѣлать?...

Ришелье (*оживляется. Вынимаетъ изъ кармана бумагу и подаетъ королю перо.*

Ваше
Величество,—уже готово все
И приняты уже всѣ мѣры... Только
Необходимо подписать приказъ,
Чтобъ этихъ *всѣхъ* преступниковъ, не медля
Арестовать...

Король (*растерянно беретъ перо и въ ужасѣ*).

Арестовать?...

Сцена 2-я.

Лагерь близъ Перпиньяна. Сцена представляетъ внутренность большой ставки (палатки), которой одна сторона (прямо противъ зрителей), изображаетъ входъ и широко раскрыта. Передъ входомъ ходитъ взадъ-и-впередъ часовой. Въ нѣкоторомъ разстояніи видны палатки лагеря, надъ нимъ довольно высоко полная луна. Время отъ времени, проходятъ солдаты,—то одинъ, то—группами.—Въ палаткѣ, на право къ авансценѣ,—стоитъ столъ покрытый чернымъ сукномъ; на немъ—канделябръ, въ которомъ горятъ нѣсколько свѣчей,—свертки бумагъ и лежитъ большой пистолетъ. Сзади и сбоку стола—два стула. На лѣво, въ палаткѣ, стоятъ двѣ походныя кровати. На стулѣ, сзади стола, сидитъ *Сен-Маръ*,—въ шляпѣ, въ походной формѣ,—въ кирасѣ и въ высокихъ съ широкими раструбами сапогахъ. На другомъ стулѣ—сидитъ *де-Ту* въ черномъ костюмѣ. При поднятіи занавѣса небольшой колоколъ за сценой бьетъ девять часовъ. При

послѣднемъ ударѣ колокола барабанъ бьетъ зорю. Группы солдатъ сперва суетятся потомъ, мало по-малу исчезаютъ. Слышенъ въ лагерѣ глухой пушечный выстрѣлъ и затѣмъ вдали раздается перекличка: „Слу-шай!“

Явленіе 1-е.

Сен-Марсъ и *Де-Ту*.

СЕН-МАРСЪ.

Бьетъ девять
Часовъ. Еще немного, — и наступитъ
Борьбы рѣшительной минута.

ДЕ-ТУ.

Да
И мы, какъ Цезарь скажемъ: «Рубиконъ
Мы перешли и нѣтъ назадъ возврата...
Какъ знать! — Куда насъ этотъ путь направитъ?..

СЕН-МАРСЪ.

Онъ Францію къ величью приведетъ.

ДЕ-ТУ.

Дай Богъ!

СЕН-МАРСЪ.

Я вѣрю... А покамѣсть,—нашихъ
Сообщниковъ и силъ наличныхъ списки
Не дурно-бы—еще разъ просмотрѣть.

ДЕ-ТУ (*подаетъ ему свертокъ*).

Намъ ихъ вполнѣ достаточно...

Сен-Марсъ (*просматривая списки*).

Ого!

Съ сторонниками герцога Гастона,—
У насъ найдется войска тысячъ тридцать...

Де-Ту.

Не менѣе.

Сен-Марсъ.

А всѣхъ кардиналистовъ
Здѣсь, въ лагерѣ, едва-ль семь тысячъ?

Де-Ту.

Да.

Сен-Марсъ.

Что-жъ?... Значитъ нашъ ударъ разсчитанъ вѣрно.
Въ урочный часъ,—по моему сигналу,—
По выстрѣлу изъ пистолета,—наши
Сообщники внезапно нападутъ
На спящихъ мирнымъ сномъ кардиналистовъ
И всѣхъ ихъ перевяжутъ...

Де-Ту.

А потомъ,
Съ достаточнымъ количествомъ солдатъ,
Мы поспѣшимъ немедленно въ Нарбонну,—
Туда—не больше двухъ часовъ пути,—
И тамъ легко захватимъ кардинала.

Сен-Марсъ.

Аминь! И если намъ поможетъ Богъ,—
Съ зарей взойдетъ заря свободы нашей...

Де-Ту.

Шаги я слышу за палаткой...

Часовой (*за палаткой*).

Кто

Идетъ!...

Голосъ.

Свои.

Часовой.

Пароль?

Голосъ.

Дворянство.

Часовой.

Лозунгъ?

Голосъ.

Монархія.

Сен-Марсъ.

Войдите.

(*Входятъ мускетеры Локмаріа, Де-Муи, Кавзакъ и Лондиньи. Съ ними три или четыре офицера полка д'Эффіа*).

Явленіе 2-е.

Сен-Марсъ.

Добрый вечеръ.

Локмаріа.

Все тихо въ лагерѣ; всѣ на мѣстахъ.

Де-Муи.

Кардиналисты улеглись на отдыхъ...

Сен-Марсъ.

А наши что?...

ЛОКМАРІА.

Готовы. Ждутъ сигнала.

КАГЮЗАКЪ.

Пѣхота въ мигъ построится въ ряды...

ЛОНДИНЬИ.

И на коней въ мигъ сядетъ кавалерья...

СЕН-МАРСЪ.

А духъ солдатъ каковъ?...

ЛОКМАРІА.

Вполнѣ надеженъ.

СЕН-МАРСЪ.

Отлично... Да... Но герцога Гастона
Солдаты—какъ?...

ДЕ-МУИ.

Они энтузіазмомъ
Проникнуты не менѣе другихъ...

КАГЮЗАКЪ.

Всѣ только ждутъ...

СЕН-МАРСЪ.

Когда сигнальный выстрѣлъ
Изъ этого раздастся пистолета, —
Вы знаете,--что̀ дѣлать вы должны?

ЛОКМАРІА.

Солдаты наши бросятся внезапно,—
И, захвативъ въ расплохъ кардиналистовъ,—
Всѣхъ перевяжутъ...

Сен-Марсъ.

Такъ... (*Встаетъ и говоритъ имъ торжественно*) Ну, господа!
Великая минута наступаетъ!
Дворянство Франціи на насъ глядитъ
Какъ на послѣднюю свою надежду; —
Глядитъ на насъ съ участьемъ и тревогой...
Отъ нашего успѣха впереди
Зависитъ все. Или дворянство вмѣстѣ
Съ монархіей упрочится надолго, —
Или оно безвременно погибнетъ,
Монархія-жъ лишится въ немъ опоры
Надежнѣйшей и въ будущемъ—она
Пойдетъ одна, —куда?—Покажетъ время...
Исполнимъ-же, друзья, призванье наше!
Исполнимъ честно съ самоотверженьемъ!
Исполнимъ такъ,—что, если мы погибнемъ,
То Франція могла-бъ о насъ сказать,
Что съ гибелью Французскаго дворянства
Она не мало свѣтлыхъ, величавыхъ
И благородныхъ силъ похоронила!...
Что съ нами,—въ ней исчезнетъ навсегда
«Noblesse—oblige!»—девизъ незамѣнимый!...
И такъ,—впередъ!... Но я, друзья, не скрою,
Что предстоитъ опасное намъ дѣло!
Нашъ врагъ силенъ интригой и коварствомъ,
Вліяніемъ на короля и тѣми
Кому въ волненьяхъ нечего терять...
И, если намъ нашъ подвигъ не удастся,—
Не пощадитъ насъ злобный кардиналъ
И наша участь,—плаха и топоръ!...
И вотъ, —кого сей жребій устрашаетъ,—

Тотъ можетъ насъ сейчасъ легко оставить
Пока еще есть время!...

Всѣ.

Никогда!...
Нѣтъ, никогда!... Умремъ,—но не измѣнимъ!...

Сен-Марсъ.

И такъ, друзья, до скораго свиданья!...
Сигналъ не запоздаетъ... А теперь,—
Локмаріа! Позвольте васъ обнять.
Вы старше всѣхъ и въ васъ я обнимаю,
Всѣхъ дорогихъ сообщниковъ моихъ!... (*Обнимаетъ Локмарію, который плачетъ*).
Да будетъ-же благословенье неба
Надеждой лучшей нашей на успѣхъ!...
И такъ, друзья, еще разъ, до-свиданья...

(*Жметъ руку каждому изъ офицеровъ, которые, затѣмъ, кланяются и уходятъ. Сен-Марсъ снимаетъ шляпу и кладетъ въ сторону; стоитъ минуту противъ де-Ту. Они смотрятъ молча другъ на друга*).

Явленіе 3-е.

Сен-Марсъ.

Обнимемся-жъ и мы съ тобой, мой другъ!
Товарищъ мой во всѣхъ волненьяхъ жизни!...
Передъ перстомъ невѣдомой судьбы
Да будетъ ободреньемъ наша дружба!...
А спутникомъ и въ счастьѣ и въ несчастьѣ
Да будетъ намъ безсмертная любовь!...

Твоя—къ твоей Инезъ де-Тремонтезъ!
Моя—къ моей Маріи де-Гонзаго!...

(*Обнимаются. Сен-Марсъ молча смотритъ на пистолетъ, кладетъ на него руку*).

Сен-Марсъ.

Да, выстрѣлъ грянетъ и, кто скажетъ,—гдѣ
И чѣмъ онъ отзовется?... Сколько крови
Прольется, можетъ быть, и сколько горя
И жгучихъ слезъ онъ вызоветъ!... Но, онъ-же
Дворянства честь для Франціи спасетъ
И Францію—для честнаго дворянства!...
А если будетъ онъ сигналомъ бѣдствій
То пусть тогда отвѣтственность предъ Богомъ
И предъ людьми — падетъ на Ришелье!...

(*Подходитъ къ раскрытому входу въ палатку. Луна взошла высоко и ее не видно; но Сен-Марсъ весь освѣщенъ луннымъ свѣтомъ. Онъ нѣсколько мгновеній смотритъ молча на небо*).

Сен-Марсъ.

Какъ ночь тиха!... Луна такъ ярко свѣтитъ...
Такъ небо ясно... Звѣзды въ вышинѣ
Съ такой любовью радостно мерцаютъ,
Какъ будто всѣхъ алмазными лучами
Онѣ хотятъ обнять и приласкать!...
Во мглѣ вѣковъ, во мглѣ тысячелѣтій
Онѣ горятъ все также и глядятъ
На дольній міръ, на жизни нашей бренной
Ничтожество подъ бременемъ страстей!...
А вотъ и та прелестная звѣзда,
Которую такъ любимъ мы съ Маріей
Всегда слѣдить,—другъ другу повѣряя
Любви и думъ завѣтныхъ нашихъ тайны—

И лепетъ радужныхъ надеждъ... Привѣтно
Она глядитъ съ ночнаго неба,—словно
Она оттуда видитъ ту дорогу
Любви и славы, по которой мы
Пойдемъ съ моей Маріей въ этой жизни,
Рука съ рукою... Чтобы никогда...
Уже не разлучаться... Никогда...
О, сладкое, святое чувство счастья!
Когда-бъ тебя вкушало сердце часто,—
Какъ тяжело намъ было бъ умирать!...
Безсмертье не могло-бы ничего
Намъ дать въ замѣну этого блаженства!...
Да,—ничего!... О, если-бы ты знала
Моя Марія, какъ въ моей душѣ
Ты царствуешь!... А ты,—въ такую ночь,—
Въ мечтахъ любви стремишься ли къ Сен-Марсу?
(*Задумывается. За сценой раздается стукъ копытъ подскакавшей лошади*).
Но что̀—за шумъ?... (*Вбѣгаетъ посланный и подаетъ Сен-Марсу письмо*).

Посланный.

Гонецъ отъ королевы.

Сен-Марсъ.

Отъ королевы?... Странно.... Что такое?...

(*Беретъ письмо. Посланный уходитъ. Сен-Марсъ подходитъ къ столу, на которомъ горятъ свѣчи, раскрываетъ письмо, читаетъ; на лицѣ его является ужасъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ*).

Де-Ту.

Что съ вами?... Вы блѣднѣете?... Дрожите?...

Сен-Марсъ (*въ ужасѣ, —глухимъ голосомъ, почти шопотомъ*).

Не можетъ быть!... Не можетъ быть! Интрига!... Ужасная интрига!... Посмотрите!...

(*Подаетъ дрожащей рукой письмо де-Ту. Самъ садится, облокачивается на столъ и закрываетъ лицо руками*).

Де-Ту (*громко и медленно читаетъ письмо королевы*).

Любезный маркизъ!

Увѣренная въ рыцарскомъ благородствѣ и великодушіи Вашемъ, королева умоляетъ Васъ оставить знамя мятежа и пощадить любезную намъ Францію отъ ужасовъ и бѣдствій междоусобной войны. Трактатъ съ Испаніей въ рукахъ Его Величества. Принцесса Марія де-Гонзаго измѣнила образъ чувствъ и мыслей своихъ: она приметъ предлагаемую ей польскую корону. Глубоко уважаю въ Васъ преданнаго намъ и Франціи дворянина и сердечно сочувствую Вамъ.

Королева Анна.

(*Молчаніе. Де-Ту подходитъ къ Сен-Марсу и кладетъ руку на его плечо*).

Де-Ту.

Мой другъ!...

Сен-Марсъ (*открываетъ лицо; медленно подымаетъ голову. Онъ страшно блѣденъ; глаза его неподвижно, въ ужасѣ, устремлены въ пространство*).

Измѣна?... Нѣтъ!... Не понимаю!... Ужель она!... Марія!... Покажите!... (*Беретъ письмо,— просматриваетъ и судорожно мнетъ его въ рукѣ*).

Не понимаю!... Демонъ честолюбья?...
Отрава?... Нѣтъ!... Ума не приложу!...
Она!... Такъ измѣнить!... Ничтожно все!...
Безсильно все предъ этимъ вѣроломствомъ!...
О Боже!... Боже!... (*Закрываетъ лицо руками; голова его падаетъ на столъ; онъ рыдаетъ; потомъ быстро подымаетъ голову; глаза его устремлены въ пространство*).
Что-жъ?... Ударъ судьбы!...
Одинъ ударъ... и я безповоротно
Раздавленъ имъ?... Раздавленъ какъ червякъ!...
Гнетущей, темной и проклятой силой!...
Нѣтъ больше связей между мной и міромъ!..
И съ вѣчностью моя порвалась связь!...
Я никому не нуженъ и никто
Не нуженъ мнѣ... Все пусто, глухо, дико ..
Гдѣ я?... Куда пойду я?... Для чего?...
Гдѣ сердце то, что сердцу моему
Отвѣтитъ?... Гдѣ?... О, пелена обмана
Вселенную заволокла, какъ саванъ!... (*Глаза его падаютъ на пистолетъ онъ бросается къ нему*).
А!... Вотъ гдѣ помощь!... Кончено... Довольно!...
Проклятіе!...

(*Хватаетъ пистолетъ и хочетъ его направить себѣ въ грудь. Де-Ту схватываетъ его за руку*).

Де-Ту (*строго*).

Опомнитесь,—Сен-Марсъ!...

Сен-Марсъ.

Прочь отъ меня!... Оставьте!... Отойдите!...
Меня судьба отвергла съ омерзѣньемъ!...

Кто говоритъ о дружбѣ?... о любви?...
Кто говоритъ?... Прочь отъ меня!...

Де-Ту (*громко*).

А честь?...
А долгъ?... А ваше назначенье?...

Сен-Марсъ (*въ изнеможеніи кладетъ пистолетъ на столъ и— беретъ руку де-Ту*).

Послушайте,—вы другъ мнѣ, или нѣтъ?
Такъ сжальтесь-же!... Прошу васъ!... Умоляю!...
Вы видите?... Проклятье надо мной!...

Де-Ту (*смотритъ на него пристально одно мгновеніе*).

А Ришелье?... Опомнитесь Сен-Марсъ!...
Смотрите,—тамъ ждутъ вашего сигнала,—
Въ томъ выстрѣлѣ всей Франціи судьба,—
А вы хотите низко, малодушно
Теперь его въ свою направить грудь
И отъ судьбы бѣжать какъ трусъ презрѣнный!...

Сен-Марсъ (*вздрагиваетъ и какъ-бы опомнившись*).

Да!... Ришелье... Проклятая ехидна!...
Тлетворная зараза!... Нѣтъ!... Ты правъ!...
Пока онъ живъ мнѣ умереть нельзя!...
Прости мнѣ, другъ, прости минуту скорби
И слабости!... Ты правъ!... Такъ... вижу я...
Тотъ кто судьбой на подвигъ обреченъ,—
Нѣтъ!. . Тотъ не властенъ надъ своею жизнью!...
(*Подумавъ одно мгновеніе*).

Скорѣе-же!... За дѣло!... Ядовитый
Паукъ засѣлъ въ Нарбоннѣ!... Мы его
Захватимъ тамъ!... Король меня увидитъ...
Меня пойметъ... Мнѣ возвратитъ довѣрье ..
И я тогда, минуты не теряя,
Лечу къ Маріи де-Гонзаго!... Пусть
Она сама въ глаза мнѣ прямо скажетъ,
Что это все не адская интрига,
Не клевета, что польская корона
Дороже ей, что этотъ блескъ затмилъ
Въ ея душѣ огонь любви къ Сен-Марсу.
Скорѣе-же!... За дѣло!... Пусть сигналъ
Возстанія и мщенья грозно грянетъ!...

(*Бросается къ пистолету*).

Голосъ часового (*за палаткой*).

Стой!... Кто идетъ!

(*Капитанъ королевской охраны съ отрядомъ солдатъ, изъ которыхъ нѣкоторые держатъ факелы, останавливается у входа въ ставку*).

Отъ короля,—съ Его
Величества приказомъ.

Сен-Марсъ.

Пропустить

Капитанъ королевской охраны съ нѣкоторыми офицерами входитъ въ ставку; солдаты съ факелами остаются у входа. Капитанъ развертывая передъ Сен-Марсомъ бумагу съ печатью короля,—громкимъ голосомъ говоритъ:

Капитанъ.

Генрихъ д'Эффіа, маркизъ де-Сен-Марсъ, — Оберъ Шталмейстеръ двора Его Величества и Августъ Фран-

цискъ де-Ту, — Государственный Совѣтникъ! Именемъ Его Величества короля,—вы арестованы по обвиненію васъ въ государственной измѣнѣ.

Сен-Марсъ.

Какъ?... что?... король!:.. Приказъ отъ короля?...

(*Занавѣсъ*).

Дѣйствіе V-е.

Дѣйствующія лица.

Кардиналъ Ришелье.
Сен-Марсъ.
Де-Ту.
Графъ Монтрезоръ.
Шавиньи.
Фаберъ.
Судья Миромениль.
Священникъ отецъ Мальвалетъ.
Старуха—нищая.
Четыре горожанина.
Мужикъ.
Полупьяный мужикъ-оборвышъ.
Іезуитъ.
Молодой парень.
Солдаты часовые у тюрьмы, войска, офицеры, народъ.

Дѣйствіе V-е.

Сцена 1-я.

(Помѣщеніе кардинала Ришелье въ Ліонѣ. Узкая, длинная, высокая комната, въ стилѣ средневѣковыхъ монастырскихъ помѣщеній. Противъ публики — три высокихъ, готическихъ окна, около которыхъ длинный столъ, заваленный бумагами. Направо — кушетка, на которой полулежитъ въ подушкахъ *Ришелье* больной; ноги его закрыты одѣяломъ. У изголовья его стоятъ: *Шавиньи* и *генералъ Фаберъ*. У стѣнъ — нѣсколько стульевъ фасона той эпохи. Налѣво—ближе къ авансценѣ—каминъ, въ которомъ огонь. Далѣе, рядомъ съ каминомъ, входная готическая дверь).

Явленіе 1-е.

Ришелье, Шавиньи и Фаберъ.

Ришелье.

И вотъ,—трагикомедіи послѣдней —
Послѣдній актъ... Все вышло такъ, какъ я
Предвидѣлъ... Всѣ звѣрьки попали въ сѣти,
Которыя искусно я разставилъ...
Вы говорите,—Шавиньи,- Ея
Величество помилованья проситъ
Сен-Марсу и де-Ту?... Вамъ Мазарини
Такъ передалъ?...

Шавиньи.

Такъ точно.

Ришелье.

Вы велѣли
Ихъ привести сюда?

Шавиньи.

Они ужъ здѣсь,
Въ пріемной, Ваша Свѣтлость.

Ришелье.

Королевой
Теперь нельзя пренебрегать... Нельзя...
Всѣ шансы на регенство потерялъ—
Безповоротно—герцогъ Орлеанскій...
И, въ случаѣ, храни Господь,—кончины
Его Величества,—регентшей будетъ
Конечно, королева.

Шавиньи.

Почему-жъ?
Пока еще вы живы, Ваша Свѣтлость...

Ришелье.

Ну, это слишкомъ ужъ невѣрно, добрый
Мой Шавиньи,—вы видите,—совсѣмъ
Мнѣ плохо... Смерть идетъ... Но прежде, все-же,
Чтобы моимъ трудамъ не дать погибнуть,—
Регенство мы какъ слѣдуетъ обставимъ:
Совѣтъ при королевѣ учредимъ
И въ члены—кардинала Мазарини
И васъ, мой другъ, и кой-кого еще
Назначимъ... Но, пока, не въ этомъ дѣло...
И такъ, чтобъ быть пріятнымъ королевѣ,
Да и народъ задобрить,—я не прочь

Надежду на прощенье пробудить
Въ виновникахъ... (*Хитро*) Не такъ-ли Шавиньи?

Шавиньи (*подобострастно*).

Извѣстно всѣмъ, какъ вы великодушны!...

Генералъ Фаберъ (*простосердечно*).

Да и къ чему казнить ихъ? вѣдь бояться
Намъ нечего. Правительству всегда
На армію возможно опереться,
Пока сильна въ ней будетъ дисциплина,
Пока солдатъ не смѣетъ разсуждать, —
Дворяне-ли, народъ. или мѣщане
Предъ нимъ, — а просто слушаетъ команду...
Я, Ваша Свѣтлость, за моихъ солдатъ
Ручаюсь,—я для нихъ—не дворянинъ, —
Они во мнѣ солдата только видятъ.

Ришелье.

Правительству всего нужнѣе это.
Оно должно само своею цѣлью
Быть для себя: а разныя сословья
Не болѣе—какъ средство, чтобъ вѣрнѣй
Господствовать надъ всѣми... (*Къ Шавиньи*). Прикажите
Ввести сюда преступниковъ... Увидимъ...
Исполнится-ль желанье королевы. (*Шавиньи уходитъ*).

Генералъ Фаберъ.

Идетъ къ развязкѣ дѣло.

Явленіе 2-е.

Шавиньи возвращается вмѣстѣ съ *Сен-Марсомъ* и *де-Ту*, въ сопровожденіи четырехъ солдатъ съ алебардами, которые, войдя, останавливаются у двери. Служители ставятъ два стула на срединѣ сцены, противъ Ришелье и уходятъ. Сен-Марсъ и де-Ту въ чорной одеждѣ. Видъ ихъ мраченъ но спокоенъ.

Ришелье.

Господа,
Прошу садиться. (*Помолчавъ немного*). Милосердье
Божье
Спасло еще разъ Францію отъ бѣдъ
И ужасовъ междоусобья... Вашимъ
Намѣреньямъ преступнымъ не дано
Осуществиться... Остается намъ
Благодаренья вознести смиренно
Къ Царю царей... И въ силу вѣчной правды
Преступниковъ подвергнуть карѣ,—ими
Заслуженной... Законъ неумолимъ:
Того, кто посягаетъ на отчизну,
Онъ наказуетъ смертью,—отсѣкая
Его какъ язвой зараженный членъ
Общественнаго организма... Правда
Не можетъ быть разрушена... Но правда
Не разрушаетъ также милости... И вотъ,
Въ виду того, что ваше преступленье
Не нанесло возможнаго вреда
Отечеству, въ виду прекрасныхъ вашихъ
Способностей и молодости вашей,
Желательно намъ милостью смягчить
Суровость правды и для дней грядущихъ

Сберечь полезнымъ цѣлямъ ваши силы,—
И зло привесть такимъ путемъ къ добру...
И такъ,—возможно было-бы избѣгнуть
Вамъ смертной казни, если только вы
Раскаяньемъ смягчите ваше сердце
И честное мнѣ слово *дворянина*
Дадите въ томъ, что больше никогда
Не будете противъ моей особы
Злоумышлять и новымъ заговоромъ
Не будете правительство тревожить...
Согласны-ль вы на это, господа?...

Сен-Марсъ (*послѣ минутнаго молчанія*).

Согласны-ли?... Зачѣмъ?... Чтобъ жизнь спасти?...
Какую жизнь?... Истерзанный тоскою,
Съ душой отравленной обмана ядомъ,
Униженный, измученный измѣной,—
Я выданъ вамъ, какъ пойманный злодѣй!...
Согласны-ли?... О Боже всемогущій!
Ужели жизнь такой проклятый даръ,
Что можетъ въ насъ ея немолчный голосъ
Все заглушить!... Все!... Чувство долга, чести!...
Что человѣкъ способенъ все забыть,
Ото всего отречься,—лишь бы только
Себѣ дыханье жизни сохранить!...
Нѣтъ!... Это слишкомъ!... Это невозможно!...
Разрушены всѣ свѣтлыя надежды!...
Осмѣяны завѣтныя мечты!...
Оскорблена души моей святыня
И вѣра въ правду Божью пошатнулась!...
Могу-ли я отвѣтить на вопросъ:
«Согласны ли?...» Рѣшайте это сами!... (*Встаетъ*).

Но я—скажу другое... Не спѣшите,
Предъ Господомъ колѣни преклоняя,
Благодарить за то, что наше дѣло
Не удалось... Нѣтъ!... Пусть докажетъ время,
Пусть не слова,—а жизнь сама докажетъ,
Что на костяхъ погибшаго дворянства
Монархія прочнѣе утвердится,
Что Франція къ могуществу и къ счастью
Съ монархомъ безъ дворянъ дойдетъ вѣрнѣй...
Помедлите благодарить смиренно
Царя царей!... Пока возможность есть,—
Опомнитесь!... Я знаю,—надо мною
Уже топоръ сверкаетъ роковой,
Ужъ подо мной разверзлася могила —
И праздными теперь мои слова
Быть не должны... Но я готовъ сказать,
Что Господомъ вамъ данъ великій геній,—
Сказать,—что вы великій человѣкъ...
Но отъ того, кому дано такъ много—
И спросится не мало!... Вы извнѣ
Могущества броней отчизну нашу
И славою чудесно облекли!...
Сплотите-же и внутреннія силы
Монархіи!... Уравновѣсьте-жъ мудро
Призванье всѣхъ сословій въ государствѣ
И въ нихъ посѣйте миръ, а не раздоръ!
Тогда-то васъ благословитъ потомство!...
Тогда и я готовъ мою погибель
И мой жестокій жребій вамъ простить...

Ришелье.

Я вижу,—вы въ прискорбномъ заблужденьѣ,
Маркизъ... Вы судите пристрастно... Вотъ—

Я, Шавиньи, Фаберъ,—мы всѣ—дворяне,—
Но смотримъ мы не такъ односторонне.

Фаберъ.

Я думаю,—не мудрствуя лукаво:
Тамъ гдѣ силенъ Монархъ самодержавный,—
Тамъ всѣ равно его величьемъ сильны
И всѣ равно ничтожны передъ нимъ...
И если онъ, когда нибудь, вполнѣ
Пойметъ, сознаетъ самъ свое призванье,—
Онъ скажетъ: «Государство—это—я,»—
И будетъ правъ, и всемогущъ...

Сен-Марсъ.

Фаберъ!
Вы не судья надъ нами, надъ дворянствомъ!
Вашъ дѣдъ—солдатъ, а вы—полусолдатъ—
Полу-придворный—и преданья наши
Безмолвны и безсмысленны для васъ,—
Какъ для иныхъ изъ нашихъ отщепенцевъ...

Ришелье.

Мнѣ очень жаль такія рѣчи слышать,
Маркизъ... Что скажетъ кавалеръ де-Ту?...

Де-Ту (*вставая*).

Онъ скажетъ вамъ, что онъ святыней дружбы
Съ Сен-Марсомъ связанъ и его судьбу
Раздѣлитъ честно съ нимъ, какъ соучастникъ
Въ намѣреньяхъ и въ дѣйствіяхъ его.
Онъ скажетъ вамъ то, что сказать онъ можетъ
Какъ исповѣдь свою предъ цѣлымъ свѣтомъ.
Я этотъ путь сознательно избралъ

И не страшна мнѣ за могилой вѣчность:
Ее мнѣ свѣточъ вѣры озаряетъ
Великимъ свѣтомъ и въ ея лучахъ
Виднѣется мнѣ ясно то что ждетъ
Здѣсь на землѣ, въ грядущемъ человѣка...
Путемъ борьбы, страданій, жертвъ кровавыхъ
Достигнетъ онъ святого назначенья,
Которое ему самимъ Творцомъ
Указано... Я вижу, вижу ясно
Тотъ вѣкъ, когда соединятся люди
Въ единую великую семью,
Въ семью любви и разума... И будетъ
Едино стадо и единый пастырь!...
Тогда-то люди всѣ, какъ братья, въ мирѣ,
Въ согласіи пойдутъ къ высокой цѣли, —
Къ возможному довольству на землѣ,
Къ возможному на свѣтѣ совершенству, —
Чтобъ человѣкъ, какъ человѣкъ былъ счастливъ,
А не какъ рабъ иль дѣспотъ... И тогда
Ни хищниковъ не будетъ, ни сословій
Между собой враждебныхъ, —ни солдатъ...
О, какъ тогда и жалки, и презрѣнны
Окажутся всѣ ваши ухищренья
Держать людей, для вашихъ узкихъ цѣлей,
Въ невѣжествѣ позорномъ и въ цѣпяхъ!...
Весь этотъ хламъ чиновныхъ іерархій!...
Всѣ измышленья техники военной,
Чтобы людей путемъ братоубійства
Успѣшней и вѣрнѣе истреблять!...
Да, —я давно избралъ мой путь съ сознаньемъ
И я готовъ взойдти на эшафотъ,
Какъ другъ Сен-Марса, какъ его сообщникъ
И подвигъ нашъ безплодно не погибнетъ!...

Чтобъ въ людяхъ голосъ чести не замолкъ,
Чтобъ не угасла въ нихъ любовь къ искуству.
Чтобъ высшаго достигнуть идеала, —
Среди стремленій дикихъ и бездушныхъ,—
Насъ охватившихъ,—намъ необходимо
До времени—отъ гибели спасти,—
Какъ нѣкогда ковчегъ во дни потопа,—
Ту высшую сословную среду,
Которую вы сокрушить стремитесь,
Которая, какъ вождь передовой,—
Какъ доблести и знанія носитель,—
Нужна для младшей братіи... И въ этомъ
Я убѣжденъ и—умереть готовъ!...

Ришелье.

Безумный бредъ мечтателя .. Однако,
Желалъ-бы я,—пока еще возможно,—
Предупредить готовый приговоръ...
Маркизъ,—вѣдь я съ отцомъ былъ вашимъ дружен
И съ вашей матерью...

Сен-Марсъ.

Остановитесь!...
Не трогайте святого чувства дружбы!...
Забудьте о родителяхъ моихъ!...
Вы знаете, вамъ хорошо извѣстно,—
Кто для меня почти отъ колыбели
Мой злѣйшій врагъ!... Вы не могли забыть,
Какъ въ тѣ лѣта, когда я былъ ребенкомъ,—
Вы отъ семьи, отъ сельской тишины,—
Меня, для вашихъ цѣлей оторвали
И королю, въ забаву, какъ игрушку

Вы отдали,—чтобъ отвлекать его
Отъ разныхъ неугодныхъ вамъ вліяній...
Я не забылъ,—какъ вы во мнѣ старались
Мой дѣтскій умъ и душу развратить,—
И что-жъ!... Когда король меня возвысилъ,
Когда я сталъ ему необходимъ—
И встрѣтилъ ту, которая зажгла
Въ моей душѣ любви святое пламя,—
Кто,—первый, вдругъ, тогда заговорилъ
О томъ, что я опасный честолюбецъ?
Кто королю внушалъ ко мнѣ презрѣнье—
И мысль—о бракѣ съ Польскимъ королемъ
Принцессы-де-Гонзаго?... Кто?... Скажите!...
И вотъ, теперь, когда вся жизнь моя
Изломана немилосердно вами,
Когда меня, несчастье и позоръ
Повергли въ прахъ,—вы говорите мнѣ
О состраданьѣ!... О какой то дружбѣ
Къ родителямъ!... Нѣтъ!... Это слишкомъ... слишкомъ!..
Послушайте!... Вы можете на плаху
Меня послать,—меня поставить въ пытку,—
Меня велѣть живого растерзать!...
Все это въ вашей власти... Но, молю васъ,—
Не оскорбляйте вашимъ состраданьемъ
Послѣднія мои минуты... Я
И безъ того—униженъ, уничтоженъ...
А состраданье ваше—для меня—
Изъ всѣхъ обидъ—горчайшая обида!...

Ришелье.

Я вашу жизнь хотѣлъ спасти, маркизъ,
Но, это мнѣ не удалось... Прощайте...

Сен-Марсъ.

Нѣтъ, кардиналъ, я съ вами не прощаюсь!...
Еще мы съ вами счеты не свели!
Еще души убитой, оскорбленной,
Безмолвіе не куплено насильемъ!. .
Я говорю вамъ—до свиданья,—тамъ
Гдѣ лести нѣтъ, гдѣ нѣтъ лицепріятья,
Гдѣ безполезны всѣ хитросплетенья,
Гдѣ лицемѣрье не поможетъ вамъ!...
Разсудитъ насъ не здѣшній Судія!
Разсудитъ насъ великій сердцевѣдецъ!
Тотъ, передъ Кѣмъ всѣ тайники души
Обнажены,— и козни честолюбья,
И гордости надменные разсчеты,
И горькій вопль растерзаннаго сердца
И плачъ любви отравленной измѣной!...
Я васъ зову на этотъ высшій судъ,—
Передъ лицемъ далекаго потомства,—
Предъ вѣчностью—за темною могилой!...

(*Сен-Марсъ, де-Ту и четыре солдата уходятъ*).

Сцена 2-я.

До поднятія занавѣса слышанъ церковный перезвонъ по покойнику. Площадь *Терро* (*des Terreaux*) въ г. Ліонѣ, 1642 г. 12 сентября. Вдали видны горы, монастыри Сен-Низіеръ, Кармелитовъ и другіе, а также укрѣпленія. Внизу — панорама города и рѣка Саона. Все освѣщено лучами заходящаго солнца. Съ лѣвой стороны сцены,—большой, готическій входъ, съ желѣзной рѣшеткой, въ тюрьму. У входа—взводъ солдатъ съ алебардами. По поднятіи занавѣса, время отъ времени еще

слышенъ похоронный перезвонъ. Издалека раздаются тихіе звуки марша, которые вскорѣ умолкаютъ. Съ разныхъ сторонъ начинаютъ сходиться на площадь горожане и простолюдины,—мужчины и женщины.

Явленіе 1-е.

1-й горожанинъ *(смотритъ вдаль за кулисы).*

Экъ—ихъ валитъ!.. Смотри!... Смотри-ка—словно
Намъ врагъ грозитъ!...

2-й горожанинъ.

И вправду!... Что за притча?...
Смотри, смотри,—со всѣхъ сторонъ идутъ,
Идутъ полки,—что волны въ наводненье...

3-й горожанинъ.

Еще, еще солдаты... Что за диво?...

1-й горожанинъ.

Не торжество-ль какое затѣваютъ?...

2-й горожанинъ.

Какому-жъ быть тутъ торжеству?... Покамѣсть
Ни о какой побѣдѣ надъ врагомъ
Не слышно что-то...

3-й горожанинъ.

Да, мы не слыхали...

4-й горожанинъ.

Не родила-ли королева принца?

1-й горожанинъ.

Ну, это что-то мудрено: король
Хвораетъ ужъ давненько...

2-й горожанинъ.

Господа,—
Не пронесутъ ли кардинала здѣсь?...

3-й горожанинъ.

И впрямь,—ему ходить ужъ не подъ-силу;
Такъ вотъ, его въ носилкахъ, словно куклу,
Таскаютъ чуть не сорокъ человѣкъ...

1-й горожанинъ.

О кардиналѣ нашемъ говорить
Поосторожнѣй не мѣшало-бъ... Право...
Неровенъ часъ — наскочишь на бѣду...

4-й горожанинъ.

Да что за чортъ!—Какъ есть какой-то праздникъ!
Вотъ и звонятъ зачѣмъ-то...

Мужикъ *(изъ толпы, которая, между тѣмъ все увеличивается).*

Хе! хе! хе!
Какой тутъ праздникъ?... Вотъ такъ господа!
Имъ всюду пиръ!... А разобрать не могутъ,
Что по покойнику звонятъ...

4-й горожанинъ.

А вѣдь и вправду,—
Звонятъ-то по покойнику... Ну, видно—

Кого-нибудь изъ важныхъ хоронить
Сбираются...

3-й горожанинъ.

Не самъ-ли кардиналъ
Далъ маху?

2-й горожанинъ.

Да... Вѣдь онъ давно ужъ боленъ...

3-й горожанинъ.

Да и пора-бы... Всѣмъ ужъ надоѣли
Налоги, войны...

1-й горожанинъ.

Что—вы! Что—вы! Или
Двѣ головы у васъ!...

Мужикъ *(изъ толпы, указывая въ сторону, за кулисы).*

Смотрите, братцы,
Вотъ штука въ чемъ!... Вотъ—что... Гляди-какую
Махину тамъ сооружаютъ черти!...

Другіе голоса.

Такъ, такъ и есть... Эге!... Да это плаху
Никакъ тамъ строютъ...

Еще голоса.

Плаху... Такъ и есть!...

Мужикъ *(средняго лѣта).*

Ахъ, Господи! Да для кого же это?

Молодой парень.

Не для тебя-ли, дяденька?... *(Въ народѣ смѣхъ).*

Мужикъ *(среднихъ лѣтъ).*

Ну, ты,
Щенокъ!... Тебя-бъ повѣсить, какъ собаку...

(Толпа надвигается къ тюрьмѣ).

Часовые *(скрестивъ алебарды).*

Куда!... Назадъ!... Назадъ!... Не напирай!...

1-й гражданинъ.

Ахъ, батюшки,—да это ужъ не тѣхъ-ли
Двухъ баричей—дворянъ,—что̀ кардиналъ
Съ собой сюда привезъ и засадилъ?...

Часовые.

Не напирай,—вамъ говорятъ,—назадъ!...

Голоса въ толпѣ.

Такъ, такъ,—дворянъ!... Что-жъ?... Ништо имъ!...
Посмотримъ!
Посмотримъ!

Старуха нищая.

Вотъ,—о Господи прости!—
Озарники!... Имъ только-бы глазѣть!...
Имъ все равно... На даровщину-бъ только
Что-нибудь есть смотрѣть!... А что смотрѣть-то?...
Барана, что-ли, будутъ рѣзать?... Или
Быка убьютъ?... И то, вѣдь было-бъ жаль
Смотрѣть!... А тутъ, вѣдь молодыхъ, цвѣтущихъ
Людей казнятъ... Эхъ!... Сказано,—народъ!..

Одинъ изъ толпы.

Что-жъ,—если Богу такъ угодно?...

Старуха нищая.

Богу?
Чтобы лишать созданья Божье жизни?—
Не думаю... Ужъ что-то больно много
На Бога-то выдумываютъ нынче....

Одинъ изъ толпы.

А поглядишь по пристальнѣй,—и выйдетъ,
Что тутъ совсѣмъ не Богъ,—а развѣ—чортъ,
Иль тотъ, кто между нами посильнѣе...
Примѣромъ будь—хоть кардиналъ...

Голоса.

Эй, вы!...
Посторонись!... Не видите?... Солдаты
Сюда идутъ!...

Толпа (*скучиваясь въ глубинѣ сцены*).

Вотъ сила-то валитъ!...
Держись!... Держись!... Не задавили бъ,— братцы!...
У!... Чтобъ ихъ!... Право... Тоже—для порядка
Небось,—людей-то беззащитныхъ давятъ!..

(*Маршъ. Войска проходятъ черезъ сцену. Раздается команда: „лѣвое плечо впередъ!“ „ровняйся!“ и пр. Барабанъ. Войска устанавливаются вдоль сцены на-право, лицомъ за кулисы, составляя, такимъ образомъ, фронтъ, чтобы посторонніе были удалены и не могли бы пройдти къ мѣсту казни. Народъ толпится въ углубленіи сцены*).

Явленіе 2-е.

(*Графъ Монтрезоръ и судья Мироменилъ. Мироменилъ— въ судейской одеждѣ*).

ГРАФЪ МОНТРЕЗОРЪ.

Мы, кажется, не опоздали съ вами.
Не вывели еще приговоренныхъ?

СУДЬЯ.

Нѣтъ. Ихъ теперь приготовляютъ къ казни.

ГРАФЪ МОНТРЕЗОРЪ

Приготовляютъ къ казни!... Да... опять
Приходится—къ столькимъ уже погибшимъ—
Еще двѣ жертвы новыя причесть!...
Двѣ жизни—благородныхъ и прекрасныхъ
Какъ дня весенняго разсвѣтъ!. . И для чего
Такъ много крови драгоцѣнной льется?...
Не для того-ль, чтобы усилить власть
Монархіи?... Чтобъ деспотъ кардиналъ
Сказать бы могъ, что передъ нимъ склонилось,
Сравнялось все,—безмолствуя во имя
Общественнаго блага и порядка?...
И лучшихъ слугъ монархіи—дворянъ—
Для этого на плаху посылаютъ,
Стремясь, чтобы монархъ во всемъ величьи
Стоялъ *одинъ* передъ народной массой!...
Но, этимъ цѣль достигнется едва-ль!...
Могучій дубъ стоитъ... Вокругъ него
Растетъ на стражѣ роща—отстраняя
Насилья бурь и засухи огонь....
Но дровосѣкъ безумно истребляетъ

Ту рощу,—степь является вокругъ,—
И царь лѣсовъ открытымъ остается
Всему тому, что для него враждебно!...
Для этого-ль хлопочетъ кардиналъ?...

Судья Мироменилъ.

Я сдѣлалъ все чтобъ ихъ спасти, но судъ
По выбору составленъ кардинала...
Угодно вамъ здѣсь ожидать, — пока
Виновные пойдутъ на мѣсто казни?

Графъ Монтрезоръ.

Мнѣ ихъ разрѣшено обоихъ видѣть,
Имъ кое-что сказать и передать
Имъ отъ родныхъ прощальные привѣты.

Судья Мироменилъ.

Такъ я пойду теперь къ моимъ сочленамъ
И прикажу,—чтобъ на мгновенье, здѣсь
Сен-Марса и де-Ту остановили.

Графъ Монтрезоръ.

Благодарю васъ очень. (*Судья уходитъ въ тюрьму*)

Голосъ изъ толпы.

Ну, немного
Намъ, кажется, придется здѣсь увидѣть!

Второй голосъ.

Да, правда, правда!...

Третій голосъ.

Нечего сказать!...
Вишь какъ солдаты обступили плаху...

Второй.

Добро-бы—кладъ какой оберегали.
А то,--мѣшаютъ намъ самимъ смотрѣть,—
Какъ намъ-же рубятъ головы...

Первый.

Вотъ умникъ!
Не понимаетъ,—что *они* боятся,
Чтобъ кто-нибудь не помѣшалъ...

Второй.

Чего?...

Первый.

Того... Эхъ!—Ты!...

Третій.

Вотъ это право чудно:
Боятся насъ,—а мы-то сами всѣхъ
Боимся...

Голоса изъ толпы.

Тише, тише, смирно, братцы!...
Смотри—смотри!... Ведутъ... Ведутъ... Ведутъ...
Ахъ, бѣдные дворянчики!... Какіе
Хорошіе да молодые!... Жалко!...

Одинъ голосъ.

Никакъ Сен-Марсъ,—любимецъ короля!...

Явленіе 3-е.

(Раздается команда войскамъ: „На-погребеніе!“ Впереди идетъ барабанщикъ и бьетъ тоже „на погребенье“. Взводъ солдатъ съ алебардами, *священникъ отецъ Мальвалетъ* съ крестомъ и другой монахъ іезуитскаго ордена, который плачетъ навзрыдъ. По обѣ стороны его—*Сен-Марсъ* и *де-Ту*. Сен-Марсъ одѣтъ богато: нагрудникъ,—(*pourpoint*) голландскаго сукна дикаго цвѣта,—покрытый широкими золотыми кружевами съ вышитыми рукавами (*буффами*); остальное—чернаго бархата, вышитое серебряными пальмами. Сѣроватыя ботинки съ красными каблуками и съ золотыми шпорами. Красный плащъ вышитый золотомъ и съ золотыми пуговицами. Шляпа съ большими полями и съ краснымъ большимъ страусовымъ перомъ. Де-Ту—весь въ черномъ. Шествіе замыкается взводомъ алебардщиковъ. Пройдя нѣсколько, — раздается команда: „Стой!“ Сен-Марсъ, де-Ту и священникъ выходятъ на авансцену. Графъ Монтрезоръ—стоитъ сбоку, налѣво въ нѣкоторомъ разстояніи,—осужденные его не видятъ. Всѣ остальные группируются сзади).

Отецъ Мальвалетъ.

Готовы-ль вы предъ Господа предстать?

Сен-Марсъ и Де-Ту.

Готовы.

Отецъ Мальвалетъ.

Принесли-ли, отъ души,
Раскаянье вы въ прегрѣшеньяхъ вашихъ?

Сен-Марсъ и Де-Ту.

Да, принесли.

Отецъ Мальвалетъ.

Простили-ль всѣмъ врагамъ

И ближнимъ зло, которое они
Вамъ сдѣлали когда-нибудь?

Сен-Марсъ.

Отецъ мой,—
Истерзанному сердцу не легко
Отъ нестерпимой боли отрѣшаться...
Я такъ любилъ, такъ вѣрилъ,—прежде чѣмъ
Мнѣ измѣнило все, что было въ жизни
Дороже этой жизни для меня...
Но въ родникѣ души—моя любовь
Переживетъ земную оболочку
И въ чистотѣ предъ Господомъ предстанетъ,—
Безъ горечи,—какъ лучшій даръ небесъ,
Безъ ропота за страшный ядъ измѣны...

Де-Ту.

Я всѣмъ простилъ.

Отецъ Мальвалетъ (*удерживая слезы*).

Да приметъ васъ Господь
И въ праведныхъ селеньяхъ успокоитъ. (*Даетъ цѣловать крестъ*).

(*Сен-Марсъ отдаетъ ему портретъ Маріи де-Гонзаго, который носилъ на себѣ, бриллiантовый перстень и долго, глядя на небо, обнимаетъ отца Мальвалета*).

Судья Мироменiль.

Быть можетъ вы желали бы еще.
Проститься съ кѣмъ?

Сен-Марсъ (*обращаясь къ де-Ту*).

О, другъ мой! Братъ мой милый!
Здѣсь, на землѣ, ты былъ мнѣ ближе всѣхъ.

Обнимемся-жъ до вѣчнаго свиданья!
Прости мнѣ, другъ, прости!... Я виноватъ
Передъ тобой и передъ тѣмъ созданьемъ,
Которое такъ дорого тебѣ!...

Де-Ту.

Я шелъ за вами, другъ мой,—я-бы могъ
Оставить васъ и жить... Но, Богъ свидѣтель—
Какъ я люблю васъ!... Перейдемте-жъ вмѣстѣ
Изъ этой скорбной жизни въ лучшій міръ!

(*Обнимаются*).

Сен-Марсъ.

Любовь мнѣ измѣнила... Можетъ быть
Мнѣ улыбнется слава за могилой...
Но, для чего?...

Де-Ту.

Потомство васъ оцѣнитъ.

Сен-Марсъ.

Потомство?. . Ахъ!... Потомство—*не она!*...

Судья Мироменнль (*указывая на Монтрезора*).

Маркизъ,—вотъ съ вами видѣться желаетъ
Графъ Монтрезоръ.

Сен-Марсъ.

Ахъ, благородный графъ!
Я очень радъ!... Вотъ какъ судьба судила
Намъ встрѣтиться!...

Графъ Монтрезоръ.

Да, грустно,—очень грустно!
Я видѣлъ вашу мать, маркизъ,—она
Потрясена, но горе переноситъ
Съ покорностью судьбѣ. Она велѣла
Вамъ передать ея благословенье
Всѣ ваши лучшіе друзья, маркизъ,
И сослуживцы ваши—свой глубокій
Вамъ шлютъ привѣтъ, прося не сомнѣваться,
Что ваша память будетъ имъ священна,
Что подвигъ вашъ имъ будетъ навсегда
Великимъ, дорогимъ воспоминаньемъ...

Сен-Марсъ.

Я васъ прошу, любезный графъ, принять
Горячія мои благодаренья.
Вы на краю моей могилы, мнѣ
Доставили великую отраду,—
Переходя сегодня въ міръ иной,—
Въ послѣдній разъ привѣтный слышать голосъ
Всѣхъ кто мнѣ былъ такъ дорогъ въ этой жизни...
Скажите матери моей, что я
Прошу ее простить меня... Друзьямъ-же
Всѣхъ въ мірѣ благъ сердечно я желаю (*Жметъ руку графу Монтрезору*).

Графъ Монтрезоръ

Исполню все...

Сен-Марсъ (*многозначительно*).

Скажите королю,
Что умеръ я, какъ дворянинъ,—безъ страха,—
Покорнымъ подданнымъ,—желая страстно,

Чтобы то зло, та язва, что стремился
Я побороть, не выросло потомъ
Въ страшилище, которое повергнетъ
Монархію и Францію въ погибель...
Дай Богъ, чтобы предчувствія мои
Не оправдались... Но, я убѣжденъ,
Что безъ дворянства сильнаго,—на стражѣ,—
Самодержавію не сдобровать!...

Графъ Монтрезоръ.

Да, это такъ... Теперь, хотя, признаться,
Мнѣ это не легко,—но долженъ я
Исполнить то, о чемъ меня просили.—
Привѣтствуя васъ—кавалеръ де-Ту,—
Я вынужденъ вамъ сообщить извѣстье
Печальное... Когда я отправлялся
Сюда,—ко мнѣ прислужница графини
Де-Тремонтезъ пришла...

Де-Ту.

Инезы!... Что-же?

Графъ Монтрезоръ.

Лицо служанки было очень блѣдно,
Заплакано... Она сказала мнѣ,
Что госпожа ея узнавъ, недавно,
О томъ, что вы на казнь обречены,—
Грустила, плакала и, наконецъ,—
Бѣдняжка,—отравилась...

Де-Ту (*въ ужасѣ*).

Боже!... Боже!...

Графъ Монтрезоръ.

Графиня, умирая, поручила
Вамъ передать письмо и это. (*Подаетъ ему письмо и небольшой свертокъ*).

Де-Ту.

Дайте!...
(*Беретъ,—раскрываетъ сперва письмо и читаетъ:*)
«И если ты взойдешь на эшафотъ,—
«Она,—въ объятьяхъ вѣчности,—тебя
«Своей любви объятіями встрѣтитъ...
«Твоя Инеза...» Боже милосердный!...
Ея слова!... Послѣднія слова
Передъ разлукой нашей... (*Плачетъ*) Вотъ примѣръ,
Примѣръ любви—достойный подражанья...
И Римлянка временъ Каріолана
Ей позавидовать могла-бы... (*Развертываетъ свертокъ и вынимаетъ локонъ волосъ*). Локонъ
Ея волосъ!... О прелесть!... О блаженство!...
О милое, небесное созданье!...
Путь къ вѣчности ты озарила мнѣ
Твоей любви безсмертнымъ, райскимъ свѣтомъ!...
(*Страстно цѣлуетъ локонъ*).
Пойдемъ, пойдемъ, о мой товарищъ милый!
Со мной, въ могилу, вмѣстѣ!... А потомъ,—
Пойдемъ въ толпахъ блестящихъ херувимовъ,
Въ созвучіяхъ небесныхъ гимновъ, въ блескѣ
Безсмертія и славы Божества,—
Отыскивать ту дивную, святую,
Которая прислала мнѣ тебя!...
Тамъ въ радостномъ сіяньѣ лучезарномъ
Я съ ней сольюсь душой моей на-вѣки!...

На вѣки!... Съ ней!... И больше нѣтъ разлуки!...
И сладостной гармоніи любви
Уже ничто,—ни время, ни пространство
Ни жалкое сомнѣнье не встревожитъ!...
О, скоро-ль казнь!... Какъ медленно текутъ
Мгновенья здѣсь... Скорѣй, скорѣй—на плаху!...
Она въ объятьяхъ вѣчности меня
Своей любви объятіями встрѣтитъ!...

Сен-Марсъ.

А я!... И здѣсь, и въ вѣчности—одинъ!...
О Боже!... Что такое этотъ міръ—
Достойный слезъ и смѣха, и презрѣнья!...
Умремъ-же! (*Обращается къ толпѣ народа*). Ну, счастливо оставаться,
Любезные друзья!... Желаю вамъ
Всего, что здѣсь въ бозпутномъ этомъ мірѣ
Есть путнаго!...

Народъ.

Спасибо, нашъ голубчикъ,
Благослови тебя Господь!...

Команда.

Впередъ!

(*Барабанъ бьетъ на погребеніе. Фронтъ солдатъ разступается. Процессія съ осужденными, въ прежнемъ порядкѣ проходитъ къ мѣсту казни. Фронтъ смыкается. Толпа народа надвигается ближе къ авансценѣ*).

Голоса въ толпѣ.

Охъ, легче,... легче,... братцы!... не дави!...
Да что давить-то!... Ничего не видно!...
Хоть уходить домой!...

Одинъ *(молодому парню, который впереди)*.

Любезный другъ!
Ты впереди—и видишь. Разскажи-ка
Что тамъ творится?...

Другіе изъ толпы.

Ахъ, вотъ это правда!...
Разсказывай, разсказывай, дружокъ!...
А мы, хоть не увидимъ, такъ услышимъ...

Молодой парень.

Ну, что-же тутъ?... Извѣстно что... Ну, слушай...
Вотъ подвели ихъ къ плахѣ... Вотъ судья
Читаетъ что-то... Ничего не слышно...

Въ толпѣ *(со вздохомъ)*.

Ахъ Господи!...

Молодой парень.

Вотъ кончили читать...
И вотъ священникъ ихъ благословляетъ
И крестъ даетъ имъ цѣловать... Вотъ старшій
Свой красный плащъ снимаетъ... Шляпу бросилъ...
Прощается съ другимъ то... Вотъ идетъ,
Идетъ на плаху, по ступенькамъ,—смѣло...
Вотъ крестится и кланяется всѣмъ...

Весь народъ.

Прощай, прощай, соколикъ нашъ злосчастный!...

Молодой парень.

Вотъ, вотъ ложится... Плаху обхватилъ

Руками крѣпко-крѣпко!... Ай!... Палачъ
Топоръ взмахнулъ!... (*Раздается ударъ*).

Всѣ (*въ ужасѣ*).

Охъ!... Господи помилуй! (*Снимаютъ шапки и крестятся. Нѣкоторые плачутъ, толпа волнуется*).

Народъ.

О, Господи Владыко!... Упокой
Во царствіи Твоемъ...

Голоса.

Палачъ!... Палачъ!...
Смерть палачу! (*Толпа напираетъ, солдаты отбиваютъ ее*).

Другіе.

Ну, что еще тамъ видно?

Молодой парень.

Вотъ и другой, другой подходитъ къ плахѣ...
(*Раздаются удары*).

Голоса.

Э-эхъ! Палачъ!... Палачъ-то неумѣлый!... (*Раздаются дикіе крики и стенанія: «Смерть палачу!»*).

Нѣкоторые голоса.

О Боже! Грѣхъ-то, грѣхъ какой творится!...
(*Волненіе, шумъ, солдаты усмиряютъ толпу*).

Явленіе 5-е.

Народъ по-немногу расходится, возвращаясь съ мѣста казни. Входитъ *Монтрезоръ*. Онъ плачетъ:

1-й изъ народа.

Ахъ. Эка—жалость!... Эка—жалость!.. Право...

2-й.

Да, жаль дворянчика!...

3-й.

А онъ, — сердечный, —
Онъ славный былъ...

1-й.

Давалъ намъ денегъ много.

2-й.

И весельчакъ.

3-й.

Да, если правду молвить,
Такъ ихъ теперь уже не вмочь прижали.

4 й.

Да, да, дворянъ теперь прижали крѣпко.
Ихъ кардиналъ не терпитъ страхъ!...

1-й.

Да развѣ
Намъ лучше чѣмъ дворянамъ?...

2-й.

Жмутъ и насъ.
Куда какъ жмутъ!...

3-й.

Такъ жмутъ, что еле дышимъ...

1-й.

Когда дворянъ они совсѣмъ ужъ скрутятъ,
То и на насъ напрутъ еще сильнѣй...

Нѣсколько голосовъ.

Ну что ты?... Что ты врешь?...

1-й.

А какъ-же, братцы,
Вѣдь эти-жъ всѣ чиновники не даромъ
Работаютъ? Хоть взятки съ насъ дерутъ,—
А сами все-жъ, безъ жалованья, даромъ
Служить они не станутъ? Имъ плати...
А войны весть? Опять вѣдь нужны деньги?...
А кто ихъ дастъ коли не мы?... И надо
Налоги брать на то, или другое...
А какъ намъ знать—по правдѣ-ли они
Берутъ—то съ насъ?... Какъ знать?... Мы—темнота...

4-й.

Да, темнота... Да мы и не посмѣемъ
Тягаться-то, примѣрно съ кардиналомъ...

2-й.

Оно-то такъ... Вотъ, еслибы дворяне
Сошлися съ нами... Дѣло-то того...
Почище было-бъ...

3-й.

Да. Они смѣлѣе
Чѣмъ мы.

2-й.

А ихъ,—того и жди,—что скоро
Переведутъ всѣхъ на ничто...

Графъ Монтрезоръ.

Ну вотъ,—
Сен-Марсъ, тебѣ и судъ народный,
И слава наступаетъ!

Оборванный полупьяный мужикъ.

Что-вы! Что-вы!
Разнюнились?... Вишь о дворянахъ хнычутъ!
Ужъ есть о чемъ!... Держи карманъ!... Они
И за себя стоять-то не умѣютъ,—
А тутъ еще,—поди,—и насъ спасай!...
Дворянамъ насъ не защищать!... Пускай,
Пусть эти тамъ чиновники какіе,
Аль кто другой,—насъ жмутъ не въ-моготу!...
Пусть жмутъ! Пусть жмутъ!... Когда-нибудь дожмутся,
Иль доиграютъ съ нами до того,—
Что день прійдетъ, когда вся наша сволочь
Шарахнется что звѣрь, да сгоряча
Такъ огрызнется, что держись... Тогда-то
Поймутъ и тѣ, кто долженъ это знать,
Что съ сволочью не такъ легко-то ладить
Какъ съ этими дворянами-то!...

1-й.

Братцы,
Что пьяницу, да забулдыгу слушать?...
Что время тратить?... Право... Вѣдь ему
Канальѣ нечего терять!... Такъ онъ
Вотъ и куражится!...

Полупьяный мужикъ.

Гмъ!... Забулдыга!...
Да пьяница!... Гмъ!... Нечего терять!...
Терять-то мнѣ и нечего... Конечно...
Зато все можно сцапать... Силой взять...

(*Смѣется, размахиваетъ руками и шатаясь уходитъ*).

Нѣсколько голосовъ.

Ну что-жъ, пора и по домамъ...

Одинъ.

Стой! Стой!...
Что это братцы тамъ?... Смотри, смотри,—
Никакъ сюда несутъ тѣла убитыхъ!

(*Черезъ сцену тихо проносятъ солдаты, въ сопровожденіи алебардщиковъ, два черныхъ гроба*).

Графъ Монтрезоръ.

Вотъ жертвы за разумную свободу
И за ошибки королевской власти!

(Занавѣсъ. Оркестръ играетъ похоронный маршъ).

Конецъ.

СТЕНЬКА-РАЗИНЪ.

ТРАГЕДІЯ

1896 г.—1898 г.

Дѣйствіе I-е.

Дѣйствующія лица.

Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ—вольный козакъ донской и атаманъ.
Протопопъ Аввакумъ.
Ивашка Черноярецъ—украинскій козакъ съ Днѣпра.
Стрѣлецкій—начальникъ.
Тюремщикъ.
1-й изъ пришедшихъ.
2-й изъ пришедшихъ.
Бояринъ.
Сторожъ.

Стрѣльцы, монастырскіе стражники, служки, разные любопытные, тюремная прислуга.

Дѣйствіе I-е.

(1667-й годъ).

Темница подъ соборной церковью *въ Андроніевомъ* монастырѣ, въ Москвѣ. Темница освѣщена слабо,—сквозь небольшое съ правой стороны отъ зрителя, вверху, въ стѣнѣ, окно съ рѣшеткой. Въ темницѣ лежитъ куль соломы и стоитъ простая деревянная скамья. Прямо противъ зрителя посрединѣ, большая, желѣзная, запертая дверь. — При поднятіи занавѣса, дверь со скрипомъ отворяется.

Явленіе 1-е.

Входитъ *сторожъ* съ фонаремъ и *Тюремщикъ*, потомъ,—*Стрѣлецкій начальникъ;* за нимъ—*шестъ стрѣльцовъ;* далѣе—*два стрѣльца* тащутъ подъ руки *протопопа Аввакума;* за ними—еще *два стрѣльца. Аввакумъ*, (глава тогдашнихъ старовѣровъ и врагъ патріарха Никона)—съ остриженной бородой и волосами на головѣ (которые уже нѣсколько отросли), въ изношенныхъ отрепьяхъ подрясника и съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, (цѣпи однако не мѣшаютъ ходить). Вслѣдъ за тѣмъ входятъ массою и останавливаются въ глубинѣ сцены—*монастырскіе стражники, служки* и *разные любопытные.* Въ числѣ послѣднихъ входитъ и *Ивашка Черноярецъ*—запорожскій казакъ; онъ выходитъ на авансцену.

СТРѢЛЕЦКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Веди сюда... Сюда его тащи...
Фонарь!... Свѣти!... Тутъ ничего не видно!...
Вотъ-такъ... Вотъ-такъ... Давай его сюда!...

А цѣпи? Цѣлы? .. *(Осматриваетъ)* То то...
Эй!... Тюремщикъ!...
(Тюремщикъ выходитъ впередъ).
Ты, у меня, смотри, пріятель, въ оба.
Самъ Государь—великій Патріархъ
Его послалъ спасаться въ эту келью...
Сдаю тебѣ съ рукъ-на руки... У васъ
Довольно-ль здѣсь прислуги? Сторожей?

Тюремщикъ *(указывая на сторожей).*

Шесть человѣкъ... И намъ отецъ—Игуменъ
Ужъ далъ нарядъ...

Стрѣлецкій начальникъ *(указывая на любопытныхъ).*

А это что за люди?

Одинъ изъ пришедшихъ.

Мы, батюшка, міряне,—и пришли
Такъ... Поглазѣть...

Другой изъ пришедшихъ.

Да у святого старца
Благословенье испросить...

Аввакумъ *(оборачивается и благословляетъ издалека).*

Господь
Благослови васъ нынѣ и во вѣки...

Стрѣлецкій начальникъ.

Святой-ли онъ,—не знаю... А пока,—
Нашъ Государь—великій Патріархъ

Намъ указалъ,— его, —за ослушанье,—
Тащить сюда... *(Тюремщику)*. Ну, принимай-же гостя.

Аввакумъ.

Какой-такой, великій Патріархъ?
Антихристъ онъ и еретикъ...

Стрѣлецкій начальникъ.

Молчи!...
Держать его въ оковахъ,—да построже.

Тюремщикъ.

У насъ тюрьма надежная...

Стрѣлецкій начальникъ *(Черноярцу)*.

А ты?
Ты кто такой?

Черноярецъ *(кланяясь)*.

Ивашка Черноярецъ,—
Казакъ, съ Днѣпра, изъ запорожья, пане,—
Пришелъ сюда, въ Москву, на богомолье.

Стрѣлецкій начальникъ.

Ага!... Хохолъ!... У насъ, братъ, говорятъ,—
Вамъ не во-гнѣвъ,— что будто, запорожцы
Всѣ знахари: дружатъ съ нечистой силой?...

Черноярецъ.

Э—гдѣ-ужъ тамъ!... Хоть правда, что и съ чортомъ
Намъ лучше было-бъ жить, чѣмъ съ Москалемъ...

Стрѣлецкій начальникъ.

Что-такъ?

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

А то, что чортъ креста боится,—
А Москали,—ни чорта, ни креста...
(Хохотъ)

ТЮРЕМЩИКЪ.

Онъ здѣсь, у насъ съ товарищемъ живетъ
Уже два дня, въ монастырѣ. Говѣютъ.

СТРѢЛЕЦКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

А кто его товарищъ?

ТЮРЕМЩИКЪ.

А казакъ
Донской; теперь куда-то отлучился. —

СТРѢЛЕЦКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Смотри-жъ,—блюди мнѣ старца. *(Стрѣльцамъ)* Ну,
идемъ.—
(*Уходитъ вмѣстѣ со стрѣльцами*).

Явленіе 2-е.

(Тѣ-же, кромѣ стрѣльцовъ).

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ну, по домамъ!... Гайда!...
(Всѣ уходятъ, кромѣ Черноярца).

Явленіе 3-е.

(*Аввакумъ. Черноярецъ* и *тюремщикъ*).

ТЮРЕМЩИКЪ.

Смотри-же, отче,
Смотри-жъ, премудрый старче Аввакумъ,—

У насъ молва идетъ въ монастырѣ,
Что ты подвижникъ и за правду терпишь,—
Такъ, вѣрно, мнѣ не сдѣлаешь бѣды,—
Стрѣчка̀ не дашь отсюда?...

Аввакумъ.

Будь спокоенъ.
Надъ нами Богъ и здѣсь, какъ и вездѣ.

Тюремщикъ.

Вотъ это ладно. *(Къ Черноярцу)*
Ну, а ты,—пріятель?
Ты что еще стоишь?...

Черноярецъ.

Дозволь мнѣ, дядько,
Съ товарищемъ моимъ остаться здѣсь,—
На исповѣдь у протопопа...

Тюремщикъ.

Вотъ!
Куда хватилъ!... Чтобъ я ему позволилъ!...
Мое мнѣ мѣсто надоѣло,—что-ль?...
Чтобы меня съ семьей прогнали къ чорту?
Да и какой же онъ вамъ исповѣдникъ?
Его-жъ, разстригли?...

Черноярецъ.

Не разстригли, дядько.
Я самъ тогда въ Успенскомъ былъ соборѣ,
Товарищъ былъ со мною. Мы смотрѣли.
Ужъ было все готово. Патріархъ...

Аввакумъ *(перебиваетъ его)*.

Не Патріархъ,—антихристъ...

Черноярецъ.

Приступить
Уже хотѣлъ къ обряду разстриженія,—
Какъ тутъ,—самъ царь,—(онъ былъ на царскомъ мѣстѣ)
Сошелъ, идетъ, подходитъ къ патріарху
И сталъ его просить,—не разстригать...
Ну патріархъ,—царя-бъ да не послушалъ!...
Тогда стрѣльцы схватили протопопа
И повлекли на патріаршій дворъ...

Тюремщикъ.

А все-жъ тебя съ товарищемъ оставить
Здѣсь не могу...

Черноярецъ.

Помилосердуй,—дядько,
Мы-жъ для того, за тридевять земель
Пришли въ Москву,—святынѣ поклониться,
Да покаяніемъ очистить душу.

Тюремщикъ.

А неравно̀,—что̀ приключится?

Черноярецъ.

Что-жъ
Случиться можетъ? Самъ подумай, дядько!...
Тюрьма—тюрьмою. Дверь—одна—и та̀
Желѣзная. У входа,—сторожа̀.
Окно,—дыра съ желѣзною рѣшеткой,—
Подъ потолкомъ,—подъ самымъ... да и намъ,—
Всего лишь часъ, другой,—чтобъ только старцу
Покаяться въ грѣхахъ... и все... Голубе,—

Будь милостивъ!... Не опасайся дядько!...
Мы жъ казаки,—не бѣднота какая;
У насъ всегда—готовый магарычъ...
(*Подаетъ ему кожаный кошелекъ*).

Тюремщикъ (*беретъ и взвѣшиваетъ кошелекъ на рукѣ*).

Оно-то—такъ... Теперь—не опасайся...
А тамъ—возись... Сказать по правдѣ—жутко...
Ну,—да вѣдь я не первый,—не послѣдній...
Авось—сойдетъ... Такъ слушай-же, хохолъ,—
Мы твоего товарища пропустимъ;—
А вы—здѣсь чуръ не мѣшкать... Кайся живо—
И живо къ чорту... Чтобъ и слѣдъ простылъ...

Черноярецъ.

Спасибо, дядько.

Тюремщикъ.

Ну, прощай, - племянникъ. (*Уходитъ*).

Явленіе 4-е.

(*Аввакумъ* и *Черноярецъ*).

Аввакумъ.

Ну вотъ, смотри,—въ какую конуру
Меня какъ пса смердящаго пихнули!
Въ цѣпяхъ, во тмѣ кромѣшной, въ тѣснотѣ...
О Господи! Твоя святая воля!
Сподоби мя, свершить твое призванье
И до конца за вѣру постоять!...

Черноярецъ.

Не унывай, святый отецъ.

Аввакумъ.

Унынье
Великій грѣхъ... И какъ мнѣ унывать,
Когда меня, презрѣннаго раба,
Уже не разъ спасала чудодѣйно
Рука Господня...

Черноярецъ.

Что съ тобою было,
Честный отецъ, послѣ того, когда
Тебя въ соборѣ взяли?

Аввакумъ.

Было чудо.
И тутъ меня помиловалъ Господь.
Сперва меня, пиньками да толчками,
Поволокли на патріаршій дворъ—
И начали тамъ приставать, съ угрозой,
Чтобъ Никону смиренно я принесъ
Повинную... Да не добились толку.
Тогда творить мнѣ стали истязанья:
Дреколіемъ побои, заушенья
И заплеванья.—Всю браду честную
Остригли мнѣ—и на главѣ власы.
Вогнали въ посмѣхъ,—аки скомороха...
А я за нихъ молюсь:—прости имъ, Боже,
Не вѣдаютъ бо, что творятъ... Потомъ,—
Упрятали въ сырое подземелье...
Сижу во тмѣ я день, другой и третій;—
Мышей, клоповъ и блохъ—не обобраться...
Четвертый день,—а ѣсть мнѣ не даютъ...
И я взалкалъ... Ну, думаю, Господь

Судилъ послать кончину мнѣ отъ глада.
Да будетъ же Его святая воля.
И я творю молитвы... и псалмы
Пою во тмѣ кромѣшной, на колѣняхъ...
И ничего вокругъ себя не вижу...
Вдругъ чувствую, что кто-то подошелъ,
Беретъ меня за руку и ведетъ
Во мракѣ... на скамью сажаетъ;... хлѣба
Даетъ мнѣ и похлебку. . я поѣлъ...
Потомъ все стихло... Никого не слышу...
А дверь тюрьмы не отворялась. Тутъ
Мнѣ стало ясно,—что свершилось чудо,
Что посланъ былъ мнѣ Ангелъ-небожитель,—
Меня,—раба ничтожнаго спасти,
Отъ страшныхъ мукъ и отъ голодной смерти...
Знать мнѣ Господь велитъ долготерпѣть...
Да...

(*Раздается стукъ въ дверь и голосъ:*

«Господи Ісусе Сыне Божій,
Помилуй насъ»).

Аввакумъ.

Онъ говоритъ *Ісусе*
Не Іисусе? Видно,—*наша!*... Аминь.—

Явленіе 5-е.

(*Дверь отворяется, входитъ Разинъ*).

Разинъ.

Великому подвижнику за вѣру
Земной поклонъ. (*Кланяется касаясь рукой до земли*).

Аввакумъ.

Меня ты знаешь, сыне?

Разинъ.

Въ лѣсахъ, въ степяхъ, по весямъ и по дебрямъ
Родной земли твое гласится имя,—
Радѣтеля за правду старой вѣры,
Гонимаго всей злобой Никоньянъ.
Благослови...

Аввакумъ (*благословляя*).

И нынѣ, и во вѣки...
Кто-ты, мой сынъ?

Разинъ (*встаетъ*).

Несчастный человѣкъ.
Козакъ Донской я *вольный*, а зовутъ
Меня Степаномъ Разинымъ.

Аввакумъ.

Зачѣмъ-же
И что̀ тебя сюда загнало?

Разинъ.

Скорбь,—
Что не даетъ покоя днемь и ночью;
Смятеніе отъ безотрадныхъ думъ;
Немолчный вопль и стонъ людского горя
Вокругъ меня,—вездѣ—гдѣ ни-былъ я;
Нужда открыть тебѣ больную душу
И испросить твое благословенье
На подвигъ... Да...

Аввакумъ.

Дерзай, дерзай, мой сынъ
На исповѣдь пришли вы оба?

Разинъ.

Нѣтъ,—
Не исповѣдь предъ Богомъ! Онъ всевѣдущъ!
А душу я хочу открыть и совѣсть
Разоблачить признаньемъ предъ тобою,
И на великій предстоящій подвигъ
Твое благословенье получить.

Аввакумъ.

Дерзай, мой сынъ. Открой твою мнѣ душу.

Разинъ.

Начну съ того, что я тебя спрошу,
Святый отецъ,—скажи мнѣ, какъ предъ Богомъ,
Что̀, на Руси, нашъ старовѣрный людъ
И церковь отческая терпятъ?

Аввакумъ.

Сыне!
На твой вопросъ не трудно отвѣчать.
Скажу одно: смотри,—что я и гдѣ я?
Какъ старый песъ,—въ зловонной конурѣ...
Такъ и народъ нашъ русскій, старовѣрный,
И наша церковь древняя, святая,—
Въ узилищѣ, въ цѣпяхъ и въ тѣснотѣ...
Вѣроотступникъ, новолюбецъ Никонъ,
Какъ дьяволъ всталъ и лютое гоненье
На благочестье древлее воздвигъ.
Посрамлено двуперстіе святое,

Сугубая въ безчестьи *аллилуія*,
Отцовская уродуется вѣра...
Гдѣ наши всѣ подвижники теперь?
Гдѣ *Вонифатьевъ*—царскій духовникъ?
Нероновъ гдѣ,—Успенскаго Собора
Честный ключарь? *Діаконъ Ѳедоръ гдѣ?*
Священникъ гдѣ *Данило* Костромской?
Романовскій священникъ *Лазарь? Логинъ*—
Попъ Муромскій и Суздальскій—*Никита?*
И сколько ихъ за церковь и за вѣру
Страдальцевъ христоименитыхъ было!...
Одни изъ нихъ замучены въ тюрьмѣ,
Другіе,—въ злую угодили ссылку,
Въ Сибирскія трущобы ледяныя,
Гдѣ я уже не мало натерпѣлся
Съ моей семьей жестокихъ мукъ и бѣдъ...
А бѣдный нашъ простой народъ,—за вѣру
Скитается въ лѣсахъ, въ пустыняхъ дикихъ...
Охъ!... страшныя настали времена!...
Бывало, въ старь,—чтобы вѣнецъ мученья
Стяжать,—куда подвижникъ Божій шелъ?
Въ Персиду; либо въ Римъ,—къ Діоклетьяну.—
Теперь,—зачѣмъ такъ далеко ходить?...
Свой Вавилонъ у насъ не за горами!...
Теперь у насъ вѣнцы мученья близко
И—сколько хочешь... Отправляйся въ Кремль,
Стань средь Москвы, на *красной* площади,
Перекрестись *двьми персты*, воскликни
Іусъ—не Іисусъ,—да *аллилуію*
Сугубую пропой,—и вотъ готово
Тебѣ и царство Божье и вѣнецъ!...
Огнемъ, кнутомъ и висѣлицей—вѣру
Внѣдряютъ здѣсь Апостолы съ кнутами!..

Они меня прозвали старымъ псомъ,—
Что лаетъ! .. Да, я лаю,—буду лаять
Во славу Божьей вѣры! За двуперстье!...
И буду лаять до послѣдней силы...
Въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, на плахѣ, на кострѣ!...

Разинъ.

Довольно. Ну, теперь, скажи-ка ты,
Товарищъ мой надежный—Черноярецъ!
Что тамъ у васъ творится на Украйнѣ?
Какъ тамъ, по всей полуденной Руси
Живется всѣмъ?

Черноярецъ.

Охъ, тяжко, тяжко, батько!...
Кто-жъ про Украйну нашу не слыхалъ?
Про нашу *чайку* бѣдную, небогу?
Что дѣтокъ малыхъ вывела своихъ
При многолюдной, при большой дорогѣ?...
Сперва, пока еще намъ приходилось
Калмыковъ бить, да съ татарвою драться,—
Жить было намъ и тихо и привольно.
Господь намъ далъ безбѣдный, славный край;
Въ степяхъ цвѣтущихъ, да въ лѣсахъ дубовыхъ,
Да въ городахъ, по берегамъ Днѣпра,
Да Псла, да Ворсклы,—жили козаки
Зажиточно; всѣ равны межъ собою,
Всѣ вольные,— гроза на басурманъ,
Защита православнымъ христіанамъ,—
Подъ грозной силой запорожской сѣчи...
И славилась по всей землѣ Украйна...
Какъ тутъ на насъ и Ляхи, и Литва
Накинулись и застонала стономъ
Небога наша чайка... Знаютъ всѣ

Что̀ было съ нами; какъ за нашу вѣру,
За нашу волю кровь лилась и сколько
Мы вынесли невыносимыхъ мукъ...
Вотъ видитъ старый батько нашъ Хмельницкій,
Что сгинетъ съ свѣта бѣдная Украйна,
Что пропадутъ—пропадомъ казаки,—
Сталъ думу думать и съ великой скорбью
Рѣшился онъ съ Москвой соединиться,—
И мы подъ руку царскую пошли,—
Но такъ какъ вольный съ вольнымъ,—равный съ равнымъ,—
Какъ братья во Христѣ,—единовѣрцы...
Вотъ съ той поры—не сосчитать всѣхъ бѣдъ...
Гдѣ-жъ видано, чтобъ вольный и холопъ
Могли сдружиться настоящей дружбой!
Чтобы огонь слюбился-бы съ водой!...
А москали гораздо насъ сильнѣе
И много больше ихъ. И вотъ—вода
Всѣ наши степи живо затопила
И грязи въ нихъ болотной развела
По горло,—такъ, что намъ дышать не можно.
И по рукамъ, и по ногамъ теперь
Связали насъ стрѣльцы, да воеводы,
Хоть умирай:—гдѣ не кулакъ стрѣлецкій,—
Тамъ воеводскій кнутъ, или хабаръ.
Толпы ярыжекъ, да людей служилыхъ...
Пошелъ грабежъ, дневной разбой въ Украйнѣ...
Гдѣ тамъ тебѣ отцовскія права!...
Дерутъ, да бьютъ и плакать не даютъ!...
А тутъ еще птенцы убогой чайки
Повыросли и тѣмъ холопскимъ духомъ
Набрались сами и родную мать
Теперь дерутъ и обижаютъ хуже

Чѣмъ москали... Суются всѣ въ Москву
Наушничать, да допекать другъ-друга,
Чтобъ въ гетманы попасть, за хабары...
Семь гетмановъ явилося за-разъ,
Семь гетмановъ, семь коршуновъ голодныхъ,
Пьютъ чайки кровь, рвутъ чайку на куски:
Самкò Сѣркò, *Тетеря*, *Многогришный*,
Дурный-Юрко Хмельницкій, *Дорошенко*,
И *Брюховецкій*... Съ роду,—козаки
Народомъ вольнымъ были и холопства
Никто не зналъ въ Украйнѣ; а теперь
Уже царю самъ Брюховецкій пишетъ:
«Холопъ твой вѣрный я,—нижайшая подножка
Пресвѣтлаго престола»... Отъ такъ—такъ!...
Вотъ до чего мы дòжили!... Чего-же
Еще намъ ждать!...—А ты меня спросилъ,
Кàкъ тамъ у насъ живется всѣмъ?...

Разинъ.

Довольно.

Хорошее вы разсказали оба.
Послушать васъ,—спокойно будешь спать.—
Теперь и я скажу про все что было
Со мной и что я видѣлъ лично самъ.
Я выросъ тамъ, гдѣ тихій Донъ спокойно
Струится,—злачную лаская степь;
Гдѣ человѣкъ, живя въ степи привольно,
Еще не зналъ,—что значитъ кнутъ и цѣпь...
Меня волна свободная вспоила,
Жизнь козаковъ—мнѣ школою была,
Война меня отъ юныхъ лѣтъ вскормила
И къ волѣ страсть во мнѣ на вѣкъ зажгла...
И такъ я жилъ, и былъ всегда со-мною
Мой старшій братъ, мой Тимофей родной

И мы сдружились сердцемъ и душою,—
Какъ двѣ рѣки слились между собой...
И день, и ночь, всегда мы вмѣстѣ были,
Дѣля печаль и радость пополамъ,—
Вдвоемъ—одной мы полной жизнью жили,—
Быть врозь,—тяжеле смерти было бъ намъ...
И былъ мой братъ—козакъ межъ козаками
Послѣдній, славный, *вольный* атаманъ...
Теперь-же Донъ—подъ царской ужъ рукою
И атаманомъ—ставленикъ Московскій
Корнилій Яковлевъ... И вотъ, тогда
Москва уже вязалася съ Украйной, —
И вмѣстѣ съ ней на Польшу шла войной,—
А войско велъ князь Юрій Долгорукій.—
Мой братъ съ донцами помогалъ Москвѣ
И помогалъ по нашей доброй волѣ, —
Не какъ холопъ... Побили мы поляковъ—
И братъ рѣшилъ—вернуться намъ на Донъ.
Не тутъ-то было!... Юрій Долгорукій
Хотѣлъ его насильно удержать.
Тогда мой братъ ушелъ съ своимъ отрядомъ,—
А гнѣвный князь—послалъ его догнать, —
Его схватили, присудили къ смерти, —
Повѣсили... И я свидѣтель былъ
Всѣхъ этихъ подлыхъ, варварскихъ насилій!...
Онъ шелъ на смерть, какъ пойманный орелъ:
Съ презрѣніемъ къ врагамъ своимъ, безъ страха...
Меня обнявъ, онъ громко завѣщалъ,
За смерть его—отмщенье безъ пощады...
И страшную я клятву брату далъ.
И видѣлъ я, съ тоской, съ безсильной злобой
Послѣдней муки роковой исходъ:
Конецъ того, кто былъ мнѣ все на свѣтѣ,

И братъ, и другъ, товарищъ и наставникъ...
Тогда душою я оцѣпенѣлъ.
Свѣтъ для меня сталъ дикою пустыней.
И день и ночь противны стали мнѣ...
И на себя я наложилъ бы руки,—
Но голосъ брата всюду слышалъ я...
И голосъ тотъ вопилъ объ отомщеньѣ...
И этотъ вопль мнѣ не давалъ покоя...
Я отъ людей со злостью уходилъ,
Почти не ѣлъ, не пилъ; но и не плакалъ:
Слеза по немъ казалась мнѣ позоромъ.
Такъ я застылъ и словно—одичалъ,
И видѣлъ только брата предъ собою...
Не знаю какъ,—но вдругъ задумалъ я,—
Сперва идти пѣшкомъ на богомолье:
За упокой души его молиться;
А ужъ потомъ, какъ слѣдуетъ, отмстить,—
И тѣмъ его исполнить завѣщанье...
Тогда рѣшилъ въ Соловки я идти,—
Къ угодникамъ Зосимѣ и Савватью
Молиться имъ за упокой.—И вотъ,
Съ тоской о братѣ тихій Донъ покинувъ,
Къ *студеному* я морю зашагалъ.
Шагалъ, шагалъ,—и гдѣ я только не былъ!...
Всю нашу мать—Россію изшагалъ:
Въ степяхъ, въ лѣсахъ, въ поселкахъ, въ деревняхъ
И въ городахъ... Но, что вездѣ я видѣлъ!
Какой бѣды и зла не насмотрѣлся!...
Нашъ бѣдный людъ, какъ жалкое звѣрье,
Въ лачугахъ грязныхъ и гнилыхъ ютится,—
Въ трудахъ, въ работѣ вѣчной день и ночь,—
Изъ-за куска заплеснѣвѣлой корки.
Повсюду скорбь, повсюду нищета,

Лохмотья, голодъ... И едва копѣйку
Иной себѣ добудетъ трудовую,—
Глядишь кулакъ, или богачъ все стащитъ.
А тутъ еще налоги, да поборы,
Да хабары,— хоть тресни, а плати...
Со всѣхъ сторонъ,—что бѣшеные волки,—
Подьячіе, ярыжки, приставà,—
Подводы, мостовщина, да заставы...
И если все ужъ—до копѣйки взято,—
Глядишь,—тебя-жъ потянутъ *на правежъ*,
Огнемъ, водой, да палкой выправляя
Все – до рубахи рваной, до лаптей...
И стонетъ стономъ и въ слезахъ горячихъ,
Съ молитвой къ Богу, иль съ забитой злобой
Влачится жизнь народа въ темнотѣ,
Въ неправдѣ злой, да въ нищетѣ проклятой!...
А тамъ смотри,—на цѣлый округъ нищихъ
Сидитъ тебѣ, какъ скаредный паукъ,
Кормленьемъ разжирѣлый воевода
И всюду онъ раскинулъ паутину
И душитъ всласть визжащихъ, бѣдныхъ мухъ...
Посулами карманы набиваетъ,
Обжорствомъ, пьянствомъ—брюхо разперло...
Его-жъ сынки, или *жильцы* лихіе
Справляютъ смѣло вѣчную гульбу:
Мать бѣдняка, его жена и дочка
Имъ—ни-по-чемъ!... Все,—живо!—подавай!...
А въ городахъ—блаженствуетъ боярство,
Въ обтесанныхъ и расписныхъ палатахъ.
Тутъ—пиръ-горой, на златѣ, на сребрѣ:
И въ часъ одинъ—деревни проѣдаютъ,
Крестьянъ съ семьей мѣняютъ на собакъ,
Или на птицъ охоты соколиной...

И тѣшутся бояре—по полямъ,
Да по лѣсамъ,—тамъ гдѣ меньшая братья
Клянетъ весь вѣкъ придавленную жизнь!—
Имъ любо! .. Да по-Божески-ли это?
Обязанъ-ли такую жизнь терпѣть
Нашъ бѣдный людъ, народъ нашъ православный?...
Вотъ что я видѣлъ, идучи въ Соловки.
Во мнѣ и злоба, и рѣшимость зрѣли...
И я страдалъ и плакалъ, и страдалъ!...
Вотъ отслужилъ по братѣ панихиду
У гроба двухъ угодниковъ великихъ.
Потомъ,—прилегъ у монастырскихъ стѣнъ
И тутъ я впалъ въ великое раздумье:
Какъ совершить мнѣ брата завѣщанье?...
Какъ отомстить?... Кому?... И кто мой врагъ?...
Ужель князекъ ничтожный Долгорукій?...
Ужели жалкій этотъ самодуръ,
Котораго я бъ изловилъ какъ крысу
И, шкуру всю съ него содравъ,—замучилъ?
Какое-жъ это мщенье?... И кому?...
Нѣтъ!.. Нѣтъ!... Не онъ, не онъ мой врагъ заклятый!...
А врагъ мой—та великая неправда,—
Что весь народъ, всю нашу Русь гнететъ
И отъ которой въ рабствѣ изнываетъ
Вся наша безталанная земля!...
Вотъ кто извелъ, вотъ кто повѣсилъ брата
И вотъ кого я долженъ съ корнемъ вырвать!...
Тогда опять ко гробу Соловецкихъ
Угодниковъ я тихо подошелъ
И съ полною рѣшимостью сознанья,
Упалъ въ молитвѣ—дать мнѣ силъ на подвигъ,
И объ отмщеньѣ клятву повторилъ...
Вотъ что со мною было, что я видѣлъ,

Что перенесъ и чѣмъ измученъ я.
Вотъ-что задумалъ я и что исполнить
Я поклялся въ Соловкахъ, въ память брата...
Благослови-же,—отче Аввакумъ.—

(*Падаетъ передъ нимъ на колѣни*).

Аввакумъ.

Господь тебя, мой сынъ, благослови!...
На славу нашей угнетенной вѣры,
На гибель всѣхъ лихихъ ея враговъ!...

Черноярецъ.

И на свободу страждущей Украйны!...

Разинъ *(вставая)*.

И на спасенье русскаго народа
Отъ нищеты, отъ рабства, отъ бояръ
И воеводъ!...

Аввакумъ.

Скажи-жъ теперь, мой сынъ,
Какъ совершишь ты этотъ трудный подвигъ?
Для этого вѣдь много надо силъ?
Не думаешь ли сдѣлаться *названцемъ?*
Я помню,—самъ я видѣлъ,—какъ Отрепьевъ,
Димитріемъ-царевичемъ назвавшись,—
Не то Москвой,—а Русью всей тряхнулъ?

Разинъ.

Зачѣмъ мнѣ лгать? Зачѣмъ мнѣ быть *названцемъ?*
Отрепьевъ шелъ какъ воръ и какъ измѣнникъ;
Его на Русь вели ея враги,
Враги и вѣры православной,—Ляхи...

Нѣтъ, — я не то. Неправда душитъ насъ;
Она-жъ, — неправда, — брата моего
Замучила... Я не слуга неправды
И на нее я *правду* натравлю...
Ту правду, — что въ лохмотьяхъ вѣчно ходитъ, —
Ту правду, — что привыкла голодать, —
Ту — что какъ звѣрь, по всѣмъ трущобамъ бродитъ, —
Которой жить, все то-же, что страдать!...
Къ ней прилучу я море безшабашныхъ
Головъ, — лихихъ, удалыхъ и бездомныхъ, —
Тѣ люди, что зовутся - *голытьба*, —
Да, голытьба... Ихъ больше наберется
Чѣмъ всѣхъ стрѣльцовъ, бояръ да воеводъ!...
Поволжье все, весь Донъ и все холопство,
Со всѣхъ сторонъ, — все заревомъ кровавымъ
Подымется на страшную борьбу,
На тризну по моемъ несчастномъ братѣ!...
А атаманъ всему, — я, Стенька Разинъ!...
Тогда, держись! .. Посмотримъ, — чья возьметъ!...

Аввакумъ (*Падая на колѣни. Руки къ небу*).

Благодарю Тебя, Великій Боже!
Что мнѣ судилъ до этого дожить!
И я воскликну: нынѣ отпущаешь
Владыко Отче, — твоего раба!...

Черноярецъ.

Дожить-бы мнѣ до счастія Украйны!...

Аввакумъ.

Мой сынъ, еще спрошу я объ одномъ.
Ты на себя великое взялъ дѣло.

Ты долженъ весь себя ему отдать
И ни о чемъ уже другомъ не думать,—
Пока завѣтный подвигъ совершишь!...
Но ты еще не старъ и жизни сила
Въ тебѣ кипитъ, какъ бѣшеный потокъ...
Лукавый глазъ и женское ехидство
Еще могли-бъ легко тебя сманить,—
Свой адъ, свои діавольскіе когти
Еще могли-бъ развернуть подъ-тобой...
И совративъ на первородный грѣхъ,—
Какъ древняго богатыря Сампсона
Сгубивъ тебя,—твой подвигъ погубить!...

Разинъ.

Нѣтъ. Этого я, отче, не боюсь.
Я на Дону свою жену покинулъ
Не для соблазновъ бабьихъ,—а затѣмъ,
Чтобы себя задуманному дѣлу,
Да мщенію за брата посвятить...
Теперь клянусь передъ тобою, отче,
Клянусь тебѣ спасеніемъ души
И памятью замученнаго брата,
Что подвигъ свой пока не совершу,—
Не оскверню себя прикосновеньемъ
Я женщины на свѣтѣ ни единой...

Аввакумъ.

Смотри-же, сыне,—помни эту клятву...

Явленіе 6-е.

(Тѣ-же и *тюремщикъ*).

Тюремщикъ (*вбѣгая*).

Гайда! Гайда! Стрѣльцы въ монастырѣ!
Идутъ сюда, съ бояриномъ какимъ-то!...
Али грѣхи еще не всѣ спихнули!
Не цѣлый вѣкъ вамъ исповѣдь конючить!
Живѣе! Прочь отсюда уходи!...
(*Быстро уходитъ вмѣстѣ съ Разинымъ и Черноярцемъ*).

Явленіе 7-е.

(*Аввакумъ* одинъ).

Аввакумъ.

Пусть, пусть теперь идетъ сюда кто хочетъ.
Теперь и смерть не будетъ мнѣ горька!...
Отцовская уже не сгинетъ вѣра!...

Явленіе 8-е.

(*Входитъ бояринъ со стрѣльцами, тюремщикъ и прислуга съ фонарями*).

Бояринъ.

Великій Государь и царь всея Россіи Алексій Михайловичь и Великій Государь Святѣйшій Патріархъ Никонъ указали,—тебя протопопа Аввакума,—за упорство твое въ неподчиненіи Патріарху и въ порицаніи соборомъ благословенныхъ исправленій церковныхъ книгъ,—от-

править вмѣстѣ съ семьею твоей,— въ Тобольскъ.— Ведите его.—

Аввакумъ.

Опять Сибирь! Опять и скорбь, и муки!...

(*Стрѣльцы берутъ Аввакума подъ руки, чтобы вести его.—Аввакумъ восклицаетъ:*

«Слава Тебѣ Боже!... Слава Тебѣ Боже!...»

Впереди уходитъ бояринъ; за нимъ — стрѣльцы съ Аввакумомъ; потомъ тюремщикъ и прислуга).

(*Занавѣсъ*).

Дѣйствіе II-е.

Дѣйствующія лица.

Стенька Разинъ.
Ивашка Черноярецъ.
Слѣпой Кобзарь.
Мужикъ, продающій рубахи.
Одинъ парень.
Другой парень.
Алешка.
Другой мужикъ.
Парень съ балалайкой.
Онуфрій Лихой—козакъ изъ шайки Разина.
1-й, 2-й, 3-й, 4-й } изъ народа.
Бурлакъ.
Одинъ, Другой, Третій, Четвертый, Пятый, Шестой } изъ толпы.
Мужикъ въ бѣгахъ.
Старый козакъ въ бѣгахъ.
Второй, Третій, Четвертый } бѣглые.
Бирючъ.
Старый козакъ изъ шайки Разина.

Васька Усъ.
Воевода Кривоносовъ.
Воевода князь Мышецкій.
Старшій Запорожецъ.
Козакъ изъ шайки Разина.
Заира—плѣнная персіянка дочь Менеды хана.
Шабынь-Дебей—ея братъ.

Разинцы разбойники изъ ватаги Васьки Уса, Запорожцы изъ Сѣчи, бѣглые, народъ, голытьба, полоняне персидскіе.

Дѣйствіе II-е.

Городокъ *Красный Яръ*, на берегу впаденія Волги въ Каспійское (*Хвалынское*) море. Базарная площадь. Стоятъ возы съ сѣномъ, съ дровами, съ кудѣлью, съ мѣшками муки и проч. На землѣ разложены кучами тыквы, огурцы, арбузы, яблоки и проч. Продавцы и торговки выкрикиваютъ, зазывая покупателей. *Онуфрій Лихой*—одинъ изъ казаковъ *Разина* стоитъ на береговой возвышенности,—на лѣво,—и смотритъ въ даль.—Ниже его,—до самой авансцены, разнородная и разновидная толпа. Крестьянки и горожанки (лущатъ тыквенныя и подсолнечныя сѣмена, щелкаютъ орѣхи, поютъ—про себя, каждая—что ей приходитъ въ голову). Крестьяне, нищіе, бѣглые, бродяги, холопы, *воровскіе* казаки,—все то, что называлось базарная и кабацкая *голытьба;* горожане, посадскіе люди и проч. На-лѣво, сбоку, на авансценѣ сидитъ нищій, слѣпой *кобзарь*, и играетъ на кобзѣ и поетъ.—

Народъ снуетъ въ разныя стороны и шумитъ.—

Явленіе 1-е.

Слѣпой кобзарь (*поетъ современную народную пѣсню*).

У насъ-то было, братцы, на тихо̀мъ Дону,
Породился удалъ—добрый мо̀лодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ,—
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою;

Судари-мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине-море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,—
Возьмемъ мы казны сколько надобно!...

Мужикъ (*несетъ въ рукахъ ворохъ холщевыхъ рубахъ и выкрикиваетъ:*)

Рубаху!... Кто рубаху!... Покупай!...
Хорошія рубахи холщевыя!...

(*Нѣсколько парней идутъ вмѣстѣ; одинъ съ балалайкой и бренчитъ*).

Одинъ парень.

Алешка! Что-жъ! Ты парень-бѣднота...
Рубаху, чай, купить тебѣ не худо-бъ...

(*Парни останавливаются и, перебирая рубахи, разсматриваютъ ихъ*).

Другой парень.

Что-жъ,—ничаво...

Алешка (*перебирая рубахи*).

Да, ничаво,—а только,
Не новыя,—ужъ ношены маленько...

Мужикъ.

А со стрѣльцовъ,—съ повѣшенныхъ, голубчикъ,—
Подъ Чернымъ Яромъ...

Первый парень.

То-то, со стрѣльцовъ,
Съ повѣшенныхъ...

Другой парень.

А-что-жъ?—Рубахи право
Изрядныя... И ластовка—тафта...

Алешка.

А какъ цѣна?

Мужикъ.

А по полтинѣ штука.

Алешка.

Эхъ! Фалалей!... Полтина!... Какъ не такъ!...
Теперь товару этому такая
Идетъ цѣна, что каждый смердъ кабальный
За гривну купитъ; нашъ отецъ родимый
Навѣшаетъ тебѣ твоихъ стрѣльцовъ
Хоть цѣлый полкъ...

Мужикъ.

Себѣ дороже стоитъ...

Посторонній мужикъ.

Хе!-хе!... Себѣ дороже!... Вотъ такъ гусь...
А завтра-же, какъ только тутъ дождемся,—
Къ Степану Тимофеичу пойдемъ—
И будетъ воля!... И не то—рубахи,—
И зипуны за даромъ мы добьемъ...

Парень съ балалайкой.

Эхъ, воля, воля, волюшка родная!

Чай на Руси тебя великой знаетъ
Теперь одна лишь только голытьба.

(*Бренчитъ на балалайкѣ и поетъ на голосъ пѣсни:*
„Чи се-жъ тыи чоботы що зятъ давъ“).

Бѣги, бѣги,—заинька
Далекò.
Лети, лети,—пташечка,
Высокò.
Заинька, заинька,
Разспроси,—
Куда дѣлась волюшка
На Руси?
Пташечка, пташечка
Разскажи,—
Куда дѣлась волюшка,
Покажи!...
Бѣгалъ, бѣгалъ заинька,—
Песъ поймалъ;
Злющій коршунъ пташечку
Заклевалъ...
bis. А на-Руси волюшкѣ
Не судьба;
Всю волюшку сцапала
Голытьба...

Голоса.

Хе-хе-хе-хе,—туда ей и дорога!...
Вотъ, бабушка, тебѣ и Юрьевъ день!...
А волюшка не за горами ходитъ!...
Къ Степану Тимоѳеичу махнемъ!...
Махнемъ!... Махнемъ!...

Одинъ изъ толпы.

Стой!... Тише,—тише, братцы!
Стой! Не горлань! А спросимъ,—не видать-ли?

Голоса изъ толпы.

Вѣстимо—такъ. Авось дождемся... Любо!...
Куда-ни-шло... Видать-ли что-нибудь?

Лихой (*всматриваясь въ даль*).

Нѣтъ, ни-черта̀ пока еще не видно...
Эхъ-ма!... Куда не весело торчать
Какъ чучело, да выглядать смиренно...

Явленіе 2-е.

Бурлакъ (*входитъ*).

Что-жъ выглядать?

Лихой.

А вотъ,—какъ наши струги,
Какъ стая чаекъ, къ намъ сюда, по Волгѣ
Съ Хвалынскаго возморья прилетятъ
И батюшка нашъ атаманъ, съ побѣдой
Вернется къ намъ и къ бережку пристанетъ.

Одинъ изъ народа.

Оно-то такъ... А вотъ,—скажи, пріятель,—
Въ народѣ баютъ,—будто атаманъ
Степанъ-то Тимоѳеичъ,—не во гнѣвъ
Ему сказать,—*вѣдунъ*,- съ нечистой силой
Связался... Вишь,—въ огнѣ онъ не горитъ,
Въ водѣ не тонетъ...

Другой изъ народа.

Не беретъ его
Ни сабля, ни топоръ, ни даже пуля,
Или стрѣла?...

Третій изъ народа.

Щелкнетъ его, щелкнетъ
И прочь отскочитъ?...

Четвертый изъ народа.

Правда-ль это, другъ?...

Лихой.

Что говорить!... Сраженіевъ не мало
Нашъ славный атаманъ видалъ. Не даромъ
Поволжье все, до Астрахани—наше;
Не даромъ онъ стрѣльцамъ—страшнѣй чумы,—
Онъ задалъ имъ трезвону,—вкругъ него
Народу то куда—что перебито,
Перекалѣчено,—а онъ, родимый,
Цѣлехонекъ,—хоть бы тебѣ одна
Царапина, аль ссадина...

Одинъ изъ народа.

Извѣстно,—
Такое слово знаетъ,—заговоръ.

Бурлакъ.

Тамъ заговоръ, али другое что.—
А вотъ, у насъ, въ Царицынѣ, я слышалъ,—
Разсказывалъ при мнѣ казакъ Донской:
«Мы съ Разинымъ сидѣли», говорилъ онъ,—
Въ тюрьмѣ, у турка, въ городѣ Азовѣ.
Тюрьма, извѣстно, и у насъ—не рай,—

А нехристей тюрьма—что адъ кромѣшный.
Ну вотъ, сидимъ мы, скука одолѣла,
Тоска взяла; душа на волю рвется,
А тутъ,—сиди себѣ что коршунъ въ клѣткѣ...
И нѣтъ конца... Я началъ унывать,
Да горевать... Степанъ же Тимоѳеичъ
Все хмурился, да странно ухмылялся.
Вотъ, разъ пришелъ Турецкій старшина,
Да кандалы осматриваетъ... Разинъ
По ихнему-то, по-турецки знаетъ
И говоритъ онъ старшинѣ: послушай,
Сними съ меня ты кандалы,—безъ нихъ
Сидѣть я буду смирно; а не снимешь,—
Я убѣгу,—знай напередъ... А турокъ
Ему со смѣхомъ отвѣчалъ: Ну, братъ,
Коли утечь,—то лучше съ кандалами,—
Тогда не буду я въ отвѣтѣ... Ночью
Мнѣ не спалось. При свѣтѣ ночника,
Смотрю и вижу,—Разинъ всталъ. Потомъ,
Изъ сапога досталъ онъ уголечекъ
И на стѣнѣ намалевалъ большую
Ладью. Присѣлъ на-корточки, какъ-будто
Въ ладью садился... Вѣрь-не-вѣрь,—но вдругъ
Пропалъ съ ладьей Степанъ нашъ Тимоѳеичь...
Какъ не бывало... Вотъ на-утро, Турки
Туда—сюда,—разыскивать,—какое!...
Ни лысаго не отыскали бѣса»...
Вотъ, братцы, что, въ Царицынѣ, при мнѣ
Донской козакъ разсказывалъ...

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Ну да,—
Извѣстно,—есть такіе заговоры...

Бурлакъ (*Лихому*).

Вѣдь ты, никакъ,—Лихой?

Лихой.

Лихой, Онуфрій,—
Степана Тимоѳеича казакъ.

Бурлакъ.

А если ты Лихой,—такъ для чего-же
Какъ баба здѣсь зѣваючи сидишь,—
Когда твои товарищи дерутся?

Лихой.

Я, братъ, Лихой,—приспѣшникъ атамана,—
А ты, никакъ,—ослятина лихая!...

Изъ народа (*смѣхъ и голоса*).

Вотъ это такъ!... Незнаючи не суйся...

Лихой.

Охъ простота!... Того понять не можетъ,
Что если здѣсь не сторожить нашъ скарбъ,
Да наши челны, да запасы наши,—
Такъ сами-жъ вы,—шальная голытьба,—
Растащите все—до послѣдней щепки,—
Сожрете все—до малаго зерна...

Голоса въ толпѣ.

Ого-го-го!... Съ проклятой голодухи
Все стибришь!... Все!... Какъ не беречь отъ насъ?...
Отъ голытьбы казацкой безшабашной?...
Гей!... Не зѣвай!... Не-то,—околевай!...

Одинъ изъ толпы.

А вотъ, Господь и сжалится надъ нами,—
Степана Тимоѳеича дождемся!...
Онъ нашъ отецъ родной!... Онъ призритъ насъ!...
Онъ насъ возметъ!...

Другіе голоса.

Возьметъ, возьметъ къ себѣ!...

Одинъ изъ толпы

Тогда конецъ потѣхѣ въ одиночку!...
Ордой валить!... Какъ братья вмѣстѣ жить!...

Другой изъ толпы.

А угодитъ кистень, или саблюка,—
Что за бѣда!... Смерть на людяхъ красна!...

Бурлакъ (*поетъ на голосъ пѣсни «И шумѣ и гудѣ»*).

Чѣмъ на печкѣ сидѣть,
Вмѣстѣ съ бабой корпѣть,—
Лучше жъ въ полѣ, да на волѣ
Бить стрѣлецкую рать...

(*Народъ подхватываетъ два послѣдніе стиха*).

Бурлакъ (*поетъ*).

Вдоль по Волгѣ гулять,
Въ стругахъ птицей летать,
Съ казаками съ атаманомъ
Зипуны добывать...

(*Народъ подхватываетъ два послѣдніе стиха*).

Бурлакъ (*поетъ*).

Братцы, мы голытьба,—
Наша вѣдьма—судьба,—
Гой! къ Степану, къ атаману
Повалимъ всей гурьбой...

(*Народъ подхватываетъ два послѣдніе стиха*).

Бурлакъ (*поетъ*).

Ты лихой атаманъ,
Тимоѳеичъ—Степанъ!
bis. Сжалься, батюшка родимый,
Надъ твоей голытьбой!...

(*Народъ повторяетъ хоромъ весь послѣдній куплетъ. Играетъ музыка и многіе пляшутъ трепака. Народъ шумитъ*).

Одинъ изъ толпы (*когда перестали шумѣть*).

Ай пѣсня! пѣсня... Право хоть куда!...

Другой изъ толпы.

Оно то—такъ!... Пой пѣсни, пой хоть тресни,—
Да ѣсть-то не проси!... А что то будетъ?
Какую пѣсню, братцы запоемъ,—
Коль атаманъ Степанъ-то Тимоѳеичъ
Насъ въ три-шея прогонитъ всѣхъ къ чертямъ,—
Какъ ни къ-чему ненадобную сволочь?...

Третій.

Ну,—ты,—ври больше!... Что народъ смущать?...

Четвертый.

А что-жъ? И впрямь!... Что мы такое, братцы?...
Мы не козаки, не стрѣльцы,—мы голь,

Лохмотники,— чуть дышемъ съ голодухи!
Что въ насъ?... Ему-жъ,—давай живой народъ!...
Знай,— моря шиломъ не нагрѣешь.. Вотъ—что!...

Пятый.

Охъ, горе, горе!... Какъ же быть-то намъ?...

Шестой.

А что-жъ? Какъ быть?... Чай всѣ мы бѣгуны?
Знай,— бѣгаемъ по свѣту, какъ собаки,
Сверкаютъ только пятки,- вѣтра ловимъ!...
Вертись,—пока издохнешь на юру,—
Или пока тебя не словитъ сыщикъ...
Ну, *ты*, вѣдь *ты* бѣгунъ?

Мужикъ (*еще не старый, но изнеможенный*).

Какъ не бѣгунъ?
Я вольный былъ, былъ человѣкъ *гуляющій*,
Ничей,—какъ птица,—самъ себѣ былъ баринъ.
Ну, и кормилъ себя трудами рукъ.
Вдругъ подошла бѣдовая година,—
Недуги одолѣли, да поборы;--
А тутъ,—жена да пятеро ребятъ...
Какъ-быть?... Пришлось и голодать и нищить...
Чего-чего не натерпѣлись только!...
Въ концѣ-концовъ, я съ бабой и пошелъ
Въ работники къ большому господину
И отдали себя ему въ крестьяне, —
Чтобы семью хоть малость прокормить...
Сперва все было сносно. А потомъ,—
Прошло пять лѣтъ,— онъ насъ и захолопилъ.—
Вотъ тутъ, другая пѣсня началась:

Сталъ прижимать, канючить, истязать!...
А самъ-то онъ—развратникъ, да мотыга,—
Влѣзъ по-уши въ долги... Когда-же судъ
Постановилъ взысканье *правежемъ*,—
Онъ на правежъ,—на палки, да на голодъ
Меня послалъ, вмѣсто себя, антихристъ...
Ну, спину мнѣ избили, и морили
Съ недѣлю мѣста. . Да Господь помогъ,—
Я и убѣгъ,—да вотъ, съ тѣхъ поръ и маюсь...

Старый казакъ.

А хоть бы я!... Ужъ мнѣ восьмой десятокъ,
А бѣгаю, какъ Каинъ, цѣлый вѣкъ.
Когда еще Пожарскій князь, да Мининъ
Побили Ляховъ и царя избрали,—
Насъ по домамъ Заруцкій—атаманъ
И разпустилъ... А мы-то ужъ привыкли
Все забирать, гулять, да пировать.
Ну и нашелся новый атаманъ,
И стали съ нимъ хозяйничать повсюду
Мы пуще прежняго, да Лыковъ князь
Насъ разгромилъ, повѣсилъ атамана,
Да и меня къ петлѣ приговорилъ
Я и убѣгъ, да вотъ съ тѣхъ поръ и маюсь...

Другой мужикъ (*среднихъ лѣтъ*).

А я,—въ тюрьмѣ,—не помнящимъ родства,—
Сидѣлъ, сидѣлъ,—да вотъ,—убѣгъ и маюсь.—

Третій мужикъ (*довольно молодой*).

Я изъ села Дырявина,—ребята,—
Насъ жучили, да допекали такъ
Подъячіе, ярыжки, да старшины,—

Поборами, да взятками, да дракой,
Да правежемъ,—что просто, хоть ложись,
Да умирай... Вотъ мы и порѣшили
Защиты воеводы попросить;—
А онъ то крутъ,—да свилъ мочальный кнутъ...
Не помогло... Тогда мы челобитье
Великому послали Государю,—
Да не дошло, какъ видно... Ну, тогда
Мы изъ села, куда кто—разбѣжались,—
Всѣ, всѣ, какъ есть,—отъ мала до велика,—
Такъ что село стоитъ совсѣмъ пустое...
И я убѣгъ,—да вотъ теперь и маюсь...

Четвертый мужикъ.

Убѣгъ, убѣгъ, да маюсь!... Кто-жъ не бѣгалъ!..
Вся, матушка святая Русь въ бѣгахъ!...
Тотъ бѣгаетъ, какъ волкъ,—а этотъ ловитъ!...

Явленіе 3-е.

(Входитъ *бирючъ* (герольдъ) съ двумя стрѣльцами и начинаетъ *кликать кличъ*,—чтобы начальство выдавало бѣглыхъ сыщику отъ Помѣстнаго и Разбойнаго Приказовъ,—Матюшкѣ Твердохлѣбу).

Народъ (*шарахнулся*).

Бирючъ!... Бирючъ!... Отцы мои! Спасайся!...
Дери,—куда кто только можетъ! ..

Лихой (*громовымъ голосомъ*).

Стой!
Куда—вы! Стой!... Анаѳемская сволочь!...

Голоса.

Да какъ-же быть!... Вѣдь словитъ!...

Лихой.

Какъ-же быть?...
Эхъ олухи!... Считайте,—сколько васъ?...
И сколько ихъ?... Не онъ,—а вы словите
Его,—да на расправу и тащи.

Голоса.

Ай, любо-любо!... Занимай, ребята!...
Лови его,—лови, лови, лови!...

(*Бирючъ и два стрѣльца, сперва хотятъ отбиваться,—потомъ бѣгаютъ по сценѣ; народъ за ними гоняется. Двухъ стрѣльцовъ словили. Бирючь увернулся и убѣжалъ за сцену. За нимъ погнались. Нѣсколько мужиковъ смотрятъ имъ вслѣдъ*).

Одинъ.

Вишь тягу далъ.

Другой.

Сверкаютъ только пятки!

Третій.

Ай! не поймать!... Вотъ,—лыжи навострилъ...

Четвертый.

Шалишь... Не словишь!...

Первый.

Батюшки!... Споткнулся!...
И растянулся!...

Другой.

А Миколка – смердъ,—
Медвѣдемъ навалился на него...

Вся толпа.

Тащи его,... тащи сюда, скорѣе!..
(*Втаскиваютъ бирюча толчками*).
Ага!... Теперь напляшешься пріятель!...

Бирючъ.

За что-же?... Братцы!... Чѣмъ я виноватъ?...
Я кликалъ кличъ,—и все! Я подневольный!...
Меня послалъ Матюшка Твердохлѣбъ;—
Онъ, сыщикъ вѣдь?... Не я?...

Одинъ мужикъ.

А вотъ увидимъ!...

Другой мужикъ.

Стой, братцы!... Вотъ-что,—надо разсудить.
Такъ знаете,—хоть мы и голь, и сволочь,—
А все-таки,—давай-ка - кругъ составимъ, -
Какъ козаки у батюшки-Степана!...

Голоса.

Го-го-го го!... Вотъ лихо! . Тоже кругъ!...
Знай нашихъ!... Любо!... Ну, Кирюшка Пузо,—
Тебѣ быть атаманомъ!... Выступай!...
Бери дрючокъ за-мѣсто булавы...
(*Кирюшка Пузо выходитъ впередъ*).

Мужикъ.

А кто-же въ эсаулы?...

Онуфрій Лихой.

Ахъ вы пòгань!...
Базарная, шальная голытьба!...
Туда-же рыло суетъ... Слышь-ты,—тоже—
Составимъ кругъ! .. Хорошъ,—паршивый кругъ!...

Мужикъ.

Судить-же надо...

Лихой.

Что тутъ долго думать!
Онъ васъ ловилъ,—а вы—его словили.
Въ мѣшокъ его, да въ воду,—и шабашъ...

Другой мужикъ.

Вонъ на возу мѣшковъ-то много. Ѳедька!...
Давай сюда. (*Ѳедька тащитъ мѣшокъ*)—
Ну, высыпай муку̀...

Бирючъ.

Побойтесь Бога!... Пощадите, братцы!...
Я-жъ не ловилъ!... Я только кликалъ кличъ...

Голоса.

А вотъ, теперь, ступай-ка въ воду, къ рыбамъ,—
Ко осетрамъ, да къ щукамъ кликать-кличъ...
Чтобъ и другимъ-то не повадно было...
(*Хватаютъ Бирюча и пихаютъ въ мѣшокъ*).

Бирючъ.

Ой!... Братцы!... Ой!...

Голоса.

Въ мѣшокъ его!... въ мѣшокъ!...
(*Завязываютъ мѣшокъ*).

Тащи его! Тащи, ребята,—живо!...

(*Тащутъ мѣшокъ и бросаютъ въ воду*).

Вотъ и концы-то въ воду! го го-го!...

Одинъ мужикъ (*показывая на двухъ стрѣльцовъ*).

А ихъ-то, что-жъ?... Стрѣльцовъ-то православныхъ?...

Одинъ стрѣлецъ.

Мы въ козаки идемъ...

Другой стрѣлецъ.

Мы подъ начало
Степана Тимоѳеича идемъ. .

Онуфрій Лихой.

Оставьте ихъ. Пусть атаманъ разсудитъ...

(*Смотритъ пристально вдаль, и кричитъ*).

А,—вотъ оно!... Вонъ парусъ, парусъ видно!...
Вонъ и другой! И третій!... Это наши!...
Нашъ батюшка!... Да здравствуетъ!... Ура!...

Всѣ (*шарахнулись*).

Да здравствуетъ, великій атаманъ!...
Ура!... Ура!...

Одинъ мужикъ.

Ребята! Слушай! Живо!...
На-встрѣчу имъ лихую пѣсню грянемъ:
«Какъ летитъ орелъ въ поднебесьѣ...»

Всѣ.

Да,—да,—да!... Пѣсню!... Пѣсню про орла!...

(*Поютъ хоромъ, на голосъ пѣсни: «Якъ ійшовъ чумакъ по дорози»*).

1.

Какъ летитъ орелъ въ поднебесьѣ
Да несетъ въ когтяхъ онъ добычу!
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Въ поднебесьѣ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Онъ добычу!...

2.

Въ небѣ солнышко жарко свѣтитъ
Степь раздольную сожигаетъ,—
Таррарахъ рахъ-рахъ
Жарко свѣтитъ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Сожигаетъ...

3.

Во-лѣсу-жъ, въ гнѣздѣ, мать-орлица,
И орлятушки съ ней клекочутъ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Мать орлица,
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Съ ней клекочутъ.

4.

Ты лети, лети, нашъ кормилецъ,—
На гнѣздо, къ семьѣ, къ малымъ дѣткамъ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Нашъ кормилецъ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Къ малымъ дѣткамъ!

5.

Расклюютъ они твой гостинецъ,—
Заморятъ они лютый голодъ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Твой гостинецъ,—
Таррарахъ-рахъ-рахъ
Лютый голодъ...

6.

Исполать тебѣ, нашъ родимый!
Исполать, орелъ поднебесный!
Таррарахъ-рахъ-рахъ,—
Нашъ родимый!
Таррарахъ-рахъ-рахъ,
Поднебесный!...

(Въ это время, сперва изъ-дали, а потомъ—все ближе и ближе, раздается на стругахъ современная пѣсня сподвижниковъ Разина. Пѣсня ихъ, приближаясь, смѣшивается съ пѣсней гольтьбы,—такъ что выходитъ даже нѣкоторый диссонансъ,—что, однако, все покрывается общимъ энтузіазмомъ. Нѣкоторые пляшутъ. Бьютъ въ бубны).

Пѣсня Разинцевъ (*современная*).

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра мо̀лодца,
Что Степана - свѣтъ—Тимоѳеича,
По прозванію Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ мо̀лодцевъ, людей бѣглыихъ.
Мы не воры, мы не разбойнички

Стеньки Разина мы работнички,
Эсауловы мы помощнички.
Мы весломъ махнемъ,—мы корабль возьмемъ
Кистенемъ махнемъ,—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ,—дѣвицу возьмемъ... [1])

Явленіе 4-е.

Подходитъ первый стругъ „Соколъ“. На немъ канаты свиты изъ шелка, а паруса сдѣланы изъ дорогихъ персидскихъ тканей. Всѣ казаки одѣты въ шелковые и бархатные одежды. Жемчугъ и драгоцѣнные камни въ видѣ вѣнцовъ, украшаютъ ихъ шапки [2]). На стругѣ посерединѣ, стоитъ въ богатой одеждѣ *Стенька*. Возлѣ него *старый казакъ*. Вокругъ нихъ *казаки сподвижники*. Стругъ „Соколъ“ останавливается посерединѣ. Другіе струги, съ цвѣтными парусами, проходятъ мимо за сцену. Изъ за сцены выходитъ много козаковъ—Разинцевъ. При остановкѣ струга „Соколъ“ раздается выстрѣлъ изъ пушки).

(*По знаку Стеньки водворяется тишина*).

Стенька (*со струга*).

Поклонъ тебѣ,—родная голытьба!...

(*Низко кланяется*).

---

[1]) См. „Историческія изслѣдованія и монографіи Н. Костомарова“. Т. II (1872 г.) стр. 316.

[2]) См, *Тамъ же*—стр. 258, и 259. *Тамъ же*, на стр. 234-й, въ современной пѣсни про нихъ сказано:

Удалые молодцы, воровскіе казаки:
На нихъ шапочки собольи—верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки,
На нихъ штаники кумачны, во—три строчки строчены,—
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ.—

Народъ.

Да здравствуетъ нашъ батюшка родимый!...
Да здравствуетъ великій атаманъ!...
(*Всѣ падаютъ ницъ и бросаютъ вверхъ шапки*).
Ура!... ура!... Здорово, нашъ кормилецъ!...

Стенька.

Съ побѣдой всѣхъ великой поздравляю!...

Народъ.

Ура!... Ура!...

Старый казакъ (*стоитъ возлѣ Стеньки и говоритъ громко*).

Да, плавали мы долго
По морю, по Хвалынскому... У насъ
Тогда всего считалось тридцать струговъ.
Мы берега персидскіе громили.
Потомъ,—къ Свиному острову пристали,—
Поотдохнуть,—да струги поисправить...
Какъ тутъ,—морской персидскій воевода
Менеды-ханъ,—съ нимъ семьдесять судовъ,—
Предъ нами всталъ, какъ туча громовая;
Да батюшка нашъ атаманъ—не трусъ!
Опомниться имъ не далъ окаяннымъ,—
Мы бросились, какъ жадные орлы
Голодные,—на стаю лебедей...
И было-жь тутъ всего: Изъ пушекъ, ружей
Пальбы,—лихой и рукопашной драки...
Не мало нашей братьи полегло,—
А Персіянъ—безъ счету перебито...
И кончилось тѣмъ, что Менѣды-Ханъ
Отъ насъ утекъ всего съ тремя судами.

И все свое въ добычу намъ покинулъ:
Суда̀, весь скарбъ и много полонянъ...
Они отъ насъ немного поотстали,—
Ихъ приведетъ Ивашка Черноярецъ...

Народъ.

Да здравствуетъ нашъ батюшка... Ура!...

(*Стенька сходитъ со струга. Идетъ къ авансценѣ. Народъ кричитъ „Ура!“, толпится къ нему, кланяется въ ноги, цѣлуетъ руки и полы его одежды*).

Изъ толпы.

Родимый нашъ! Отецъ нашъ!... Не оставь
Насъ бѣдныхъ сиротъ,—голыхъ да голодныхъ...
Не дай пропасть... Возьми ты насъ, кормилецъ,
Возьми къ себѣ... Тебѣ служить мы будемъ
Душой и тѣломъ...

Стенька.

Слушайте меня!...
Я къ вамъ пришелъ какъ къ братьямъ... Я вамъ брать!...
Убогіе, голодные, бродяги,—
Всѣ братья мнѣ... Иди ко мнѣ кто хочетъ!...
Иди ко мнѣ,—кто хочетъ вольнымъ быть,
Не голодать и не ходить въ лохмотьяхъ!...
Я никого насильно не зову!...
Я никого неволить не желаю...

Народъ.

Отецъ ты нашъ,—всѣ, всѣ къ тебѣ идемъ!...
Умремъ съ тобой и за тебя, родимый...
(*Въ это время слышны голоса*:)
Гей!... Пропусти!... Дорогу!... Разступитесь!...

Стенька.

Кто тамъ?... Пусти!...

Явленіе 5-е.

(Входитъ *Васька Усъ* съ ватагой своихъ).

Васька Усъ.

Здорово, атаманъ!
Я Васька Усъ. Чай про меня ты слышалъ?
Я изъ крестьянъ помѣщичьихъ и былъ
У барина большого доѣзжачимъ...
А онъ, у насъ былъ просто злѣе чорта.
Вотъ,—какъ-то, разъ, подпивши на охотѣ,
Не выдержалъ,—подъ носомъ господина,
Не въ очередь я зайца затравилъ...
Накинулся онъ на меня, вцѣпился,
Сталъ колотить и—вырвалъ лѣвый усъ,—
Вотъ, видишь-ли,—всего одинъ остался?...
Взбѣсился я отъ боли,—но смолчалъ,—
Да въ ту̀-же ночь злодѣя и зарѣзалъ,—
А самъ скорѣй далъ тягу въ темный лѣсъ...
Набралъ себѣ не мало молодцовъ
И съ ними дѣлъ лихихъ надѣлалъ много...
И всѣ меня прозвали *Васька Усъ*...
Прославился... Но вотъ,—теперь прослышалъ
Я о тебѣ, могучій атаманъ,—
И порѣшилъ съ моими молодцами,—
(Ихъ сотенъ восемь, слишкомъ, наберется,)—
Идти къ тебѣ на службу.—Принимай!...

Стенька.

Я радъ тебѣ и молодцамъ твоимъ.
Будь у меня удалымъ эсауломъ,—
Такимъ-же какъ Ивашка Черноярецъ!...
Ты отъ господъ не мало натерпѣлся—
И ты-же мнѣ поможешь ихъ казнить...

Васька Усъ.

Вотъ и лафа... А мы сейчасъ схватили
Двухъ воеводъ;—ихъ какъ волковъ голодныхъ
Поймали мы... И бьемъ тебѣ челомъ.—

Стенька.

Давай сюда!

Явленіе 6-е.

(*Приводятъ двухъ воеводъ*).

Васька Усъ.

Вотъ,—этотъ—Кривоносовъ, —
Народа онъ не мало перемучилъ
И обобралъ...

Кривоносъ (*среднихъ лѣтъ. Падаетъ на колѣни*).

Помилуй!... Пощади!...

Стенька.

А ты—щадилъ?... Ты—миловалъ?... Повѣсить!...
(*Кривоноса хватаютъ и уводятъ*).

Васька Усъ.

А этотъ—вотъ,—хорошій воевода,—
Князь Мышецкій,—народъ не обижалъ
И помогалъ онъ бѣднымъ...

Стенька.

Ну, такъ какъ-же?
Помиловать-бы? Что-ли?...

Князь Мышецкій (*старикъ. Онъ говоритъ смѣло и громко*).

Слушай, Стенька!
Пока еще есть время,—образумся!...
И голову повинную неси
Скорѣй царю.—Брось твой мятежъ проклятый!...
Не совращай несчастный темный людъ
На путь грѣха и гибели!... Опомся!...
Покайся передъ Богомъ!... Кто поставилъ
Тебя творить судъ и расправу?...

Стенька.

Кто?
Народа вопль и нищета, и голодъ,—
Да гнетъ отъ васъ,—бояръ и воеводъ,—
Да вѣчная неправда и злодѣйства!...

Князь Мышецкій.

На это дѣло властенъ не разбойникъ
Такой какъ ты... На это властенъ царь!...
Царь—на землѣ; а въ небѣ—вѣчный Богъ!...

Стенька.

Молчи, старикъ, молчи,—я не разбойникъ!—
На это властенъ царь? Зачѣмъ же вы
Его толпой холопской обступили,—
Какъ темный лѣсъ,—такъ что за нимъ не видитъ
Ни царь народа,—ни народъ царя?...
Вотъ этотъ лѣсъ маленько поразчистить
Я и хочу,—что-бъ царь вокругъ все видѣлъ...
Я врагъ боярству,—а народу братъ!
Довольно вамъ судить да верховодить!...
Пора понять, что люди всѣ равны!...

Князь Мышецкій.

Молчи, злодѣй!... Нѣтъ,—ты не братъ народу!...
Ты обольститель дерзкій и обманщикъ!...
Гдѣ толпище твое съ тобой пройдетъ,—
Вездѣ тамъ только мерзость запустѣнья...
Грабежъ, убійство, пьянство и разпутство;—
Черезъ тебя народъ твой будетъ гибнуть
И самъ-же выдастъ онъ тебя царю,—
И ждетъ тебя, злодѣй, топоръ и плаха!...
Тебя послалъ не Богъ,—а сатана!...

(*Общее движеніе*).

Стенька (*бѣшено*).

Мѣшокъ!... Мѣшокъ!... Тащи сюда мѣшокъ!...
Скорѣй!... Сажай его въ мѣшокъ,—да въ воду!...

(*Приносятъ мѣшокъ, сажаютъ туда князя Мышецкаго, тащутъ и бросаютъ въ воду*).

Народъ.

Хе-хе-хе-хе,—А ну-ка, ну-ка,—рыбки
Попробуйте боярскаго мясца!...

Одинъ казакъ.

Эхъ, утопили такъ какъ былъ,—одѣтый...
Одежку-бъ подуванить,... подѣлить....

(*Раздается звукъ бубенъ*).

Стенька.

Что это тамъ?

Голоса.

А это наши братья,
Сѣчевики,—изъ Запорожской Сѣчи...

(*Входятъ запорожцы. Впереди два старшихъ; за ними свита—четыре запорожца и два съ бубнами, въ которые бьютъ*).

Явленіе 7-е.

Старшій запорожецъ.

А мы—до васъ...

Народъ.

Здорово,—хохлачи!...

(*Всѣ запорожцы низко кланяются Стенькѣ*).

Стенька.

Здорово, братцы.

Старшій запорожецъ.

Здравствуй, батько. Мы
Изъ запорожья. Гетманъ Запорожскій
Иванъ Мартынычъ Брюховецкій,—купно
Со старшиной казацкою и войско

Послала насъ, великій атаманъ,
Къ тебѣ, съ поклономъ низкимъ, до земли.
(*Низко кланяются*).
И съ просьбою усердной.

Стенька (*громко*).

Слушай дѣло!
Въ кругъ становись!... Живѣй!... Ты Васька Усъ —
Стань близь меня—мой новый эсаулъ,—
Всѣ по порядку стройся!. . Да насѣку
Подайте мнѣ.

(*Составляется казацкій кругъ. Два старшихъ запорожца выступаютъ впередъ, передъ Стенькой; другіе — становятся за ними*).

Старшій запорожецъ (*кланяется Стенькѣ и всему кругу*).

Великій атаманъ.
Пришелъ конецъ и гибель Запорожью,
Идетъ бѣда на нашу Украйну,—
На нашу мать. Козачеству всему
Грозитъ лихая доля!... Москали
Что-день,—то насъ сильнѣе утѣсняютъ:
По городамъ—по нашимъ—воеводы
Безчинствуютъ безъ мѣры и числа;
Стрѣльцы вездѣ злодѣйствуютъ и грабятъ.
Уже, какъ слышно, Кіевъ—градъ святой
Хотятъ отдать опять проклятымъ ляхамъ ..
А у царя, въ Москвѣ, въ боярской думѣ,—
Бояринъ, другъ царя, Ординъ-Нащокинъ
Заводитъ рѣчь о томъ, чтобы совсѣмъ
Казачество на вѣки уничтожить,—
Поворотить въ холопство... Запорожье
И вся Украйна, въ ужасѣ, готовы

Возстать за волю нашу и права,—
И на тебя надѣются, и просятъ
О помощи. Вотъ,—гетманъ Брюховецкій
Тебѣ объ этомъ посылаетъ «листъ».

(*Подаетъ запечатанный пакетъ. Стенька наклоняетъ насыку, въ знакъ уваженія. Беретъ пакетъ, цѣлуетъ печать и распечатываетъ*).

Стенька (*къ кругу*).

Вершите— атаманы— молодцы!

(*Вынимаетъ изъ пакета „листъ“ и про-себя читаетъ*).

Голоса въ кругу.

Какъ?... Чтобы Кіевъ ляхамъ?... Уничтожить
Казачество?... Разрушить Запорожье?...
Тому не быть!... Не быть!...

Стенька (*прочитавъ «листъ», говоритъ громко*):

Тому не быть!...
Я человѣкъ свободный отъ рожденья!...
Я вольнаго казачества слуга!...
Заступникъ я несчастныхъ, угнетенныхъ...
На бѣдствія народа насмотрѣлся
Довольно я и настрадался вдоволь...
Я всталъ на отомщенье! И не даромъ
Судьба во всемъ удачу мнѣ послала!...
Не даромъ намъ подвластно все Поволжье,
Не даромъ мы на морѣ, на Хвалынскомъ
Господствуемъ, разбивъ Менеды-Хана!
Не даромъ насъ трепещетъ Астрахань...
Да и Москва на усъ себѣ мотаетъ!...
Украйнѣ мы и Запорожью помощь
Должны подать и подадимъ... Отъ насъ.

Вы гетману объ этомъ объявите...
Какъ?... Чтобы мы холопству да боярамъ
Служили службу?... Нѣтъ,—того не будетъ!...
Мы за одно возстанемъ съ Брюховецкимъ,—
И на Москву,—мы—съ Волги, онъ съ Днѣпра,—
Съ несмѣтной силой, съ двухъ концовъ нагрянемъ!...
Увидимъ мы тогда,—кто пересилитъ?
Холопы? Воеводы да бояре?
Или народъ, казаки,—голытьба?...
Тогда и на Москвѣ узнаютъ волю!...
А Ордина-Нащокина повѣшу
Я на крестѣ Кремлевской колокольни
Великаго Ивана!... Пусть оттуда
Любуется на дѣло голытьбы!...
Всю нашу Русь тогда поворочу я
Въ одну семью, въ одинъ казачій кругъ!...
Тогда,—знай нашихъ!... Это дѣло, братцы,
Мы совершимъ!... И еслибъ даже сила
Небесная намъ помѣшать хотѣла,—
Я не боюсь!... Мы справимся и съ ней!...

(Раздается въ это мгновеніе пушечный выстрѣлъ. Всѣ молча, напрягаютъ вниманіе.— Подъѣзжаетъ судно съ Ивашкой Черноярцемъ).

Голоса.

А это нашъ Ивашка Черноярецъ!...
Эхъ, молодчина!...

Явленіе 8-е.

Ивашка Черноярецъ (*входитъ*).

Батько атаманъ,
Добычу я привезъ благополучно:
Персидскихъ больше тридцати судовъ,
Не мало пушекъ, пороху, оружья,
Провизія, муниція и скарбъ,
И много полонянъ; а между ними
И сынъ, и дочь Менеды-Хана.

Стенька.

Знаю,
Что сынъ и дочь Менеды-Хана взяты,—
Но я еще ихъ не видалъ.—Вели-ка
Ихъ привести... Пускай народъ посмотритъ.

Черноярецъ (*кричитъ*).

Гей!... Приведите полонянку съ братомъ!—
(*Обращается ко всѣмъ*).
Ну братцы,—всѣмъ добра довольно будетъ!...

Всѣ.

Да здравствуетъ великій атаманъ!...

Явленіе 9-е.

(Входитъ *Заира* и ея братъ *Шабынъ-Дебей*, въ персидской одеждѣ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ. Останавливаются передъ *Стенькой*, который, взглянувъ на Заиру,—видимо пораженъ).

Голоса.

Ай, краля!... Ай да дѣвка!... Хоть куда!...

(*Минута молчанія*).

Стенька (*про себя*).

Сдается мнѣ,—ее я словно видѣлъ!...
Но, гдѣ?... Когда?... Не помню... Какъ во-снѣ...
(*Къ Черноярцу*).
Какъ звать ее?

Заира (*отчетливо и громко*).

Я—дочь Менеды-Хана.
Меня зовутъ Заира. Это братъ мой.

Стенька (*въ изумленіи*).

По нашему ты понимаешь?...

Заира.

Да.
Въ гаремѣ моего отца,—за мной
Ходила русская старушка-няня.

Она меня любила; пѣсни пѣла
Про ваши степи и про тихій Донъ...
Она мнѣ часто сказки говорила
Про лѣшихъ, вѣдьмъ, Илью-богатыря...
Она меня молиться научила,—
Слова Христа Небеснаго Царя! ..

(*Минута всеобщаго молчанія. Стенька, словно, остолбенѣлъ въ очарованіи*).

Голоса

Вишь – ты,—она мудреная какая!...
Да ужъ и краля! Нечего сказать!...

Одинъ казакъ (*возлѣ Стеньки. Говоритъ громко*).

Да. Вотъ начнемъ дуванить всю добычу,—
Кому она достанется въ дѣлежку,—
Тому лафа!... Красавицу такую
Продать,—червонцевъ гору загребешь!...
Ее навѣрно купитъ самъ Салтанъ!...

Голоса.

Да,—да,—дуванить будемъ...

Стенька (*со злостью*).

Ахъ вы,—черти!
Имъ только-бъ все дѣлежка!... Все дуванить!...
Голодныя собаки!... Будетъ вамъ
До одури, на всѣхъ, и угощенья,
И выпивки!... Заткну вамъ вашу глотку!...
Вы рады продуванить душу!... Что жъ!...

Берите все!... Вся, вся добыча ваша!...
(*Останавливается и говоритъ громко и медленно*).
Ее-жъ,—никто не смѣй и пальцемъ тронуть!...
Она—моя!...

(*Общее движеніе. Картина*).

Конецъ.

ОЧЕРКЪ

НАПРАВЛЕНІЯ РУССКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ

съ 1854 по 1864 годъ включительно.

1865 г.

I.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ смерти Лермонтова въ 1841 г. (15 іюля) и послѣ смерти Кольцова,—послѣдовавшей въ 1842 г. (19 октября)—русская лирическая поэзія не имѣетъ до настоящаго времени представителя, который обладалъ-бы такимъ первокласнымъ поэтическимъ талантомъ, каковъ былъ у Лермонтова, или столь самобытнымъ направленіемъ, какое выразилось въ лучшихъ произведеніяхъ Кольцова. Обстоятельство это чрезвычайно важно: въ немъ главная причина той роли, которая выпала на долю нашей лирической поэзіи со дня исчезновенія двухъ упомянутыхъ поэтовъ со сцены русской литературы. Первокласный талантъ или, по крайней мѣрѣ, талантъ, отличающійся направленіемъ самобытнымъ, можетъ вносить свое личное вліяніе въ область лирической поэзіи, указывая ей путь, а иногда и увлекая направленіе ея за собою; но напротивъ, лишенная такихъ талантовъ и обладающая дѣятелями второстепеннаго свойства, лирическая поэзія не господствуетъ, но сама слѣдуетъ за тѣмъ общимъ направленіемъ, которому въ извѣстное время подчиняются всѣ стороны общественной дѣятельности. Въ такихъ условіяхъ находится наша лирическая поэзія уже болѣе двадцати лѣтъ, и потому не слѣдуетъ относиться къ этому періоду ея, какъ къ явленію самостоятельному, но разсматривать оный должно въ связи съ общимъ характеромъ нашей политической, гражданской и соціальной жизни, отъ котораго, вмѣстѣ съ содержаніемъ, наша лирика получила въ это время и направленіе свое.

Упомянутое выше отсутствіе первокласнаго, или самобытнаго таланта сознано и заявлено было нашей прессой еще въ 1848 г., въ статьѣ журнала „Современникъ", подъ заглавіемъ: *Взглядъ на русскую литературу за 1847 годъ*. и это явленіе, по смыслу статьи, равно относилось тогда не только къ лирической поэзіи, но и *вообще ко всѣмъ сторонамъ нашей литературы*. Вся она представляла произведенія не первостепенныхъ дѣятелей; Гоголь не задолго до того издалъ послѣднюю книгу свою — *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Достойно однако вниманія, что на это отсутствіе серіознаго представителя въ нашей литературѣ, „Современникъ" смотрѣлъ какъ на явленіе, не только не возбуждающее сожалѣнія, но какъ на явленіе отрадное. Извѣстно, что въ то время, такъ называемые, *передовые* журналы наши стремились возвести въ принципъ неуваженіе къ какимъ бы то ни было авторитетамъ вообще и, если можно, совершенное отрицаніе ихъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ Искандера, напечатанной въ „Современникѣ" 1847 года, подъ заглавіемъ: *Новыя варіяціи на старыя темы*, читаемъ: что „лѣнь и привычка—два несокрушимые столба, на которыхъ покоится авторитетъ. Авторитетъ, продолжаетъ статья, представляетъ собственно опеку надъ недорослемъ; лѣнь у людей такъ велика, что они охотно сознаютъ себя несовершеннолѣтними, или безумными, лишь-бы ихъ взяли подъ опеку и дали-бы имъ досугъ ѣсть или умирать съ голоду, а главное—не думать и заниматься вздоромъ... Я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ тебя почитать царемъ,— сказалъ Кентъ безумному Лиру. А мы, говоритъ г. Искандеръ, можемъ сказать многимъ, кичащимся своею умственною независимостью: „я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ назвать тебя рабомъ". Такимъ эффектнымъ уподобленіемъ, заключается эта статья, направленная къ потрясенію всякаго авторитета и представляющая далеко не единственное явленіе въ этомъ родѣ. Въ другой статьѣ того-же журнала

серіозно заявляется убѣжденіе, что „Мильтонъ, *самъ того не подозрѣвая*, въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны, написалъ апоѳеозу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совсѣмъ иное“ [1]). Въ 1858 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 4) говорилось, что основы направленія тогдашняго времени были тѣ-же самыя, которыя существовали и въ концѣ сороковыхъ годовъ, то-есть, „та-же вѣра въ человѣка, въ его будущее, въ независимость отъ авторитета“ [2]). Удивительно-ли, что при этомъ настроеніи, журналистика наша дошла до такого крайняго увлеченія, что одинъ изъ тогдашнихъ степенныхъ представителей нашей критики, обозрѣвая явленія русской литературы за 1846 годъ, признавалъ отраднымъ, что она не имѣла въ то время первокласныхъ представителей и что, чуждая такимъ образомъ, подчиненія какому либо авторитету, свободная отъ вліянія какой либо личности, она могла всецѣло принадлежать обществу и быть орудіемъ для осуществленія его интересовъ. Литература наша, какъ выразился упомянутый критикъ, можетъ быть сравниваема „съ полями въ весеннемъ убранствѣ: хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ, мѣстами она очень бѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду; *прекрасное время года наступаетъ*“ [3]). Судьбѣ однако угодно было, чтобы это пророчество о прекрасномъ времени года осталось для нашей литературы вообще, а для лирики въ особенности, не исполненнымъ уже почти двадцать лѣтъ потому, что самыя лучшія произведенія этого періода блѣдны передъ произведеніями Гоголя и Лермонтова. Если-же литература и получила у насъ, теперь, болѣе вліянія на жизнь общества, если она принимаетъ болѣе прежняго участіе въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики нашей, если она стала по преимуществу, такъ сказать, газетной,

[1]) „Современникъ“ 1848 г. № 1.

[2]) Статья по поводу изданія г. Милюкова: *Очерки исторіи Русской поэзіи.*

[3]) „Современникъ“ за 1847 г. № 1.

то съ другой стороны, прислуживая внѣшнимъ, практическимъ цѣлямъ, она отшатнулась отъ тѣхъ внутреннихъ началъ, на которыхъ почіютъ вѣчные законы искуства, она скудна истинно-художественными произведеніями и не проявила почти ни одного такого, которое могла-бы смѣло завѣщать потомству. Эта подчиненность литературы внѣшнимъ цѣлямъ, при отсутствіи могучихъ талантовъ, выразилась вскорѣ фактомъ, имѣвшимъ весьма печальное вліяніе на нашу литературу вообще, а по преимуществу на лирическую поэзію нашу, ощущающую и до настоящаго времени на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія этого факта, который заключался въ томъ направленіи, которое стало господствовать у насъ въ литературѣ подъ именемъ *натуральной школы*, и въ возстаніи большинства противъ теоріи *искуства ради искуства*.

ПОЛЕМИКА О НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

Горячая полемика о „натуральной школѣ“ и объ „искуствѣ ради искуства“ относится собственно къ концу сороковыхъ годовъ, и продолжается почти до 1860 г. и потому, для уразумѣнія истиннаго характера нашей лирической поэзіи и ея направленія за послѣдніе десять лѣтъ,—необходимо вспомнить хотя главныя черты этой полемики, изъ которой видно, какъ литература наша отшатнулась отъ идеализма и впала въ крайній реализмъ, подчинившій ее практическимъ, временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ. Что могло быть гибельнѣе подобнаго направленія для судьбы лирической поэзіи? Въ концѣ сороковыхъ годовъ еще существовалъ однако споръ, еще слышались голоса противъ того, чему представители нашей критики *условились* дать названіе „натуральная школа“. „Какая критика теперь (т. е. въ 1848 г.) болѣе сообразна съ мнѣніемъ и вкусомъ публики какъ не та, которая стоитъ за „натуральную школу“ противъ „риторической?“ Такъ спрашивалъ тогда журналъ „Современникъ“, какъ-бы еще сомнѣваясь, хотя

и провозглашая вмѣстѣ съ тѣмъ, что „натуральная школа стоитъ на первомъ планѣ русской литературы“. И такъ противуположное „натуральной школѣ“ направленіе названо было „школой риторической“. Смыслъ-же „натуральной школы“ т. е. задача ея, по словамъ той-же статьи, ясна изъ слѣдующаго отзыва о Гоголѣ, который былъ не задолго до того, признанъ главою нашей „натуральной школы“. „Всѣ произведенія его, (то-есть—Гоголя) обнаруживаютъ въ немъ *какое-то умышленное, насмѣшливое пренебреженіе къ прежнимъ знаніямъ, опытамъ и образцамъ; онъ читаетъ только книгу природы, изучаетъ только міръ дѣйствительный*; онъ, какъ будто, *забывъ исторію*, подобно древнимъ, начинаетъ новый міръ искуствъ; потому-то его искуство словно не знаетъ, *не понимаетъ стыдливости...*“ Не говоря уже о томъ, что здѣсь имя Гоголя очевидно принято только какъ *знамя* извѣстнаго направленія, потому что его собственное направленіе охарактеризовано очень невѣрно, изъ всего вышеизложеннаго категорически слѣдуетъ, что „натуральная школа“, какъ проповѣдывалъ ее главный органъ этого направленія въ 1848 г., журналъ „Современникъ“,—должна заключать въ себѣ противорѣчіе „риторической школѣ“, „умышленное, насмѣшливое пренебреженіе къ прежнимъ знаніямъ, опытамъ и образцамъ, (не признаваніе авторитета), изученіе только дѣйствительности, отрицаніе исторіи и не пониманіе стыдливости“. Къ сожалѣнію, эта программа, заданная нашей литературѣ ея критиками-законодателями, была ею довольно точно выполнена; относительно-же „изученія дѣйствительности“, должно еще упомянуть, что дѣйствительность была изучаема,—но крайне односторонне. Эта односторонность была замѣчена уже въ концѣ сороковыхъ годовъ противниками нашей „натуральной школы“, то есть въ то время, когда она вступала въ полновластіе въ нашей литературѣ. По свидѣтельству „Современника“, противники „натуральной школы“, или, какъ ихъ обозвали—„риторы“, вмѣняли этой школѣ въ главный недостатокъ ея крайность и односторонность,

а именно: постоянные нападки на чиновниковъ, стремленіе изображать *исключительно* людей низкаго званія, избраніе героями повѣстей по преимуществу мужиковъ, описываніе *угловъ*—убѣжищъ голодной нищеты и часто всякой безнравственности, пристрастное сопоставленіе высшихъ сословій съ низшими, бѣдныхъ—съ богатыми, колебаніе всѣхъ возможныхъ авторитетовъ, протестъ и отрицаніе въ отношеніи къ общественному строю и низложеніе тѣхъ результатовъ въ эстетикѣ, которые получили уже кредитъ. Съ другой же стороны, наука наша разработывалась подъ вліяніемъ крайняго реализма: поверхностные выводы изъ области естествознанія (матеріализмъ) и цѣлая фаланга экономическихъ утопій (соціализмъ и проч.) легко пріобрѣли себѣ авторитетъ въ общественномъ мнѣніи, пользуясь привлекательностью запретнаго плода. Все это въ совокупности доставило такой окончательный тріумфъ такъ называемой „натуральной школѣ“, что даже еще въ 1858 году „Отечественныя Записки“, (журналъ менѣе односторонній и не столько гонявшійся тогда за популярностью сколько „Современникъ“),—„Отечественныя Записки“ рѣшились помѣстить на своихъ страницахъ статью г. Ахшарумова—*О порабощеніи искуства*, написанную въ защиту свободнаго искуства и направленную противъ крайнихъ тенденцій нашей „натуральной школы“,—не иначе какъ съ оговоркой, что статья эта помѣщена въ уваженіе къ искренности, высказанныхъ въ ней мнѣній, отвѣтственность за которыя редакція оставляетъ за авторомъ. А между тѣмъ, въ этой статьѣ находимъ свидѣтельство современнаго наблюдателя объ успѣхахъ „натуральной школы“ и о результатахъ этихъ успѣховъ. Г. Ахшарумовъ утверждаетъ, что „со времени Бѣлинскаго, и во многомъ подчиняясь его вліянію, наша литература стала серіозно смотрѣть на себя, какъ на няньку или гувернантку несовершеннолѣтней публики. Самая критика, *забывъ, что ея непосредственному надзору подчинено вовсе не читающее, а только пишущее сословіе*, принялась за то-же дѣло и чему она не учила

насъ съ тѣхъ поръ, о чемъ не говорила, придираясь къ какой нибудь маленькой книжонкѣ или важному, толстому сочиненію! Нѣсколько словъ о дѣлѣ,—а тамъ длинная лекція de omnibus rebus et aliis quibusdam. Съ той поры, безъ малаго почти все, что у насъ ни было писано по части изящной и неизящной словесности, все пропахло аптекою современнаго, цѣлительнаго направленія. Не имѣя какой нибудь лекарственной цѣли въ виду, никто и за перо не хочетъ браться (въ 1858 г.); нельзя,—скажутъ: несовременно, нѣтъ никакого *направленія*. Существованіе въ то время подобнаго настроенія, провозглашеннаго „натуральной школой“ и вредное вліяніе его на литературу высказывалъ, къ удивленію, какъ-бы невольно и самъ „Современникъ“, столько стремившійся къ торжеству этого самаго-же настроенія. „Въ наше время (т.-е. въ 1848 г.) искуство и литература“, говорилось въ „Современникѣ“, „больше чѣмъ когда-либо сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе, яснѣе всѣмъ, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, *не могло не измѣнить общаго направленія искуства во вредъ ему*. Такъ, самые геніальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту, или по крайней мѣрѣ обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянуто, вяло, скучно“ [1]). Далѣе, та-же статья выражаетъ убѣжденіе, что „духъ партій, сектантизмъ, вредятъ таланту, портятъ его произведенія и потому-то серіозный талантъ долженъ быть органомъ не той или другой партіи или секты, осужденной можетъ быть на эфемерное существованіе, но сокровенной думы всего общества. Поэтъ“, читаемъ далѣе, „долженъ вы-

[1]) Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г. „Современникъ“ (1848 г. № 7 стр. 30).

ражать не частное или случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ. И больно, и жалко, и смѣшно смотрѣть на даровитаго поэта, захотѣвшаго сдѣлаться плохимъ резонеромъ“ [1]). Какъ согласовать эти понятія, съ тѣмъ направленіемъ, которое въ томъ-же „Современникѣ“ предлагалось нашимъ писателямъ, какъ истинный путь, и которое наша критика условилась назвать „натуральной школой“? Дѣло въ томъ, что въ отсутствіи, какъ было замѣчено выше, серіознаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей литературѣ, чистые интересы искуства были отодвинуты на задній планъ и это осталось незамѣченнымъ близорукимъ большинствомъ публики. Выработанныя прежде, твердыя основанія искуства не были опровергнуты и ими даже при случаѣ пользовались, какъ это доказываетъ вышеприведенная выдержка изъ „Современника“. Но въ сущности, искуство было только предлогомъ и полемика объ искуствѣ была принята, какъ единственное средство, дававшее возможность высказывать и популяризировать начала и понятія, не имѣвшія прямого отношенія къ истиннымъ интересамъ искуства. Такимъ образомъ, критика *условилась,* помимо свѣдѣнія о томъ большинства публики и даже писателей, дать названіе „натуральной школы“ собственно *протесту* и *отрицанію*. Изученіе дѣйствительности во имя этой „натуральной школы“ заключалось, съ одной стороны, въ собираніи всѣхъ возможныхъ аргументовъ способныхъ доказать полную неудовлетворительность и негодность тогдашняго государственнаго, гражданскаго и общественнаго строя нашего, а съ другой стороны,—въ поклоненіи матеріализму и реализму, съ цѣлью дѣйствовать разрушительно на нѣкоторыя религіозныя и нравственныя убѣжденія, имѣвшія у насъ авторитетъ въ то время. И такъ, вотъ въ чемъ состояло направленіе, которое ложно было названо „натуральной школой“. И это направленіе было тогда дѣйствительно новостью и оно было встрѣчено съ

[1]) Тамъ-же стр. 29 и 30.

симпатіей. Бороться-же противъ этого направленія открытымъ оружіемъ не было никакой возможности, потому что оно прикрылось маской литературной цѣли, интересовъ искуства: подъ именемъ „натуральной школы". И тутъ-то искуство, а въ томъ числѣ и лирическая поэзія, было принесено въ жертву политическимъ и соціальнымъ тенденціямъ. Это было то время, когда съ одной стороны, писаніе для *чтенія между строкъ* достигло у насъ великаго умѣнія и тонкости, а съ другой стороны, когда возникла цѣлая литература откровенная, безъ маски, но *писанная*. Предохранить искуство, а съ нимъ и лирику нашу отъ низведенія его до значенія оружія въ рукахъ агитаціи могъ только первоклассный художникъ, талантъ сильный и самобытный, а такого, съ кончины Лермонтова и Гоголя, мы еще не имѣли. Если-бы защитники, такъ называемой, „натуральной школы" ратовали собственно за интересы и цѣли искуства, тогда и самый споръ едва-ли состоялся-бы, потому что истинная „натуральная школа", необходимое условіе которой есть вѣрность дѣйствительности,—но не односторонняя вѣрность,—которая отвѣчала-бы требованіямъ реализма, но не исключала въ то-же время идеала,—такая „натуральная школа" не была для насъ новостью, она имѣла у насъ всегда замѣчательныхъ представителей, начиная чуть-ли не отъ временъ Кантемира и фонъ-Визина. И въ то время уже громко заявляли себя въ нашей литературѣ, *протестъ* и *отрицаніе*, но они заявляли себя во имя идеала; въ новой-же „натуральной школѣ" *протестъ и отрицаніе служатъ сами себѣ идеаломъ* и потому, будучи относительны *и часто мгновенны*, они не могутъ быть предметомъ истиннаго искуства. Почему никто и не думалъ утверждать, что комедія Грибоѣдова „Горе отъ Ума" не относится къ „натуральной школѣ"? Чѣмъ не натуральна манера Крылова? Отчего вопроса о „натуральной школѣ" не существовало при Пушкинѣ и при Лермонтовѣ? Потому, что творенія этихъ геніальныхъ поэтовъ были такимъ мастерскимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, что тогда никто не осмѣлился-бы

подчинить искуство побочнымъ, низшимъ цѣлямъ подъ именемъ „натуральной школы“. Наконецъ, лучшія мѣста изъ сочиненій даже второстепенныхъ писателей нашихъ, каковы напримѣръ: Загоскинъ, Гребенка, Основьяненко (Квитка) и другіе, вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ истинной „натуральной школы“. Творцемъ-же новой „натуральной школы“ провозглашенъ былъ Гоголь. Но это въ сущности была мистификація. Нужно было имя, нужно было знамя новому направленію. Отрицаніе и протестъ составляютъ, правда, значительный элементъ въ талантѣ Гоголя. На эту-то сторону и направили глаза и вниманіе близорукаго большинства, оставивъ въ сторонѣ незамѣченнымъ то обстоятельство, что чрезъ всю авторскую карьеру Гоголя, рядомъ съ отрицаніемъ и протестомъ идетъ стремленіе къ идеалу, къ идеалу не относительному, а вѣчному, что въ *Вечерахъ на хуторѣ*, въ *Миргородѣ*, въ *Повѣстяхъ* нѣтъ односторонняго изображенія дѣйствительности, что повѣсть *Портретъ* есть въ своемъ родѣ цѣлый трактатъ въ пользу независимаго искуства, что въ превосходномъ и глубокомъ этюдѣ: *Римъ* все дышетъ вѣчнымъ идеаломъ. Никто также не обратилъ вниманія публики на то, что во второй части „Мертвыхъ Душъ“, общій характеръ которой доступенъ сужденію по уцѣлѣвшимъ главамъ и по отзывамъ людей, слышавшихъ чтеніе ея и стоющихъ довѣрія, — во второй части, хотя отрицаніе играетъ важную роль, но вездѣ сквозитъ стремленіе къ идеалу и выбранная авторомъ среда, совершенно не та, которую эксплуатировала новая „натуральная школа“; и какъ въ первой части поэмы дѣйствуютъ по преимуществу чиновники и бѣдняки, такъ во второй—почти нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. А между тѣмъ эта вторая часть была писана не годъ и не два. Упущено было изъ виду также, что въ *Перепискѣ съ друзьями*, въ письмахъ, которыя были писаны авторомъ еще за девять лѣтъ до его смерти, т.-е. тогда, когда еще не было и рѣчи о паденіи, или болѣзни Гоголя,—высказаны взгляды совершенно противуположные тѣмъ, которые проповѣдывала новая „на-

туральная школа". Въ доказательство можно указать на письма отъ 1843 года, по поводу первой части „Мертвыхъ Душъ".

Такимъ-то образомъ, подъ видомъ „натуральной школы", проводились въ общество тенденціи въ сущности не литературнаго свойства, и имя Гоголя было произвольно выставлено, какъ знамя. Уровень творческой дѣятельности въ литературѣ нашей не могъ при этомъ не понизиться, и это по преимуществу отразилось на лирической поэзіи нашей въ послѣднее десятилѣтіе. Окончательное-же обращеніе нашей поэзіи къ постороннимъ цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта мнимая „натуральная школа", *произведено было нашей критикой*, которая сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобъ популяризировать у насъ цѣлую теорію *порабощенія искуства*, теорію враждебную свободному искуству, возведшую въ принципъ отрицаніе (какъ выражались тогда) — *искуства ради искуства.*

ПОЛЕМИКА О СВОБОДНОМЪ ИСКУСТВѢ.

Взглядъ на литературу, какъ на выраженіе общественной жизни, замѣчается уже въ тридцатыхъ годахъ; но что касается до искуства, въ томъ числѣ и поэзіи, то Бѣлинскій сначала упрочилъ у насъ убѣжденіе, что „искуство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ-бы вновь созданный міръ". Бѣлинскій развилъ въ себѣ это убѣжденіе въ школѣ Н. Станкевича, который много способствовалъ къ первому серіозному знакомству нашему съ тогдашними результатами нѣмецкой философіи и эстетики. Какъ-бы то ни было, но Бѣлинскій вѣрилъ тогда въ свободное искуство и этой вѣрѣ онъ не измѣнялъ до переселенія своего изъ Москвы въ Петербургъ. Еще въ 1841 году онъ утверждалъ, что „лирическая поэзія есть по преимуществу поэзія *субъективная*, внутренняя, выраженіе *самаго поэта*". По словамъ Бѣлинскаго, „иныя лирическія піесы, не заключая въ себѣ особеннаго смысла, хотя и не бу-

дучи лишены обыкновеннаго, выражаютъ собою *безконечно-знаменательный смыслъ одною музыкальностью своихъ стиховъ*, какъ напримѣръ эти стихи изъ пѣсни Офеліи.

Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ.
Съ *непокрытымъ*, съ *открытымъ* лицомъ.

„Непокрытый", замѣчаетъ Бѣлинскій, „есть то-же, что открытый; но какое глубокое впечатлѣніе производитъ на душу это повтореніе одного и того-же слова, съ незначительнымъ грамматическимъ измѣненіемъ!" [1]) Вотъ какимъ образомъ Бѣлинскій вѣрилъ даже въ поэзію звука. „Дѣйствительность", которую должна воспроизводить поэзія по теоріи, усвоенной нашею критикой подъ перомъ Бѣлинскаго, понимаема была въ то время какъ общечеловѣческія и общеміровыя начала, коренящіяся глубоко въ духѣ и въ природѣ. *Въ этомъ смыслѣ* искуство и не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ *воспроизведеніемъ дѣйствительности*; художнику тутъ предоставляется полная *свобода* избирать среду для своей творческой дѣятельности. Но, не далѣе какъ въ 1842 г. Бѣлинскій смотритъ иначе. „Поэтъ", говоритъ онъ, „уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ; *онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности;* все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей, духовной, идеальной (?) жизни; оракула дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; *врача*, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго *общія боли и скорби и поэтическимъ воспроизведеніемъ изцѣляющаго ихъ*" [2]). Помимо противорѣчія, заключающагося въ томъ, что „поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ", а „общество хочетъ видѣть въ немъ представителя своей *идеальной* жизни",—въ этомъ опредѣленіи назначенія поэта можно различать уже тѣ невыгодныя условія, тѣ цѣпи, которыми послѣдующі

[1]) Сочиненія В. Бѣлинскаго т. 12, изд. 1862 г. стр. 281.
[2]) Сочиненія В. Бѣлинскаго, т. 6, стр. 107.

критики и особенно г. Добролюбовъ окончательно опутали нашу поэзію, цѣпи — которыя влачитъ она и теперь, промѣнявъ свою независимость на рабство разнымъ политическимъ и соціальнымъ цѣлямъ. Въ этомъ опредѣленіи поэтъ уже прикованъ къ мѣсту, какъ *гражданинъ*, прикованъ къ времени какъ *гражданинъ современной ему дѣйствительности,* ему указана миссія *врача*, съ обязанностью открывать *общія боли и скорби* и *исцѣлять ихъ.* Не вся-ли печальная судьба, постигшая нашу лирику въ послѣднія двадцать лѣтъ, коренилась въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Бѣлинскаго? Удивительно-ли, что при такомъ воззрѣніи, Бѣлинскій, признавая въ Державинѣ сильный талантъ, осуждалъ его направленіе? Наконецъ должно еще замѣтить, что при этомъ воззрѣніи понятіе о „дѣйствительности“ уже съузилось и очерствѣло. Оно утратило прежній космическій и психическій смыслъ и получило значеніе окружающей среды, извѣстнаго момента и извѣстнаго проявленія общественности. Такой переворотъ во взглядѣ Бѣлинскаго на требованія эстетики, переворотъ столь гибельно отразившійся на нашей лирикѣ, объясняется тѣмъ, что Бѣлинскій, переселясь изъ Москвы въ Петербургъ, отшатнулся отъ прежняго умозрительнаго направленія, царствовавшаго въ кружкѣ Станкевича, и увлекся тѣми соціалистическими эфемерными утопіями, которыя будучи уже во всемъ разгарѣ и недалеко отъ полнѣйшаго fiasco на Западѣ, проникали къ намъ черезъ „окно“ прорубленное Петромъ Великимъ въ Европу какъ новость, какъ нѣчто очаровательное, возвышенное, какъ универсальная панацея, долженствующая обновить одряхлѣвшій міръ. Все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могло быть тогда поражаемо путемъ открытой журнальной полемики, подобно тому, какъ это случилось въ наши дни съ „нигилизмомъ“. Не одинъ Бѣлинскій, изъ принадлежавшихъ къ кружку Станкевича, перешелъ подъ знамя новыхъ соціальныхъ доктринъ. То-же произошло и съ Герценомъ, съ Огаревымъ, съ Бакунинымъ и съ другими. А между тѣмъ критика дѣлала задуманное дѣло,

ратуя на страницахъ журналовъ, пользовавшихся тогда наибольшей популярностью, каковы были „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“. Въ этихъ изданіяхъ неослабно проповѣдывалась гонка за современностью, полезностью и изображеніемъ соціальныхъ недуговъ. Вскорѣ, вслѣдъ за цѣлымъ хламомъ самаго незавиднаго свойства, въ видѣ фельетоновъ, повѣстей и разсказовъ г. Панаева и tutti-quanti, стали являться произведенія писателей талантливыхъ, но видимо ослѣпленныхъ мистификаціей „натуральной школы“. Таковы были, встрѣченные съ восторгомъ, романъ г. Достоевскаго: *Бѣдные Люди* и первыя повѣсти г. Григоровича— *Антонъ Горемыка*, *Метель*, *Рыбаки* и другія. Рецептъ „натуральной школы“ выполнялся въ точности: среда выбиралась исключительная, бѣдствующему чиновнику усвоивались атрибуты идиллiи и ювеналовскія стрѣлы полетѣли въ высшіе слои; простолюдину придана была раздражительность нервовъ, свойственная развѣ только шиллеровскимъ героямъ. Г. Некрасовъ воспѣвалъ извощика, повѣсившагося на возжахъ, крестьянина, влюбленнаго въ дворянскую дочь; г. Огаревъ опоэтизировалъ *Кабакъ*,— искуство шло къ порабощенію быстрыми шагами, безъ вѣдома большинства публики и многихъ писателей; все съ легкостью свойственной неразвитости, подчинилось слѣпо авторитету критиковъ — законодателей, которые какъ агенты „натуральной школы“ вели искуство къ порабощенію. Такъ-какъ аргументы, въ силу которыхъ требовалось критикой лишить искуство свободы, не могли быть у насъ вполнѣ высказаны, то это восполнила русская пресса за границей. По поводу смерти живописца Иванова г. Огаревъ въ „Полярной Звѣздѣ“ (1859 г.) высказалъ ясно тѣ цѣли, въ силу которыхъ проповѣдывалось порабощеніе искуства. „Христіанское искуство“, сказано въ этой статьѣ, „пало, не смотря на провозглашеніе иммакулатной концепціи; самое провозглашеніе иммакулатной концепціи могло случиться только потому, что *христіанство пало*... Художникъ не сразу понимаетъ, что дѣло въ томъ, что онъ уже не религі-

озенъ, потому что его общественная среда не религіозна, ему еще кажется, что онъ вѣритъ; онъ ходитъ въ церковь, онъ промываетъ себѣ глаза святой водою; но онъ натягиваетъ на себя благоговѣніе, глаза его не веселѣе смотрятъ послѣ святой воды. И въ толпѣ, которая кругомъ его, онъ видитъ что-то затверженное, какое-то безсмысленное повтореніе когда-то живаго слова, или просто лицемѣріе"... „Искуство ради искуства", *помимо общественнаго содержанія*, не въ состояніи вдохновить его; это посторонняя, натянутая идейка, а не внутренняя сила, которая просится наружу. Куда дѣваться? Я усталъ, восклицаетъ художникъ, дайте мнѣ отдыхъ; но такой, —

Чтобъ въ груди дрожали жизни силы.

И этотъ отдыхъ онъ находитъ въ вѣчно-юной природѣ. Пейзажъ становится на первомъ планѣ; историческая живопись мало по-малу блѣднѣетъ, выбиваясь изъ силъ; религіозная эпоха не вдохновляетъ, да и никакая историческая эпоха не вдохновляетъ; *художникъ усталъ отъ исторіи, какъ само общество устало отъ исторіи*... Общественная жизнь", продолжаетъ г. Огаревъ, „разлагается болѣе и болѣе; она впадаетъ въ утомленіе, она неспособна къ живому вѣрованію, ни къ живой радости, ни къ великой трагедіи; она безсильна, она просто—устала... Искуство пало потому, что общественная жизнь выдохлась"... Не вдаваясь въ полемику, здѣсь только можно предложить вопросъ: почему-же римское искуство процвѣло именно во дни разложенія римскаго общества? Почему величайшіе художники творили подъ покровительствомъ людей, далеко не отличавшихся ни свободолюбіемъ, ни строгостью нравовъ, каковы напримѣръ папа Левъ X или Медичисы? Отчего, наконецъ, у насъ, Пушкинъ съ его плеядою блисталъ въ такое время, которое, вѣроятно не удовлетворяетъ идеаламъ г. Огарева?... Какъ-бы то ни было, но рѣшено было поработить искуство во имя паденія *христіанства* и *нелѣпости исторіи*. Эти громкіе аргу-

менты однако не пробились сквозь нашу цензуру; зато предложенные на первый разъ, взамѣнъ свободы искусства, — матеріализмъ и соціализмъ проступали сквозь всѣ поры, встрѣченныхъ публикой съ привѣтомъ критическихъ статей, историческихъ и политико-экономическихъ изслѣдованій и гипотезъ изъ области естествознанія. Крайній реализмъ вошелъ въ честь и полюбился большинству, какъ товаръ, считавшійся контрабандой. Новѣйшіе образцы тѣхъ послѣдствій, которыя это имѣло для нашей лирической поэзіи и вообще искуства можно найдти въ сочиненіяхъ Чернышевскаго или у г. Добролюбова, гдѣ поэты наши преимущественно оцѣниваются съ скорбно-гражданской точки зрѣнія, со стороны отрицанія и протеста [1]). „Русское-же Слово“, съ „ноздревской“ услужливостью, съ свойственнымъ этому журналу цинизмомъ объявило въ послѣднихъ книжкахъ своихъ за 1864 годъ, что всякій сапожникъ на столько выше Шекспира, на сколько всякая данная величина выше нуля, что пьеса Пушкина „Ночной зефиръ струитъ эфиръ“ абсолютно плоха, негодна“ и гораздо ниже *Поваренной книги* Авдѣевой. „Вполнѣ—прекраснымъ можно назвать только такое произведеніе“, по словамъ этого журнала, „въ которомъ глубокій, честный и умный взглядъ на предметъ, *имѣющій важность для наиболѣе обширнаго числа людей*, высказанъ въ *удобной* и красивой формѣ“ [2]). Въ похвалу г. Некрасову „Русское Слово“ приводитъ то, что у г. Некрасова „очень мало стихотвореній, гдѣ героемъ является не народъ; но если такія пьесы и встрѣчаются, то въ такомъ случаѣ это навѣрно не Наполеонъ на скалѣ, не Прометей съ коршуномъ, не Фаустъ съ Мефистофелемъ, не Демонъ съ Тамарой; этими „великолѣпными сюжетами“, продолжаетъ статья, „дающими такой просторъ поэтическимъ вольностямъ, смѣлымъ порывамъ поэтической *нескладицы*,

[1]) Въ такомъ-же духѣ новѣйшія критическія произведенія гг. Антоновича, Писарева, Зайцева и др.

[2]) „Русское Слово“ (№ 10) 1864 г. стр. 80.

широкимъ размахамъ художественной кисти, нашъ поэтъ пренебрегаетъ. Герои его, кромѣ народа, тѣ труженики и страдальцы, которые работали мыслію или дѣломъ и, хотя не непосредственно, но принесли свою лепту“ [1]). Наконецъ, въ довершеніе эффекта, въ декабрьской книжкѣ, „Русское Слово“ обѣщаетъ доказать въ непродолжительномъ времени, что Пушкинъ нетолько не поэтъ, но „пародія на поэта“. Противъ такихъ и подобныхъ этимъ выходокъ въ пользу порабощенія искуства, легко устояли лучшіе прозаическіе писатели наши, какъ напримѣръ Тургеневъ, Гончаровъ, графъ Л. Н. Толстой и другіе, не говоря уже о С. Т. Аксаковѣ; но поэзія наша и по преимуществу лирическая, осталась вѣрною „свободному искуству“ только въ лицѣ дѣятелей, сформировавшихся до полнаго торжества новой „натуральной школы“; но и эти дѣятели почти всѣ пробовали платить дань „подневольному искуству“, и при томъ лучшія произведенія ихъ относятся къ прошлому десятилѣтію. Изъ лириковъ же послѣдняго времени, кромѣ графа А. Толстаго, всѣ почти гонялись за воспроизведеніемъ общественности, за обличеніемъ и врачеваніемъ. Ободряемая въ этомъ направленіи своемъ такими авторитетами по части критики, каковъ былъ напримѣръ Добролюбовъ, поощряемая воззрѣніями подобными тѣмъ, какія приведены выше изъ „Русскаго Слова“,—лирика наша въ сильной степени обратилась къ рефлексіи, къ куплету, къ эпиграммѣ и наконецъ къ пасквилю. Теперь прежнее свободное творчество поэта, по мнѣнію многихъ, есть уже анахронизмъ, и потому для современной нашей критики и для многихъ поэтовъ—гражданъ не имѣетъ смысла совѣтъ Пушкина:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!...

Не имѣетъ значенія для нихъ и голосъ великаго поэта—художника нашего, поданный имъ въ пользу независимости искуства:

---

[1]) Тамъ-же стр. 81.

Не для житейскаго волненья,
Не для тревоги, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Не болѣе цѣны для нихъ имѣетъ и авторитетъ Гете, который сказалъ:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet,—
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.—

Нельзя однако сказать, чтобы никто не поднялъ у насъ голоса въ защиту искуства отъ порабощенія. Напротивъ, въ 1854 году, г. Дружининъ принялъ на себя обязанности редактора „Библіотеки для Чтенія“, съ цѣлью защищать въ этомъ журналѣ высшіе интересы искуства. Должно также упомянуть о нѣсколькихъ превосходныхъ страницахъ въ пользу свободнаго искуства, въ статьѣ о Пушкинѣ г. Каткова, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ 1857 г. Г. Катковъ объясняетъ ту положительную пользу, которая вытекаетъ изъ невещественной дѣятельности художника. „Вы хотите“, говоритъ статья, „чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте-же ему быть художникомъ и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею *единственною цѣлью* дѣло искуства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите, что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? Какая польза намъ отъ этого?... Не думаете-ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? Мы-же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе

народа къ исторической жизни, искуство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая, по видимому, была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и повседневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни... Линіи Рафаэля", продолжаетъ статья, *„не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта*, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искуства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина". Весьма замѣчательна также, написанная въ защиту свободнаго искуства статья г. Ахшарумова: *О порабощеніи искуствъ*, напечатанная, какъ уже упомянуто выше, въ „Отечественныхъ Запискахъ" (№ 7) 1858 г. Авторъ горько жалуется на существовавшее у насъ тогда уже во всей силѣ отвлеченіе искуства отъ его истинныхъ цѣлей и приводитъ нѣсколько весьма дѣльныхъ фактовъ и соображеній въ доказательство необходимости, такъ-сказать, эманципировать искуство. Но все это было напрасно. Модное направленіе брало верхъ. Можно сказать утвердительно, что если-бы это антихудожественное направленіе могло заявить себя въ нашей лирикѣ прежде, то явившись ранѣе, когда здравыя понятія объ искуствѣ еще были въ силѣ, оно или тогда-же не выдержало-бы критики или, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее десятилѣтіе не имѣло-бы уже прелести новизны, и тогда г. Ахшарумовъ не могъ-бы написать этихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливыхъ уже въ 1858 г. строкъ: „Перечитывать и разбирать все, что написано было у насъ болѣе или менѣе замѣчательными талантами въ теченіе *длиннаго періода застоя и упадка изящной словесности*, начинающагося со смерти Лермонтова,

было-бы скучно и безполезно, тѣмъ болѣе, что, съ очень-немногими исключеніями, *все это носило на себѣ одну и ту-жс печать и скроено было въ томъ же рабскомъ вкусѣ.* Одни подражали Лермонтову, другіе—Гоголю, третьи—французскимъ моднымъ писателямъ и въ особенности Жоржъ-Занду,—всѣ безъ малѣйшей попытки создать какой-нибудь самостоятельный взглядъ на вещи, зажмуря глаза, *подчиняясь авторитету модныхъ увлеченій и чужеземныхъ болѣе или менѣе незрѣлыхъ теорій науки, искуства и жизни*".

Изложенная выше, продолжавшаяся болѣе десяти лѣтъ полемика о „натуральной школѣ" и о „свободномъ искуствѣ" произвела, при историческихъ обстоятельствахъ и при реформахъ новаго царствованія, раздѣленіе нашихъ лирическихъ поэтовъ, по ихъ направленію, на три главныя категоріи. Одни изъ нихъ, какъ уже сказано, сформировались до упомянутой полемики и остались вѣрными принципу „свободнаго искуства", хотя пробовали творить и въ новомъ направленіи; другіе (немногіе)—развивали въ началѣ туманные пріемы нѣмецкаго романтизма и отвлеченныя основанія эстетики, распространенныя у насъ подъ вліяніемъ Станкевича, а потомъ усвоили себѣ значительную дозу теорій французскаго соціализма. Эта категорія, начавшая свою дѣятельность отрицаніемъ въ сферѣ отвлеченныхъ идей, перешла къ отрицанію въ средѣ политической и общественной жизни и служитъ *переходомъ* къ лирикамъ третьей категоріи, которые предметомъ своихъ пѣснопѣній преимущественно избираютъ народъ или общественную среду, какъ самую удобную форму для изобличенія, отрицанія и протеста. Къ этимъ послѣднимъ должно пріурочить и лириковъ — славянофиловъ, источникъ отрицанія и протеста которыхъ вытекаетъ изъ совершенно иныхъ воззрѣній и относится къ совершенно другимъ историческимъ условіямъ и преданіямъ нашимъ.

Сообразно этимъ тремъ категоріямъ, пользовавшіеся наибольшей извѣстностью въ послѣднія десять лѣтъ, лирики наши могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи свободнаго искуства: Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина, Полонскій, Мей, графъ А. Толстой, князь Вяземскій, Бергъ, Алмазовъ, графиня Ростопчина, Ю. Жадовская, К. Павлова.

II. Поэты, развивавшіе сперва туманные пріемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго соціализма: Огаревъ, Григорьевъ, Плещеевъ.

III. Поэты, предметы пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы:

1. *Славянофилы*: Хомяковъ, И. Аксаковъ, К. Аксаковъ [1]).

2. *Отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія*: Розенгеймъ, Бенедиктовъ.

3. *Перелагатели соціализма и пауперизма на русскіе нравы*: Некрасовъ, Никитинъ, Курочкинъ, Вс. Крестовскій, В. Костомаровъ, М. Михайловъ.

4. *Нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты*: Новый поэтъ (псевдонимъ г. Панаева), Добролюбовъ, Темный человѣкъ (псевдонимъ г. Минаева), Обличительный поэтъ (псевдонимъ тоже Минаева), Скорбный поэтъ (псевдонимъ) и прочіе, печатавшіе въ „Искрѣ“ и въ „Занозѣ“.

Само собою разумѣется, что лирики наши классифицированы здѣсь сообразно коренному направленію ихъ, соотвѣтственно главнымъ ихъ произведеніямъ, относительно той среды, которую преимущественно эксплуатировало ихъ творчество. Что-же касается до общей дѣятельности, то болѣе или менѣе каждый изъ нихъ испытывалъ себя въ различныхъ направленіяхъ.

[1]) *Примѣчаніе*: Здѣсь какъ украйнофилъ долженъ быть упомянутъ Т. Шевченко.

I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи „свободнаго искуства".

Нельзя здѣсь не замѣтить знаменательный фактъ, что тѣ лирики наши, произведенія которыхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ отличались наибольшими, истинно-поэтическими достоинствами,—принадлежатъ преимущественно къ этой категоріи. Въ сущности этотъ фактъ весьма естественъ. Слѣдуя теоріи „свободнаго искуства", поэтъ не насилуетъ своего творчества какимъ-либо предвзятымъ направленіемъ. При этомъ условіи талантъ пріобрѣтаетъ много подвижности и, упражняясь въ болѣе разнообразныхъ пріемахъ, онъ легче зрѣетъ и такъ сказать, становится для поэта болѣе удобнымъ къ примѣненію. Вотъ почему лирики наши, сформировавшіеся въ этомъ направленіи, легко творили и въ тѣхъ родахъ, которые не принадлежатъ собственно къ области чистаго искуства, тогда какъ поэты другихъ направленій рѣдко и съ трудомъ дарили нашу литературу удачными образцами искуства не порабощеннаго. При этомъ весьма важно и то, что въ произведеніяхъ послѣдователей „свободнаго искуства" рѣдко встрѣчается убійственная для лирика рефлексія и, напротивъ, часто является образность—это важное условіе для истинно-поэтическаго произведенія.

Предѣлы настоящаго Обозрѣнія не представляютъ возможности разсмотрѣть подробно и всесторонне произведенія каждаго изъ означенныхъ выше поэтовъ нашихъ. При томъ-же цѣль настоящаго труда не есть въ сущности эстестическая оцѣнка дѣятельности нашихъ лириковъ, но по возможности въ краткихъ чертахъ указаніе основнаго ихъ направленія и значенія, которое могли имѣть они для литературы и жизни.

Собственно говоря, предложенное раздѣленіе нашихъ лирическихъ поэтовъ на категоріи, раздѣленіе, вытекшее само собою изъ условій, объясненныхъ въ изложенной полемикѣ по вопросу о „натуральной школѣ" и объ „искуствѣ ради искуства", — указываетъ уже на ихъ

основное направленіе. По этому здѣсь слѣдуетъ представить только въ главныхъ чертахъ какъ-бы подтвержденіе справедливости всего того, что было сказано выше. Что же касается до вліянія, которое могла имѣть на жизнь нашего общества дѣятельность нашихъ лириковъ — послѣдователей теоріи свободнаго искуства, то отвѣтъ на это заключается въ приведенномъ въ этомъ „Очеркѣ“ мнѣніи г. Каткова о положительной пользѣ для общества, проистекающей отъ невещественной дѣятельности художника. Въ отношеніи-же къ нашей литературѣ, должно замѣтить, что по отдѣлу лирики, не обогатясь послѣ кончины Лермонтова ни однимъ твореніемъ истинно-капитальнымъ, она все-таки обязана, какъ было сказано, преимущественно представителямъ „свободнаго искуства“ многими прекрасными произведеніями.

Ѳ. ТЮТЧЕВЪ.

Исключая князя Вяземскаго, г. Тютчевъ едва-ли не старѣйшій изъ лирическихъ поэтовъ нашихъ, который, сохраняя связь съ преданіями блестящаго пушкинскаго періода нашей поэзіи, не перестаетъ до послѣдняго времени обогащать нашу литературу прекрасными лирическими пьесами, которыя производятъ положительно живѣйшее впечатлѣніе. Какъ представитель безотносительнаго, „свободнаго искуства“, г. Тютчевъ долженъ быть упомянутъ прежде князя Вяземскаго. Не такъ давно, г. А. Григорьевъ замѣтилъ, что г. Тютчевъ есть „поэтъ, замкнутый въ своемъ одинокомъ религіозномъ міросозерцаніи“. Такое мнѣніе въ сущности неполно и невѣрно, такъ какъ въ стихотвореніяхъ г. Тютчева выражается не исключительно-религіозное міросозерцаніе и притомъ въ немъ замкнутаго и одинокаго нѣтъ ничего; его же паоосъ и воззрѣнія, выражаемыя его произведеніями, не только вполнѣ понятны, но даже близки и такъ-сказать,- -родственны большей части нравственно и умственно развитыхъ людей нашего времени. Пра-

вильнѣе было бы замѣтить, что характеръ стихотвореній Тютчева есть созерцательный и что прекрасныя стороны природы, равно какъ феномены жизни и духа суть собственно *матеріалъ*, которымъ онъ пользуется для поэтическаго выраженія тѣхъ безотносительныхъ идей и ощущеній, которыя, найдя опредѣленіе въ немъ самомъ, не имѣютъ ничего замкнутаго и изолированнаго для современнаго человѣка. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ вѣроятно причина того, что стихи г. Тютчева равно встрѣчали себѣ похвалу въ столь противуположныхъ органахъ, какъ „Современникъ“ и „День“. Для примѣра можно указать слѣдующую пьесу изъ послѣдняго собранія стихотвореній г. Тютчева, которое издано Редакціею журнала „Современникъ“ въ 1854 г.

Потокъ сгустился и тускнѣетъ,
И прячется подъ твердымъ льдомъ,
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмѣетъ
Въ оцѣпѣненьѣ ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всесильный хладъ не можетъ:
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.

—

Такъ и въ груди осиротѣлой,
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,
И внятно слышится порой
Ключа таинственнаго шопотъ.

—

Міросозерцаніе, выражаемое въ стихахъ г. Тютчева, нерѣдко бываетъ и пантеистическаго свойства. При этомъ должно еще замѣтить ту характеристическую черту поэзіи г. Тютчева, что, какъ истинный представитель „свободнаго искуства“, онъ и въ тѣхъ пьесахъ, которыя написаны по поводу воззрѣній или факта, заявив-

шаго себя въ извѣстный моментъ,—выражаетъ мысль или ощущеніе, которыя не относятся строго къ этому житейскому моменту, но, обобщая его смыслъ, составляютъ въ сущности художественное отвлеченіе. Это-то вѣроятно принято было за изолированіе и замкнутость г. Григорьевымъ, который самъ сильно находился подъ вліяніемъ направленія, проповѣдывавшаго гонку въ искуствѣ за современностью. Въ доказательство справедливости сказаннаго, можно упомянуть стихотвореніе Тютчева: ***Разсвѣтъ***, изъ котораго также видно и то, что не будучи въ тѣсномъ смыслѣ слова славянофиломъ, онъ однако раздѣляетъ нѣкоторыя надежды панславизма:

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ,—
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя Босфора заалѣла.

—

Еще молчатъ колокола,
А ужъ востокъ заря румянитъ,
Ночь безконечная прошла
И скоро свѣтлый день настанетъ.

—

Вставай же Русь! ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

—

Раздайся благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

—

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!...
О Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

—

Стихотвореніе это написано въ 1850 г., такъ сказать, наканунѣ послѣдней войны, исходъ которой оказался конечно не тотъ, какого можно было ожидать по духу этихъ стиховъ, но между тѣмъ, основной смыслъ этой пьесы не утратилъ своего значенія, и она совершенно свѣжа теперь, спустя 15 лѣтъ, тогда какъ столько стиховъ, навѣянныхъ другимъ поэтамъ тою-же крымской кампаніей, теперь уже—анахронизмъ, хотя-бы, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе, ходившее въ рукописи и потомъ напечатанное въ Лондонѣ въ *Голосахъ изъ Россіи:*

Меня поставилъ Богъ надъ русскою страною
Сказалъ намъ русскій Царь и проч...

Но одно изъ самыхъ характеристическихъ стихотвореній Тютчева, отличающееся указанными свойствами пьесъ, написанныхъ имъ по поводу факта изъ общественной жизни, есть слѣдующее стихотвореніе, помѣщенное въ „Русской Бесѣдѣ“ въ 1858 году, когда дѣло упраздненія крестьянской зависимости было самымъ свѣжимъ и самымъ крупнымъ предметомъ всеобщаго вниманія. Манера г. Тютчева, его достоинства и недостатки обнаружились въ этой пьесѣ очень рельефно:

Эти бѣдныя селенья,
Эта грустная природа,
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!—

—

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взглядъ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ нищетѣ твоей смиренной...

—

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, моя родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя...

—

Общее впечатлѣніе, воспроизведенное этимъ стихотвореніемъ, вѣрно, свѣжо и ни къ какому моменту строго не приковывается; созерцательность теплая и тонкая; въ послѣдней строфѣ—пантеизмъ и туманность внѣшней формы, но ясность ощущенія,—качество, не составляющее исключенія въ стихахъ г. Тютчева. Хотя чувствуешь, но не сразу поймешь, что въ страдающемъ народѣ поэтъ видитъ олицетвореніе Бога, удрученнаго „ношей крестной“ и всеблагословляющаго... Характеристично также напечатанное въ нынѣшнемъ году, въ газетѣ „День“, стихотвореніе г. Тютчева, внушенное извѣстной папской энцикликой...

А. ФЕТЪ.

За г. Тютчевымъ, какъ представитель теоріи „свободнаго искуства“ въ нашей лирикѣ послѣдняго десятилѣтія, долженъ быть названъ г. Фетъ, у котораго, такъ-же какъ и у г. Тютчева, преобладаетъ та тонкость и, такъ сказать, музыкальная деликатность ощущеній, которая доступна только высоко-развитымъ натурамъ. Но между этими поэтами есть существенное различіе. Въ то время, какъ для г. Тютчева внѣшняя природа, равно какъ феномены жизни и духа, суть только *матеріалъ*, въ который онъ воплощаетъ мысль, или ощущеніе, *нашедшее въ немъ самомъ* свое опредѣленіе,—въ г. Фетѣ именно эта самая природа, эти феномены жизни и духа встрѣчаютъ *собственно себѣ самимъ* истолкователя до самыхъ тонкихъ и нѣжныхъ своихъ отправленій и подъ его перомъ *перестаютъ быть матеріаломъ* для вмѣщенія въ себя поэтическаго содержанія, но напротивъ *сами становятся содержаніемъ*, перестаютъ быть средствомъ, но становятся цѣлью для поэта... г. Тютчевъ часто глубоко понимаетъ то, что онъ, быть можетъ, и не такъ ясно чувствуетъ, а г. Фетъ напротивъ, часто глубоко чувствуетъ (въ смыслѣ, — чуетъ) то, что онъ не ясно понимаетъ. Отъ этого у г. Фета, еще чаще чѣмъ у г. Тютчева, встрѣ-

чается вѣрная передача ощущенія при сильной неясности стиха. Можно положительно замѣтить, что г. Фетъ нерѣдко пользуется словомъ для того только, чтобы одними звуками его живописать тотъ смыслъ, то ощущеніе, котораго это-же слово, отдѣльно взятое, вполнѣ выразить рѣшительно не можетъ. Такова, напримѣръ, извѣстная пьеса, въ которой нѣтъ ни одного глагола и въ которой дѣйствительно гораздо болѣе сказано, чѣмъ говорятъ ея слова:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье,
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія и слезы—
И заря, заря!...

—

По коренному свойству таланта своего, г. Фетъ способенъ передавать преимущественно мелодію явленій и ощущеній; дѣйствительно, большая часть его произведеній суть собственно мелодіи, и въ послѣднемъ изданіи стихотвореній Фета, вышедшемъ въ 1863 году, эти мелодіи групированы такъ, что нѣсколькимъ изъ нихъ, написаннымъ въ разное время и имѣющимъ между собою общаго только явленіе изъ жизни природы или духа, придано одно для всѣхъ заглавіе, какъ напримѣръ: *Вечера и ночи*, *Сныа*, *Море* (8 пьесъ), *Весна* (11 пьесъ) и проч... Помимо серіознаго эстетическаго значенія, направленіе таланта г. Фета конечно приноситъ и ту пользу, что передачей тонкихъ и музыкальныхъ ощущеній онъ содѣйствуетъ много къ гибкости и звучности нашего языка. Замѣчательна еще та черта въ талантѣ г. Фета, что даже и въ антологическихъ своихъ тво-

реніяхъ онъ не въ состояніи такъ рельефно передать пластику (это важное условіе антологіи), сколько внутреннее впечатлѣніе, производимое предметомъ описанія. Такова его пьеса *Венера Милосская:*

И цѣломудренно и смѣло,
До чреслъ сіяя наготой,
Цвѣтетъ божественное тѣло
Неувядающей красой.

—

Подъ этой сѣнью прихотливой
Слегка приподнятыхъ волосъ,
Какъ много нѣги горделивой
Въ небесномъ ликѣ разлилось.

—

Такъ вся дыша паѳосской страстью,
Вся млѣя пѣною морской
И всепобѣдной вѣя властью,
Ты смотришь въ вѣчность предъ собой.

—

Стихи г. Фета стали являться въ печати съ начала сороковыхъ годовъ, сперва въ „Москвитянинѣ“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, потомъ въ „Современникѣ“ и въ другихъ журналахъ, а съ 1857 г. преимущественно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Съ того же времени, какъ „Современникъ“ принялъ направленіе положительно враждебное „свободному искуству“, стихотвореній г. Фета въ немъ не являлось, какъ поэта, который не написалъ ни одной пьесы по поводу какого-либо политическаго, гражданскаго, или общественнаго вопроса. Въ заключеніе должно упомянуть, что г. Фетъ замѣчателенъ и какъ переводчикъ; онъ перевелъ, между прочимъ, всего Горація.

А. МАЙКОВЪ.

Но если въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Фета мелодія слишкомъ растворяетъ элементъ пластики, то, послѣ Пушкина, русская антологія имѣетъ лучшаго и

въ высшей степени талантливаго представителя въ г. Майковѣ. Первое, появившееся въ печати стихотвореніе г. Майкова, была извѣстная антологическая пьеса: *Сонъ*, помѣщенная въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 г. Затѣмъ, въ 1841 г. вышло отдѣльно собраніе его стихотвореній. Бѣлинскій обратилъ серіозное вниманіе на это явленіе и тогда уже весьма вѣрно раздѣлилъ стихотворенія Майкова, по направленію ихъ, на двѣ категоріи. „Они (стихотворенія) раздѣляются“, замѣчаетъ Бѣлинскій, „на два разряда, не имѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы г. Майкова. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его“. Такова, напримѣръ, пьеса:

ИСКУСТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ) Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

—

Второй разрядъ составляютъ тѣ стихотворенія Майкова, въ которыхъ онъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона—хорошій стихъ. Этимъ двумъ категоріямъ остался вѣренъ талантъ г. Майкова, по направленію своему, до настоящаго времени, съ тѣмъ утѣшительнымъ различіемъ, что и въ стихотвореніяхъ втораго разряда онъ значительно усовершенствовался, хотя нельзя не согласиться, что и тутъ лучшія мѣста именно тѣ, которыя относятся болѣе къ антологическому роду. Въ доказательство, можно привести

извѣстное его стихотвореніе: ***Нива***, написанное имъ вначалѣ нынѣшняго царствованія въ 1856 г. когда все у насъ увлеклось свѣтлыми надеждами, по случаю такъ могущественно повѣявшаго духа преобразованій. Вообще должно замѣтить, что еще въ минувшее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ того вреднаго для поэзіи направленія, которое проповѣдывала тогда наша критика, г. Майковъ пробовалъ свои силы и писалъ стихами длинные разсказы изъ современной жизни, какъ напримѣръ ***Маша*** и ***Двѣ судьбы***, но эти піесы неудачны. Рефлексія и крайній раціонализмъ доказали въ этихъ опытахъ г. Майкова несовмѣстность свою съ истиннымъ поэтическимъ творчествомъ. Впрочемъ, кажется, что и по самому свойству таланта г. Майкова, длинныя стихотворенія ему не даются. Лучшія изъ нихъ ***Рыбная Ловля*** и ***Три Смерти*** (первое изъ жизни природы, второе— изъ древняго міра), напечатанныя въ изданіи 1858 г. Окончаніе втораго стихотворенія явилось во 2-мъ нумерѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1863 г. подъ заглавіемъ: ***Смерть Луція***. Но не смотря на нѣкоторыя прекрасныя мѣста, эта часть поэмы, по растянутости, а иногда и по резонерству, гораздо слабѣе первой части, извѣстной, какъ сказано, подъ заглавіемъ: ***Три Смерти***. Наконецъ въ 1864 г., въ видѣ приложенія къ „Русскому Вѣстнику“, явились ***Новыя стихотворенія г. Майкова***. Здѣсь собрано все, что написано поэтомъ лучшаго послѣ его изданія 1858 г. Вошедшія въ это собраніе новыя антологическія и другого характера піесы представляютъ, какъ и прежнія, много прекраснаго по формѣ и по содержанію; но тутъ-же, подъ особымъ заглавіемъ: ***Дома***, помѣщено нѣсколько стихотвореній, вызванныхъ политическими и соціальными явленіями русской жизни въ послѣднія десять лѣтъ. Эти піесы, въ особенности: ***Старое и Новое***, (изъ поэмы ***Поля***), и посланіе къ ***Другу Ильѣ Ильичу*** получили всеобщую, громкую извѣстность, какъ затронувшія живо интересъ минуты; но за исключеніемъ нѣсколькихъ истинно-поэтическихъ стиховъ въ первой піесѣ, обѣ онѣ далеко не лучшія изъ стихотво-

реній Майкова; извѣстностью своей онѣ обязаны не столько поэтическому ихъ достоинству, сколько дѣлу уничтоженія у насъ крѣпостной зависимости, которому посвящена первая пьеса, и осужденію ложнаго либерализма въ средѣ нашей бюрократіи,—что̀ составляетъ предметъ содержанія второй пьесы. Далѣе, должно упомянуть еще пьесу *Западная Русь*, которая порицаетъ блескъ католицизма и превозноситъ бѣдность православія въ Западныхъ губерніяхъ. При всемъ своемъ патріотизмѣ, это стихотвореніе доказываетъ неудобство подчиненія искуства внѣшнимъ цѣлямъ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что нѣсколько патріотическихъ пьесъ навлекли на г. Майкова немилость нѣкоторыхъ критиковъ нашихъ изъ такъ называемаго „крайне-прогрессивнаго“ лагеря. Его провозгласили поэтомъ *безъ направленія*. Но эти господа забыли, что истинный лирикъ—человѣкъ впечатлѣнія, что онъ не гоняется за *направленіемъ* и беретъ содержаніемъ своихъ произведеній все, что только вызываетъ въ немъ творческую дѣятельность, къ какому-бы направленію само явленіе ни относилось. Они забываютъ, что тотъ-же г. Майковъ воспѣлъ въ 1860 г. осужденнаго правительствомъ изгнанника, въ слѣдующей пьесѣ, далеко неудовлетворяющей требованіямъ искуства, но которая произвела свое эфемерное впечатлѣніе, какъ данъ современности:

На бѣлой отмели каспійскаго поморья,
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ. Ни кустика, ни взгорья.
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье...
Вотъ въ душу узника слетѣло вдохновенье...
Задвигались уста, воспламенился взоръ.
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери, простеръ,
Онъ очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужъ видятъ: быть грѣху—
И взводятъ ужъ курки, отставили ужъ ногу,
Готовясь въ крѣпости тотчасъ поднять тревогу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху...

Эта піеса есть одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ гибельно дѣйствуетъ на лирику гонка, во что-бы то ни стало, за современностью и за тѣмъ модным эффектомъ, которому готова въ извѣстный моментъ поклоняться масса, но выше котораго обязанъ быть истинный художникъ. Солдаты стрѣляютъ по стихамъ, которые даже не пишетъ, но только думаетъ произнести одинокій поэтъ-преступникъ, и готовы изъ-за этого поднять тревогу въ крѣпости!... Сколько тутъ обидной лжи, способной низвести искуство на степень смѣшного. Къ сожалѣнію, эта маленькая піеса есть не единственный образецъ совращенія нашей лирики въ послѣднее десятилѣтіе.

Н. ЩЕРБИНА.

Изъ современныхъ лириковъ обогатившихъ нашу антологію, кромѣ г. Фета и Майкова, замѣчателенъ также г. Щербина. Но, какъ сказано выше, г. Фетъ проводитъ въ антологію въ значительной степени элементъ мелодіи, у г. Майкова преобладаетъ пластика и міросозерцаніе его по большой части объективно; что-же касается до г. Щербины, то, внося въ свои антологическія пьесы элементъ рельефной пластики не менѣе г. Майкова, онъ существенно отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что онъ почти вездѣ субъективенъ. Г. Майковъ передаетъ явленіе или ощущеніе такъ, какъ они сами по себѣ существуютъ, возбуждая его творческую дѣятельность; а г. Щербина изображаетъ ихъ сквозь призму личнаго своего впечатлѣнія. Самъ г. Щербина, по видимому, сознаетъ это, предпосылая отдѣлу своихъ антологическихъ стихотвореній два эпиграфа: первый изъ нихъ гласитъ: Donc il fallait, pour que l'humanité arrivât à la complète harmonie de ses fonctions, *que la chaire et la matière fussent réhabilitées*. Другой эпиграфъ изъ Шенье:

Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques,

И дѣйствительно, художественно передавая въ своихъ антологическихъ пьесахъ красоту внѣшнихъ формъ природы и человѣка, г. Щербина одушевляетъ эти формы тѣмъ міросозерцаніемъ и тѣми идеями, которыя составляютъ во многихъ отношеніяхъ достояніе нашего времени и которыя выражены гораздо яснѣе, хотя менѣе художественно, въ томъ отдѣлѣ стихотвореній г. Щербины, который не относится къ области антологіи, въ его *Пѣснях о природѣ* и еще болѣе въ *Ямбах и Элегіях*. Обращая вниманіе на преслѣдуемыя г. Щербиной цѣли, должно замѣтить во-первыхъ, что въ антологическихъ его пьесахъ пластика значительно пронизкута элементомъ чувственности. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ повѣтствуетъ, какъ:

Ярко на пирѣ веселомъ горѣли лампады,
Прелести женъ полногрудныхъ онѣ освѣщали;
Юношамъ много завѣтной и тайной отрады
Въ тиѣ вожделенной безсонныхъ ночей обѣщали и проч.

Въ другой піесѣ—*Вѣнки* онъ описываетъ, что

... По складкамъ полога пробрался лучь денницы,
Играя и скользя по груди молодой,
То золотомъ лился на длинныя рѣсницы,
То тѣнью упадалъ подъ выпуклой красой...

Афродита встрѣчаетъ себѣ обильную дань въ произведеніяхъ г. Щербины. Описывая, напримѣръ, прелести деревни, поэтъ говоритъ:

... Ночью я весь отдаюсь Афродитѣ-Юнипѣ:
Полною чашей восторги любви испиваю во мракѣ,
Тонуть уста мои въ жаркихъ устахъ Левконои,
Руки по мрамору тѣла скользятъ, красоты ощущая
Гибкаго стана и груди упругой и полной...

Въ такой манерѣ написаны многія антологическія стихотворенія Щербины. Но здѣсь должно замѣтить, что этотъ отдѣлъ, изданный особо въ 1850 году, (подъ заглавіемъ: *Греческія стихотворенія*, составляющій въ

художественномъ отношеніи лучшее, что написалъ г. Щербина), принадлежитъ къ первому, къ юношескому періоду поэтической его дѣятельности, и заключаетъ въ себѣ также нѣсколько превосходныхъ, совершенно чуждыхъ чувственности піесъ, каковы напримѣръ: *Дѣтская игра*, *Древняя колонна*, *Софокловой Антигонѣ*, *Эллада*, *Южная ночь* и другія. Второе свойство, которое, кромѣ чувственности, проглядываетъ уже въ этомъ отдѣлѣ стихотвореній г. Щербины, есть признаніе отраднаго значенія только за настоящимъ моментомъ и мрачный взглядъ на прошедшее и будущее. Такъ напримѣръ, *Плачущей у гробницы* онъ говоритъ:

... Поспѣшай-же творить возліянья: —
Слышишь, въ городѣ хоры поютъ,
И поютъ, что мгновенно страданье,
Что отъ слезъ тебя пѣсни зовутъ.

—

Въ *Пѣснѣ у Тенара* поэтъ утверждаетъ, что онъ не боялся-бы смерти, еслибъ зналъ:

... Что со мною въ подземныя сѣни
Всѣ земныя желанья сойдутъ,
Что земной оболочкой прекрасной
Тамъ очертаны прелести женъ,
Что тамъ юность горитъ неугасно
И лучъ жизни навѣки зажженъ.

—

Наконецъ, въ пьесѣ: *Мигъ* прелестная картина природы заканчивается стихомъ:

Горе не жившимъ, и горе отжившимъ.

Не удивительно, что такіе два принципа, какъ чувственность и вѣра только въ настоящее, привели къ тому, что въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ г. Щербины (не антологическаго характера), вышедшихъ вмѣстѣ съ предыдущими новымъ изданіемъ въ 1857 г.,—господствуютъ жалобы на бренность всего существующаго, пантеизмъ, отрицаніе тѣхъ нравственныхъ основъ, на

которыхъ покоятся теперь общественныя и семейныя отношенія человѣка и желаніе иного порядка въ будущемъ. Такимъ направленіемъ отличаются пьесы: ***Голоса ночи***, ***Жизнь***, начинающаяся стихами:

Вѣрю, я безсмертенъ!
Въ атомахъ вселенной
Я ужъ зараждался
Съ вѣчной жизнью Бога;
Въ Божьей мысли жилъ я...
Жизненная влага
И пылинки персти
Первыхъ дней созданья
Слиты въ этомъ тѣлѣ и проч.

Какъ примѣръ отрицанія вообще и недовольства тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ настоящее время женщина въ обществѣ и въ семьѣ, можетъ быть указано превосходное, полное чувства стихотвореніе г. Щербины:

Не внемлешь ты сужденьямъ свѣта
Затѣмъ, что выше ты его... и проч.

Такова же не по достоинству, но по направленію и другая піеса: ***Послѣ бала***, гдѣ поэтъ говоритъ:

Самъ придумавъ для жизни оковы,
Человѣкъ себя спуталъ, связалъ,
И всѣ *ложныя* жизни основы
Укрѣплялъ, сохранялъ, подтверждалъ;
Простоту ея спрятавъ глубоко,
Все живое *обрядомъ* убивъ,
Онъ *въ семействѣ людей одинокій;*
И любви прирожденный порывъ,
И природы могучей возванья
Заглушаетъ *въ угоду преданья*...

Замѣчательно, что еще въ сороковыхъ годахъ, гораздо прежде отрицательнаго и обличительнаго направленія, вошедшаго у насъ въ моду, какъ извѣстно, въ началѣ истекшаго десятилѣтія, г. Щербина уже проводилъ въ стихахъ своихъ эти направленія; но какъ

онъ теорію отрицанія и обличенія не примѣнялъ къ фактамъ, къ мѣсту и къ времени, то его стихи не произвели тогда такого громкаго впечатлѣнія, какъ въ послѣдствіи времени произведенія нашихъ отрицателей и обличителей, или какъ нѣкоторыя піесы Некрасова, Огарева и другихъ, современныя стихотвореніямъ г. Щербины. А между тѣмъ, еще въ 1848 г., г. Щербина въ стихотвореніи: *Поколѣнію*, уподоблялъ молодое поколѣніе распятому Христу.... Вообще, тѣми произведеніями своими, въ которыхъ, отступая отъ „античныхъ формъ", г. Щербина обращается исключительно къ „новымъ идеямъ", — онъ соприкасается къ нынѣшнему, враждебному „свободѣ искуства" направленію нашей лирики и замѣчательно, что въ этихъ самыхъ произведеніяхъ рефлексія вредитъ таланту поэта. Впрочемъ, и самъ г. Щербина отрекся отъ этого моднаго, отрицательнаго и обличительнаго направленія, какъ видно изъ многихъ, написанныхъ имъ въ позднѣйшее время эпиграммъ, которыя обращаются въ рукописи, и изъ послѣднихъ его стихотвореній, которыя печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

А. ПОЛОНСКІЙ.

Первое собраніе стихотвореній г. Полонскаго, подъ скромнымъ названіемъ *Гаммы*, явилось въ 1843 г. и произвело выгодное для поэта впечатлѣніе. Бѣлинскій, тогдашній авторитетъ по части нашей критики, отозвался, что „г. Полонскій обладаетъ въ нѣкоторой степени тѣмъ, что можно назвать *чистымъ элементомъ поэзіи и безъ чего никакія умныя и глубокія мысли, никакая ученость не сдѣлаютъ человѣка поэтомъ*". За тѣмъ, когда въ 1845 году вышла новая книга его стихотвореній, то Бѣлинскій отнесся къ нимъ уже менѣе благосклонно, замѣчая, что г. Полонскому „рѣшительно не о чемъ писать, то есть, нечего вкладывать въ свой гладкій, а иногда и дѣйствительно—поэтическій стихъ". Талантъ г. Полонскаго, по словамъ Бѣлинскаго, „ни

съ чѣмъ не связанный, чисто внѣшній талантъ". Словомъ, Бѣлинскій осудилъ поэта за то, что не нашелъ въ немъ того,—исканіе чего входило тогда въ моду,—не нашелъ *направленія*; свободное же искуство уже клонилось тогда къ порабощенію. Должно замѣтить, что по глубинѣ творчества и по художественности выполненія въ *Гаммахъ* заключается все лучшее, что написалъ г. Полонскій. Такія піесы, какъ *Статуя*, *О, подыми свое чело*. *Вечеръ*, а особенно превосходный отрывокъ изъ поэмы *Магометъ*,—такія стихотворенія долго не утратятъ своей свѣжести. Изъ послѣдующихъ стихотвореній г. Полонскаго, собраніе которыхъ вышло въ 1855 году, можно привести въ образецъ, слѣдующую небольшую піесу, изъ которой можно видѣть его граціозную манеру, его теплый фантастическій колоритъ:

Пришли и стали тѣни ночи —
На стражѣ у моихъ дверей!
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо....
Помедли ночь! Густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы остановн!

—

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ,
Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и неглядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла....
О солнце! солнце! Погоди!

—

Въ такомъ-же стилѣ піесы *Дубокъ*, *Въ глуши* и нѣсколько другихъ. Внѣшняя сторона таланта г. Полон-

скаго весьма удачно охарактеризована г. Добролюбовымъ; но внутренній смыслъ произведеній этого поэта опредѣленъ имъ совершенно ошибочно. „Задумчивость очень унылая“, замѣчаетъ г. Добролюбовъ, „но не совершенно безотрадная, и томно-фантастическій колоритъ составляютъ отличительные признаки поэзіи г. Полонскаго... Въ застѣнчивомъ стихѣ его отражается необычайно-чуткая воспріимчивость поэта къ жизни природы и внутреннее сліяніе явленій дѣйствительности съ образами его фантазіи и съ порывами его сердца. Онъ во всемъ видитъ какой-то особенный, таинственный смыслъ; міръ населенъ для него какими-то чудными видѣніями, увлекающими его далеко за предѣлы дѣйствительности... Поэтъ радъ-бы жить дѣйствительностью; но она для него такъ безотрадна, скучна и безсмысленна, что онъ невольно стремится отъ нея подальше“ [1]). Но тутъ произошло странное обстоятельство, довольно вѣрно, впрочемъ, характеризующее, пріемы нашей критики въ новѣйшій періодъ исторіи русской литературы. Бѣлинскій, такъ называемый *„передовой“* дѣятель своей эпохи, сперва оцѣнилъ, какъ мы видѣли, въ Полонскомъ *чистый элементъ поэзіи*, но вскорѣ потомъ поставилъ ему въ недостатокъ *отсутствіе направленія* потому, что въ то время критика стремилась внести въ нашу литературу „сочувствіе къ современной дѣйствительности“. Нѣсколько же лѣтъ спустя, другой тоже *„передовой“* дѣятель своей эпохи г. Добролюбовъ, ставившій въ непремѣнный законъ всякому сколько-нибудь замѣчательному таланту выражать современную ему дѣйствительность и, если можно, по преимуществу заявлять протестъ и отрицаніе, г. Добролюбовъ поставилъ въ похвалу и въ заслугу г. Полонскаго это самое *отсутствіе направленія* въ его произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій, дѣлая отзывъ о Полонскомъ, вѣрилъ въ возможность достиженія постороннихъ, внѣшнихъ цѣлей посредствомъ извѣстнаго *направленія* въ

[1]) *Сочиненія Добролюбова* Т. III, стр. 139 и 143.

литературѣ; а г. Добролюбовъ, напротивъ, въ 1859 г., когда писалъ свой отзывъ о Полонскомъ, былъ озлобленъ и постоянно съ насмѣшкой заявлялъ невѣріе свое въ искренность и въ существенную пользу того преобразовательнаго направленія (предоставлявшаго просторъ частной иниціативѣ), которымъ ознаменовалось начало истекшаго десятилѣтія. Вотъ почему столь непріятное Бѣлинскому ***отсутствіе направленія*** въ г. Полонскомъ, г. Добролюбовъ не задумался признать достоинствомъ, видя въ этомъ съ своей точки зрѣнія, (весьма произвольной), нѣмой протестъ. „Поэтъ", утверждаетъ, онъ „недовольный окружающей дѣйствительностью, выразилъ свой протестъ противъ нея совершенно особеннымъ образомъ. Онъ нашелъ свою особенную дѣйствительность, населилъ ее своими особыми существами, придалъ имъ мысль и страсти, заставилъ ихъ волноваться, радоваться и страдать по человѣчески... И въ этомъ фантастическомъ мірѣ находитъ онъ успокоеніе и отраду отъ житейской пошлости, ***угнетенія*** и обмана" [1]). Вотъ какъ критика преслѣдуетъ въ искуствѣ постороннія цѣли!... А между тѣмъ, и Бѣлинскій и Добролюбовъ были неправы: талантъ г. Полонскаго просто остановился въ развитіи своемъ и не достигъ той степени художественности и глубины, которыя могли бы ему дать болѣе замѣтное значеніе. За модньмъ-же отрицательнымъ и обличительнымъ направленіемъ, которое могло-бы завлечь эффектомъ близорукую массу, онъ по своей добросовѣстности, не гнался, и въ собраніи его стихотвореній, вышедшемъ въ 1859 г., одна только пьеса въ этомъ направленіи, какъ видно впрочемъ, искренняя:

Поэтъ, въ минуты вдохновенья,
Будь отъ пристрастія далекъ,
Язви насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья,—
Когда ее на кару зла
Святая правда родила! и проч.

[1]) Сочиненіе Добролюбова, Т. III стр. 149.

Въ 1856 году, когда всеобщія надежды устремились къ реформамъ новаго царствованія, г. Полонскій написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: *На кораблѣ*, полное свѣтлыхъ ожиданій и законченное восторженнымъ стихомъ:

Господь благослови грядущій день!

Разумѣется, эта пьеса признана г. Добролюбовымъ неудовлетворительной и сухой... Въ заключеніе, должно замѣтить, что явившаяся въ 1859 г. шутка въ видѣ поэмы г. Полонскаго, подъ заглавіемъ: *Кузнечикъ-музыкантъ* очень граціозна и мила; романъ же его *Свѣжее преданіе*, печатавшійся въ 1861 г. въ журналѣ „Время“ неудаченъ по растянутости, рефлекціи и блѣдности своей.

Изъ предъидущаго видно, что гг. *Тютчевъ*, *Фетъ*, *Майковъ*, *Щербина* и *Полонскій*, пользуясь въ нашей новѣйшей литературѣ существеннымъ значеніемъ какъ талантливые дѣятели въ сферѣ свободнаго искуства, суть въ то-же время такіе поэты, талантъ которыхъ не имѣетъ въ себѣ ничего собственно русскаго. Внѣшній колоритъ и внутреннее содержаніе большей части произведеній ихъ до такой степени принадлежатъ къ области непосредственнаго художества, что будучи переведены на иностранный языкъ, эти произведенія ни чего бы не утратили. Но въ средѣ новѣйшихъ лириковъ нашихъ есть и такіе, которые, служа цѣлямъ свободнаго искуства, не подчиняясь явленіямъ повседневной жизни, имѣютъ въ воззрѣніяхъ и во внѣшнихъ пріемахъ своихъ много національнаго и неудобопереводимаго. Изъ такихъ поэтовъ долженъ быть прежде всего названъ г. *А. Мей*, поэтъ неоцѣненный по достоинству современной критикой нашей.

А. МЕЙ.

Не говоря уже о драмахъ г. Мея—*Царская Невѣста* и въ особенности—*Псковитянка*, должно замѣтить,

что изъ числа лучшихъ лирическихъ произведеній г. Мея есть такія, которыя могутъ быть названы достойной разработкой направленія, основаннаго у насъ Лермонтовымъ въ его извѣстной „Пѣснѣ про Царя Ивана Васильевича". Къ этой категоріи должно отнести *Пѣсню про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую* и стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Спаситель*, изображающее чудесное спасеніе царя Алексѣя Михайловича въ единоборствѣ его съ медвѣдемъ, на охотѣ. Обѣ эти пьесы напечатаны въ вышедшемъ въ 1861 г. собраніи сочиненій г. Мея, въ отдѣлѣ „Былинъ и Пѣсенъ". По прелести русскаго тоническаго стиха и по свѣжести національнаго колорита эти произведенія г. Мея должны занять почетное мѣсто въ современной лирикѣ нашей; къ этому роду принадлежитъ также *Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата* и переводъ *Слова о полку Игоря*. Другія стихотворенія г. Мея,—а именно—его русскія пѣсни, имѣя свой собственный оригинальный складъ, примыкаютъ къ характеру произведеній Кольцова. Такова напримѣръ его

ЗАПѢВКА.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою—невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная—омытая!
Охъ пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама—собой ты спѣлася—сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ—дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ—копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ мятелицей.

—

Много писалъ г. Мей и въ другихъ родахъ лирики, въ особенности-же замѣчательны его переложенія изъ Библіи и подражанія Еврейской поэзіи. Между стихотвореніями въ этомъ, послѣднемъ родѣ, замѣчательно, начинающееся стихомъ:

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность г. Мея, еслибы преждевременная смерть не похитила его у нашей литературы, быть можетъ утвердила-бы, несуществующую нынѣ связь между лирикой послѣдняго времени и тѣмъ періодомъ ея, который заключился Лермонтовымъ и Кольцовымъ. Современная критика не оцѣнила, однако по достоинству г. Мея и причинъ этому—двѣ. Первая, не столь важная въ глазахъ новѣйшей критики нашей,—причина эстетическая, заключается въ томъ, что весьма многія стихотворенія Мея не получили надлежащей обработки: иныя изъ нихъ слишкомъ растянуты, въ другихъ — много небрежности. Вторая-же, главная причина равнодушія нашей критики къ Мею та, что онъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ требованіямъ чистаго искуства, не преслѣдовалъ современныхъ ему общественныхъ и политическихъ цѣлей; онъ служилъ прекрасному, неограничивая искуство тѣснымъ горизонтомъ той дѣйствительности, которая его окружала. По этому и произведенія Мея не предлагаютъ ничего такого, что-бы могло быть употреблено какъ слѣпое орудіе какой-либо пропаганды.

ГР. А. ТОЛСТОЙ.

Другой изъ современныхъ лириковъ нашихъ, стихотворенія котораго отличаются художественностью концепціи и въ то-же время прелестью національнаго колорита, графъ *А. Толстой* сталъ извѣстенъ въ нашей литературѣ въ послѣднее десятилѣтіе. Замѣчательнѣйшія произведенія его проникнуты религіознымъ паѳосомъ, нечуждымъ даже нѣкотораго мистическаго величія; таковы стихотворенія его, напечатанныя въ „Русской Бесѣдѣ“,—*Іоаннъ Дамаскинъ*, *Грѣшница*. Тѣ-же пріемы замѣтны и въ неудачной драматической поэмѣ его *Донъ-Жуанъ*, которая была помѣщена въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ 1862 г. Въ другомъ стихотвореніи гр. Толстаго, напечатанномъ въ 1858 году, также въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, подъ заглавіемъ *Василій Шибановъ*, изображена мученическая кончина этого вѣрнаго слуги,

посланнаго княземъ Курбскимъ съ письмомъ къ Іоанну Грозному. Въ этой пьесѣ прекрасно выразился тотъ духъ нашей исторіи, тотъ складъ народнаго воззрѣнія въ отношеніи къ идеѣ власти и та безискуственность, свойственная нашимъ лѣтописямъ, которые еще шире развились въ романѣ гр. Толстого—*Князь Серебряный* и составляютъ вообще предметъ, къ которому часто обращается творческая фантазія этого поэта. Что-же касается до небольшихъ лирическихъ стихотвореній гр. Толстого, то въ нихъ нерѣдко превосходно воспроизведены нѣкоторыя элементарныя черты нашего народнаго міросозерцанія, съ его сарказмомъ, размахомъ и кручиной — думой. Такова напримѣръ, кромѣ извѣстнаго стихотворенія *Спѣсь*, кромѣ замѣчательной баллады *Волки* (и другихъ помѣщенныхъ въ „Современникѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г.)—слѣдующая небольшая пьеса:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ,
Въ небѣ—крикъ орлиныхъ стай,
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи! ..

Въ другихъ лирическихъ пiесахъ гр. Толстаго народное міросозерцаніе примѣняется къ обличительному настроенію, возникшему въ началѣ нынѣшняго царствованія подъ впечатлѣніемъ духа преобразованій, и тогда попадаются подобные стихи:

.... Ой кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Кабы кривосудье по боку, да къ чорту! и проч.

Патріотическое чувство, возбужденное послѣдней Крымской кампаніей нашло величественное выраженіе въ стихахъ гр. Толстого:

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налету тяжелая бомба,
Грянула; съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки,
Онъ-же вздрогнулъ, и къ народу могучіе, мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая —

КН. ВЯЗЕМСКІЙ.

Отличающіеся національнымъ колоритомъ пріемы, усвоенные Меемъ и гр. А. Толстымъ, суть плодъ позднѣйшаго развитія нашей лирики, при содѣйствіи такихъ поэтовъ, какъ Лермонтовъ и Кольцовъ. До того-же времени, за исключеніемъ Пушкина, умѣвшаго геніальнымъ чутьемъ своимъ извлекать могучіе звуки изъ истинно-народныхъ струнъ,—сложилось подъ вліяніемъ дѣятельности Нелединскаго-Мелецкаго, барона Дельвига, Цыганова и другихъ; псевдонародное воззрѣніе, въ которомъ внутренній романтизмъ, чуждый русскому національному духу, выражается внѣшними формами, не лишенными нѣкоторыхъ дѣйствительно народныхъ, оригинальныхъ пріемовъ. Къ этому направленію, по внѣшнимъ сторонамъ своего таланта, т. е., по стиху, по меткости и своеобразности выраженій относится ***Князь Вяземскій***, поэтъ, дѣятельность котораго столько-же, если не болѣе, принадлежитъ послѣднему десятилѣтію, сколько и предыдущему періоду его литературной карьеры, начавшейся въ 1808 году. Что-же касается до внутренняго содержанія новѣйшихъ произведеній кн. Вяземскаго, то въ нихъ нѣтъ собственно народныхъ элементовъ, но за то они проникнуты, мѣстами, всѣми достоинствами тѣхъ литературныхъ кружковъ нашихъ, каковымъ, напримѣръ, былъ знаменитый кружокъ, извѣстный подъ именемъ „Арзамаса“, - или въ нихъ высказываются утонченные и нерѣдко—возвышенные взгляды цивилизованныхъ, верхнихъ слоевъ нашего общества, къ которымъ принадлежитъ самъ поэтъ, по своему общественному положенію. Предыдущая дѣятельность кн. Вяземскаго получила уже достаточную извѣстность и оцѣнку, и не подлежитъ настоящему обозрѣнію; но, съ другой стороны многія изъ его стихотвореній послѣдняго десяти-

лѣтія, начиная съ прекрасной и граціозной піесы: ***Масляница на чужой сторонѣ***, написанной въ 1854 году, имѣютъ весьма важное значеніе при изученіи новѣйшаго періода русской лирики. Въ собраніи стихотвореній кн. Вяземскаго, изданномъ въ 1862 г., подъ заглавіемъ: *Въ дорогѣ и дома* большая часть піесъ написана въ послѣднія десять лѣтъ; но всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ стихотворенія, вошедшія въ первую часть, озаглавленную словами: *Въ дорогѣ* и въ первый отдѣлъ второй части, съ общимъ заглавіемъ: *Дома*; ко второй-же категоріи должно отнести тотъ отдѣлъ этой послѣдней части, которому дано также общее заглавіе: *Замѣтки*. Стихотворенія первой категоріи преслѣдуютъ по большей части художественныя цѣли и по своимъ достоинствамъ не уступаютъ тѣмъ прежнимъ произведеніямъ кн. Вяземскаго, которыя достаточно извѣстны нашему образованному обществу. Въ отдѣлѣ-же *Замѣтокъ* есть новыя черты, которыя могутъ быть объяснены только нѣкоторыми явленіями изъ нашей общественной жизни въ послѣднія десять лѣтъ. Весьма многія продѣлки нашей критики и такъ называемаго *передоваго* кружка, наложившаго въ истекшее десятилѣтіе цѣпи пропаганды на нашу литературу, на искуство и на общественную жизнь, — изобличаются и иногда ѣдко осмѣиваются въ *Замѣткахъ* кн. Вяземскаго. Нашимъ доморощеннымъ деспотамъ-либераламъ онъ замѣчаетъ:

Свобода — превращеньемъ роли
На ихъ условномъ языкѣ
Есть отрицанье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ...

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ-же:

Свободой дорожу, но не свободой вашей
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять ..

На толки о гласности, кн. Вяземскій замѣтилъ:

Вы гласность любите, но въ одиночку, съ правомъ
Чтобъ голосъ вашъ одинъ руководилъ толпу и проч.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ изобличаетъ нашихъ, такъ-называемыхъ „красныхъ“:

О *красныхъ* я у насъ забочусь мало:
Ихъ нѣтъ. А есть гнѣздо безцвѣтныхъ лицъ,
Которыя хотятъ, во чтобъ ни стало
Нули, попасть въ строй видныхъ единицъ, и проч.

Псевдо-изобличительное настроеніе, господствующее въ нашей журналистикѣ, изображено въ слѣдующей „Замѣткѣ“:

Съ тѣхъ поръ, какъ упраздняютъ будку
Нашъ будочникъ попалъ въ журналъ,
Иль журналистъ нашъ не на шутку
Присяжнымъ будочникомъ сталъ.
Такъ или эдакъ,—какъ угодно,
Но дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Литература всенародно
Пустилась въ уличный дозоръ.
На площади ль случится драка,
Буянъ-ли пьяный зашумитъ
Иль безъ намордника собака
По переулку пробѣжитъ,
Воришка обличился-ль въ кражѣ,
Иль заподозрѣнъ кто нибудь,—
Отъ литераторовъ—на стражѣ
Ничто не можетъ ускользнуть.
За шумъ, бывало, такъ и знаютъ,
Народъ на „съѣзжую“ ведутъ:
Теперь,—въ „журнальную“ сажаютъ,
Тамъ имъ расправа, тамъ и судъ.

Патріотическіе стихи кн. Вяземскаго, написанные во время Крымской войны, собраны подъ особымъ заглавіемъ: *Къ ружью*. Замѣчательно, что уже въ 1862 г., когда кн. Вяземскій издалъ свою книгу: *Въ дорогѣ и дома*, многіе чувствовали, что мелочное обличительное

направленіе, свойственное газетному фельетону, равно какъ исключительное преслѣдованіе политическихъ и общественныхъ вопросовъ не могутъ быть обязательнымъ предметомъ для искуства, что иго налагаемое критикой въ видахъ агитаціи и пропаганды на произведенія нашей изящной литературы, вредно отзывается какъ на самой литературѣ, такъ и на развитіи таланта писателя; но кромѣ кн. Вяземскаго, литературное и общественное положеніе котораго задолго до того уже упрочилось, никто не осмѣлился поднять голоса противъ злоупотребленія средствами критики. Причина этому таилась однако не въ одномъ раболѣпствѣ писателей и общества передъ авторитетомъ нашихъ критиковъ — законодателей; но она коренилась главнымъ образомъ въ томъ, что эти законодатели пріобрѣли себѣ популярность другого рода, популярность не литературную, но какъ реакціонеры прошедшаго порядка и какъ виновники, будто-бы, многаго свѣтлаго новой эпохи. Возстать противъ подобныхъ авторитетовъ казалось многимъ, даже сознававшимъ всю ложь ихъ, опаснымъ и вреднымъ, какъ заявленіе въ пользу минувшаго и противъ лучшаго будущаго. Но когда соціальная и литературная пропаганда стала проводить въ науку нашу нигилизмъ, въ искуство—матеріализмъ, а въ жизнь—отрицаніе давно признанныхъ основъ нравственности общественной и частной, то въ литературѣ стало обнаруживаться противодѣйствіе, выразившееся сперва робко, а потомъ рѣшительно и наконецъ рѣзко въ противуположности направленія и въ запальчивой полемикѣ московскихъ періодическихъ изданій (каковы — „Русскій Вѣстникъ“, „Московскія Вѣдомости“, „Наше Время“, отчасти и „День“)—съ петербургской журналистикой вообще. На рубежѣ этого поворота стоитъ романъ г. Тургенева— ***Отцы и Дѣти***, въ которомъ въ первый разъ брошенъ вызовъ нигилизму. Что-же касается до нашихъ лириковъ, то кромѣ кн. Вяземскаго они не принимали участія въ вышеизложенной борьбѣ и въ этомъ отношеніи можно указать только на два помѣщенныя въ „Русскомъ

Вѣстникѣ“ въ 1865 г. стихотворенія *г. Алмазова*, писателя необладающаго впрочемъ особеннымъ поэтическимъ талантомъ. Первая изъ этихъ піесъ: *Современные рыцари* имѣетъ цѣлью доказать несостоятельность нигилизма; вторая,—подъ заглавіемъ *Старая русская партія* посвящена идеѣ, что самые полезные и великіе дѣятели въ русской исторіи были сторонниками консервативныхъ элементовъ русской народности.

Изъ менѣе замѣчательныхъ лириковъ нашихъ истекшаго десятилѣтія, которые слѣдовали теоріи свободнаго искуства, должны быть упомянуты: *Н. Бергъ*, извѣстный переводами на русскій языкъ національныхъ пѣсенъ разныхъ народовъ и нѣкоторыхъ произведеній Мицкевича; *Графиня Ростопчина*, талантъ которой въ истекшее десятилѣтіе былъ уже въ окончательномъ упадкѣ; *К. Павлова*, стихи которой при скудности внутренняго содержанія отличаются красотами внѣшнихъ формъ, и наконецъ *Ю. Жадовская*.

I. Поэты, развившіе сперва пріемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ, усвоившіе себѣ теорію французскаго соціализма.

Рядомъ съ лириками нашими, слѣдовавшими теоріи „свободнаго искуства“, талантъ которыхъ сложился и заявилъ себя еще въ минувшее царствованіе, возникло въ нашей наукѣ и въ поэзіи направленіе, которому суждено было привести своихъ послѣдователей путемъ отвлеченной идеальной философіи и романтизма къ полному реализму. Это направленіе можетъ быть названо *переходомъ къ порабощенію искуства*. Замѣчательнѣе всего, что центромъ, около котораго первоначально сгруппировались главнѣйшіе и вліятельнѣйшіе дѣятели этого направленія былъ человѣкъ, воззрѣнія котораго были совершенно противоположны тѣмъ, какія усвоилъ себѣ въ послѣдствіи времени его кружокъ. „*Н. В. Станкевичъ* былъ“, по свидѣтельству близко знавшихъ его людей, „человѣкъ очень замѣчательный по своему

свѣтлому уму, живой воспріимчивости и симпатичности своей натуры. Его стремленія были возвышенны и *идеальны*, онъ искалъ все обобщить, во всемъ дойти до идеи, до начала знанія. Вся его молодая жизнь прошла въ мірѣ науки и искуства, которымъ онъ восторженно предавался, въ надеждѣ *приготовить* себя къ полезной дѣятельности. Около него собирался кругъ друзей, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными своей дѣятельностью. Всѣ они вспоминали и вспоминаютъ о немъ съ какой-то благоговѣйной любовью; лучшіе изъ нихъ говорятъ открыто, что многимъ ему обязаны и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи“ [1]). Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ личностей въ кружкѣ Станкевича были Бѣлинскій и Грановскій. Вліяніе его сильно отразилось также на Герценѣ, на Бакунинѣ и на Огаревѣ. Но вліяніе это не имѣло въ своемъ источникѣ того характера, которымъ ознаменовалась дѣятельность Герцена, Бакунина и Огарева въ истекшее десятилѣтіе. Напротивъ, сколько можно судить по опубликованнымъ источникамъ и по разсказамъ, вліяніе Станкевича - романтика, преданнаго идеальной философіи и чистому искуству,—на людей его кружка или близкихъ этому кружку заключалось собственно *только* въ томъ, что онъ внушилъ имъ искреннюю любовь къ истинѣ и непреодолимое влеченіе искать ее въ наукѣ и въ искуствѣ; затѣмъ, помимо нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, они въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ не имѣютъ *ничего сходнаго съ направленіемъ* Станкевича, кромѣ, впрочемъ, Грановскаго, который послѣ смерти Станкевича писалъ одному изъ друзей своихъ: „Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно“. Бѣлинскій говорилъ о Станкевичѣ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, „которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи, о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ

[1]) Сочиненія Добролюбова Т. II стр. 3.

къ нимъ людей“ [1]). По отзыву-же Герцена, „безслѣдно нельзя было подходить къ этой сильной умомъ и сильной поэзіей натурѣ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ друзей и товарищей и на всѣхъ оставилъ въ чемъ нибудь свой отпечатокъ“ [2]). Но, какъ сказано выше, главная доза этого вліянія отразилась собственно только на любви къ истинѣ, на любви къ труду, съ которымъ пріобрѣталось людьми этого кружка и ихъ послѣдователями серіозное образованіе и изучалась новѣйшая въ то время нѣмецкая философія. Вскорѣ нѣкоторые изъ этихъ людей, какъ напримѣръ: Бѣлинскій, Герценъ, Огаревъ и другіе, не удовлетворяясь отвлеченными выводами философіи и чистаго искуства, которымъ такъ преданъ былъ Станкевичъ, усвоили себѣ утопіи французскаго соціализма. Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеальной философіи и соціальныхъ утопій образовалось съ легкой руки г. Огарева въ нашей лирикѣ эфемерное направленіе, въ которомъ нѣмецкій романтизмъ и французскій соціализмъ подали другъ другу руку во имя *протеста* противъ существовавшаго тогда въ Россіи нравственнаго, общественнаго и политическаго строя.

Н. ОГАРЕВЪ.

Первые признаки этого направленія явились въ стихотвореніяхъ *Огарева*. Недовольство нравственными и общественными условіями той среды, которая окружала его, исканіе протеста въ мірѣ романтизма, въ отвлеченныхъ началахъ умозрительной философіи и въ зачаткахъ соціалистическихъ теорій, тщетное стремленіе успокоиться въ созерцаніи природы и грустный фантастическій колоритъ,— таковы отличительные признаки произведеній этого лирическаго поэта. Участь людей того кружка, котораго средоточіемъ былъ Станкевичъ и отношеніе

---

[1]) Сочиненія Добролюбова Т. II стр. 1.

[2]) Полярная Звѣзда 1858 г. стр. 114.

этого кружка къ окружавшей его дѣйствительности выражены въ стихотвореніи Огарева:

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, *съ поэтической мечтой,*
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ и образовъ и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что-же?
Упрекъ-ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ жолчи, если можемъ.

Но эта готовность подчиниться безропотно, обратилась впослѣдствіи въ противоположное настроеніе:

... Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья,
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно-юный новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, *ему губить,—отрада*
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть его къ тому, *что рушить надо,*
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

Образцомъ мрачнаго фантастическаго элемента въ поэзіи Огарева можетъ служить извѣстная пьеса: Nocturno, начинающаяся стихомъ:

Какъ пустъ мой деревенскій домъ и проч.

Въ примѣръ совершенно противоположнаго настроенія того-же поэта должно указать стихотвореніе: ***Кабакъ***.

Выпьемъ что-ли, Ваня
Съ холода да съ горя, и проч.

Эти двѣ піесы суть двѣ крайнія точки въ характерѣ лирики Огарева. Собраніе стихотвореній его издано въ въ 1856 году.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

То-же самое направленіе, которое выразилось у Огарева, замѣтно и во многихъ стихотвореніяхъ *г. Плещеева*, поэта не обладающаго однако замѣчательнымъ талантомъ. Большею частью его произведенія вялы и безцвѣтны; но критика наша обратила на нихъ серіозное вниманіе и отнеслась къ недостаткамъ ихъ снисходительно, потому что поэтъ вспоминаетъ съ прискорбіемъ и порицаніемъ прежнее время тщетной борьбы, призываетъ на отважную дѣятельность въ настоящемъ, восхваляетъ нынѣшнее молодое поколѣнье, затѣмъ,— говоритъ о равноправіи богатыхъ и бѣдныхъ на наслажденіе удобствами жизни, и эффектно противуполагаетъ голодную нищету *лѣнивому* и *тунеядствующему* богатству. Къ дѣлу упраздненія крѣпостнаго права г. Плещеевъ отнесся какъ къ возмездію за устарѣвшую неправду; реформамъ, ознаменовавшимъ начало истекшаго десятилѣтія посвятилъ онъ стихотвореніе съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

> Въ надеждѣ славы и добра
> Гляжу впередъ я безъ боязни...

Все это въ глазахъ нашей критики такой подходящій для ея цѣлей матеріалъ, что она отозвалась весьма снисходительно о недостаткахъ г. Плещеева, какъ поэта и дала ему почетное мѣсто въ нашей современной лирикѣ. Добролюбовъ нашелъ только непохвальнымъ, что г. Плещеевъ въ упомянутой піесѣ съ эпиграфомъ изъ Пушкина, смотрѣлъ съ свѣтлой надеждой на дѣятельность обнаружившуюся у насъ въ началѣ минувшаго десятилѣтія. Онъ назвалъ звонкими фразами и риторикой тѣ стихи, гдѣ поэтъ говоря, что отчизна зоветъ

своихъ сыновъ, послѣ Крымской войны на бой „со зломъ и тьмой, съ неправдой черной", продолжаетъ:

Не страшенъ намъ и новый врагъ--
И съ нимъ отчизна совладаетъ...
Смотрите! Ужъ рѣдѣетъ мракъ
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ
И содрагаясь чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

Въ большей части стихотвореній Плещеева выражается какое-то внутреннее, тяжелое горе, грустное утомленіе жизнью и печаль о несбывшихся надеждахъ. Подобно Огареву, Плещеевъ вспоминаетъ о томъ, какъ онъ и его сверстники вошли въ жизнь съ свѣтлыми надеждами, съ любовью къ истинѣ, съ жаждой дѣятельности, какъ они встрѣтили неодолимыя препятствія. Различіе главное въ томъ, что Огаревъ ищетъ успокоенія въ природѣ и въ мірѣ фантазіи, а Плещеевъ возлагаетъ свои надежды на вырабатывающіяся въ общественной жизни новыя нравственныя и соціальныя основы и вѣритъ въ молодое поколѣнье:

... Когда толпясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье;
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленьѣ,
И говорю съ восторгомъ я:
„Богъ помочь, братья и друзья!
Несите твердою рукой,
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать каменьями готовой,
Въ того, кто сонъ ея смутитъ,
Чья рѣчь какъ Божій мечъ разитъ.
Богъ помочь, братья и друзья!
Когда-жъ желанный день настанетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ—добромъ помянетъ,
Насъ всѣхъ, *чья молодость прошла*
Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!"

Какого рода тѣ новыя соціальныя основы, къ которымъ обращается съ надеждой г. Плещеевъ можно от-

части понять изъ его стихотворенія по поводу извѣстнаго романа В. Гюго:

НА МОТИВЪ ИЗЪ ВИКТОРА-ГЮГО.

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ:
Его галеры ожидали.
Онъ былъ бѣднякъ, и *былъ онъ воръ*. –
Недѣлю дѣти голодали
И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена.
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силамъ были ей;
И поддался онъ искушенью.
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.

—

И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ.
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть—неумолимъ законъ и проч.

Какой выводъ способно сдѣлать большинство читателей изъ подобныхъ воззрѣній и эффектныхъ сюжетовъ, столь мало впрочемъ подходящихъ подъ условія русской жизни? Другое стихотвореніе: ***На улицѣ*** указываетъ, какъ законно и раціонально то, что дѣвушка, воспитанная въ нищетѣ и лишеніяхъ, увидя передъ собой блескъ роскошныхъ магазиновъ и высшаго круга,— бросается легко въ проституцію... Послѣднее собраніе стихотвореній г. Плещеева вышло двумя книжками въ 1861 и въ 1863 г.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Столь-же блѣденъ и безцвѣтенъ какъ г. Плещеевъ, былъ принадлежавшій тому-же направленію, недавно скончавшійся лирическій поэтъ нашъ—*г. Григорьевъ*. Рефлексія вредила ему едва-ли не болѣе, чѣмъ она вредитъ г. Плещееву. Бѣлинскій утверждалъ, что не смотря на нѣкоторыя довольно удачныя піесы, Григорьевъ „вовсе не поэтъ“. Въ его стихотвореніяхъ, по мнѣнію

Бѣлинскаго, „прорываются проблески поэзіи, но поэзіи ума, негодованія. Видишь въ нихъ умъ и чувство, но не видишь фантазіи, творчества, даже стиха; вездѣ одни разсужденія нигдѣ образовъ, картинъ“. Усиливаясь сдѣлать изъ своей поэзіи апоѳеозу страданія, Григорьевъ очень часто стремился подражать Лермонтову, но и въ этихъ пьесахъ болѣе всего замѣтенъ только болѣзненно настроенный умъ. Туманность и рефлексія часто соединяются въ стихахъ Григорьева съ разными идеями соціалистическаго свойства. Такова одна изъ лучшихъ піесъ его:

ГОРОДЪ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе;
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ немъ люблю, о нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное,—
Ею страданіе подъ ледяной корой
Его страданіе больное...

—

... И въ тѣ часы когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все,—мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній...
Пусть ночь ясна какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно,—
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ,
И то *прозрачность язвы гнойной.*

—

Изъ вышеизложеннаго *переходнаго* направленія отъ чистаго искуства къ порабощенію его внѣшнимъ цѣлямъ видно, какъ быстро лирика наша шла къ реализму, матеріализму и даже къ утилитаризму. Внѣшнія обстоятельства политической и общественной жизни въ значительной степени способствовали этому. Наука и воспитаніе укореняли это направленіе и поэзія утрачивала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свою сво-

боду. Съ конца сороковыхъ годовъ, наука наша отшатнулась отъ преобладавшаго до того времени авторитета абстрактной, умозрительной нѣмецкой философіи и обратилась преимущественно къ отечественнымъ историческимъ изысканіямъ, къ естествовѣдѣнію, какъ къ подпорѣ матеріализма и къ изученію народнаго быта въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Цѣль этого настроенія заключалась въ притяженіи нашей интеллигенціи къ почвѣ, этой цѣли подчинено и свободное искуство. Лирика стала весьма часто почерпать свое содержаніе изъ простонароднаго быта; обстоятельства крымской войны содѣйствовали къ патріотическому настроенію лирической поэзіи нашей, а явившійся въ началѣ настоящаго царствованія духъ реформъ произвелъ въ нащей лирикѣ поворотъ къ обличеніямъ и къ сатирическимъ бичеваніямъ. Такимъ образомъ, *протестъ*, начавшійся сперва въ мірѣ идей, въ формѣ обращенія къ реализму и къ соціалистическимъ утопіямъ,—проникъ въ жизнь, обративъ науку, а потомъ и поэзію къ вопросамъ общественной, народной и повседневной жизни. Это настроеніе, къ которому примкнула и наша лирика, господствуетъ въ ней и до настоящаго времени. Но рядомъ съ этимъ настроеніемъ существуетъ у насъ въ лирикѣ другое, посвящающее свое вдохновеніе исключительно нашей народности, но сложившееся изъ совершенно другихъ элементовъ и подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ. Это направленіе извѣстно подъ именемъ—*славянофильскаго*.

III. Поэты, предметы пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы.

1) Славянофилы.

Славянофильство было въ сущности единственной формой *протеста*, которую возможно было уложить въ призракъ системы и безъ большихъ препятствій заяв-

лять въ литературѣ въ прежнее время. Выставленный на знамени славянофиловъ девизъ: ***православіе, самодержавіе, народность***,—суть понятія до такой степени способныя измѣнять цвѣтъ и смыслъ, примѣняясь къ самымъ различнымъ воззрѣніямъ, что варьируя на эту тему можно весьма удобно дѣлать набѣги на настоящее и укрываться въ глубь прошедшаго,—смотря по надобности. Неудовлетвореніе современнымъ нашимъ строемъ,—(которымъ во многомъ обязаны мы преобразовательной дѣятельности Петра Великаго),—могло быть весьма рѣзко и остроумно выражаемо то исканіемъ идеала въ до-петровской эпохѣ, то громкимъ порицаніемъ результатовъ западной цивилизаціи, (которая была намъ усвоена), то приданіемъ всякихъ похвальныхъ свойствъ быту простаго народа въ противуположность ***отщепенству*** высшихъ слоевъ общества, и все это, въ сущности отрицательное направленіе принимало въ глазахъ Правительства маску положительности, прикрываясь девизомъ „православіе, самодержавіе, народность“ слова,—которыя славянофилы понимали по своему, а оффиціальная среда—по своему. Такимъ образомъ, если такъ называемые, „западники“ усвоили себѣ искуство писать ***между строкъ***, то славянофилы пріобрѣли еще болѣе умѣніе выражаться иносказательно. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ основные пріемы славянофильскаго воззрѣнія неискренни и полны крайностей по одной уже нетерпимости своей, то „православіе, самодержавіе и народность“ не получили одинаковаго вѣса въ глазахъ главныхъ представителей нашего славянофильства, но каждое изъ этихъ понятій выставлялось ими по очереди болѣе или менѣе предпочтительно, смотря по цѣлямъ, съ которыми это дѣлалось и притомъ каждому изъ этихъ понятій придавался соотвѣтственный обстоятельствамъ смыслъ и цвѣтъ. Такимъ образомъ, въ тридцатыхъ годахъ, Кирѣевскіе изъ трехъ элементовъ славянофильства выдвигали впередъ ***православіе***, придавая ему отчасти мистическій, отчасти византійскій колоритъ; позже,—Хомяковъ усиливался помирить православіе съ

новой наукой, а еще позже Шевыревъ и Погодинъ смотрѣли на православіе съ государственно-церковной точки зрѣнія; всѣ же эти три различныя и даже противоположныя воззрѣнія на православіе принадлежатъ тѣмъже славянофиламъ. Это различіе взглядовъ на одинъ и тотъ-же предметъ объясняется тѣмъ, что Кирѣевскіе, испытавъ препятствія и неудачи въ то время, когда явный протестъ былъ немыслимъ, укрыли свою протестующую скорбь подъ оболочку религіозной созерцательности; Хомяковъ уже нашелъ возможность облекать свой протестъ пріемами науки и филосовскихъ системъ; а Шевыревъ и Погодинъ приняли внѣшній смыслъ девиза славянофиловъ за чистую монету безъ скрытаго подъ этимъ девизомъ протеста. По этому-то Шевыревъ и Погодинъ выставляли также и *идею самодержавія* исключительно въ религіозно-государственномъ свѣтѣ, ни сколько не расходясь въ этомъ съ условіями оффиціальной среды; а теперь И. Аксаковъ, пользуясь нѣкоторыми настоящими обстоятельствами, окрасилъ эту идею самымъ демократическимъ цвѣтомъ и выставляетъ самодержавіе какъ союзъ народа съ властью противъ предполагаемой г. Аксаковымъ олигархіи высшихъ классовъ и противъ бюрократіи, въ которыхъ коренится будто-бы вся гибельная сила реформы Петра Великаго. Что же касается до идеи *„народности“*, то и это понятіе Кирѣевскіе примѣняли къ религіи, Хомяковъ—къ наукѣ и искуству, а И. Аксаковъ уже преимущественно къ общественному и политическому строю, сходясь въ этомъ случаѣ съ самыми радикальными тенденціями самихъ крайнихъ „западниковъ“, прежнихъ непримиримыхъ враговъ славянофильства. При этомъ должно еще замѣтить, что идея народности высказывалась довольно рѣзко нѣкоторыми славянофилами съ ея чисто внѣшней формальной стороны, какъ на-примѣръ, въ смыслѣ костюма, домашняго быта, отношенія къ предержащей власти; въ чемъ-же именно заключается внутренній смыслъ нашей народности по понятію нашихъ славянофиловъ,—этого никто изъ нихъ ясно не фор-

мулировалъ, и самъ И. Аксаковъ ограничивается сравненіями народности съ почвой, съ древесными корнями и сердцевиной, и говоря о народности, выражается очень неопредѣленно и произвольно называя ее то „внутреннимъ объединяющимъ началомъ", то внутренней органической стихіей и т. п. [1]), Вслѣдствіе этого газета „День" и позволяетъ себѣ выраженія самыя темныя, общія и эластичныя, говоря напримѣръ, что славянофилы настойчиво заботятся объ „возстановленіи духовной цѣльности народнаго организма, при укрѣпленіи и развитіи нашей народной самости" (sic) и главное,—объ „уничтоженіи наконецъ того отчужденія отъ народности, которое еще продолжаетъ жить въ высшихъ образованныхъ классахъ", объ устраненіи „вредной разрозненности народа и общества" [2]). Всѣ эти произвольные, условные и даже противоположные взгляды представителей одного и того-же славянофильскаго направленія на идею православія, самодержавія и народности разнообразились постоянно еще различнаго рода оттѣнками панславизма и можно сказать, что если до настоящаго времени славянофильство было самой удобной формой протеста, то теперь, сверхъ того, оно есть самая тонкая форма агитаціи и пропаганды. По наружности-же славянофильство всегда относилось къ предержащей власти покорно, заявляя въ прежнее время подчиненіе принципамъ церковно-византійскимъ и религіознымъ, какъ напримѣръ извѣстная доктрина о „приниженіи" личности и правило „всякая власть отъ Бога". Въ послѣднее-же время, когда Правительство занялось преобразованіемъ быта нашего народа, славянофилы придали колоритъ „народности" двумъ другимъ элементамъ своего воззрѣнія—„православію и самодержавію", и провозглашаютъ себя не только сторонниками преобразовательной дѣятельности Правительства, но даже и рефракторами ея. Но можно утвердительно сказать,

[1]) Газета „День" 1865 г. (№ 12) стр. 265 и 266.
[2]) Тамъ-же (№ 10) стр. 220 и 221.

что конечная цѣль видовъ Правительства и славянофильства не имѣетъ ничего между собою сходнаго. Такова неискренность славянофильства. Что же касается нетерпимости и крайностей ихъ воззрѣній, то одинъ изъ противниковъ ихъ, крайній „западникъ“ основательно замѣтилъ, что на славянофилахъ лежитъ грѣхъ весьма долгаго непониманія нами „ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ невоздержанныя преувеличенія и иконописные портреты былаго, ихъ „принижающаяся личность“ и дикая ненависть ко всему западному безъ разбора, вызвали противудѣйствіе даже тому, что въ ихъ воззрѣніи было справедливо“ [1]). Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго понятно, что́ должны значить встрѣчаемыя въ каждой почти руководящей статьѣ газеты „День“ подобныя напримѣръ сужденія: мы говоримъ „о деспотизмѣ теоріи надъ жизнью, объ *опасности союза теоріи съ бюрократическою властью*, особенно тамъ (?) гдѣ жизнь *безмолвствуетъ*, гдѣ общество *бездѣйственно* (?) и *безсильно* (?) и народный организмъ представляется изъ *„прекраснаго далека“ чиновниковъ* (?)— какою то tabula rasa, послушнымъ, мягкимъ матеріаломъ, способнымъ воспринять всѣ *благодѣтельныя, хотябы и насильственныя*. впечатлѣнія. Но какъ при неправильномъ обращеніи *соковъ въ древесномъ организмѣ*, сила дерева уходитъ въ листья и вмѣсто плода производитъ лиственные наросты,—такъ и въ живомъ организмѣ народномъ, *при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ* вся дѣятельность общественной и служилой среды истощается нерѣдко въ однихъ безплодныхъ попыткахъ создать что-либо цѣльное и живое, успѣвая производить *только отвлеченныя теоріи, планы и регламенты*— если не всегда мертворожденные, то *почти всегда обреченные не долгому вѣку*. Говоря объ *извѣстныхъ* историческихъ условіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, разрозненность высшихъ народныхъ классовъ съ народомъ, разобщеніе общества, нравст-

[1]) „Полярная Звѣзда“ 1855 г. стр. 133.

венное, духовное и историческое съ народными бытовыми условіями и преданіями, раздвоеніе того пути развитія, которымъ идутъ общество и народъ“ [1]). Эти и подобныя сужденія вызвали въ газетѣ „Le Nord“ невѣрное предположеніе, будто-бы славянофильскія теоризированія могутъ вести только къ *демократическому царизму*, который призывалъ-бы Государя деспотически властвовать надъ *приниженною массою*“ [2]). Демократическій царизмъ дѣйствительно входитъ въ виды (не болѣе) славянофильства, или, какъ вѣрнѣе выражаются „Московскія вѣдомости“ *нео—славянофильства*; но не только устранили славянофилы, вслѣдствіе нынѣшнихъ обстоятельствъ, свою доктрину „приниженія личности“ и не желаютъ „приниженія массы“,—а напротивъ, проповѣдуютъ деспотизмъ массъ подъ видомъ регабилитаціи народности въ высшихъ слояхъ общества. Многіе смотрятъ на славянофильство ошибочно, какъ на стремленіе къ законамъ историко-органическаго развитія и, не видя въ немъ протеста и неискренности, относятся къ нему съ терпимостью или даже поддаются его вліянію.

Всѣ изложенныя выше главныя черты и цѣли славянофильства выражаются и въ лирическихъ произведеніяхъ за истекшее десятилѣтіе славянофиловъ—поэтовъ. Должно замѣтить, что въ числѣ славянофиловъ—писателей были и теперь есть весьма талантливые люди; изъ лириковъ же ихъ послѣдняго времени самые замѣчательные суть: *Хомяковъ*, *И. Аксаковъ* и *К. Аксаковъ*.

А. ХОМЯКОВЪ.

По свидѣтельству человѣка лично знавшаго Хомякова, онъ былъ „умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, натура болѣе ослѣпитель-

---

[1]) Газета „День“ 1865 г. (№ 6).

[2]) „Московскія Вѣдомости“ 1865 г. (№ 30).

ная, чѣмъ свѣтлая". „Онъ принадлежалъ притомъ, продолжаетъ тотъ-же наблюдатель, къ категоріи тѣхъ людей, которые, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, „сломились, затянулись, сбились съ дороги, ***окруженные обществомъ безъ живыхъ интересовъ***, жалкимъ, подобострастнымъ", и потому, отъ внутренней пустоты такого общества, „Хомяковъ бросился въ славянизмъ, который тогда возникалъ. Это разомъ давало ему оригинальное положеніе и богатое поприще парадоксальныхъ споровъ, занятой праздности. Увлекаемый живостью своего ума, онъ первый былъ обманутъ своими софизмами. Онъ самъ себя увѣрилъ и въ религіозномъ фанатизмѣ и въ горячешной любви къ всему русскому" [1]). Такъ характеризуетъ Хомякова соперникъ его по спорамъ и увлеченіямъ, крайній „западникъ". Изъ этого видно, будто-бы Хомяковъ увлекался и обманывалъ себя самого. Другой противникъ славянофиловъ вообще, въ томъ числѣ и Хомякова—Бѣлинскій, разсматривая собраніе стихотвореній Хомякова, вышедшихъ въ 1845 г. также находилъ, что отношенія его къ идеѣ народности натянуты, доказывая это между прочимъ, совершеннымъ отсутствіемъ вѣрнаго пониманія нашей народности въ трагедіяхъ Хомякова—***Ермакъ*** и ***Дмитрій Самозванецъ***. Но съ другой стороны, если Бѣлинскій и справедливо порицалъ эти трагедіи Хомякова, то онъ крайне былъ пристрастенъ и несправедливъ, утверждая, что Хомяковъ совершенно былъ лишенъ поэтическаго таланта, какъ лирикъ [2]). Дѣло въ томъ, что Хомяковъ держался противныхъ Бѣлинскому, славянофильскихъ воззрѣній; а въ Бѣлинскомъ нерѣдко агитаторъ и пропагандистъ затмѣвали безпристрастнаго критика. Какъ-бы то ни было, но Хомяковъ вполнѣ усвоилъ себѣ и развивалъ воззрѣнія и тенденціи славянофиловъ. Еще Хомяковъ превозносилъ Россію надъ „гнилымъ" западомъ и толковалъ какъ будто-бы въ

[1]) „Полярная Звѣзда" 1858 г. стр. 43.
[2]) Сочиненіе Бѣлинскаго Т. IX стр. 271.

интересахъ науки и искуства о томъ-же, о чемъ теперь безпрестанно проповѣдуетъ уже въ соціальномъ и политическомъ смыслѣ И. Аксаковъ, въ газетѣ „День", то-есть, о существующемъ раздвоеніи въ нашемъ обществѣ и о необходимости нивелировки его во имя народности. „Я знаю", говорилъ онъ, „что намъ, *ожидающимъ возврата своенародности*, часто ставится въ попрекъ то, что мы ожидаемъ отъ этого возврата много новаго и необычайнаго" [1]). „Тамъ, гдѣ общество раздвоилось", говоритъ онъ въ этой-же статьѣ, „гдѣ жизненныя силы приведены въ оцѣпенѣніе разрывомъ между жизнію и знаніемъ, и вѣчною, даже нескрытою враждою самобытнаго начала и чужеземнаго наплыва,—тамъ духовныя побужденія теряютъ свое значеніе, и мѣсто ихъ заступаетъ *мертвый и мертвящій формализмъ*" [2]). Далѣе Хомяковъ выражаетъ увѣренность, что „раздвоеніе, подавляющее въ насъ духовную силу, есть дѣло исторической случайности" и что „оно должно исчезнуть" [3]). Философскіе споры Хомякова состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность однимъ разумомъ дойдти до истины [4]). Таковы были принципы усвоенные Хомяковымъ и высказанные имъ какъ философомъ и какъ соціальнымъ мыслителемъ. Какъ лирикъ онъ держится тѣхъ же принциповъ, но облекаетъ ихъ то библейскимъ величіемъ религіознаго порыва, то блистательнымъ призракомъ мечтаній панславизма. Стихъ Хомякова звучный, энергическій и крѣпкій. Изъ собранія стихотвореній Хомякова, изданныхъ въ хронологическомъ порядкѣ послѣ его смерти, въ 1861 г., видно, что панславизмъ овладѣлъ поэтомъ въ 1831 году; въ первомъ стихотвореніи съ этимъ направленіемъ, написанномъ, какъ видно во время Польскаго мятежа, подъ заглавіемъ: *Ода*, лирикъ восклицаетъ:

---

[1]) „Московскій Сборникъ" 1847 г. стр. 322.
[2]) Тамъ-же стр. 325 и 326.
[3]) Тамъ-же стр. 347.
[4]) „Полярная Звѣзда" 1858 г. стр. 143.

...Потомства пламеннымъ проклятьемъ
Да будетъ преданъ тотъ чей гласъ,
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ...

Далѣе выраженъ панславистическій идеалъ поэта не покидавшій его до конца поэтической его дѣятельности:

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ,—гордо надъ вселенной
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу *склоняютъ*
Предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

Съ годами талантъ Хомякова совершенствовался; внѣшняя форма стиха его пріобрѣтала болѣе и болѣе художественности. Что-же касается содержанія, то въ послѣдніе годы жизни Хомякова въ его произведеніяхъ преобладаетъ примѣненіе религіознаго и панславистическаго воззрѣнія къ современнымъ поэту обстоятельствамъ внутренней и внѣшней жизни Россіи. Самое характеристическое въ этомъ родѣ стихотвореніе Хомякова есть извѣстная піеса, написанная въ 1854 г., въ началѣ крымской кампаніи, подъ заглавіемъ:

РОССІИ.

... Вставай, страна моя родная
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ...
... Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго:
А на тебя, увы! Какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

—

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

—

О недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя слезами покаянья и проч...

Тутъ отражается панславизмъ, господствовавшее въ началѣ истекшаго десятилѣтія обличительное настроеніе и предчувствіе цѣлаго ряда послѣдующихъ преобразованій.

И. АКСАКОВЪ.

Въ то время какъ Хомяковъ увлекался панславизмомъ и отвлеченными философскими теоризированіями, г. И Аксаковъ преслѣдуетъ цѣли славянофильства, облекая идеи этого направленія въ соціальную и въ гражданскую скорбь. Какъ публицистъ, изъ трехъ основныхъ элементовъ нашего славянофильства, — „православіе, самодержавіе, народность“,—И. Аксаковъ отдаетъ свои симпатіи преимущественно послѣднему. Народность является у него, смотря по надобности, то союзницей предержащей власти, то сама источникомъ власти. По его системѣ, существуетъ постоянное непріязненное противудѣйствіе между двумя элементами нашего политическаго и соціальнаго организма, изъ коихъ одинъ есть народъ и Верховная Власть, какъ представительница нашей демократіи [1]); а другой,—составляютъ всѣ высшіе слои общества, которые должны быть поглощены массою и весь нынѣшній административный строй, который подъ именемъ „бюрократіи“ подвергается постояннымъ преслѣдованіямъ этого публициста [2]). Скрывая идеалы свои относительно нашего будущаго въ туманѣ

[1]) „День“ 1865 г. № 10 стр. 220 (второй столбецъ).
[2]) Тамъ-же стр. 218 (второй столбецъ).

нашего историческаго прошедшаго, г. И. Аксаковъ въ своихъ постоянныхъ порицаніяхъ реформаторской дѣятельности Петра Великаго стремится выставить неудовлетворительность и вредъ *современнаго намъ* государственнаго строя нашего и въ этомъ онъ постоянно противуполагаетъ нашу народность — „государственности", какъ гнетущему началу. Соціальные-же идеалы г. Аксакова будучи вполнѣ демократическаго свойства упираются, такъ сказать, одной своей стороной въ такіе факты нашего прошедшаго, какъ избраніе всей землей Царя Михаила, Земскіе Соборы политическаго характера [1]), право подачи непосредственно Верховной власти коллективныхъ „челобитень" народомъ [2]); а съ другой стороны эти идеалы примыкаютъ (по поводу „польскаго вопроса") къ такимъ соціальнымъ утопіямъ, какъ общая подача голосовъ [3]), „souvraineté du peuple" и тому подобные продукты новѣйшей цивилизаціи Запада. Вотъ почему, совершенно справедливо замѣчаютъ, что подъ перомъ г. Аксакова, прежняя исключительность и изолированность славянофильства, преслѣдуя крайне-демократическія цѣли, сходится въ своихъ идеалахъ съ заклятыми врагами славянофиловъ, съ такъ называемыми „западниками" и газета „День" постоянно говоритъ то же самое, только въ другихъ выраженіяхъ и въ формѣ другой системы, что можно всегда читать въ самыхъ крайнихъ статьяхъ „Голоса", „Современника" и „Русскаго Слова". И. Аксаковъ и въ лирическихъ своихъ произведеніяхъ подобно тому какъ въ публицистикѣ держится двухъ противуположныхъ сторонъ одного и того-же направленія;—одна сторона,— отрицаніе въ отношеніи къ настоящему общественному и гражданскому порядку нашему; другая сторона,—положительная, гдѣ „народность" въ демократическомъ смыслѣ выставляется какъ исходная точка направленія для всего раціональ-

---

[1]) Газета „День" 1863 г. № 9 и другіе.
[2]) „День" 1865 г. № 8 стр. 171.
[3]) „День" 1863 г. № 18.

наго въ жизни, въ общественномъ и въ государственномъ строѣ. Какъ на образецъ стихотвореній И. Аксакова относящихся къ первой категоріи можно указать на тѣ піесы, которыя сочинены имъ прежде, но явились въ печати въ истекшее десятилѣтіе. Такова напримѣръ пьеса подъ заглавіемъ:

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ПРЕЖНЯГО ПЕРІОДА.

... Душа въ огнѣ, душа горитъ
Она насилью ждетъ отпора
Ей нужно воли и простора:
Всѣ силы въ подвигъ положить
Велитъ ей *духъ неугомонный*...
Души мятежъ и бунтъ законный
Безсильны вы!... Но такъ и быть!
Безплодна ты, тоска моя
Твою законность слышу я!
Не грезъ обманъ въ туманной дали
Виною скорби и печали,
Но гибель силы молодой
Но нѣтъ того, что духъ возноситъ,
Чего душа безумно проситъ,—
Служенья истинѣ живой...

Далѣе, утверждая, что условія окружающаго общественнаго строя не даютъ возможности широкой благодѣтельной дѣятельности и принуждаютъ тратить силы на мелочь, поэтъ восклицаетъ:

Есть силы, Боже!... гибнутъ силы!
Есть пламень честный... гаснетъ онъ!

Въ другой піесѣ слышна та-же жалоба на неудовлетворительность общественной среды:

... О, *въ этой душной нашей ночи*,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ *правду возлюбить?*
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано—лучей ея добыть!...

Эти отвлеченныя жалобы о неудовлетворительности общественной среды получаютъ болѣе ясный смыслъ въ стихотвореніи:

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(честнымъ людямъ, состоящимъ въ государственной службѣ)

Въ средѣ бездушной *идя законъ*
Орудье лжи, гдѣ воздухъ смраденъ
И весь неправдой напоенъ
Одинъ лишь ты мнѣ былъ отраденъ
Ты, малочисленный союзъ
Мужей безъ страха и безъ лести и проч.

Такова отрицательная сторона въ направленіи И. Аксакова какъ лирика; положительная-же сторона его направленія болѣе опредѣленно высказывается въ его публицистическихъ произведеніяхъ; но и тамъ, говоря о народности, какъ объ основаніи общественнаго и гражданскаго строя, И. Аксаковъ по большей части ограничивается намеками, сравненіями и неясными отвлеченными фразами. То-же можно подмѣтить и въ его лирическихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ о народѣ. Напримѣръ въ піесѣ, написанной И. Аксаковымъ въ юности, уже сказано:

... Но не проложеннымъ путемъ,
Не по стопамъ *чужимъ и узкимъ*,—
Народъ въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ
Самостоятельнымъ и русскимъ!
Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя, презрѣнное, сорвало.

На вопросъ-же: *въ чемъ именно* лежитъ *это* народное *начало* и „что намъ порукой *за него?*“ — поэтъ отвѣчаетъ слѣдующими неопредѣленными, напоминающими отвѣты пиѳіи, выраженіями:

Кто имѣетъ слухъ—да слышитъ,
Кто имѣетъ очи—зритъ;

Въ комъ живое чувство дышетъ,—
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я...
Блескомъ внутренняго свѣта
Жаромъ тайнаго огня
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня [1]).

Вообще въ произведеніяхъ И. Аксакова виденъ гражданинъ-демократъ съ соціалистическимъ оттѣнкомъ. Стихъ И. Аксакова жесткій, рефлексія лишаетъ его образовъ, а фантазія и творчество скудны. Полонскій вѣрно опредѣлилъ И. Аксакова какъ поэта, въ стихотвореніи начинающемся такъ:

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый
Твой жесткій, безпощадный стихъ
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю *невеселой*,
Холодной правдѣ словъ твоихъ...
... *Общественнаго зла* ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножемъ, какъ врачъ [2]) и проч.

Т. ШЕВЧЕНКО.

Вслѣдъ за поэтами-славянофилами должно упомянуть еще лирика, котораго такъ-называемые, *нынѣшніе* украйнофилы считаютъ (хотя совсѣмъ несправедливо) истолкователемъ ихъ стремленій. Собраніе стихотвореній *Т. Шевченко* явилось въ печати подъ общимъ заглавіемъ *Кобзарь* еще въ 1842 году и извѣстность его какъ прекраснаго лирическаго поэта упрочилась гораздо прежде, чѣмъ заявилъ себя кружокъ украйнофиловъ въ *новомъ* смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что собственно-украйнофилы всегда существовали въ Малороссіи; но они имѣли совершенно не тотъ характеръ и не тѣ цѣли, какими отличаются *нынѣшніе новые* украйнофилы, средо-

---

[1]) См. „Московскій Сборникъ“ 1847 г. *Зимняя Дорога*, И. Аксакова стр. 9 и 10.

[2]) *Стихотворенія Я. П. Полонскаго* изд. 1859 г. стр. 21.

точіе которыхъ въ теченіе всего минувшаго десятилѣтія было въ С.-Петербургѣ, гдѣ издавался и журналъ ихъ *Основа*. Настоящіе, коренные, малороссійскіе украйнофилы, представители которыхъ суть *Основьяненко* (*Квитка*), *Гоголь* и *Шевченко*, (исключая весьма немногихъ изъ его произведеній),—извѣстны страстной, поэтической любовью къ своей родинѣ и ея природѣ, дѣтской и безпредѣльной преданностью къ ея старинѣ, къ ея пѣснямъ и богатымъ по фантазіи преданіямъ; грустнымъ и глубокимъ сознаніемъ, что невыгодныя во всѣхъ отношеніяхъ этнографическія условія Малороссіи были причиной ея несчастной исторіи и *исключаютъ всякую возможность* самостоятельной политической для нея роли въ будущемъ. Это сознаніе у коренныхъ украйнофиловъ тѣмъ прочнѣе и основательнѣе, что народъ въ Малороссіи рѣшительно чуждъ всякой тѣни стремленія къ политической самостоятельности; идея „*былого* Царя" окончательно заглушила въ немъ вліяніе „гетьманщины" и если въ массахъ можно было замѣчать по временамъ недовольство, то это никакъ не было выраженіе какихъ-либо политическихъ тенденцій, но послѣдствіе непривычки къ упраздненному нынѣ крѣпостному праву, которое было введено въ Малороссіи только при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, — но нѣмой протестъ противъ тѣхъ близорукихъ мѣръ Правительства, которыя вредно дѣйствовали на экономическій бытъ народа, и повергли его во всѣ ужасы нищеты. Такими мѣрами были между прочимъ, кромѣ введенія крѣпостного права, уничтоженіе свободнаго винокуренія, акцизъ на соль, и проч. Нерѣдко, въ этомъ же недовольствѣ, которое нѣкоторые принимаютъ совершенно ошибочно за тенденціи къ сепаратизму, выражается простое сожалѣніе и сознаніе, что *экономическое процвѣтаніе*, въ этомъ щедро надѣленномъ природою краѣ,— стѣснено и поставлено въ самыя невыгодныя условія. Со времени народіи, написанной *Котляревскимъ* на *Энеиду*, въ Малороссіи всѣ смотрѣли на попытки писать на южно-русскомъ нарѣчіи какъ на шутку, или какъ на слѣдствіе незнанія авторомъ велико-

русскаго языка. Лучшее произведеніе Основьяненко — *Панъ Халявскій* написано по-русски, Гребенка и Гоголь тоже писали по-русски. Шевченко писалъ на южно-русскомъ нарѣчіи; но записные украйнофилы, какъ коренные, такъ и новые утверждаютъ, что Шевченко владѣлъ южно-русскимъ нарѣчіемъ слабо. Какъ-бы-то ни было, но если взять всю совокупность произведеній Шевченки, то окажется, что его дѣятельность вполнѣ соотвѣтствуетъ идеаламъ *коренныхъ*, а не *новыхъ* украйнофиловъ. То у него являются превосходныя воспроизведенія поэтической природы Украйны и образцы чисто-народнаго міросозерцанія; такова, напримѣръ вошедшая въ собраніе его стихотвореній (Кобзарь) баллада — *Тополя*, начинающаяся прелестными стихами:

По дуброви витеръ віе,
Гуляе по полю
Край—дороги гнѣ тополю
До самого долу:
Станъ—высокій, листъ—широкій,
На-що зеленіе? и проч.

То въ стихотвореніяхъ Шевченки оживаетъ старая, несчастная исторія Малороссіи съ ея преданіями, проникнутыми мелодіей южныхъ пѣсенъ, страстнымъ народнымъ паѳосомъ, съ плачемъ о бѣдственныхъ этнографическихъ условіяхъ страны, съ дикой и геройской ненавистью къ полякамъ-притѣснителямъ, которая и до нынѣ живетъ въ народѣ, съ злобой противъ пановъ-угнетателей, а подъ часъ и съ широкимъ казацкимъ разгуломъ. Такова поэма *Наймычка* (Работница), *Гайдамаки*, *Гонта въ Умани* и многія другія стихотворенія. Что-же касается до новыхъ украйнофиловъ, которые существенно отличаются отъ коренныхъ сепаратистическими мечтами и которые не имѣютъ никакого вліянія на массы населенія въ Малороссіи, то, несмотря на всѣ усилія ихъ провозгласить Шевченка послѣдователемъ ихъ стремленій, — произведенія Шевченки рѣшительно не имѣютъ этого направленія. Такихъ произве-

деній какъ *Кавказъ*, *Роскопана могыла* и проч. у Шевченки очень мало, ихъ можно, что называется, по пальцамъ перечесть и притомъ въ нихъ совершенно нѣтъ сепаратическихъ тенденцій (которыя суть главный признакъ новыхъ украйнофиловъ), но они проникнуты совершенно тѣмъ-же направленіемъ, какъ *Ода на вольность*, *Кинжалъ*, и другія піесы Пушкина, котораго конечно никто не заподозрилъ-бы въ сочувствіи нашимъ сепаратистамъ. Правда, если-бы Шевченко жилъ долѣе, то, какъ знать, быть можетъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ безобразныхъ явленій нашей общественной жизни онъ и увлекся-бы эфемерными стремленіями новыхъ украйнофиловъ (которыхъ нельзя не признать во многихъ отношеніяхъ близорукими врагами своей родины); но судьбѣ угодно было, чтобы лучшій украинскій лирикъ остался, по своей литературной дѣятельности, кореннымъ, старымъ украйнофиломъ въ возвышенномъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что направленіе, которое давала критика нашей литературѣ, а съ другой стороны, внѣшнія и внутреннія политическія событія, неминуемо должны были привести къ тому, что въ лирикѣ нашей минувшаго десятилѣтія сталъ господствовать и не перестаетъ заявлять себя до настоящаго времени, вредный для свободнаго искуства, крайній реализмъ. Сформировавшіеся въ этомъ періодѣ новые лирическіе поэты и нѣкоторые изъ прежнихъ стали посвящать свой паѳосъ преимущественно изобличенію повседневныхъ явленій общественной жизни, гражданской скорби, фальшивому примѣненію соціальныхъ утопій къ нашему простонародному быту и наконецъ, нигилизму, матеріализму, а по временамъ и цинизму. Исходная точка этого настроенія есть начало минувшаго десятилѣтія. Прежде всего выступили на сцену гражданская скорбь и обличеніе. Представители такого направленій въ нашей лирикѣ суть поэты:

2) Отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія.

Извѣстно, что въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія неудовлетворительность гражданскихъ сторонъ нашей общественной жизни стала предметомъ вниманія Правительства и Общества прежде, чѣмъ подняты были тѣ вопросы соціальные, которые возникли одновременно съ дѣломъ упраздненія крѣпостной зависимости въ Россіи. Подобно этому и лирика наша стала прежде всего пробуждать въ обществѣ чувство патріотизма, чувство долга гражданина, истребленіе апатіи къ общественной пользѣ и искорененіе лихоимства. „Когда крымская война", говоритъ одинъ изъ современныхъ публицистовъ нашихъ, „нарушила глубокую тишину въ Россіи, множество патріотическихъ стихотвореній появилось и прогремѣло на болѣе или менѣе воинственные лады въ нашей литературѣ. Въ нихъ, увлекаясь патріотизмомъ, поэты рисовали намъ цвѣтущее состояніе Россіи, готовой возстать поголовно за честь родины, пророчили гибель союзнымъ націямъ, возставшимъ противъ насъ и, вдаваясь глубже и глубже въ полемику, все ревностнѣй нападали на людей и идеи, отъ которыхъ, по ихъ мнѣнію грозила бѣда отечеству" [1]). Кто не помнитъ извѣстную пѣсенку про „воеводу Пальмерстона?" Тѣмъ не менѣе, неудовлетворительный исходъ *восточной войны* выказалъ ясно всю шаткость и всѣ недостатки тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили и развивались до того времени. „Изъ всѣхъ стихотвореній", продолжаетъ упомянутый публицистъ, написанныхъ на *восточныя событія* возбудили сочувствіе въ обществѣ и пережили эфемерный срокъ минуты только тѣ, которыя отнеслись къ послѣдствіямъ войны не мнимо-народнымъ или оффиціальнымъ тономъ, но въ совершенно противуположномъ духѣ. Долгое самообольщеніе, боязнь

[1]) *Гражданскіе мотивы, Сборникъ* г. Пятковскаго стр. 1.

гласности въ темныхъ сторонахъ русскаго быта естественно нарушились послѣ войны самымъ крутымъ переходомъ къ противуположному направленію *обличавшему эти темныя стороны во имя новыхъ идеаловъ* общественной жизни. Въ разгарѣ этого обличенія иногда мелкаго и трусливаго, въ русской литературѣ проявились, однако, тѣ новые элементы, которые сдружили, связали ее съ обществомъ, увидавшимъ въ ней дѣйствительное отраженіе своей внутренней жизни. Нѣтъ спора, *что вся сила* этого новаго движенія русской литературы *заключалась*, на первыхъ порахъ, именно *въ отрицаніи ложныхъ условій нашего быта, въ разбиваніи старыхъ оковъ рутины и невѣжества*“ [1]). Въ этихъ строкахъ довольно вѣрно указано, какимъ образомъ и въ какую сторону направляема была наша литература ходомъ событій и ферулою критики. Но здѣсь необходимо замѣтить, что если похвально было *обличать темныя стороны наши во имя новыхъ идеаловъ*, то именно эти-то *идеалы*, провозглашаемые нашими критиками и перешедшіе подъ перо не одного литератора и поэта, оказываются до настоящаго времени или явно неудовлетворительными, или *умышленно* туманными; а большинство писателей, любя обличеніе ради обличенія и отрицаніе ради отрицанія, обходится даже вовсе безъ идеаловъ. Наконецъ должно еще замѣтить, что, если крайне-обличительное и отрицательное направленіе могло быть сколько нибудь полезнымъ для литературы вообще, то для поэзіи и особенно для лирики, совращеніе на эту колею было положительно вредно. Доказательствомъ тому могутъ служить, принадлежащія къ этой категоріи новыя произведенія г. *Бенедиктова* и стихотворенія г. *Розенгейма*.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

О г. *Бенедиктовѣ* можно сказать, что онъ, какъ поэтъ, два раза пережилъ самъ себя. Въ основаніи его

[1]) *Гражданскіе мотивы, Сборникъ* г. Пятковскаго стр. 2.

лирическихъ произведеній много холоднаго, придуманнаго, искуственнаго, но онъ съумѣлъ два раза скрыть эти недостатки подъ тѣми ложно блестящими пріемами, восхищаться которыми настроена была публика, въ извѣстную минуту. И такимъ образомъ онъ произвелъ два раза эффектъ, который миновалъ вмѣстѣ съ модой и съ перемѣной обстоятельствъ. Въ первый разъ Бенедиктовъ блисталъ въ тридцатыхъ годахъ, когда шумиха, мишура и вычурность его поэзіи ослѣпили на мгновеніе публику. Тогда онъ писалъ въ такомъ, напримѣръ вкусѣ:

Хороша она, родная
Ростомъ міру по-плечо,
Вся одежда ледяная,
Только—сердце горячо!

Читая подобные стихи, не сразу можно даже догадаться, что это обращаніе къ Россіи. Говоря о звѣздахъ небесныхъ, Бенедиктовъ восклицалъ.

Звѣздочка,—къ вѣчности ключъ!

Скоро однако, мода на подобное направленіе миновала, публика разочаровалась и Бенедиктовъ почти умолкъ. Изрѣдка, кое-гдѣ являлись еще его пьески, но эффекта онѣ уже не производили и публика почти не обращала на нихъ вниманія. Это было время, когда каждая неудача, каждый fiasco были умышленно относимы и писателемъ, и публикой на счетъ цензуры. „Нельзя писать". „Нельзя сказать такъ, какъ-бы хотѣлось"—и все сходило съ рукъ. Тутъ оказался предлогъ не одному Бенедиктову замолкнуть, сохраняя вполнѣ собственное достоинство и не смотря на то, что тѣ-же самыя условія не мѣшали такимъ поэтамъ какъ напримѣръ Лермонтовъ. Но въ началѣ минувшаго десятилѣтія, обстоятельства дали возможность представить глазамъ публики многое, что прежде не было удобно для печати. Теперь молчаніе уже не могло служить оправданіемъ литератору или поэту и на страницахъ періодическихъ

изданій нашихъ стали являться имена, пришедшія почти во всеобщее забвеніе. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ явились стихи *Плещеева*, въ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ изданій мелькнуло и вновь исчезло имя *Подолинскаго;* а въ „Искрѣ“ воскресли *Бернетъ* и *Бенедиктовъ*. Всѣ эти, вышедшіе вновь на сцену поэты, настроили свои лиры на скорбно-гражданскій, на обличительный, а отчасти и на патріотическій тонъ и казалось, задумали явить міру всю силу и прелесть таланта, который не могъ прежде выказаться во всемъ блескѣ вслѣдствіе стѣснительныхъ цензурныхъ условій. Между тѣмъ, прошло десять лѣтъ, гражданская скорбь и обличеніе вышли изъ моды и вмѣстѣ съ этимъ и имена Бернета и Бенедиктова вновь исчезли; а г. Плещеевъ хотя и является по временамъ на страницахъ журналовъ, но безцвѣтность и такъ сказать, худосочность его произведеній ни для кого уже не тайна. Въ прежнее время у г. Бенедиктова и мысль, и выраженіе, и стихъ равно были вычурны и неестественны; въ началѣ-же минувшаго десятилѣтія онъ явился съ стихомъ значительно упрощеннымъ, а иногда даже прекраснымъ, въ выраженіяхъ стало менѣе вычурности; но вслѣдствіи искуственности настроенія преимущественно въ духѣ обличенія и гражданской скорби, новыя стихотворенія г. Бенедиктова значительно холодны и эффектъ произведенный ими прошелъ невозвратно, какъ и то время, къ которому они относятся. Новыя стихотворенія г. Бенедиктова должно раздѣлить на три категоріи. Къ первой—принадлежатъ тѣ пьесы, въ которыхъ поэтъ выражаетъ ощущенія, относящіяся до его собственной личности и жизни. Въ стихотвореніяхъ этой категоріи г. Бенедиктовъ усиливается быть вполнѣ непринужденнымъ; но искуственность этой непринужденности обдаетъ читателя постоянно холодомъ. Для примѣра можно указать на пьесу подъ заглавіемъ:

БЛИЗОСТЬ.

Какъ близко небо здѣсь! Мнѣ кажется оно
Нагнулось, *подошло и просится въ окно;*

Прислушиваюсь: мнѣ *его дыханье слышно.*
Оно изъ-далека, изъ-за Балтійскихъ (?) водъ
Въ *своихъ объятіяхъ* мнѣ облако несетъ
Такое бѣлое и *взбитое* такъ пышно,
Съ такою *кружною, пушистою* каймой,
Что такъ-бы и прильнулъ усталой головой
Къ *такому полному блаженства изголовью* и проч.

Ко второй категоріи принадлежатъ патріотическія стихи г. Бенедиктова, написанные преимущественно во время крымской кампаніи и въ началѣ нынѣшняго Царствованія. По поводу „восточной“ войны г. Бенедиктовъ въ иныхъ стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ въ пьесѣ: ***Ваня и няня*** доказываетъ, что война есть зло, что взрослымъ людямъ неприлично рѣшать вопросы дракой. Такъ разсуждаетъ маленькій Ваня съ своей няней. Въ пьесѣ: ***И туда*** въ подтвержденіе тѣхъ-же идей, Камчадалъ на приглашеніе стрѣлять въ англійскихъ матросовъ, отвѣчаетъ:

. . . . . „стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря:
Человѣка я не бью“.

Такимъ образомъ, ребенокъ и дикарь оказываются нравственнѣе взрослыхъ людей и цивилизованныхъ націй. Пріемъ не новый и едва-ли не избитый. Стихотвореніе ***Война и міръ***, доказывающее также вредъ войны и пользу міра, оканчивается знаменательнымъ намекомъ на заключенный послѣ крымской кампаніи миръ:

Жаль мнѣ тебя человѣчество! бѣдное стадо!
Жаль... но окончена брань: по домамъ-ратоборцы!
Слава, Всевышній, Тебѣ: есть Цари-миротворцы!...

Въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, принадлежащихъ къ третьей категоріи выражаются преимущественно обличенія и гражданскія стремленія. Не смотря на такую похвальную цѣль, на нерѣдко звучный и ловкій стихъ, пьесы эти часто холодны по своей искуственной развязности и по множеству въ нихъ лишняго. Такъ, въ

стихотвореніи: На новый 1857 годъ, поэтъ сообщаетъ, что въ 1856 году:

Кое-что сказалось
Съ разныхъ уголковъ;
Много завязалось
Новыхъ *узелковъ*.
Въ ходъ пошли вопросы
А отвѣты имъ
Кривы или косы—
Мы ихъ распрямимъ.
Добрыхъ *дѣйствій* сѣмя
Сѣетъ добрый Царь;
Кипятится время
Что дремало встарь и проч.

Далѣе, г. Бенедиктовъ утверждаетъ, что

Время полюбило
Правду *на-голо*:
Правдѣ-жъ дай, чтобъ было
Все вокругъ свѣтло!
Дѣйствуй правду множа,
Будь хоть чиномъ малъ,
Да умомъ вельможа,
Сердцемъ *генералъ* и проч.

Къ этимъ тремъ категоріямъ можно прировнять болѣе или менѣе всѣ новыя стихотворенія г. Бенедиктова. Они лучше его прежнихъ произведеній по внѣшнимъ формамъ; но по искуственной развязности, по холоду и незатѣйливости концепціи они не могли пережить эпохи явленія своего на свѣтъ.

РОЗЕНГЕЙМЪ.

Сколько искуственности у г. Бенедиктова, столько простоты въ стихахъ г. *Розенгейма* при такой-же незатѣйливости, повседневности, а иногда и тривіальности концепціи. Обличеніе и гражданская скорбь выражаются у г. Розенгейма собственно какою-то риѳмованной, порою довольно звучной прозой и почти что безъ обра-

зовъ. Самъ г. Розенгеймъ въ одной изъ пьесъ, вошедшихъ въ собраніе его стихотвореній, изданное въ 1858 году, откровенно признается, что онъ пишетъ стихи *по долгу, по желанію добра отчизнѣ, безъ притязаній на искуство*. По замѣчанію Добролюбова, г. Розенгеймъ „ничего болѣе не хочетъ, какъ только искорененія злоупотребленій и установленія порядка на религіозно-нравственномъ основаніи, о чемъ онъ и говоритъ почти въ каждомъ стихотвореніи“ [1]). Въ другомъ изъ своихъ стихотвореній г. Розенгеймъ объявляетъ, что онъ намѣренъ „обличать страсть неправаго стяжанья“, „себялюбіе и лѣнь“. Въ этихъ словахъ вся программа творческой дѣятельности г. Розенгейма. Конечно фантазія,— этотъ важный ингредіентъ въ истинной поэзіи, не можетъ не оказаться скудной при такой программѣ и поэту при такихъ условіяхъ трудно выйдти за тѣсный кругъ дидактическихъ гномовъ, приходящихся съ родни ариѳметическимъ правиламъ въ стихахъ или рифмованному изложенію географіи; но какъ бы то ни было, а г. Розенгеймъ въ началѣ минувшаго десятилѣтія имѣлъ замѣтный успѣхъ и даже въ настоящее время онъ еще имѣетъ весьма многихъ почитателей, которые готовы поставить его выше иныхъ истинныхъ поэтовъ, *не столько за поэзію* его стиховъ, *сколько за ихъ пользу*, за то, что г. Розенгеймъ могъ бы справедливо сказать „я не поэтъ, а обличитель“, подобно тому, какъ другой, болѣе талантливый дѣятель въ нашей литературѣ, скромно выразился о себѣ:

Я не поэтъ, а гражданинъ [2]).

Замѣчательно, что вычурные стихи г. Бенедиктова и такъ сказать, сухая поэзія г. Розенгейма, задавшись гражданскою скорбью и обличеніемъ были встрѣчены при своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ почти съ одинаковой благосклонностью. Доказательство,—что

[1]) Сочиненія Н. Добролюбова 1862 г. Т. IV стр. 328.

[2]) *Рылѣевъ* см. посвященіе въ его поэмѣ: „Войнаровскій“.

причина успѣха заключалась не столько въ талантѣ поэтовъ, сколько въ настроеніи публики. И дѣйствительно, настроеніе это есть явленіе болѣе глубокое, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго разу. Не успѣло общество насладиться чистой поэзіей Лермонтова и Кольцова, какъ оно уже забываетъ прелесть непринужденной формы, возвышенность содержанія и предпочитаетъ повседневный характеръ обличенія и протеста въ какой бы то ни было вычурной формѣ. Ясно, что обществу нужно было не поэзіи, а протеста и обличенія. Понятно поэтому, почему г. Розенгеймъ отважился печатать такіе длинные и, по отсутствію всякой поэзіи, напоминающіе перо Сумарокова, стихи, какъ напримѣръ, сельская идилія подъ заглавіемъ: ***Недоимки***. Здѣсь обличается взяточничество волостнаго писаря и старосты Власа. Авторъ говоритъ:

У насъ писаря волостнаго правленья
Отнюдь не бездѣлка въ быту мужика и проч.

Далѣе онъ описываетъ сборъ недоимокъ съ мужиковъ; онъ изображаетъ, какъ приходятъ къ мужику, разговариваютъ съ нимъ, сказываютъ, сколько на немъ недоимки, какъ онъ торгуется съ писаремъ. Писарь говоритъ:

Лежитъ недоимки съ семьи Горбылева
Егора, три гривны и восемь цѣлковыхъ.

Мужикъ споритъ, потомъ соглашается, упрашиваетъ, предлагаетъ полтину за отсрочку, староста ломается, писарь велитъ прикинуть:

И гривну, другую прикинетъ мужикъ,
И будто поддастся упрямый старикъ.
А писарь маячитъ: „еще братъ полтинку,
Такъ можно отсрочить и всю недоимку“.

И отсрочитъ. Затѣмъ г. Розенгеймъ излагаетъ нѣсколько мыслей о справедливости и о казенномъ интересѣ... Добролюбовъ справедливо замѣтилъ, что „все

это есть не болѣе, какъ плохое переложеніе въ стихи очень прозаическихъ фразъ". Но почему-же тотъ-же самый критикъ г. Добролюбовъ относился снисходительно къ неменѣе—безцвѣтнымъ произведеніямъ г. Плещеева? Дѣло въ томъ, что г. Добролюбовъ въ своемъ агитаторскомъ разочарованіи, озлобленіи и отрицаніи призналъ возникшія въ началѣ истекшаго десятилѣтія обличеніе, протестъ и постановку разныхъ общественныхъ вопросовъ, дѣятельностью безплодной, не ведущей ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. А Розенгеймъ говоритъ о возможности „установленія порядка на *религіозно-нравственномъ* основаніи" которое, конечно, не во вкусѣ тенденцій г. Добролюбова, и притомъ у Розенгейма-же еще встрѣчаются подобные стихи:

Мнѣ говорятъ, что я рискую,
Что слишкомъ смѣло говорю,
Не вѣрю.—Рѣчь веду такую
Затѣмъ, что *преданъ я Царю*.
Не искони-ль царей державныхъ
Сливалась Слава на Руси
Со славой Руси православной?
Кто хочетъ—лѣтопись спроси, и проч.

Но какъ-бы то ни было, редакторы повременныхъ изданій, слыша чутьемъ своимъ, какую пищу расположена была принимать публика, относились не такъ строго какъ Добролюбовъ къ обличительнымъ іереміадамъ г. Розенгейма и печатали ихъ на страницахъ своихъ журналовъ. Такимъ образомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" явились длинныя разсужденія въ стихахъ г. Розенгейма, обличавшія откупщиковъ и акціонерную лихорадку, взяточниковъ и взяточничество. Всѣ эти произведенія напоминаютъ болѣе или менѣе слѣдующіе стихи, въ которыхъ г. Розенгеймъ заставляетъ бѣса говорить каждому сановнику:

Смотри: вотъ картина твоихъ преступленій,
Рядъ длинный и темный неправедныхъ дѣлъ,
Обжорства и лѣни, и злу послабленій.
Гляди и казнися,—ты видѣть хотѣлъ.

Смотри: вотъ забвенье о чести, законѣ,
Подъ гнетомъ достоинство, лесть почтена,
Вотъ страждетъ невинный, вотъ правда въ загонѣ,
Вотъ общая польза жиду продана.
Смотри: вотъ строитель казну обдираетъ,
Вотъ грабитъ опека наслѣдье сиротъ,
Любовница краемъ, какъ хочетъ играетъ,
Вотъ твой подчиненный законъ продаетъ.
А здѣсь клевета непощадно и грозно
Грызетъ и терзаетъ, – какъ бѣшеный волкъ,
Безумцевъ, что, святость присяги серіозно
Понявши, пытались исполнить свой долгъ и проч.

Вотъ къ какому результату привело примѣненіе къ лирикѣ протеста и обличенія.

Но протестъ и обличеніе не ограничились въ нашей лирической поэзіи только отношеніемъ къ средѣ гражданской жизни. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ стало проникать къ намъ съ запада направленіе, имѣвшее характеръ отрицанія и протеста относительно нашего соціальнаго строя, который съ другой стороны не могъ не подвергнуться радикальному измѣненію въ началѣ нынѣшняго царствованія, вслѣдствіе коренныхъ преобразованій и особенно упраздненія крѣпостной зависимости. Сообразно этому двойному *противудѣйствію* дѣйствительно - неудовлетворительному соціальному строю нашему и лирика наша сперва вооружалась духомъ выработанныхъ жизнью запада, непримѣнимыхъ для насъ воззрѣній, а потомъ стала просто громить и отрицать нашъ соціальный строй, не предлагая въ замѣну никакихъ идеаловъ. Къ этому направленію въ нашей поэзіи относятся:

3) Перелагатели пауперизма и соціализма на русскіе нравы.

Поворотъ нашей науки и литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэзіи къ крайнему реализму произошелъ, какъ изложено выше, въ сороковыхъ годахъ, въ одно время

съ началомъ преобладанія такъ называемой „натуральной школы“. Наука обратилась преимущественно къ историческимъ изслѣдованіямъ и къ популяризированію у насъ естествовѣдѣнія; литература занялась изображеніемъ повседневнаго быта чиновниковъ и низшихъ слоевъ общества до такой степени усердно, что уже Лермонтовъ воскликнулъ:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ!...

Лирика стала также чаще и чаще проникаться тяжелой атмосферой крестьянскаго быта и воспѣвать лохмотья и язвы нищеты. Ясно, что такое направленіе, подхваченное довольно горячо нашей наукой, литературой и искуствомъ было ничто иное, какъ возможный по условіямъ тогдашняго времени протестъ. Критика аплодировала такому направленію. Но это направленіе пустило корни у насъ не сразу. Сперва нѣкоторые изъ публицистовъ и мыслителей нашихъ обратили вниманіе на тѣ соціальныя утопіи, которыя блеснувъ, какъ заманчивый метеоръ на западѣ, ослѣпили и отуманили нѣсколько пылкихъ головъ, не приведя ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Затѣмъ, журналистика стала знакомить наше общество въ формѣ писемъ изъ-за границы [1]) и литературныхъ хроникъ съ этими утопіями и изъ подобныхъ статей, испещренныхъ намеками и наведеніями на наши собственныя условія, публика узнавала какъ *новость* и какъ *идеалъ* то, что на Западѣ начинало уже терять кредитъ. Имена систематиковъ-утопистовъ, *Конта*, *Пьера-Леру*, *Бюше* и другихъ замелькали на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій. Затѣмъ пошли толки о *кабетистахъ*, *фаланстеріанахъ*. *коммунистахъ* и *соціалистахъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали судить и рядить объ *Отцѣ-Анфантенѣ*, *Сенъ-Симонѣ*

[1]) См. *Парижскія письма* въ „Современникѣ“ за 1848 г.

и проч., пока въ 1848 г. не перешли преимущественно къ *Прудону* и къ *Луи-Блану*. Между тѣмъ въ соціальной революціи, которая охватила тогда Францію и исходъ которой не могъ еще быть ясенъ для нашего общества, уже обозначились нѣкоторыя черты, въ которыхъ нельзя было не признать родственнаго сходства съ тѣми возгласами, которыя повторяли „съ чужого—голоса“ нѣкоторые изъ нашихъ крайнихъ доктринеровъ. Во Франціи, незадолго до февральской революціи, по свидѣтельству историка, „вся дѣятельность партизановъ республики обратилась на *низшіе слои народа*. Ученіе *Сенъ-Симона*, *Фурье* и въ особенности *Бабефа* гораздо живѣе говорило интересамъ рабочихъ классовъ, нежели требованія политической свободы. У республиканскихъ писателей явилась особенная нѣжность къ рабочимъ классамъ, пошли безконечные толки *о страданіяхъ пролетаріата*, существенный смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ: „учредите республику, сдѣлайте насъ диктаторами, а мы *отдадимъ вамъ всѣ богатства высшихъ классовъ* и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми“ [1]). Все это возбудило въ нашемъ обществѣ живое любопытство, и заставляло подозрѣвать въ нелегко-доходившихъ къ намъ съ Запада утопіяхъ, пророческую рѣчь о раціональномъ и свѣтломъ будущемъ. Тогда-то ученыя статьи, проникнутыя этимъ духомъ, публицисты, говорившіе въ этомъ направленіи и поэты, настроившіе свои лиры на этотъ ладъ, встрѣчены были съ привѣтомъ и съ поощреніемъ нашей критикой, а слѣдовательно и обществомъ. Должно при этомъ замѣтить, что критика умалчивала, а большинству общества было неизвѣстно, до какой степени эти соціалистическія утопіи, провозглашенныя у насъ какъ сама истина и идеалъ,—оказались на Западѣ несостоятельными, получивъ даже полную возможность заявить себя на практикѣ. Публика наша не приняла къ серіозному соображенію, какое окончательное паденіе

[1]) *Февральская революція во Франціи* статья г. Ржевскаго, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ 1863 г. стр. 10.

испытали въ 1848 году на знаменитыхъ „конференціяхъ“ въ Люксамбургскомъ дворцѣ, высказанныя свободно, безъ всякихъ стѣсненій и при самыхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ теоріи Луи-Блана. До всего этого большинству нашего общества не было дѣла; оно видѣло неудовлетворительность тѣхъ условій, въ которыхъ само находилось, оно слышало, что на Западѣ открыта какая-то панацея и искало случая усвоить себѣ ее. Тогда-же насытившись вдоволь романами школы *Евгенія Сю* и *Жоржъ-Занда*, наше общество обратилось съ симпатіей къ нашимъ „Бѣднымъ Людямъ“ [1]) и къ роднымъ пріютамъ блѣдной нищеты, или разврата. Тѣ-же произведенія, въ которыхъ изображалось угнетенное и страдальческое положеніе простого народа читались, перечитывались и почти заучивались наизусть; при чемъ совершенно упускалось изъ виду, что верхніе слои общества, относившіеся, правда, очень не нормально, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не гуманно къ низшимъ, далеко не находились однако сами по себѣ въ положеніи, которое-бы не оставляло ничего желать. Безобразныя явленія были приняты за причину и все вооружилось противъ нихъ, не обращая вниманія на источникъ этихъ явленій. Тутъ наступила эпоха коренныхъ внутреннихъ преобразованій и особенно упраздненія крѣпостной зависимости въ Россіи. Лирика наша не отставала отъ общаго настроенія.

НЕКРАСОВЪ.

Начало извѣстности г. *Некрасова* должно отнести къ сороковымъ годамъ.

Талантъ г. Некрасова безспорно истинный и сильный; но къ сожалѣнію не до такой степени сильный, чтобы оставаться *независимымъ и въ полномъ обладаніи художника*. На произведеніяхъ Некрасова болѣе всего видно, какъ *вредно отражается въ лирикѣ подчиненіе ея мѣсту, времени и средѣ*, въ которыхъ поэтъ разви-

[1]) Извѣстный романъ Ѳ. Достоевскаго.

вается. Эта *тройственная зависимость* постоянно угнетала и угнетаетъ значительную творческую способность г. Некрасова. Онъ самъ сознается въ этомъ, въ піесѣ:

СОЗНАНІЕ.

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда
И поэтомъ баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда.

—

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риѳмованныя звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ...

—

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

—

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искуства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догарая, теплится любовь... и проч.

Это сознаніе въ высшей степени важно. Поэтъ самъ видитъ зависимость, подъ гнетомъ которой находится его творчество, видитъ что въ стихахъ его *нѣтъ поэзіи свободной* и что въ нихъ *творящее искуство* подавлено *торжествомъ мстительнаго чувства*, тогда какъ *любовь*, безъ которой нѣтъ истинной поэзіи,—*догораетъ*. Страшная исповѣдь художника! Но эта исповѣдь, къ сожалѣнію, не выдумана имъ. Дѣйствительно Некрасовъ, какъ поэтъ, не съумѣлъ освободиться отъ преходящихъ условій и на произведеніяхъ его *отяготѣли условія его дѣтства*, *условія того времени*, *къ которому относятся эти произведенія*, *условія мѣста*, *въ которомъ развились зрѣлые годы его жизни*—(*жизнь въ столицѣ*) и все это значительно исказило тѣ искреннія отношенія къ народу, къ которымъ онъ по природѣ своей спосо-

бенъ и которыя мелькаютъ по временамъ перлами истинной поэзіи въ его большихъ стихотвореніяхъ, всегда невыдержанныхъ по причинѣ упомянутой ***тройственной зависимости***. Условія, при которыхъ шло дѣтство Некрасова, были, какъ видно, трудны для свободнаго развитія таланта. Въ стихотвореніи ***Муза*** онъ говоритъ:

Нѣтъ, Музы ласково-поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!...
.... *Но рано надо мной отяготѣли узы*
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы, печальныхъ бѣдняковъ
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, *униженно—просящей*,
Которой *золото—единственный кумиръ*...
Чрезъ бездны темныя насилія и зла
Труда и голода она меня вела и проч.

Еще яснѣе и образнѣе рисуетъ г. Некрасовъ первыя впечатлѣнія дѣтства своего въ стихотвореніи, хотя и отмѣченномъ заглавіемъ изъ ***Ларры***, но слишкомъ отзывающемся русскимъ бытомъ для стихотворенія переводнаго:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.

Наконецъ, тотъ-же мрачный міръ, окружавшій раннее дѣтство поэта, изображенъ въ пьесѣ уже прямо озаглавленной:

РОДИНА.

И вотъ они опять знакомыя мѣста
Гдѣ жизнь отцевъ моихъ безплодна и пуста

Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ..
.... Гдѣ отъ души моей, *довременно растлѣнной*,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И *не ребяческихъ* желаній и тревогъ
Огонь томительный *до срока* сердце жегъ...

Эти строки ясно показываютъ, съ какимъ уже готовымъ настроеніемъ духа вступилъ въ жизнь поэтъ и какъ сами обстоятельства расположили его къ сильному протесту противъ общественныхъ золъ, тревожившихъ его еще съ дѣтства и къ сатирѣ нѣсколько личной, вымученной, а потому — *озлобленной и непримиримой* [1]). Подобныя стихотворенія г. Некрасова, по мѣткому замѣчанію поэта А. Григорьева, суть плодъ „всеобщаго протеста въ нашей литературѣ противъ горькой дѣйствительности, протеста страстнаго, жаркаго, энергическаго, протеста, *доходившаго до клеветы на дѣйствительность*“. Далѣе Григорьевъ оправдываетъ „этотъ односторонній протестъ, какъ единственную силу, которою могла себя проявлять въ то время живая и страстная мысль въ литературѣ. Задерживаемый въ своемъ главномъ, прямомъ истокѣ, протестъ“, продолжаетъ г. Григорьевъ, „долженъ былъ въ то время *по необходимости* вырываться мелкими, боковыми струйками, удариться въ подробныя обличенія всевозможныхъ сторонъ дѣйствительности. Протестъ этотъ какъ объяснено выше, существовалъ и въ наукѣ; въ беллетристикѣ онъ выразился преимущественнымъ изображеніемъ бѣдности, угнетенія и всяческихъ униженій и оскорбленій слабаго. Онъ выражался и въ лирической поэзіи выборомъ сюжетовъ озлобляющихъ, волнующихъ, *питавшихъ недовольство всѣмъ общественнымъ строемъ*. *О типичности*, общности изображаемыхъ событій и вообще *о жизненной правдѣ* выводимыхъ лицъ думали мало. Требовались по

[1]) Библіотека для чтенія 1864 г. „Разборъ стихотвореній Некрасова“.

преимуществу темы потрясающія, возмущающія... При такихъ-то условіяхъ и началъ поэтическую свою дѣятельность г. Некрасовъ“ [1]). Въ этомъ очеркѣ г. Григорьева вѣрно изображена та эпоха, которая вслѣдъ за несчастными впечатлѣніями дѣтства *легла вторымъ тяжелымъ гнетомъ на свободу творчества* въ произведеніяхъ г. Некрасова. Но при какихъ-бы трудныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ талантъ поэта ни развивался, подчиненіе истинныхъ художественныхъ цѣлей этимъ обстоятельствамъ не можетъ быть оправдано потому, что оно будетъ всегда въ ущербъ самому произведенію художника. Обществу свойственно увлекаться, масса можетъ доходить въ своемъ протестѣ *до клеветы на дѣйствительность* подъ вліяніемъ впечатлѣнія минуты; но художникъ обязанъ поставить себя выше увлеченія массы и идти впереди ея. Онъ творитъ для будущаго и потому, рѣзкость настоящаго впечатлѣнія онъ долженъ умѣть умѣрять законами вѣчной истины и тогда произведеніе его будетъ прочно и переживетъ ту минуту, въ которую оно создано. Не таковъ г. Некрасовъ; онъ не властелинъ своего творчества. Онъ у насъ, по справедливому замѣчанію газеты „День“, „одинъ изъ полнѣйшихъ представителей поколѣнія сороковыхъ годовъ. Идеи нашего тогдашняго передового большинства, духъ и настроеніе, по преимуществу господствовавшіе въ тогдашнемъ обществѣ, и особенно въ журнальномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ тогда г. Некрасовъ, нашли въ немъ яркое и полное себѣ выраженіе. Если онъ поэтъ, то по преимуществу именно этого періода“ [2]). Здѣсь должно еще замѣтить, что идеи Бѣлинскаго, не какъ критика, обладавшаго замѣчательнымъ художественнымъ чутьемъ, но какъ агитатора, который часто заглушалъ въ немъ безпристрастнаго критика,—вредно отразились на развитіи таланта г. Некрасова. Вотъ почему, газета „День“ совершенно основательно утверждаетъ,

---

[1]) Тамъ-же стр. 11.

[2]) „День“ 1864 г. № 43.

что г. Некрасовъ не двигатель, не властитель думъ своего поколѣнія, но *самъ его непосредственное созданіе*, —не руководитель толпы или вѣщій истолкователь ея движеній, —но всегда лишь невольный и самый искренній ея представитель. Поэтъ не первоклассный, онъ не стоитъ выше своего времени для того, чтобы могъ отнестись къ нему съ самообладаніемъ. Его лира никогда не достигаетъ той высоты строя, откуда вся проходящая передъ глазами поэта дѣйствительность — каковы-бы ни были ея уклоненія въ темную сторону,— не утрачиваетъ для него своего положительнаго значенія Божьей правды и красоты, — той высоты строя, при которой самыя эти уклоненія для поэта лишь рѣзче оттѣняютъ и выясняютъ его собственный идеалъ [1]). Вредъ такой рабской зависимости г. Некрасова отъ настроенія той эпохи, въ которую его талантъ получилъ свое первоначальное серіозное развитіе, не замедлилъ оказаться на дѣлѣ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Крыловъ и Лермонтовъ дѣйствовали не въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ г. Некрасовъ и между тѣмъ, ихъ произведенія свѣжи и возвышенны до настоящей минуты, тогда какъ многое у г. Некрасова уже анахронизмъ. Многіе изъ протестовъ его теперь могутъ показаться общими мѣстами, такъ они заѣзжены второстепенными обличителями, или даже представляются устарѣлыми жалобами на изчезнувшее зло. Сатира его потеряла силу потому, что нѣкоторыя изъ бичуемыхъ ею явленій отжили или значительно ослабѣли и потому, возбужденное ими въ поэтѣ одушевленіе кажется не соотвѣтствующимъ предмету. Таковы всѣ мѣста сатиръ г. Некрасова, касающіяся злоупотребленій отмѣненнаго теперь крѣпостнаго права. Также много потеряла обаянія сатира г. Некрасова во всемъ томъ, гдѣ она касается даровитыхъ, честныхъ, но въ нищетѣ и гоненіи погибающихъ натуръ,—тема, которая въ наше время едва-ли не составляетъ анахронизма. Между тѣмъ, какъ изло-

[1]) „День“ 1864 г. № 43 стр. 18.

жено выше, творчество г. Некрасова, подъ гнетомъ печальныхъ впечатлѣній дѣтства и настроенія господствовавшаго въ сороковыхъ годахъ, вооружившись сатирой и протестомъ, обратилось преимущественно къ изображенію нужды, горя, скорби, униженія и порока въ его самомъ грубомъ, непривлекательномъ и натуральномъ видѣ. Но и тутъ кромѣ вліянія дѣтскихъ годовъ поэта и эпохи сороковыхъ годовъ, явилось еще какъ новый гнетъ, *третье*, въ высшей степени вредное для свободы таланта г. Некрасова, *вліяніе*.—а именно, вліяніе мѣста, вліяніе впечатлѣній, обстановки и условій столичной жизни, среди которой окончательно развился его талантъ. Имѣя много данныхъ для того, чтобъ отнестись правильно и непосредственно къ простолюдину, къ массѣ народа русскаго, г. Некрасовъ, увлеченный соціалистическими утопіями сороковыхъ годовъ и впечатлѣніями столицы, — обращается какъ *къ народу*, къ рабочему классу, къ извощику, къ огороднику, къ развратной женщинѣ, къ швеѣ и проч. Такимъ образомъ, дѣятельность г. Некрасова съузилась, обусловившись жизнью поэта въ столицѣ, гдѣ ярче и выпуклѣе выступаютъ на видъ всѣ крайности общественныхъ положеній, гдѣ, при средоточіи всѣхъ силъ Россіи, скопляются и нагло выдвигаются на показъ, какъ и во всякой столицѣ, всѣ пороки, разъѣдающіе нашъ общественный организмъ. Вотъ почему сатира г. Некрасова нерѣдко эффектно и невѣрно примѣняетъ къ русской жизни несвойственныя ей черты французскаго или англійскаго пауперизма. Таковы его стихотворенія: *О погодѣ*, *Убогая и нарядная*, *Княгиня*, *Несчастные*, *Въ больницѣ*, *Филантропъ* и многія другія, которыя всѣ проникнуты болѣе или менѣе чуждыми русской жизни элементами. Можно-ли, напримѣръ, не найдти „протеста противъ дѣйствительности *доходящаго до клеветы* въ пьесѣ: *„Ѣду-ли ночью по улицѣ темной“*, гдѣ поэтъ примѣняетъ къ намъ картину, напоминающую крайности манеры Виктора Гюго и ему подобныхъ:

... Мужъ тебѣ выпалъ недобрый на долю
Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась,—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

—

Помнишь-ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ выбивался изъ силъ?...
....Плакалъ твой сынъ и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.
Онъ не смолкалъ— и пронзительно—звонокъ
Былъ его крикъ... Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей!
Съ горя да съ голода завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купитъ хозяинъ, съ проклятьемъ три гроба—
Вмѣстѣ свезутъ и положатъ рядкомъ...

—

Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума
Въ сердцѣ твоемъ совершилась борьба.
Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили...
Случай насъ выручилъ? Богъ-ли помогъ?
Ты не спѣшила *печальнымъ* признаньемъ
Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ... и проч.

Таковы недостатки сатиры, протеста и вообще отрицательныхъ произведеній г. Некрасова. Эти недостатки, *плодъ тройственнаго угнетенія*, въ которомъ, какъ сказано выше, находится талантъ этого замѣчательнаго поэта,—отражаются, къ сожалѣнію, и на тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ г. Некрасовъ обращается къ настоящему русскому народу, въ которыхъ замѣтна положительная сторона его таланта, въ которыхъ на-

ходятся *мѣстами* перлы истинной поэзіи и изъ которыхъ можно понять, чѣмъ могъ-бы г. Некрасовъ подарить нашу литературу, если-бы не подчинилъ свое свободное творчество анти-художественнымъ цѣлямъ... Такъ въ его стихотвореніи: *Въ дорогѣ* правда содержанія затемнена искуственной, вычурной формой, поддѣлкой подъ народную рѣчь. Въ его поэмахъ: *Коробейники* и *Морозъ—красный носъ* рядомъ съ неподдѣльными идиллическими красотами, рядомъ съ достоинствами, напоминающими силу таланта Кольцова, слышатся очень не ловко протестъ и сатира столичнаго жителя, не чуждаго увлеченія потерявшими уже кредитъ соціалистическими утопіями. По этому, въ „Библіотекѣ для чтенія“ совершенно справедливо сказано, что должно признавать довольно скудными результаты добросовѣстныхъ усилій г. Некрасова по отношенію къ объективному воспроизведенію народности, по отношенію къ чистому матеріалу народныхъ элементовъ, внесенному г. Некрасовымъ въ нашъ умственный оборотъ. За исключеніемъ двухъ, трехъ стихотвореній, гдѣ авторъ достигъ почти художественнаго воспроизведенія народнаго быта, во всѣхъ остальныхъ,—народныя черты, вводимыя авторомъ, являются постоянно не въ своемъ типическомъ, самостоятельномъ видѣ, но сообразно той или другой задачѣ, предвзятой сообразно *тому или другому настроенію духа, и смотря по вліянію господствующихъ литературныхъ тенденцій* и т. д. [1]). По этому крайне ошибается „Русское Слово“, которое въ увлеченіи, подходящими для его собственныхъ узкихъ цѣлей, сторонами таланта г. Некрасова, провозглашаетъ его поэтомъ народнымъ и съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что у него „очень мало стихотвореній, гдѣ героемъ является не народъ [2]). „Это невѣрно. Некрасовъ не столько народенъ, сколько онъ поэтъ субъективный, поэтъ извѣст-

---

[1]) „*Библіотека для чтенія*“ 1864 г. Статья о Некрасовѣ II стр. 4 и 5.

[2]) „*Русское Слово*“ 1864 г. № 10 статья о Некрасовѣ, стр. 81.

наго литературнаго кружка и направленія, господствовавшаго въ концѣ сороковыхъ годовъ, и наконецъ, — поэтъ неудовлетворительныхъ сторонъ столичной жизни. Что же касается до народности г. Некрасова, то, не смотря на то, что во многихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ стремится возбуждать въ читателяхъ чувство состраданія къ народу, г. Некрасовъ въ воспроизведеніяхъ народнаго быта и жизни болѣе обнаруживаетъ раздраженія и злости, чѣмъ той возвышенной любви, безъ которой нѣтъ истинно-высокой поэзіи. И нельзя въ заключеніе не замѣтить, что г. Некрасовъ, взывающій такъ часто о сожалѣніи къ народу, самъ написалъ одну пьесу, которая рѣзко отрицаетъ всякую вѣру въ чувство любви г. Некрасова къ этому народу. Ни одинъ заклятый врагъ нашего народа никогда не бросилъ въ него съ такой злостью и съ такимъ полнѣйшимъ презрѣніемъ грязью и обидой, какъ позволилъ себѣ это, къ истинному сожалѣнію, г. Некрасовъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
Дрался,—тебѣ и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Мы сами дѣлывали штуки.
—Какъ затесался къ намъ французъ,
Да увидалъ, что проку мало,
Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
И на попятный тотчасъ драло:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать *съ тремя щенками*.
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса,—*глядимъ да тужимъ*
Жаль стало,—топорищемъ хвать—
И протянулась рядомъ съ мужемъ!
Глядь: *дѣти*! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ—не поймешь словца—
И въ голосъ, бѣдненькія плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? *Мы долю толковали*,

Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...
—Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!—

Всякое художественное произведеніе должно быть прежде всего типично; иначе,—изъ какого побужденія художникъ станетъ творить? Неужели же русскій народъ находится на такой низкой степени развитія, что можетъ убивать беззащитныхъ женщинъ и невинныхъ дѣтей *изъ жалости* и не въ минуту увлеченія, а послѣ того какъ *долго толковали?* Неужели этотъ народъ можетъ, разсказывая объ этомъ спустя много времени, называть еще бѣдныхъ убитыхъ малютокъ—*щенками* и говоря, *мы не сидѣли сложа руки*, хвастаться какъ подвигомъ такимъ *тупоумнымъ злодѣйствомъ*, и хвастать передъ воиномъ—честнымъ защитникомъ своего отечества? Нѣтъ, если бы подобное безобразное исключеніе и могло, къ прискорбію, гдѣ либо встрѣтиться, то поэтъ, если онъ желаетъ имѣть право, когда-либо и въ какомъ-бы то нибыло смыслѣ называться „другомъ народа",—не позволитъ себѣ распространять подобнаго факта въ видѣ стихотворенія полнаго злорадной сатиры... И замѣчательно, что въ то время, когда ярые обличители наши обличали взапуски каждаго пьянаго праздношатающагося, никто изъ нихъ и не подумалъ изобличить это посягательство на честь нашего народа... Какъ-же г. Некрасовъ, приглашающій всѣхъ жалѣть народъ, могъ написать подобное стихотвореніе? Удовлетворительный отвѣтъ на это заключается въ стихахъ г. Некрасова-же о самомъ себѣ, въ стихахъ, которые, какъ эпиграфъ, могутъ быть выставлены при разборѣ произведеній г. Некрасова:

Тѣ сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть!...

Остановясь на разборѣ произведеній г. Некрасова съ намѣреніемъ долѣе и подробнѣе, чѣмъ на произве-

деніяхъ другихъ лириковъ нашихъ потому, что на развитіи таланта г. Некрасова особенно рельефно замѣтенъ вредъ того направленія, которое преобладаетъ въ нашей лирикѣ въ послѣднія десять лѣтъ,—вредъ подчиненія чистаго искуства постороннимъ цѣлямъ,—можно уже вкратцѣ упомянуть объ остальныхъ поэтахъ—перелагателяхъ пауперизма и соціализма на русскіе нравы.

НИКИТИНЪ.

Самобытнѣе другихъ послѣ Некрасова былъ, рано скончавшійся, поэтъ *Никитинъ*. Онъ по своимъ внѣшнимъ пріемамъ былъ замѣчательнымъ послѣдователемъ Кольцова; но по направленію онъ во многихъ изъ своихъ произведеній подходитъ къ тѣмъ лирикамъ, которыя задались темой гражданской скорби и изображеніемъ угнетенія, разврата и страданія простаго народа. Такова его пьеса *„Ѣхалъ изъ ярмарки ухорь-купецъ“*, пьеса въ которой изображено, какъ крестьяне отецъ и мать продаютъ купцу свою дочь на развратъ. Таковы многія мѣста и въ извѣстной поэмѣ Никитина—*Кулакъ*. Другіе лирики наши, принадлежащіе къ этому же направленію, не обладаютъ до такой степени значительнымъ талантомъ, что-бы своей собственной творческой фантазіей, подобно г. Некрасову или Никитину, изображать русскій народъ съ несвойственными ему чертами соціализма или пауперизма и потому они предпочли другой, болѣе легкій пріемъ. Они обратились къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ тѣхъ именно лирическихъ піесъ, въ которыхъ изображены яркими красками неудовлетворительныя стороны общественной жизни на Западѣ со всѣми язвами пролетаріата, и въ этихъ переводахъ стараются внѣшними формами стиха, выраженій, или передѣлкой содержанія напомнить нѣкоторыя явленія изъ нашей жизни. Таковы: *М. Михайловъ*, лучше всѣхъ переводящій на русскій языкъ стихи Гейне, *В. Костомаровъ*—переводившій изъ Борнса и другихъ, переведшій также, какъ и г. Михайловъ знаменитую

Пѣсню о рубашкѣ Т. Гуда. Они внесли въ нашу литературу мало-извѣстный у насъ родъ стихотвореній, изображающихъ бѣдствія и страданія рабочаго класса. Но изъ подобныхъ поэтовъ—переводчиковъ пріобрѣлъ у насъ болѣе другихъ извѣстность *г. Курочкинъ*. Обладая легкимъ, гибкимъ и звучнымъ стихомъ, г. Курочкинъ посвятилъ себя преимущественно не переводамъ, а передѣлкѣ на русскій ладъ пѣсенъ Беранже. Сохраняя часто духъ подлинника, онъ очень ловко умѣетъ примѣнять разные куплеты Беранже къ нашимъ современнымъ обстоятельствамъ, такъ что въ сущности Беранже является только слѣпымъ орудіемъ и подъ прикрытіемъ его имени, г. Курочкинъ преслѣдуетъ свои цѣли напримѣръ: извѣстно какъ въ послѣднее время пристрастно смотритъ періодическая литература наша на отношенія нашего дворянскаго сословія къ народу; г. Курочкинъ, принадлежа къ гонителямъ высшихъ слоевъ нашего общества, переводитъ извѣстную піесу Беранже: *Маркизъ де-Караба*, гдѣ, между прочимъ, находятся подобные стихи:

...Слушать поселяне!
Къ вамъ невѣждамъ, дряни,
Самъ держу я рѣчь.
Я—опора трона;
Царству оборона
Мой дворянскій мечь.
Гнѣвъ мой возгорится!
И хоть кто смирится!
Вотъ какой храбрецъ и проч.
...Не люблю стѣсненья!
Подати съ имѣнья,—
Знать ихъ не хочу!
Облеченъ дворянствомъ
Государству чванствомъ
Я свой долгъ плачу!...

—

Мнѣ почетъ и слава,
Чтобъ дворянства право
Свято и вполнѣ

Въ этомъ блескѣ громкомъ
Перешло къ потомкамъ.
Вотъ какой храбрецъ!... и проч.

—

Въ заключеніе должно сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ тѣхъ нашихъ стихотворцевъ, которые по своей дѣятельности суть собственно:

4) Эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты.

Стихотворныя произведенія съ этимъ направленіемъ явились въ особенно значительномъ количествѣ въ истекшее десятилѣтіе. Начавшись простой пародіей, этотъ родъ литературы дошелъ постепенно до низведенія на степень смѣшнаго и пошлаго всего того, что неблагопріятствуетъ стремленіямъ и цѣлямъ литературныхъ кружковъ, въ которыхъ эти эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты суть такъ-сказать главные застрѣльщики. Дѣйствіе этого рода литературы на нашу публику весьма сильно. Являясь какъ представительница начала реакціоннаго существующему строю, какъ преслѣдовательница зла, какъ двигательница прогресса, какъ нѣчто двусмысленное и не всегда дозволенное, эта сторона литературы нашей производитъ обаятельное впечатлѣніе на *все легкое, недозрѣлое, а иногда и недобросовѣстное въ нашемъ обществѣ*. Съ начала минувшаго десятилѣтія, при нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, а особенно при „Современникѣ“ образовался для эпиграммъ и пародій особый отдѣлъ. Изъ произведеній этого рода получили извѣстность пародіи г. *Панаева*, который писалъ ихъ подъ псевдонимомъ: *Новый поэтъ*. Въ предисловіи къ полному собранію этихъ стихотвореній, которое издано въ 1855 г., Панаевъ утверждалъ, что занимаясь этимъ родомъ литературы, онъ имѣлъ въ виду единственно шутку, пародію и содѣйствіе критикѣ, съ цѣлью доказать, какъ легко писать риѳмованныя, размѣренныя и звучныя строки, лишенныя вся-

[illegible] достоинства, принимаемыя многими [illegible] людьми за поэзію. Дѣйствительно, въ стихотвореніяхъ *Новаго поэта* незамѣтно никакихъ другихъ идей кромѣ чисто-литературныхъ. Но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ этотъ эпиграмматическій родъ литературы мало по малу начинаетъ переносить сарказмы и насмѣшки изъ области литературы на дѣйствительную жизнь. Эпиграммы стали иногда доходить до *пасквиля*, а насмѣшки,—до желчной брани. Эти черты можно было болѣе или менѣе подмѣтить, въ основавшемся при „Современникѣ“ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ *Свистокъ*, а при „Русскомъ Словѣ“—подъ заглавіемъ *Записки темнаго человѣка*. Въ „Свисткѣ“ принималъ главное участіе *г. Добролюбовъ*, а подъ именемъ „Темнаго человѣка“ писалъ г. *Д. Минаевъ*. Около того-же времени основались разные сатирическіе листки, изъ коихъ болѣе извѣстны *Весельчакъ*, *Искра* и *Заноза*. Тутъ рѣзкость эпиграммъ и пасквилей усилилась еще злостью и безцеремонностью каррикатуръ, изъ которыхъ многія были даже не каррикатурами, а просто портретами. Все что не подходило подъ идеалъ этихъ сочинителей эпиграммъ и каррикатуръ предавалось позору съ отважнымъ цинизмомъ. Какія бы заслуги ни имѣлъ иной государственный человѣкъ, публицистъ или педагогъ, но если дѣятельность ихъ не соотвѣтствовала видамъ нашихъ зоиловъ-агитаторовъ, то имя ихъ, личность, а иногда и честь выставлялась ѣдко и часто не безъ таланта,—на поруганіе. Цензура пропускала многое, какъ отрывочные факты, но мало по малу изъ этого образовалась цѣлая совокупность произведеній вредно дѣйствующихъ на юношество, склоняя его къ легкомысленнымъ сужденіямъ, къ самообожанію и къ наглому презрѣнію всего, что не льстило *молодому поколѣнію* и не поддѣлывалось подъ его вкусы, имѣя въ то-же время заднюю мысль: сдѣлать изъ этого поколѣнія слѣпое орудіе своихъ цѣлей. Общественная нравственность также не выиграла отъ безпрестанныхъ шутокъ и каррикатуръ въ нашихъ сатирическихъ листкахъ, провозглашавшихъ эманципа-

цію женщины, выгоды проституціи, неуваженіе къ родителямъ и прочее. Не мудрено, что этотъ родъ литературы подъ перомъ и карандашемъ талантливыхъ людей скоро пріобрѣлъ сильное вліяніе на большинство публики и даже сталъ дѣйствовать на наше общественное мнѣніе. Добролюбовъ самъ высказалъ, что вся эта фаланга сатирическихъ повременныхъ изданій полезна какъ средство *для колебанія нѣкоторыхъ авторитетовъ и для борьбы съ ними*. „Насмѣшкѣ и пародіи", по его словамъ, кромѣ собственно-литературныхъ цѣлей, „предстоитъ еще большая работа: *сопровождать русскую жизнь въ новомъ пути*, который ей теперь *открывается*, и преслѣдовать свисткомъ всякаго, кто безъ толку суется на этотъ путь и начнетъ тутъ вертѣться, *дѣла не дѣлая а только мѣшая другимъ*"[1]). И дѣйствительно, „Свистокъ", „Темный человѣкъ". „Искра" и другіе подобные дѣятели приняли на себя цензуру общественныхъ нравовъ. Конечно все это множество шутокъ, пародій, эпиграммъ и проч. никакъ нельзя назвать лирической поэзіей; но этотъ родъ литературы предшествовалъ появленію въ лирикѣ нашей, такъ называемыхъ „нигилистическихъ" идей. Правда, нигилизмъ уже самъ по себѣ неблагопріятенъ поэзіи; тѣмъ не менѣе для популяризированія нѣкоторыхъ воззрѣній этого направленія можно взять лирику, какъ орудіе пропаганды. Пока одинъ только *Добролюбовъ* можетъ быть названъ представителемъ нигилизма въ нашей лирикѣ.

Мрачный и озлобленный тонъ его стихотвореній съ какимъ-то болѣзненнымъ ожесточеніемъ проповѣдуетъ идеи крайняго реализма. Такъ, напримѣръ, въ піесѣ, начинающейся стихомъ: „*Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый*" Добролюбовъ, смотря на роскошную природу Италіи, говоритъ, что онъ будетъ доволенъ, если возвратится на родину, въ Россію, потому только, что:

---

[1]) Сочиненія Н. Добролюбова 1862 г Т. III стр. 367.

...свѣтомъ и теплomъ и роскошью созданья
Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

Въ другомъ стихотвореніи, въ виду смерти, Добролюбовъ пишетъ:

Пускай умру печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной,
Что-бы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо—мной:

—

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,

—

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я,

—

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской...

—

Едва-ли отрицательное направленіе въ формѣ лирической поэзіи можетъ идти далѣе этого... Обращаясь къ Добролюбову, какъ къ критику нельзя не замѣтить, что вліяніе его было крайне невыгодно для развитія нашей изящной литературы вообще, а для лирики въ особенности. Бѣлинскій вѣрилъ еще въ возможность усвоенія намъ благодѣтельныхъ результатовъ Западной цивилизаціи, а Добролюбовъ не видѣлъ впереди никакого идеала, но стремился только заклеймить презрѣніемъ и отрицаніемъ существующій порядокъ, не предлагая взамѣнъ ничего яснаго. Подъ вліяніемъ его *нигилистическаго* и мертвящаго разочарованія, подъ обаяніемъ его замѣчательнаго таланта, литература наша

окончательно отшатнулась отъ своего прямаго назначенія и стала служить политической и соціалистической пропагандѣ. Изящныя произведенія стали оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ практической примѣнимости къ обиходнымъ потребностямъ жизни и по степени соотвѣтственности ихъ гражданскимъ и общественнымъ потребностямъ извѣстной минуты, а нерѣдко и по мѣрѣ солидарности ихъ съ разными революціонными тенденціями...

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 годъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ самаго начала 1862 года, періодическая литература наша обращала особенное вниманіе на предметы правительственной дѣятельности и вопросы вытекавшіе изъ условій общественной жизни. Сочиненія чисто литературныя не выдвигались на первый планъ и не возбуждали особеннаго интереса въ читающей публикѣ. Это настроеніе въ литературѣ замѣчается отчасти уже въ началѣ нынѣшняго царствованія и преимущественно со времени послѣдовавшихъ въ 1857 г. распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Съ опубликованіемъ же 1-го января 1862 г. въ „Сѣверной Почтѣ" извѣстія о работахъ, находившихся въ окончательномъ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій [1]), участіе журналистики нашей къ правительственной дѣятельности выразилось еще сильнѣе. Сообразно различію въ характерѣ самихъ періодическихъ изданій, взгляды ихъ, на ожидаемыя перемѣны не были тождественны и это часто производило между ними весьма оживленную по-

---

[1]) Сѣверная Почта № 1 (Приложеніе 2-е).

лемику; но что касается собственно до заявленныхъ Правительствомъ мѣръ, то большинство отзывовъ журналистики было для большей части оныхъ постоянно самое благопріятное. Всѣ журналы и газеты поспѣшили перепечатать вышеупомянутое извѣстіе изъ „Сѣверной Почты“, съ выраженіемъ полнаго сочувствія и съ этого времени начали и продолжаютъ появляться въ нихъ статьи соотвѣтствующія содержанію этого извѣстія, а потому, преобразованіе судебной части, городской и земской полиціи, государственный бюджетъ, примѣненіе положеній 19 февраля 1861 г. къ государственнымъ, удѣльнымъ и другимъ крестьянамъ, устройство народныхъ школъ и вообще система народнаго образованія, — все это стало для періодическихъ изданій предметомъ постояннаго вниманія и разсужденій. Какъ образецъ настроенія свойственнаго болѣе или менѣе всѣмъ органамъ нашей литературы въ началѣ 1862 года можно привести отзывъ „Сѣверной Пчелы“ о политическомъ и соціальномъ положеніи нашемъ. „Шесть лѣтъ всего „прошло съ окончанія послѣдней войны“, замѣчаетъ означенная газета, „а сколько уже пережито, передумано, передѣлано съ тѣхъ поръ въ Россіи! Сколько „осуществилось въ это время такого, о чемъ и говорить не смѣли мы едва шесть лѣтъ тому назадъ. То, „о чемъ только мечтали и гадали всегда лучшіе граждане Россіи, совершено въ наше время. Если не каждый день, то каждая недѣля, или по меньшей мѣрѣ „каждый мѣсяцъ представлялъ намъ какой-либо несомнѣнный фактъ о поступательномъ движеніи впередъ „какъ нашей администраціи, такъ и другихъ элементовъ нашей жизни. Крѣпостное право уничтожено; „служба нашихъ солдатъ значительно облегчена, бытъ „ихъ несомнѣнно улучшенъ; твердо задумано и положительно начато дѣло облегченія участи мѣщанскаго „сословія; часовая стрѣлка приближается къ цифрѣ, „показывающей послѣдній часъ откупной системы; въ „нашемъ судопроизводствѣ готовятся значительныя ре„формы; создано учрежденіе мировыхъ посредниковъ и

„волостныхъ судовъ, устроивается на прочныхъ нача-„лахъ нашъ сельскій міръ, перестраивается и міръ го-„родской... Куда ни взглянемъ почти повсюду облегче-„ніе“ [1]). Цѣлый рядъ статей въ такомъ же духѣ, по-священныхъ обзору дѣятельности нашихъ Министерствъ, за послѣднее время явился въ газетѣ „St. Petersbur-ger Zeitung“ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Unsere nächste Zukunft uud die ausländische Presse“ [2]). Обо-зрѣвая эту дѣятельность и ошибочные взгляды на насъ иностранцевъ, газета выражаетъ убѣжденіе, что въ этомъ отношеніи „факты говорятъ такъ громко и ясно, что „разные лже-пророки, ставящіе насъ въ состояніи „внутренняго разстройства на краю кратера какого-то „воображаемаго вулкана,—должны со стыдомъ сознать свое колоссальное заблужденіе“. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ [3]) нѣсколько статей посвящено развитію мысли, что правительство наше дѣйствуетъ раціонально въ духѣ прогресса и понимая потребности страны, не измѣнитъ принятому имъ въ послѣдніе годы направле-нію. „Отечественныя Записки“, обозрѣвая характеръ предшествовавшаго года и обращаясь съ довѣріемъ къ начинаніямъ нашего правительства, заявленнымъ въ на-чалѣ 1862 г., выразили, подобно большинству нашей журналистики, мысль объ органической связи крестьян-скаго дѣла съ другими важными преобразованіями. „По-слѣ 19 февраля прошедшаго года“, выражается этотъ журналъ, „мы покатились все быстрѣе и быстрѣе такъ, „что стоящіе на пути вопросы стали уже мелькать по сторонамъ, какъ верстовые столбы“ [4]). Газета „День“ [5]), отличающаяся вообще духомъ исключительности, обра-тилась съ надеждой къ 1862 году и сгруппировала тѣ вопросы, которые, по ея мнѣнію выдвинулись на оче-

[1]) Сѣверная Пчела № 1

[2]) S-t.Petersburger Zeitung №№ 185, 191, 192, 208, 212—214, 225 и 236.

[3]) С.-Петербургскія Вѣдомости №№ 178, 190 и 192.

[4]) Отечественныя Записки № 2 (современная хроника).

[5]) День № 12.

редь. Наконецъ, въ доказательство удовлетворительности общаго настроенія нашей періодической литературы съ начала 1862 года, можно упомянуть объ отзывѣ, который, по поводу заявленнаго „Сѣверною Почтою“ извѣстія о предстоящихъ преобразованіяхъ, появился въ журналѣ „Современникъ“, направленіе коего, какъ извѣстно, возбуждало особенно внимательное за нимъ наблюденіе. „Новый годъ принесъ намъ пріятныя из„вѣстія изъ міра правительственнаго“, замѣтилъ „Со„временникъ“, „въ скоромъ времени совершатся пре„образованія всѣхъ болѣе важныхъ частей управленія „въ государствѣ. Есть нѣкоторыя основанія думать, что „они совершатся болѣе или менѣе — именно въ томъ „направленіи, въ какомъ ожидаетъ ихъ современное „общество“ [1]).

Обозрѣвая характеристику и направленіе различныхъ періодическихъ изданій, существовавшихъ въ 1862 г., должно остановить вниманіе между прочимъ на газетѣ „Сынъ Отечества“. Доступная по дешевизнѣ своей большинству читателей, она имѣетъ до 20,000 подписчиковъ, изъ коихъ болѣе 13,000 изъ провинціальныхъ жителей и до 4,000 принадлежатъ къ духовному сословію. Это обстоятельство было причиною, что „Сынъ Отечества“, какъ проводникъ идей въ массы, былъ предметомъ особаго вниманія цензуры. Между тѣмъ, означенная газета не отличалась оригинальными статьями, но главное достоинство ея состояло въ удачномъ и добросовѣстномъ выборѣ и въ перепечатаніи цѣликомъ или въ извлеченіяхъ заимствованныхъ изъ другихъ періодическихъ изданій, самыхъ замѣчательныхъ статей о правительственныхъ дѣйствіяхъ и общественныхъ вопросахъ, и такимъ образомъ, „Сынъ Отечества“, былъ передаточнымъ пунктомъ между столь значительнымъ количествомъ читателей, и тѣми изданіями, статьи коихъ онъ заимствовалъ. Въ пользу общаго направленія нашей журналистики въ 1862 г., говоритъ

[1]) Современникъ (внутреннее обозрѣніе) № 1, стр. 99.

тотъ фактъ, что „Сынъ Отечества“, будучи компиляціей изъ другихъ газетъ и журналовъ, производилъ вообще на массу впечатлѣніе самое благопріятное и по направленію своему не вызывалъ ни одного замѣчанія.

Независимо отъ газеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—со стороны Министерства Финансовъ, Военнаго, Просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, также заявляемо было неоднократно въ 1862 году во всеобщее свѣдѣніе, объ имѣвшихся въ виду мѣропріятіяхъ по различнымъ отраслямъ управленія, и журналистика не оставалась равнодушной къ этимъ заявленіямъ.

Съ другой стороны, цѣлый рядъ преобразованій предпринятыхъ въ послѣдніе годы не могъ не имѣть сильнаго вліянія на условія общественной жизни. Понятія о значеніи правительства и общества, взаимныя отношенія различныхъ сословій, интересы экономическіе и промышленные, все это получило новый характеръ, который необходимо долженъ былъ отразиться и въ литературѣ, всегда обращавшейся къ явленіямъ общественной жизни съ дѣятельнымъ участіемъ. Затѣмъ, предметомъ множества журнальныхъ статей были дѣйствія нашихъ акціонерныхъ компаній, обстоятельства обусловливающія нашу коммерцію и вообще промышленность, и также устройство и распространеніе народныхъ школъ. Этотъ родъ періодической литературы, имѣющій цѣлью изслѣдованіе вопросовъ жизни общественной, сталъ опредѣленнѣе обозначаться съ появленія цѣлаго ряда статей Г. Чичерина въ газетѣ „Наше Время“ [1]), а потомъ по поводу романа г. Тургенева: „Отцы и дѣти“ [2]).

Въ половинѣ же 1862 г., журналистика, какъ вѣрная истолковательница настроенія всего общества, представляетъ весьма большое количество отзывовъ и нападокъ на такъ называемую „подпольную и заграниц-

---

[1]) Наше Время XI (Мѣра и границы), №№ 39, 40, 42 и 45 (Что такое охранительныя начала), № 62 (Различные виды либерализма) и проч.

[2]) Русскій Вѣстникъ, № 2.

ную русскую литературу". Не трудно убѣдиться, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ, что характеръ почти всѣхъ статей этого рода свидѣтельствуетъ, какъ о прочности нравственныхъ убѣжденій большинства журналовъ и газетъ, такъ и о благопріятномъ для правительства вліяніи журналистики нашей, въ 1862 году, на общественное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи особенно выдалась „Замѣтка для издателя" „Колокола", въ „Русскомъ Вѣстникѣ", послужившая поводомъ къ цѣлому ряду статей въ газетѣ „Наше Время" и въ „Сѣверной Пчелѣ", порицавшихъ направленіе и дѣятельность издателя „Колокола" и съ успѣхомъ изобличавшихъ его въ глазахъ тѣхъ близорукихъ людей, у которыхъ до того времени онъ пользовался неопровержимымъ авторитетомъ [1]). Сознавая несомнѣнную пользу такого направленія, цензура считала не лишнимъ дать нѣкоторый просторъ статьямъ этого рода, имѣвшимъ цѣлью противодѣйствовать тенденціямъ „подпольной литературы" и нѣкоторыхъ заграничныхъ агитаторовъ.

Такимъ образомъ, самый ходъ дѣлъ указалъ заранѣе, какъ на предметъ особеннаго вниманія періодической литературы и общества на дѣятельность правительства и на вопросы возникающіе изъ условій общественной жизни, и, сообразно этому, почти всѣ замѣчательнѣйшія статьи нашихъ періодическихъ изданій за 1862 г. относятся: 1) къ осуществленнымъ или заявленнымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, 2) къ разностороннему обсужденію условій жизни общества и 3) къ такъ называемому обличительному роду, имѣющему цѣлью указывать несовершенства и оглашать злоупотребленія.

Главные предметы, о которыхъ говорила литература въ 1862 году, можно раздѣлить на четыре категоріи:

Къ ***первой*** изъ нихъ относятся предметы, находящіеся въ ближайшемъ отношеніи къ дѣлу упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, а именно:

[1]) См. Русскій Вѣстникъ № 6 (Замѣтка для издателя „Колокола"), Наше Время №№ 113, 135 и 166. Сѣверная Пчела №№ 151, 156, 157, 168 и проч.

1) Вопросъ крестьянскій.

2) Вопросъ о правахъ сословій и о взаимныхъ отношеніяхъ между ними, что̀ озаглавлено въ литературѣ нашей—„дворянскимъ вопросомъ“.

3) Вопросъ о выкупѣ.

4) Вопросъ о земскихъ банкахъ, и

5) Вопросъ о преобразованіи судебной части.

Ко *второй* категоріи принадлежатъ вопросы финансовые и экономическіе, преимущественно:

1) По поводу государственной росписи доходовъ и расходовъ.

2) По случаю заключенія нашимъ правительствомъ внѣшняго займа, съ цѣлью размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, и

3) Объ улучшеніи системы налоговъ въ Россіи.

Къ *третьей* категоріи относятся отзывы литературы о совершившихся или предложенныхъ преобразованіяхъ въ различныхъ частяхъ управленія, какъ-то:

1) О военныхъ преобразованіяхъ.

2) О городовомъ общественномъ управленіи.

3) О народномъ просвѣщеніи.

4) О преобразованіи цензуры.

5) Вопросъ о духовенствѣ и въ связи съ нимъ отзывы о расколахъ.

Четвертую категорію составляютъ вопросы, коихъ инціатива принадлежитъ жизни общественной. Въ этомъ случаѣ особаго вниманія заслуживаетъ отношеніе нашей литературы къ понятіямъ о консерватизмѣ и прогрессѣ, къ такъ называемымъ „подметнымъ листкамъ“ (прокламаціямъ) и къ нѣкоторымъ заграничнымъ русскимъ изданіямъ. Къ этой-же категоріи должно отнести и нашу „обличительную литературу“.

Цензура, примѣняясь къ этому, сложившемуся подъ вліяніемъ правительственныхъ дѣйствій и явленій общественной жизни, характеру современной нашей прессы, старалась направлять оную къ цѣлямъ соотвѣтственнымъ требованіямъ правительства и условіямъ пользы общества. Содѣйствуя выраженію сочувствія, усвоеннаго большин-

ствомъ журналовъ и газетъ послѣдняго времени къ важнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства, она находила не безполезнымъ допускать характеръ обличенія и гласности тамъ, гдѣ они не отклонялись отъ благонамѣренности и приличія. Въ этомъ случаѣ цензура руководилась убѣжденіемъ, что литература приноситъ существенную пользу, если, съ одной стороны, она бываетъ блюстительницей уваженія, правильнаго пониманія и точнаго исполненія закона въ массахъ общества, а съ другой стороны, если она же служитъ проводникомъ къ приличному заявленію нуждъ и къ уясненію разнообразныхъ явленій общественной жизни. Такое направленіе литературы особенно важно въ обширномъ отечествѣ нашемъ, пока образованность, проникая въ различные слои общества, разливается въ нихъ неравномѣрно, безъ строгой системы, пока просвѣщенное пониманіе законовъ не вездѣ встрѣчается даже между оффиціальными блюстителями и исполнителями оныхъ, а правительство по громадности разстояній не можетъ всегда слѣдить за всѣмъ, и пока наконецъ, многія мѣстныя условія и потребности не приведены въ извѣстность и часто не имѣютъ возможности къ заявленію путемъ оффиціальнымъ. Въ виду приготовляемой нынѣ реформы нашего судоустройства и судопроизводства, которою облегчено будетъ и преобразованіе въ области цензуры,—съ достовѣрностью надѣяться можно, что устранятся и замѣчавшіеся доселѣ недостатки въ пониманіи нашими журналами истинно полезнаго назначенія просвѣщенной гласности и прекратится проявляющееся иногда недобросовѣстное ея употребленіе. Гласное судопроизводство можетъ быть въ этомъ отношеніи надежной гарантіей. Нельзя вмѣстѣ съ симъ не признать, что журналистика наша не мало служила къ ознакомленію общества въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, со многими сторонами реформы крестьянскаго быта, согласно съ цѣлями правительства. Такую-же услугу приносила и снова можетъ принести она для другихъ преобразованій, если будетъ руководима къ вышеизложенному направленію. Согласно этимъ убѣжденіямъ, цензура

относилась къ нашей прессѣ въ 1862 году. Можно, конечно, указать въ ней, въ этотъ періодъ времени, на нѣсколько фактовъ неудовлетворительнаго свойства, напримѣръ, на нѣкоторое раздраженіе и безпокойство въ прессѣ вслѣдствіе пріостановленія двухъ изданій („Современникъ“ и „Русское Слово“);—такъ, что и самая цензура не всегда имѣла возможность отклонять все, что писалось объ этомъ предметѣ для всѣхъ столь извѣстномъ.

Въ заключеніе сего краткаго обзора дѣйствій нашей журналистики въ 1862 году нельзя не замѣтить, что въ этомъ году, въ журналахъ, совершенно прекратились: 1) статьи проповѣдующія матеріализмъ, безвѣріе и вообще всякія нападки на православіе и христіанскую вѣру; 2) статьи, въ которыхъ колебалось бы монархическое начало и самодержавіе; въ 3-хъ, раздражительная полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная для помѣщиковъ и безполезная для крестьянъ; въ 4-хъ, статьи, проповѣдующія коммунизмъ, и въ особенности тѣ, въ которыхъ доказывалось право собственности крестьянъ на помѣщичьи земли; статьи эти, до 1862 года, къ сожалѣнію, являлись почти во всѣхъ нашихъ журналахъ, какъ бы съ цѣлію поколебать юридическія начала всякаго образованнаго общества, и въ 5-хъ, всѣ тѣ статьи, въ которыхъ, безъ всякой пользы для дѣла и вопреки видамъ правительства, разсуждалось объ утратившемся значеніи дворянства и объ уничтоженіи сего сословія. Но взамѣнъ этихъ ограниченій, которымъ должна была подчиниться наша литература въ 1862 году, нельзя было не предоставить ей большаго простора въ ея разсужденіяхъ по другимъ предметамъ, такъ какъ наша публика, умственная дѣятельность которой была возбуждена либеральными распоряженіями самаго правительства, уже нынѣ не довольствуется чтеніемъ пустыхъ по содержанію статей и ничтожныхъ извѣстій. Во вниманіе къ симъ обстоятельствамъ, политическому заграничному отдѣлу былъ данъ значительный просторъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: Высочайшимъ

повелѣніемъ 8-го марта сего года устранена всякая солидарность между Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и печатаемыми въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ политическими извѣстіями. Слѣдовательно, всѣ подобныя статьи, ни въ какомъ случаѣ, не могли дать повода къ пререканію со стороны представителей иностранныхъ державъ. Газеты-же наши отъ этого пріобрѣли значительный интересъ, а публика получила нѣкоторое вознагражденіе за тѣ ограниченія, которымъ литература подверглась въ 1862 году, вслѣдствіе увеличенія строгости цензуры, которая естественно, должна была, усугубиться отъ двойного надзора, которому литература подчинена была со стороны двухъ Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, и хотя надзоръ сего послѣдняго былъ очень бдителенъ, тѣмъ не менѣе представляется тотъ отрадный фактъ, что, при огромномъ количествѣ журналовъ, газетъ и разныхъ изданій въ Россіи, число замѣчаній было незначительно и если убѣжденіе въ томъ, что масса произведеній здравой и полезной литературной дѣятельности въ 1862 году весьма значительно преобладаетъ надъ количествомъ предосудительныхъ литературныхъ явленій, не всѣми еще раздѣляется, то это почти исключительно происходитъ отъ того, что, къ сожалѣнію, даже самая образованная часть нашей публики гораздо болѣе обращаетъ вниманіе на статьи предосудительныя, тогда какъ статьи серіозныя, благонамѣренныя и консервативныя остаются незамѣченными. Первыя немедленно замѣчаются, о нихъ говорятъ, передаютъ другъ другу, какъ бы ни были незначительны, а на статьи весьма благонадежныя, дѣльныя, составленіе коихъ требовало и учености и большого труда, не обращается вниманія.

I. Крестьянскій вопросъ.

Постоянное и дѣятельное участіе, съ которымъ относилась наша журналистика къ возникшему еще въ предшествующіе годы вопросу о ходѣ крестьянскаго дѣла не ослабѣвало и въ 1862 году. „Ударилъ колоколъ", говорила газета „С.-Петербургскія Вѣдомости", привѣтствуя 1862 годъ, какъ открывающій для Россіи новое тысячелѣтіе; „это не погребальный звонъ умирающему государству; это набатъ возрожденія славянскихъ племенъ къ новой жизни, канунъ которой отпразднованъ былъ 19 февраля. Мы начинаемъ новое тысячелѣтіе и вмѣстѣ съ тѣмъ новую жизнь. Вы слышали голосъ сверху, поднявшій на ноги 20.000,000 народа: прислушайтесь къ его звуку: это былъ голосъ вышедшій изъ сердца,— сердцемъ и понимайте его. Это было дыханіе жизни, двинувшее народъ на новую дорогу. Правительство само начало преобразованіе; намъ только остается усвоить себѣ эту идею и содѣйствовать по силѣ и возможности, видамъ Правительства" [1]). Въ такомъ-же духѣ и съ такимъ-же восторгомъ выражалась газета „День" говоря: „Захватывая собою почти все наше многомилліонное народонаселеніе, проникая корнями въ самую глубь народной и общественной жизни, знаменательно завершая собой тысячелѣтній періодъ нашего историческаго образовательнаго процесса,—крестьянское дѣло представляетъ собою одну изъ громаднѣйшихъ соціальныхъ реформъ всего міра. Мы желаемъ и вѣримъ что она совершится мирно, согласно съ характеромъ и духомъ нашего народа; мы считаемъ, что усилія всѣхъ искренно и горячо преданныхъ Россіи русскихъ людей должны постоянно клониться къ устраненію всего, что могло-бы воспрепятствовать желанному разрѣшенію и исходу этого переворота. Всякія эгоистическія требованія, личныя и

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" № 1.

сословныя должны быть забыты“ [1]). Та-же газета замѣтила, что „въ послѣднее время значеніе провинціи, деревни, со стороны интереса общественнаго поднялось, ибо тамъ по преимуществу должна была оказаться великая реформа нынѣшняго царствованія во всей своей наглядности“ [2]). Любопытно замѣтить здѣсь въ отношеніи взглядовъ различныхъ изданій на ходъ крестьянскаго дѣла явленіе, которое повторяется со взглядами ихъ почти на всѣ другіе вопросы обсуждавшіеся ими: сходясь вполнѣ между собою въ сочувствіи къ крестьянскому вопросу, цѣня по достоинству мѣры правительства по этому предмету, періодическія изданія часто расходятся между собою въ воззрѣніяхъ на самый предметъ и въ этомъ нерѣдко выражается субъективный характеръ извѣстнаго періодическаго изданія. Такъ напримѣръ: „Современникъ“, относился въ сущности къ крестьянскому вопросу съ сочувствіемъ неуступавшимъ другимъ изданіямъ, но взглядъ его былъ иной. Примѣняясь къ обнародованному въ „Сѣверной Почтѣ“ извѣстію о преобразованіяхъ по разнымъ частямъ управленія въ государствѣ и въ томъ числѣ о преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ имуществъ, „Современникъ“ представилъ анализъ недавно распубликованнаго *Обозрѣнія дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ съ 1837 г. по 1861 г.*, а также сочиненія бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ Д. Н. Хрущева, написаннаго имъ *въ защиту этого Министерства*, и явившагося въ печати въ 1860 г. Соображенія всѣхъ этихъ документовъ привели „Современникъ“ ко взгляду на дѣло освобожденія, какъ на дарованіе бо́льшей самостоятельности крестьянамъ. „Общинное самоуправленіе“, говоритъ журналъ, „право котораго хочетъ разширить въ настоящее время наше правительство, есть древнѣйшая форма управленія нашего народа, сохранившаяся черезъ всю нашу исторію до

[1]) „День“ № 4 стр. 6.
[2]) „День“ № 2 стр 8.

настоящаго времени. Никакія стѣсненія этой формы народнаго управленія, бывшія въ разныя эпохи нашего государства, не могли не только уничтожить, но даже ослабить въ народѣ любви къ этой формѣ“ [1]). „Мы не можемъ не радоваться“, продолжаетъ статья, „что вредъ централизаціи въ управленіи сельскимъ населеніемъ сознанъ обществомъ и правительствомъ и самоуправленіе обществъ закладывается въ основу жизни нашего народа“ [2]). Не меньшимъ сочувствіемъ къ дѣятельности правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ проникнуты статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ [3]) въ „Нашемъ Времени“ [4]), въ „Русскомъ Инвалидѣ“ [5]), въ „Современномъ Словѣ“ [6]) и во всѣхъ другихъ изданіяхъ. Исключая непосредственнаго сочувствія къ этому вопросу вообще, вниманіе періодической литературы было особенно устремлено на медленность въ составленіи уставныхъ грамотъ и причины этого явленія журналистика видѣла не въ дѣйствіяхъ правительства, но въ другихъ обстоятельствахъ, обусловившихъ развитіе нашей общественной жизни. „Крестьяне“, по мнѣнію выраженному въ газетѣ „День“, „не въ силахъ примирить понятіе о волѣ съ идеею повинности въ пользу помѣщика. Они не подписываютъ уставныхъ грамотъ и все еще чего-то ждутъ и надѣются“ [7]). „Мы убѣждены“, говоритъ „Наше Время“, „что въ большей части случаевъ, когда грамоты не были подписаны, крестьяне предъявляли преувеличенныя требованія, но мы думаемъ, что такіе случаи зависятъ отъ инстинктивной боязни русскаго простолюдина подписывать всякую оффиціальную бумагу, — боязни особенно сильной при общей почти неграмот-

---

[1]) „Современникъ“ № 1. (Внутреннее Обозрѣніе (стр. 120.
[2]) Тамъ же стр. 125.
[3]) „Московскія Вѣдомости“ № 6.
[4]) „Наше Время“ № 1 и № 95.
[5]) „Русскій Инвалидъ“ № 11.
[6]) „Современное Слово“ № 4.
[7]) „День“ № 7. (Уставная грамота ст. Самарина).

ности народа“ [1]). Та же газета, замѣчая, что многіе помѣщики надѣялись на отсрочку въ подачѣ уставныхъ грамотъ, или встрѣчали препятствіе въ черезполосности имѣній [2]), выражаетъ увѣренность, что „ходъ самаго дѣла долженъ неминуемо привести обѣ заинтересованныя стороны къ полюбовному соглашенію. Но г. Пироговъ, который самъ былъ мировымъ посредникомъ, утверждаетъ, что „неопытный и малоразвитый человѣкъ колеблется, когда ему предоставляютъ выбирать или то, или другое, или третье: для него спокойнѣе исполнять приказанія, чѣмъ думать, сравнивать и рѣшаться, — избирая что лучше [3]).

Поземельный надѣлъ общины и дворовыхъ людей также былъ предметомъ дѣятельнаго обсужденія періодической литературы, видѣвшей въ немъ существенную часть крестьянскаго вопроса. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сочувствующая крестьянскому дѣлу статья г. Уманца въ „Отечественныхъ Запискахъ:“ ***Надѣлъ общины и дворовые люди*** [4]).

Почти всѣ газеты перепечатывали распоряженія и постановленія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; а равно, время отъ времени сообщали читателямъ свои взгляды на ходъ крестьянскаго дѣла и свѣдѣнія, получаемыя ими объ этомъ предметѣ изъ провинцій отъ корреспондентовъ. Въ этихъ сообщеніяхъ нерѣдко выражается духъ самихъ періодическихъ изданій и по большей части статьи эти говорятъ въ пользу направленія журналистики нашей въ 1862 г. Для примѣра можно указать на „Современную Лѣтопись“, которая какъ извѣстно пользуется весьма значительнымъ авторитетомъ въ общественномъ мнѣніи. „Крестьянское дѣло“, читаемъ въ этой газетѣ, „идетъ шагомъ спокойнымъ и ровнымъ къ своему окончательному разрѣшенію;

---

[1]) „Наше Время“ № 1)
[2]) „Наше Время“ № 2.
[3]) „День“ № 6 стр. 8.
[4]) „Отечественныя Записки“ № 1.

страсти утихаютъ, и все менѣе примѣшиваются къ оцѣнкѣ взаимныхъ интересовъ, раздѣляющихъ и соединяющихъ оба сословія, на которыхъ основывается земскій міръ, — дворянъ и крестьянъ. Напрасно говорятъ, будто бы наше общество не можетъ само управляться съ своими дѣлами и интересами. Тамъ гдѣ интересы поставлены надлежащимъ образомъ, гдѣ между ними не возникаетъ искуственнымъ образомъ никакихъ недоразумѣній, они улаживаются къ обоюдному и общему благу. Въ обществѣ нашемъ, слава Богу, нѣтъ еще болѣзненныхъ соковъ, которые бы проникали глубоко и отравляли его организацію [1]). Особенно интересна, приведенная въ той же газетѣ корреспондентомъ ея, характеристика новыхъ сословныхъ отношеній въ нашемъ сельскомъ быту. „Меня поразила“, говоритъ авторъ, „перемѣна, происшедшая въ нашемъ сельскомъ быту послѣ манифеста 19 февраля 1861 г. Перемѣна эта произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе: исчезло все что непріятно и тягостно дѣйствовало на всякаго мыслящаго человѣка; по всему замѣтно, что масса сельскаго населенія освободилась отъ унизительнаго рабства, что крестьянинъ пересталъ быть вещью и сталъ существомъ получившимъ опредѣленныя закономъ права; онъ самъ чувствуетъ это, онъ смотритъ, говоритъ, дѣйствуетъ иначе. Конечно, странными еще покажутся новыя отношенія помѣщика и его временно-обязанныхъ крестьянъ, пока не присмотришься, не привыкнешь къ нимъ и не отрѣшишься совершенно отъ прошлаго. Помѣщикъ самъ по себѣ и крестьяне сами по себѣ, такъ что повидимому между ними нѣтъ ничего общаго, и они сдѣлались просто обыкновенными сосѣдями; можетъ быть это не совсѣмъ такъ въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне отправляютъ надѣльную повинность, но въ мѣстности, гдѣ мнѣ случилось прожить нынѣшнее лѣто, всѣ крестьяне на оброкѣ, и помѣщичьи хозяйства исправляются наймомъ. Новая жизнь вступила уже въ свою колею, и,

[1]) „Современная Лѣтопись“ № 30 стр. 11.

по разсудительности-ли русскаго человѣка, или по привычкѣ его сживаться со всякимъ положеніемъ—только все идетъ мирно и спокойно; помѣщики, конечно потерявшіе много, совершенно покорились своей участи, и къ чести ихъ я долженъ сказать, что мнѣ никогда не случалось слышать жалобъ на отмѣну крѣпостнаго права; напротивъ, всѣ болѣе или менѣе довольны прекращеніемъ прежнихъ неестественныхъ отношеній, а если и жалуются иногда, то развѣ только на трудность добывать работниковъ“ [1]). Подобные отзывы о ходѣ крестьянскаго дѣла свойственны почти всѣмъ періодическимъ изданіямъ нашимъ въ 1862 г.

Въ заключеніе должно упомянуть о встрѣчавшихся во многихъ органахъ публицистики нашей отзывахъ по поводу дѣятельности нѣкоторыхъ представителей мѣстныхъ мировыхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи не рѣдко находимъ упреки, дѣлаемые мировымъ посредникамъ въ томъ „что они дѣйствуютъ пристрастно въ пользу одного изъ двухъ сословій, между которыми они поставлены“ [2]). „Неудовольствія эти“, замѣтила „Сѣверная Пчела“, очевидно произошли оттого, „что представители каждой стороны желаютъ себѣ большей доли участія отъ посредниковъ, и, забывая трудное положеніе этихъ лицъ, ставятъ ихъ не медіаторами, а такъ сказать сословными адвокатами“ [3]). Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ послѣдніе мѣсяцы 1862 года подобныхъ обращеній къ мировымъ посредникамъ въ журналистикѣ уже не встрѣчается.

I. Дворянскій вопросъ.

Развитіе крестьянскаго вопроса на практикѣ неминуемо должно было привести и дѣйствительно привело сперва общество, а потомъ и журналистику къ раз-

[1]) „Современная Лѣтопись“ № 36 стр. 5.
[2]) „Тамъ же“ стр. 7.
[3]) „Сѣверная Пчела“ № 234.

сужденіямъ о правахъ сословій, о взаимныхъ отношеніяхъ между ними вообще, въ особенности же между дворянами и крестьянами, къ вопросу, который озаглавленъ въ литературѣ нашей—*дворянскимъ вопросомъ*. Эта органическая связь крестьянскаго дѣла съ другими важными преобразованіями была постоянно сознаваема журналистикой. „Вопросъ крестьянскій не таковъ", справедливо выразился „Сынъ Отечества", „чтобы стоялъ особнякомъ въ ряду другихъ вопросовъ. Напротивъ, онъ самымъ рѣшеніемъ своимъ уже необходимо вызываетъ множество другихъ. Съ началомъ, положеннымъ въ основаніе его рѣшенія, уже не могли согласоваться многія начала нашей жизни и администраціи, и ясно, что Верховная власть, рѣшая его, имѣла въ виду и эти другія стороны жизни" [1]). „Уничтоженіе крѣпостнаго права", замѣтила газета „Наше Время", „разорвало у нашего дворянства связь съ грустными воспоминаніями. Оно выведено изъ тѣснаго круга однихъ сословныхъ понятій" [2]). Газета „День" высказалась еще категоричнѣе: „такъ называемое крестьянское дѣло", говорила она, „есть въ то же время и дворянское дѣло; оно въ равной степени затронуло интересы крестьянъ и помѣщиковъ, оно сдвинуло оба сословія съ ихъ вѣковаго подножія. Что такое русское дворянство въ настоящее время? Намъ кажется, что разрѣшеніе этого вопроса необходимо для нашего общественнаго сознанія въ виду дворянскихъ съѣздовъ и выборовъ, имѣющихъ открыться въ разныхъ губерніяхъ Россіи" [3]). Дѣйствительно, всѣмъ дворянскимъ собраніямъ, происходившимъ по случаю выборовъ болѣе чѣмъ въ тридцати губерніяхъ, предложены были по Высочайшему повелѣнію на обсужденіе вопросы непосредственно касающіеся интереса мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Изъ высказанныхъ по этому предмету въ собраніяхъ дворянъ соображеній,

---

[1]) „Сынъ Отечества" № 236.
[2]) „Наше Время" № 1.
[3]) „День" № 8.

выдались, какъ извѣстно, рельефнѣе другихъ: въ Москвѣ,—соображенія Безобразова,—объ измѣненій положеній 19 февраля, согласно съ дворянскою грамотой, и графа Орлова-Давыдова. Въ чрезвычайномъ же собраніи С.-Петербургскаго дворянства, предлагалъ тоже Безобразовъ составить проэктъ адреса, о пересмотрѣ затрудненій по правамъ дворянства на земли, основаннымъ на грамотѣ, данной Императрицею Екатериной II. ***Такимъ образомъ вопросъ о значеніи дворянства, какъ сословія,—возникъ собственно не въ нѣдрахъ періодической литературы, но поставленъ былъ обстоятельствами связанными съ такими событіями, какъ н. п. чрезвычайныя собранія дворянъ.*** Непосредственно за высказанными на этихъ собраніяхъ понятіями о значеніи въ настоящее время нашего дворянства, какъ сословія, разсужденія объ этомъ сдѣлались предметомъ журнальной полемики, которая, впрочемъ продолжалась не долго и вскорѣ прекратилась. Газета „День“ первая выразила мысль, что „съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, русское дворянство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій, и должно торжественно передъ лицомъ Россіи совершить великій актъ уничтоженія себя какъ сословія“ [2]). Подобная утопія газеты „День“ немедленно встрѣчена была весьма многими рѣзкими возраженіями и въ этомъ отношеніи, особенно замѣчательны въ газетѣ „Наше Время“, статьи г. Чичерина о дворянствѣ, написанныя въ опроверженіе мнѣнія „Дня“. „Если насъ спросятъ“, говоритъ авторъ, „нужно ли дворянство во Франціи, или въ Сѣверной Америкѣ,—то мы будемъ отвѣчать: нѣтъ. Что же касается до Россіи, мы рѣшительно скажемъ: да. Если все въ государствѣ, сверху до низу не должно быть возложено на одно правительство, если общественныя силы должны быть призваны къ участію въ политической жизни, то дѣло первостепенной важности и для правительства, и для народа, имѣть такого дѣятеля, какъ дворянство, въ которомъ

[2]) „День“ № 13.

сосредоточено образованіе, и тверже сознаніе своихъ правъ, чѣмъ у другихъ сословій“ [1]). Съ другой же стороны, высказанныя по этому предмету г. Чичеринымъ, понятія привели нѣкоторыя періодическія изданія къ предположенію, будто-бы „онъ доказываетъ необходимость у насъ могущественнаго и образованнаго tiers-etat“ [2]). Противъ такой идеи возражала „Современная Лѣтопись“ [3]), „Современникъ“ [4]), „Сѣверная Пчела“ [5]) и другія изданія; но въ то же время, почти всѣ органы журналистики были рѣшительно противъ идеи „Дня“, о самоуничтоженіи дворянства, находя оную совершенно непрактичной и не идущей къ дѣлу. Особенно рѣзко отозвались объ этомъ Библіотека для Чтенія и Русскій Инвалидъ. „Неужели дворянство поступило-бы разумно“, говоритъ послѣдній, „если-бы оно отвѣтило на вызовъ правительства, что вмѣсто разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ оно занялось самоуничтоженіемъ. Это былъ бы неслыханный примѣръ въ исторіи“ [6]). Вскорѣ *во многихъ газетахъ и особенно въ „Сѣверной Пчелѣ“ была развита мысль*, что рѣшеніе вопроса о значеніи и существованіи нашего дворянства есть дѣло времени и обстоятельствъ и, *что по тому самому онъ не долженъ подлежать литературнымъ преніямъ, которыя не могутъ имѣть вліянія на судьбу этого вопроса въ практическомъ отношеніи*. Затѣмъ, полемика по этому предмету прекратилась и уже въ теченіи 1862 года не возобновлялась. Обозрѣвая дѣятельность періодической литературы по дворянскому вопросу, должно замѣтить, что однимъ изъ числа оффиціально предложенныхъ правительствомъ на обсужденіе дворянства предметовъ, и именно по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ, возбуждена была весьма интерес-

---

1) „Наше Время“ № 4.
2) „Сѣверная Пчела“ № 46.
3) „Современная Лѣтопись“ № 2.
4) „Современникъ“ № 2 стр. 356.
5) „Сѣверная Пчела“ № 46.
6) „Русскій Инвалидъ“ № 8.

ная полемика въ газетахъ „День“ [1]), „Современная Лѣтопись“ [2]) и „Современное Слово“ [3]) объ *избирательномъ цензѣ*. Съ другой же стороны, изъ того же источника журналистика почерпнула инициативу весьма многихъ статей *о земствѣ*, теорію котораго развивалъ преимущественно „День“, а историческую сторону и примѣненіе на практикѣ изслѣдовала газета „Вѣкъ“.

III. Вопросъ о преобразованіи судебной части.

Въ связи съ вопросами крестьянскимъ и дворянскимъ въ глазахъ общества и журналистики получилъ особенную важность вопросъ о преобразованіи у насъ судебной части вообще. „Преобразованіе судебнаго устройства въ Россіи“, замѣтила газета „День“, есть неотразимое послѣдствіе недавняго освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости“ [4]). „Учрежденіемъ 6 іюля 1860 года судебныхъ слѣдователей“, говоритъ газета „Наше Время“, „правительство наше сдѣлало первый шагъ къ преобразованію уголовнаго судопроизводства. Общество не осталось равнодушнымъ къ этому новому учрежденію,—оно встрѣтило его съ радостью и надеждами, о немъ стали говорить, разсуждать и писать“ [5]). Дѣйствительно, уже до настоящаго года, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ нашихъ можно встрѣтить статьи, разсуждавшія о судебной части съ исторической, теоретической и практической точки зрѣнія. Но нельзя не замѣтить, что большая часть этихъ статей, вѣроятно, съ цѣлью разносторонняго изученія самаго вопроса, посвящена была преимущественно изслѣдованіямъ о судахъ иностранныхъ государствъ. Съ на-

[1]) „День“ № 11 и 20.
[2]) „Современная Лѣтопись“ № 8.
[3]) „Современное Слово“ № 143 и 148.
[4]) „День“ № 43.
[5]) „Наше Время“ № 88.

ступленіемъ же 1862 года, вопросъ о судебной части поставленъ обществомъ и періодической литературой на отечественную нашу почву. Въ опубликованномъ „Сѣверной Почтой“ извѣстіи о преобразованіяхъ, предстоящихъ по разнымъ частямъ управленія, въ первомъ же пунктѣ упомянуто преобразованіе „всей вообще судебной части“. Вслѣдъ за тѣмъ, „въ засѣданіяхъ 29-го и 30-го января сего года, чрезвычайныхъ собраній дворянства С.-Петербургской губерніи обсуждено было, между прочимъ, предложеніе о безотлагательномъ введеніи суда устнаго, гласнаго и независимаго отъ административной власти, съ сохраненіемъ выборнаго начала при назначеніи судей. Предложеніе было собраніемъ одобрено, и положено: ходатайствовать о приведеніи онаго въ исполненіе“ [2]). Мысль о недостаткѣ у насъ суда, ограждающаго личность гражданъ, внушающаго къ себѣ довѣріе общества и отдѣленнаго отъ администраціи, имѣла частое и быстрое обращеніе въ журналистикѣ. „Это мысль“, писалъ г. Чичеринъ, „которую надобно повторять безпрестанно. *Не политическая свобода, не уравненіе сословій, а судъ составляетъ насущную потребность Россіи.* Судъ и администрація имѣютъ двѣ совершенно различныя области. Только судъ можетъ признавать гражданина виновнымъ;—до приговора всякій предполагается невиннымъ. Администрація, которая беретъ на себя дѣло суда, ставитъ себя въ самое ложное положеніе: она вѣчно должна колебаться между слабостью и насиліемъ. Во имя правосудія, во имя законности, во имя уваженія къ человѣку, во имя святости самой власти, охраняющей законы, мы желаемъ, чтобы ни одинъ русскій подданный не былъ наказанъ иначе, какъ по приговору суда, при всѣхъ законныхъ гарантіяхъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ средствъ защиты“ [1]). Въ тоже время и „Современная Лѣтопись“ [3]) съ искреннимъ сочувствіемъ, заявила чи-

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 33.
[2]) „Наше Время“ № 51.
[3]) „Современная Лѣтопись“ № 14 стр. 11.

тателямъ, на основаніи свѣдѣній, какія ей доступны, о положеніи, въ которомъ находился тогда вопросъ о преобразованіи всей системы судоустройства и судопроизводства въ оффиціальномъ мірѣ. Между тѣмъ, дѣятельность мировыхъ посредниковъ, получая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе широкое значеніе и непосредственное примѣненіе къ междусословнымъ интересамъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, подготовляла матеріалы, представившіе и обществу, и журналистикѣ вопросъ о судебной части въ новыхъ условіяхъ. На съѣздѣ мировыхъ посредниковъ въ Калугѣ, г. Сабанѣевъ прочелъ интересную въ этомъ отношеніи записку. Предметъ записки: волостные суды;—существенная мысль состоитъ въ томъ, что надъ этими крестьянскими судами необходимо дѣлать тщательныя наблюденія, конечно не въ смыслѣ надзора, а въ смыслѣ изученія дѣйствій этихъ учрежденій. „Принимая во вниманіе, что въ продолженіи крѣпостнаго права, для крестьянства, жившаго почти внѣ законовъ, не только не создали ни положительнаго законодательства, ни обычнаго права, но едва ли не утратилась и память о тѣхъ обычаяхъ, которыми крестьянство когда-то руководствовалось, что теперь, когда крестьянамъ предоставленъ собственный судъ, они стали довѣрчиво обращаться къ этому суду, но судьи не знаютъ, чѣмъ имъ руководствоваться въ сужденіяхъ: законовъ положительныхъ нѣтъ; обычаи забыты,—г. Сабанѣевъ совѣтуетъ поставить въ обязанность волостнымъ писарямъ, записывать всѣ рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ бы ни были маловажны эти рѣшенія, прописывая доказательства, приводимыя тяжущимися и соображенія судей, или мѣстныя обычаи, которыми они руководствовались“ [1]). Такимъ образомъ, г. Сабанѣевъ полагаетъ полезнымъ, извлечь прочныя основанія для преобразуемой судебной части изъ тѣхъ явленій, какія выкажетъ сама народная жизнь, соприкасаясь съ новыми условіями, въ которыя она поставлена уничтоже-

[1]) „Время“ № 3 (Современныя Замѣтки) стр. 39.

ніемъ крѣпостнаго состоянія. Журналистика признала мнѣніе г. Сабанѣева основательнымъ: „Русскій Инвалидъ“ [1]) „Время“ [2]) и почти всѣ періодическія изданія напечатали оное на своихъ страницахъ. Газета „День“ отозвалась по этому случаю, что „наши народные юридическіе обычаи должны быть записаны наукой, собраны въ систему и возведены на степень научнаго факта. Тогда и законодательство, проникаясь невольно этими живущими въ общемъ сознаніи народными началами не будетъ чуждо народной жизни“ [3]). „Что же касается до суда присяжныхъ“, продолжаетъ газета, „то мы опасаемся, чтобъ это единственное учрежденіе, сколько нибудь восполняющее несовершенство человѣческаго правосудія, учрежденіе, въ добавокъ, древняго славянскаго происхожденія, чтобъ это прекрасное явленіе не было у насъ искажено неумолимымъ искуственнымъ насажденіемъ“ [4]). Къ этому же времени надобно отнести, получившее авторитетъ въ общественномъ мнѣніи и въ журналистикѣ предположеніе о примѣненіи нашихъ мировыхъ учрежденій къ преобразуемой судебной части. „Что касается до мировыхъ учрежденій“, замѣчаетъ „Современное Слово“, то учрежденіе это очевидно временное и должно получить преобразованіе, какъ скоро выйдетъ новый уставъ о судопроизводствѣ и Высочайше учрежденный комитетъ объ устройствѣ сельскихъ сословій окончитъ свои работы“. Съ этой точки зрѣнія, высказалась о мировыхъ учрежденіяхъ и „Современная Лѣтопись“ въ чрезвычайно основательной статьѣ, о преобразованіи у насъ судебной части. Выразивъ убѣжденіе, что первымъ, важнѣйшимъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ должна быть „организація судовъ первой степени, соотвѣтствующая наличнымъ средствамъ и мѣстнымъ потребностямъ“, „Лѣтопись“ указываетъ на тѣ существующіе уже элементы, изъ которыхъ можетъ быть

[1]) „Русскій Инвалидъ“ № 23.
[2]) „Время“ № 3.
[3]) „День“ № 10, стр. 2.
[4]) Тамъ же.

создана такая организація. „Мы видимъ“, говоритъ она, „что у насъ въ настоящую минуту уже начинается и довольно хорошо принимается во многихъ мѣстахъ съѣздовое учрежденіе своего рода, нелишенное судебнаго характера: именно мировые съѣзды посредниковъ. Это прямо приводитъ къ мысли о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ всего удобнѣе было бы устроить на будущее время въ видѣ прочнаго, а не временнаго только учрежденія и съѣздовые суды первой степени. Можно предполагать съ достовѣрностью, что по развязкѣ крестьянскаго дѣла, мировыя учрежденія у насъ не исчезнутъ и что нынѣшніе мировые посредники будутъ замѣнены, въ болѣе обширномъ кругѣ дѣятельности, мировыми судьями, съ назначеніемъ ихъ преимущественно изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, разумѣется избираемыхъ не сословіями и не земствомъ, (что не совмѣстно съ характеромъ судьи), а правительствомъ“ [1]) Здѣсь-же должно упомянуть, и о томъ всеобщемъ сочувствіи, съ которымъ отнеслась наша періодическая литература о мѣрахъ правительства по преобразованію нашей карательной системы [2]). Тѣмъ не менѣе, журналистика наша неоднократно выражала въ 1862 году нетерпѣливое ожиданіе скорѣйшаго осуществленія судебной реформы, о которой много и говорилось и писалось. „Толки и и предположенія о введеніи у насъ гласности и устности въ уголовно-судебномъ процессѣ“, по отзыву „Современной Лѣтописи“, „сдѣлались столь обыкновенны, что они были не рѣдкость даже и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. „Скоро-ли“ продолжаетъ газета, „эти предположенія осуществятся и въ какой степени, намъ неизвѣстно, а между тѣмъ, мы остаемся пока при прежнемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ“ [3]). Любо-

[1]) „Современная Лѣтопись“ № 24 стр. 9. № 25 стр. и № 28 стр. 13.

[2]) См. „Свѣточь“ № 6 (русская хроника) стр. 23 „Сѣверная Пчела“ № 110. „Отечественныя Записки“ № 5 (Современная хроника) стр. 32; „Библіотека для Чтенія“ № 6 стр. 209; „Современная Лѣтопись“ № 14 стр. 11.

[3]) „Современная Лѣтопись № 32.

пытно замѣтить, что это было напечатано въ августѣ, т. е. за мѣсяцъ съ небольшимъ до обнародованія основныхъ положеній преобразованія судебной части. Таковое-же нетерпѣніе слышится и въ отзывахъ „Сѣверной Пчелы“, перепечатавшей между прочимъ изъ іюньской книжки, „Журнала Министерства Юстиціи“ (болѣе или менѣе оффиціальнаго органа) статью, заканчивающуюся словами: „Чтобъ ограничить злоупотребленія нашей судебной власти, внушить народу довѣріе къ судебнымъ мѣстамъ—должно ввести публичность и устность. Онѣ составляютъ нашу насущную потребность. Злоупотребленія судей, безконечно продолжающіеся процессы, несправедливые приговоры на основаніи мертвыхъ протоколовъ, недовѣріе народа къ суду,—вотъ печальные факты, требующіе немедленныхъ и радикальныхъ измѣненій [2]). Таково было настроеніе общества и литературы, когда по словамъ газеты „День“ „1862 года, октября 1 дня, Россія, къ великой для себя неожиданности, увидала себя возведенною однимъ разомъ, безъ всякихъ замедляющихъ дѣло проволочекъ, на степень цивилизованнѣйшихъ государствъ. Телеграфическія нити, продолжаетъ газета, „всюду, куда только простираются онѣ, разнесли по Россіи извѣстіе, что ей назначены самыя новѣйшія, либеральныя судебныя учрежденія, что старой судебной кривдѣ, полтораста лѣтъ въѣдавшейся, въ народную жизнь, сказанъ конецъ [3])“. Во всеобщемъ, неподдѣльномъ энтузіазмѣ, которымъ періодическая литература наша, отражая настроеніе всего общества, привѣтствовала обнародованіе основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи, особенно рельефно выразились двѣ черты,—теплая благодарность къ Царю, даровавшему намъ новую милость и обращеніе къ самому обществу, съ цѣлію возбудить въ немъ благородное рвеніе, доказать на дѣлѣ готовность служить къ успѣшному развитію и примѣненію

---

[1]) „Сѣверная Пчела“ № 180.

[2]) „День“ № 43.

на практикѣ новой великой реформы. „Предоставляемъ всѣмъ кому угодно доказывать“, восклицаетъ Сѣверная Пчела, „что съ мановеніемъ тысячелѣтія Россіи и съ открытія памятника этому событію въ Новѣ-городѣ началась новая эра для нашего отечества; для насъ новая эра Россіи, новая эпоха жизни наступила съ первой минуты воцаренія того, кто первый призналъ права милліоновъ на личную свободу, кто цѣлые милліоны семействъ освободилъ отъ ига крѣпостнаго рабства и кто первый провозгласилъ и приложилъ къ дѣлу, доселѣ лишь мечтательную у насъ мысль, осуществленіе которой было въ прежніе годы для насъ почти безнадежно, мысль, что никто не можетъ быть наказанъ за преступленія и проступки, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу. Раздумавши объ этомъ, говоритъ далѣе „Сѣверная Пчела“, мы видимъ, что чуда тутъ нѣтъ никакого, а весь секретъ лишь въ томъ, что первоверховный судія Россіи, провозглашеніемъ свободы личности каждаго человѣка, потрясъ въ самомъ основаніи корни рабства и далъ намъ возможность и силу честно углубиться въ самихъ себя и уразумѣть всю несостоятельность нашего прошлаго. Для блага будущности всего нашего отечества и для того, чтобы вполнѣ упрочить это чувство свободы,—Онъ призналъ за благо, увѣнчать начатое имъ великое дѣло, дарованіемъ намъ устнаго и гласнаго, стало быть, честнаго и неподкупнаго суда. Проникнутые до глубины души благоговѣніемъ къ такому важному подвигу царственной любви къ народу и отечеству, — мы съ радостію предаемъ забвенію наше вѣковое безсудіе и неправосудіе,—и вотъ чѣмъ праздну̀емъ мы торжество нашего тысячелѣтія [1])“. Такое же настроеніе господствуетъ и въ статьяхъ газеты „Сынъ Отечества“, по поводу судебной реформы, и въ этомъ отношеніи особенно выдается статья: „Дай Богъ много лѣтъ царствовать и здравствовать нашему Государю

[1]) „Сѣверная Пчела“ № 270.

Императору“ [1]). Выразивъ убѣжденіе, что „правительство, такъ откровенно и прямо заявившее себя за прогрессъ и современность и такъ блистательно доказавшее свое стремленіе идти по пути ихъ, очень хорошо знаетъ нужды и потребности настоящей эпохи и дастъ народу все, что необходимо для его благосостоянія“, перечисливъ рядъ многознаменательныхъ преобразованій отличающихъ настоящее царствованіе, „Сынъ Отечества“, обращаясь къ судебной реформѣ, говоритъ: „Надъ Россіей новый день, новая эпоха, которая навсегда впишется въ исторію, которая навсегда прославитъ и безъ того безсмертное имя Александра II, столь щедраго на милости къ своему народу. Это тоже освобожденіе, только не однихъ крестьянъ, а всей Россіи. И между тѣмъ опять и это великое, громадное дѣло свершилось мирно и тихо, безъ шуму, безъ всякой ломки“. „Едва ли мы ошибемся“, отозвался журналъ „Отечественныя Записки“, если скажемъ, что обнародованныя основанія гражданскаго судопроизводства будутъ встрѣчены въ обществѣ съ полною признательностью правительству и съ искреннимъ желаніемъ скорѣйшаго осуществленія предначертаній его [2])“. И дѣйствительно, во всѣхъ журналахъ и газетахъ заявлена была эта непритворная признательность. Въ статьяхъ другаго рода по тому же предмету, какъ н. п. въ статьѣ „Сына Отечества“, подъ заглавіемъ: „За трудъ!“ видимъ мы стремленіе журналистики, направить общество къ разумному и плодотворному содѣйствію мѣрамъ правительства, дарующаго намъ рядъ великихъ реформъ. „Отнынѣ“, замѣчаетъ упомянутая статья, „нѣтъ болѣе мѣста праздности и бездѣйствію, потому что нѣтъ имъ оправданія. Правительство сдѣлало свое дѣло, оно открываетъ намъ широкій путь гражданской дѣятельности, но оно не можетъ само создать дѣятелей. Это дѣло общества, и на немъ будетъ лежать отвѣтственность хорошаго или дур-

[1]) „Сынъ Отечества“ № 236.

[2]) „Отечественныя Записки“ № 10 (Современная хроника, стр. 58).

наго примѣненія къ практикѣ новыхъ началъ. Намъ приходится все создавать, намъ приходится выработать изъ среды своей, хорошихъ мировыхъ судей, присяжныхъ, повѣренныхъ и проч. Въ сторону инерція и пассивное сопротивленіе, довольно читать книжки утопистовъ, довольно предаваться ультра-либеральной гимнастикѣ и тратить молодыя силы на безполезную и часто опасную для себя дѣятельность сопротивленія. Наши рьяные либералы до сихъ поръ были жалки, а иногда и смѣшны, теперь же они, продолжая свою агитацію, будутъ вдвойнѣ преступны; намъ нужно трудиться надъ созиданіемъ новаго элемента гражданской жизни,—магистратуры, и все общество должно приложить свои силы на это дѣло[1])". „Современная Лѣтопись", указывая съ своей стороны, на органическую связь дѣла судебной реформы съ другими элементами гражданскаго бытія утверждаетъ, что эпоха въ которую мы живемъ и наше общество стоятъ уже на той степени развитія, которая необходима для усвоенія и практическаго осуществленія этого великаго дѣла. „Земскія учрежденія", говоритъ „Лѣтопись", „устройство полиціи, податная система, народное обученіе и въ особенности способы къ юридическому образованію, вотъ главнѣйшіе изъ вопросовъ, которые должны входить въ непремѣнное соображеніе при судебной реформѣ, и которыхъ рѣшеніе должно съ нею быть согласовано". „Здравые политическіе взгляды", продолжаетъ газета, „которые отличаютъ наше время отъ поры увлеченій общими началами и отвлеченными теоріями, значительно облегчаютъ законодательную задачу предлежащую нынѣ Россіи. Графъ Сперанскій могъ полагать, что законодательство есть кабинетное дѣло, и, что законы сочиняются точно также, какъ сочиняются книги. Теперь никто уже не раздѣляетъ этого взгляда и никто не станетъ цѣнить законъ лишь по общимъ началамъ въ немъ проведеннымъ. Теперь всѣ понимаютъ, что до-

[1]) „Сынъ Отечества" № 239.

стоинство закона заключается не въ теоретическихъ его началахъ, а въ соотвѣтствіи потребностямъ и средствамъ дѣйствительной жизни“ [1]). Согласно такимъ убѣжденіямъ, „Современная Лѣтопись“ анализируетъ въ отношеніи къ дѣлу судебной реформы нашу эпоху и наше общество и приходитъ къ утѣшительнымъ результатамъ. „Всякому внимательному наблюдателю“, утверждаетъ газета, „должно быть очевидно, что именно настоящая минута, въ сравненіи съ ближайшимъ прошедшимъ, отличается неожиданно-быстрымъ распространеніемъ вѣрныхъ политическихъ понятій. Уже одно сличеніе русскихъ періодическихъ изданій за послѣднія семь лѣтъ можетъ представить блистательныя доказательства того, какъ расширился въ это короткое время кругъ понятій, и какъ увеличилось число людей, способныхъ не только вѣрно постановить, но и здраво обсуждать такіе вопросы, которые семь лѣтъ тому назадъ были для нашей печати совершенной новостью и вовсе не существовали для общественнаго мнѣнія. Если-бы та правительственная мѣра, которую мы радостно привѣтствуемъ на порогѣ второго тысячелѣтія русскаго государства, — если-бы обнародованіе удостоившихся на дняхъ Высочайшаго разсмотрѣнія основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи могло послѣдовать семь лѣтъ тому назадъ, то не всякій-ли согласится, что русская публика не была-бъ въ состояніи усмотрѣть всю важность этого дѣла и оцѣнить его по достоинству? А теперь, едва-ли есть такой уголокъ въ Россіи, гдѣ не было-бы людей, соединяющихъ болѣе или менѣе точныя понятія съ словами: публичность суда, независимость судьи, сокращеніе числа инстанцій, отмѣна формальныхъ доказательствъ виновности, судъ присяжныхъ. Не опасаясь впасть въ тонъ обязательнаго самовосхваленія, мы можемъ сказать, что развитіе русскаго общества, взятое въ цѣломъ, шло въ послѣднее время по правильному пути и сопровождалось такими успѣхами, которыхъ даже предугадать

[1]) „Современная Лѣтопись“ № 42.

было невозможно. Этимъ Россія обязана тому, что правительство, руководимое мыслью о благѣ подданныхъ и несмущаемое опасеніями робкой слабости, все болѣе и болѣе обезпечивало общественную свободу и гласность“ [1]). Такъ относилась наша періодическая литература къ судебной реформѣ. Всѣ журналы и газеты единодушно привѣтствовали великое дѣло, не исключая и газеты „День“ [2]), которая, впрочемъ, по свойственному ей стремленію къ исключительно національной точкѣ зрѣнія, утверждала, что „проектъ новаго судебнаго преобразованія не имѣетъ связи съ преданіями древней до-Петровской Руси, ни съ современнымъ народнымъ созерцаніемъ“ [3]). Такое воззрѣніе „Дня“ встрѣчено было рѣзкими порицаніями и опроверженіями другихъ изданій, изъ коихъ особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи по своимъ статьямъ газеты: „Наше Время“, „Сынъ Отечества“ [4]), статья г. Утина въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ заглавіемъ „Судебная реформа“ [5]) и „Современная Лѣтопись“, которая въ разработкѣ вопроса о мировыхъ учрежденіяхъ, видитъ вѣрный залогъ того, что и все дѣло преобразованія судебной части у насъ „получитъ разрѣшеніе соотвѣтственное условіямъ нашей страны и свободное отъ подражательности развитіе“ [6]).

IV. Вопросъ о выкупѣ.

Такое-же, важное значеніе, какъ преобразованіе судебной части представляетъ для новыхъ взаимныхъ отношеній землевладѣльцевъ и крестьянъ *вопросъ о выкупѣ*. Періодическая литература слѣдила съ участіемъ за судь-

1) „Современная Лѣтопись“ № 40 стр. 14 и 15.
2) „День“ № 43 стр. 2.
3) Тамъ-же.
4) „Сынъ Отечества“ №№ 267 и 268.
5) „Отечественныя Записки“ № 11 стр. 3.
6) „Современная Лѣтопись“ № 42 стр. 16.

бой этого вопроса; но какъ полное развитіе его въ оффиціальной средѣ въ первую половину 1862 года не высказалось окончательно, то и журналистика ограничивалась въ большей части статей только сознаніемъ важности предмета и выраженіемъ своего сочувствія мѣрамъ Правительства въ этомъ дѣлѣ. Почти во всѣхъ газетахъ находимъ извлеченіе изъ обзора дѣйствій главнаго выкупнаго учрежденія до 1-го февраля и балансъ государственнаго банка по выкупной операціи. О необходимости обязательнаго выкупа, „какъ единственнаго средства развязки обязательныхъ отношеній“, было очень много самыхъ оживленныхъ общественныхъ толковъ; въ особенности-же обратили на себя общее вниманіе пренія по этому предмету на одномъ изъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ Тверской губерніи [1]). „Отдѣлъ о выкупѣ“, замѣтила „Современная Лѣтопись“, „начертанный въ положеніи о крестьянахъ, столь тщательно и подробно обработанный, свидѣтельствуетъ о твердо-признанномъ убѣжденіи, что въ осуществленіи этой мѣры лежитъ главный узелъ развязки всего вопроса освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Для всякаго здравомыслящаго ума это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Съ того дня, какъ произнесено слово: уничтоженіе крѣпостной зависимости, всякое временно-обязательное отношеніе между крестьянами и помѣщиками стало невозможнымъ иначе, какъ въ видѣ самаго кратковременнаго переходнаго состоянія“ [2]). „Только тогда“, говоритъ далѣе та-же газета, „когда путемъ мирнаго соглашенія и благоразумными мѣрами власти совершится ликвидація вотчинныхъ правъ, отдѣленіе помѣщичьяго владѣнія отъ крестьянскаго и освобожденіе крестьянской земли отъ обязательныхъ повинностей,— можно будетъ считать оконченнымъ великое дѣло освобожденія“ [3]). Въ томъ-же самомъ духѣ выразилась га-

---

[1]) „Библіотека для чтенія“ № 2 (Внутреннее Обозрѣніе) стр. 91.
[2]) „Современная Лѣтопись“ № 5.
[3]) „Современная Лѣтопись“ № 14 стр. 11.

зета „Современное Слово“ [1]). „Намъ остается только выкупъ“, утверждалъ г. Скарятинъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „всякій легко понимаетъ, что если барщина и оброкъ могли еще плестись кое-какъ при старомъ порядкѣ, то они физически невозможны при освобожденіи крестьянъ и уничтоженіи власти надъ ними помѣщиковъ. Многіе отчаиваются въ успѣхѣ выкупа. Мы не раздѣляемъ такого отчаянія и думаемъ, что выкупъ можетъ совершиться“ [2]). На вопросъ: „кто долженъ произвести выкупъ?“ г. Скарятинъ отвѣчаетъ, что „при очевидной невозможности для государства принять на себя не раззорившись въ конецъ, всѣ издержки этой операціи, остается одинъ возможный путь, возложить эти издержки преимущественно на два прикосновенныя къ дѣлу сословія. Государство-же должно стать посредникомъ между ними и помогать имъ насколько это для него возможно“ [3]). На статью г. Скарятина журналъ „Основа“ замѣтилъ, что при всей благонамѣренности своей, статья не указываетъ ясно на средства для выкупа [4]). Вліяніе, котораго должно ожидать отъ выкупа на будущія взаимныя отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ, газета „Московскія Вѣдомости“ предвидитъ въ томъ, что „когда крестьяне и владѣльцы будутъ предоставлены собственной дѣятельности, при полной независимости другъ отъ друга, имѣя главною точкою опоры личныя качества, тогда каждый изъ нихъ, отбросивъ рутину и нерадѣніе, примется за трудъ съ большимъ рвеніемъ и можетъ достигнуть въ короткое время лучшихъ результатовъ, чѣмъ въ десятки лѣтъ прежняго порядка. По этому, выкупъ еще лучше оброка порѣшилъ-бы разомъ всѣ отношенія обоихъ сословій; вмѣсто того, чтобъ разъединять ихъ въ непріятныхъ столкновеніяхъ, онъ соединилъ-бы ихъ для независимой и по-

---

[1]) „Современное Слово“ № 4.
[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 86.
[3]) Тамъ-же.
[4]) „Основа“ № 5 (Современная южно-русская лѣтопись).

лезной дѣятельности“ [1]). Таковъ былъ вообще характеръ взгляда періодической литературы на вопросъ о выкупѣ, съ которымъ по отзывамъ многихъ изданій, тѣсно связана у насъ судьба и другихъ важныхъ отправленій государственнаго организма. „Можно сказать“, выразилась „Сѣверная Пчела“, „что выкупъ крестьянскихъ земель представляется теперь самымъ жизненнымъ для Россіи вопросомъ наискорѣйшее, и безобидное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе котораго можетъ имѣть сильное вліяніе на будущее благосостояніе государства и на выходъ изъ нынѣшнихъ финансовыхъ и промышленныхъ затрудненій“ [2]). Наконецъ 27 іюня 1862 года послѣдовало желаемое и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое всѣми постановленіе о распространеніи на временно-обязанныхъ крестьянъ, состоящихъ на издѣльной половинности, содѣйствія правительства къ пріобрѣтенію ими въ собственность поземельнаго ихъ надѣла. Журналистика съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтила эту важную мѣру. „Сѣверная Пчела“ была вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, заявивъ, что эта мѣра „составляетъ многознаменательное явленіе обѣщающее, въ скоромъ будущемъ, благопріятный исходъ реформъ, указанныхъ въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. „Мы знаемъ“, говоритъ далѣе газета, „что во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, крестьяне упорно отказываются отъ всякихъ соглашеній съ помѣщиками при составленіи уставныхъ грамотъ, отзываясь, что они ни на что не согласны, а желаютъ только „царскаго выкупа“. Такъ крестьяне назвали прекращеніе обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа поземельнаго надѣла при пособіи отъ правительства. „Этотъ желаемый обѣими заинтересованными въ дѣлѣ сторонами царскій выкупъ“, продолжаетъ „Сѣверная Пчела“, „теперь сдѣлался возможнымъ во всѣхъ имѣніяхъ, какъ оброчныхъ, такъ и барщинныхъ и онъ развяжетъ, а не разрубитъ гордіевъ узелъ,

[1]) „Московскія Вѣдомости“ № 6.
[2]) „Сѣверная Пчела“ № 16.

тягостный для всѣхъ“ [1]). Далѣе, та-же газета, подобно многимъ другимъ утверждала, что „правительство въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, или лучше сказать всей Россіи отъ крѣпостнаго права, можетъ и должно быть по своему назначенію ни чѣмъ инымъ, какъ только, съ одной стороны,—правдивымъ законодателемъ, отмѣняющимъ отжившіе свое время и во всякомъ случаѣ несоотвѣтствующіе ни истинному человѣколюбію, ни правдѣ законы, а съ другой стороны,—правдивымъ-же посредникомъ между двумя сословіями,—посредникомъ, который авторитетомъ своимъ гарантируетъ исполненіе взаимныхъ обязательствъ этихъ двухъ сословій“ [2]).

V. Вопросъ о земскихъ банкахъ.

Въ ожиданіи окончательнаго разрѣшенія вопроса о выкупѣ, общество и періодическая литература наша слѣдили съ большимъ участіемъ за судьбой *поземельнаго кредита* нашего, нечуждаго какъ извѣстно нѣкотораго колебанія, вслѣдствіе прекращенія два года тому назадъ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій по поземельному кредиту. Еще до уничтоженія крѣпостного права возникла мысль о необходимости устройства *земскаго банка*, для залога недвижимыхъ имуществъ, а въ началѣ текущаго года та-же необходимость была главной цѣлью чрезвычайныхъ собраній петербургскаго дворянства [3]). Соображенію этихъ собраній представлены были два проекта устройства земскихъ банковъ. Журналистика-же обратила особенное вниманіе на одинъ изъ нихъ, именно, на проэктъ центральнаго банка и признала его неудовлетворительнымъ. „Одно изъ главныхъ обстоятельствъ повредившихъ успѣху этого проэкта“,

[1]) „Сѣверная Пчела“ № 187.
[2]) „Сѣверная Пчела“ № 321.
[3]) „Петербургскія Вѣдомости“ № 27.

по отзыву „Петербургскихъ Вѣдомостей“ [1]) „было то, что проэктъ предполагалъ выплачивать ссуды заемщикамъ безпроцентными облигаціями, съ обязательнымъ обращеніемъ ихъ въ имперіи наравнѣ съ бумажными деньгами. Но такого рода видоизмѣненіе кредита неудобопримѣнимо и опасно для всей денежной системы Россіи“ [2]). Такое-же мнѣніе о проэктѣ центральнаго банка высказано было и въ „Современной Лѣтописи“, въ статьѣ законченной убѣжденіемъ, что „банкъ, имѣющій право принимать къ залогу имѣнія изъ всѣхъ мѣстностей Россіи, но не пользующійся при томъ ни какими привиллегіями и не отнимающій у другихъ банковъ права на существованіе, — вотъ все что можно желать“ [3]). Послѣ этого понятно живое сочувствіе, которымъ привѣтствовала журналистика наша распубликованіе „трудовъ коммисіи Высочайше учрежденной 19 іюля 1859 года для устройства земскихъ банковъ“. Уже до опубликованія „трудовъ“, газета „С.-Петербургскія Вѣдомости“ предваряла читателей объ окончаніи и сущности работъ коммисіи [4]). „Всѣ обстоятельства“, отозвалась „Современная Лѣтопись“, „которыхъ мы были свидѣтелями въ эти годы, а также и истины, выработанныя экономическою наукой, подтверждаютъ правильность взгляда коммисіи. Остается желать, чтобы онъ утвердился какъ въ правительственныхъ нашихъ сферахъ, такъ и въ публикѣ. Оффиціальное и публичное обсужденіе и нѣсколько частныхъ проэктовъ и попытокъ раскрыли правительству всѣ связанные съ вопросомъ о земскихъ банкахъ интересы, желанія разныхъ заинтересованныхъ сторонъ, самыя причины тѣхъ или другихъ желаній, всѣ существующія затрудненія къ устройству банковъ, разные способы устранять эти затрудненія и наконецъ разныя направленія, по которымъ можетъ идти правительственная дѣятельность по этому предмету. Остается

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же.
[3]) „Современная Лѣтопись“ № 6.
[4]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 60.

рѣшиться на ту, или другую систему, произнести послѣднее слово. Въ этомъ словѣ крайне нуждается нынѣшнее положеніе дѣлъ, ибо отсутствіе кредита для землевладѣльцевъ есть другой, одновременный съ упраздненіемъ крѣпостного права, кризисъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ" [1]).

VI. Вопросы финансовые и экономическіе.

Обозрѣвая сужденія журналистики въ 1862 году о нашихъ *вопросахъ финансовыхъ и экономическихъ*, нельзя не обратить вниманія прежде всего на всеобщій восторгъ и полное сочувствіе, которыми привѣтствовали почти всѣ періодическія изданія обнародованіе *Государственной Росписи доходовъ и расходовъ*.

1) Государственная Роспись.

Уже въ „Сѣверной Почтѣ", въ извѣстіи о предстоящихъ преобразованіяхъ было упомянуто объ этомъ важномъ предположеніи правительства. Вслѣдствіе этого, „Сѣверная Пчела" выразилась, что съ нѣкотораго времени носились слухи все болѣе дѣлавшіеся достовѣрными о томъ, что русская Государственная Роспись доходовъ и расходовъ будетъ публикована для всенароднаго свѣденія, что во всѣхъ слояхъ нашего общества съ нетерпѣніемъ ожидали осуществленія этого великаго земскаго дѣла. Всѣ друзья отечества, всѣ истинные поборники прогресса", продолжаетъ газета, „радостно привѣтствуютъ этотъ важный шагъ впередъ" [2]). „4 января 1862 года" говоритъ „Современная Лѣтопись", будетъ днемъ памятнымъ въ государственной исторіи Россіи. Въ этотъ день послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обнародованіи Росписи государственныхъ до-

[1]) „Современная Лѣтопись" № 14 стр. 23.
[2]) „Сѣверная Пчела" № 19.

ходовъ и расходовъ. Нравственное довѣріе къ правительству несомнѣнно возрастаетъ, а нравственное довѣріе много значитъ,—и еще болѣе выиграетъ Россія отъ измѣненія, которое произойдетъ во взглядѣ русскаго общества на то, что у насъ называется казной. Пусть же наша публика ознакомится съ государственными финансами своей страны, пусть она узнаетъ, что государственные финансы,—дѣло очень близко ея касающееся. Все, что вызываетъ участіе къ общему дѣлу, все, что заставляетъ подумать о немъ, вникнуть въ него, все это именно въ настоящую минуту неимовѣрно полезно въ Россіи" [1]). Высочайшій указъ о Росписи, „Сѣверная Пчела" назвала лучшимъ подаркомъ Россіи въ годину ея тысячелѣтія". „Такіе подарки", по выраженію этой газеты, „дѣлаютъ только совершеннолѣтнимъ и тѣмъ, на кого вполнѣ полагаются. Эта мѣра заслуживаетъ величайшей признательности и можетъ только усилить довѣріе народа къ правительству" [2]). Говоря о ближайшей практической пользѣ отъ обнародованія Росписи, газета „Московскія Вѣдомости" замѣтила, что „еще послѣдній манифестъ о возвышеніи у насъ налоговъ, показалъ, что наше финансовое положеніе не блестяще. Но слѣдовало-ли изъ этого, чтобы оно было опасно? Не будь публикована Роспись, мы, можетъ быть подумали-бы это и, вѣроятно такъ подумали-бы всѣ. Теперь въ этой самой Росписи, мы, видимъ, что положеніе финансовъ дѣйствительно не блестяще, но и не опасно; вотъ первый плодъ ея публикаціи. „Роспись же намъ покажетъ всю важность тѣхъ преобразованій, къ которымъ приступило въ послѣднее время правительство во всѣхъ сферахъ нашей политической общественной жизни" [3]). Но „можно-ли", спрашивала „Сѣверная Пчела", разбирать Роспись въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и высказывать о ней откровенно свои мнѣнія?" и на

---

[1]) „Современная Лѣтопись" № 4.
[2]) „Сѣверная Пчела" № 43.
[3]) „Московскія Вѣдомости" № 34.

такой вопросъ та же газета поспѣшила отвѣтить, что „опубликовать Роспись, значитъ уже, между прочимъ, предоставить возможность обсуждать, разбирать ее. Не тьмы, а свѣта ищетъ наше правительство, приступая къ этой мѣрѣ", продолжаетъ статья, „и цѣль его непремѣнно будетъ такимъ образомъ достигнута, потому-что и цѣль хороша, и средство вполнѣ достойно цѣли" [1]). Дѣйствительно, вскорѣ появились полныя сочувствія, болѣе подробныя статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" [2]) и въ „Современной Лѣтописи". Послѣдняя пришла къ тому результату, что „несмотря на трудность времени, на продолжающіяся послѣдствія недавней тяжкой войны, на происходящее нынѣ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, на повсемѣстное броженіе національныхъ вопросовъ, Россія можетъ идти быстрыми шагами къ своему внутреннему благоустройству и благосостоянію" [3]). „Сѣверная Пчела", разсмотрѣла въ томъ-же духѣ и болѣе подобно государственную Роспись [4]). Самое же подробное и въ тоже время обратившее на себя вниманіе публики и журналистики изслѣдованіе появилось въ „Современникѣ", разсматривавшее предметъ съ той исходной точки зрѣнія, что „Роспись есть перечень пожертвованій, требуемыхъ съ населенія страны для поддержанія въ ней государственнаго организма" [5]). Быть можетъ новость предмета могла быть причиной нѣкоторыхъ ошибочныхъ заключеній въ статьѣ. Это вызвало въ „Сѣверной Почтѣ": „замѣтку по поводу неправильныхъ толкованій на нѣкоторыя данныя государственной Росписи". Авторъ замѣтки выразилъ сожалѣніе, что „въ литературѣ, по поводу государственной Росписи, наряду съ справедливыми и полезными замѣчаніями сдѣланы были выводы, хотя и любопытные, но далеко не справедливые" и затѣмъ, онъ указалъ на ошибки въ

---

[1]) „Сѣверная Пчела" № 23.
[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" № 25.
[3]) „Современная Лѣтопись" № 5
[4]) „Сѣверная Пчела" № 71.
[5]) „Современникъ" № 2.

статьѣ „Современника; а это и подало поводъ „Отечественнымъ Запискамъ“ сказать, что во всякомъ случаѣ, замѣтка „Сѣверной Почты“ очень любопытна, и уже по этому одному нельзя сомнѣваться въ пользѣ статей, вызвавшихъ автора замѣтки на откровенность [1]). Говоря о періодическихъ изданіяхъ, отозвавшихся съ большимъ сочувствіемъ касательно обнародованія Росписи должно упомянуть еще „Русское Слово“ [2]), „Библіотеку для Чтенія“ [3]), „Свѣточъ“ [4]) и „Время“ [5]).

Замѣчаніе, сдѣланное „Современной Лѣтописью“, о пользѣ принесенной обнародованіемъ Росписи дѣлу знакомства нашей публики съ государственными финансами своей страны“ [6]), справедливо тѣмъ болѣе, что до появленія Росписи слышалось въ обществѣ и въ журналистикѣ много толковъ о затруднительномъ финансовомъ положеніи нашемъ. Такія статьи, какъ напримѣръ въ „Сѣверной Пчелѣ“: „Куда дѣвались наши деньги?“ [7]). „О недостаткѣ денегъ въ Россіи [8]), въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“: статья о томъ „какъ выйти Россіи изъ настоящаго кризиса“ [9]), все это доказываетъ, что общее вниманіе было возбуждено въ этомъ отношеніи. Уже прежде журналистика встрѣтила съ сочувствіемъ передачу министерствомъ финансовъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и кредитныхъ билетовъ въ непосредственное вѣдѣніе государственнаго банка. Въ „Современной Лѣтописи“ явилась спеціально посвященная этому предмету статья доказывавшая, что „самою важною и необходимою финансовою мѣрою было-бы упроченіе нашей монетной единицы, колеблющейся подъ

---

[1]) „Отечественныя Записки“ № 5. (Современная Хроника) стр. 30.
[2]) „Русское Слово“ № 1. (Современная Хроника) стр. 21.
[3]) „Библіотека для Чтенія“ № 1 (Внутреннее обозрѣніе) стр. 75.
[4]) „Свѣточъ“ № 1 (Русская хроника) стр. 16.
[5]) „Время“ № 2.
[6]) „Современная Лѣтопись“ № 4.
[7]) „Сѣверная Пчела“ № 23.
[8]) Тамъ же № 12.
[9]) „Биржевыя Вѣдомости“ № 75.

вліяніемъ насильственнаго курса бумажныхъ денегъ“ [1]). Газета же „День“ представила очень оригинальное соображеніе. „Вообще“, говорила она „принято, у насъ жаловаться на недостатокъ денегъ: деньги есть, но не тамъ гдѣ привыкли ихъ видѣть,—въ высшихъ слояхъ общества, тамъ ихъ дѣйствительно менѣе прежняго, но онѣ перешли къ крестьянамъ. Не справедливо“ продолжаетъ „День“, „нѣкоторые приписываютъ денежныя затрудненія, чрезмѣрному выпуску бумажекъ во время послѣдней войны; Россія могла бы перенести новый ихъ выпускъ, благодаря тому довѣрію къ правительству, которое существуетъ въ массахъ“ [2]). „Попиженіе пробы“, замѣтила газета „Наше Время“, „было мѣрой, вполнѣ своевременной. Правда, оно нѣсколько усилило колебаніе цѣнъ, но въ то же время выпускъ монеты значительно поддержалъ кредитъ нашего бумажнаго рубля. Не нужно забывать при этомъ, что наши рынки, во чтобы то ни стало, требовали звонкой монеты, а монета пониженной пробы была единственною, которая могла на нихъ удержаться“ [3]).

2) Заемъ.

Въ такое-то время, появилась сперва въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ во всѣхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ нашихъ какъ напримѣръ: въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ [4]), въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ [5]) и проч. извѣстіе о 5-ти процентномъ займѣ 15-ти милліоновъ фунт. ст., заключенномъ нашимъ правительствомъ у торговаго дома Ротшильдовъ, съ цѣлью размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Понятенъ благопріятный отзывъ, которымъ общество и журналистика привѣтствовали эту мѣру. „И такъ, на

---

1) „Современная Лѣтопись“ № 6.
2) „День“ № 74.
3) „Наше Время“ № 11.
4) „С. Петербургскія Вѣдомости“ № 88.
5) „Московскія Вѣдомости“ № 86.

внутренній рынокъ будетъ брошено сто милліоновъ", замѣтила газета „Наше Время" и тутъ же присовокупила, что „наши финансы вовсе не находятся въ такомъ плачевномъ состояніи, какъ мы привыкли объ этомъ не столько думать, сколько кричать, смѣшивая недостатокъ оборотныхъ капиталовъ съ отсутствіемъ народныхъ средствъ вообще" [1]). „Современная Лѣтопись" выразила по поводу займа мнѣніе, что „теперь мы были очевидно награждены за честность, съ которою всегда выплачивали свои заграничные долги. Ни правительство, ни купцы Россіи не воспользовались восточною войной для отсрочки платежей, не уклонились отъ точнаго исполненія обязательствъ. Въ этомъ отношеніи Россія показала себя съ выгодной стороны и Англичане ставятъ ее теперь въ примѣръ Америкѣ, дѣйствующей гораздо менѣе добросовѣстно. Лишь этимъ продолжительнымъ опытомъ добросовѣстнаго исполненія обязательствъ объясняется благорасположеніе европейскихъ капиталистовъ къ Россіи" [2]).

3) Налоги.

Нельзя не обратить вниманія на постоянное сочувствіе, съ которымъ отзывалась наша журналистика о разнообразной дѣятельности министерства финансовъ. „Вопросъ объ улучшеніи системы налоговъ въ Россіи", замѣтили „Отечественныя Записки", „разработывается особою коммиссіею, которая безъ сомнѣнія приметъ въ соображеніе замѣчанія новѣйшихъ мыслителей по этой части. Бюджетъ исправленный и улучшенный по самымъ новѣйшимъ теоріямъ отчетности, безъ правильнаго распредѣленія налоговъ между плательщиками и безъ правильнаго взиманія ихъ все-таки не достигнетъ желанной цѣли" [3]). „Сѣверная Пчела", сообщая читателямъ

---

[1]) „Наше Время" № 81.

[2]) „Современная Лѣтопись" № 17, стр. 14.

[3]) „Отечественныя Записки" № 2 (Современная хроника) стр. 54.

свои мысли объ уравнительной раскладкѣ податей", „замѣтила, что въ послѣднее время въ нашей современной литературѣ появлялись неоднократно статьи, въ которыхъ обсуживаются политико-экономическіе и финансовые вопросы, и что министерство финансовъ съ благородной откровенностью само вызвало къ печатному сообщенію мнѣній по такимъ предметамъ" [1]). Согласно этому, помѣщена была въ „Современникѣ" статья подъ заглавіемъ: „Уравненіе поземельнаго налога и распредѣленіе нашихъ подушныхъ и оброчныхъ сборовъ по землѣ" [2]). Относительно же налога на трудъ журналистика отозвалась на „записку о ревизіи члена Высочайше-учрежденной коммиссіи для улучшенія системы податей и пошлинъ г. Гана" и на „Докладъ соединенныхъ коммиссій по дѣламъ о городскихъ доходахъ и расходахъ и о пользахъ и нуждахъ общественныхъ" [3]). „Настали лучшіе дни", говорила газета „Сѣверная Пчела", и этимъ-то лучшимъ днямъ нашей гражданской жизни принадлежитъ сдѣланный казною шагъ, на который давно вызывали ее разныя обстоятельства. Упраздненіе Александровской Мануфактуры, сбытъ съ рукъ казенной лосинной фабрики, продажа суконной фабрики, въ Московской губерніи, отчужденіе мелкими участками земель Западной Сибири, назначеніе долгосрочныхъ арендъ, принадлежащихъ вѣдомству государственныхъ имуществъ и проч., — все это факты уже совершившіеся" [4]). Наконецъ, кому неизвѣстны предпринятыя въ послѣднее время преобразованія въ системѣ винныхъ откуповъ въ Россіи, кто не знаетъ съ какимъ единодушнымъ привѣтствіемъ журналистика встрѣтила резолюцію, которою Государь Императоръ рѣшительно отвергнулъ, „проектъ главныхъ основаній агенства по питейному сбору и товарищества для сооруженія желѣзныхъ дорогъ", и изъявилъ непремѣнную свою волю,

[1]) „Сѣверная Пчела" № 1.
[2]) „Современникъ" № 2.
[3]) „Инвалидъ" № 20.
[4]) „Сѣверная Пчела" № 2.

„чтобы новая акцизная система была введена въ дѣйствіе съ 1 января 1863 года. Періодическая литература поспѣшила вывести наружу всѣ неудовлетворительныя стороны проекта откупщиковъ"; особенно же обратила на себя по этому предмету вниманіе статья въ газетѣ „Сѣверная Пчела" [1]). Кромѣ того, въ 1862 г. журналистика наша слѣдила съ живымъ участіемъ за развитіемъ у насъ путей сообщенія, въ особенности желѣзныхъ, видя въ нихъ важнѣйшее условіе для процвѣтанія всѣхъ отраслей промышленности и финансовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна въ „Русскомъ Вѣстникѣ" статья подъ заглавіемъ: „Время не терпитъ" [2]) и статья „Сѣверной Пчелы" о Литовской желѣзной дорогѣ. Послѣдняя статья развиваетъ общую почти всѣмъ нашимъ періодическимъ изданіямъ мысль о необходимости соединенія желѣзными путями сѣвера Россіи съ югомъ. „Мы неоднократно повторяемъ", заключаетъ „Сѣверная Пчела", „что намъ нужны желѣзныя дороги. Онѣ — лучшій союзникъ всѣхъ совершаемыхъ и предполагаемыхъ реформъ въ нашемъ отечествѣ. А потому учредители Литовской желѣзной дороги заслуживаютъ полнаго уваженія за фактическую инициативу въ вопросѣ соединенія сѣвера съ югомъ, въ вопросѣ, отъ разрѣшенія котораго Россія въ правѣ ожидать благотворныхъ послѣдствій" [3]). Обозрѣвая отзывы нашей журналистики относительно различныхъ отраслей промышленности, должно упомянуть отличающуюся по своей благонамѣренности, помѣщенную въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" статью г. Балабина: „О проектѣ общества для развитія промышленности, основанной на обработкѣ сырыхъ естественныхъ произведеній въ Россіи" [4]). Интересна также статья о средствахъ противъ упадка нашей акціонерной дѣятельности, напечатанная въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" подъ заглавіемъ: „О задачахъ предстоящей

[1]) „Сѣверная Пчела" № 152.
[2]) „Русскій Вѣстникъ" № 6.
[3]) „Сѣверная Пчела" № 279.
[4]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" № 70 и 71.

реформы акціонернаго законодательства“ [1]). Статья г. Трубникова: „Биржи и ихъ современная организація“ появившаяся въ газетѣ „Сынъ Отечества“ [2]), и „Взглядъ на сельское хозяйство южной Россіи“ въ журналѣ „Русское Слово“ [3]) были замѣчены читающей публикой.

VII. Преобразованія по военному вѣдомству.

Преобразованія по военному вѣдомству были встрѣчаемы періодической литературой нашей съ такимъ-же сочувствіемъ, какъ и большая часть мѣръ правительства относительно другихъ частей государственнаго организма. „Военное министерство“, говорила еще въ началѣ 1862 года газета „Русскій Инвалидъ“, „съ особенною дѣятельностью занято улучшеніемъ благоустройства нашей арміи и устраненіемъ отъ нея всего, что не соотвѣтствуетъ правиламъ раціональной администраціи и современнымъ требованіямъ военной науки“ [4]). Вскорѣ послѣ того, та-же газета, въ составленной на основаніи годовыхъ отчетовъ департаментовъ военнаго министерства, статьѣ подъ заглавіемъ: „Статистическія свѣденія о нашей арміи“, разсуждая о бремени содержанія большихъ армій вообще, отозвалась съ похвалой о системѣ, которая даетъ возможность значительно уменьшать штаты арміи по мирному положенію, образовавъ сильные для войскъ резервы въ средѣ населенія, черезъ что правительство можетъ располагать сильною арміею безъ особаго обремененія страны. „Эта система“, заключаетъ съ сочувствіемъ статья, „получила большое развитіе у насъ въ Россіи: образовавъ сильный резервъ, правительство получило возможность, значительно сократить армію по штатамъ мирнаго времени и уже успѣло зна-

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“ № 28.
[2]) „Сынъ Отечества №№ 69, 70 и 71.
[3]) „Русское Слово“ № 5.
[4]) „Русскій Инвалидъ“ № 19.

чительно уменьшить численность ея“ [1]). Изъ мартовской книжки „Военнаго Сборника“ журналистика съ удовольствіемъ получила краткія свѣденія о многочисленныхъ реформахъ по военной части, которыя обсуждались въ нашемъ военномъ министерствѣ и которыя предположено приводить въ исполненіе постепенно. Эти свѣденія сопровождались замѣчаніемъ, что „для того, чтобы преобразованія эти могли быть вполнѣ успѣшны, чтобы они дѣйствительно пополняли и исправляли то, въ чемъ нуждается наша армія,—слишкомъ недостаточно одной только правительственной дѣятельности; необходимо нужно, чтобы все военное сословіе дружно, единодушно содѣйствовало преобразованіямъ „Содѣйствіе это“, сказано далѣе, „безъ всякаго сомнѣнія, не будетъ отвергнуто нашимъ военнымъ министерствомъ, напротивъ подобнаго содѣйствія желаютъ и ищутъ всѣ наши правительственныя учрежденія при предпринимаемыхъ реформахъ“ [2]). Послѣдующая дѣятельность журналистики доказала, что вызовъ къ содѣйствію не остался въ обществѣ безъ сочувствія. „Отечественныя Записки“ [3]), „Сѣверная Пчела“ [4]), „Московскія Вѣдомости“ [5]) и многія другія періодическія изданія поспѣшили познакомить читателей съ содержаніемъ статьи „Военнаго Сборника“ и съ этого времени можно замѣтить въ журналистикѣ значительное количество статей по предмету желаемыхъ улучшеній въ военной части. Можно упомянуть слѣдующія статьи: въ „Инвалидѣ“ [6])—„Нѣсколько словъ о порядкѣ производства рекрутскихъ наборовъ“; въ „Сѣверной Пчелѣ“ [7])—„Замѣтка о русской арміи“. Въ „Военномъ Сборникѣ“ статья: „Русскій коммиссаріатъ въ дѣлѣ пріема вещей“, встрѣчая съ сочувствіемъ „по-

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ № 22.
[2]) „Военный Сборникъ“ № 3.
[3]) „Отечественныя Записки“ № 3 (Современная хроника) стр. 31.
[4]) „Сѣверная Пчела“ № 63.
[5]) „Московскія Вѣдомости“ № 70.
[6]) „Русскій Инвалидъ“ № 58.
[7]) „Сѣверная Пчела“ № 48.

лезныя начинанія нашего военнаго министерства", доказываетъ, что „съ самаго учрежденія у насъ Коммиссаріата, измѣненія еще не коснулись самаго сердца его,— правилъ для оцѣнки предметовъ заготовленія. По этому, для того, чтобы принимать товаръ толкомъ", по мнѣнію автора, „коммиссаріату должно преклониться передъ наукою и, усвоивъ себѣ ея законы для правильной оцѣнки вещей, догнать въ этомъ отношеніи западноевропейскихъ своихъ сослуживцевъ" [1]). Въ особенности-же сильное впечатлѣніе произвела напечатанная въ „Военномъ Сборникѣ" статья г. Лаврентьева, подъ заглавіемъ: „Мѣстная или территоріальная система военнаго управленія" [2]). Статья эта написана съ цѣлью убѣдить читателей въ несовершенствахъ нашей нынѣшней системы военнаго управленія и въ той пользѣ, какой должно ожидать отъ предполагаемаго введенія новой территоріальной системы. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало учрежденіе военныхъ округовъ Царства Польскаго, Кіевскаго и Виленскаго въ чемъ „Современная Лѣтопись", подобно всѣмъ другимъ изданіямъ, увидѣла первый шагъ къ измѣненію системы управленія военно-сухопутными силами имперіи" [3]). „Сѣверная Пчела" съ сочувствіемъ отозвалась о вышедшемъ въ Берлинѣ этюдѣ сочиненія Шедо-Ферроти, имѣющемъ предметомъ наше военное сословіе. Въ этомъ этюдѣ говорится между прочимъ о томъ, что „правительство уже не раздѣляетъ нынѣ убѣжденія тѣхъ личностей, которыя воображаютъ, будто-бы всѣ отрасли государственнаго управленія могутъ существовать только тогда, когда будутъ построены на началахъ военныхъ" [4]). Въ высшей степени замѣчательно и отрадно то направленіе, съ которымъ общество и литература обратились къ объявленному въ 1862 году рекрутскому набору. Вмѣсто скорби и неудовольствія, сопровождавшихъ подобныя мѣры въ прежнее время,

[1]) „Военный Сборникъ" № 4.
[2]) Тамъ-же № 7.
[3]) „Современная Лѣтопись" № 25.
[4]) „Сѣверная Пчела" № 247.

новый рекрутскій наборъ вызвалъ въ журналистикѣ выраженіе патріотизма и уваженія къ тѣмъ улучшеніямъ, которыми отличалась эта мѣра въ этотъ разъ, сравнительно съ прошедшимъ. „Съ минуты воцаренія нашего возлюбленнаго Государя и до сего дня", замѣтила „Сѣверная Пчела", „наборовъ семь лѣтъ не было, и всѣ дѣйствія высшаго правительства, всѣ самые гуманные его замыслы кружились около одного предмета, около тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые составляютъ силу, душу самой Россіи. Легко вымолвить, что цѣлыя семь лѣтъ въ Россіи наборовъ не было! „Могли-ли мы", заключаетъ газета, „несочувственно читать манифестъ о наборѣ, когда манифестъ этотъ обставлялъ всѣ условія сдачи рекрутъ въ такія гуманныя формы, что мы готовы были забыть всю грусть, наводимую на насъ старинными порядками. Съ надеждою предаемся ожиданіямъ лучшаго будущаго, къ которому такія прекрасныя приготовленія дѣлаются у насъ, со стороны министерствъ военнаго, просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Правый судъ, правая защита государства, вѣрная полиція, школы,—вотъ основы народнаго благоденствія" [1]). Въ заключеніе должно упомянуть о сочувствіи періодической литературы нашей къ обнародованію бюджета военнаго министерства.

VIII. О городскомъ общественномъ управленіи.

Къ числу замѣчательныхъ правительственныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ 1862 году и бывшихъ предметомъ оживленныхъ разсужденій журналистики, должно отнести соображенія относительно улучшенія *городскаго общественнаго управленія*. Вопросу о городскомъ управленіи посвящены были многія статьи исполненныя сочувствія. Въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ статьѣ: „Город-

[1]) „Сѣверная Пчела" № 270

скія думы по положенію 1846 г." съ удовольствіемъ замѣчено, что „теперь разрѣшено печатаніе Сборника постановленій по С.-Петербургскому общественному управленію, съ тѣмъ, чтобы „подвергнуть его, какъ дѣло новое и не повсемѣстно еще введенное, публичному обсужденію. Такое дѣло, какъ городовое положеніе, касающееся жизни и участи городовъ, не можетъ быть писано однимъ кабинетнымъ перомъ и рѣшено кабинетнымъ образомъ" [1]). „Безъ сомнѣнія", продолжаетъ статья, „положеніе 1846 г. введеніемъ въ думу дворянскаго элемента, установленіемъ правильнаго бюджета городскимъ доходамъ и расходамъ, изъятіемъ Думы изъ подчиненности губернскому правленію, принесло огромную пользу и во многихъ отношеніяхъ было шагомъ впередъ, о которомъ нельзя безъ благодарности вспомнить" [2]). Вотъ почему журналистика поспѣшила объявить читателямъ, что „новые законы для городскаго управленія уже обѣщаны. Газеты „Наше Время" [3]), „Московскія Вѣдомости" [4]), „Сѣверная Пчела" [5]) привѣтствовали циркуляръ г. Министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 апрѣля за № 61, приглашавшій начальниковъ губерній учредить, особыя коммисіи и предложить имъ дать отвѣты на программу министерства для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ. „Отечественныя Записки" выразили предположеніе, что „министерство внутреннихъ дѣлъ само составило программу, въ которой съ собственной точки зрѣнія оцѣнило недостатки общественнаго управленія въ городахъ, и для устраненія ихъ приняло уже главныя начала, польза коихъ „окончательно признана и высшимъ правительствомъ" [6]). Такимъ образомъ въ журналистикѣ выразилось сомнѣніе: не есть-ли упомянутая программа,

[1]) „Отечественныя Записки" № 1 стр. 297.
[2]) Тамъ-же стр. 322.
[3]) „Наше Время" № 96.
[4]) „Московскія Вѣдомости" № 123.
[5]) „Сѣверная Пчела" № 160.
[6]) „Отечественныя Записки" № 5 (Современная хроника) стр. 26.

какъ-бы предрѣшеніе заключающихся въ ней вопросовъ. Но „Современная Лѣтопись“, встрѣтившая съ живымъ сочувствіемъ дѣло улучшенія общественнаго управленія въ городахъ, поспѣшила возразить на это, что „программа не ограничивается тѣмъ, что предлагаетъ вопросы; къ каждому изъ нихъ она присоединяетъ соображенія; но эти соображенія очевидно ничего не предрѣшаютъ и предназначаются лишь къ разъясненію вопросовъ, иначе въ программѣ не было-бы прямо сказано, что ея указанія сообщаются лишь для руководства и не должны стѣснять въ составленіи предположеній“ [1]). На этомъ основаніи „Современная Лѣтопись“, высказавъ свое убѣжденіе, непосредственно за тѣмъ анализировала самую программу и представила свои замѣчанія и возраженія по предмету содержанія оной. Дальнѣйшее развитіе соображеній „Современной Лѣтописи“ о томъ-же предметѣ находится въ отличающейся по благонамѣренному направленію статьѣ Осташковскаго купца Коробанова подъ заглавіемъ: „По вопросу объ улучшеніи общественнаго управленія въ городахъ“. „Осташковъ“, замѣтила „Лѣтопись“, „представляетъ между русскими городами замѣчательное явленіе по своему благоустройству и потому, голосъ изъ Осташкова о городскомъ благоустройствѣ прочтется не безъ интереса тѣми, кто интересуется реформой городскаго управленія“ [2]).

IX. Народное просвѣщеніе.

Народное просвѣщеніе наше и обстоятельства обусловливающія его развитіе были предметомъ особеннаго участія журналистики въ 1862 году. Прискорбныя событія 1861 года и дѣятельность особой коммисіи по пересмотру всего университетскаго устава, вызвали во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ большое коли-

[1]) „Современная Лѣтопись“ № 21 стр. 11.
[2]) Тамъ-же №№ 32 и 33.

чество статей объ университетахъ. Разнообразное содержаніе этихъ статей можетъ быть сведено къ вопросу о томъ, должны-ли университеты быть открыты для всѣхъ и въ какой мѣрѣ? Затѣмъ, много было разсужденій и о внутреннемъ устройствѣ университетовъ. По первому предмету рельефнѣе другихъ высказались г. Костомаровъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ [1]), выразившійся въ пользу университетовъ для всѣхъ равно открытыхъ и возражавшій ему въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ [2]) г. Чичеринъ. „Положеніе нашихъ университетовъ“, писалъ послѣдній, „по очень понятнымъ причинамъ занимаетъ всѣ умы. Съ судьбой русскаго просвѣщенія связана, можно сказать, самая судьба Россіи, для которой просвѣщеніе составляетъ насущную потребность“. Въ отношеніи къ вопросу объ университетахъ г. Чичеринъ замѣтилъ, что „подъ именемъ университетовъ разумѣются высшія школы для молодыхъ людей. Подобныя учрежденія“, продолжаетъ онъ, „естественно вытекаютъ изъ потребностей юношескаго возраста. Во всѣхъ странахъ въ мірѣ они существуютъ на этихъ основаніяхъ“. По этому, г. Чичеринъ выразилъ убѣжденіе, что „нравственная сила университета, возможность плодотворнаго дѣйствія его на молодые умы, заключается въ его удаленіи отъ общественной среды, въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ вслѣдствіи живаго общенія преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющимъ одну цѣль—науку. Чѣмъ болѣе примѣшивается въ него постороннихъ и чуждыхъ стихій, чѣмъ живѣе въ немъ возбуждаются общественные вопросы и общественныя страсти, тѣмъ болѣе онъ уклоняется отъ своей цѣли. Тѣ прискорбныя явленія, которыя были у насъ на глазахъ, слѣдуетъ приписать именно этому наплыву постороннихъ стихій“. „По мы не хотимъ однако сказать“, заключаетъ авторъ, „что университетъ долженъ быть замкнутымъ заведеніемъ.

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 237 (1861 г.).

[2]) „Московскія Вѣдомости“ № 247 (1861 г.).

Университетъ всегда либерально растворялъ свои двери и постороннимъ слушателямъ, которые могли быть въ него допущены. Но они были въ немъ гости, а не хозяева Аудиторія состояла изъ массы студентовъ, исключительно посвящающихъ себя систематическому труду подъ руководствомъ профессора, а не изъ пестрой толпы лицъ разныхъ половъ, возрастовъ и званій, случайно стекающихся около каѳедры. Смѣшайте оба элемента, погрузите студентовъ въ массу публики и они непремѣнно примутъ ея характеръ" [1]). Впослѣдствіи, впрочемъ, и самъ г. Костомаровъ пришелъ „къ существующему положенію о студентахъ и вольныхъ слушателяхъ" [2]). По поводу составленнаго устава,—въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", напечатаны были замѣчанія г. Пирогова [3]), на которыя въ той же газетѣ появились сперва возраженія [4]), а потомъ опроверженія [5]). Въ газетѣ „Московскія Вѣдомости" были публикованы замѣчанія на тотъ же проектъ, сдѣланныя Совѣтомъ московскаго университета [6]). Общее нетерпѣніе видѣть скорѣе новый уставъ утвержденнымъ и введеннымъ въ дѣйствіе вызвало въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" замѣтку о томъ, „что медленность, установленная закономъ для совершенія важныхъ законодательныхъ работъ весьма полезна и вслѣдствіе этого лучше умѣрить нетерпѣніе, не желать осуществленія какихъ нибудь наскоро составленныхъ проектовъ, а спокойно ожидать обдуманнаго и потому прочнаго преобразованія нашихъ университетовъ, какъ и всей системы публичнаго обученія" [7]). Заслуживаетъ вниманія также напечатанная въ газетѣ „Наше Время" статья профессора Дмитріева подъ заглавіемъ: „Университетскій Уставъ". „Разсмо-

---

[1]) „Московскія Вѣдомости" № 247.
[2]) „Русскій Инвалидъ" № 13.
[3]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" № 75.
[4]) Тамъ-же № 87.
[5]) Тамъ же № 95 ст. г. Бунге.
[6]) „Московскія Вѣдомости" № 105.
[7]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" № 10.

трѣвъ проектъ новаго устава", сказано въ заключеніи этой статьи, „мы считаемъ долгомъ сказать, что въ главныхъ основаніяхъ онъ имѣетъ право на нашу благодарность. Онъ былъ и по формѣ и по содержанію выраженіемъ либеральнаго взгляда на общественное воспитаніе. Коммиссія, которая составляла его, была собраніемъ не канцелярскихъ чиновниковъ, но людей, знакомыхъ съ преподаваніемъ не по слуху, а изъ собственнаго опыта. Это лучшій знакъ уваженія правительства къ нравственнымъ силамъ общества. Теперь остается только желать, чтобъ дѣло было завершено такимъ же достойнымъ образомъ. Будемъ надѣяться также, что реформа не замедлится. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы съ введеніемъ устава, для университетовъ началась новая эпоха внѣ колебаній, и чтобы они могли впредь расчитывать на дѣятельную поддержку не только собственнаго начальства; но и всѣхъ отраслей нашей администраціи" [1]). Между тѣмъ, прекращеніе въ С.-Петербургѣ публичныхъ лекцій произвело въ журналистикѣ весьма оживленную полемику, открывшуюся статьею, „Учиться или не учиться?" [2]) и послѣдующими статьями: „Учиться, но какъ" [3]). „Мѣшать или не мѣшать учиться" [4]). По этому предмету особенно обратила вниманіе статья въ журналѣ „Современникъ": подъ заглавіемъ: „Научились-ли" [5]), полагавшая причину безпорядковъ внѣ студентовъ. Незамедлившая возражать на эту статью газета „Наше Время" и большинство періодическихъ изданій, были вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, заявивъ, что причина безпорядковъ была дѣйствительно внѣ студентовъ, но въ людяхъ льстившихъ молодому поколѣнію и сбивавшихъ его съ толку. „Здоровыя силы юношей", продолжаетъ „Наше Время", восторжествуютъ надъ химерами разгулявшагося воображенія; молодые

[1]) „Наше Время" №№ 129, 133 и 138.
[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" № 92.
[3]) Тамъ-же № 104.
[4]) Тамъ-же № 113.
[5]) „Современникъ" № 4.

люди поймутъ величіе той эпохи, которую, счастливцы, застали они юношами и для которой нужны дѣятели не изнуренные еще безплодной борьбой; они поймутъ, что на скамьѣ университета, въ положеніяхъ науки, въ пріобрѣтеніи знаній таится не только источникъ настоящей пользы для общества, для народа, для всей Россіи, но и вѣрное средство распознать истинный либерализмъ отъ карикатуры на него“ [1]). Въ томъ же духѣ и смыслѣ обращалась къ молодому поколѣнію газета „День“ говоря: „Скажемъ прямо весь этотъ шумъ и гулъ, этотъ безсмысленный крикъ и гамъ намъ противенъ. Мы ни сколько не сочувствуемъ всякимъ уличнымъ демонстраціямъ. Онъ не въ нашихъ русскихъ нравахъ, въ нихъ есть для насъ что-то комедіантское! Бросьте“, продолжаетъ газета, „всѣ ваши безполезные толки, волненія безъ содержанія и безъ цѣли, безъ опредѣленнаго смысла. Сами вы знаете, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ подобныя явленія не могутъ быть терпимы, какъ не нормальныя, безпорядочныя отправленія общественнаго организма... Съ какою цѣлью поступаете вы въ университетъ? Съ единственною цѣлью—учиться!... Посудите сами, какого добра можетъ ожидать Россія отъ недозрѣлыхъ, недоученыхъ сыновей своихъ“ [2]). Въ это время весьма кстати явилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статья г. Любимова: „Просвѣщеніе во Франціи въ эпоху революціи“, изобразившая въ наглядномъ очеркѣ все ужасное зло, приносимое насильственными переворотами дѣлу просвѣщенія. „Когда мы вглядимся ближе“, говоритъ авторъ, „въ то что дѣлалось въ эту страшную эпоху общественнаго переворота, то легко замѣтимъ, что революція какъ политическое движеніе, кромѣ зла ничего не принесла наукѣ. Революція какъ великое общественное бѣдствіе выдвинула впередъ людей науки, которые еще нашлись, благодаря тому запасу умственныхъ силъ, какой прежде имѣла Франція; но выхвалять

---

[1]) „Наше Время“ № 82.
[2]) „День“ № 3.

за это революцію тоже, что восхвалять моръ, который далъ возможность во всей силѣ обнаружиться искуству врачей“ [1]). „Современная Лѣтопись“, заявила, по поводу разсмотрѣнія законодательнымъ путемъ новаго университетскаго устава, что литература должна „заняться съ своей стороны собраніемъ матеріаловъ, которые могутъ послужить къ возможно успѣшному разрѣшенію этого вопроса. Съ этой цѣлью, газета представила „разсмотрѣніе устава лондонскаго университета [2]) и статью „объ университетскихъ экзаменахъ въ Бельгіи“ [3]).

Независимо отъ сужденій объ университетахъ, періодическія изданія разсматривали вопросъ о нашемъ просвѣщеніи вообще и представили нѣсколько статей по предмету „устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“. „Въ такомъ дѣлѣ, какъ народное просвѣщеніе“, отозвалась поэтому случаю „Современная Лѣтопись“, „государство вѣрнѣе достигнетъ успѣшныхъ результатовъ, если менѣе будетъ дѣйствовать само, но будетъ употреблять свои средства болѣе на выдачу пособій и вообще на поддержку частной дѣятельности. Система казенныхъ училищъ должна постепенно уступать мѣсто системѣ казенныхъ субсидій, въ этомъ должна заключаться главная цѣль законодательства по учебной части“ [4]). Та же мысль проводится въ напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статьѣ подъ заглавіемъ: „По поводу нашихъ толковъ: кому принадлежитъ право на народное образованіе“. „Трудно представить себѣ“ говоритъ авторъ, „чтобъ народное образованіе могло процвѣтать въ той странѣ, гдѣ исключительную заботу о немъ беретъ на себя государство, гдѣ въ сферѣ народнаго образованія дѣйствуетъ одна эта сила, подавляя или хотя бы только ослабляя другія силы. Для самыхъ могущественныхъ силъ есть свои невозможности. По-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ № 4.
[2]) „Современная Лѣтопись“ № 3.
[3]) „Современная Лѣтопись“ № 7.
[4]) „Современная Лѣтопись“ № 10.

этимъ самымъ причинамъ народныя школы, устроенныя на принципѣ гувернаментализма, никогда не могутъ достигнуть совершенства и даже, просто, никогда не могутъ быть удовлетворительными: никакимъ контролемъ этого нельзя достигнуть. Тутъ нуженъ живой, возможно-близкій интересъ къ дѣлу, а не офиціальный, чиновный. Наконецъ,—и это важнѣе всего,—какъ-бы хороша ни была система народнаго воспитанія, устроеннаго по регламенту, однообразно, съ математическою правильностію, въ родѣ французской, она всегда окажетъ довольно-печальные результаты: такова уже натура человѣка, что правильному, нормальному его развитію болѣе всего вредитъ однообразіе формализма: оно заглушаетъ въ ребенкѣ тѣ данныя, изъ которыхъ развивается будущая самостоятельная, нравственная личность“ [1]).

Отправленіе въ 1862 г. въ большихъ противу прежнихъ лѣтъ размѣрахъ молодыхъ людей за границу съ ученой цѣлью, встрѣтило живое сочувствіе въ обществѣ и журналистикѣ [2]).

Наконецъ здѣсь умѣстно вспомнить о сочувствіи, которымъ привѣтствовалала наша періодическая литература, отданный 12-го октября приказъ Его Императорскаго Высочества г. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, о необходимости нѣкоторыхъ важныхъ перемѣнъ въ устройствѣ воспитательной и учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а также и спеціально-военнаго образованія въ оныхъ. Будемъ надѣяться“, замѣтила по этому случаю „Современная Лѣтопись“, „что благое начинаніе послужитъ на пользу благому просвѣщенію“ [3]).

---

[1]) „Отечественныя Записки“ № 10.

[2]) „Наше Время“ № 68.

[3]) „Современная Лѣтопись“ № 44, стр. 12.

X. Вопросъ о духовенствѣ.

Обращая вниманіе на условія, въ которыхъ находится наше народное просвѣщеніе, общественное мнѣніе и журналистика отнеслись съ участіемъ къ положенію нашего духовенства и къ вопросу о значеніи, которое можетъ и должно имѣть оно въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Духовенство съ своей стороны высказалось по этому предмету, въ 1862 г. яснѣе чѣмъ когда-либо, въ органахъ духовной періодической литературы. Многія статьи въ журналѣ „Духъ христіанина“ и въ „Православномъ Обозрѣніи“ посвящены были изслѣдованію матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ духовенства и по неоспоримому достоинству своему не мало содѣйствовали къ большему сближенію духовной литературы съ обществомъ и съ свѣтской журналистикой. „Духъ Христіанина“, замѣтила съ сочувствіемъ газета „Сѣверная Пчела“, „считаетъ, что вопросъ о духовенствѣ на очереди и что безпристрастное его рѣшеніе разсѣетъ тѣ недоразумѣнія, которыя ходятъ о немъ въ обществѣ“ [1]). Понятіе объ участіи, которое можетъ быть предоставлено нашему духовенству въ воспитаніи народа опредѣлилось состоявшимся 18 января этого года Высочайшимъ повелѣніемъ, по которому какъ духовному такъ и свѣтскому вѣдомству представлена самостоятельная инціатива въ этомъ дѣлѣ. „Мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили“, отозвалась по этому случаю газета „Русскій Инвалидъ“, „новое Высочайшее повелѣніе. Пусть каждое сословіе совершенно независимо и самостоятельно учреждаетъ школы, согласно своимъ нуждамъ и потребностямъ, руководствуясь общими государственными законами, одинаковыми для всѣхъ. Мы очень хорошо понимали“, присовокупляетъ та же газета, „что духовенство по особенному положенію нашего общества, застигнутаго, такъ сказать, въ расплохъ

[1]) „Сѣверная Пчела“ № 24

касательно народнаго образованія, должно будетъ играть не маловажную роль въ послѣднемъ дѣлѣ; но мы далеки отъ мысли, чтобы весь грузъ подобной заботы выпалъ исключительно на долю этого замкнутаго сословія“ [1]). Въ то же время, всеобщее вниманіе обращено было на публикуемыя время отъ времени свѣденія святѣйшаго синода о числѣ открытыхъ православнымъ духовенствомъ школъ и учащихся въ нихъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ“, замѣтилъ „Современникъ“, какъ министерство государственныхъ имуществъ усилило свою заботливость о распространеніи образованія въ народѣ и духовное начальство обратило на тотъ же предметъ дѣятельное вниманіе. Но, продолжаетъ журналъ, „въ наше время народное образованіе непремѣнно должно быть поставлено въ неразрывной органической связи съ общимъ образованіемъ въ государствѣ, такъ, чтобы сельскія школы, удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ, пролагали вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ дальнѣйшему образованію, тѣмъ изъ учащихся, которые бы пожелали имъ воспользоваться“ [2]). Огромная цыфра открытыхъ школъ, сообщенная святѣйшимъ синодомъ и въ тоже время, совершенная неизвѣстность о средствахъ и положеніи оныхъ, возбудили понятное любопытство въ обществѣ и журналистикѣ. „Современная Лѣтопись“ и „Сынъ Отечества“ выразили желаніе, чтобы епархіи, „столь успѣвшія въ дѣлѣ устройства школъ, сообщали: гдѣ и какъ онѣ отыскали матеріальныя средства для открытія школъ и откуда получаютъ ихъ теперь? Гдѣ пріобрѣли онѣ столько учителей? Какъ съумѣли обойтись съ народомъ, заставивъ его полюбить школы? Какъ и на сколько прочно самое существованіе этихъ школъ и чѣмъ онѣ обезпечены на будущее время?“ [3]). Этимъ же фактомъ вниманіе журналистики обращено было на средства и уровень образованія самаго духовенства. Журналъ „Христіанское Чтеніе“

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ № 44

[2]) „Современникъ“ № 1 (Внутренне обозр.), стр. 110 и 112.

[3]) „Сынъ Отечества“ отъ 21 іюля.

напечаталъ интересный въ этомъ отношеніи очеркъ „Русское Православное духовенство, обвиненія противъ него и его цивилизаторской дѣятельности“. Разсматривая историческое развитіе духовенства нашего, духовный журналъ свидѣтельствуетъ, что оно долго было въ зависимости „отъ благотворительности помѣщиковъ, что голосъ проповѣди, безстрашно каравшій нѣкогда народные пороки смолкъ въ духовенствѣ. Распоряженіе объ указной пропорціи земли для каждой церкви и выдача жалованья сельскимъ духовнымъ (впрочемъ недостаточнаго и скуднаго, по замѣчанію автора), было признакомъ, что само правительство сознавало жалкое положеніе духовенства, которое изъ прежняго передоваго сословія, попало въ отсталые, воспитаніе его упало и трудно представить, что было-бы, если бы графъ Сперанскій, самъ происшедшій изъ духовнаго сословія, не помогъ нѣсколько знаменитымъ проектомъ о содержаніи училищъ на счетъ прибыли отъ продажи церковныхъ свѣчей“ [1]). Написанная въ томъ же духѣ статья „Православнаго Обозрѣнія“, подъ заглавіемъ: „Судьба русскаго народнаго образованія“ предлагаетъ перечень историческихъ условій, которыя дѣйствовали не выгодно на развитіе нашего духовнаго сословія и создали для него препятствія къ раціональному просвѣщенію себя и народа [2]). Статья эта вызвала возраженіе въ газетѣ „Наше Время“, которое заключается словами, заимствованными изъ самаго же „Православнаго Обозрѣнія“, что „дѣло не въ томъ,—изъ какого званія должны быть у насъ сельскіе наставники, а въ томъ, какимъ бы образомъ намъ вообще находить и приготовлять способныхъ наставниковъ для народныхъ школъ и какъ бы получше обезпечить для нихъ успѣхъ въ дѣлѣ преподаванія“ [3]). „Современная Лѣтопись“ въ замѣчательной статьѣ о народныхъ школахъ проводитъ

---

[1]) „Христіанское Чтеніе“ № 2.
[2]) См. „Наше Время“ № 149.
[3]) „Наше Время“ № 172.

между прочимъ ту мысль, что „для того, чтобы народное воспитаніе имѣло церковный характеръ, нѣтъ необходимости предоставлять его исключительно лицамъ духовнаго званія“ [1]). Съ другой стороны „Православное Обозрѣніе“ въ статьѣ „объ условіяхъ успѣха церковной проповѣди въ народѣ“ считаетъ необходимымъ въ этомъ важномъ дѣлѣ „общедоступность, удобопонимаемость, а этого-то именно“, по свидѣтельству журнала, „недостаетъ нашимъ проповѣдникамъ, ибо воспитанные на образцахъ Отцевъ Церкви, они стараются безусловно подражать, упуская изъ виду что ихъ времена не тѣ что наши“ [2]). Свѣтская журналистика усвоила и раздѣлила эти убѣжденія духовныхъ періодическихъ изданій. Журналъ „Основа“ въ статьѣ „Сельскіе Священники“ [3]) приводитъ тѣ же мнѣнія. „Сельское духовенство“, замѣтили „Отечественныя Записки“ „могло бы быть ближайшимъ и наиболѣе дешевымъ учителемъ простонародія; но для этого необходимо, чтобъ оно пользовалось любовью и уваженіемъ народа. А для того, чтобъ достигнуть столь желаннаго состоянія духовенства, необходимо возвратиться къ тому порядку назначенія пастырей, которое утверждено святыми отцами православной Церкви и исторіей русскаго народа. Поэтому, кромѣ пособій, правительство должно помочь народу законами, которые могли бы привести его въ въ любовно христіанское согласіе съ своимъ духовенствомъ“ [4]). Въ томъ же журналѣ въ статьѣ „О нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ“ выражена мысль, что, „не смотря па всѣ средства и доброе желаніе свое, принесть пользу нравственному воспитанію народа, духовенство не всегда достигаетъ вполнѣ своей цѣли и причиною тому: система его собственнаго воспитанія, отсутствіе самостоятельности и неудовлетворительность матеріальнаго обезпеченія“. Поэтому

[1]) „Современная Лѣтопись“ № 48 стр. 15 и 16.

[2]) „Православное Обозрѣніе“ № 1.

[3]) „Основа“ № 4.

[4]) „Отечественныя Записки“ № 5 (Современная хроника) стр. 25.

авторъ думаетъ, что „воспитаніе въ семинаріяхъ въ исключительно-богословскомъ духѣ разобщаетъ духовенство съ остальнымъ обществомъ“. По мнѣнію его, „полезно было бы сблизить между собою гимназіи и семинаріи, присоединить духовныя училища къ общей системѣ народнаго образованія и такимъ образомъ, лица духовнаго и свѣтскаго сословія получили бы вначалѣ одинаковое воспитаніе, что же касается до спеціальныхъ богословскихъ наукъ, то всякій, кто захочетъ поступить въ званіе священника, могъ бы изучать ихъ въ университетѣ“ [1]). Въ числѣ другихъ важныхъ предметовъ, которыхъ въ послѣднее время коснулась духовная литература, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о выборномъ началѣ въ духовенствѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна статья „Православнаго Обозрѣнія“ „о выборѣ благочинныхъ самими причтами“ [2]) и статья въ газетѣ „Сынъ Отечества“: „нѣсколько словъ относительно выборнаго начала въ духовенствѣ въ должности благочинныхъ и членовъ консисторій“ [3]). Обѣ эти статьи написаны съ цѣлью убѣдить въ пользѣ выборнаго начала. Весьма интересно помѣщенное въ „Православномъ Обозрѣніи“ изслѣдованіе „О безбрачіи и монашествѣ по отношенію къ избранію въ санъ епископа“ [4]). Изъ статей указывающихъ особенно на то значеніе, которое могло бы пріобрѣсти наше духовенство въ соціально-филантропическомъ смыслѣ, должно указать на статью „Сына Отечества“—„О домашнемъ леченіи въ народѣ“ [5]) и особенно на статью напечатанную въ „Православномъ Обозрѣніи“, „О приходской благотворительности“ [6]). Нельзя не упомянуть въ заключеніе, о сочувствіи, съ которымъ журналистика отозвалась на распоряженіе тульскаго епархіальнаго началь-

---

[1]) „Отечественныя Записки“ № 7.
[2]) „Православное Обозрѣніе“ № 7.
[3]) „Сынъ Отечества“ №№ 206 и 207.
[4]) „Православное Обозрѣніе“ № 10.
[5]) „Сынъ Отечества“ № 246.
[6]) „Православное Обозрѣніе“ № 6.

ства, чтобы: „молодыхъ семинаристовъ пріучать къ произношенію даже экспромтомъ поученій и проповѣдей съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы будущіе духовные пастыри излагали свои поученія популярнымъ и доступнымъ разумѣнію простолюдина языкомъ" [1]).

Обозрѣвая дѣятельность нашей духовной и свѣтской журналистики по предмету общественнаго образованія въ 1862 г. должно упомянуть объ отзывахъ той и другой по предмету *раскола*. Отзываясь съ привѣтствіемъ о дозволеніи предавать печати для всеобщаго свѣденія разныя раскольничьи сочиненія, „Сѣверная Пчела" замѣчаетъ „что до послѣдняго времени правительственные архивы, въ которыхъ хранятся дѣла о раскольникахъ были совершенно не доступны для изслѣдователей, но теперь и съ нихъ по немногу снимается всегда вредная тайна" [2]). Въ появившейся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" статьѣ подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи преображенскаго кладбища" [3]) изображено въ общедоступномъ очеркѣ все невѣжество, вся нравственная и политическая несостоятельность раскола. Во многихъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ встрѣчаемъ статьи объ этомъ предметѣ, большинство которыхъ проникнуто убѣжденіемъ, высказаннымъ въ журналѣ „Свѣточъ". „Можно желать" говоритъ этотъ журналъ, „чтобы положить конецъ преслѣдованіямъ за свободу совѣсти, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ религіозныя убѣжденія, которыя каждый можетъ имѣть про себя самаго, какъ ему угодно, если только онѣ, эти убѣжденія, подобно напрпмѣръ скопческимъ, не мѣшаютъ другимъ людямъ спокойно жить на свѣтѣ. Но ставить общественный бытъ раскольничьихъ сектъ въ идеалъ русскаго гражданскаго быта, или предполагать его живою силою, которой предстоитъ еще гражданское, политическое будущее,—по нашему мнѣнію не невозможно, а просто

---

[1]) „Сѣверная Пчела" № 10.
[2]) „Сѣверная Пчела" № 5.
[3]) „Русскій Вѣстникъ" № 2.

смѣшно“ [1]). Независимо отъ теоретическихъ изслѣдованій о расколѣ,—по части собственно исторической разработки этого предмета въ 1862 г., должно упомянуть статью газеты „Сынъ Отечества“ подъ заглавіемъ: „Новая литература по расколу“ [2]) статьи изъ „Библіотеки для Чтенія“ — подъ заглавіемъ: „Новыя свѣдѣнія о расколѣ“ [3]) и статью г. Щапова: „Земство и расколъ“ въ журналѣ „Время“ [4]).

XI. О преобразованіи цензуры.

Къ числу мѣръ, встрѣченныхъ съ особеннымъ участіемъ и одобреніемъ нашей журналистикой въ 1862 году, должно отнести мѣры по преобразованію цензуры. „Мы сообщили читателямъ правительственное распоряженіе въ высшей степени важное для нашей журналистики и для нашего общества“, выразилась газета „Московскія Вѣдомости“ [5]) по поводу указа о составленіи коммиссіи для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ печати. „Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ между предстоящими реформами“, отозвалась газета „Наше Время“, безъ сомнѣнія будетъ задуманное преобразованіе Цензурнаго вѣдомства. Постановленія о цензурѣ“, продолжаетъ она, „составляютъ, можетъ быть, самую несовершенную часть нашего законодательства. На нихъ положило свою печать нѣсколько эпохъ, которыя далеко неодинаково смотрѣли на литературу“ [6]). На приглашеніе Коммиссіи по дѣламъ книгопечатанія „ознакомить публику съ вопросами до законодательства о печати относящимися“, журналистика отвѣчала рядомъ статей и разсужденій по этому

[1]) „Свѣточъ“ № 6.
[2]) „Сынъ Отечества“ № XLIV.
[3]) „Библіотека для Чтенія“ №№ 5 и 6.
[4]) „Время“ № 10 и 11.
[5]) „Московскія Вѣдомости“ № 58.
[6]) „Наше Время“ № 73.

предмету. Вопросъ, „на кого падаетъ отвѣтственность за преступленія противъ печати“ былъ обсуждаемъ въ „Современникѣ“ и разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что отвѣтственность въ этомъ случаѣ вся на издателѣ, ибо мысль не выразившаяся гласно не можетъ подлежать суду: „gedanken sind zollfrei“ [1]), замѣчаетъ статья. Въ томъ же изданіи достойна вниманія статья: „французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія“ [2]). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ напечатано интересное изслѣдованіе г. Де-Роберти подъ заглавіемъ: „Англійская журналистика“ [3]). „Замѣтки о судѣ надъ печатью въ Тосканѣ“ г. Скарятина появились въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [4]). „Русское Слово“ предложило нѣсколько очерковъ „изъ исторіи печати Франціи“ г. Рагодина [5]), въ „Сѣверной Пчелѣ“ изслѣдованы „законы о печати въ Англіи“ [6]). Словомъ, сочувствіе журналистики и общества къ преобразованію цензуры выразилось самой оживленной дѣятельностію. Въ газетѣ „День“ [7]) помѣщенъ очеркъ основаній на которыхъ, по мнѣнію автора, долженъ быть учрежденъ судъ надъ печатью. Какъ образецъ недостаточности частной дѣятельности въ столь важномъ дѣлѣ, очеркъ этотъ встрѣтилъ возраженія въ газетѣ „Наше Время“ [8]) и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ статьѣ: „по поводу проекта г. Аксакова“ [9]). Наконецъ, важно, замѣтить, что дѣло преобразованія цензуры встрѣтило полный сочувствія отзывъ и въ органѣ духовной журналистики, въ „Православномъ Обозрѣніи“ въ статьѣ: „Нужно ли преобразованіе духовной цензуры“. „Коммиссія“, говоритъ авторъ,

[1]) „Современникъ“ № 3.
[2]) Тамъ же.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“ №№ 3 и 5.
[4]) „Отечественныя Записки“ № 6.
[5]) „Русское Слово“ №№ 3, 4 и 5.
[6]) „Сѣверная Пчела“ № 175.
[7]) „День“ № 32.
[8]) „Наше Время“ № 113.
[9]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 118.

„конечно будетъ имѣть въ виду: избавить литературу отъ стѣсненій напрасныхъ, задерживающихъ ея развитіе. Нельзя не желать устраненія подобныхъ стѣсненій и для литературы духовной. Одною изъ главныхъ причинъ, слабаго развитія духовной нашей письменности", продолжаетъ статья, „была требовательность духовной цензуры, простиравшаяся даже на самое качество слога" [1]).

XII. Направленіе журналистики по вопросамъ жизни общественной.

Съ конца минувшаго года, въ періодической литературѣ стало замѣтно увеличиваться количество статей, по вопросамъ жизни общественной, возникшимъ отчасти вслѣдствіе новыхъ условій, въ которыя поставлено общество, реформами послѣднихъ лѣтъ. Чисто литературныя цѣли преслѣдовались слабо даже въ романахъ, повѣстяхъ и въ самыхъ легкихъ произведеніяхъ беллетристики. Это можно замѣтить, особенно въ Петербургскихъ изданіяхъ: въ „Современникѣ", „Русскомъ Словѣ", „Библіотекѣ для Чтенія", „Времени" и даже въ юмористическихъ газетахъ и листкахъ. Въ московской же газетѣ „День" явилось нѣсколько теоретическихъ разсужденій, стремившихся опредѣлить тѣ отношенія, въ которыхъ общество должно находиться къ правительству въ благоустроенномъ государствѣ. Но направленіе разныхъ журналовъ и газетъ по вопросамъ общественной жизни, стало опредѣленнѣе обозначаться съ появленія цѣлаго ряда статей г. Чичерина въ газетѣ „Наше Время", затѣмъ по поводу новаго романа г. Тургенева: „Отцы и дѣти" и наконецъ, вслѣдствіе событій послѣдняго времени, приведшихъ къ продолжающимся донынѣ отзывамъ многихъ періодическихъ изданій о такъ называемой „подпольной и заграничной русской прессѣ. Не трудно убѣдиться, даже при самомъ поверхностномъ

[1]) „Православное Обозрѣніе" № 3.

взглядѣ, что характеръ почти всѣхъ статей этого рода, свидѣтельствуетъ о прочности нравственныхъ убѣжденій большинства журналовъ и газетъ и о благопріятномъ для правительства вліяніи журналистики нашей въ 1862 году на общественное мнѣніе. Въ статьѣ *„Мѣра и границы“*, г. Чичеринъ опредѣленно выразилъ, къ какимъ началамъ должно стремиться образованное общество. „Свобода одного лица“, пишетъ онъ, „ограничивается свободою другихъ, свобода всѣхъ ограничивается дѣятельностью власти; безъ этихъ ограниченій общежитіе невозможно. Въ какой мѣрѣ они установляются,—это зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, но во всякомъ случаѣ понятіе о свободѣ въ общественной жизни немыслимо, иначе какъ въ предѣлахъ постановленныхъ закономъ или обычаемъ. Чувство мѣры и границъ—вотъ что потребно образованному обществу“ [1]). Тѣмъ же нравственнымъ направленіямъ проникнута статья г. Чичерина, напечатанная въ „Нашемъ Времени“ подъ заглавіемъ: *„Что такое охранительныя начала“* [2]), способствовавшая не мало къ распространенію въ читающей публикѣ здравыхъ понятій о консерватизмѣ. Но особенно выдалась въ этомъ отношеніи статья того же автора: *„Различные виды либерализма“* [3]), доказывающая что охранительный либерализмъ, какъ элементъ общественной жизни, на столько же достоинъ уваженія, насколько такъ называемый „уличный либерализмъ“ заслуживаетъ презрѣнія и отвращенія. Всѣ эти статьи встрѣтили въ обществѣ много сочувствія. Что же касается до журналистики, то прежде, чѣмъ противуположныя высказаннымъ въ статьяхъ г. Чичерина убѣжденія успѣли получить какой нибудь вѣсъ въ глазахъ общества, — явился романъ г. Тургенева „Отцы и дѣти“ и немедленно сталъ предметомъ самаго оживленнаго вниманія всѣхъ журналовъ и газетъ, а

---

[1]) „Наше Время“ № 1.
[2]) „Наше Время“ №№ 39, 40, 42 и 45.
[3]) „Наше Время“ № 62.

равно и читающей публики. Этотъ романъ есть единственное явленіе въ періодической литературѣ 1862 г., которое равно замѣчательно и по значенію своему для вопросовъ общественной жизни и по высокому художественному достоинству. „Произведеніе Тургенева", замѣтилъ „Русскій Вѣстникъ", „находится въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ. Взятое изъ текущей жизни, оно снова входитъ въ нее и производитъ во всѣ стороны сильное практическое дѣйствіе, какое едва ли когда производило у насъ литературное произведеніе. Впослѣдствіи историкъ нашей литературы будетъ говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ въ связи съ явленіями вызванными имъ въ той средѣ, изъ которой взято его содержаніе" [1]). Романъ г. Тургенева явился какъ нельзя болѣе кстати и имѣлъ неоспоримо весьма полезное дѣйствіе на общество. Онъ явился въ то время, когда теоретическія статьи, написанныя даже такъ популярно, какъ статьи г. Чичерина, могли быть слишкомъ серьезны для того, чтобы сдержать въ границахъ, замѣтно усиленное разными вредными вліяніями, колебаніе основныхъ нравственныхъ началъ въ недоучившейся молодежи и во всѣхъ несамостоятельныхъ умахъ. Въ легко-доступной понятію каждаго, художественной формѣ г. Тургеневъ выставилъ на судъ общества отцевъ, имѣющихъ принципы и дѣтей, стремящихся, если можно такъ выразиться, къ безпринципности, *къ „нигилизму"*. Нигилистомъ, по опредѣленію г. Тургенева, называется тотъ, „который ничего не признаетъ, который ничего не уважаетъ, который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, который не склоняется ни предъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ-бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ" [2]). Вопросъ о нигилизмѣ, быть можетъ помимо намѣреній самого автора, оказался въ романѣ не въ

[1]) „Русскій Вѣстникъ" № 5 стр. 402.
[2]) „Современникъ" № 3 стр. 101.

симпатичномъ колоритѣ для способности всеотрицанія и это произвело, между прочимъ то, что критики „Современника“ [1]) и „Русскаго Слова“ [2]) всегда прежде сходившіеся въ воззрѣніяхъ, выказались въ неловкомъ положеніи и стали противорѣчить другъ другу, что было замѣчено другими журналами [3]). Спустя не болѣе полугода послѣ появленія романа г. Тургенева можно уже замѣтить принесенную имъ для общества пользу. Анализъ нигилизма привелъ общество и литературу къ сознанію, что это качество есть явленіе ненормальное, болѣзненное и какъ противъ всякой болѣзни стали искать средствъ и противъ нигилизма „Лучшее средство уменьшить распространеніе нигилизма“, замѣтила статья въ газетѣ „Наше время“, „не спорить съ нимъ и ни чѣмъ не дѣйствовать противъ него. Убѣдить нашихъ нигилистовъ нельзя никакими доводами, никакимъ краснорѣчіемъ, потому что они хотятъ стоять на своемъ, хотятъ смотрѣть заранѣе на всякое возраженіе, какъ на слѣдствіе тупоумія, неразвитости, недобросовѣстности; а противодѣйствіе и нападки придаютъ имъ въ глазахъ многихъ прелесть людей подвергающихся поношенію и страдающихъ за свои убѣжденія. Перестанемте удивляться нигилизму и пугаться его; дадимте ему на свободѣ развиться до послѣдней нелѣпости, и онъ исчезнетъ какъ призракъ“ [4]). Романъ г. Тургенева принесъ пользу еще и тѣмъ, что лишилъ нигилизмъ того обаянія, которое начиналъ онъ получать подъ перомъ людей съ талантомъ, какъ напримѣръ Добролюбовъ. Журналъ „Свѣточъ“ [5]) по поводу этого романа высказалъ несостоятельность нигилизма и предсказалъ авторитету г. Добролюбова еще менѣе долговѣчности, чѣмъ имѣлъ въ свое время авторитетъ Бѣлинскаго. „Бѣлинскій“, говоритъ „Свѣточъ“, „жилъ въ то время когда, страдая отъ

[1]) Тамъ-же.
[2]) „Русское Слово“ № 3.
[3]) „Современная Лѣтопись“ № 18.
[4]) „Наше Время“ № 206.
[5]) „Свѣточъ“ № 5.

общественныхъ недуговъ, мы, хотя нѣсколько разочарованные въ своихъ надеждахъ на европейскихъ учителей, все еще ждали избавленія со стороны запада, не смотря на голосъ славянофиловъ. Мы тогда думали, что вся неудача наша происходитъ только отъ неумѣнія примѣнить европейскіе образцы къ нашему народному быту. На Бѣлинскомъ должно было отразиться это вліяніе эпохи и потому пробуждая апатію современнаго ему общества, онъ постоянно имѣлъ передъ глазами образцы запада“ [1]). Но „жизнь, по сознанію самого Добролюбова, обманула Бѣлинскаго и обманъ заключался въ томъ, что, стремясь осуществить въ своей жизни, выработанныя западомъ начала, мы увидѣли, что въ насъ не выработано еще своихъ собственныхъ основаній“ [2]). Слѣдовательно, авторитетъ Бѣлинскаго не можетъ уже имѣть въ настоящее время прежней силы и вліянія, ибо наше общество перестало уже вѣрить въ непогрѣшимость запада. Что-же касается собственно до нравственной стороны сочиненій Бѣлинскаго, то въ этомъ отношеніи интересенъ цѣлый рядъ статей въ „Сынѣ Отечества“ подъ заглавіемъ: „Бѣлинскій какъ моралистъ“. Статьи эти доказываютъ, что сочиненія Бѣлинскаго вполнѣ согласны съ началами морали.

Вскорѣ послѣ появленія романа г. Тургенева, журналистика наша и общество представили очевидное доказательство полнаго сочувствія своего принципамъ нравственности. Въ концѣ прошлаго мая и въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца столица наша подверглась страшнымъ пожарамъ, о причинѣ которыхъ ходили самые прискорбные толки. Одновременно съ этимъ бѣдствіемъ стали являться подметные листки возмутительнаго свойства, получившіе извѣстность подъ именемъ злоумышленныхъ прокламацій. Всеобщимъ, единодушнымъ взрывомъ негодованія и скорби встрѣтила періодическая литература наша это ненормальное явленіе жизни общественной.

---

[1]) „Свѣточъ“ № 5. (Нигилизмъ въ нашей критикѣ) стр. 62.

[2]) Тамъ-же стр. 63 и 64.

Впослѣдствіи эти подметные листки потеряли въ глазахъ общества всякій признакъ серіознаго дѣла и стали предметомъ насмѣшекъ, но въ первую минуту, воображеніе массъ, настроенное другими бѣдствіями, облекло ихъ несвойственнымъ имъ значеніемъ. Къ такому разоблаченію этихъ подметныхъ листковъ въ глазахъ общества по преимуществу содѣйствовала наша журналистика своими отзывами о нихъ, полными хладнокровнаго презрѣнія. „Неужели страшныя событія послѣдней недѣли", отозвалась „Сѣверная Пчела", по поводу пожаровъ, „не оставятъ въ общественной жизни нашей столицы никакихъ послѣдствій, кромѣ однихъ жалкихъ воспоминаній о поджигателяхъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то здравый умъ публики, растерявшійся въ первыя минуты испуга, уже начинаетъ видѣть, до какой степени преувеличены прежніе слухи. Подобное возникновеніе и быстрое распространеніе хотя-бы самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, нельзя приписать злонамѣренности, а единственно малой привычкѣ къ общественной дѣятельности и отсутствію всякаго регулятора общественнаго мнѣнія". Непосредственно за симъ, какъ-бы сознавая за журналистикой обязанность руководить къ благу это общественное мнѣніе, „Сѣверная Пчела" обращается къ прокламаціямъ. „Само собой разумѣется", говоритъ она, „что мы не даемъ ни малѣйшаго политическаго значенія прокламаціи къ „Молодой Россіи". Мы смотримъ на нее какъ на порывъ увлеченія горячихъ головъ; мы убѣждены, что за ними никто не пойдетъ, и торжественно заявляемъ, что истинные либералы, желающіе преобразованій гражданскаго строя русской земли, но путемъ законнымъ, съ чувствомъ негодованія смотрятъ на эту прокламацію. Мы считаемъ это явленіе до послѣдней степени ничтожнымъ, и не сказали-бы о немъ ни одного слова, если-бы народная молва не связала воедино причины настоящихъ бѣдствій столицы съ безумными намѣреніями тѣхъ, которые въ своей прокламаціи употребили выраженіе: не оставить камня на камнѣ" [1]).

[1]) Сѣверная Пчела № 151.

Еще прямѣе къ этимъ прокламаціямъ отнеслась газета „Наше Время“. „Прискорбно, а должно сказать“, замѣчаетъ она, „что русскому слову, русскому языку суждено было опозорить себя передачей такого рода мыслей, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ хаоса, дикости, невѣжества, топора, да еще какой-то увѣренности, что все это, взятое вмѣстѣ, доставитъ намъ, русскимъ людямъ большое удовольствіе. „Мы надѣемся на сочувствіе народа“, пишутъ, между прочимъ, неизвѣстные писатели“, продолжаетъ „Наше Время“, ну а если-бы показать ихъ народу? Какъ они думаютъ: нужно-ли было-бы усилить петербургскую полицію, чтобъ умѣрить нѣсколько взрывъ народнаго сочувствія? И имъ и похожимъ на нихъ, и неимѣющимъ съ ними никакого сходства, но съ ними смѣшиваемымъ, все спасеніе въ той самой власти, подъ которую они такъ ребячески подкапываются. Не будь она такъ могуща, такимъ окружена благоговѣніемъ, такъ нужна Россіи,—намъ страшно подумать о тѣхъ опасностяхъ, которымъ могли-бы подвергнуться многія и совершенно невинныя жертвы народныхъ заблужденій.—Мы были-бы счастливы, еслибъ правительство признало возможнымъ печатать подробныя извѣщенія о производимыхъ слѣдствіяхъ и судебные приговоры. Это привело-бы въ отчаяніе враговъ Россіи. Тогда нельзя-бы было записаться въ мученики и пустить по свѣту молву, что пострадалъ за правду“ [1]). Ошибочные взгляды на либерализмъ и превратныя понятія о немъ массъ, въ виду достойныхъ осужденія событій, вызвали въ періодической литературѣ стремленіе, уяснить значеніе истиннаго, полезнаго либеральнаго начала и отстранить отъ него тѣнь обиднаго подозрѣнія. „Русскій либерализмъ никогда не былъ такъ опозоренъ, какъ въ наши дни“, замѣтила „Сѣверная Пчела“; „никакія усилія ретроградовъ не низводили его до того посмѣянія и порицанія, до котораго его довели сумасшедшіе демагоги, которыхъ считаютъ нѣкоторые за представителей

[1]) „Наше Время“ № 117.

современной либеральной партіи. Безнравственное воззваніе къ молодой Россіи, дало возможность злословить друзей прогресса въ кругахъ людей читающихъ и вѣрующихъ во всякое печатное слово. Зачѣмъ-же", продолжаетъ газета, „смѣшивать безумцевъ съ людьми, желающими воспитать общество такимъ образомъ, *чтобы Государь видѣлъ возможность разширить наши права* и дать государственной машинѣ тотъ ходъ, который открываетъ странѣ возможность самодѣятельности и саморазвитія? Зачѣмъ смѣшивать людей, вѣрующихъ въ добрыя желанія своего Царя, съ людьми, которыхъ вся цѣль—безпорядки?" [1]) Спустя нѣкоторое время, газета „Сынъ Отечества" съ тѣмъ-же намѣреніемъ защитить истинный либерализмъ, предложила статью подъ заглавіемъ: „*Нашимъ рьянымъ прогрессистамъ*". Высказавъ убѣжденіе, что правительство наше идетъ впереди общества и что честь всѣхъ прогрессивныхъ начинаній неотъемлемо принадлежитъ ему", газета замѣчаетъ, что „казалось-бы все молодое поколѣніе, всѣ друзья прогресса, должны были-бы употребить величайшія усилія, посвятить весь свой умъ и способности на содѣйствіе поступательному движенію нашего правительства, стремленіямъ котораго могли несочувствовать развѣ только адепты старой школы человѣчества, люди рутины и вредныхъ предразсудковъ. Но къ несчастію, наши рьяные прогрессисты, не вѣдая, что творятъ, стали портить своей неумѣренностью прекрасное дѣло преобразованія; парализируя своими необдуманными дѣйствіями, къ великой радости рутинистовъ, благія правительственныя начинанія, они поддерживаютъ тѣмъ въ безсильной фалангѣ старовѣровъ реакціонныя надежды" [2]). Наконецъ, журналистика наша и время успѣли измѣнить въ обществѣ первоначальный, робкій взглядъ на прокламаціи и уже, отражая мнѣніе большинства, газета „Наше Время" встрѣтила колкими насмѣшками и тономъ презрѣнія

---

[1]) „Наше Время" № 204.

[2]) „Сынъ Отечества" № 235.

вновь показавшуюся прокламацію подъ заглавіемъ: „Къ образованнымъ классамъ“. „Еще прокламація!“ восклицаетъ иронически „Наше Время“,—„но уже это не шагъ впередъ, не прогрессъ, даже и не консерватизмъ, а ретроградное, то-есть, понятное движеніе. Если многіе до сихъ поръ смотрѣли на прокламаціи съ нѣкоторой суровостью, то едва-ли не слѣдуетъ теперь установить на нихъ другую точку зрѣнія. Смѣемъ думать, что тутъ нуженъ не законъ, а новый Грибоѣдовъ или Гоголь“ [1]). Такимъ-же взглядомъ холоднаго презрѣнія взглянула и газета „День“ на все то, что еще такъ недавно удостоивалось серіознаго вниманія и даже внушало многимъ опасенія. „Ступайте въ глубь Россіи“, говоритъ „День“, „прогуляйтесь по столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ, по большимъ и малымъ рѣкамъ, которымъ пѣсня поетъ славу, загляните въ села, слободы и деревни, прислушайтесь къ народнымъ бесѣдамъ и толкамъ—и вамъ станетъ стыдно, вспомнивъ, съ какою важностью относились вы къ нѣкоторымъ явленіямъ общественной жизни, величая ихъ громкимъ именемъ событій, какое значеніе придавали всей этой суетѣ и тревогѣ, всему этому треску. Какъ поблѣднѣютъ пугавшіе васъ призраки, какъ напрасны покажутся страхи, какими жалкими наивными пигмеями окажутся грозные реформаторы! Свѣжій воздухъ народной среды отрезвитъ Ваше возбужденное воображеніе, разсѣетъ оптическіе обманы,—и грозные призраки переворотовъ и потрясеній явятся не болѣе какъ суетливымъ движеніемъ муравьиныхъ кучекъ на поверхности незыблемаго материка. Точно тоже и съ точки зрѣнія народной въ отношеніи ко всѣмъ событіямъ, взволновавшимъ недавно наше общество; вся эта буря послѣдняго времени есть не болѣе какъ буря въ стаканѣ воды— въ виду тишины и мира объемлющаго русскую землю... И пусть“, заключаетъ газета „День“, „миръ и тишина народной силы взойдутъ въ душу тѣхъ, кому предстоитъ произнести судъ надъ прегрѣшеніями про-

[1]) „Наше Время“ № 204.

тивъ народнаго духа [1])... Что же касается собственно до настроенія этого народнаго духа среди бѣдствій и испытаній, то „Сѣверная Пчела“ довольно вѣрно анализировала его замѣтивъ, что, „во всѣхъ проявленіяхъ, въ которыхъ можно было наблюдать народъ въ дѣятельности произведенной пожарами, особенно рѣзко выступали три черты: подозрительность развитая до болѣзненности; недовѣріе къ волнующимъ его слухамъ и воззваніямъ; любовь къ Императору Александру II, съ именемъ котораго у народа неразлучно понятіе о личной свободѣ и льготахъ, и наконецъ полнѣйшая готовность стоять за своего освободителя“ [2]). Такое же убѣжденіе въ томъ, что правительство наше пользуется полной довѣренностью и приверженностью массъ выразила и газета „Наше Время“ говоря, что „наше общество, какія бы подъ часъ ни выражались въ немъ стремленія, всегда съумѣетъ поддержать власть, основавшую свою силу на развитіи Россіи“ [3]). Въ дополненіе къ этимъ взглядамъ, которые развивала наша журналистика, упрочивая тѣмъ, безспорно, взаимныя отношенія между правительствомъ и обществомъ,—можно обратить вниманіе на отзывъ журнала „Отечественныя Записки“, указывающій на тѣхъ людей, которые, по его мнѣнію, суть продуктъ новыхъ условій русской жизни и которыхъ можно считать залогомъ лучшаго будущаго. „Пока мы толковали о движеніи впередъ, о сліяніи съ народомъ“, выразился журналъ, „они скромно работали на пользу крестьянъ, шли въ мировые посредники, въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ волостные старшины, въ повѣренные мужиковъ и успѣвали заслужить ихъ довѣріе. Дастъ Богъ, они добьются таки до того, что русская земля выкажетъ довѣріе и уваженіе къ образованнымъ людямъ. Повѣрьте, такіе люди, выставятъ изъ своей среды дѣятелей болѣе му-

---

[1]) „День“ № 35.
[2]) „Сѣверная Пчела“ № 157.
[3]) „Наше Время“ № 113.

жественныхъ, чѣмъ выставляютъ крикуны“ [1]). Такими и подобными отзывами о прискорбныхъ явленіяхъ общественной жизни періодическая литература наша много содѣйствовала къ успокоенію встревоженныхъ умовъ и раздраженныхъ взглядовъ, къ разъясненію истиннаго характера происшествій и къ уничтоженію того обаянія, которымъ нерѣдко пользуется въ глазахъ недальновидныхъ людей драпирующаяся въ громкія фразы недобросовѣстность. Въ связи съ этимъ, въ 1862 г., журналистика оказала обществу еще другую немаловажную услугу, послѣдствія которой были и будутъ самыя утѣшительныя. Разсуждая о пожарахъ, прокламаціяхъ и прочихъ ненормальныхъ явленіяхъ нашей общественной жизни, періодическая литература естественно должна была обратить вниманіе свое на ту безпокойную дѣятельность нѣкоторыхъ личностей за предѣлами нашего отечества, которая давно уже выражается произведеніями такъ-называемой русской заграничной прессы и различными агитаціями. Существовавшая до 1862 г. невозможность отзываться объ этомъ предметѣ въ Россіи печатно придавала много авторитета заграничнымъ произведеніямъ и дѣятельности этого рода. Но наконецъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 9-го мая 1862 г. имя г. Герцена появляется въ первый разъ послѣ четырнадцати лѣтъ молчанія о немъ въ нашей печати. Эта газета напечатала рѣчь произнесенную имъ въ Вяткѣ 6 декабря 1837 г., по случаю открытія тамъ публичной библіотеки. Въ этой рѣчи выражено, между прочимъ, убѣжденіе, что правительство наше всегда шло впереди народа, указывая и пролагая для него путь къ просвѣщенію и къ прогрессу. Опубликованіе въ настоящее время „Сѣверной Пчелой“ такихъ понятій, высказанныхъ нѣкогда громко г. Герценомъ, имѣло цѣлью доказать наглядньмъ образомъ: до какой степени убѣжденія его могутъ измѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ

[1]) „Отечественныя Записки“ № 5. (Современная Хроника) стр. 9 и 17.

обстоятельствъ и это такъ живо задѣло его самолюбіе, что онъ поспѣшилъ въ своей газетѣ „Колоколъ“ высказать, исполненныя горечи и злобы жалобы свои на поступокъ „Сѣверной Пчелы“. Вскорѣ потомъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ была напечатана „*Замѣтка для издателя Колокола*“ и съ того времени начинается единодушное, полезное и успѣшное стремленіе нашей журналистики разрушить эфемерный авторитетъ нашихъ заграничныхъ агитаторовъ. „Русскій Вѣстникъ“ весьма мѣтко указалъ на ту недобросовѣстность, съ которою издатель „Колокола“ относился постоянно къ многознаменательнымъ преобразованіямъ настоящаго царствованія и къ явленіямъ новой русской жизни“. „Открылась новая эпоха, которая требуетъ новыхъ, тяжкихъ усилій“, гласитъ „Замѣтка“, „началось дѣло исполненное величайшихъ трудностей, явился необозримый рядъ новыхъ потребностей и задачъ. Такое могущественное движеніе въ общественномъ организмѣ не можетъ не сопровождаться броженіемъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ. Въ чемъ же состоитъ задача честнаго писателя, сколько нибудь мыслящаго и дѣйствительно любящаго свою родину? Броженію ли этому способствовать, или созидательному дѣлу? Запутывать ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазіями, и вызывать губительныя реакціи, или разъяснять и упрощать его, и сосредоточивать общественное вниманіе на элементахъ существенныхъ и безспорныхъ? Каждый честный человѣкъ въ такую минуту принимающійся за публичное слово и находящійся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненіемъ, долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность, не совмѣстную съ легкомысліемъ, и избѣгать всего, чего онъ не сознаетъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ. Такъ ли дѣйствовалъ издатель „Колокола“? спрашиваетъ „Русскій Вѣстникъ“, и отвѣчаетъ, что „онъ не дѣйствовалъ, онъ юлилъ и вертѣлся, ломался и жеманничалъ; онъ умѣлъ только смущать, запутывать, вызывать реакціи. Передъ каждымъ прак-

тическимъ вопросомъ онъ раскрывалъ бездну своего пустаго и безсмысленнаго радикализма и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку. Было-ли", продолжаетъ статья, „сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Что путнаго было сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствій г. Огарева и сценическихъ вскрикиваній г. Герцена" [1]). Не смотря на все литературное достоинство и умъ этой „Замѣтки для издателя Колокола", впечатлѣніе произведенное ею теряло значительную долю своей силы потому, что въ тонѣ ея многіе слышали раздражительность и отсутствіе спокойнаго разсужденія. Тѣмъ не менѣе, большинство газетъ перепечатали статью „Русскаго Вѣстника", и сами воспользовались возможностью разсуждать печатно о нашихъ заграничныхъ агитаторахъ. Весьма полезное впечатлѣніе произвелъ рядъ статей газеты „Наше Время" подъ заглавіемъ: „*г. Герценъ и г. Огаревъ*". Отличаясь тономъ болѣе умѣреннымъ, чѣмъ „Замѣтка" „Русскаго Вѣстника", статьи эти не менѣе, если не болѣе способствовали къ подрыву во мнѣніи массъ авторитета г. Герцена. Замѣчательно, что нумера газеты въ которыхъ печатались эти статьи покупались нарасхватъ и по этому факту можно съ достовѣрностью предположить о сочувствіи большинства къ стремленію нашей журналистики противудѣйствовать заграничнымъ агитаторамъ. Вотъ напримѣръ, отзывъ одной изъ статей газеты „Наше Время" о самомъ г. Герценѣ. „Одаренный большимъ литературнымъ талантомъ и неистощимымъ остроуміемъ" говоритъ газета, „онъ вообразилъ себѣ, что ему предлежитъ другое, не просто литературное поприще, что онъ собственно не литераторъ, а политикъ, политическій дѣятель. Этой злополучной мысли мы одолжены всѣмъ тѣмъ политическимъ сумбуромъ, который читали

[1]) „Русскій Вѣстникъ" № 6 стр. 846.

въ его заграничныхъ изданіяхъ. Конечно, онѣ въ глазахъ очень молодыхъ людей, а также людей ничего не знающихъ и ни о чемъ не думавшихъ, имѣютъ прелесть, съ которой трудно бороться. Прелесть эта заключается именно въ недостаткѣ практическаго характера и въ идеальности стремленій" [1]). Однако такое убѣжденіе не помѣшало газетѣ „Наше Время", предложить рѣзкую, но вѣрную характеристику политическаго направленія издателя „Колокола". „г. Герценъ", замѣчаетъ газета, „ничего такъ не желалъ, какъ говорить въ слухъ, а между тѣмъ онъ потихоньку былъ гораздо лучше. О многомъ только закричи, такъ оно потеряетъ свою прелесть. Выложи иногда все, что есть за душой, и прослывешь не богачемъ, а нищимъ. Свобода для г. Герцена не будни, а праздникъ. Это не спокойное пользованіе правомъ, не увѣренность, что оно мое, днемъ, ночью, на глазахъ цѣлаго міра; а разгулъ мастероваго, который дождался воскресенья, да и пируетъ на послѣднія деньги. Г. Герценъ вѣчно находится въ торжественномъ настроеніи, вѣчно торопится какъ будто боится, что праздникъ скоро кончится. Онъ, кажется, пишетъ не за тѣмъ, чтобъ сообщать мысли, а чтобъ доказывать, что пишетъ безъ цензуры. Онъ щеголяетъ не истиной, а силой, не воздержностью, а необузданностью. У него во всемъ замѣтно какое-то инстинктивное желаніе помѣстить на данномъ протяженіи бумаги какъ можно поболѣе свободы слова. Если теперь обратиться наконецъ къ содержанію политическихъ трудовъ г. Герцена, къ тому богатству, которымъ горѣлъ онъ нетерпѣніемъ подѣлиться съ нами, то должно придти въ изумленіе, до какой степени скудно число его сокровищъ. Двѣ три истасканныя мысли, общія мѣста, ропотъ противъ угнетателей, завѣренія въ любви къ народнымъ массамъ, на каждомъ шагу звуки знакомой, старинной пѣсни и болѣе ничего. Еслибъ онъ былъ рыцаремъ, то въ его щитѣ слѣдовало-бы поставить девизомъ: революція и

[1]) „Наше Время" № 166.

сплетни. Вотъ его политическій катехизисъ въ главныхъ чертахъ“ [1]). Достойны вниманія также статьи о г. Герценѣ помѣщавшіяся въ „Сѣверной Пчелѣ“ и статья газеты „Сынъ Отечества“ подъ заглавіемъ: „*Нѣсколько словъ по поводу одного новаго вопроса въ русской публицистикѣ*“. „Если бы г. Герценъ“, замѣчаетъ эта статья, „отуманенный своимъ воображаемымъ величіемъ, былъ въ состояніи слушать чьи нибудь совѣты, мы обратились бы къ нему съ просьбою, не вредить развитію Россіи своими крайними выходками, а вмѣстѣ съ нами служить по мѣрѣ силъ и возможности общему, святому дѣлу добра и порядка. Но г. Герценъ, конечно непослушаетъ нашего смиреннаго голоса, онъ съ олимпійскимъ величіемъ смотритъ на нашу журналистику. Но отказавшись отъ мысли обратить на путь истинный лондонскаго русскаго публициста, мы не отказываемся отъ другой мысли—отъ мысли, предостеречь тѣ личности изъ нашего общества, для которыхъ нужны эти предостереженія, отъ обаянія, которое производитъ на нихъ непроцензурованный листокъ г. Герцена, напомнивъ, что отсутствіе цензурнаго разрѣшенія отнюдь не можетъ служить, мѣриломъ состоятельности не подвергшейси цензурѣ книги“ [2]). Обозрѣвая направленіе нашей журналистики въ 1862 г. по вопросамъ жизни общественной, нельзя пройти молчаніемъ полемику нашихъ періодическихъ изданій съ разными польскими учеными по поводу стремленій нѣкоторыхъ польскихъ агитаторовъ и патріотовъ, утвердить въ массахъ убѣжденіе, будто-бы Литва и нашъ югозападный край, по историческому развитію своему и по природнымъ условіямъ большинства его населенія, составлялъ и долженъ составлять часть нынѣшней Польши. Сюда же должно отнести и множество статей появившихся въ нашей журналистикѣ послѣдняго времени по поводу преступныхъ покушеній, недавно бывшихъ въ Варшавѣ и по

[1]) „Наше Время“ №№ 169, 188 и 189.
[2]) „Сынъ Отечества“ № 197.

случаю происходящихъ въ Польшѣ безпорядковъ. Статьи этого рода, доказывающія вполнѣ благонамѣренное и патріотическое направленіе журналистики нашей въ 1862 году, потому уже относятся къ явленіямъ нашей общественной жизни, что инціатива ихъ принадлежитъ не какимъ либо оффиціальнымъ дѣйствіямъ, но собственно нашему общественному мнѣнію и литературѣ. Литературная полемика по вопросу о Литвѣ и о нашихъ западныхъ губерніяхъ была поднята въ исходѣ 1861 г. газетою „День“ и съ успѣхомъ продолжаема въ 1862 году. Изъ статей по этому предмѣту заслуживаютъ особеннаго вниманія „*Литва*“ статья г. Кояловича [1]). „*Россія и Польша*“ [2]), „*Отвѣтъ поляка русскимъ публицистамъ*“ ст. Грабовскаго [3]) и наконецъ цѣлый рядъ статей г. Кояловича „*О церковныхъ западно-русскихъ братствахъ*“. Взгляды нашихъ публицистовъ на этотъ предметъ, отражаются въ отзывѣ газеты „День“, о томъ, что какъ выражается газета „до 300 польскихъ помѣщиковъ, съѣхавшихся въ Варшавѣ написали проектъ адреса къ русскому правительству, о включеніи въ составъ Польши: Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи“ [4]). „Не неумѣренность требованій насъ поражаетъ“, замѣчаетъ „День“, „къ несчастію мы къ нимъ уже привыкли и онѣ не представляютъ намъ ничего новаго: но насъ глубоко оскорбляетъ и возмущаетъ самое отношеніе польскихъ патріотовъ, къ такому жизненному для русской народности интересу. Польское дворянство обращается къ правительству съ требованіемъ, чтобъ оно, ни много-ни мало, отчислило до десятка милліоновъ русскаго населенія въ подчиненіе чужой народности и въ составъ чужой страны... Оно незапинаясь, объявляетъ, что вѣковая историческая тяжба двухъ народностей, что сложный громадный вопросъ о политическихъ правахъ *русскаго православнаго населенія и ополяченнаго*, ока-

[1]) Газета „День“ № 1.
[2]) Тамъ-же № 6.
[3]) Тамъ-же №№ 15, 16.
[4]) Газета „День“ № 40.

томленнаго туземнаго общества на древле-русскія земли,—этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ ex abrupto, бюрократически, административнымъ порядкомъ". Статьи касательно преступныхъ покушеній и безпорядковъ въ Польшѣ отличаются особеннымъ патріотизмомъ и въ тоже время чужды раздражительности, а потому отличаются безпристрастіемъ „Мы не станемъ посылать проклятій на голову преступника", отозвалась газета „Наше Время", по поводу покушенія на жизнь Великаго Князя Намѣстника, „Дѣло говоритъ само за себя, безъ толкованій и объясненій. Мы пожалѣемъ только о польской націи, что въ ней нашлись люди, рѣшившіеся запятнать польское имя. Мы надѣемся", продолжаетъ статья, „что тѣ изъ поляковъ, которымъ истинно дороги честь и благо ихъ отечества поймутъ нравственный долгъ наложенный на нихъ мрачными событіями. Они остановятъ безумные порывы опьянѣвшаго меньшинства, они голосомъ общаго негодованія сдержатъ руку тупоумныхъ убійцъ и къ длинному списку печальныхъ раздоровъ Польши не прибавятся новыя кровавыя и не честныя страницы. Дѣло польской автономіи было проиграно когда-то ошибками прошлаго времени. Ей предстоитъ теперь возстановить въ глазахъ Европы, свое поруганное достоинство и засвидѣтельствовать о своей способности къ мирному и свободному развитію" [1]). Въ такомъ же духѣ и тонѣ написанъ цѣлый рядъ статей въ газетѣ „Сынъ Отечества" подъ заглавіемъ: „*По поводу Варшавскихъ покушеній*" [2]), „*Умѣстна-ли была-бы милость*" [3]), „*По поводу послѣднихъ извѣстій изъ Варшавы*" [4]), „*Ошиблись въ расчетѣ*" [5]) и проч.

Наконецъ въ недавнее еще время, наша журналистика имѣла возможность, по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи, заявить и дѣйствительно заявила свое

---

[1]) „Наше Время" № 135.
[2]) „Сынъ Отечества" № 191.
[3]) Тамъ же № 201.
[4]) Тамъ же № 203.
[5]) Тамъ же № 266.

благопріятное для правительства направленіе. Какъ образецъ отзывовъ періодическихъ изданій нашихъ, по этому предмету, можно привести отзывъ газеты „Наше Время". „Россія" говоритъ газета, „завершила свое тысячелѣтіе величайшимъ подвигомъ, освобожденіемъ крестьянъ, утвержденіемъ государства на основаніи общей гражданской свободы. Никогда прежде, ни въ древности, ни въ средніе вѣка, общественный порядокъ не держался на этой основѣ. Государственная сила, просвѣщеніе высшихъ классовъ всегда требовали усиленныхъ жертвъ со стороны низшихъ, требовали зависимости, рабства". Не таковъ по отзыву, „Нашего Времени", новый порядокъ, водворенный недавно въ нашемъ отечествѣ. „Какъ будто не даромъ", продолжаетъ статья, „празднованіе тысячелѣтія пришлось въ настоящее знаменательное для Россіи царствованіе. Но, пускаясь въ новый путь, Россія не должна забывать тѣхъ старинныхъ доблестей, которыя помогли ей создать свой настоящій бытъ. Эти доблести—привязанность къ порядку и любовь къ отечеству" [1]). Такимъ же духомъ отличается статья газеты „Сынъ Отечества"—„*Торжество тысячелѣтія Россіи*" [2]). Тысячелѣтняя Россія", выражается та же газета, „вѣритъ въ своего Царя и крѣпкая этой вѣрою спокойно отдаетъ ему свою судьбу, убѣжденная, что новое тысячелѣтіе ея существованія откроетъ для нея рядъ дней благоденствія и спокойствія" [3]).

Чѣмъ внимательнѣе будемъ разсматривать направленіе и духъ нашей журналистики въ 1862 г., тѣмъ болѣе и болѣе должно прійти къ убѣжденію, что въ это время прочнѣе чѣмъ когда-либо утвердилось въ ней сочувствіе къ важнѣйшимъ правительственнымъ мѣрамъ и сознаніе о поступательномъ движеніи впередъ нашего общества, къ указываемымъ ему правительствомъ цѣлямъ. „Александръ II-й", замѣтила въ этомъ отношеніи, совер-

---

[1]) „Наше Время" № 194.
[2]) „Сынъ Отечества" № 218.
[3]) Тамъ же № 261.

шенно согласно общему мнѣнію, „Сѣверная Пчела“,—сдѣлалъ шагъ къ дарованію Россіи возможности дышать свободнѣе—*по праву*. Такіе шаги,—освобожденіе крестьянъ, принадлежащее Государю болѣе чѣмъ всѣмъ прочимъ, трудившимся по этому дѣлу,—скорое введеніе гласнаго судопроизводства,—желаніе разширить свободу печатнаго слова и готовность даровать народу мѣстное самоуправленіе. Отчасти даровавъ, а отчасти готовясь даровать законы, укрѣпляющіе за Россіею свободу религіи, судъ, свободу слова и право человѣка,—Императоръ Александръ II-й сдѣлалъ больше всѣхъ сошедшихъ въ могилы Правителей Руси. Онъ радовалъ насъ дарованіемъ правъ, за которыя мы ему не лицемѣрно благодарны и не понимаемъ никакого прогресса безъ народа, обязаннаго Царю волею и льготами и безъ Царя, любимаго народомъ за вольности и льготы: ихъ взаимная сила другъ въ другѣ, и мы не видимъ затрудненія служить имъ вмѣстѣ. Служа народу, готовящемуся принять новыя права и Царю, желающему даровать странѣ права, способныя вывесть ее изъ долголѣтняго застоя на путь истиннаго прогресса, мы служимъ общему дѣлу, до котораго нельзя дойдти ни безъ народа, ни безъ любимаго имъ Царя“.

Подобные взгляды на правительственную дѣятельность и на явленія жизни общественной *были предметомъ множества журнальныхъ и газетныхъ статей, подробное указаніе на которыя, или извлеченія изъ коихъ сдѣлали бы размѣръ настоящаго „Обозрѣнія“ слишкомъ обширнымъ*. Нельзя, однако, не заключить это обозрѣніе убѣжденіемъ, что если бы въ теченіи минувшаго полугодія даже могло показаться что нибудь неудовлетворительнымъ въ нашей журналистикѣ, то это должно быть отнесено къ тому общему характеру современныхъ явленій, который такъ ясно предусмотрѣнъ былъ и выраженъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, газетою „Сѣверная Почта“ [1]). „Совершенная правитель-

[1]) „Сѣверная Почта“ № 10.

ствомъ, при содѣйствіи самаго дворянства, реформа крестьянскаго быта", было сказано въ этой газетѣ; „а равно и другія, ожидаемыя важныя преобразованія по части судебной и административной, не могли не сообщить сужденіямъ частныхъ лицъ, выражаемымъ устно и печатно особеннаго оттѣнка, исключительно свойственнаго всѣмъ переходнымъ эпохамъ". „Первый и самый наглядный признакъ этихъ явленій", продолжаетъ статья, „представляютъ,—мы говоримъ это смѣло и не скрываясь,—часто выражаемое неудовольствіе настоящимъ и общее стремленіе къ лучшему будущему. Во всякое другое время это было бы весьма неутѣшительно; но въ настоящую переходную эпоху и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, подобныя явленія суть послѣдствіе развитія новыхъ формъ во внутренней жизни государства и показываютъ только общее сочувствіе къ цѣли, указанной самимъ правительствомъ. Оно двинуло тѣ вопросы, которые нынѣ занимаютъ публику; оно предприняло тѣ преобразованія, съ помощью коихъ должно осуществиться со временемъ лучшее будущее, къ которому мы стремимся" [1]).

[1]) „Сѣверная Почта" № 10.

По поводу нѣсколькихъ словъ г. Самарина объ историческихъ трудахъ Б. Н. Чичерина.

Критика, какъ высказываемое во всеуслышаніе мнѣніе объ извѣстномъ произведеніи наукъ или искуствъ, должна имѣть свои непреложные законы,—должна необходимо, какъ и все, подчиниться извѣстнымъ условіямъ. Мы не намѣрены анализировать здѣсь теоріи критики; но хотимъ сказать только, что въ числѣ главныхъ условій ея, по нашему мнѣнію, должна быть добросовѣстность, не та субъективная добросовѣстность, которая, заключаясь въ искренности самого критика, едва-ли можетъ подлежать какимъ либо другимъ законамъ, кромѣ нравственныхъ;—но добросовѣстность, если можно такъ выразиться, объективная, то-есть та, которая, имѣя въ виду, съ одной стороны важность критикуемаго произведенія, а съ другой, степень развитія въ читающемъ кругѣ, была-бы по плечу и тому и другому. Это равновѣсіе есть лучшій признакъ добросовѣстности и безстрастія въ критикѣ. Выразимся нагляднѣе. Мы полагаемъ, что подымать море съ цѣлью потопленія въ немъ какой нибудь ничтожной мухи, было-бы столь-же странно, какъ выходить съ булавкой противъ льва. Зарядъ долженъ равняться цѣли удара, иначе можно сдѣлать много шуму изъ пустяковъ, или оглушить публику, не давъ ей надлежащаго понятія о цѣли своего выстрѣла. У насъ въ литературѣ, къ сожалѣнію нерѣдко слышатся выстрѣлы подобнаго рода. Иногда встрѣчаемъ мы и серіозныя критическія статьи о сочиненіяхъ неважныхъ, въ другой разъ, напротивъ, мы присуждены читать,

подъ видомъ критики, какую нибудь тощую библіографію или памятную замѣтку о произведеніяхъ первой величины. Такая несоразмѣрность равно обидна и для писателя, и для публики. Возьмемъ, напримѣръ, на выдержку, одно изъ недавнихъ явленій, принадлежащихъ къ этой категоріи. Мы говоримъ о статьѣ г. Самарина, напечатанной въ первой книгѣ „Русской Бесѣды“ за текущій годъ, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г-на Чичерина“. Можно-ли эту статья назвать, согласно вышеизложеннымъ понятіямъ, объективно добросовѣстной,—или иначе: имѣлъ-ли г. Самаринъ въ виду съ одной стороны важность историческихъ трудовъ г. Чичерина, а съ другой,—средства читающей публики; сообразилъ-ли онъ то и другое вмѣстѣ и уравновѣсилъ-ли все это въ статьѣ своей, хотя до такой степени, чтобы одни не встрѣтили въ ней всегда не лестнаго для читателей безапеляціоннаго приговора, а другіе не увидѣли-бы просто бури въ стаканѣ воды?— Вотъ въ чемъ вопросъ. Попытаемся разрѣшить его. И такъ опредѣлимъ, что такое составляетъ важность труда вообще и насколько г. Самаринъ придаетъ важности трудамъ г. Чичерина?

Всякій литературный трудъ имѣетъ важность или для самого автора, или для читателя, или для того и другого вмѣстѣ. Какой нибудь трудъ въ родѣ „не любо не слушай“, безспорно имѣетъ важность вещественную или невещественную, только для одного почтеннаго автора, ибо онъ смѣло устраняетъ участіе къ нему читателя дальнѣйшими словами: „лгать не мѣшай“.

Такое произведеніе, какъ напримѣръ: комедія „Чиновникъ“, о которой недавно прекрасно отозвался г. Павловъ, конечно важнѣе для общества, чѣмъ для автора, ибо въ этой комедіи весьма легко и неосторожно задѣты вопросы, не важные, можетъ быть, для героя оной, но весьма важные для общества.

Наконецъ, есть произведенія, которыя одинаково важны и для писателя и для общества. Сюда принадлежатъ тѣ произведенія, авторъ коихъ, понимая всю серіозность

своего дѣла, съ возвышеннымъ и благороднымъ стремленіемъ, трогаетъ самыя живыя струны общества. Здѣсь нѣтъ ничего недосказаннаго, здѣсь можетъ быть ошибка, но ни субъективной, ни объективной недобросовѣстности быть не можетъ. Обширность труда тутъ дѣло второстепенное. Главное — это важность задачи. Вотъ три степени важности литературнаго труда вообще. Къ которой-же изъ нихъ г. Самаринъ относитъ историческіе труды г. Чичерина? — На это мы отвѣтимъ прежде всего словами, которыя читаемъ въ началѣ статьи г. Самарина: „нельзя не отдать полной справедливости трудолюбію, дарованіямъ г. Чичерина. Онъ выступилъ на литературное поприще съ готовымъ запасомъ свѣденій и самостоятельныхъ мнѣній, добытыхъ продолжительными занятіями, и, оттого, хотя имя его въ первый разъ появилось въ печати въ началѣ прошлаго года, онъ успѣлъ въ это короткое время представить публикѣ *два изслѣдованія о древней Русской общинѣ, о несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи и наконецъ цѣлую книгу о Русской администраціи XVII вѣка*,— не говоря о нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ. Изъ одного этого перечня видно, что г. Чичеринъ не уклоняется отъ трудностей и приступаетъ прямо *къ самымъ важнымъ и по сю пору самымъ неразработаннымъ вопросамъ русской исторіи.*

Очевидно, что г. Самаринъ относитъ труды г. Чичерина къ числу самыхъ важныхъ,—къ числу трудовъ одинаково значительныхъ и для автора и для общества, потому что авторъ работаетъ на почвѣ новой, почти не тронутой,—а общество ждетъ отъ него разрѣшенія вопросовъ первой величины. Можно-ли усумниться въ томъ, что критикъ, берущій на себя право судить подобные труды, обязанъ прежде своего приговора изложить сущность ихъ, представить коренную идею автора, не двумя, тремя отрывками, но вполнѣ и округленно?

Теперь взглянемъ въ какомъ отношеніи находится наша читающая публика къ трудамъ г. Чичерина и къ могущимъ возникать разсужденіямъ о нихъ. Изъ та-

кого сравненія сама собой объясняется тайна соразмѣрности между произведеніемъ и критическимъ взглядомъ на него. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что историческіе труды г. Чичерина имѣютъ характеръ чисто спеціальный. Правда, первыя ученыя изслѣдованія его появились на страницахъ періодическаго изданія, какъ-бы предполагаемыя для чтенія всѣхъ и каждаго, но можно, кажется, утвердительно сказать, что онѣ скорѣе имѣютъ интересъ ученый, чѣмъ литературный. Скажемъ даже болѣе: едва-ли, исключая спеціалистовъ, были онѣ внимательно кѣмъ либо читаемы. Самое же капитальное сочиненіе г. Чичерина, Областныя учрежденія Россіи XVII вѣка, вышло отдѣльной, плотной книгой въ 590 страницъ, книгой, которая никакъ не можетъ быть предметомъ легкаго чтенія, но всегда будетъ предметомъ серіознаго изученія. Конечно невозможно, чтобы эта книга была доступна читающей публикѣ, даже въ такой мѣрѣ, какъ ученыя изслѣдованія напечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Изъ этого кажется ясно, въ какомъ отношеніи ученые труды вообще находятся къ читающей публикѣ: въ отношеніи спеціальности къ дилетантамъ не болѣе.

Что-же касается до критики, то это совсѣмъ иное дѣло. Критика относится къ публикѣ болѣе даже, чѣмъ къ самому автору. Критикъ выставляетъ извѣстные недостатки произведенія не столько для исправленія ихъ авторомъ, сколько для публичной оцѣнки этого произведенія, сколько для того, чтобы сказать: въ такомъ-то произведеніи выражено то-то; мы находимъ что это несправедливо потому-то; а вслѣдствіи этого, въ глазахъ всего свѣта оцѣняемъ его во столько-то. Контроль этой оцѣнки, относительно легкихъ произведеній, въ рукахъ всѣхъ и каждаго. Стоитъ только прочесть и каждый легко пойметъ. Что-же касается до произведенія капитальнаго, не общедоступнаго, то это статья совсѣмъ другая. Тотъ кто беретъ на себя право критика, несетъ здѣсь *священную* обязанность къ обществу и къ автору. Онъ долженъ легко и ясно изложить передъ глазами

общества всю сущность ученаго произведенія. Всѣ тѣ результаты, до которыхъ ученый добился трудами и глубокой любовью къ истинѣ, всѣ эти результаты критикъ обязанъ показать въ живой, рельефной и общедоступной картинѣ. Онъ вызываетъ эту картину на общій судъ, онъ строго-безпристрастно дѣлаетъ ей допросъ и затѣмъ объявляетъ ее состоятельной или нѣтъ, въ глазахъ общества непремѣнно произнося доказательства, лежащія, во главѣ того или другого приговора. Иначе дѣло будетъ сдѣлано не добросовѣстно, относительно автора и публики, хотя-бы въ искренности словъ критика и не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Итакъ, вы видите, въ какомъ отношеніи критика находится къ обществу. Ученое произведеніе прочтетъ не каждый, а критику почти каждый, хотя-бы то съ цѣлью предостеречь себя, на всякій случай отъ вліянія ложныхъ понятій. Критикъ-же есть лицо дважды отвѣтственное предъ авторомъ и предъ публикой.

Какъ-же поступилъ въ этомъ случаѣ г. Самаринъ? Правъ-ли онъ передъ г. Чичеринымъ, историческіе труды котораго, труды, по части самыхъ важныхъ вопросовъ нашей исторіи, рѣшился онъ взвѣсить и оцѣнить публично? Правъ-ли онъ передъ обществомъ, во главѣ котораго, становясь какъ судья, онъ произноситъ судъ? По плечу-ли этотъ судъ подсудимому, по мѣркѣ-ли читающему кругу, который, присутствуя какъ ассистентъ, контролируетъ оратора и потому требуетъ отъ него яснаго изложенія и ясныхъ доводовъ?

Г. Самаринъ напечаталъ статью свою на страницахъ „Русской Бесѣды“, на страницахъ журнала, имѣющаго конечно не одну сотню подписчиковъ и разлетающагося во всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ. На первой страницѣ этой статьи читатель увидитъ, что труды г. Чичерина касаются важнѣйшихъ вопросовъ нашей исторіи, и что есть отдѣльно вышедшая книга. На той же страницѣ, издатель Бесѣды, привѣтствуя статью г. Самарина, не можетъ не высказать искренняго желанія, чтобы даровитый нашъ писатель, г. Чичеринъ, наконецъ

убѣдился въ несостоятельности своего взгляда на Русскую исторію. Все это конечно еще болѣе возбуждаетъ любопытство читателя и весьма естественно приводитъ его къ желанію узнать какой же именно взглядъ имѣетъ г. Чичеринъ на Русскую исторію. Но напрасно будетъ искать онъ хоть краткаго изложенія того, что говоритъ г. Чичеринъ въ своей книгѣ, онъ вмѣсто такого удовлетворенія своему любопытству встрѣтитъ новость еще болѣе любопытную и менѣе извѣстную публикѣ. Г. Самаринъ говоритъ, что „Русская Бесѣда“ представила подробный разборъ, трудовъ г. Чичерина, и этотъ разборъ въ которомъ каждое слово подкрѣплено ссылками на документы, *кажется* даетъ право сказать, что *ни одно изъ новыхъ положеній*, принадлежающихъ собственно г. Чичерину, не выдерживаетъ критики.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ „Русской Бесѣдѣ“ очень подробно нападали на книги г. Чичерина и это дѣйствительно замѣчено нетолько читателями бесѣды, но даже и другими журналами, ибо мнѣніе такого рода, какое бесѣда, критикуя Чичерина, высказала напр. о правежѣ не могло не обратить на себя общаго вниманія. Но мы полагаемъ, что критическія возрѣнія, наполненныя мнѣніями подобнаго рода, не даютъ читателямъ никакого понятія о коренной идеѣ проведенной въ книгѣ г. Чичерина, и никакъ не могутъ быть доказательствомъ того что его положенія не выдерживаютъ критики, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Самаринъ говоритъ, что такое заключеніе можно сдѣлать *какъ кажется;* и дѣйствительно это только можетъ казаться. Но можетъ-ли то, что кажется г. Самарину удовлетворить справедливому желанію читателя узнать какая мысль, какое направленіе, какая цѣль лежитъ въ основаніи историческихъ трудовъ г. Чичерина? Въ статьѣ-же Самарина читатель совершенно напрасно будетъ искать этого; онъ изъ статьи этой вынесетъ развѣ только то понятіе, что нѣкто выстроилъ зданіе весьма неправильно и не хорошо, а какое зданіе, и почему выстроено нехорошо, объ этомъ ничего не скажутъ.

По видимому, очень легко сказать, что всѣ положенія г. Чичерина не выдерживаютъ критики, но конечно не такъ легко указать, какія это положенія и почему именно не могутъ онѣ выдержать критики. Основываясь на авторитетѣ подробныхъ обзоровъ, помѣщенныхъ въ „Русской Бесѣдѣ“, г. Самаринъ предлагаетъ самъ слѣдующее положеніе: „конечно, историческія изслѣдованія автора, какъ сводъ матеріаловъ имѣютъ прочное достоинство, независимое отъ выводовъ, добросовѣстнаго труда,—и столько дарованій употребленныхъ на такомъ поприщѣ, гдѣ каждаго ожидаетъ обильная жатва, не внесли въ науку положительныхъ результатовъ, и обогатили ее только дознаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ“.

Историческія изслѣдованія г. Чичерина имѣютъ, по этимъ словамъ, прочное достоинство, а между тѣмъ онѣ не внесли въ науку положительныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе, обогатили ее дознаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ! Еслибы даже г. Чичеринъ обогатилъ науку дознаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ, то развѣ это одно не есть уже положительный результатъ для науки? Науку нельзя и не прилично ставить на одну доску съ отдѣльнымъ частнымъ человѣкомъ. Положимъ, что отдѣльный человѣкъ, дознавъ ошибочность своего убѣжденія, способенъ былъ-бы успокоиться на этомъ и не замѣнилъ бы разрушеннаго убѣжденія своего никакимъ другимъ положеніемъ. Въ наукѣ не такъ! Въ наукѣ разрушенное убѣжденіе, дознанная ошибка, замѣняется или новымъ, болѣе истиннымъ положеніемъ, или гипотезой, которая и признается за истину, впредь до оправданія или разрушенія своего, и уже гипотеза и есть положительный результатъ. Таковы гипотезы Нибура. Странное дѣло! Неужели наука могла-бы успокоиться просто на томъ понятіи что земля напр. не кругла, но что она Богъ ее знаетъ какого вида? Неужели наука не скажетъ какого вида земля должна быть если доказано, что она не кругла. Вотъ почему мы не постигаемъ, какъ можно обогатить науку дознаніемъ ошибки и въ то же время не внести въ нее никакого положитель-

наго результата. Не думаемъ, чтобы такое положеніе, принадлежащее неоспоримо самому г. Самарину, могло выдержать критику. А между тѣмъ, какъ смѣло и легко сказать, основываясь на критическихъ взглядахъ, что всѣ положенія г. Чичерина не выдерживаютъ критики. Мы полагаемъ, что въ выше приведенномъ положеніи г. Самарина ощущается значительный недостатокъ логическихъ началъ, но всетаки это положеніе поставлено во главѣ статьи и колоритъ его отражается на всей статьѣ.

Затѣмъ г. Самарина поражаетъ во всѣхъ историческихъ трудахъ Чичерина неполнота употребленныхъ въ дѣло источниковъ. Г. Чичеринъ ссылается почти исключительно на юридическіе памятники, на акты археографической комиссіи, на Румянцевское собраніе, полное собраніе законовъ, и т. п. но не приняты въ соображеніе сочиненія иностранцевъ о Россіи, народныя преданія, поговорки и т. д. Мы думаемъ, что весьма ошибаются тѣ, которые хотятъ найдти въ трудахъ г. Чичерина картину нравовъ XVII в.. Его сочиненія чисто юридическія, и если тѣ источники, которыми онъ пользовался вполнѣ оправдываютъ взглядъ его и служатъ достаточно подтвержденіемъ, его положеній, то зачѣмъ было прибѣгать къ преданіямъ, поговоркамъ и т. п. Конечно было бы весьма хорошо, еслибы г. Чичеринъ исчерпалъ еще болѣе источниковъ, но если у иностранныхъ писателей, въ преданіяхъ или поговоркахъ есть что либо противорѣчащее взгляду г. Чичерина, то что стоило г. Самарину указать на эти противорѣчія и тогда наука наша обогатилась бы, можетъ быть, какимъ либо положительнымъ результатомъ и читатель былъ бы уволенъ отъ непріятной обязанности вѣрить на слово и подчиняться безапеляціонному приговору критика. Самаринъ говоритъ, что пользуясь другими источниками авторъ узналъ-бы, что въ народѣ существовало другое понятіе и цѣлый порядокъ соотвѣтственныхъ ему явленій, но какое это понятіе, и какія тутъ явленія г. Самаринъ не считаетъ полезнымъ сообщить читателю.

Далѣе изо всей книги г. Чичерина о XVII в., г. Самаринъ выхватываетъ и оцѣняетъ безотносительно ко всему произведенію два слѣдующія положенія, принадлежащія впрочемъ вовсе не къ XVII в. а къ удѣльной Россіи. Первое положеніе, что судъ въ древней Россіи былъ кормленіемъ. Самъ г. Самаринъ соглашается, что такое понятіе о судѣ могло принадлежать только тому сословію, *которое владѣло судомъ какъ собственностью*, что это могло быть воззрѣніемъ служилыхъ людей *дававшихъ судъ*, а конечно не общества, принимавшаго судъ. Мы совершенно согласны, что общество никакъ не могло оставаться удовлетворено судомъ, въ смыслѣ кормленія, но тѣмъ не менѣе, какихъ бы оно понятій о судѣ ни было, многіе весьма важные факты, приведенные Чичеринымъ, доказываютъ, что судъ былъ кормленіемъ *de jure*. Г. Самаринъ предполагаетъ какія то идеальныя понятія о судѣ, существовавшіе въ обществѣ. Мы же думаемъ, что совершенное устраненіе замашекъ кормленія не легко искоренять и въ болѣе благопріятныя времена, чѣмъ время удѣльной Россіи. Если же, г. Самарину извѣстны эти понятія общества о судѣ, то для чего же онъ не захотѣлъ обогатить нашу науку положительнымъ результатомъ, изложивъ намъ въ своей статьѣ эти понятія. Онъ говоритъ, что здѣсь *вѣроятно* пригодилась бы справка съ проповѣдями и посланіями Церкви и съ народными преданіями. Всѣмъ и каждому извѣстно, что проповѣди всегда имѣли характеръ назиданій, подымающихъ падшаго, указывающихъ идеалъ добра и путь къ достиженію этого идеала. Кромѣ высокой, чистой морали и благодатнаго стремленія къ Творцу, проповѣди и не могутъ предлагать другихъ основаній. По этому посланія и проповѣди конечно укажутъ намъ тѣ высокія цѣли, къ которымъ Церковь призывала общество; но это, къ сожалѣнію недоказываетъ еще, чтобы общество приняло и привило къ себѣ эти начала. Напротивъ лучшіе проповѣдники гремѣли именно тогда, когда общество имѣло нужду въ энергическихъ изобличеніяхъ и твердыхъ поученіяхъ. Что же касается

до преданій, то мы весьма сожалѣемъ, что г. Самаринъ не указалъ намъ изъ какихъ преданій можно заключить объ удовлетворительномъ состояніи суда въ удѣльный періодъ Руси. Мы же на первый разъ, ничего въ этомъ отношеніи, кромѣ Шемякина суда припомнить не можемъ. Что же касается до поговорокъ, то это сфера еще болѣе тонкая и щекотливая для юриста мы знаемъ, что даже въ настоящее время одна поговорка гласитъ: хлѣбъ ѣшь, а правду рѣжь; другая-же, къ совершенному удивленію говоритъ: ѣшь пирогъ съ грибами, и держи языкъ за зубами. Трудно будетъ грядущимъ поколѣніямъ заключить о современномъ намъ судѣ по этимъ поговоркамъ.

Другое положеніе г. Чичерина, на которое Самаринъ направилъ свои возраженія, тоже безотносительно ко всему сочиненію, есть гипотеза, что Россія завоевана князьями и ихъ дружинами. Зналъ ли русскій народъ что либо про такое завоеваніе и считалъ ли себя съ своею землею военной добычей? спрашиваетъ г. Самаринъ. Если онъ понимаетъ завоеваніе матеріальнымъ образомъ, въ смыслѣ ультра стратегическомъ, то конечно онъ совершенно правъ въ своихъ собственныхъ глазахъ; но едва ли можно отрицать что Русь была *занята* князьми и ихъ дружинами, хотя бы то вслѣдствіи призванія. Факты собранія повинностей, раздѣлъ Руси между членами княжескаго рода, и т. п. подтверждаютъ это. Тяготѣніе всѣхъ сословій къ бюрократіи и и уничтоженіе ихъ въ ней, какъ послѣдствіе, такъ же не мало оправдываютъ выше изложенную гипотезу.

Но какъ бы то ни было, разборъ двухъ положеній г. Чичерина, положеній относящихся къ введенію и извлеченныхъ изъ понятій о жизни нашей до XVII вѣка, далеко не выражаютъ того, что сказалъ г. Чичеринъ своей книгой и даютъ читателю самое превратное понятіе о трудѣ его. Еще менѣе даетъ это право г. Самарину сказать, что главная причина ошибокъ, въ которыя будто бы впалъ г. Чичеринъ, заключается въ отрицательности его взглядовъ, т. е. въ непримѣнимости

избраннаго мѣрила къ предмету изученія. Г. Самаринъ воображаетъ что Чичеринъ судитъ прошедшее по понятіямъ настоящаго, опредѣляетъ прошлую жизнь Россіи нестолько по тѣмъ даннымъ, которыя въ ней есть, на сколько по тѣмъ, которыхъ въ ней *нѣтъ* и которымъ будто бы слѣдовало непремѣнно въ ней быть. Намъ же кажется; что Самаринъ видитъ въ воззрѣніи и въ книгѣ Чичерина то, чего въ ней нѣтъ. Кто хочетъ судить книгу по послѣдней страницѣ, тотъ можетъ легко прійдти къ такому заключенію какъ г. Самаринъ. Дѣйствительно, въ концѣ книги, Чичеринъ указываетъ, чего недоставало древней администраціи нашей, но кто прочелъ всю книгу, тотъ конечно не могъ не убѣдиться, что Чичеринъ, высказавъ на послѣднихъ страницахъ этотъ недостатокъ, цѣлой книгой своей выразилъ именно то, что въ ней было. Для убѣжденія въ справедливости нашего мнѣнія, мы рекомендуемъ читателямъ нашимъ прочесть со вниманіемъ хотя одинъ отдѣлъ о воеводахъ изо всей книги г. Чичерина. Если мы скажемъ, что въ такой то критической статьѣ нѣтъ истины, то конечно уже однимъ этимъ опредѣляемъ мы отчасти то, что видимо въ ней находится. Далѣе, г. Самаринъ увѣряетъ, что русская исторія не разсматривалась еще у насъ какъ исторія собственно Россіи, но какъ сколокъ съ исторій другихъ западныхъ народовъ, и наконецъ, въ заключеніе все это прикрывается, выражаясь подобно поэту Гейне, діалектикой похожей на паутину, въ которой нетолько система г. Чичерина, но и муха не встрѣтитъ большой себѣ опасности.

А между тѣмъ, книга Чичерина есть трудъ капитальный, далеко не такой неосновательный, какимъ хочетъ выставить его г. Самаринъ, опираясь на авторитетъ подробныхъ критическихъ обзоровъ, напечатанныхъ въ „Русской Бесѣдѣ. Взглядъ г. Чичерина глубокъ и тепелъ; основная мысль проведенная по всему сочиненію, въ высшей степени ясна и благородна. Эта мысль заключается, по нашему мнѣнію въ стремленіи представить глазамъ читателя отчетливо и безпристрастно кар-

тину администраціи нашей въ XVII в. въ связи съ ея прошлымъ и будущимъ. Смыслъ величавой картины этой тотъ, что наше общество идетъ впередъ и несовершенства прошлаго ведутъ къ грядущему усовершенствованію. Авторъ проводитъ васъ по тѣмъ ступенямъ, по которымъ восходила къ настоящему вся минувшая жизнь нашего отечества. Поэтому если Чичеринъ рисуетъ иногда темныя стороны нашей администраціи, то не иначе какъ выставляя съ одной стороны, причину, почему онѣ вышли темны, а съ другой—путь, которыми эти стороны вышли къ болѣе свѣтлымъ явленіямъ жизни нашей. Возьмите эти темныя стороны безъ связи ихъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ и можетъ быть, вы тоже, подобно г. Самарину, прійдете къ убѣжденію что г. Чичеринымъ обладалъ „духъ отрицанія, духъ сомнѣнія“. Но сколько такое дѣйствіе ваше будетъ справедливо и добросовѣстно это другой вопросъ. Самъ же г. Чичеринъ, въ своемъ предисловіи, такъ опредѣляетъ свой взглядъ, которому онъ остается постоянно вѣренъ: „Только недостатки предшествующихъ учрежденій дѣлаютъ понятнымъ значеніе новыхъ мѣръ и преобразованій. *Но изложеніе этихъ недостатковъ погибшихъ учрежденій нашего народа да не будетъ принято за упрекъ его исторіи. Не съ укоромъ, не съ нападеніемъ должны мы обращаться къ ней, а съ любовью и съ желаніемъ сознать постепенный ходъ ея явленій.* Каждому времени принадлежитъ однако свое дѣло, каждое имѣетъ свои условія и мы не можемъ требовать отъ эпохи младенческой, чтобъ она носила характеръ болѣе зрѣлой и развитой. Только взглядъ на первоначальную точку отправленія, *на темныя стороны предшествующихъ періодовъ*, можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставить насъ принести долгъ благодарности тѣмъ, которые сознавая недостатки своего времени, твердою рукою брались за исправленіе учрежденій и возводили исторію на высшую точку развитія. Такимъ образомъ только изложеніе системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, откроетъ намъ значеніе

великаго дѣла Московскихъ государей; только безпорядокъ, господствовавшій въ администраціи XVII в. дастъ намъ смыслъ преобразованій Петра Великаго. Точно также и при изложеніи учрежденій Петровскаго періода нужно было бы показать ихъ недостатки чтобы постигнуть значеніе учрежденій Екатерины II, этой стройной, глубоко обдуманной системы законодательства".

Статья г. Самарина можетъ быть прочтена и въ отдаленной провинціи, куда книга Чичерина не доходила и дойдетъ можетъ быть не скоро. Будь приговоръ не такъ рѣзокъ,—г. Самарину не нужно было бы выставлять на глаза общества основную сторону сочиненія г. Чичерина. Тогда бы статья Самарина прошла себѣ, какъ легкая библіографія. По коль скоро г. Самаринъ рѣшился выражаться докторальнымъ тономъ, коль скоро онъ возраженія свои позволяетъ себѣ возводить иногда до силы обвиненія, то тутъ нельзя отсылать читателя къ разнымъ подробнымъ разборамъ помѣщеннымъ въ „Русской Бесѣдѣ", не слѣдуетъ пройдти молчаніемъ основную мысль всего произведенія, не обрисовавъ, хотя въ легкихъ чертахъ, характера всей картины такъ мастерски нарисованной г. Чичеринымъ. Послѣ этого можно было бы взять на выдержку и разсматривать два три положенія отдѣльно. Связь между ними и цѣлымъ произведеніемъ была бы ясна для читателя. Теперь же, можно сказать, что въ статьѣ своей, г. Самаринъ собралъ просто отрывочные обвинительные пункты безъ указанія связи съ идеей всего произведенія. Вотъ почему читатель невольно остается въ невѣденіи и ему неизвѣстно, насколько обвиненія эти справедливы.

Можно ли послѣ этого признать статью г. Самарина критической статьей, публичной и серіозной оцѣнкой серіознаго произведенія? Отвѣчаетъ ли она требованіямъ такой оцѣнки? Полагаемъ, что нѣтъ. Что же она такое, спросятъ насъ, неужели дѣйствительно это просто нѣсколько словъ и болѣе ничего? По нашему мнѣнію, это— личная, памятная замѣтка, которая съ большой пользой могла-бы оставаться въ портфелѣ автора до того вре-

мени, когда ей суждено было-бы войти наконецъ, какъ матеріалъ въ составъ полной, оконченной и зрѣлой критической статьи. Но, скажутъ можетъ быть, почему-же не напечатать подобной замѣтки? Положимъ, что можно напечатать, да къ чему-же это поведетъ? Удовлетворитъ-ли это требованіямъ автора критикуемаго произведенія, и публики? Сомнѣваемся. А потому, думаемъ, что эта статья можетъ имѣть опредѣленное и безапелляціонное значеніе только для самаго г. Самарина,—для публики-же подобныя замѣтки имѣютъ интересъ тогда только, когда дѣятельность автора ихъ кончена, когда можно видѣть въ нихъ какое нибудь посмертное наслѣдье, отрывокъ того, надъ чѣмъ работалъ авторъ, но чего не успѣлъ сдѣлать и сошелъ безвременно со сцены. Не можемъ не обратить вниманія еще на одно обстоятельство, непріятно поражающее насъ въ замѣткѣ г. Самарина. Это слѣпая увѣренность въ непогрѣшимости своего взгляда. Онъ считаетъ основанія своихъ воззрѣній такой аксіомой, что даже не даетъ себѣ труда объяснить читателямъ почему возраженіе его справедливо. Онъ говоритъ сосредоточенно, какъ будто себѣ самому, а не автору критикуемаго произведенія и не публикѣ. Эта сосредоточенность, замѣченная нами въ критическомъ воззрѣніи автора „Нѣсколькихъ словъ“, сосредоточенность, заставляющая его произносить рѣзко свой приговоръ, не отдавая свѣтлаго отчета ни о томъ, что̀ именно подвергается его суду, ни почему именно онъ такъ судитъ, эта сторона, сколько намъ кажется, не составляетъ исключительной принадлежности одного г. Самарина, но есть одно изъ тѣхъ явленій литературы нашей, которыя едва-ли можно назвать отрадными.

Странное дѣло! Наука такъ недавно пустила корни свои на почвѣ нашей; не вездѣ еще разсѣялся мракъ первобытности, бѣгущій отъ лучей просвѣщенія. Волны тумана, какъ въ ясное лѣтнее утро, колышутся и носятся надъ землей нашей, обѣщая прекрасный день, а между тѣмъ, какія странныя явленія озарены уже этимъ

новымъ для насъ свѣтомъ. Среди хвалебныхъ гимновъ всей природы, можно различить по временамъ голоса, готовыя восхвалять непогоду и мракъ минувшей ночи болѣе наступающаго дня,—голоса птицъ ночныхъ, не имѣющихъ силы видѣть и привѣтствовать восходящаго свѣтила. Такъ, въ небольшомъ кругу людей, посвятившихъ себя наукѣ, рѣшающихся высказывать свои убѣжденія во всеуслышаніе, не рѣдко встрѣчаются у насъ убѣжденія, основаніе которыхъ заключено не въ безпристрастномъ взглядѣ на предметъ разсужденія, но въ стремленіи, во что бы то ни стало, поддержать принципъ извѣстнаго кружка. Послѣдствія подобныхъ крайностей всегда одинаковы. Упорная ограниченность взгляда и, еще болѣе, упорное отрицаніе всего, что не входитъ, не помѣщается, такъ сказать, въ тѣсной рамѣ однажды и навсегда принятыхъ началъ.

1869 г.
Петербургъ.

КЪ ЭПИЗОДУ

о высылкѣ Пушкина изъ Одессы,

въ его имѣніе Псковской губ.

Покойный дядя мой, Алексѣй Васильевичъ Капнистъ, служилъ въ молодости своей въ военной службѣ и былъ адъютантомъ знаменитаго героя 12-го года,—генерала Н. Н. Раевскаго. Весьма естественно, поэтому, что онъ былъ очень друженъ съ семействомъ генерала и особенно—съ сыномъ его,—Александромъ Николаевичемъ Раевскимъ, котораго я видѣлъ часто, когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, въ домѣ у дяди моего и у моего отца. Одна наружность этого Раевскаго была такова, что невольно, съ перваго взгляда, легко могла привлечь вниманіе каждаго, кто даже не былъ съ нимъ лично знакомъ. Высокій, худой, даже костлявый, съ небольшой, круглой и коротко-обстриженной головой, съ лицомъ темно-желтаго цвѣта, съ множествомъ морщинъ и складокъ,—онъ всегда, (я думаю даже когда спалъ), сохранялъ саркастическое выраженіе, чему, быть можетъ, не мало способствовалъ его очень широкій съ тонкими губами ротъ. Онъ, по обычаю двадцатыхъ годовъ, всегда былъ гладко выбритъ, и хотя носилъ очки, но они ничего не отнимали у его глазъ, которые были очень характеристичны. Маленькіе изжелто-каріе, они всегда блестѣли наблюдательно живымъ и смѣлымъ взглядомъ, съ оттѣнкомъ насмѣшливости и напоминали глаза Вольтера. Раевскій унаслѣдовалъ отъ отца своего рѣзкую морщину между бровей, которая никогда не исчезала. Вообще онъ былъ скорѣе безобразенъ; но это было

безобразіе типичное, породистое, много лучше казенной и приторной красоты иныхъ безцвѣтныхъ эндиміоновъ,— безобразіе, которое такъ мастерски создалъ Лермонтовъ въ „Героѣ нашего времени“, въ наружности д-ра Вернера. Къ этому не лишнее присовокупить, что Раевскій одѣвался обыкновенно нѣсколько небрежно и даже въ молодости своей не былъ щеголемъ, что, однако, не мѣшало ему имѣть всегда замѣтное положеніе въ высшемъ обществѣ. Онъ-же былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ сыновей славнаго генерала Раевскаго, которые, какъ извѣстно всѣмъ, въ нѣжной юности, почти въ дѣтствѣ, были выведены отцемъ своимъ въ самый громъ и пылъ сраженія. Независимо отъ этого Александръ Николаевичъ былъ человѣкъ замѣчательно тонкаго остраго ума и той образованности, которая такъ отличала въ свое время среду декабристовъ.

Я не разъ имѣлъ случай слышать о томъ впечатлѣніи, какое Раевскій производилъ въ обществѣ женщинъ и вообще на всѣхъ его окружавшихъ; но меня особенно интересовало въ немъ другое. Я всегда былъ страстнымъ поклонникомъ поэзіи и зналъ, что Пушкинъ былъ въ самыхъ искреннихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ генерала Раевскаго, которое, какъ самъ поэтъ разсказываетъ въ запискахъ своихъ, любезно пріютило его въ то время, когда онъ, высланный изъ столицы, странствовалъ, больной лихорадкой, на югъ Россіи. Я слышалъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей генерала Раевскаго, и провелъ нѣсколько времени съ его семействомъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ, когда писалъ свой „Бахчисарайскій фонтанъ“. Мнѣ говорили, что впослѣдствіи, создавая „Евгенія Онѣгина“, Пушкинъ вдохновился этой любовью, которою онъ пламенѣлъ въ виду моря, лобзающаго прелестные берега Тавриды, и что къ предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающаяся стихами:

Я помню море предъ грозою,—
Какъ я завидовалъ волнамъ,

Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ... и проч.

Но что для меня, по преимуществу, было знаменательно въ А. П. Раевскомъ,—это то, что мнѣ передалъ мой дядя и что послѣ того, не одинъ разъ, я слышалъ отъ людей вполнѣ компетентныхъ,— тотъ положительный фактъ, что Пушкинъ имѣлъ въ виду нравственную личность и направленіе ума А. П. Раевскаго въ извѣстномъ стихотвореніи своемъ „*Демонъ*“:

Въ тѣ дни когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнія бытья... и проч.

Однажды въ разговорѣ объ этомъ-то Раевскомъ, дядя мой мнѣ сказалъ, что Раевскій былъ невольной причиной высылки Пушкина, въ 1824 году, княземъ,—въ то время еще,—Воронцовымъ, тогдашнимъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, изъ Одессы на жительство въ Псковскую губ., въ село Михайловское. Понятно, какъ любопытство мое было этимъ возбуждено, и то, что по просьбѣ моей дядя мнѣ разсказывалъ, заслуживаетъ, дѣйствительно, серіознаго вниманія.

Князь М. С. Воронцовъ, какъ извѣстно, имѣлъ во многихъ отношеніяхъ качества свойственныя вельможамъ того типа, который теперь уже не существуетъ. Замѣчательно-богатый, блестяще-образованный, внутренно-надменный, но съ самыми изящными, внѣшними формами; привѣтливый со всѣми низшими и учтиво-сдержанный съ равными себѣ и съ высшими; онъ, заключая въ себѣ многія черты англійской аристократіи, могъ еще считаться и нѣкоторымъ продолженіемъ такихъ вельможъ Екатерининскаго вѣка, какіе исчезли уже, сперва подъ давленіемъ Аракчеевщины, потомъ вслѣдствіи неразборчиваго предоставленія атрибутовъ вельможи людямъ, не имѣвшимъ ровно никакихъ для этого данныхъ, а затѣмъ,—подъ дѣйствіемъ послѣдующаго новаго направленія. Конечно, такіе вельможи не чужды были и нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ,

но вмѣстѣ съ тѣмъ они, не смотря на всю благосклонность къ нимъ судьбы, не брезгали] серіознымъ добросовѣстнымъ трудомъ, для пріобрѣтенія основательныхъ и даже глубокихъ познаній и для развитія талантовъ. Князь Воронцовъ можетъ служить въ этомъ отношеніи примѣромъ, такъ какъ, не смотря на многія, присущія ему черты барина, онъ выносливо несъ, когда это было нужно, бремя боевой, военной жизни, и самъ, въ своей дѣятельности, могъ считать такой *свой* день, какъ напримѣръ: Краонъ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ такого знатока своего дѣла, каковымъ былъ Наполеонъ I. Какъ-бы то ни было, но извѣстно, что князь Воронцовъ любилъ окружать себя блескомъ представительства и общественныхъ удовольствій.

Въ 1823 и 1824 годахъ всѣ слои одесскаго общества, среди непрерывныхъ увеселеній, равно соединялись въ домѣ своего генералъ-губернатора и его любезной супруги, которая не оставалась вполнѣ равнодушной къ блестящей молодежи, несшей съ увлеченіемъ къ ея ногамъ дань восторговъ и преданности. Александръ Николаевичъ Раевскій былъ отличенъ княгиней въ окружавшей ее средѣ, и она относилась къ нему симпатичнѣе чѣмъ къ другимъ; но какъ это нерѣдко бывало и будетъ въ маневрахъ большого свѣта, прикрытьемъ А. Н. Раевскому служилъ его другъ, молодой, но уже гремѣвшій, въ это время, славою на всю Россію поэтъ Пушкинъ. На него-то и направился съ подозрѣніемъ взглядъ князя Воронцова; и отсюда возникли своего рода преслѣдованія и усилія удалить какимъ нибудь способомъ Пушкина изъ Одессы. Поэтъ, съ своей стороны, не оставался въ долгу и на разныя довольно вѣскія прижимки, отвѣчалъ жаломъ такой эпиграммы, какъ напримѣръ:

Полу-милордъ, полу-купецъ... и проч.

Въ другой разъ, когда князь, желая отдѣлаться отъ Пушкина, далъ ему вовсе не поэтическое порученіе, пославъ его истреблять гдѣ-то саранчу, — Пушкинъ,

какъ разсказываютъ, наскучивъ такимъ занятіемъ, въ глуши, прислалъ своему принципалу довольно оригинальное донесеніе о ходѣ дѣла. Онъ, въ заглавіи листа, написалъ крупнымъ почеркомъ: „Саранча“, потомъ выставилъ столбцомъ мѣсяцъ и числа и противъ каждаго числа отмѣтилъ въ формѣ стиховъ:

Летѣла,
Летѣла,
И сѣла
Сидѣла,
Сидѣла,
Все съѣла
И вновь улетѣла и т. д.

Затѣмъ, хотя Пушкинъ и возвратился въ Одессу, но ужъ не на долго и князь Воронцовъ, преслѣдуя свою цѣль, добился наконецъ высылки поэта на жительство въ село Михайловское, Псковской губ., въ іюлѣ 1824 года. Забавнѣе-же всего то, что Пушкинъ такимъ образомъ былъ удаленъ, а А. Н. Раевскій продолжалъ пребывать въ Одессѣ, постоянно посѣщая домъ князя Воронцова.

Такова неофиціальная сторона этого событія. Думаю, что слово „событіе“ здѣсь совершенно у мѣста, потому что продолжительное пребываніе геніальнаго поэта нашего въ уединеніи, лицомъ къ лицу съ жизнью народа, на лонѣ матери-природы, въ постоянномъ сообществѣ его старой няни Родіоновны, отразилось для нашей литературы такими громадными послѣдствіями, которыя никогда изъ нея не изгладятся.

Судьбѣ угодно было, чтобы позднѣе я узналъ и офиціальную процедуру, могущую служить достойною подкладкой вышеизложенной неофиціальной сторонѣ дѣла высылки Пушкина изъ Одессы. Въ 1852 году, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, поѣхалъ я въ Одессу купаться въ морѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что я поступилъ на службу въ канцелярію Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора. И вотъ, однажды, сидя въ архивѣ канцеляріи и разгова-

ривая съ архиваріусомъ о томъ, о семъ, услышалъ я отъ него, что въ архивѣ хранится, между прочимъ, дѣло о высылкѣ Пушкина въ Псковскую губ.

Извѣстно, что Пушкинъ, въ бытность свою въ Одессѣ, служилъ въ канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора. Зная все то, о чемъ я разсказалъ выше, я съ особеннымъ интересомъ прочелъ выданное мнѣ архиваріусомъ „дѣло“. Въ то время я не имѣлъ въ виду, что буду когда либо писать мои воспоминанія, и потому не сдѣлалъ подробныхъ извлеченій изъ этого дѣла; но то, что всего существеннѣе я выписалъ, и всѣ обстоятельства помню хорошо.

Было перехвачено письмо Пушкина къ кому-то изъ его друзей или родныхъ, въ которомъ между прочимъ сказано: читаю Шекспира и Библію, Святый Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я дѣлаю: пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ 1000, чтобы доказать: qu'il ne peut exister d'être intelligent, créateur et régulateur,—мимоходомъ, уничтожая слабыя доказательства безсмертія души;—система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію, болѣе всего правдоподобная. Вслѣдъ за этимъ помѣщено въ „*дѣлѣ*“ письмо князя Воронцова къ тогдашнему шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу. Письмо это очень характерно. Сперва князь сообщаетъ въ письмѣ, что у него въ канцеляріи служитъ молодой человѣкъ—Пушкинъ, обладающій замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, но что, къ сожалѣнію, въ произведеніяхъ своихъ, онъ не беретъ въ примѣръ такихъ поэтовъ какъ Corneille и Racine, но слѣдуетъ *непохвальному* образцу—Байрону. Затѣмъ сказано, что талантъ Пушкина не можетъ благопріятно развиться въ той средѣ, которая окружаетъ поэта въ Одессѣ, такъ какъ вся молодежь увлечена имъ, льститъ ему безмѣрно и тѣмъ самымъ способствуетъ къ укорененію вреднаго для та-

ланта самолюбія и высокомѣрія; а потому, чтобы сохранить для славы Россіи такого замѣчательнаго поэта, необходимо уединить его и удалить отъ одесскаго шумнаго общества. Въ заключеніе, князь считаетъ полезнымъ испросить высочайшее повелѣніе на высылку Пушкина въ Псковскую губ. въ принадлежащее его матери село Михайловское. Послѣдствія этого письма извѣстны. Нельзя однако-же сказать, чтобы князь Воронцовъ достигъ въ этомъ дѣлѣ того, что называется: „d'une pierre deux coups".

Александровка,
21-го сентября 1883 года [1]).

---

[1]) Эта статья была помѣщена въ „Русской Старинѣ" мая 1899 года Л. Н. Майковымъ, для котораго и была написана.

О ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

Женскій вопросъ возникъ на нашихъ глазахъ. Онъ былъ выдвинутъ впередъ реалистической и практической тенденціей нашего вѣка. Съ незапамятныхъ временъ женщина пробовала примѣниться ко всѣмъ должностямъ и подвизалась на разносторонних̀ъ поприщахъ. Мы ее встрѣчаемъ на престолѣ, (отъ Семирамиды до Екатерины II), — на полѣ сраженія, (отъ Іоанны д'Аркъ до гречанки Бобелины), — въ литературѣ, (отъ Саѳо до Жоржъ-Зандъ),—въ наукѣ, (отъ Лауры Басси до Ковалевской) и т. д.—Во всѣ времена этотъ фактъ признавался, не переставая однако считаться исключеніемъ.— Но спеціально взятый вопросъ о положеніи женщины и о ея равноправности въ обществѣ и въ государствѣ, только за послѣднее время возсталъ, какъ строгій и справедливый протестъ противъ вѣковѣчной *неправды*. Эта неправда укоренилась въ древнѣйшія времена. Причина ея, безъ сомнѣнія, лежитъ въ эгоизмѣ, присущемъ всему живущему, отъ атома—до человѣка включительно. Борьба эгоизмовъ такъ вкоренилась въ естество всего, что̀ живетъ и развивается, что, еслибъ напр. дерево не находило для своего развитія преграды и реакціи со стороны другихъ развивающихся организмовъ, то оно весь міръ захватило-бы своими корнями. Та же самая борьба эгоизмовъ составляетъ условія соціальной жизни людей. Вѣроятно въ развитіи человѣчества была минута, когда первобытный дикарь почувствовалъ инстинктомъ своего эгоизма, что онъ имѣетъ возможность поработить себѣ женщину *какъ рабочую силу*; онъ воспользовался этимъ сознаніемъ. Эта эксплуатація женщины мужчиной,

безъ сомнѣнія, опередила эксплуатацію „человѣка человѣкомъ“, — т. е рабство. Не трудно доказать, что и въ наши дни, на нашихъ глазахъ, мужчина пробуетъ эгоистично и обособленно эксплуатировать женщину. Это не только происходитъ у насъ, но и на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. Въ грубой и невѣжественной средѣ темнаго простонародія мужчина обыкновенно беретъ себѣ жену, чтобы имѣть чернорабочую въ домѣ. Вопросъ эстетики, красоты, даже симпатіи уступаетъ большею частію чисто утилитарному соображенію. Нашъ поэтъ Некрасовъ вѣрно пророчитъ своей „чернобровой дикаркѣ“ незавидную участь послѣ брака:

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь;
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.
Отъ работы и черной, и трудной,
Отцвѣтешь, неуспѣвши разцвѣсть!
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Будешь нянчить, работать и ѣсть.

Если подобная картина не рѣдкость въ наши времена, — какова была участь и положеніе женщины-рабы, въ эпоху когда дикарь, цоработившій себѣ эту живую рабочую силу, жилъ въ каменныхъ пещерахъ, или въ лѣсныхъ дебряхъ, въ шалашахъ на морскомъ берегу или въ безлюдныхъ степяхъ? — Шли вѣка. Довольство туго, съ трудомъ проникало въ жилище первобытнаго человѣка. Шалаши и пещеры замѣнились курными избами. Разрозненно живущія семьи собирались въ кланы и роды. Мужъ сталъ патріархомъ, жрецомъ, воиномъ. А жена осталась тѣмъ чѣмъ была,—рабочей силой, которую продолжали себѣ присваивать также какъ и домашній скотъ. Всѣ преданія и народныя пѣсни говорятъ о насиліи, такова наша древняя *„умычка“*, т. е. похищеніе, кража невѣсты въ лѣсу или у рѣки во время купанія; таковъ еще обычай, *въно*, —продажа невѣсты. Наши народныя сватьбы еще сохранили слѣды этихъ обычаевъ. Тогда какъ мужчина, мало по-малу поды-

мается по ступенямъ общественнаго быта, — женщина остается все тою же самой жертвою первобытной несправедливости, — тѣмъ же эксплуатированнымъ существомъ. Цѣлыми вѣками ей еще приходится:

Нянчить, работать и ѣсть...

и не только въ какой-нибудь отсталой странѣ,—но повсюду, эта всеобщая, вѣковая, духовная спячка привела женщину къ прискорбному результату. Хотя физическій организмъ женщины, по условіямъ природы, уступаетъ въ силѣ мужскому организму, однако онъ можетъ значительно окрѣпнуть по средствамъ нормальнаго воспитанія, гигіены и гимнастики. Вспомнимъ германскихъ и спартанскихъ женщинъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ. И не смотря на это, женщинъ до сихъ поръ называютъ слабымъ поломъ. На этомъ основаніи духовная природа женщины была задушена въ своемъ развитіи; обычное ярмо, и огрубѣлость, унизивъ ее до роли механической силы, не мало способствовали духовному порабощенію.

Попробуйте крѣпко связать какой-либо изъ живыхъ членовъ вашего организма и долго не давать ему свободно дѣйствовать,—онъ непремѣнно ослабѣетъ, онѣмѣетъ и атрофируется. Тотъ же самый феноменъ случился съ нравственнымъ развитіемъ женщины. Постоянный и наслѣдственный гнетъ, длившійся цѣлыми тысячелѣтіями, съузилъ горизонтъ умственнаго ея развитія до того, что ей ничего не осталось, кромѣ порабощающаго всѣ ея силы труда.

Герои, государственные люди, ученые, художники чередовались, оставляя ее въ сторонѣ. Общественная и политическая жизнь ее не признавала и она, изнывая подъ тяжестью работы, чувственности и дѣторожденія, только изрѣдка, заявляла удивленному міру свое нравственное существованіе появленіемъ какой-нибудь Семирамиды, Екатерины Великой, Іоанны д'Аркъ или Жоржъ Зандъ, — послѣ чего, снова и надолго, погружалась въ свое умственное ничтожество. Даже если

творческая сила не совсѣмъ заглохла въ женщинѣ, она не могла развиться въ ней, и до настоящаго времени, геній ея остался на неподвижной ступени, въ состояніи зародыша. Но поразительно то, что мужчина приписываетъ нравственную слабость,—это послѣдствіе вѣкового умственнаго рабства женщины, —*природному* недостатку. Онъ считаетъ несуществующимъ то, что только парализовано, атрофировано, прижато самой несправедливой неволей. Съ этой близорукой и узкой точки зрѣнія,— онъ предоставляетъ женщинѣ ничтожное значеніе въ уставѣ своей политической, общественной и гражданской жизни. Въ самыя древнія времена язычества, — женщина была собственностію мужчины на ряду съ рабомъ, скотомъ и безжизненной вещью. Когда справляли тризну по мужу, женщинъ убивали съ домашними животными и хоронили подлѣ умершаго вмѣстѣ съ его оружіемъ и драгоцѣнностями, — какія и до сихъ поръ раскапываютъ въ нашихъ южно-русскихъ курганахъ. Въ Индіи,—вдова желавшая заслужить уваженія, сжигала себя на кострѣ покойнаго мужа. Библія говоритъ, что женщина сотворена изъ ребра Адама, чтобы мужчинѣ не быть одному. Римляне, эти представители права и законовѣденія у древнихъ, оскорбили женщину клеймомъ вѣчной законной незрѣлости. Въ сводѣ законовъ Римскаго Права она сперва: „sub patria potestas“, потомъ — подвластна мужу: „sub manu mariti“ и даже, наконецъ,— сыну: „Filio loco“.—И по какой причинѣ переноситъ она такое униженіе? „Propter debilitatem et imbecilitatem sexus!“ отвѣчаетъ законъ. Но на кого падаетъ осужденіе за это?—Наконецъ, христіанство безконечно разширило человѣку горизонтъ свободы. Рабство ослабѣло и почти исчезло. Но даже христіанство, до сихъ поръ, мало подняло уровень женщины на ступени развитія политическаго, гражданскаго и общественнаго.

„Не мужъ для жены, а жена для мужа“, говоритъ Апостолъ Павелъ и продолжаетъ: „Женщина да не учитъ“. „Жена да боится мужа!“ повторяютъ ей во время вѣнчанія. И христіанство еще не уничтожило за-

коренѣлое убѣжденіе мужчины, *что по своей природѣ* женщина, въ сравненіи съ нимъ, низшее существо. Упираясь на приведенную точку зрѣнія, мужчины относятся къ положенію и призванію женщины или покровительственно, идеализируя ее, или съ презрѣніемъ и сарказмомъ.

Средневѣковое рыцарство, своей одухотворенной христіанствомъ этикой, возвышаетъ женщину надъ практической и реальной средой, но тѣмъ самымъ, намѣренно или нѣтъ, ставитъ ее внѣ человѣческихъ интересовъ и вопросовъ. Рыцарь, преклоняющійся передъ красотой и слабостью женщины, очень напоминаетъ стихи Щербины:

И на колѣнахъ предъ тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина съ жаркою мольбою
Цѣпями путаетъ тебя.

Съ другой стороны, тамъ гдѣ эта идеализація и рыцарское покровительство не существуютъ,—отношенія къ ней мужчины полны насмѣшки и высокомѣрія. Множество пословицъ, прибаутокъ, поговорокъ служатъ этому доказательствомъ. „Если хочешь поступить осторожно въ какомъ нибудь затрудненіи, — спроси мнѣніе жены своей и поступи наоборотъ“, объявляетъ восточная мудрость. „Волосъ—дологъ, умъ—коротокъ“, говоритъ пословица. „Баба въ избѣ, чтобы кашу варить“.

Самъ прожился мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ.—

поетъ крестьянка въ стихахъ Кольцова. Писатели и философы не лучше пословицъ и стиховъ. Назовемъ одного Шопенгауера: кто не знаетъ его циническихъ и грубыхъ правилъ относительно женщинъ? а Тэнъ? Не говоритъ-ли онъ, что если дать женщинѣ логику, умъ и мысли, это то же, что дать ножъ ребенку.—„Помните исторію Евы?“ спрашиваетъ Генрихъ Гейне, „какъ только у женщины явилось сознаніе, ея первая мысль была о новомъ платьѣ“. Но мы никогда не кончимъ приводить все, что было сказано въ этомъ родѣ.

Мнѣ кажется я кончилъ, въ общемъ, исторію о судьбѣ женщины на землѣ. Я не знаю, почему считаютъ нашъ вѣкъ исключительно торгашескимъ, практичнымъ, реальнымъ, и почему его упрекаютъ за нѣкоторый матеріальный достатокъ. Это несправедливо. Не замѣчаютъ насколько этотъ вѣкъ, параллельно съ великими изобрѣтеніями, доказалъ гуманности. Нельзя такъ говорить о вѣкѣ, уничтожившимъ рабство въ такихъ огромныхъ странахъ, какъ Россія и Америка; въ этомъ самомъ вѣкѣ, выросъ и женскій вопросъ. А разъ этотъ вопросъ явился, — онъ не можетъ исчезнуть. Какой цѣли долженъ добиться этотъ вопросъ?—Онъ долженъ изгладить ту вѣковую неправду, которую мы изложили выше. Конечно это не можетъ случиться вдругъ, разомъ". Les changements à vue ne se font qu' à l'Opéra", сказалъ Токевиль.

Собираются спеціальные конгрессы о женскомъ вопросѣ; общество заволновалось. Это не можетъ пройдти безслѣдно. Мы предвидимъ въ будущемъ, можетъ быть, недалекомъ,—реабилитацію женщины, ея освобожденіе отъ традиціонной несправедливости. Тогда женщина займетъ мѣсто, котораго она достойна, на ряду съ мужчиной: *въ религіи*, она не будетъ считаться только твореніемъ изъ ребра Адама, существомъ низшаго разряда; *въ государствѣ* она займетъ мѣсто ей подходящее, по ея личному, врожденному призванію, будь это призваніе законодателя, полководца, администратора, (какъ мы уже встрѣчали нѣсколько рѣдкихъ примѣровъ); *въ гражданской жизни*, она возьметъ тѣ-же права, которыми пользуется мужчина, и тогда исчезнетъ постыдный предразсудокъ о безполезности старой дѣвы,—о ея безцѣльномъ существованіи; *въ экономической сферѣ*, она получитъ широкую долю дѣятельности на поприщѣ сельскаго хозяйства, торговли, промышленности. Науки и художество станутъ ея достояніемъ. И эта будущность воздастся ей за жалкое, прошлое существованіе, исключительно въ качествѣ рабочей, механической силы и предмета чувственности или дѣторожденія.

Однако, было бы желательно, чтобы въ своей новой, высшей долѣ, женщина не только не потеряла бы, но еще болѣе упрочила, силой свѣтлаго сознанія, врожденные и присущіе ея природѣ дары: Изящество, жественность и драгоцѣнныя сокровища ея сердца [1]).

1895-го года.

---

[1]) Было помѣщено во французскомъ журналѣ: Revue des femmes russes.

ЗАПИСКА О ДВОРЯНСТВѢ.

Ваше Сіятельство! Милостивый Государь

Графъ Петръ Ивановичъ,

Господинъ Полтавскій Губернскій Предводитель Дворянства, письмомъ отъ 10-го мая сего года за № 334 увѣдомилъ, что онъ получилъ разрѣшеніе предсѣдателя Высочайше учрежденнаго 13-го апрѣля сего года особаго совѣщанія, статсъ секретаря И. Н. Дурново, сдѣлать ему представленіе по тѣмъ вопросамъ, касающимся нуждъ помѣстнаго дворянства и мѣръ, могущихъ вывести его изъ затруднительнаго положенія и упрочить дальнѣйшее его существованіе, которыя признаются существенными и просить меня сообщить, какія нужды дворянства представляются по моему мнѣнію настоятельными.

Вслѣдствіе этого я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, М. Г. если признаете нужнымъ, сообщить мнѣ Ваше мнѣніе письменно не позже 10-го іюля по вопросамъ, касающимся нуждъ помѣстнаго дворянства.

Примите увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ почтеніи и проч.

М. В. Д. іюня 23 дня 1897 года.

Предводитель Дворянства, Кременчугскаго уѣзда.

ОТВѢТЪ

ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА КАПНИСТЪ.

Не могу не выразить сожалѣнія, что я имѣю въ моемъ распоряженіи слишкомъ мало времени, чтобы высказать мое соображеніе по предмету столь первостепенной важности, какъ вопросы предложенные высочайше *утвержденнымъ 13 апрѣля сего года, особымъ совѣщаніемъ*,— касающіеся нуждъ помѣстнаго дворянства и мѣръ могущихъ вывести его изъ затруднительнаго положенія и упрочить дальнѣйшее его существованіе. — Предметъ этотъ, столь близкій и дорогой сердцу каждаго, сознающаго свое достойнство—дворянина, требуетъ такого добросовѣстнаго изученія, обсужденія и пристальной работы,—что вмѣстить его въ тѣсныя рамки простаго соображенія, въ теченіи нѣсколькихъ дней, невозможно, если вышеупомянутому совѣщанію угодно имѣть отъ спрашиваемыхъ лицъ не бѣглую поверхностную замѣтку, а серіозный и солидный вкладъ въ общее для дворянства дѣло.

Согласно этому, примиряясь съ невольной необходимостью, я позволяю себѣ изложить здѣсь нѣсколько мыслей, которыя представляются мнѣ съ перваго взгляда и которыхъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ миновать, или игнорировать задача изысканія мѣропріятій къ упроченію дальнѣйшаго существованія помѣстнаго дворянства и къ улучшенію быта его.

Не входя здѣсь въ разсужденіе объ историческомъ значеніи и роли русскаго дворянства, не могу однако не обратить вниманія на то, что за послѣднія 40 лѣтъ, мѣропріятія нашего правительства, какъ по предмету междусословныхъ отношеній, такъ и въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи, [1]) привели дворянство наше

[1]) Смотрѣть замѣчательныя статьи кн. В. А. Кудашева въ „Новомъ Времени года 2 тому назадъ“.

къ столь стѣсненному положенію, къ такому оскуденію и задолженности, что вопросъ о томъ, — быть или не быть русскому дворянству уже казался роковымъ вопросомъ. Наша же пресса и значительная часть той амальгамы, которая у насъ мнитъ себя интеллигенціей, не сознавая существенныхъ условій принципа неограниченной Монархіи,—прямо признала сословіе дворянства анахронизмомъ, подлежащимъ постепенному упраздненію.

И вотъ теперь, сама эта высочайшая, монархическая, неограниченная власть указываетъ: изыскать мѣры *къ упроченію дальнѣйшаго существованія* дворянства.

Запутанный гордіевъ узелъ вопроса быть или не быть русскому помѣстному дворянству такимъ образомъ разрубленъ и рѣшено—быть дворянству.

Здѣсь, прежде всего, возникаетъ, общій принципьяльно-логическій вопросъ: въ чемъ заключается главное условіе, живучести, прочности, раціональнаго развитія всякаго, какого-бы то ни было — организма въ природѣ? Можетъ ли какой бы то ни было организмъ въ природѣ сохранить свою жизнь, свою цѣлость, сущность и способность солидно и правильно развиваться, не уничтожаться и, наконецъ, не разрушиться, не исчезнуть, если онъ будетъ обреченъ постоянно, періодично пополняться извнѣ совершенно ему посторонними, чуждыми и даже враждебными элементами?—А между тѣмъ наше дворянство, на каждомъ шагу, подвергалось и подвергается этому гибельному растворенію своей сущности въ цѣломъ бассейнѣ, пришлыхъ чуждыхъ ему, несвойственныхъ ему и враждебныхъ ему элементовъ. Уже давно само правительство сознало этотъ прискорбный порядокъ вещей и нашло необходимымъ ограничить и сдержать это зло. Сперва, каждый первый офицерскій чинъ, почти каждый орденъ, давали новаго дворянина. Потомъ предѣлъ перешелъ на чинъ коллежскаго ассесора и на крестъ Владиміра III степени. Затѣмъ на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Какой пестрый и чуждый духу и существу дворянскаго сословія, разрушительный контингентъ несостоятельныхъ

личностей внѣдрился съ теченіемъ многихъ лѣтъ, чисто механическимъ путемъ, въ среду дворянскаго сословія! Какъ онъ разжидилъ, исказилъ и обезобразилъ это сословіе! Дворянство,—этотъ нѣкогда передовой, по состоянію, по образованію и по доблести эшелонъ въ составныхъ частяхъ населенія имперіи, сталъ замѣтно растворяться въ массѣ бездомнаго, темнаго и неимѣющаго никакой связи съ лучшими традиціями люда. Есть ли какая нибудь физическая, или моральная возможность, изыскивать какія либо мѣропріятія, чтобы сдержать отъ почти ежедневнаго разложенія организмъ, подвергающійся подобной, непрерывной экспериментаціи? И однако, сила внутренней сущности этого сословія, почти до послѣдняго времени, была такъ велика, devise: „Noblesse oblige“,—былъ еще такимъ чуткимъ и святымъ завѣтомъ, что всѣ великія царственныя предначертанія и дѣянія просвѣщенія, литература, всѣ мирныя реформы и война видѣли, въ первыхъ рядахъ, дѣятелей, подававшихъ всѣмъ примѣръ,—изъ среды дворянъ. Въ послѣднее же время и это стало блѣднѣть; и славянофильская доктрина измыслила, и тѣмъ попала въ колею крайнихъ радикаловъ, идею *демократизаціи царизма*, т. е. царь и народъ.—До какой степени такая идея соотвѣтствуетъ принципу и духу самодержавной монархіи — покажетъ время. Но *abusus non tollit usum* т. е. искаженіи вещи не уничтожаетъ ея *истиннаго* назначенія и потому истинный и прямой смыслъ дворянства въ общемъ строѣ неограниченной монархіи, не можетъ и не долженъ быть заглушенъ искаженіями этого сословія. Мѣропріятія для дальнѣйшаго его существованія должны быть найдены.

Разъ, что дворянство получитъ устойчивость и ясный предѣлъ, — станетъ на очередь задача поддержать и осмыслить этотъ элементъ въ средѣ всѣхъ сословій *просвѣщеніемъ, полезной его общественной и государственной дѣятельностью и имущественной состоятельностью.* Только такимъ элементарнымъ путемъ можетъ быть достигнуто упроченіе дальнѣйшаго существованія

дворянства и мѣръ могущихъ вывести его изъ затруднительнаго положенія.

Въ виду всего этого, для достиженія цѣли Высочайше-учрежденнаго 13-го апрѣля сего года особаго совѣщанія, надлежало бы, по моему мнѣнію, въ общую обширную, добросовѣстную и солидную работу, включить, между прочимъ и нижеслѣдующія мѣры: 1) ходатайствовать, чтобы на будущее время дворянское достоинство представлялось не въ силу какого-бы то ни было чина или ордена и пожертвованія и проч., но, какъ *высшая награда* за заслуги, за подвиги по всѣмъ отраслямъ общественной и государственной дѣятельности *единственно личнымъ* произволеніемъ Государя Императора.

2) Соотвѣтственно мысли, недавно появившейся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, предоставить дворянамъ льготу *даровото обученія* во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) Пріобщить дворянство къ такой функціи правительственной и общественной дѣятельности, которая близко касается всего населенія Имперіи, и такимъ образомъ, дать ему значеніе *руководящаго* начала въ дѣлѣ насущной потребности всѣхъ сословій и, тѣмъ самымъ, упрочить въ глазахъ всего народонаселенія уваженіе, довѣріе и симпатію къ доблести, къ просвѣщенію и благонамѣренности дворянства.

Такой функціи правительственной и общественной дѣятельности, представляется мнѣ вѣдомство Министерства Земледѣлія. Предметъ и задача этого министерства есть успѣшное, мирное и всеобщее развитіе самаго прирожденнаго Россіи и общедоступнаго дѣла, — *земледѣлія*. Самое Министерство земледѣлія существуетъ у насъ уже четвертый годъ; но вопросъ о его помѣстной организаціи, вопросъ: какая среда, или какой органъ долженъ явиться у насъ *посредствующимъ звеномъ*, проводникомъ для взаимныхъ отношеній между дѣятельностію Министерства земледѣлія, — и всѣми классами населенія — еще не рѣшенъ.

Въ виду этого, и принимая во вниманіе вопросы предлагаемые нынѣ высочайше учрежденнымъ — 13-го апрѣля сего года—особымъ совѣщаніемъ, я нахожу полезнымъ, возможнымъ и справедливымъ, чтобы помѣстная организація Министерства земледѣлія имѣла бы обязательную *совѣщательную инстанцію* въ лицѣ санкціонированныхъ самимъ правительствомъ, общественно-правительственныхъ органовъ,—я говорю о губернскихъ предводителяхъ дворянства.

Уѣздный предводитель дворянства, какъ мѣстный уроженецъ, мѣстный землевладѣлецъ и мѣстный избранникъ своего сословія, есть всегда почти лицо, которому чуть не отъ колыбели невольно знакомы всѣ насущныя условія и нужды мѣстнаго земледѣлія,—если бы онъ былъ даже человѣкомъ и не особенныхъ умственныхъ способностей; во всякомъ случаѣ, это дѣло ему извѣстнѣе, ближе и дороже чѣмъ какому бы то ни было пришлому чиновнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это дѣло для него имѣетъ одинаковую важность и насущную потребность, какъ и для всего окружающаго населенія и потому онъ какъ мѣстный землевладѣлецъ удостоенный избранія и довѣрія высшаго сословія дворянства, о мѣрахъ къ дальнѣйшему существованію котораго идетъ рѣчь,—онъ, уѣздный предводитель дворянства, можетъ и долженъ быть первой помѣстной ступенью министерства земледѣлія, попечителемъ среди мѣстнаго населенія въ дѣлѣ указанія и обсужденія мѣстныхъ нуждъ земледѣлія. Считаютъ же правильнымъ пріурочивать нашихъ уѣздныхъ предводителей дворянства къ такимъ дѣламъ какъ народное просвѣщеніе, рекрутскій наборъ, тюремная часть, статистика и проч. Почему же всѣ эти предметы должно признавать болѣе свойственными дѣятельности уѣзднаго предводителя чѣмъ дѣло мѣстнаго земледѣлія?

Не входя здѣсь подробно въ изложеніе того, какимъ именно образомъ устроить это дѣло, я полагалъ бы необходимымъ, чтобы подъ предсѣдательствомъ каждаго уѣзднаго предводителя дворянства, былъ образованъ комитетъ, который собирался бы, хотя разъ въ мѣсяцъ,

для обсужденія мѣстныхъ нуждъ земледѣлія а равно и для представленія о томъ губернскому предводителю дворянства. Комитетъ этотъ долженъ состоять изъ трехъ выборныхъ членовъ—мѣстныхъ землевладѣльцевъ;—по одному отъ крупной, средней и мелкой поземельной собственности,—и изъ президента, или, въ случаѣ его отсутствія, изъ депутата мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества, или съѣзда, гдѣ таковыя имѣются.

Тогда такое лицо въ губерніи, какъ губернскій предводитель дворянства,—опираясь на дѣятельность комитета при уѣздныхъ предводителяхъ, могъ бы быть высшей *обязательно-совѣщательной* инстанціей и наилучшей связью, въ дѣлѣ земледѣлія, между провинціей и министерствомъ земледѣлія. Такое участіе дворянства въ дѣлѣ земледѣлія было бы однимъ изъ средствъ къ предоставленію дворянству положенія, соотвѣтственнаго цѣли, Высочайше утвержденнаго 13-го апрѣля сего года, особаго совѣщанія.

Представители и избранники дворянства стали бы представителями и руководителями всего мѣстнаго населенія въ одинаково дорогомъ всѣмъ дѣлѣ земледѣлія; а съ другой стороны, они же были бы проводниками и ходатаями отъ всего населенія, по этому дѣлу, предъ Высшей властію.

4) Вопросъ объ имущественной самостоятельности дворянства можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ только временемъ и практикой, когда общій объемъ изыскиваемыхъ нынѣ правительствомъ мѣръ, а равно и выше *приведенное* мѣропріятіе, достаточно укоренятся и дадутъ желаемые результаты.

Практика поможетъ изыскать, понять и оцѣнить тѣ условія, которыя необходимы для возможности развитія имущественной самостоятельности дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ, это есть предметъ соображенія, доступный по преимуществу заботливости и обсужденію высшихъ правительственныхъ сферъ, а не усиліямъ частнаго лица. Здѣсь же возможно, какъ бы

отрывочно указать: А) на дальнѣйшую разработку и обсужденіе вопроса о системѣ заповѣдныхъ имѣній; Б) на установленіе, чтобы дворянинъ, владѣющій извѣстнымъ количествомъ земли (примѣрно 500 десятинъ или 1000 дес.) былъ бы уже по тому самому *eo ipso*, гласнымъ въ земскомъ собраніи и Г) на то, чтобы размѣръ поземельныхъ повинностей былъ бы, гдѣ слѣдуетъ уменьшенъ и не превышалъ бы извѣстнаго процента съ *чистаго* дохода, чтобы земскимъ обложеніямъ земли повинностями былъ указанъ предѣлъ.

Изложивъ здѣсь то, что мнѣ представляется важнымъ, на первый взглядъ, въ виду вопросовъ предлагаемыхъ Высочайше учрежденнымъ 13-го апрѣля сего года, особымъ совѣщаніемъ, я позволю себѣ, въ заключеніе, высказать принципіальное и вполнѣ *неопровержимое* убѣжденіе.

Въ силу исторически сложившагося и укоренившагося сознанія всего громаднаго населенія Россіи и въ беззавѣтномъ чувствѣ всѣхъ сердецъ многомилліонныхъ вѣрноподданныхъ Русскаго Царя,—правда, сила и прочное установленіе и развитіе всего необходимаго для блага нашего отечества нисходитъ съ высоты Царскаго Престола.

Нынѣ съ высоты Престола нисходитъ указаніе изыскать мѣропріятіе къ упроченію дальнѣйшаго существованія дворянства и къ выходу его изъ затруднительнаго положенія.

Пусть же дворянство, молитъ Бога, чтобы это благодатное изволеніе пребывало незыблемо въ сердцѣ возлюбленнаго Царя и вѣритъ твердо, что тогда, неминуемо, мѣры къ дальнѣйшему существованію дворянства и его благосостоянія, совокупно съ благосостояніемъ всего дорогого нашего отечества, будутъ изысканы и осуществлены.

1897 года.

МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Газета „Новое Время“ [1]), по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ *І. Н. Шатиловымъ*, въ день празднованія его юбилея въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства,—спрашивала: „*нужно-ли новое министерство*“, т.-е. министерство земледѣлія? Вмѣстѣ съ этимъ, разрѣшая этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, заявляя, что министерство земледѣлія нужно, и вспоминая, что самый вопросъ объ этомъ далеко уже не новый и поднятъ еще въ тридцатыхъ годахъ графомъ Н. С. Мордвиновымъ, — „Новое Время“ тутъ-же предлагало совершенно новый способъ разрѣшенія этого вопроса, а именно: преобразовать теперешнее министерство государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія. При этомъ, „Новое Время“ считаетъ вполнѣ возможнымъ и правильнымъ, чтобы новое министерство земледѣлія сохранило въ вѣдѣніи своемъ и ту дѣятельность, которая въ настоящее время составляетъ спеціальность министерства государственныхъ имуществъ, т.-е. говоря проще, — управленіе тѣми статьями, которыя составляютъ *имущество государства*.

Если считать вопросъ *не новымъ* только потому, что онъ возбужденъ нѣсколько десятилѣтій и даже полъ-вѣка тому назадъ, хотя-бы разрѣшеніе его не подвинулось съ тѣхъ поръ ни на шагъ впередъ, то въ этомъ смыслѣ взглядъ „Новаго Времени“ совершенно справедливъ. Правда, своего рода шагомъ къ разрѣшенію этого вопроса можно было-бы признать нѣкоторыя преобразованія въ самой средѣ министерства государственныхъ

[1]) Отъ 19 апрѣля 1889 года.

имуществъ, какъ напр., учрежденіе департамента сельскаго хозяйства,—но сама-же газета „Новое Время“ находитъ это учрежденіе до такой степени мало солиднымъ, что и въ настоящее время разрѣшеніемъ одной изъ коренныхъ задачъ въ судьбѣ сельскаго хозяйства въ Россіи занимается не министерство государственныхъ имуществъ и не департаментъ сельскаго хозяйства, а коммисія, учрежденная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я позволю себѣ думать, что если вопросъ, возникшій полъ-вѣка тому назадъ, не получилъ до нашихъ дней никакого, или почти никакого рѣшенія и примѣненія въ оффиціальномъ мірѣ Россіи,—то такой вопросъ, какъ вполнѣ *открытый*, не можетъ быть признаваемъ старымъ вопросомъ. Что-же касается неоффиціальной стороны дѣла, то въ нашей прессѣ и въ сознаніи общества вопросъ о министерствѣ земледѣлія сталъ обращаться не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ и здѣсь онъ имѣетъ характеръ далеко не стараго вопроса.

Говорить о необходимости учрежденія у насъ министерства земледѣлія мнѣ кажется совершенно излишнимъ. Большая часть современныхъ намъ явленій въ области нашего экономическаго быта и въ сферѣ общественнаго матеріальнаго благосостоянія громко говорятъ за эту необходимость.

Едва-ли возможно сомнѣваться въ томъ, что дѣло упроченія и процвѣтанія въ Россіи земледѣлія имѣетъ въ настоящее время не менѣе значенія, чѣмъ упроченіе финансоваго положенія, чѣмъ значеніе военнаго бюджета. И дѣйствительно,—хорошая организація сельскаго хозяйства (земледѣлія) становится у насъ все болѣе и болѣе фокусомъ, къ которому стремятся и въ которомъ сосредоточиваются лучи всей внутренней политики, всѣхъ функцій внутренней жизни государства. Теперь вопросъ хорошей организаціи земледѣлія въ нашемъ отечествѣ уже не есть вопросъ той или другой формы плуга, той или другой системы посѣва; нѣтъ, это вопросъ болѣе широкій, болѣе принципіальный,—вопросъ хорошей

организаціи производительныхъ силъ, обусловливающихъ экономическое и соціальное развитіе страны. Нельзя не предвидѣть также, что министерство земледѣлія неминуемо было-бы только лишь первою ступенью въ созиданіи болѣе величаваго, болѣе всесторонняго и могучаго учрежденія. Фабричная промышленность наша требуетъ соотвѣтственной своимъ цѣлямъ организаціи. О необходимости регламентировать надлежащимъ образомъ дѣло нашей торговли раздавались также уже не одинъ разъ въ нашей прессѣ и въ общественной средѣ солидные голоса. Такимъ образомъ, министерство земледѣлія можетъ легко оказаться надежной точкой отправленія къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя, со временемъ, соединивъ во-едино интересы сельскаго хозяйства, фабричной промышленности и торговли, осуществятъ въ будущемъ идею *министерства народнаго хозяйства*,—какъ увѣнчаніе зданія всесторонняго экономическаго развитія страны.

Въ виду такой постановки вопроса учрежденія министерства земледѣлія, едва-ли уже можетъ быть рѣчь о разрѣшеніи этого вопроса въ смыслѣ преобразованія въ министерство земледѣлія нынѣ существующаго министерства государственныхъ имуществъ, съ сохраненіемъ за этимъ послѣднимъ его прямого назначенія—вѣдать имущества, составляющія собственность государства. И въ самомъ дѣлѣ,—что такое въ сущности министерство государственныхъ имуществъ въ свойственной ему средѣ, въ его истинномъ назначеніи? Оно, оставаясь юридическимъ лицомъ, есть такой-же точно, въ своей средѣ, хозяинъ, какъ каждый частный землевладѣлецъ въ своей средѣ. Подобно каждому частному землевладѣльцу, министерство государственныхъ имуществъ, въ дѣлѣ управленія подлежащими ему статьями, имѣетъ свои *частныя* цѣли, составляющія для него предметъ болѣе обязательныхъ заботъ, чѣмъ о судьбѣ земледѣлія вообще въ примѣненіи ко всему объему нашего отечества. Если къ составу министерства государственныхъ имуществъ пріурочены такія учрежденія, какъ департаментъ сельскаго хозяйства, какъ ученый комитетъ, или инспекція

сельскаго хозяйства въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества,—то это, конечно, то-же самое, только въ большомъ размѣрѣ, какъ если-бы любой сельскій хозяинъ, помимо прямыхъ своихъ заботъ, принялъ на себя еще трудъ заняться на практикѣ, или въ теоріи, той или другой статьей изъ области сельскаго хозяйства по любви къ дѣлу вообще, или даже, имѣя въ виду извлечь изъ такого занятія пользу въ примѣненіи къ своей собственной спеціальной дѣятельности. Если министерство государственныхъ имуществъ, преслѣдуя свои прямыя цѣли, можетъ, съ другой стороны, служить общей пользѣ земледѣлія въ нашемъ отечествѣ, распространеніемъ улучшенной породы сѣмянъ, или удешевленіемъ земледѣльческихъ орудій и т. п., то частный землевладѣлецъ точно также, занимаясь прямымъ своимъ дѣломъ, можетъ, съ другой стороны, служить общему дѣлу процвѣтанія сельскаго хозяйства, предлагая, напр., значительную премію за лучшее сочиненіе объ организаціи системы фермерства, или основавъ на свои собственныя средства хорошую школу сельскихъ учителей, или опытныхъ управляющихъ и проч.

И такъ, если смотрѣть на министерство государственныхъ имуществъ, какъ на самостоятельнаго, отдѣльнаго хозяина, то, конечно, не можетъ представляться удобнымъ, сохраняя ему его собственную, присущую ему заботу по его спеціальности,—возложить на него-же задачи и обязанности министерства земледѣлія. Въ этомъ случаѣ безспорно болѣе чѣмъ когда либо можно было-бы сказать, что трудно быть слугою двухъ господъ и что нельзя вливать новое вино въ старые мѣхи, а, пожалуй,—что къ ветхой одеждѣ не приставляютъ новую заплату, ибо заплата отдерется и „дира горше будетъ“.

Нѣтъ, министерство земледѣлія должно быть учрежденіемъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ всѣхъ другихъ учрежденій, имѣющимъ свое широкое, величавое и опредѣленное призваніе. Что такое учрежденіе для насъ, въ настоящее время, составляетъ настоятельную и насущную потребность, что оно не должно

стоить такъ дорого, какъ нѣкоторые привыкли это воображать, объ этомъ теперь разсуждать безполезно. Но необходимо, въ виду снова проявляющагося въ нашей прессѣ и въ общественной средѣ нашей участія къ вопросу о министерствѣ земледѣлія,—указать на предметы вѣдомства этого министерства и на задачи, подлежащія его разрѣшенію, а равно—и на возможную его организацію, на способъ его осуществленія.

I.

Предметы вѣдомства.

Вопросъ о предметахъ вѣдомства министерства земледѣлія обсуждался уже и въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ нашихъ, и въ прессѣ. Опредѣленное и вполнѣ законченное разрѣшеніе этого вопроса въ теоріи, прежде чѣмъ осуществится когда нибудь у насъ министерство земледѣлія на практикѣ,—невозможно, по причинѣ крайней эластичности сказаннаго вопроса. Дѣятельность, предстоящая новому министерству, будетъ до такой степени связана съ историческими и съ современными жизненными условіями страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ условіями географическими и этнографическими, что было-бы напраснымъ трудомъ, стараться опредѣлить заранѣе *всю совокупность* предметовъ вѣдомства министерства земледѣлія.

Въ 1882 г. въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства былъ подвергнутъ обсужденію докладъ одного изъ членовъ этого общества, г. *Шарапова*, о министерствѣ земледѣлія и его задачахъ въ Россіи.

Взглядъ г. Шарапова на предметы вѣдомства министерства земледѣлія крайне одностороненъ. Онъ сосредоточивается главнымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ въ Россіи и притомъ преимущественно на области агрономіи. „Вопросъ о регулированіи земледѣлія“, говоритъ онъ, „о податныхъ облегченіяхъ, о переселе-

ніяхъ, наконецъ даже о пьянствѣ, все это несомнѣнно вопросы очень важные и существенные. Но они съ полнымъ правомъ могутъ быть совершенно исключены изъ области работъ министерства земледѣлія". Президентъ общества г. *Шатиловъ*, въ своемъ мнѣніи о докладѣ г. Шарапова, находитъ его взглядъ на вопросъ о предметахъ вѣдомства министерства земледѣлія слишкомъ узкимъ, такъ какъ г. Шараповъ считаетъ почти исключительной задачей министерства *три* ближайшія нужды крестьянскаго хозяйства, удовлетвореніемъ которымъ возможно поднять экономическое благосостояніе нашего отечества. Нужды эти слѣдующія: нужда въ удобреніи, нужда въ кредитѣ и нужда въ порядочныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. „Корень зла", говоритъ г. Шатиловъ, „по мнѣнію г. Шарапова, открытъ; остается создать орудіе его искорененія,—и для этой цѣли предлагается созданіе министерства земледѣлія". — Дѣйствительно, для осуществленія цѣли намѣченной г. Шараповымъ нѣтъ надобности создавать центральный правительственный органъ. Самъ-же г. Шатиловъ въ то время не считалъ нужнымъ учрежденіе министерства земледѣлія и, по его мнѣнію, возможно было удовольствоваться „расширеніемъ дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ". За то, *В. И. Вешняковъ*, тогда-же принимавшій участіе въ засѣданіи общества, въ нѣсколькихъ вѣскихъ словахъ, указалъ уже болѣе опредѣленно и въ смыслѣ болѣе свойственномъ государственному человѣку, на задачу министерства земледѣлія. „Я полагаю", сказалъ онъ, „что задача министерства земледѣлія должна быть двоякая: съ одной стороны, оно должно всѣми доступными правительству средствами *содѣйствовать* развитію и усовершенствованію сельскаго хозяйства, въ обширномъ смыслѣ этого слова, во всей странѣ; съ другой стороны, оно должно *служить* какъ-бы высшимъ *преставителемъ* всѣхъ *земледѣльческихъ интересовъ* въ государствѣ и *защитникомъ* этихъ интересовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ". Эти слова г. Вешнякова имѣютъ, въ моихъ гла-

захъ, особенное значеніе, какъ слова сказанныя лицомъ, занимающимъ въ настоящее время должность товарища министра государственныхъ имуществъ и доказывающихъ, что уже въ высшемъ составѣ нашего правительства существуетъ признаніе необходимости учрежденія министерства земледѣлія и правильный, широкій взглядъ на его задачи. Такимъ образомъ, уже въ 1882 году пренія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, поставивъ вопросъ о задачахъ министерства земледѣлія въ Россіи и приступивъ къ разрѣшенію его сперва узко, односторонне (чтобы не сказать,—неумѣло), привели къ выраженію взгляда правильнаго, широкаго, дальнѣйшее развитіе котораго должно выразиться надлежащимъ и желаемымъ опредѣленіемъ предметовъ вѣдомства и задачъ министерства земледѣлія въ Россіи.

Въ прессѣ нашей также стало проявляться стремленіе развивать мысль о необходимости министерства земледѣлія и о его дѣятельности. На всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ іюлѣ 1882 года, извѣстный нашъ ученый *Д. И. Менделѣевъ*, въ своемъ докладѣ „объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи“, заявилъ о необходимости учредить министерство торговли и промышленности. По этому поводу, „Московскія Вѣдомости“ совершенно вѣрно отозвались, что „если создавать особое вѣдомство, то ему-же слѣдовало-бы передать и заботы *о промышленности земледѣльческой, безъ развитія которой прочія отрасли никогда не установятся прочно...* Особый органъ, вѣдающій торговлю, фабричную и заводскую промышленность, оказался-бы въ затруднительномъ положеніи, если-бы земледѣліе осталось внѣ сферы его вліянія. Отпускъ хлѣба, льна, шерсти, пеньки, производство кожъ, сала, спирта находятся въ прямой связи съ сельскимъ хозяйствомъ. Чтобы поднять оборотъ нашей торговли, увеличить дѣятельность нашихъ фабрикъ, необходимо прежде поднять и обезпечить наше земледѣліе“. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ прямо прійдти къ заключенію, что задача министерства земледѣлія *не*

должна и не можетъ ограничиться только областью агрономіи, какъ это докладывалъ г. Шараповъ.

И дѣйствительно, — опытъ другихъ странъ ясно доказываетъ эту истину. Почти во всѣхъ государствахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки есть министерство земледѣлія. Въ Россіи-же, въ этой странѣ по преимуществу земледѣльческой, которая еще такъ недавно и такъ справедливо называлась *житницей Европы* и которая именно только при условіи хорошей организаціи земледѣльческаго дѣла можетъ и должна возвратить себѣ это, по праву принадлежавшее ей названіе, — въ такой странѣ земледѣліе, какъ одно изъ самыхъ основныхъ, элементарныхъ свойствъ ея, должно находить себѣ заявленіе, регулированіе и опору, конечно, не въ формѣ департамента, не имѣющаго, сравнительно съ министерствами, одинаковой съ ними авторитетности. Какъ на поразительное доказательство справедливости этой мысли, укажемъ на недавній примѣръ изъ жизни страны, въ которой экономическіе интересы достигли высокой степени развитія и въ которой заботы о наилучшей организаціи народнаго труда и народнаго богатства давно уже составляютъ главный предметъ всеобщаго вниманія и всеобщихъ усилій, — но которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не можетъ быть названа страной земледѣльческой въ такой мѣрѣ, какъ Россія. Я говорю о Франціи, выплатившей послѣ германскаго погрома милліарды и уже теперь, не смотря на всю шаткость, неопредѣленность и загадочность своего политическаго строя,—изумившей міръ своимъ экономическимъ блескомъ на своей всемірной выставкѣ... И такъ, извѣстно, что не далѣе какъ въ 1881 году, *Гамбетта*, стоявшій въ то время во главѣ французскаго министерства, учредилъ спеціальное министерство земледѣлія. Въ докладѣ по этому предмету президенту республики Гамбетта приводитъ мотивы, побудившіе его, какъ главу кабинета, учредить министерство земледѣлія и тѣмъ предоставить для этой стороны экономической жизни Франціи *особое* представительство въ правительствен-

ныхъ совѣтахъ. Въ этихъ мотивахъ, напечатанныхъ въ „Journal Officiel“, учрежденіе министерства земледѣлія объясняется желаніемъ содѣйствовать развитію плодотворнѣйшаго изъ элементовъ національнаго богатства. Такое-же убѣжденіе, говоритъ Гамбетта, побудило и правительства другихъ странъ учредить спеціальное вѣдомство земледѣлія. Такія вѣдомства существуютъ теперь въ Германіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Австріи, въ Италіи... Во Франціи-же подобная реформа представляетъ тѣмъ большую важность, что французское земледѣліе *уже многіе годы пережило тягостное положеніе. Къ иностранной конкурренціи и экономическимъ перемѣнамъ ею вызываемымъ*, присоединяются недостатокъ урожая и опустошительное распространеніе филоксеры. (У насъ уже явилась филоксера, но главные наши враги—хлѣбный жукъ, гессенская муха, пильщикъ: а въ pendant къ нимъ и знаменитыя *боевыя пошлины* бывшаго германскаго аутомедона). „Для того, чтобы правительство дѣйствовало въ этой сферѣ съ полной увѣренностью, является *потребность въ сосредоточеніи въ одномъ вѣдомствѣ* всѣхъ разнообразныхъ отдѣловъ, относящихся къ земледѣлію. Въ составъ новаго министерства поэтому входятъ отдѣлы, занимающіеся вопросами орошенія и осушенія почвы, объ усовершенствованіи способовъ земледѣлія, ассенизированія полей, канализаціи и вопросами о гарантіяхъ крупныхъ предпріятій по улучшенію земледѣлія“ („Новое Время“, 1881 г., 9-го ноября). Читая эти мотивы, приведенные въ докладѣ государственнаго человѣка Франціи, невольно обращаешь взоры на Россію, гдѣ земледѣліе также пережило уже многіе и многіе годы тягостное положеніе, которая тоже испытываетъ и иностранную конкурренцію, и экономическія перемѣны, гдѣ также не рѣдкость — недостатокъ урожая, получившій у насъ даже собственную терминологію въ словѣ: *недородъ*, и гдѣ, наконецъ, начиная съ истребляющихъ хлѣбъ насѣкомыхъ, землевладѣлецъ и земледѣлецъ равно испытываютъ на себѣ впечатлѣнія, напоминающія собою библейское повѣство-

ваніе о десяти казняхъ египетскихъ... Теперь Гамбетта уже въ могилѣ, но министерство земледѣлія пережило его и, не смотря на всѣ послѣдующія перемѣны въ направленіи французскаго правительства, — по нынѣ существуетъ.

Говоря о характерѣ предстоящей министерству земледѣлія дѣятельности, нельзя, прежде всего, не обратить вниманія на ту полнѣйшую первобытность, которая почти всецѣло охватываетъ собою всю область нашего сельскаго хозяйства. И эта первобытность, конечно, не та благоустроенная и благообразная первобытность, о которой сохранилось преданіе въ библейскомъ описаніи земнаго рая, — но первобытность хаоса, въ которомъ взаимная борьба самыхъ враждебныхъ элементовъ ожидаетъ для себя уравновѣшенія и порядка въ будущемъ сотвореніи міра. Въ доказательство того, что слова эти никакъ нельзя назвать риторитической гиперболой, я утверждаю, что только вполнѣ несвѣдущій, вполнѣ близорукій, или вполнѣ недобросовѣстный человѣкъ могъ бы усомниться въ той истинѣ, что три великіе экономическіе фактора: *природа* (земля, вода, воздухъ), *трудъ* и *капиталъ*, въ примѣненіи ихъ къ общему характеру нашей сельскохозяйственной дѣятельности, находятся въ первобытномъ, почти непочатомъ положеніи, въ смыслѣ общей экономической организаціи. Земля — ожидаетъ опредѣленія своего количества и качества, вода—требуетъ правильной системы осушенія и орошенія, воздухъ — ищетъ устраненія неблагопріятныхъ климатическихъ условій. Организація труда — имѣетъ у насъ, пока, значеніе только экономическаго термина, а не факта. О капиталѣ же, — для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, и говорить нечего, такъ какъ и въ денежномъ и въ вещественномъ смыслѣ онъ составляетъ у насъ, по отношенію къ нашей сельскохозяйственной дѣятельности и ея условіямъ,—блистательное исключеніе. Въ виду этого, центральному, правительственному учрежденію для области земледѣлія и сельскаго хозяйства предстоитъ у насъ, прежде всего, выполнить задачу,

напоминающую собою завидное титаническое призваніе такихъ миоическихъ героевъ древности, каковы напр., Геркулесъ—очищающій Аугіевы конюшни и истребляющій гидру, или Тезей, устраивающій пути, дѣлающій ихъ проходимыми и безопасными отъ дикихъ животныхъ и злодѣевъ подобныхъ Прокрусту и пр.

Изъ такого характера предстоящей министерству земледѣлія дѣятельности уже весьма естественно являются и тѣ предметы, на которые должно быть обращено, съ самаго начала, его вниманіе. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ развитія дѣятельности этого министерства и самые предметы должны накопляться, увеличиваться въ числѣ черезъ разработку однихъ и притокъ другихъ. Поэтому было бы крайне преждевременнымъ, легкомысленнымъ и тщетнымъ усиливаться теперь же начертать программу задачъ, предстоящихъ нашему министерству земледѣлія. Такая попытка обличала бы довольно близорукое пониманіе тѣхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство во всѣхъ странахъ, а у насъ въ особенности, —какъ вовсе не получившее еще общей организаціи. Условія и потребности сельскаго хозяйства мѣняются почти съ каждымъ днемъ и вслѣдствіе этого невозможно впредь сколько-нибудь опредѣленно изложить циклъ задачъ, предлежащихъ новому министерству. Поэтому я позволю себѣ только намѣтить нѣкоторые изъ тѣхъ особенно выдающихся предметовъ, нѣсколько, такъ сказать, вопіющихъ вопросовъ, которые, по моему мнѣнію, находятся уже на очереди и предстанутъ немедленно предъ министерствомъ земледѣлія. Я буду кратокъ и постараюсь одни изъ упомянутыхъ предметовъ уяснить, по возможности, сжато,—а другіе только поименовать, потому что каждый изъ нихъ можетъ быть развитъ въ особый подробный проектъ.

1) *Сосредоточеніе въ высшемъ центральномъ учрежденіи всѣхъ теоретическихъ и практическихъ знаній, необходимыхъ для общаго прогресса нашего сельскаго хозяйства.* Сюда относятся:

а) Всѣ отрасли наукъ, имѣющихъ отношеніе къ об-

ласти сельскаго хозяйства, какъ напримѣръ тщательное изученіе страны по всѣмъ тремъ царствамъ природы, этнографическія и статистическія свѣдѣнія и проч.; прикладная часть точныхъ наукъ, техническая часть и проч.; мѣры къ истребленію вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и проч.

б) Преподаваніе и распространеніе въ теоріи и на практикѣ сельскохозяйственныхъ знаній, ***въ ихъ соотвѣтственномъ объемѣ и потребности***,—отъ крестьянской хижины до высшихъ учрежденій включительно.

в) Поощреніе преуспѣянія частной сельскохозяйственной дѣятельности выдачей премій за лучшія хозяйства, или иными цѣлесообразными способами.

г) Правильное, непрерывное общеніе съ частными сельскохозяйственными обществами и сельскохозяйственными съѣздами.

Для лучшаго уясненія того великаго значенія, которое наука и вообще совокупность всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній должны получить въ новомъ министерствѣ земледѣлія, приведемъ мнѣніе, по этому поводу, высказанное въ докладѣ Гамбетты президенту Французской республики.

„*Прежде всего* предметомъ заботливости министерства земледѣлія", говоритъ Гамбетта, „будетъ безъ сомнѣнія реорганизація высшаго совѣта земледѣлія. Совѣщательный совѣтъ, состоящій изъ ***свѣдущихъ*** людей, которые не откажутся посвятить необходимое время на изученіе ***вносимыхъ министромъ*** на ихъ разсмотрѣніе многочисленныхъ и важныхъ вопросовъ,—долженъ состоять изъ столькихъ секцій, сколько имѣется въ министерствѣ земледѣлія особыхъ отдѣленій: собственно земледѣліе, обученіе сельскому хозяйству, орошеніе, лѣсное дѣло, коннозаводство... Соотвѣтствующія отдѣленія министерства, которыя сохранятъ за собою собственно администрацію отдѣльныхъ отраслей управленія, найдутъ въ высшемъ совѣтѣ, ***который не долженъ быть совѣтомъ только по имени***, а дѣйствовать и періодически собираться,—въ высшей степени полезное содѣйствіе при

изученіи многочисленныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ разнообразныхъ свѣдѣній, рѣдко встрѣчаемыхъ въ одномъ и томъ-же лицѣ.

„Придется изучить организацію различныхъ отраслей управленія,—и прежде всего,—организацію преподаванія сельскаго и лѣснаго хозяйства *на разныхъ его ступеняхъ*. Вопросъ этотъ — капитальный вопросъ, — отъ него зависитъ въ значительной степени будущность французскаго земледѣлія. *Вѣдь промышленность создана была наукою.* Вѣдь чудесному развитію различныхъ отраслей ея,—физики, химіи, механики,—она (промышленность) обязана пріобрѣтенной ею силой, которая служитъ характеристическою чертою нашего вѣка. *Вѣдь одна только наука является исходною точкой всякаго прогресса въ области земледѣлія.* Отъ нея еще болѣе, нежели отъ экономическихъ комбинацій мы можемъ надѣяться получить средства *для успѣшной борьбы съ иностранной конкуренціею*. Благопріятствуемая, сравнительно съ другими государствами, плодородною почвою, разнообразнымъ климатомъ, географическимъ положеніемъ, разцвѣтомъ всѣхъ видовъ свободы. Франція найдетъ *въ цѣлесообразной организаціи* своихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій, въ принципѣ ассоціаціи, *въ плодотворномъ развитіи частной иниціативы*,—будущность, которую, такъ называемый протекціонизмъ,—изображаемый панацеей всѣхъ дѣйствительныхъ недуговъ земледѣлія,—никакъ не въ состояніи обезпечить за нею". („Новое Время", 12 ноября 1881 года).

Говоря о необходимости сосредоточенія въ министерствѣ земледѣлія соотвѣтствующихъ указаній и открытій науки, я нашелъ необходимымъ остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе и привести мнѣніе Гамбетты, потому, что какъ справедливо выразился этотъ основатель французскаго министерства земледѣлія, наука есть исходная точка всякаго сельскохозяйственнаго прогресса и потому еще, что въ мнѣніи его довольно ясно проглядываютъ и намѣчены тѣ черты, которыя должны быть признаны основными въ общемъ типѣ министер-

ства земледѣлія, и весьма вѣрно указана та связь, которая, по отношенію къ сельскому хозяйству, должна прочно существовать между *частной и правительственной инициативой*.

Вооруженное опытомъ науки и практическими данными, министерство земледѣлія можетъ съ твердою увѣренностью обратить свою дѣятельность на другіе важные предметы, въ видахъ развитія и упроченія процвѣтанія нашего сельскаго хозяйства, и здѣсь прежде всего представляется:

2. *Отношеніе густоты населенія къ пространству въ Имперіи вообще и въ различныхъ мѣстностяхъ ея въ частности.* Здѣсь въ смыслѣ общаго экономическаго и сельскохозяйственнаго преуспѣянія является особенно важнымъ: а) *условія прибыли и убыли населенія* и б) *распредѣленіе его на пространствѣ территоріи.*

Не даромъ знаменитый статистикъ *Моро-де-Жонесъ* утверждаетъ, что „народонаселеніе есть душа государства", что „въ немъ его сила, могущество, богатство, слава, *если только оно хорошо и благоразумно управляется*". Истина эта, по мнѣнію упомянутаго ученаго, такъ важна, что „число рожденій и смертныхъ случаевъ, какъ относительно предшествующаго времени, такъ и сравнительно съ другими странами, характеризуютъ цивилизацію страны и дѣйствія ея правительства. Это такъ вѣрно, что по одной данной цифрѣ смертности, безъ всякаго указанія на мѣстность, статистикъ, единственно лишь изъ отношенія ея къ общему количеству народонаселенія,—можетъ узнать, идетъ ли рѣчь о какомъ нибудь англійскомъ графствѣ, или о французскомъ департаментѣ [1]). Нѣтъ надобности объяснять какое зна-

---

[1]) *Начальныя основанія статистики*, соч. *Моро-де-Жаннеса* переводъ М. Щепкина 1859 г. стр. 21 и 66.

Считаю полезнымъ обратить здѣсь вниманіе на недавнее учрежденіе въ Англіи *Министерства земледѣлія*. Организація этого Министерства должна быть подобною организаціи Министерства торговли, а именно съ совѣтомъ во главѣ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ министерскихъ чиновниковъ и другихъ лицъ *по назначенію*. Предсѣда-

ченіе густота народонаселенія имѣетъ для судьбы сельскаго хозяйства и потому Министерство земледѣлія обязано хорошо знать причины, содѣйствующія или препятствующія у насъ прибыли населенія и оно должно принимать въ этомъ отношеніи надлежащія мѣры. Министерство земледѣлія не можетъ и не должно считать себя чуждымъ и некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, которое есть ключь для пониманія правильныхъ отношеній труда къ капиталу и къ возможному поднятію производительности страны. Въ Европѣ наука и густота населенія сдѣлали то, что тамъ почти не знаютъ ни солонцовъ, ни пустырей. Едва ли для кого нибудь тайна, что климатическія, соціальныя и гигіеническія условія, въ которыхъ находится у насъ народонаселеніе, таковы, что прибыль и здоровье населенія требуютъ особеннаго попеченія со стороны правительства. Какъ на одну изъ сторонъ этого дѣла укажемъ здѣсь, въ видѣ примѣра, на то, что уже болѣе вѣка тому назадъ говорилъ нашъ знаменитый *Ломоносовъ*, и что можетъ вполнѣ быть примѣнено къ происходящему и теперь передъ нашими глазами. Къ причинамъ большой смертности въ народѣ Ломоносовъ, *между прочимъ*, какъ очевидецъ, относитъ *„невоздержаніе* и *неосторожность* съ установленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и *имѣющими видъ нѣкоторой святости*. Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ масляница и св. недѣля великое множество народа однимъ только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ, и частыя похороны доказываютъ то ясно. Розговѣны тому-жъ подобно [1]).

тель совѣта есть отвѣтственный передъ парламентомъ министръ. По видимому,—это тотъ-же типъ организаціи, какъ и въ Министерствѣ земледѣлія, учрежденномъ Гамбеттой во Франціи.

[1]) „Русская Старина“, октябрь, 1873 г. Соч. Ломоносова. *О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.*

Если же принять въ соображеніе условія жилья, пищи, одежды и вообще быта крестьянина, то возможно ли усумниться, что лишенія и всяческія эпидемическія и не эпидемическія болѣзни и смертные случаи служатъ громаднымъ препятствіемъ для прибыли населенія. Какъ ни важно, однако, для министерства земледѣлія изыскать способы, содѣйствующіе прибыли здороваго населенія, но еще важнѣе, сложнѣе и труднѣе будетъ разрѣшить и регламентировать *вопросъ о распредѣленіи густоты населенія въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, соотвѣтственно потребностямъ сельскаго хозяйства*. Въ настоящее время правительство наше трудится надъ распредѣленіемъ у насъ населенія, стремясь установить надлежащія основанія для переселеній. Но именно отсутствіе такого органа, какъ министерство земледѣлія, заставляетъ невольно усомниться въ успѣшномъ исходѣ этого дѣла. Еще недавно главные начальники далекихъ окраинъ нашихъ, каковы Кавказъ, Туркестанъ и Сибирь, разсылали, черезъ посредство начальниковъ губерній, по волостямъ, такія приглашенія къ переселеніямъ, съ обѣщаніемъ разныхъ льготъ, что населеніе, не отдавая себѣ яснаго отчета въ имѣющихся у него подъ руками средствахъ и въ томъ что ожидаетъ его въ новомъ мѣстѣ,—подымалось массами, распродавало кулакамъ и міроѣдамъ за безцѣнокъ свое имущество, впадало въ нищету, или покидало тѣ мѣстности, въ которыхъ сельское хозяйство испытываетъ настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ. Все это представляетъ министру земледѣлія обширное поле дѣйствія. „Просторъ и рѣдкость населенія“, говоритъ *И. С. Аксаковъ* [1]), „съ самаго перваго дня нашей исторіи является главнымъ дѣйствующимъ условіемъ нашего политическаго и экономическаго развитія“.

И такъ, министерству земледѣлія предстоитъ осуществить трудное дѣло такого распредѣленія густоты населенія на пространствѣ русской территоріи, которое

[1]) Газета „Русь“ 1880 г. № 1-й.

бы благопріятствовало развитію и процвѣтанію нашего сельскаго хозяйства. Но здѣсь помимо переселенія съ мѣста на мѣсто нашего родимаго населенія, является еще важный *вопросъ водворенія въ Россіи иностранныхъ колонистовъ*.

Отношеніе населенія страны къ пространству у насъ неудовлетворительно: простора—въ волю; добросовѣстный трудъ всегда найдетъ себѣ и работу и заработокъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ считается: *въ Европейской Россіи*—пространства 4.258.240 кв. верстъ, жителей обоихъ половъ 67.533.639, т. е. *Около 14 человѣкъ на квадратную версту*. *Въ Великобританіи* же—пространства 278.810 кв. верстъ, а жителей 34.946 обоихъ половъ, т. е. *около 126 человѣкъ на квадратную версту*. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ по части сельскаго хозяйства *Леонсъ-де-Лавернь*, въ своемъ сочиненіи: *О земледѣліи въ Англіи* утверждаетъ, что „англійское сельское хозяйство, разсматриваемое во всемъ его объемѣ, есть въ настоящее время *первое въ мірѣ* и оно, не смотря на то, и нынѣ стремится къ новымъ успѣхамъ". А я позволю себѣ еще разъ сказать при этомъ, что, не смотря на столь прекрасное положеніе сельскаго хозяйства въ этой странѣ, Англія, нашла необходимымъ учредить у себя спеціальное министерство земледѣлія. У насъ—не то. Да, дѣло легкаго и многочисленнаго водворенія у насъ иностранныхъ колонистовъ есть тоже капитальное дѣло, предстоящее будущему министерству земледѣлія на пользу нашего сельскаго хозяйства и тотъ день, когда дѣло это окажется удобоосуществимымъ,—будетъ днемъ не только экономическаго, но и политическаго торжества.

Къ вопросу переселеній и колонизаціи примыкаетъ то значеніе, которое должны имѣть желѣзныя дороги въ отношеніи къ сельскому хозяйству. Министерство земледѣлія обязано въ этомъ смыслѣ, несависимо отъ другихъ сторонъ этого дѣла, прежде всего озаботиться: 1) *предоставленіемъ возможныхъ удобствъ для періодическихъ передвиженій по желѣзнымъ дорогамъ рабочаго*

населенія--въ видахъ предоставленія этому населенію легчайшихъ заработковъ и удешевленія рабочихъ рукъ *тамъ, гдѣ* въ нихъ встрѣчается надобность и 2) *предоставленіемъ во всякое время вполнѣ достаточнаго количества подвижнаго состава* для перевозки сельскохозяйственныхъ продуктовъ,—чѣмъ облегчится сбытъ этихъ продуктовъ и поддержится цѣна оныхъ. Потребность эта настолько ясна, что въ послѣднее время поднятъ у насъ *вопросъ о тарифѣ за провозъ продуктовъ*, выдвинутый почти повсемѣстно дворянствомъ и земствомъ и разрабатываемый спеціальной коммиссіей.

Когда всѣ необходимыя въ сельско-хозяйственномъ отношеніи условія территоріи и народонаселенія Россіи будутъ въ полномъ распоряженіи министерства земледѣлія,—тогда передъ нимъ предстанетъ великое и обширное дѣло, а именно:

3) *Дѣло уясненія, поощренія и осуществленія тѣхъ условій, которыя способствуютъ накопленію народнаго капитала*,—тѣхъ условій, во имя которыхъ въ сельскомъ населеніи упрочивается стремленіе устраивать свою жизнь сколько возможно комфортабельнѣе и въ то-же время накоплять скольвозможно болѣе сбереженій отъ своихъ прибылей, -- а не расточать все до послѣдней копѣйки. Извѣстный нашъ ученый политико-экономъ *Бабстъ* издалъ по этому предмету въ 1857 г. брошюру, смыслъ которой остается до настоящаго дня глубокопоучительнымъ.—Одно изъ самыхъ рельефныхъ указаній, на которое обращаетъ вниманіе Бабстъ, заключается въ томъ, что европейская и азіатская Турція есть страна, надѣленная столь щедро дарами природы, что должна бы быть земнымъ раемъ, но дурное правительство и достойныя самаго энергическаго порицанія экономическія условія сдѣлали изъ этой страны пріютъ нищеты, насилій и всяческихъ злоупотребленій. И дѣйствительно, какъ-бы ни были хороши природныя условія страны, какъ-бы щедро рука великаго Зодчаго ни надѣлила ее, но можетъ-ли процвѣтать земледѣліе и вообще народное хозяйство тамъ, гдѣ человѣкъ никогда

не можетъ быть увѣренъ въ неприкосновенности принадлежащей ему собственности и въ защитѣ отъ произвола и насилія? Давно-ли еще въ Болгаріи, въ Босніи и Герцеговинѣ видѣли мы подобный строй подъ гнетомъ турецкаго владычества? Не то-же ли самое происходитъ и теперь въ благословенныхъ по климату и въ то-же время нищенствующихъ областяхъ азіятской Турціи? Мѣстный органъ повсемѣстнаго, идущаго изъ центра блистательной Порты, деспотизма, соединяя въ одномъ своемъ, далеко не безпристрастномъ и не благонадежномъ лицѣ, всѣ функціи мѣсной администраціи и мѣстнаго правосудія,—творитъ судъ и расправу такъ, какъ Аллахъ, или dies nefast ему на душу положитъ;—а вся дрожащая тварь отдѣлывайся какъ знаешь... У кого-же, при такихъ условіяхъ можетъ проявиться хоть малѣйшая склонность *къ сбереженіямъ?* День мой—вѣкъ мой!—вотъ девизъ такого отверженнаго судьбою народа... „Горе тому народу", говоритъ г. Бабстъ, „который теряетъ всякое желаніе къ улучшенію своего экономическаго быта, всякую заботу о немъ; онъ теряетъ съ этимъ вмѣстѣ сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе честности. Напротивъ, сознаніе необходимости матеріальнаго улучшенія, желаніе довольства заключаетъ въ себѣ залогъ всего прекраснаго и благороднаго въ народѣ. Только человѣкъ, живущій въ довольствѣ, можетъ удѣлять свое время для интеллигентныхъ и нравственныхъ занятій. Матеріально-выгодно обставленные народы всегда почти бываютъ и нравственно, и политически развитѣе; чистота и опрятность—это необходимое условіе нравственнаго развитія, а ихъ встрѣчаемъ мы только у хозяйственно высокоразвитыхъ народовъ. Въ неразвитомъ хозяйствѣ безпечность и отсутствіе всякихъ болѣе утонченныхъ потребностей достигаетъ высшей степени. Когда первыя, необходимыя потребности жизни удовлетворены,—тогда никто и не думаетъ о трудѣ и считаетъ его даже позорнымъ и излишнимъ. Въ такіе періоды народнаго хозяйства нѣтъ смысла въ бережливости и нѣтъ стремле-

нія къ накопленію, потому что не признано еще великое значеніе капитала“ [1]).

Въ дѣлѣ упроченія въ народонаселеніи стремленія къ накопленію народнаго капитала, министръ земледѣлія долженъ имѣть въ виду: а) постоянное и твердое *представительство передъ верховной властью и передъ всѣми высшими вѣдомствами на пользу интересовъ сельскаго хозяйства* и б) развитіе и укрѣпленіе въ народѣ нравственности и любви къ труду *установленіемъ мѣръ къ уменьшенію числа нерабочихъ дней и разгула во время праздниковъ въ средѣ сельскаго населенія.* Приведу здѣсь по этому послѣднему предмету отзывъ *князя А. И. Васильчикова*,—о размѣрѣ ежегоднаго недочета нашей народной производительности, вслѣдствіе прогула въ нерабочіе дни. „Положительно утверждаемъ“, говоритъ князь Васильчиковъ, „что русскій противъ нѣмца (въ Россіи) работаетъ 50 дней въ году меньше. Въ домашнемъ быту русскій крестьянинъ празднуетъ гораздо больше дней: кромѣ того, по какому-то особенному стеченію обстоятельствъ, большая часть праздниковъ и прогульныхъ дней падаетъ на лѣтнюю пору, именно на то самое время года, когда стекаются самонужнѣйшія полевыя работы. Съ Петрова дня (въ сѣверной половинѣ Россіи), какъ извѣстно, открываются сѣнокосныя работы и съ этого дня до Покрова я считалъ четырнадцать праздничныхъ дней; прилагая къ нимъ двѣнадцать воскресеній, выходитъ, что изъ трехъ мѣсяцевъ празднуется 26 дней, и именно такіе дни, которые, по спѣшности полевыхъ работъ и недостатку рукъ, давали бы самые высокіе заработки крестьянамъ. Далѣе, — особый обрядъ чистоплотности — именно баня; для соблюденія очереди, народъ уже съ полудня по субботамъ уходитъ съ работы. Наконецъ, причисляя ко всѣмъ этимъ прогульнымъ днямъ еще именины и нѣсколько часовъ на опохмѣленіе послѣ праздничнаго

[1]) *О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ накопленію народнаго капитала.* Рѣчь *Бабста*. Изд. 1857 г. стр. 13 и 21.

разгула, мы принимаемъ, *по самому умѣренному счету*, что у русскаго рабочаго въ средней сложности теряется *50 рабочихъ дней въ годъ*. Мы оцѣниваемъ рабочій день мужской въ 30 коп., женскій—15 коп. и, помножая на число прогульныхъ дней—50, находимъ, что тягловой работникъ, т. е. мужикъ съ бабой, теряетъ на праздникахъ изъ годоваго своего заработка всего 22 руб. 50 коп. Помноживъ эти 22½ руб. на общее число рабочаго населенія въ Россіи,—около 15-ти милліоновъ муж. пола, приходимъ къ громадной цифрѣ *337½ милліоновъ рублей*. Цифра эта выражаетъ нашъ хозяйственный дифицитъ,—ежегодный недочетъ нашей паровой производительности" [1]). Я привелъ это мнѣніе князя Васильчикова, какъ лица, пользовавшагося авторитетомъ въ сельско-хозяйственной средѣ нашихъ высшихъ сферъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Въ сущности же, какъ пріемъ князя Васильчикова, такъ и сдѣланный имъ выводъ, въ этомъ вопросѣ, отзывается значительнымъ преувеличеніемъ, часто столь свойственнымъ *новымъ* людямъ въ *новомъ* для нихъ дѣлѣ. Это однако нисколько не уменьшаетъ первостепенной важности самаго вопроса. Дѣло въ томъ, что воскресные дни и праздники, имѣющіе для насъ *догматическое* значеніе, не должны ни въ какомъ случаѣ быть принимаемы въ соображеніе *какъ рабочіе дни*. Для устраненія воскресныхъ и праздничныхъ дней пришлось бы сокрушить весь объемъ религіознаго представленія всего народа и потребовался бы для этого авторитетъ не князя Васильчикова, а вселенскаго собора. Значитъ,—не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи *воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ нерабочихъ*. Но если даже отбросить воскресные и праздничные (*двунадесятые*) дни, которые *установлено праздновать*,—если отбросить именины и прогулъ на баню,—что связано съ бытовыми традиціями народа,—и ограничиться половиною цифры кн. Васильчикова,—то и тогда полу-

[1]) *Протоколы засѣданій С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ* въ 1864 г. №№ 12 и 14.

чится $168^{3}/_{4}$ *милліона руб.* По моему-же исчисленію, вслѣдствіе не праздниковъ, но прогула въ разные *нерабочіе подъ предлогомъ праздниковъ дни* (какъ наприм., тѣ праздники, въ которые по уставу Церкви допускается работа, храмовые—*по нѣсколько дней подрядъ*—праздники, разные вымышленные суевѣріемъ *Паликопы*, *Пятницы*, *Мавкины велык-дни* и пр.),—рабочее населеніе Россіи теряетъ заработковъ на сумму *до 100 милл. руб. въ годъ*. Если-бы возможно было эти сто милліоновъ употреблять ежегодно на улучшеніе сельскаго хозяйства въ Россіи,—какого-бы оно высокаго процвѣтанія достигло въ короткое время!... Но если населеніе, вслѣдствіе праздниковъ, теряетъ до ста милліоновъ рублей ежегодно на своихъ заработкахъ, то, безъ сомнѣнія, столько-же, если не гораздо болѣе, теряетъ оно непроизводительно на разгулъ во время этихъ праздниковъ.

За симъ, упомянувъ какъ о предметѣ первостепенной важности и доселѣ еще не осуществленномъ, *о крайней необходимости начертанія и введенія въ дѣйствіе у насъ сельскаго устава*,—этого краеугольнаго камня мѣстной полиціи и обращая вниманіе на другіе предметы дѣятельности предстоящей у насъ министерству земледѣлія,—я позволю себѣ просто ихъ поименовать, не разъясняя подробно, потому что по инымъ изъ нихъ уже усматриваются, въ нѣкоторой степени, правительственныя мѣропріятія, другіе-же сами по себѣ достаточно общеизвѣстны. Предметы эти суть:

4) *Организація лѣснаго хозяйства* въ видахъ прекращеній лѣсоистребленій, имѣющихъ роковое вліяніе для земледѣлія въ большей части Россіи, черезъ страшное ухудшеніе климата, выражающееся засухами и безснѣжными зимами... Сюда-же слѣдуетъ отнести и такія мѣры, какъ напримѣръ, *устраненіе сервитутовъ*, въ силу которыхъ крестьяне выпасываютъ свой скотъ въ лѣсахъ...

5) Изысканіе средствъ и способовъ для введенія дренажа.

6) Организація винокуренія,—дѣло, которымъ уже озабочено правительство въ настоящее время.

7) Мѣры противу скотскихъ падежей.

8) Изысканіе и установленіе способовъ къ производительному и полезному для сельскаго хозяйства употребленію времени въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ которыхъ населеніе въ этотъ періодъ времени занятій не имѣетъ.

9) Соображеніе о способахъ введенія общественныхъ запашекъ, какъ одной изъ мѣръ предупреждающихъ бѣдствія голода и проч.

Повторяю, что отмѣтивъ здѣсь нѣсколько вопросовъ, которые могутъ быть предметами заботливости министерства земледѣлія, я отнюдь не имѣю въ виду опредѣлить этимъ весь кругъ его дѣятельности. Жизнь, практика и время не замедлятъ, конечно, указать и другіе, не менѣе важные предметы и потому теперь было-бы преждевременнымъ, усиливаться начертать полную программу задачъ, предлежащихъ министерству земледѣлія.

II.

Организація министерства.

Предварительно разсужденія объ организаціи собственно министерства земледѣлія, какъ центральнаго учрежденія, является не менѣе, если еще не болѣе, важный вопросъ: *какая среда, или какой органъ долженъ явиться у насъ посредствующимъ звеномъ, проводникомъ для взаимныхъ отношеній между дѣятельностью министерства земледѣлія и всѣми классами населенія, въ дѣлѣ общей сельскохозяйственной организаціи?*

Нѣкоторые утверждаютъ, что такимъ звеномъ должно быть *земство*.

Поводомъ къ этому предположенію могло послужить то, что по буквѣ закона, земскія учрежденія образованы „для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда“ (Положеніе, — ст. 1).

Далѣе, къ вѣдѣнію этихъ-же учрежденій отнесены такія дѣла, какъ „мѣры обезпеченія народнаго продовольствія“ (тамъ-же, п. III), „попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности“ (тамъ-же, п. VI), „содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ“ (тамъ-же п. VIII) и, наконецъ, „представленіе чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи и уѣзда и ходатайство по симъ предметамъ“ (тамъ-же, п. XII).

Если-бы земство прониклось, или, лучше сказать, если-бы оно могло проникнуться этимъ призваніемъ, а особенно правомъ ходатайства предъ высшимъ правительствомъ о мѣстныхъ *хозяйственныхъ* пользахъ и нуждахъ, то возможно-ли хотя малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что со времени введенія у насъ земскихъ учрежденій въ 1864 г., въ такой значительный періодъ времени, сельское хозяйство наше достигло-бы значительно большаго благосостоянія въ общемъ своемъ объемѣ? А между тѣмъ, кто-же настолько наивенъ, что увидѣлъ-бы поднятіе общаго уровня сельскаго хозяйства тамъ, гдѣ и въ настоящій моментъ существуютъ, въ числѣ весьма многихъ золъ, такіе факты, какъ истребленіе скота чумой, совершенный упадокъ винокуренія, уничтоженіе хлѣбовъ зловредными насѣкомыми, непомѣрное обложеніе земли налогами, ухудшеніе климата вслѣдствіе лѣсоистребленій и проч.? И кто-же настолько свѣдущъ, чтобы могъ вспомнить о какихъ либо серьезныхъ ходатайствахъ какого либо нашего земства предъ высшимъ правительствомъ на пользу нашего сельскаго хозяйства?

Гдѣ-же причины такого равнодушнаго, чтобы не сказать болѣе, отношенія земства къ сельскому хозяйству?

Я полагаю, что причины эти въ слѣдующемъ:

1) Во время самаго введенія земскихъ учрежденій, у насъ, какъ и теперь, не существовало министерства земледѣлія и потому тѣ стороны дѣла, которыя надле-

житъ вѣдать *спеціальному* сельскохозяйственному вѣдомству и въ которыхъ *оно одно компетентно*, ввѣрили земству. Нисколько не удивительно, что земство устремилось на ту дѣятельность, которая болѣе ему свойственна и подходяща, по самому духу учрежденія и по характеру нашихъ современныхъ соціальныхъ и внутренно-политическихъ обстоятельствъ,—и что оно, оставивъ въ сторонѣ насущные интересы сельскаго хозяйства, доказало долговременной практикой, что употребленный законодателемъ, въ примѣненіи къ земскимъ учрежденіямъ, терминъ: „мѣстныя хозяйственныя пользы и нужды“ имѣетъ свое особенное значеніе и что *земское хозяйство* и *сельское хозяйство* суть двѣ вещи не только различныя, но даже нерѣдко и несовмѣстныя, въ виду того направленія, къ которому, во многихъ отношеніяхъ, земство обнаружило наклонность. Поэтому, не вдаваясь въ безполезную полемику,—терминъ *хозяйство*, по отношенію къ земству, надлежитъ понимать такъ, какъ употребляетъ его авторъ сочиненія „*О самоуправленіи*“—*князь А. Васильчиковъ*, говоря, что „земское хозяйственное управленіе есть порядокъ составленія смѣтъ, — раскладокъ и расходованія земскихъ и общественныхъ сборовъ“ [1]).

2) Несовмѣстное съ интересами сельскаго хозяйства направленіе земства заключается: а) въ томъ духѣ крайняго пристрастія къ демократизаціи поземельной собственности, которая, при нашихъ существенныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ, можетъ потрясти наше сельское хозяйство въ самомъ основаніи и б) въ томъ типѣ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, который сложился силою общаго нашего настроенія такъ, что въ дѣятельности собраній сельско-хозяйственные интересы отступаютъ на задній планъ передъ интересами соціальнаго свойства; а съ другой стороны,—губернскія и уѣздныя земскія управы, все болѣе и болѣе господствуя надъ собраніемъ, извращаютъ нерѣдко и самое

---

[1]) „*О самоуправленіи*“, кн. А. Васильчикова, т. I, стр. 1.

назначеніе учрежденія, превращая его въ арену значительныхъ денежныхъ окладовъ или заманчиваго карьеризма.

3) Наконецъ, по самому смыслу земскихъ учрежденій, въ составъ ихъ входятъ духовенство и городскіе обыватели, для которыхъ сельское хозяйство есть дѣло совершенно постороннее; а съ другой стороны, земскія учрежденія существуютъ для каждой губерніи отдѣльно, тогда какъ сельское хозяйство не можетъ ограничиться этими административными дѣленіями и нуждается въ періодическихъ съѣздахъ, захватывающихъ интересы нѣсколькихъ губерній, а, иногда,—и всей имперіи.

Обращаясь, за симъ, собственно къ вопросу объ организаціи министерства земледѣлія, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это — вопросъ, опредѣленнаго и всесторонняго рѣшенія, котораго невозможно ни требовать, ни ожидать *отъ частнаго лица* и даже, *отъ частнаго лица общества*, которымъ не могутъ быть вполнѣ извѣстны всѣ средства, находящіяся въ распоряженіи правительства. Да и не въ этомъ для насъ главное условіе. Для насъ важнѣе всего, чтобы и правительство, и общество равно получили бы твердое убѣжденіе въ томъ, что учредить министерство земледѣлія *необходимо*; а затѣмъ, разсужденіе о томъ, какъ именно это министерство должно быть организовано, есть вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно *только совокупными усиліями правительства и общества*. Тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ высказать здѣсь, не въ видѣ предрѣшенія, а только для соображенія, нѣкоторыя общія мысли, которыя могли-бы быть приняты во вниманіе, не безъ пользы, при окончательномъ обсужденіи дѣла.

1) Если крайняя необходимость и неоспоримая польза учрежденія министерства земледѣлія будетъ признана, то не слѣдуетъ прибѣгать ко всевозможнымъ натяжкамъ для того, чтобы учрежденіе этого министерства обошлось государству почти безъ малѣйшихъ издержекъ. Русская пословица говоритъ: „дешево, да гнило“. ***Крайняя*** раз-

счетливость, въ этомъ случаѣ, можетъ отразиться только самыми вредными для всего государства послѣдствіями; а достаточно обезпеченная и прочная организація министерства земледѣлія и его вѣдомства, способствуя поднятію общаго уровня сельско-хозяйственной производительности, не замедлитъ воздать съ лихвой за издержки на самое учрежденіе. Съ другой стороны, не будучи даже вполнѣ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ, можно съ нѣкоторою увѣренностію предсказать, что учрежденіе министерства земледѣлія и провинціальныхъ его органовъ не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, составить новое какое-либо *тяжкое* денежное обремененіе для государства сравнительно съ стоимостью другихъ учрежденій потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ прійдется непремѣнно уничтожить или сократить тѣ части другихъ министерствъ, функціи дѣятельности которыхъ отойдутъ къ министерству земледѣлія, какъ напримѣръ, департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, а равно и лѣсной департаментъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, винокуренная и питейная часть въ министерствѣ финансовъ, ветеринарная часть и нѣкоторыя части земскаго отдѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и проч.

2) Земство, какъ уже доказано выше, не можетъ быть посредствующимъ звеномъ между министерствомъ земледѣлія и всей областью сельскаго хозяйства въ Россіи. Во всякомъ же случаѣ, какъ этотъ посредствующій органъ, такъ равно и вся организація по этому дѣлу, должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы сельское хозяйство и вообще землевладѣльцы, къ какому-бы сословію и къ какому-бы классу общества они не принадлежали, не чувствовали бы надъ собой, въ своей *частной* сельско-хозяйственной дѣятельности, *ни малѣйшаго бюрократическаго давленія*, *ни малѣйшей оффиціальной опеки*. Съ другой-же стороны, нельзя предположить чтобы въ новомъ министерствѣ земледѣлія могли быть *посредствующими агентами* какіе-либо частные отдѣльно взятые землевладѣльцы, или при-

славные со стороны администраціей агрономы (*какъ это предлагалъ г. Шараповъ*), потому что это долженъ быть, въ глазахъ всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія, такой авторитетный органъ, который былъ-бы *достаточно компетентнымъ*, чтобы проводить въ высшія правительственныя сферы мѣстныя потребности населенія въ отношеніи къ сельскому хозяйству,—*достаточно состоятельнымъ*, чтобы быть справочнымъ и передаточнымъ пунктомъ для довольно обширной территоріи и *достаточно самостоятельнымъ и солиднымъ*,—чтобы имѣть авторитетъ въ глазахъ всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія. Здѣсь невозможно распорядиться какъ нибудь домашнимъ, халатнымъ образомъ. Въ виду этого, не было-ли бы цѣлесообразнѣе обратить вниманіе на тѣ, такъ сказать *готовые, общественно-оффиціальные элементы*, которые искони были причастны и вполнѣ полезны для нашей общественной жизни? Считаютъ-же правильнымъ пріурочивать нашихъ *уѣздныхъ предводителей дворянства* къ такимъ дѣламъ, какъ народное просвѣщеніе, рекрутскій наборъ, тюремная часть, статистика и проч. Почему-же всѣ эти части должно признавать болѣе свойственными дѣятельности уѣзднаго предводителя, чѣмъ *мѣстная* организація сельскаго хозяйства? Подъ предсѣдательствомъ *каждаго* уѣзднаго предводителя дворянства возможно было-бы легко образовать *сельско-хозяйственный комитетъ*, который собирался-бы *хотя разъ въ мѣсяцъ* и состоялъ-бы изъ *трехъ выборныхъ членовъ*, т. е. по одному изъ крупной, средней и мелкой поземельной собственности и изъ президента, или, въ случаѣ его отсутствія, изъ депутата мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества, или съѣзда, если таковые имѣются... Тогда, одно какое-либо лицо въ губерніи и, лучше всего, *губернскій предводитель дворянства*, опираясь на дѣятельность комитетовъ при уѣздныхъ предводителяхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, могъ-бы быть *наилучшей связью* въ дѣлѣ сельскаго хозяйства *между провинціей и министерствомъ земледѣлія*, которое могло-бы имѣть въ своемъ распо-

ряженіи также нѣсколько особыхъ для разныхъ полосъ имперіи инспекторовъ сельскаго хозяйства.

Все это есть не болѣе какъ общее предположеніе, которое можно-бы развить болѣе систематически и подробно, еслибы встрѣтилась къ тому надобность.

Въ заключеніе, считаю себя обязаннымъ высказать главную, основную и такъ сказать — *принципіальную* мысль.

Дѣло прочной и мудрой организаціи сельскаго хозяйства въ Россіи есть такое, которое одинаково важно для всѣхъ сословій и для всѣхъ размѣровъ землевладѣнія. Поэтому правительственная дѣятельность въ этомъ отношеніи должна быть *строго безпристрастна*. Въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, правительство легко можетъ фактически доказать, что для него *совершенно одинаково дороги интересы всѣхъ и каждаго*. Какая незыблемая точка опоры для всенароднаго, непоколебимаго довѣрія къ правительству! Въ этомъ отношеніи, *великой*, непростительной и неисправимой политической и политико-экономической *ошибкой было-бы предполагать, что въ Россіи должна быть введена, или поощряема, полная демократизація поземельной собственности*, также точно, какъ считать Россію, по ея природнымъ, соціальнымъ и историческимъ условіямъ, за страну *вполнѣ* демократическую. Крупная, средняя и мелкая поземельная собственность должны быть поставлены въ ней, въ совершенно соотвѣтственное ихъ условіямъ, гармоническое и *безпристрастное равновѣсіе* и въ этомъ—ея спасеніе въ настоящемъ и лучшій залогъ всякаго преуспѣянія въ будущемъ.

1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА II.

	стр.
Примѣчанія къ трагедіи Сен-Марсъ, характеристики и замѣтки.	I
Сен-Марсъ трагедія.	1
Стенька Разинъ—(недоконченная трагедія)	255
Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно	320
Краткое обозрѣніе журналистики за 1862 годъ.	427
По поводу нѣсколькихъ словъ г. Самарина объ историческихъ трудахъ Б. Н. Чичерина.	511
Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы	527
О женскомъ вопросѣ	535
Записка о дворянствѣ	542
Министерство Земледѣлія	551

Конецъ второго тома.

Stanford University Libraries
3 6105 015 015 170

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305